3 1761 08106861 1

Бюллетени литературы и жизни.

g. 4, no. 14-17

Title transliterated:
Biûlleteni literatury i zhizni

AP
50
B5-4
S. 4
NO.14-17

Отъ редакціи: Въ виду праздниковъ Пасхи, слѣдующій № „Бюллетеней“ выйдетъ двойнымъ 25-го апрѣля.

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 14. Мартъ. **1913.**

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Человѣчество въ роли руководителя вселенной 631
2. Судьба русскаго нео-христіанства. 635
3. Чеховъ въ своихъ письмахъ. („Mania Sachalinosa“. Мысли по разнымъ вопросамъ. О Л. Н. Толстомъ. О себѣ. Чеховскіе мазки и блики) ... 638
4. Пѣвецъ „иной красы, иного бытія“. (Памяти гр. А. А. Голенищева-Кутузова) 643
5. Г. Плехановъ въ защиту романа В. Ропшина..... 646
6. Демократія, какъ основа свободнаго научнаго творчества..... 649
7. Оправданіе тоскующей души.... 653
8. Въ изгнаніи весь міръ — тюрьма. (Къ развалу въ эмигрантской средѣ). 655
9. Смыслъ жизни въ сужденіяхъ учащейся молодежи. (По даннымъ общестуденческой анкеты 1912 г.). 661
10. Сущность женскаго вопроса..... 668
11. Послѣднее слово машинизма.... 670

Отзывы о книгахъ. — Новыя книги. — Содержаніе журналовъ. — Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Москва, Б. Никитская, д. 10, кн. маг. „Наука“. Тел. 254-99. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

сколькихъ милліоновъ лѣтъ органической жизни. Назначеніе ея заключается въ томъ, чтобы войти въ сношенія съ другими мыслящими существами, чтобы властвовать надъ солнечной системой, надъ скопленіями солнцъ и, наконецъ, надъ находящимся теперь въ процессѣ развитія новымъ млечнымъ путемъ.

Въ побѣдоносномъ шествіи по пути развитія человѣку удалось расширить свою личность далеко за предѣлы своего тѣла. Если подъ „личностью“ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова мы разумѣемъ всѣ матеріальные предметы, надъ которыми господствуетъ индивидуумъ, мы должны включить въ этотъ терминъ его платье, его собственность и всю сферу его вліянія. Индивидуумы чрезвычайно разнообразны по обхвату ихъ „личности“ въ широкомъ смыслѣ слова — гораздо больше, чѣмъ по своей физической организаціи. Но всякое общество имѣетъ также свою „личность“.

Общество управляетъ „личностями“ своихъ индивидуумовъ въ такой же степени, въ какой оно вліяетъ на ихъ умы,— по крайней мѣрѣ въ среднемъ выводѣ за долгое время. Общество есть индивидуумъ высшаго порядка, съ сознаніемъ, складывающимся надъ общимъ сознаніемъ составляющихъ общество индивидуумовъ; общество есть также „личность“ съ силой и властью, полученными отъ совокупности его членовъ.

Нація есть индивидуальность еще болѣе высокаго порядка, управляющая не только духовной и физической жизнью обширнаго числа человѣческихъ существъ, но и соотвѣтственной по величинѣ территоріей. Націи, подобно толпѣ, имѣютъ свою психологію. Онѣ рождаются, живутъ и умираютъ. Онѣ имѣютъ страсти, стремленія, болѣзни, а иногда великодушные порывы.

Въ одномъ смыслѣ человѣческая личность уже простирается до предѣловъ видимаго міра. Ей предназначено это въ гораздо болѣе практическомъ смыслѣ. Человѣкъ властвуетъ надъ землей. Она измѣняетъ для него свой видъ. Другія существа на землѣ процвѣтаютъ или исчезаютъ по его прихоти. Скоро онъ будетъ властвовать надъ болѣе могучими элементами — моремъ, вѣтромъ и солнечной теплотой.

Постепенно земля станетъ также обнаруживать признаки непригодности для обитанія на ней. Человѣкъ снова поправитъ это и передвинетъ ее ближе къ солнцу или дальше отъ него. Можетъ быть, онъ откроетъ, что Юпитеръ представляетъ большую привлекательность для колонистовъ или же войдетъ въ какое-нибудь соглашеніе съ обитателями Юпитера, если тамъ имѣются таковые, относительно будущаго сотрудничества. Достаточно достовѣрно то, что ничто не можетъ помѣшать завоевательному шествію человѣческаго ума, кромѣ другого такого же разума. Или человѣкъ натолкнется на цивилизацію, сходную съ его собственной, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ онъ послѣ попытки рѣшить вопросъ борьбой, можетъ быть, вступитъ въ союзъ съ этой другой расой. Во второмъ случаѣ онъ передѣлаетъ все по своему желанію. Онъ будетъ управлять солнцемъ посредствомъ выключателя, какъ электрической лампой. Его физическія дѣйствія будутъ сопряжены съ минимумомъ траты энергіи; но они будутъ пускать въ ходъ и руководить всѣми страшными силами вселенной. При переходѣ къ болѣе широкимъ завоеваніямъ человѣкъ опирается просто на скрывающееся внутри него всемогущество. Онъ не одинокъ ни въ матеріальномъ, ни въ духовномъ мірѣ. Онъ имѣетъ безконечные рессурсы въ обоихъ. Его физическій организмъ спеціально приспособленъ для завоеванія земли. Когда онъ перейдетъ къ болѣе широкимъ сферамъ, его организмъ можетъ измѣниться: но это измѣненіе,— мы можемъ сказать напередъ,— не будетъ такъ велико, какъ перемѣна въ его мощи. Человѣческія силы расширились за послѣднія столѣтія чрезвычайно непропорціонально всѣмъ измѣненіямъ въ человѣческомъ тѣлѣ. При переходѣ къ управленію солнечной системой человѣкъ можетъ развить или скорѣе возстановить способности, находящіяся теперь только въ зачаточной формѣ. Покоривъ себѣ природу, человѣкъ потерялъ много духовныхъ способностей, которыми когда-то обладали его предки. Ясновидѣніе и телепатія были нѣкогда почти общераспространенными свойствами. Они были намѣренно атрофированы для того, чтобы приспособить человѣка къ завоеванію природы. Человѣческій духъ нуждается не только въ утонченныхъ чувствахъ и воспріятіяхъ, но и въ нѣкоторомъ ослѣпленіи и нечувствительности. Нѣкоторые виды чувствительности какъ бы обросли корой. Человѣкъ сталъ скорлупнякомъ по отношенію къ нѣкоторымъ своимъ способностямъ. Онѣ сдѣлались „скрытыми“. Если онѣ когда-нибудь понадобятся, онѣ снова выступятъ наружу. Уже теперь онѣ начинаютъ проявлять себя.

Когда дѣятельность должна растянуться на геологическіе періоды вмѣсто одного поколѣнія, то человѣкъ для того, чтобы справиться съ нею, или долженъ будетъ продлить свою жизнь, или же онъ найдетъ новый способъ безпрерывнаго регистрированія своего опыта. Обѣ эти цѣли будутъ, возможно, достигнуты посредствомъ утонченія той завѣсы, которая отдѣ-

ляетъ живого человѣка отъ накопленнаго интеллекта его предковъ, милліонами вливающихся ежегодно въ безвѣстную область бытія, съ которой человѣческая раса, по основательнымъ соображеніямъ, порвала почти всякую сознательную связь.

Въ результатѣ, во всякомъ случаѣ, будетъ то, что солнечная система станетъ *сознательной*. Она будетъ управлять своей собственной судьбой и выбирать между различными видами энергіи по вселенной тѣ, которые наиболѣе пригодны для сохраненія непрерывности ея эволюціи.

Можетъ ли быть выполнено еще что-нибудь за то время, которымъ мы располагаемъ, за тысячу милліоновъ лѣтъ? Не будетъ преувеличеніемъ допустить, что съ расширеніемъ базиса расширится и масштабъ дѣятельности. Когда планеты будутъ двигаться „какъ одинъ человѣкъ“, когда солнечная система будетъ одушевлена жизнью, тогда она разовьетъ новыя способности. Рожденная въ скопленіи солнцъ, она постарается приспособиться къ своей средѣ, а затѣмъ приспособить эту среду къ себѣ. Посторонній зритель могъ бы безуспѣшно искать сѣдалища солнечной „души“, какъ онъ ищетъ теперь человѣческой души въ клѣточкахъ мозга. Онъ замѣтилъ бы нѣкоторые виды дѣятельности и приспособленія, и если бы они походили на его собственные, онъ могъ бы признать въ нихъ жизнь или даже сознаніе. Онъ могъ бы замѣтить ростъ одной системы въ цѣлое скопленіе системъ или распаденіе нѣсколькихъ системъ для образованія системы высшаго разряда. Наше воображеніе почти оставляетъ насъ на этомъ мѣстѣ, пока мы не приходимъ къ границамъ млечнаго пути, и вотъ мы здѣсь снова имѣемъ живое существо, подобное амебѣ подъ покровнымъ стеклышкомъ, которая такъ же полна чудесъ, какъ и живой млечный путь, и наполнена безконечно бо́льшими возможностями, чѣмъ мертвый млечный путь. Но въ обширномъ процессѣ, здѣсь обрисованномъ, который потребовалъ для своего выполненія тысячу милліоновъ лѣтъ, живое существо родилось на супра-свѣтъ для жизни, сходной съ жизнью нашихъ земныхъ организмовъ, продолжающейся практически безконечное время и усчитывающей свои секунды вращеніемъ млечныхъ путей. Его долгая эволюція —„Завоеваніе супра-міра“ — будетъ считаться лишь незначительною долею секунды, простымъ ничто. Согласно его собственному разумѣнію оно родилось впервые въ опредѣленную, рѣзко ограниченную эпоху, безъ всякаго намека на его предсуществованіе. Оно вступитъ въ свою дѣятельную жизнь въ супра-мірѣ, сознавая всепоглощающее настоящее и позабывъ о тѣхъ эпохахъ, въ теченіе которыхъ оно медленно и безостановочно развивалось для высшей жизни изъ кипучей жизни человѣческой расы.

А супра-человѣкъ, изучая ничтожный плѣненный имъ млечный путь подъ своимъ микроскопомъ, будетъ допытываться, обладаетъ ли этотъ крошечный комочекъ какимъ-нибудь интеллектомъ или сознаніемъ, или же это только „матерія и движеніе“ съ твердыми круглыми атомами, безпрерывно сталкивающимися между собой и случайно фосфоресцирующими „мыслью“.

Одно время любимой идеей біологовъ была та, что всѣ жизненныя явленія могутъ быть окончательно сведены къ распредѣленію и движенію атомовъ. Съ почти натетической вѣрой, страннымъ образомъ сочетавшейся съ ихъ хваленымъ скептицизмомъ, они въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній цѣпко держались за эту догму. Химикъ, этотъ наиболѣе практичный изъ людей науки, предпочель обращаться съ явленіями, какъ они представлялись его чувствамъ и насколько они поддавались изученію съ помощью вѣсовъ, бюретки и термометра. Физикъ, работающій на самыхъ границахъ науки, всегда соприкасающійся съ послѣдними основами и окруженный непостижимымъ, превратился почти въ мистика. Онъ разрушилъ атомъ и теперь старается свести матерію къ какому-то непонятному вихревому движенію въ непостижимомъ эопрѣ. Онъ находится на ложномъ пути. „Этотъ путь ведетъ къ безумію“. Искать послѣднюю частицу или непрерывную жидкость съ опредѣленной плотностью или упругостью, все это просто потеря времени. Мы никогда не можемъ притти къ чему-нибудь окончательному, уменьшая нашу единицу до небольшихъ размѣровъ. Всегда найдется нѣчто въ милліонъ разъ меньшее, безконечно меньшее. Почему же, въ такомъ случаѣ, не взять быка за рога и не признать, что размѣры только относительны, что наши способности ограничены и что, какъ бы мы не расширяли ихъ область вверхъ или внизъ, предъ нами будутъ стоять все тѣ же задачи? Не будемъ же хоронить этихъ задачъ въ вопросѣ о безконечно-маломъ, устранивъ ихъ изъ нашего кругозора. Никакое матеріальное истолкованіе вселенной никогда ничего не объяснитъ. Элементарная частица, элементарное положеніе или движеніе — все это будетъ величайшей изъ всѣхъ загадокъ. Дѣйствительнаго прогресса надо искать въ совершенно иномъ направленіи.

Въ поискахъ окончательной истины мы

должны пустить въ ходъ наши высшія интеллектуальныя способности. Намъ приходится изслѣдовать тѣ „законы познанія“, которые управляютъ пріобрѣтеніемъ знаній вообще. Намъ слѣдуетъ сосредоточиться въ нашемъ высшемъ „я“ и наблюдать наши обыкновенныя способности за работой. И, поступая такимъ образомъ, мы постепенно и неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что мысль это все, а матерія есть только выраженіе всемірной мысли. Столъ, домъ, машина есть воплощеніе какой-нибудь человѣческой мысли. Камень есть воплощеніе какой-то мысли, недоступной намъ въ настоящее время, какой-то воли, сейчасъ непостижимой. Матерія означаетъ существованіе — жизнь, независимую отъ насъ, но при извѣстныхъ условіяхъ подчиненную нашей волѣ, такъ же, какъ бываютъ подчинены до нѣкоторой степени люди. Движеніе означаетъ измѣненіе или опытъ. Инерція означаетъ привычку. Вопросъ, можетъ быть, имѣетъ значеніе всеобъемлющей, всесвязующей высшей всемірной души. Лучеиспусканіе означаетъ, возможно, сношенія мыслей меньшаго масштаба.

Здѣсь мы вступаемъ въ ту дѣвственную область, гдѣ, я думаю, будетъ процвѣтать наука будущаго. При вступленіи въ эту область открывается новая перспектива, безконечно болѣе величественная, чѣмъ звѣздная рать, видимая человѣческимъ очамъ. Мы дышимъ болѣе высокимъ и чистымъ воздухомъ свободы, безконечной жизни, мощи и величія, свободные отъ оковъ нашего земного существованія. Многіе изъ сыновъ человѣческихъ во всѣ вѣка улавливали проблески такого высшаго существованія. Оно открыто для всѣхъ насъ и, я вѣрю, предназначено всѣмъ. Но возможность его и надежда на него не должны насъ преждевременно отвлекать отъ настоящей фазы. Подобно посвященнымъ въ шахматную игру или футболъ, мы выходимъ на арену и соглашаемся на время подчиниться болѣе или менѣе нелѣпымъ стѣсненіямъ. Мы „ведемъ игру“. И эта игра велась всегда и будетъ всегда вестись. Это необходимая дисциплина и благородное воспитаніе.

На время мы помѣщены въ какой-нибудь точкѣ въ цѣпи матеріальныхъ вселенныхъ, безконечная цѣпь которыхъ, странно сказать, въ одно и то же время можетъ занимать одно и то же пространство. Мы посажены на кору планеты. Это странная форма существованія, но другой мы не знаемъ. Наши способности могутъ смутно представить себѣ соотвѣтствующее существованіе въ ближайшемъ низшемъ порядкѣ планетныхъ или звѣздныхъ единицъ, на электронахъ или атомахъ. Но соотвѣтствующей возможности по бо́льшему масштабу удается достигнуть лишь, когда мы доходимъ до супразвѣзды, звѣздной единицы супра-міра. Наши способности могутъ воспріять при крайнемъ напряженіи всего только три звена этой цѣпи и только одно изъ нихъ довольно полно. Но этого достаточно. Это дастъ полное „поперечное сѣченіе“ матеріальной вселенной. Послѣ того, какъ мы вполнѣ изучимъ это поперечное сѣченіе, мы можемъ перейти къ другимъ типамъ вселенныхъ, въ настоящее время для насъ не существующихъ и болѣе или менѣе невещественныхъ.

Въ одномъ, во всякомъ случаѣ, мы можемъ быть увѣрены: не существуетъ вселенной, которая была бы совершенно всѣ связи съ нашей собственной. Мы знаемъ, что результатъ самаго незначительнаго нашего дѣйствія съ грохотомъ проходитъ чрезъ вѣка; что ничто никогда не изглаживается; что все ведетъ за собой безконечныя и вѣчныя послѣдствія. И если что-нибудь оставляетъ вѣчный знакъ на матеріальной вселенной, то оно также отзывается и на невидимыхъ вселенныхъ. Это соображеніе можетъ дать новую привлекательность нашей теперешней формѣ существованія. Проникнуть въ самые потаенные уголки природы, преобразовать силы природы по нашему желанію, сдѣлать жизнь счастливой и славной для насъ самихъ и для нашего рода, добиться господства надъ болѣзнью и смертью, завоевать и властвовать надъ вселенной, опираясь на безконечную мощь внутри насъ, такова наша задача здѣсь и теперь.

Эта задача все болѣе и болѣе сознательно усваивается человѣческой расой, которая отъ начала своего происхожденія насчитываетъ около биліона индивидуумовъ. Совокупная жизнь этихъ индивидуумовъ охватываетъ обширное разнообразіе опытовъ и условій и запись этихъ опытовъ сохраняется въ нашихъ собственныхъ физическихъ организмахъ и въ другихъ болѣе или менѣе прочныхъ памятникахъ. Человѣческая раса взбунтовалась противъ твердынь природы и силой захватила ихъ одну за другой. Война была отмѣчена кровью и слезами. Но въ новомъ поколѣніи раны залѣчиваются, слезы высыхаютъ и борьба возобновляется. Изъ каждаго послѣдовательнаго столкновенія человѣкъ выходитъ сильнѣе, здоровѣе, лучше, болѣе увѣреннымъ въ конечной побѣдѣ, болѣе подготовленнымъ пожать плоды ея. Индивидуумъ страдаетъ и умираетъ милліонами, но его бѣдствіе есть только капля въ океанѣ его счастья. Его мука никогда не безпредѣльна. Какъ и всѣ тѣлесныя ощущенія, она имѣетъ свой максимумъ, выше котораго

никакая сила не можетъ увеличить ее. Сама смерть полна мира, безболѣзненна, свободна отъ всякаго страха. Страхъ уходитъ, когда онъ становится безполезнымъ, какъ стимулъ дѣятельности. Барьеры человѣческаго міра падаютъ. „Игра“ сыграна до конца. Еще разъ индивидуумъ уносится въ тотъ центръ чувствующей жизни, гдѣ всѣ души составляютъ одно съ великой Міровой Душой. Какова можетъ быть его будущая судьба, намъ теперь нѣтъ надобности изслѣдовать. Если бы когда-либо стало необходимымъ приступить и произвести такое изслѣдованіе, мы можемъ быть увѣрены, что полное знакомство съ законами нашей нынѣшней видимой вселенной явится лучшей подготовкой для него. А эти законы мы будемъ примѣнять съ бо́льшей увѣренностью, зная, что ихъ достаточно для истолкованія не только нашей собственной вселенной, но и двухъ другихъ міровъ, еле-еле различаемыхъ на горизонтѣ нашихъ теперешнихъ способностей.

Судьбы русскаго нео-христіанства.

Въ февральской книжкѣ „Завѣтовъ“ появилась статья Иванова-Разумника, посвященная современнымъ судьбамъ русскаго нео-христіанства вообще и двухъ его „кораблей“, т.-е. петербургскаго и московскаго религіозно-философскихъ обществъ, въ частности. Казалось бы, статья должна быть „жизненной“, такъ какъ тема ея, это—„общая работа на почвѣ религіозныхъ исканій нашего духа“, а между тѣмъ, это—почти некрологъ но еще живомъ, но уже изсохшемъ и безплодномъ общественномъ теченіи, гдѣ вмѣсто „духа жизни“ и „жизни духа“ мы встрѣчаемъ, какъ указываетъ самое заглавіе статьи г. Иванова-Разумника, только „клопиныя шкурки“.

„Кто странствовалъ по глухой проселочной Россіи, ночевалъ въ земскихъ избахъ или въ грязныхъ номерахъ заходустныхъ гостиницъ, тотъ знаетъ, что такое „клопиныя шкурки“. Изголодавшіеся, высохшіе, сухіе клопы, отъ которыхъ только одно спасеніе — встать, одѣться и терпѣливо ждать разсвѣта, или уйти на вольную волю, на свѣжій воздухъ.

— Я очень извиняюсь заранѣе, ибо никого не хочу обидѣть или оскорбить такимъ уподобленіемъ, — говоритъ Ивановъ-Разумникъ. — Но что же мнѣ дѣлать, если эти мои литературныя и житейскія воспоминанія упорно возвращаются ко мнѣ каждый разъ, когда я сижу на засѣданіи петербургскаго религіозно-философскаго общества? И чѣмъ виноватъ я, если всякій разъ во время религіозно-сухого доклада, во время злобно-кусательныхъ преній на этихъ засѣданіяхъ, память моя невольно воскрешаетъ мучительныя ночи, безсонныя войны съ клопиными шкурками“!..

Но въ чемъ же лежатъ тѣ причины, которыя привели автора къ такимъ грустнымъ и нелестнымъ сравненіямъ?

„Лѣтъ десять тому назадъ, по словамъ автора, духъ жизни воистину былъ на собраніяхъ юнаго религіозно-философскаго общества. Отлученіе Толстого отъ церкви, вопросъ о свободѣ совѣсти, объ отношеніяхъ церкви и власти, споръ объ искаженіи христіанства въ историческихъ церквахъ — какъ все это волновало тогда, какъ было ново, насущно, остро! И все это теперь старо, никчемно, тупо. Все рѣшено и все выяснилось. Старые споры ведутся только по привычкѣ, по лѣнивой инерціи.

Но дѣло и не въ темахъ. Темы и теперь, казалось бы, тѣсно связанныя съ жизнью. Народъ. Интеллигенція. Церковь. Власть.

Все дѣло — въ отношеніи къ темѣ, въ естественномъ ростѣ этой темы, въ ея глубокой связи съ корнями, съ почвой, съ землею. Въ лѣсу растутъ ландыши и фіалки; но они же продаются и въ магазинѣ искусственныхъ цвѣтовъ. Безпочвенность и надпочвенность того, что творится въ религіозно-философскомъ обществѣ, не можетъ не поразить всякаго, кто пристально вглядится со стороны въ это безплодное плетеніе словесныхъ узоровъ изъ засѣданія въ засѣданіе. И при этомъ — страшная жажда почвы, земли, живой крови, духа жизни“.

Теперь пути русскаго нео-христіанства раздвоились. „Одни твердо прикрѣпились къ бытовому религіозному укладу и нашли въ немъ успокоеніе. Это — путь московскаго религіозно-философскаго общества во главѣ съ С. Булгаковымъ. Куда ведетъ этотъ путь?

Онъ ведетъ въ топкое „моховое болото“ исторіи, въ которомъ рано или поздно погибнутъ всѣ эти староколѣнные люди, зарастутъ мхомъ, превратятся въ болотныя кочки. И — общее ихъ свойство — погибая въ болотной трясинѣ, это староколѣнные горько плачутъ о гибели Россіи...

Другіе не пожелали гибнуть на этомъ старомъ пути. Они захотѣли уйти отъ мохового болота исторіи. Они бросились на твердую землю, стали искать спасенія въ живомъ — въ „народѣ“, „интеллигенціи“ (вѣчно и неправильно ихъ противопоставляя). И все-таки они гибнутъ — отъ безводія, отъ сухости, отъ неутоленной жажды; и причины ихъ гибели не

менѣе поучительны, чѣмъ тяжелая исторія гибели староколѣнныхъ въ моховомъ болотѣ.

Почему они гибнутъ? На это глубокій отвѣтъ даетъ древняя гностическая легенда — комментарій къ первымъ стихамъ евангелія Іоанна. „Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ". Это ученіе о Логосѣ, о жизни міра стало основой всей христіанской философіи. Но, — говоритъ легенда гностиковъ, — Сатана въ искривленномъ подобіи отобразилъ міровое Слово жизни и вложилъ въ уста первозданному человѣку бѣглое, мимолетное „слово", случайное и сухое. И кромѣ Слова жизни вопарились въ мірѣ пустыя и безплодныя слова.

„Народъ" — это, конечно, подлинное Слово жизни, но лишь тогда, когда къ нему вплотную припадаютъ пріобщиться, когда не оставляютъ его случайнымъ, мимолетнымъ словомъ и только словомъ. Подлинный источникъ воды живой и „интеллигенція" (если не понимать ее въ узкомъ, „классномъ" смыслѣ); но и къ ней надо подойти вплотную, надо стать ею, надо слиться съ ней. Нельзя стоять въ безмѣрномъ отдаленіи отъ Слова жизни и лишь повторять мертвыя слова и только слова: „народъ", „интеллигенція" и какія бы тамъ ни было другія. Въ безводной пустынѣ словесныхъ схемъ можно только засохнуть, потерять въ себѣ все живое, обратиться въ сухія „шкурки" на горе себѣ и другимъ.

Эту участь испытало петербургское религіозно-философское общество подъ эгидой Д. Мережковскаго. Безнадежно опутанный словесными схемами, онъ невольно на этотъ уже путь толкаетъ и все религіозно-философское общество.

Богъ познается въ тишинѣ, Богъ познается въ молчаніи, Богъ познается въ тайнѣ. Въ тишинѣ, въ молчаніи, въ тайнѣ человѣческой души. И кто бы ни былъ для человѣка этимъ Богомъ,—не на площади, не на толкучкѣ познаетъ его человѣкъ. На площадь идетъ потомъ человѣкъ проповѣдывать своего Бога, разъ онъ позналъ его, разъ онъ увѣровалъ въ него. Но искать Бога своего въ безконечномъ толченіи словъ, въ упорномъ повторепіи все тѣхъ же словесныхъ схемъ — вотъ, поистинѣ, хула противъ духа, которая не простится. Когда присутствуешь на засѣданіяхъ религіозно-философскаго общества, слышишь эту толчею „божественныхъ" словъ, этотъ упорный и длительный грѣхъ противъ третьей заповѣди, постоянное произнесеніе имени Божьяго всуе, то невольно и съ глубокимъ сочувствіемъ вспоминаешь обычную фразу одного изъ „старыхъ декадентовъ", подлинно ушедшаго въ народъ, А. Добролюбова. „Помолчимъ, братъ!" — часто говоритъ онъ собесѣднику, утомленный обиліемъ ненужныхъ словъ. Такъ разсказываетъ о своей бесѣдѣ съ А. Добролюбовымъ какъ разъ Д. Мережковскій... Что, если бы этотъ нашедшій своего Бога человѣкъ попалъ хоть на одно засѣданіе религіозно-философскаго общества!

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій общества самъ предсѣдатель его въ горячей рѣчи назвалъ то, что они тамъ дѣлаютъ, религіознымъ блудомъ, религіознымъ развратомъ. Это очень рѣзко сказано, но я готовъ думать, что предсѣдатель религіозно-философскаго общества глубоко и печально правъ. И не только въ томъ дѣло, что произносится тамъ безмѣрное количество никому ненужныхъ словъ. То выйдетъ какой-нибудь „академикъ" и съ добрый часъ времени склоняетъ на всѣ лады слово „энтэллэгэнцэя", такъ и выговаривая его черезъ пять „э". То какой-нибудь добродушный приватъ-доцентъ восторженно, безтолково, многословно и часъ и два говоритъ на любую тему. То юный „модернистъ" (хотя юныхъ тамъ немного) долго и монотонно журчитъ на тему о томъ, что „центростремительная сила и стихійная окраска религіозныхъ стремленій координируютъ эмоціональную окраску центробѣжнаго религіознаго устремленія"... Ненужныхъ, пустыхъ словъ не оберешься. Но развѣ въ этомъ дѣло? Дѣло въ томъ, что такими ненужными и пустыми словами, истрепанными и истасканными, являются здѣсь, въ концѣ-концовъ, всѣ подлинныя слова жизни. Слово жизни. И поистинѣ — если это не „религіозный развратъ", то гдѣ же и искать его? Въ чемъ же можетъ онъ рѣзче проявиться?

Вотъ судьба нашего россійскаго нео-христіанства, такъ высокомѣрно выступившаго лѣтъ десять назадъ съ провозглашеніемъ послѣдней и окончательной религіозной истины. Тогда, десять лѣтъ назадъ, журналъ „Новый Путь" возвѣщалъ міру истину — скорое свѣтопреставленіе. Тогда наши „нео-христіане" чувствовали себя призванными сказать міру великое и важное слово. Тогда они начали презирать всѣхъ, кто былъ „не-они", и твердо вѣрили, что отъ малѣйшаго движенія всѣхъ и каждаго изъ нихъ, нео-христіанъ, зависятъ конечныя судьбы міра (подлинныя ихъ слова!). И вотъ прошло десять лѣтъ. Дѣла мірскія идутъ прежними путями; а что же стало съ нео-христіанами, проводниками міра на „новый путь"? Что стало? Что осталось? — Однѣ словесныя схемы, однѣ безконечныя слова, одинъ словесный „религіозный блудъ", о которомъ со справедливой горечью говоритъ руководитель всей теперешней нео-христіанской кучки модернистскихъ

сектантовъ... Проповѣдь, которая должна была міръ перевернуть, свелась къ узкому сектантству, къ безконечному и безплодному упражненію въ религіозныхъ словахъ. Тутъ и раздвоились пути нео-христіанства: одни изъ былыхъ пророковъ ухватились за старыя формы, превратились въ староколѣнныхъ людей, пошли въ „моховое болото“ исторіи. Ихъ участь — гніеніе, смиреніе, елейность; и соединены всѣ эти былые пророки нео-христіанства въ московскомъ религіозно-философскомъ обществѣ. Другіе изъ нихъ сплотились въ сектантскую ячейку петербургскаго религіозно-философскаго общества, засохли въ словахъ, озлобились на міръ и другъ на друга, обратились въ какія-то „клопиныя шкурки“. Елейное смиреніе первыхъ и сухую злобность вторыхъ можетъ теперь не увидѣть лишь тотъ, кто намѣренно видѣть не хочетъ...

Голодъ есть, но ненасыщаемый, стремленіе есть, но безплодное, ибо безплодно и ненасыщаемо всякое узкое сектантство, уходящее отъ міра. И здѣсь причина того, почему они такъ безконечно далеки отъ всѣхъ людей жизни, всѣхъ людей живого дѣла. Они Слово жизни подмѣнили безжизненнымъ словомъ; они ушли отъ міра, ушли отъ жизни въ словесныя схемы. Они думаютъ, что міръ долженъ быть преображенъ и спасенъ однимъ человѣкомъ (кто бы ни былъ этотъ человѣкъ), — и мнѣ уже приходилось указать на величайшее кощунство этой вѣры. Ибо, повторяю еще разъ, въ мірѣ—спасеніе человѣка, а не въ человѣкѣ—спасеніе міра...

Тутъ, можетъ быть, и лежитъ глубочайшая колея расхожденія между ними и нами, между тѣмъ, что исповѣдуемъ „мы“ и что проповѣдуютъ „они“. Мы вѣримъ въ человѣка „имманентнаго“, въ человѣчество „имманентное“, не „преображенное“, мы строимъ на этой основѣ и ждемъ побѣды на этой почвѣ. И въ этомъ отношеніи мы — „реалисты“, каковы бы ни были мистическія переживанія отдѣльныхъ изъ насъ. *Они* — вѣрятъ только въ человѣчество, чудомъ „преображенное“, строятъ свою вѣру только на немъ, ждутъ побѣды отъ чуда, отъ преображенія и внѣ его не видятъ спасенія. И въ этомъ отношеніи они—„мистики“ (хотя, быть можетъ, въ переживаніяхъ своихъ даже и близко къ мистицизму не подходившіе). Они вѣрятъ въ трансцендентное, мы — въ имманентное. Они живутъ въ абсолютномъ, мы — въ относительномъ.

Современный имманентизмъ не занимается философски-безплоднымъ отрицаніемъ „запредѣльнаго“, онъ лишь *не принимаетъ* его: подобно тому, какъ часто бываетъ „непріятіе міра“ здѣшняго, имманентнаго, такъ точно современный имманентизмъ говоритъ о возможности „непріятія міра“ потустороняго, трансцендентнаго. И съ тѣмъ большей силой принимаетъ и утверждаетъ онъ жизнь по-сю-сторонюю, имманентную, земную, утверждаетъ „пріятіе міра“, плоть и кровь, все живое. Эта „узость“ есть только пріобщеніе къ подлинной плоти міра, къ жизни, къ живому человѣку, къ народу, къ человѣчеству, — и пріобщеніе не въ словесныхъ схемахъ, а въ живой, дѣйственной работѣ, не въ словѣ, а въ дѣяніи. Человѣкъ, который хочетъ воистину жить, долженъ вмѣшаться въ самую „гущу жизни“, жить всѣмъ и во всемъ, не замыкаясь на голыхъ вершинахъ религіозныхъ или эстетическихъ схемъ, лежащихъ внѣ жизни, внѣ красокъ міра. И еще одно долженъ выполнить человѣкъ, который хочетъ воистину жить: онъ долженъ любить человѣка. „Leben ist Liebe“— ибо внѣ любви область смерти и тлѣна. А любить безплодно, отвлеченно, на голыхъ вершинахъ — нельзя; только въ дѣйственной любви претвореніе жизни.

Дѣйственная любовь и участіе въ „гущѣ жизни“ — вотъ два неизбѣжныхъ условія для всего воистину живого. Гдѣ ихъ нѣтъ — тамъ смерть. И вотъ отчего мертвы словесныя схемы, которыя провозглашаются съ трескомъ и шумомъ на каждомъ засѣданіи религіозно-философскаго общества: за ними нѣтъ ни дѣйственности, ни любви. Нѣтъ любви — и оттуда та злобность, съ которой высохшія клопиныя шкурки поѣдаютъ другъ друга въ поискахъ живой крови. Нѣтъ дѣйственности — и оттуда тѣ вялость и сухость, отъ которыхъ бѣжитъ все живое.

Дѣйственная *любовь къ человѣку*—но вѣдь это опять „относительность“! Да, и въ этомъ разница того, что было и что есть. И прежде человѣкъ любилъ, жертвуя собою во имя любви къ абсолютному — къ тому, что онъ считалъ абсолютнымъ; онъ жертвовалъ собою во имя и во славу Бога, Государства, Человѣчества. И до сихъ поръ жертвы эти не прекратились. Протопопъ Аввакумъ погибъ на кострѣ во имя любви своей къ Богу, Брутъ погибъ во имя любви къ Государству, безвѣстные герои погибали во имя любви къ Человѣчеству. И какъ бы всѣ они ни понимали то, чѣмъ жили и что любили, но, во всякомъ случаѣ, любовь ихъ была *любовь къ абсолютному*. Жертвы во имя такой любви — древни, какъ исторія. Безконечно труднѣе то, къ чему мы пришли теперь, въ XX вѣкѣ. Мы пришли къ сознанію величайшаго счастія — жить, строить и гибнуть во имя *человѣка*, во имя любви къ нему. И уже

отъ человѣка мы восходимъ къ народу, къ человѣчеству, къ Богу — къ вѣчной и единой жизни, въ кипѣніи которой весь „смыслъ“ человѣческихъ дѣяній и поступковъ.

И безплодныхъ „религіозно - философскій шумъ“ нашихъ нео-христіанъ. Они обречены на гибель. Человѣку, стремящемуся къ жизни, у нихъ нечего дѣлать, — остается только уйти оттуда на свѣжій воздухъ, на волю вольную, предоставивъ всѣхъ, вершащихъ тамъ словесныя дѣла, ихъ собственной судьбѣ. Жизнь идетъ мимо, и мы должны пройти мимо нихъ...

Чеховъ въ своихъ письмахъ.

(1890—1891.)

Если бы такъ случилось, что Чеховъ сталъ намъ, читателямъ, извѣстенъ одними лишь своими письмами, а именно перепиской своей съ родными, знакомыми и пріятелями, издаваемой теперь сестрой его, если бы такъ-таки ничего больше и не дошло отъ него до насъ,—то и тогда бы имя Чехова, какъ писателя, писателя-*художника*, должно было остаться въ литературѣ, окруженное ореоломъ извѣстности и симпатій. Съ каждымъ новымъ томомъ „Писемъ А. П. Чехова“ укрѣпляется наше впечатлѣніе, что вѣдь это уже не простое собраніе писемъ, какъ таковыхъ; нѣтъ, это отдѣльныя главки цѣльнаго произведенія, это, если хотите, та же повѣсть, только написанная въ эпистолярной формѣ.

Добрую половину новаго — третьяго — тома чеховской переписки, обнимающаго, какъ и предшествующій томъ, двухлѣтній періодъ, занимаютъ путевыя письма А. П—ча,—сибирскія и изъ западной Европы. Въ 1890 г. Чеховъ совершилъ свою знаменитую поѣздку на Сахалинъ, а въ 1891 г. съѣздилъ съ Суворинымъ въ Италію и Францію. Но, по обыкновенію, содержаніе даже путевыхъ писемъ его самое разнообразное. Даже въ чисто дѣловыхъ запискахъ и посланіяхъ А. П—ча съ пріятной неожиданностью наталкиваешься или на любопытное признаніе о себѣ, либо на игру тонкаго, живого ума—на глубокую, красочную мысль, на художественныя блестки, или вдругъ на эти безподобныя „чеховскія“ шутки. Словомъ, въ каждомъ письмѣ отраженіе впечатлительной и богатой натуры. Поэтому и въ данномъ случаѣ выписки изъ писемъ просятся въ самыя различныя группы, которыхъ можно было бы дать длинный рядъ.

Прежде чѣмъ перейти къ детальному знакомству съ свѣжимъ томомъ „Писемъ“, остановимся на двухъ, замѣчательныхъ для характеристики Чехова, эпизодахъ изъ перваго путешествія его; о нихъ намъ сообщаетъ не самая переписка, а предпосланный ей „біографическій очеркъ“.

„На обратномъ пути, въ Китайскомъ морѣ, А. П. выдержалъ ужасный штормъ, о которомъ послѣ разсказывалъ, какъ о важномъ событіи своей жизни: кренъ парохода былъ такъ великъ, что А. П. держалъ наготовѣ револьверъ, чтобы въ случаѣ катастрофы покончить съ собою... А въ Индійскомъ океанѣ онъ на всемъ ходу парохода бросался съ палубы въ море съ носа и затѣмъ хватался за веревку, брошенную ему съ кормы. Это было его купанье. Въ одно изъ такихъ купаній онъ видѣлъ невдалекѣ отъ себя акулу и стаю рыбъ-лоцмановъ, которыхъ онъ описалъ потомъ въ своемъ разсказѣ „Гусевъ“.

Что касается этого экстравагантнаго океанскаго купанья, въ письмѣ Чехова къ сестрѣ изъ-подъ Томска (отъ 14 мая 1890 г.) мы находимъ цѣнный комментарій ко всѣмъ подобнымъ выходкамъ его.

„... Вдали тянется крутой берегъ Иртыша; на немъ бѣлѣетъ снѣгъ... Начинаемъ ѣхать по озеру. Вернуться бы назадъ, да мѣшаетъ упрямство и беретъ какой-то непонятный задоръ, тотъ самый задоръ, который заставилъ меня купаться среди Чернаго моря съ яхты и который побуждалъ меня дѣлать немало глупостей... Должно-быть психозъ“.

„Mania Sachalinosa“.

„Цѣлый день сижу, читаю и дѣлаю выписки. Въ головѣ и на бумагѣ нѣтъ ничего, кромѣ Сахалина. Умопомѣшательство. „Mania Sachalinosa“ (А. П. Плещееву. 15. II. 1890. Москва).

Откуда взялась у Чехова эта „манія“?

„Собрался А. П. на Дальній Востокъ какъ-то вдругъ, неожиданно, такъ что въ первое время трудно было понять, серьезно ли онъ говоритъ объ этомъ, или шутитъ,—читаемъ мы въ „біогр. очеркѣ“.— Въ то время его младшій братъ М. П. кончалъ курсъ юридическаго факультета въ московскомъ университетѣ и училъ лекціи по уголовному праву, судопроизводству и тюрьмовѣдѣнію. Эти лекціи заинтересовали писателя, онъ прочиталъ ихъ и вдругъ засуматошился, засбирался. Начались подготовительныя работы къ поѣздкѣ“.

(А. С. Суворину. 9. III. 1890). Насчетъ Сахалина ошибаемся мы оба, но вы, вѣроятно, больше, чѣмъ я. Ѣду я совершенно увѣренный, что моя поѣздка не дастъ цѣннаго вклада ни

въ литературу, ни въ науку: не хватитъ на это ни знаній, ни времени, ни претензій. Нѣтъ у меня плановъ ни гумбольдскихъ, ни даже кенановскихъ. Я хочу написать хоть 100—200 страницъ и этимъ немножко заплатить своей медицинѣ, передъ которой я, какъ вамъ извѣстно, свинья. Быть можетъ, я не сумѣю ничего написать, но все-таки поѣздка не теряетъ для меня своего аромата: читая, глядя по сторонамъ и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ѣздилъ, но, благодаря тѣмъ книжкамъ, которыя прочелъ теперь по необходимости, я узналъ многое такое, что слѣдуетъ знать всякому подъ страхомъ 40 плетей, и чего я имѣлъ невѣжество не знать раньше. Къ тому же, полагаю, поѣздка—это непрерывный полугодовой трудъ, физическій и умственный, а для меня это необходимо, такъ какъ я хололъ и сталъ уже лѣниться. Надо себя дрессировать. Пусть поѣздка моя пустякъ, упрямство, блажь, но подумайте и скажите, что я потеряю, если поѣду? Время? Деньги? Буду испытывать лишенія? Время мое ничего не стоитъ, денегъ у меня все равно никогда не бываетъ, что же касается лишеній, то на лошадяхъ я буду ѣхать 25—30 дней, не больше, все же остальное время проснжу на палубѣ парохода, или въ комнатѣ и буду непрерывно бомбардировать васъ письмами. Пусть поѣздка не дастъ мнѣ ровно ничего, но неужели все-таки за всю поѣздку не случится такихъ 2—3 дней, о которыхъ я всю жизнь буду вспоминать съ восторгомъ, или съ горечью? И т. д., и т. д. Такъ-то государь мой. Все это неубѣдительно, но вѣдь и вы пишете столь же неубѣдительно. Напримѣръ, вы пишете, что Сахалинъ ни кому не нуженъ и ни для кого не интересенъ. Будто бы это вѣрно? Сахалинъ можетъ быть ненужнымъ и неинтереснымъ тблько для того общества, которое не ссылаетъ на него тысячи людей и не тратитъ на него милліоновъ. Послѣ Австраліи въ прошломъ и Кайены, Сахалинъ— это единственное мѣсто, гдѣ можно изучать колонизацію изъ преступниковъ; имъ заинтересована вся Европа, а намъ онъ не нуженъ? Не дальше, какъ 25—30 лѣтъ назадъ наши же русскіе люди, изслѣдуя Сахалинъ, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человѣка, а намъ это не нужно, мы не знаемъ, что это за люди, и только сидимъ въ четырехъ стѣнахъ и жалуемся, что Богъ дурно создалъ человѣка. Сахалинъ — это мѣсто невыносимыхъ страданій, на какія только бываетъ способенъ человѣкъ вольный и подневольный. Работавшіе около него и на немъ рѣшали страшныя, отвѣтственныя задачи, и теперь рѣшаютъ. Жалѣю, что я не сантименталенъ, а то я сказалъ бы, что въ мѣста, подобныя Сахалину, мы должны ѣздить на поклоненіе, какъ турки ѣздятъ въ Мекку, а моряки и тюрьмовѣды должны глядѣть въ частности на Сахалинъ, какъ военные на Севастополь. Изъ книгъ, которыя я прочелъ и читаю, видно, что мы сгноили въ тюрьмахъ *милліоны* людей, сгноили зря, безъ разсужденія, варварски; мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ и все это сваливали на тюремныхъ, красноносыхъ смотрителей. Теперь вся образованная Европа знаетъ, что виноваты не смотрители, а всѣ мы, но намъ до этого дѣла нѣтъ, это неинтересно. Прославленные шестидесятые годы не сдѣлали *ничего* для больныхъ и заключенныхъ, нарушивъ такимъ образомъ самую главную заповѣдь христіанской цивилизаціи. Въ наше время для больныхъ дѣлается кое-что, для заключенныхъ же ничего; тюрьмовѣдѣніе совершенно не интересуетъ нашихъ юристовъ. Нѣтъ, увѣряю васъ, Сахалинъ нуженъ и интересенъ и нужно пожалѣть только, что туда ѣду я, а не кто-нибудь другой, болѣе смыслящій въ дѣлѣ и болѣе способный возбудить интересъ въ обществѣ. Я же лично ѣду за пустяками.

(Ему же, 15. III.) ...Голова настроена на сахалинскій ладъ, и во всемъ, что касается изящной словесности, я теперь не въ состояніи отличить кулька отъ рогожи.

(Ему же. 15. IV. — Передъ отъѣздомъ). У меня такое чувство, какъ будто я собираюсь на войну...

Мысли по разнымъ вопросамъ.

(А. С. Суворину. 29. III. 1890). Только ту молодость можно признать здоровою, которая не мирится со старыми порядками и глупо или умно борется съ ними — такъ хочетъ природа и на этомъ зиждется прогрессъ, а А. А. [1]) началъ съ того, что всосался въ старые порядки. Когда мы интимничали, онъ ни разу не выругалъ Т. или Буренина, а это дурной знакъ. Вы въ сто разъ либеральнѣе его, а слѣдовало бы наоборотъ. Онъ вяло и лѣниво протестуетъ, скоро понижаетъ голосъ, скоро соглашается, и въ общемъ получается такое впечатлѣніе, какъ будто онъ совсѣмъ не заинтересованъ въ борьбѣ, т.-е. участвуетъ въ пѣтушиномъ бою какъ зритель, не имѣя собственнаго пѣтуха. А своего пѣтуха имѣть надо, иначе неинтересно жить. На бѣду еще онъ умный человѣкъ, а большой умъ при маломъ

[1]) Сынъ адресата

интересѣ къ жизни подобенъ большой машинѣ, которая, ничего не производя, требуетъ много топлива и истощаетъ хозяйство.

(Ему же. 24. XII. 1890). Изучающему теперь медицину время, бывшее 20 лѣтъ тому назадъ, представляется просто жалкимъ. Милый мой, если бы мнѣ предложили на выборъ что-нибудь изъ двухъ: „идеалы“ ли знаменитыхъ шестидесятыхъ годовъ, или самую плохую земскую больницу настоящаго, то я, не задумываясь, взялъ бы вторую.

(Ему же. 1. VI. 90.) Вы браните меня за объективность, называя ее равнодушіемъ къ добру и злу, отсутствіемъ идеаловъ и идей и проч. Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадовъ, говорилъ бы: кража лошадей есть зло. Но вѣдь это и безъ меня давно уже извѣстно. Пусть судятъ ихъ присяжные засѣдатели, а мое дѣло показать только, какіе они есть. Я пишу: вы имѣете дѣло съ конокрадами, такъ знайте же, что это не нищіе, а сытые люди, что это люди культа и что конокрадство есть не просто кража, а страсть. Конечно, было бы пріятно сочетать художество съ проповѣдью, но для меня лично это чрезвычайно трудно и почти невозможно по условіямъ техники. Вѣдь чтобы изобразить конокрадовъ въ 700 строкахъ, я все время долженъ говорить и думать въ ихъ тонѣ и чувствовать въ ихъ духѣ, иначе, если я подбавлю субъективности, образы расплывутся и разсказъ не будетъ такъ компактенъ, какъ надлежитъ быть всѣмъ коротенькимъ разсказамъ. Когда я пишу, я вполнѣ разсчитываю на читателя, полагая, что недостающіе въ разсказѣ субъективные элементы онъ подбавитъ самъ.

(Ему же. 30. XI. 91.) Боборыкинъ отмахивается обѣими руками отъ Гоголя и не хочетъ считать его родоначальникомъ Тургенева, Гончарова, Толстого... Онъ ставитъ его особнякомъ, внѣ русла, по которому текъ русскій романъ. Ну, а я этого не понимаю. Коли ужъ становиться на точку зрѣнія естественнаго развитія, то не только Гоголя, но даже собачій лай нельзя ставить внѣ русла, ибо все въ природѣ вліяетъ одно на другое и даже то, что я сейчасъ чихнулъ, не останется безъ вліянія на окружающую природу.

(Ему же. 30. VII. 1891). ...Я бы хотѣлъ теперь ковровъ, камина, бронзы и ученыхъ разговоровъ. Увы, никогда я не буду толстовцемъ! Въ женщинахъ я прежде всего люблю красоту, а въ исторіи человѣчества—культуру, выражающуюся въ коврахъ, рессорныхъ экипажахъ и остротѣ мысли. Ахъ, поскорѣе бы сдѣлаться старичкомъ и сидѣть бы за большимъ столомъ!

(М. П. Чеховой. 1. IV. 91. Изъ Рима). Если бы я былъ одинокимъ художникомъ и имѣлъ деньги, то жилъ бы здѣсь (въ Италіи) зимою. Вѣдь Италія, не говоря ужъ о природѣ ея и теплѣ, единственная страна, гдѣ убѣждаешься, что искусство въ самомъ дѣлѣ есть царь всего, а такое убѣжденіе даетъ бодрость [1]).

О Л. Н. Толстомъ.

(А. И. Плещееву. 15. II. 90). Неужели вамъ не понравилась „Крейцерова соната?“ Я не скажу, чтобы это была вещь геніальная, вѣчная—тутъ я не судья, но, по моему мнѣнію, въ массѣ всего того, что теперь пишется у насъ и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красотѣ исполненія. Не говоря ужъ о художественныхъ достоинствахъ, которыя мѣстами поразительны, спасибо повѣсти за одно то, что она до крайности возбуждаетъ мысль. Читая ее, удерживаешься, чтобы не крикнуть: „Это правда!“ или „это нелѣпо!“. Правда, у нея есть очень досадные недостатки. Кромѣ всего того, что вы перечислили, въ ней есть одно, чего не хочется простить ея автору, а именно—смѣлость, съ какою Толстой трактуетъ о томъ, чего онъ не знаетъ и чего изъ упрямства не хочетъ понять. Такъ, его сужденія о сифилисѣ, воспитательныхъ домахъ, объ отвращеніи женщинъ къ совокупленію и проч. не только могутъ быть оспариваемы, но и прямо изобличаютъ человѣка невѣжественнаго, непотрудившагося въ продолженіе своей долгой жизни прочесть двѣ-три книжки, написанныя спеціалистами. Но все-таки эти недостатки разлетаются, какъ перья отъ вѣтра, въ виду достоинства повѣсти ихъ просто не замѣчаешь, а если замѣтишь, то только подосадуешь, что повѣсть не избѣгла участи всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, которыя всѣ несовершенны и несвободны отъ пятенъ.

(А. С. Суворину. 17. XII. 90). До поѣздки „Крейцерова соната“ была для меня событіемъ, а теперь она мнѣ смѣшна и кажется безтолковой. Не то я возмужалъ отъ поѣздки, не то съ ума сошелъ — чортъ меня знаетъ.

(Ему же. 8. IX. 91). Толстой отказываетъ человѣчеству въ безсмертіи, но, Боже мой, сколько тутъ личнаго! Я третьяго дня читалъ его „Послѣсловіе“. Убейте меня, но это глу-

---

[1]) Мы здѣсь не приводимъ интересныхъ разсужденій Чехова о нравственности, и „художественности“, какія онъ высказалъ въ письмѣ къ Щеглову (22. III. 90), такъ какъ письмо это уже было перепечатано у насъ — изъ „Солнца Россіи“ — въ прошлогоднемъ № 9.

нѣе и душнѣе, чѣмъ „Письма къ губернаторшѣ“, которыя я презираю. Чортъ бы побралъ философію великихъ міра сего! Всѣ великіе мудрецы деспотичны, какъ генералы, и невѣжливы и неделикатны, какъ генералы, потому что увѣрены въ безнаказанности. Діогенъ плевалъ въ бороды, зная, что ему за это ничего не будетъ; Толстой ругаетъ докторовъ мерзавцами и невѣжничаетъ съ великими вопросами, потому что онъ тотъ же Діогенъ, котораго въ участокъ не поведешь и въ газетахъ не выругаешь. Итакъ, къ чорту философію великихъ міра сего! Она вся, со всѣми юродивыми послѣсловіями и письмами къ губернаторшѣ, не стоитъ одной кобылки изъ „Холстомѣра“.

(Ему же. 25. X. 91). Каждую ночь просыпаюсь и читаю „Войну и Миръ“. Читаешь съ такимъ любопытствомъ и съ такимъ наивнымъ удивленіемъ, какъ будто раньше не читалъ. Замѣчательно хорошо. Только не люблю тѣхъ мѣстъ, гдѣ Наполеонъ. Какъ Наполеонъ, такъ сейчасъ и натяжки, и всякіе фокусы, чтобы доказать, что онъ глупѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Все, что дѣлаютъ и говорятъ Пьеръ, князь Андрей или совершенно ничтожный Николай Ростовъ — все это хорошо, умно, естественно и трогательно; все же, что думаетъ и дѣлаетъ Наполеонъ — это неестественно, неумно, надуто и ничтожно по значенію... Если бъ я былъ около князя Андрея, то я бы его вылѣчилъ. Странно читать, что рана князя, богатаго человѣка, проводившаго дни и ночи съ докторомъ, пользовавшагося уходомъ Наташи и Сони, издавала трупный запахъ. Какая паршивая была тогда медицина! Толстой, пока писалъ свой толстый романъ, невольно долженъ былъ пропитаться насквозь ненавистью къ медицинѣ.

(Ему же. 22. III. 90). Вчера одна дѣвица говорила мнѣ, что будто проф. Стороженко разсказывалъ ей такой анекдотъ. Государю понравилась „Крейцерова соната“. Побѣдоносцевъ, Любимовъ и прочіе херувимы и серафимы, чтобы оправдать свое отношеніе къ Толстому, поспѣшили показать Государю „Николая Палкина“. Прочитавъ, Г. будто бы такъ разсердился, что приказалъ принять мѣры. Дано было знать кн. Долгорукову (москов. ген.-губернатору). И вотъ въ одинъ прекрасный день приходитъ къ Толстому адъютантъ отъ Долгорукова и приглашаетъ его немедленно пожаловать къ князю. Тотъ отвѣчаетъ:

— Передайте князю, что я ѣзжу и хожу только въ знакомые дома.

Сконфуженный адъютантъ уѣзжаетъ и на другой день привозитъ графу офиціальную бумагу, въ которой будто испрашивалось у графа объясненіе по поводу его Н. Палкина. Толстой прочиталъ бумагу и сказалъ:

— Передайте его сіятельству, что я давно уже ничего не пишу для печати; пишу я только для своихъ друзей, а если друзья распространяютъ мои произведенія, то виноваты въ этомъ они, а не я. Такъ и передайте.

— Но я этого не могу передать! ужаснулся адъютантъ.—Князь мнѣ не повѣритъ.

— Князь не вѣритъ своимъ подчиненнымъ? Это не хорошо.

На третій день опять пріѣзжаетъ адъютантъ съ новой бумагой и узнаетъ, что Толстой уѣхалъ въ Ясную Поляну. Такъ кончается анекдотъ.

О себѣ.

(М. П. Чеховой, 7. VI. 90). Думаю до 35 лѣтъ не приниматься ни за что серьезное, хочется попробовать личной жизни, которая у меня была, но которой я не замѣчалъ по разнымъ обстоятельствамъ.

(А. С. Суворину. 9. XII. 90). Мнѣ страстно хочется поговорить съ вами. Душа у меня кипитъ. Никого не хочу, кромѣ васъ, ибо съ вами только и можно говорить. Плещеева къ чорту. Актеровъ тоже къ чорту.

(Ему же. 5. I. 91.) ...послѣ сахалинскихъ трудовъ и тропиковъ моя московская жизнь кажется мнѣ теперь до такой степени мѣщанскою и скучною, что я готовъ кусаться...

(М. П. Чеховой. I. 91. Спб.). Я утомленъ, какъ балерина послѣ пяти дѣйствій и восьми картинъ. Обѣды, письма, на которыя лѣнь отвѣчать, разговоры и всякая чепуха. Сейчасъ надо ѣхать обѣдать на Васильевскій островъ, а мнѣ скучно и надо работать. Поживу еще три дня, посмотрю, если балетъ будетъ продолжаться, то уѣду домой, или къ Ивану въ Судогу (т.-е. къ брату въ Судогу).

Меня окружаетъ густая атмосфера злого чувства, крайне неопредѣленнаго и для меня непонятнаго. Меня кормятъ обѣдами и поютъ мнѣ пошлые дифирамбы и въ то же время готовы меня съѣсть. За что? Чертъ ихъ знаетъ. Если бы я застрѣлился, то доставилъ бы этимъ большое удовольствіе девяти десятымъ своихъ друзей и почитателей. И какъ мелко выражаютъ свое мелкое чувство! Буренинъ ругаетъ меня въ фельетонѣ, хотя нигдѣ не принято ругать въ газетахъ своихъ же сотрудниковъ; Масловъ (Бѣжецкій) не ходитъ къ Суворинымъ обѣдать; Щегловъ разсказываетъ всѣ ходящія про меня сплетни и т. д. Все это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая то плѣсень [1]).

[1]) Десять мѣсяцевъ спустя А. П. писалъ изъ Москвы Суворину: „Среди петербургской лите-

(Ей же, 16. I. 91.) Именины свои я праздную въ трактирѣ Малый Ярославецъ, изъ трактира на бенефисъ, съ бенефиса опять въ трактиръ. Я работаю, но съ превеликимъ трудомъ. Только что напишу одну строчку, какъ раздается звонокъ и входитъ кто-нибудь, чтобы „поговорить о Сахалинѣ“. Просто бѣда!

(И. П. Чехову. 27. I. 91.) Живу я еще въ Питерѣ и каждый день собираюсь уѣхать домой. Ужасно утомился. Ужасно! Цѣлый день, отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ утра я на ногахъ; комната моя изображаетъ изъ себя нѣчто въ родѣ дежурной, гдѣ поочереди отбываютъ дежурство гг. знакомые и визитеры, говорю непрерывно. Дѣлаю визиты и конца имъ не предвижу. Поѣздкѣ моей на Сахалинъ придали значеніе, какого я не могъ ожидать: у меня бываютъ и статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники. Всѣ ждутъ моей книги и пророчатъ ей серьезный успѣхъ, а писать некогда! Въ Москвѣ писать трудно, а здѣсь же еще труднѣе.

(Іюль 1891. Алексинъ, Тульск. губ. — Ал. П. Чехову). Я занятъ по горло Сахалиномъ и другими работами, не менѣе каторжными и скучными. Мечтаю о выигрышѣ 40 тыс., чтобы отрѣзать отъ себя ножницами надоѣвшее писательство, купить немножко земли и зажить байбакомъ. Надоѣло работать изъ-за строчекъ и пятачковъ, да и старость подходитъ все ближе и ближе...

(А. С. Суворину. 6. VIII. 91.) Поправить мои обстоятельства, т.-е. сдѣлать ихъ иными, или лучшими, невозможно. Есть больные, которые излѣчиваются только единственнымъ простымъ и крутымъ средствомъ, а именно: „Встань, возьми одръ свой и иди“. Я же не въ силахъ взять своего одра и уйти, а стало быть и говорить нечего... Надо разсказъ кончить и своихъ устроить. Надо за Московскую квартиру 200 руб. заплатить, за лѣтніе мѣсяцы. Надо искать новую квартиру и тоже платить и т. д. все въ такомъ же идіотскомъ родѣ.

(Ему же. 19. X.). Ахъ, подруженьки, какъ скучно! Если я врачъ, то мнѣ нужны больные и больница; если я литераторъ, то мнѣ нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровкѣ, съ мангусомъ [1]). Нуженъ хоть кусочекъ общественной и политической жизни, хоть маленькій кусочекъ, а эта жизнь въ четырехъ стѣнахъ безъ природы, безъ людей, безъ отечества, безъ здоровья и аппетита — это не жизнь, а какой-то.... и больше ничего.

Чеховскіе мазки и блики.

...Отъ чтенія присылаемыхъ вами книгъ у меня въ мозгу завелись тараканы. (Изъ письма къ Суворину, снабжавшему А. П. сахалинской литературой).

Здѣшніе (екатеринбургскіе) люди внушаютъ пріѣзжему нѣчто въ родѣ ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечіе, съ маленькими глазами, съ громадными кулачищами. Родятся они на мѣстныхъ чугуноплитейныхъ заводахъ и при рожденіи ихъ присутствуетъ не акушеръ, а механикъ.

...Кругомъ пустыня, тоска; виденъ голый, угрюмый берегъ Иртыша... Мутная вода. Бѣлыя волны хлещутъ по глинѣ, а самъ Иртышъ не реветъ и не шумитъ, а издаетъ какой-то странный звукъ, похожій на то, какъ будто подъ водой стучатъ по гробамъ...

Знаете, что значитъ мокрые валенки? Это сапоги изъ студня. Вдемъ, ѣдемъ... Въ валенкахъ сыро, какъ въ отхожемъ мѣстѣ. Хлюпаетъ, чулки сморкаются...

Въ Тюмени я купилъ себѣ на дорогу колбасы, но что за колбаса! Когда берешь кусокъ въ ротъ, то во рту такой запахъ, какъ будто вошелъ въ конюшню въ тотъ самый моментъ, когда кучера снимаютъ портянки; когда же начинаешь жевать, то такое чувство, какъ будто вцѣпился зубами въ собачій хвостъ, опачканный въ деготь. Тьфу! Поѣлъ раза два и бросилъ.

Томскъ... замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ мрутъ губернаторы.

...(По дорогѣ въ Вѣну). Рано утромъ переѣхали границу. Холодно, снѣгъ; кондуктора и лакеи говорятъ тономъ Поссарта [1]).

...Небо пасмурно, а Италія безъ солнца, это все равно, что лицо подъ маской.

Былъ въ парикмахерской и видѣлъ, какъ одному молодому человѣку цѣлый часъ подстригали бородку. Вѣроятно, женихъ или шулеръ.

Я люблю роскошь и богатство, но здѣшняя рулеточная роскошь (Монте-Карло) производитъ на меня впечатлѣніе роскошнаго ватеръ-клозета.

... Писать часто такія пьесы (водевили въ крыловскомъ вкусѣ) все равно, что каждый день въ б..... ходить—скоро истаскаешься.

Разсказъ я пришлю, добрѣйшій Владиміръ Алексѣевичъ (Тихоновъ), но сказать, какъ онъ

ратурной братіи только и разговоровъ, что о нечистотѣ моихъ побужденій. Сейчасъ получилъ пріятное извѣстіе, что я женюсь на богатой С. Вообще много хорошихъ извѣстій я получаю“.

[1]) Звѣрекъ, вывезенный имъ изъ Индіи.

[1]) Знаменитый нѣмецкій актеръ.

будетъ называться, я не могу. Назвать его теперь такъ же трудно, какъ опредѣлить цвѣтъ курицы, которая вылупится изъ яйца, которое еще не снесено.

Пѣвецъ „иной красы, иного бытія".

(Памяти гр. А. А. Голенищева-Кутузова.)

Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа.
А. Толстой.

Не въ первыхъ, почетнѣйшихъ, покояхъ Пантеона русской поэзіи уготовано музами мѣсто скончавшемуся 28 января гр. А. А. Голенищеву-Кутузову. Но мѣсто, *свое* мѣсто, онъ тамъ займетъ, ибо это былъ поэтъ Божіей милостью: въ цвѣтникѣ, имъ взращенномъ, благоухаютъ и неувядаемые цвѣты. Украсимъ же гробницу его лучшими изъ нихъ и въ эту гирлянду вплетемъ *любимые* его „цвѣты".

Костеръ.

Сумракъ, холодъ, сонъ глубокій,
Пустырей нѣмыхъ просторъ;
Гдѣ-то въ полѣ одинокій
Пламенѣющій костеръ.
Чьи-то тѣни, чьи-то лица,
Озаренныя огнемъ,
И — какъ черная темница,
Ночь бездонная кругомъ.
Въ мракѣ лучъ тепла и свѣта,
Средь пустыни стражъ ночной —
Ты — не образъ ли поэта
Въ безразсвѣтной тьмѣ земной?

* * *

Зной и сушь. Мелѣютъ воды,
Блекнутъ листья и цвѣты;
Стонамъ жаждущей природы
Богъ внимаетъ съ высоты;
Онъ сбираетъ въ небѣ тучи,
Онъ ведетъ ихъ за собой,
Чтобъ съ дождемъ въ грозѣ могучей
Пронестися надъ землей.
Зной и сушь — мертвѣютъ чувства,
Вянутъ мысли и мечты,
Пламя чистое искусства
Гаснетъ въ безднѣ суеты.
Грянь же Божьею грозою,
Пѣсня вѣщаго пѣвца,
И любви струей живою
Брызни въ мертвыя сердца!

* * *

Снилось мнѣ утро лазурное, чистое,
Снилась мнѣ родины ширь необъятная,
Небо румяное, поле росистое,
Свѣжесть и юность моя невозвратная...
Снилось мнѣ, будто иду я дорогою—
Ярче и ярче востокъ разгорается;
Сердце полно предразсвѣтной тревогою,
Сердце отъ счастья любви разрывается.
Рощи и воды младенческимъ лепетомъ
Мнѣ отвѣчаютъ на чувство привѣтное—
Шепчутъ уста съ умиленьемъ и трепетомъ
Имя любимое, имя завѣтное!..

Надъ озеромъ.

Мѣсяцъ задумчивый, звѣзды далекія
Съ темнаго неба водами любуются;
Молча смотрю я на воды глубокія—
Тайны волшебныя сердцемъ въ нихъ чуются.

Плещутъ, таятся ласкательно-нѣжныя:
Много въ нихъ ропотѣ силы чарующей,
Слышатся думы и страсти безбрежныя,
Голосъ невѣдомый, душу волнующій.

Нѣжитъ, пугаетъ, наводитъ сомнѣніе:
Слушать велитъ ли онъ?—съ мѣста-бъ не двинулся!
Гонитъ ли прочь?—убѣжалъ бы въ смятеніи!
Въ глубь ли зоветъ?—безъ оглядки бы кинулся!

Мятель.

Мятель поднималась порою ночной
Въ степи, озаренной морозной луной,
И степь задымилась, и степь взволновалась,
И по вѣтру моремъ гудящимъ помчалась,
Вздымая, какъ гребни косматыхъ валовъ,
Летучіе вихри пустынныхъ снѣговъ.

Хотѣлось снѣгамъ тѣмъ подняться съ земли
До звѣздъ, погруженныхъ въ лазурной дали,
Чтобъ звѣзды, луна и лазурные своды
Страдали страданьемъ земной непогоды,
Чтобъ степи голодной полуночный стонъ
Небесъ возмутилъ очарованный сонъ;

Но миръ былъ глубокъ въ голубой вышинѣ,
И мѣсяцъ дремалъ, улыбаясь во снѣ
Мечтамъ неземнымъ и невѣдомымъ грезамъ,
Не внемля безсильнымъ мольбамъ и угрозамъ;
И ясныя звѣзды мерцали кругомъ,
Надъ страстной мятелью безстрастнымъ вѣнцомъ.

* * *

Прекрасенъ жизни бредъ; волшебны и богаты
Живыхъ его картинъ одежды и цвѣты,
Свѣтила знойнаго восходы и закаты
И ночи, полныя чудесъ и темноты.
Прекрасны дней земныхъ обманы и видѣнья,
Порывы страстныхъ чувствъ, полеты смѣлыхъ думъ—

Полеты на крылахъ надеждъ и заблужденья
Въ пространствахъ радужныхъ земного наслажденья,
Напѣвы юныхъ грезъ и бурь житейскихъ шумъ!..

Но, если въ трезвый мигъ душевнаго досуга,
Въ случайной тишинѣ сквозь этотъ долгій бредъ,
Внезапно прозвучитъ, какъ дальній голосъ друга,
Грядущаго конца таинственный привѣтъ;
Но если, какъ весны желанное дыханье,
Вдругъ душу обовьетъ иной красы желанье
И сквозь туманъ вдали, какъ раняя заря,
Займется тихій свѣтъ иного бытія —
Какіе призраки, какія сновидѣнья
Дерзнутъ съ улыбкою мнѣ повторять: „живи!
„Живи и позабудь о счастьи пробужденья
„Подъ солнцемъ вѣчнаго покоя и любви!“

* * *

Не въ ласкѣ дѣвственной лазури,
И не въ лобзаньяхъ тьмы ночной —
Въ огняхъ грозы и въ стонахъ бури
Мнѣ внятенъ вѣчности покой.

Сквозь шумъ и вихрь стихій мятежныхъ,
Сквозь знойной страсти вопль и бредъ
Ясней онъ шлетъ съ высотъ безбрежныхъ
Свой всепрощающій привѣтъ.

И чѣмъ больнѣе буря стонетъ,
Чѣмъ злѣе страсть, безумнѣй сны,
Тѣмъ безвозвратнѣй, глубже тонетъ
Душа въ блаженствѣ тишины!

Зарница.

Въ дни дѣтства, помню я, бывало, передъ сномъ
Встревоженъ отблескомъ далекихъ молній ночи,
Я ложе покидалъ и, стоя подъ окномъ,
Въ мерцающую даль вперялъ съ тревогой очи.
Полна, казалось мнѣ, грозой ночная тишь...
Но отворялася сосѣдняя свѣтлица,
И няня старая входила... „Что не спишь?“
Шептала мнѣ она, „не бойся—то зарница...
Ни бури, ни грозы не будетъ“.—И внималъ
Я съ дѣтской вѣрою словамъ успокоенья.
— Зарница,— отходя ко сну, я повторялъ,
И тихія ко мнѣ слетали сновидѣнья...
Съ тѣхъ поръ прошли года... и много шумныхъ грозъ
Надъ головой моей сбиралося — и много
Невзгодъ и радостей въ душѣ я перенесъ,
Тревожно проходя житейскою дорогой.
Какъ знойный, лѣтній день, сверкая и гремя,
Въ убранствѣ облаковъ, раскиданныхъ въ лазури,
Мѣняя блескъ, и тѣнь, и тишину, и бури,
Крылатымъ праздникомъ промчалась жизнь моя.
И вечеръ наступилъ, и зарево заката
Ужъ погружается въ ночную глубину,
Душа безмолвіемъ и сумракомъ объята;
Пора мнѣ отдохнуть, пора итти ко сну.
И вотъ, въ холодной тьмѣ надвинувшейся ночи
Я призываю сонъ и отдыхъ... но порой,
Какъ молніи, мечты мнѣ вновь мерцаютъ въ очи,
И вспыхиваетъ страсть съ надеждой и тоской.
И вновь, какъ въ оны дни, тревогой тѣхъ мерцаній
Душа испугана, но кто-то въ тишинѣ
Знакомыя слова, слова старухи-няни —
„Не бойся, не томись“,— любовно шепчетъ мнѣ...
И меркнутъ призраки, и гаснутъ въ отдаленьи
Ненужныхъ, позднихъ грезъ обманные огни.
— Зарница,—говорю я въ тихомъ утомленьи,
И голосъ надо мной твердитъ: усни, усни...

* * *

Юность — свѣтлое видѣнье.
Зрѣлость — трудъ и честный бой,
Старость — вѣчности прозрѣнье,
Смерть — побѣда и покой!

Скрылись юность и безпечность,
Утомился я въ борьбѣ.
Тихо въ очи свѣтитъ вѣчность
И зоветъ меня къ себѣ.

Облака.

Облака, облака! — Въ неземной вышинѣ,
Какъ мечтанья въ бреду, какъ видѣнья во снѣ,
Безвозвратно скрываясь изъ глазъ безъ слѣда
Съ неразгаданной тайной, откуда?.. куда?
Въ вѣчномъ бѣгѣ за смутной мечтою.
Облака, облака!—Гдѣ вашъ кончится путь?
Гдѣ найдете пріютъ, чтобъ въ тиши отдохнуть
Отъ недужнаго къ далямъ стремленья?
Гдѣ душа исцѣлится отъ бреда мечты,
Отъ стыда и отъ муки прозрѣнья?
Облака, облака! — Будетъ конченъ полетъ
Тамъ, гдѣ вѣтеръ въ безбрежьи небесъ разнесетъ
Вереницъ вашихъ легкія звенья...
И найдешь ты, душа, вожделѣнный покой
Тамъ, гдѣ вѣчности бездна сольется съ тобой
Въ всецѣлебныхъ объятьяхъ забвенья.

Тщетные вопросы *).

Одиноко на одрѣ недуга
Я лежу съ душой захолодѣлой,

*) „Облака“ и „Тщетные вопросы“—предсмертныя стихотворенія графа.

Съ недопѣтой пѣсней въ смолкшемъ сердцѣ,
Въ головѣ съ поблекшими мечтами
Я лежу въ нѣмомъ изнеможеньи;
Вкругъ меня во мглѣ все цѣпенѣетъ,
Только гдѣ-то далеко и смутно
Отголоски слышатся былого, —
Отголоски суеты житейской,
Давнихъ грезъ, надеждъ, порывовъ вѣры,
Горькихъ думъ и разочарованій —
Всей минувшей, выстраданной жизни...
И въ умѣ шевелятся вопросы:
Для чего порой такъ сердце билось,
Обнимало душу вдохновенье
И пылали въ ней любовь и пѣсни?
Для чего все это пережито?
Для кого все это было нужно?
Сердцу больно... Тщетные вопросы
Стонутъ въ мыслях... Нѣтъ на нихъ отвѣта!

Десять лѣтъ назадъ редакторъ сборника „Сто русскихъ писателей“ обратился къ покойному поэту съ просьбой сообщить, какія именно свои произведенія онъ считаетъ наиболѣе рельефно выражающими его поэтическую индивидуальность. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ указалъ на шесть слѣдующихъ стихотвореній (изъ нихъ одно уже приведено нами выше— „Не въ ласкѣ дѣвственной лазури“):

*
* *

На склонѣ лѣтъ, въ тиши раздумья,
Внимая жизни шумъ и кликъ,
Ея вражды, ея безумья
Я не могу понять языкъ.
Не всѣмъ ли солнце въ небѣ свѣтитъ
И почь даритъ цѣлебный сонъ?
На чей призывъ, мольбу иль стонъ
Природа лаской не отвѣтитъ?
Какой душѣ весны расцвѣтъ
Не принесетъ съ собою пѣсенъ,
Какимъ мечтамъ міръ Божій тѣсенъ
И чьей любви въ немъ мѣста нѣтъ?

*
* *

Не спорь и не борись съ враждующей судьбой,
Не унижай души мольбами и стенаньемъ;
Внимай житейскій шумъ съ подъятой головой,
На праздный крикъ толпы отвѣтствуя молчаньемъ
Въ молчаньи кроется таинственная власть:
Поруганный Христосъ былъ нѣмъ передъ Пилатомъ,
И Бога обрѣла земная, злая страсть
Въ Его безмолвіи — пропзенномъ и распятомъ.
Шумитъ ничтожество — величіе молчитъ.
Молчатъ и божество, и небо, и могила.
Но знай — безстрастная, безмолвная ихъ сила
Все побѣдитъ!

Орелъ.

Въ раздумьи гордомъ и нѣмомъ,
Вперивъ въ пространство взоръ глубокій,
Орелъ на камнѣ полевомъ
Сидѣлъ, какъ странникъ одинокій.

Крикливыхъ птицъ враждебный рой
Надъ головой его кружился
И вихрь, взметая прахъ земной,
Кругомъ испуганно носился.

Но недвижимъ питомецъ скалъ,
Не внемля суетному шуму,
Орелъ на камнѣ отдыхалъ
И думалъ царственную думу...

Когда жъ, очнувшись, оглянулъ
Весь этотъ жалкій міръ безсилья,
Затосковалъ, онъ развернулъ
Сѣдыя, медленныя крылья.

И царь заоблачныхъ высотъ —
Случайный гость земли печальной —
Направилъ вольный свой полетъ
За грани тучъ, къ лазури дальной...

Высоко отъ тщеты земной
Вознесся, праху неподвластный,
И, къ дольней жизни безучастный,
Исчезнулъ въ безднѣ голубой.

Въ садахъ Италіи.

Если ждетъ твое сердце любви — поспѣшай
Въ тотъ излюбленный солнцемъ, плѣнительный край,
Гдѣ у склоновъ цвѣтущихъ прибрежій и горъ
Разстилается моря лазурный просторъ,
Гдѣ красу юныхъ пальмъ сторожитъ кипарисъ,
Гдѣ съ землей небеса въ томной нѣгѣ слились.

Тамъ недвижной теплынью окутанный день
Будетъ нѣжить мечтаній безпечную лѣнь;
А крылатая, черная, южная ночь
Обойметъ... обольститъ... и умчитъ тебя прочь
Отъ заботъ и боязни, сомнѣній и слезъ
Въ звѣздный міръ воплощенья несбыточныхъ грезъ.

Этотъ міръ... онъ — порывъ, онъ — безумье, онъ — бредъ!
Ни минувшаго въ немъ, ни грядущаго нѣтъ!
Онъ, лобзая, молчитъ, потому что нѣтъ словъ,
Чтобы выразить зной его пламенныхъ сновъ;
Къ жизни робкаго сердца, объятаго тьмой,
Онъ прильнетъ лишь на мигъ... но тотъ мигъ будетъ твой!

Въ горахъ Швейцаріи.

Если сердце болитъ и мечты тяжелы,
Ты всмотрись въ эти спящія горы;
Какъ подножья темны... какъ вершины
свѣтлы!
Къ нимъ — наскучивъ земной суетой — какъ
орлы,
Пусть подъемлются думы и взоры.

Тамъ снѣга, тамъ молчанье, тамъ вѣчный
покой,
Недоступный ни бурямъ, ни грозамъ;
Тамъ лежатъ великаны въ дали голубой,
Преданы — усыпленные гордой дремой —
Безымяннымъ видѣньямъ и грезамъ.

И ты взоромъ и думой проникни въ ихъ
сонъ,
Въ бѣлый храмъ ихъ снѣговъ и безстрастья;
Этотъ храмъ... своихъ таинъ не выскажетъ
онъ,
Но быть можетъ, сіяньемъ его озаренъ,
Ты почуешь дыханіе счастья.

Г. Плехановъ въ защиту романа В. Ропшина.

Какъ извѣстно, затянувшійся печатаніемъ въ „Завѣтахъ“ романъ В. Ропшина („То, чего не было“) встрѣтилъ у большинства русскихъ критиковъ не совсѣмъ благосклонное отношеніе [1]). Произведенію этому приписывается цѣлый рядъ настолько существенныхъ недостатковъ, что—будь они дѣйствительны, несомнѣнны, весь смыслъ смѣлаго выступленія автора пришлось бы признать обреченнымъ на участь какого-то фальшиваго „гласа“, хотя и „вопіющаго“ совсѣмъ не въ пустынѣ. Иного мнѣнія объ этомъ произведеніи извѣстный публицистъ-марксистъ Г. В. Плехановъ. Во второй кн. „Совр. Міра“ онъ отмѣчаетъ, что́ *есть цѣннаго* у В. Ропшина, и попутно опредѣляетъ свое отношеніе къ этому цѣнному.

„Искренность Ропшина,—читаемъ мы у него,—внѣ всякаго сомнѣнія; его художественное дарованіе неоспоримо; недостатки изложенія, причиненные огромнымъ вліяніемъ на него Толстого, съ избыткомъ выкупаются у него достоинствами художественнаго содержанія. Что бы ни говорила критика, романъ „То, чего не было“ имѣетъ несомнѣнный и большой успѣхъ. И это отнюдь не „успѣхъ скандала“. За это служитъ, — или, по крайней мѣрѣ, должны и вполнѣ могутъ служить, — достаточнымъ ручательствомъ важность поднятыхъ въ немъ вопросовъ и серьезность отношенія къ нимъ со стороны автора. Важность эта такъ велика, что, въ связи съ совершенно неоспоримой серьезностью названнаго отношенія, критика, разсуждая о романѣ Ропшина, должна выйти за предѣлы чисто эстетическихъ сужденій. Н. А. Добролюбовъ считалъ главной задачей критики „разъясненіе тѣхъ явленій дѣйствительности, которыя вызвали извѣстное художественное произведеніе“. Вотъ на такое-то разъясненіе и наталкиваетъ романъ „То, чего не было“. Протестъ, съ которымъ выступила противъ него довольно большая группа лицъ, сочувствующихъ направленію журнала „Завѣты“, вызванъ былъ, разумѣется, не эстетическими соображеніями. Группа эта протестовала противъ романа Ропшина потому, что онъ подаетъ, по ея мнѣнію, поводъ къ ложному истолкованію изображаемыхъ въ немъ явленій дѣйствительности. И она,—нужно признать это,—состоитъ изъ людей, имѣющихъ очень много данныхъ для сужденія о томъ, вѣрно или невѣрно изображены Ропшинымъ переживанія той среды, къ которой принадлежатъ: Болотовъ, Володя, Фрезе, Ольга и др. Но сужденія этого рода всегда имѣютъ лишь относительное значеніе. Если упомянутая группа протестуетъ противъ романа „То, чего не было“, то это означаетъ только то, что лица, ее составляющія, не имѣли такихъ переживаній, какія воспроизведены въ немъ. А такъ какъ по всему видно, что переживанія эти воспроизведены въ немъ вполнѣ искренно и правдиво, то мы можемъ изъ всего этого сдѣлать лишь тотъ выводъ, что они представляли собою довольно исключительное психологическое явленіе даже между людьми, державшимися лозунга: „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“ Этотъ неизбѣжный выводъ необходимо запомнить. Но исключительныя явленія бываютъ подчасъ весьма знаменательными. Къ такимъ явленіямъ, весьма знаменательнымъ при всей своей исключительности, принадлежатъ и переживанія, описанныя въ романѣ „То, чего не было“. Въ двухъ до сихъ поръ напечатанныхъ частяхъ,—а я, какъ это само собою разумѣется, только о нихъ и говорю,—психологическій интересъ сосредоточивается вокругъ личности Андрея Болотова, который является настоящимъ Гамлетомъ, волею судебъ попавшимъ въ ряды борцовъ за „право свое“. Скажу больше. По части гамлетизма Болотовъ могъ бы дать довольно много очковъ впередъ самому Гамлету. Правда, его гамлетизмъ не мѣшаетъ ему дѣйствовать крайне рѣшительно.

[1]) См. „Бюллетени“ №№ 1 и 8.

Но именно, когда онъ дѣйствуетъ, и обнаруживается столь характерный для Гамлета разладъ между умомъ и волей. Воля толкаетъ Болотова на борьбу. Борьба доводитъ его до насильственныхъ дѣйствій. А насильственныя дѣйствія вызываютъ въ его умѣ вопросъ: можетъ ли быть оправдано насиліе? И если—да, то чѣмъ именно? Вопросъ этотъ, какъ горе-злочастье, неотступно преслѣдуетъ Болотова. Онъ идетъ за нимъ и на баррикады, и на революціонный съѣздъ, и въ террористическія предпріятія. Болотовъ до такой степени поглощенъ имъ, что начинаетъ смотрѣть какъ на ненужные и скучные пустяки на все, что не касается этого вопроса. Мимоходомъ сказать, этимъ и надо объяснить тотъ свойственный роману Рощина оттѣнокъ, которымъ былъ вызванъ протестъ, напечатанный въ 8-мъ № „Завѣтовъ“. Лица, подписавшія его, какъ видно, думаютъ, что самъ Рощинъ смотритъ на извѣстныя событія глазами Болотова. Они забыли, что художникъ не отвѣчаетъ за взгляды и чувства своего героя.

Болотову вполнѣ естественно приписывать важное значеніе только тому, что могло бы разрѣшить „проклятый вопросъ“ о правѣ на насиліе. Противъ этого протестовать нельзя. Можно сказать, пожалуй, что между людьми, боровшимися за „Землю и Волю“ въ началѣ XX вѣка, гамлетовъ не существовало. Но это опровергается уже тѣмъ фактомъ, что Болотову была отведена весьма важная роль въ романѣ, написанномъ однимъ изъ людей, весьма свѣдущихъ по части психологіи революціонеровъ извѣстнаго направленія. Болѣе или менѣе посторонній читатель можетъ отнестись съ полнымъ безпристрастіемъ къ этому разногласію между Рощинымъ и лицами, подписавшими протестъ. Протестанты правы въ томъ смыслѣ, что извѣстныя событія были въ дѣйствительности не таковы, какими представлялись они Болотову сквозь призму его гамлетизма. Рощинъ всецѣло правъ, какъ художникъ: не могъ, изображая Гамлета, приписать ему такія сужденія о событіяхъ, которыя не соотвѣтствовали бы его, гамлетовскому, настроенію. Стало быть, спорить тутъ не о чемъ. Но весьма полезно будетъ обратить вниманіе вотъ на какія стороны дѣла.

Болотовъ — Гамлетъ. Отличительный признакъ гамлетизма состоитъ въ разладѣ ума и воли. Но что касается, собственно, ума, то, во-первыхъ, не всѣ гамлеты умны въ одинаковой степени, а, во-вторыхъ, даже самые умные гамлеты измѣняютъ свои взгляды на вещи въ зависимости отъ хода культурнаго развитія человѣчества. Прототипъ всѣхъ гамлетовъ, Гамлетъ, принцъ Датскій, вѣрилъ въ привидѣнія, а вотъ Болотовъ, вѣроятно, не вѣритъ въ нихъ. По крайней мѣрѣ, не вѣрилъ въ нихъ въ 1905—1906 гг. Точно такъ же Гамлетъ, принцъ Датскій, не думалъ надъ вопросомъ о томъ, чѣмъ можетъ быть оправдано то насиліе, къ которому прибѣгаетъ общественный человѣкъ въ критическія минуты своего развитія, а Болотовъ сталъ биться надъ этимъ вопросомъ, какъ только пришлось ему принять участіе въ важныхъ историческихъ событіяхъ. Но когда Рощинъ изображаетъ намъ происходящій въ душѣ его героя мучительный процессъ исканій отвѣта на вопросъ о томъ, чѣмъ можетъ быть оправдано насиліе, онъ приписываетъ Болотову такія теоретическія соображенія, которыя не могутъ не показаться устарѣлыми для нашего времени. Ночью на московской баррикадѣ послѣ убійства жандармскаго полковника Слезкина онъ ведетъ такой разговоръ съ однимъ изъ своихъ товарищей, Сережей:

„Насъ разстрѣливаютъ, вѣшаютъ, душатъ... Такъ. Мы вѣшаемъ, душимъ, жжемъ... Такъ... Но почему, если я убилъ Слезкина, я герой, а если онъ повѣсилъ меня, онъ мерзавецъ и негодяй?.. Вѣдь это же готтентотство... Одно изъ двухъ: либо убить нельзя, и тогда мы оба, Слезкинъ и я, переступаемъ законъ, либо можно, и тогда ни онъ, ни я—не герои и не мерзавцы, а просто люди, враги...

„... скажите мнѣ вотъ что: допускаете ли вы, что этотъ убитый Слезкинъ не изъ корысти, а по убѣжденію преслѣдовалъ насъ? Допускаете ли вы, что онъ не для себя, а для народа, именно для народа, заблуждаясь, конечно, считалъ своимъ долгомъ бороться съ нимъ? Допускаете ли вы это? Да?.. Вѣдь можетъ такъ быть? Вѣдь можетъ же быть, что изъ сотни, изъ тысячи Слезкиныхъ хоть одинъ найдется такой? Вѣдь можетъ быть? Да?.. Ну, тогда гдѣ же различіе между мною и имъ? Гдѣ? И почему онъ мерзавецъ? По-моему, либо убить всегда можно, либо... либо убить нельзя никогда...“

Это, несомнѣнно, очень серьезный вопросъ. Уже тотъ фактъ, что вопросъ этотъ играетъ огромную роль во внутренней жизни одного изъ самыхъ главныхъ героевъ,—чтобы не сказать: самаго главнаго героя романа „То, чего не было“, долженъ былъ бы заставить критику вдумчиво отнестись къ этому произведенію Рощина. Потребность въ нравственномъ оправданіи борьбы — не шуточное дѣло. Ее прекрасно понимали тѣ мыслители, которымъ приходилось заниматься философіей человѣческой исторіи. Еще Гегель говорилъ, что историче-

ское движеніе нерѣдко представляетъ намъ враждебное столкновеніе двухъ правовыхъ принциповъ. Въ одномъ принципѣ выражается божественное право существующаго порядка, право установившихся нравственныхъ отношеній; въ другомъ—божественное право самосознанія, идущаго впередъ, науки, дѣлающей новыя завоеванія, субъективной свободы, возстающей противъ устарѣлыхъ объективныхъ нормъ. Взаимное столкновеніе этихъ двухъ божественныхъ правъ есть истинная трагедія, въ которой гибнутъ подчасъ самые лучшіе люди (Гегель указывалъ на Сократа). Но если въ этой трагедіи есть гибнущіе, то нѣтъ виноватыхъ. Гегель говорилъ, что каждая сторона права по-своему.

Выходитъ, будто Болотовъ и Гегель говорятъ одно и то же: съ точки зрѣнія права нѣтъ различія между новаторомъ и защитникомъ стараго порядка, если оба они одинаково преданы своимъ убѣжденіямъ. Но это кажется именно только на первый взглядъ.

Болотовъ до самой своей смерти такъ и не находитъ отвѣта на мучившій его вопросъ: „гдѣ же различіе между мною и имъ?“ Правда, онъ умираетъ съ крикомъ свободы на устахъ. Но подобные вопросы криками не рѣшаются. Для ихъ рѣшенія требуется не самоотверженная готовность умереть, — разумѣется, весьма почтенная на своемъ мѣстѣ, — а пониманіе историческаго процесса. Тотъ взглядъ на этотъ процессъ, къ которому пришелъ великій нѣмецкій идеалистъ, разрѣшалъ тяжбу между двумя божественными правами съ помощью критерія, основаннаго уже не на правовыхъ, а на философско-историческихъ соображеніяхъ. Каждый искренній борецъ за свои убѣжденія правъ по-своему. Съ этой стороны онъ нисколько не уступаетъ своему противнику, если тотъ отличается такою же, какъ и онъ, искренностью. Но одинаково съ нимъ правый по-своему, т.-е. съ точки зрѣнія тѣхъ нравственныхъ и правовыхъ убѣжденій, въ которыхъ онъ воспитался, онъ можетъ далеко уступать ему въ правотѣ или превосходить его въ ней съ точки зрѣнія общаго хода культурнаго развитія человѣчества. „Божественное право“ защиты даннаго общественнаго порядка гораздо ниже „божественнаго права“ его устраненія всюду, гдѣ порядокъ этотъ отжилъ свое время и, задерживая общество въ его поступательномъ движеніи, является для него источникомъ многихъ и разнообразныхъ бѣдствій. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе эти бѣдствія, тѣмъ болѣе право его защиты утрачиваетъ свое „божественное“ содержаніе, тѣмъ болѣе превращается оно въ одну только видимость, въ простой призракъ права. Понявъ это, новаторы могутъ съ спокойной совѣстью вести свою борьбу съ консерваторами. Ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ достаточнаго теоретическаго основанія для того, чтобы спрашивать себя: „гдѣ же различіе между мною и имъ?“ Они знаютъ, гдѣ это различіе. Они должны знать, въ чемъ состоитъ оно.

Такъ выходитъ по Гегелю.

А вотъ Болотовъ не знаетъ. Только потому онъ и бьется надъ своимъ вопросомъ. Почему же не знаетъ? Вѣроятно потому, что недостаточно вдумался въ тотъ историческій процессъ, ходомъ котораго вызывается общественная борьба и опредѣляются ея задачи. Герценъ назвалъ философію Гегеля алгеброй революціи. Кто вдумался въ эту философію, кто изучалъ эту алгебру, тотъ или совсѣмъ не пойдетъ защищать данную идею, или, ополчившись на ея защиту, не станетъ спрашивать себя, столкнувшись лицомъ къ лицу съ защитникомъ противоположной идеи: „гдѣ же различіе между мною и имъ?“. Онъ знаетъ, гдѣ это различіе; ему извѣстно, въ чемъ состоитъ оно“.

Но въ данномъ случаѣ важна еще *психологическая* сторона дѣла. „Разсужденія Болотова, — продолжаетъ г. Плехановъ, — очень слабы съ точки зрѣнія теоріи. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но если бы онъ былъ въ тысячу разъ болѣе сильнымъ теоретикомъ, то и тогда онъ, можетъ быть, не избѣжалъ бы гамлетизма. Онъ находится въ совершенно исключительномъ положеніи. Его взгляды привели его къ убѣжденію необходимости „террора“. А всякій или почти всякій удачный террористическій актъ имѣетъ двѣ стороны. Человѣкъ, его совершающій, во-первыхъ, жертвуетъ своею жизнью, во-вторыхъ, лишаетъ жизни то лицо, противъ котораго направлено террористическое покушеніе. Пока онъ, — я, разумѣется, имѣю въ виду честнаго, преданнаго своей идеѣ человѣка, — только еще собирается совершить террористическій актъ, онъ разсматриваетъ его преимущественно подъ угломъ риска своей собственной жизнью. И тогда террористическое дѣйствіе представляется ему безусловно похвальнымъ, а когда дѣйствіе совершено, когда пролита кровь, когда при этомъ, какъ это случается нерѣдко, страдаютъ посторонніе, совершенно ни въ чемъ неповинные люди, тогда террористъ видитъ обратную сторону медали— онъ видитъ, что террористическое дѣйствіе не можетъ не выйти за предѣлы самопожертвованія.

Такъ случилось, по крайней мѣрѣ, съ Болотовымъ. И когда онъ увидѣлъ обратную сторону медали, когда онъ убѣдился въ томъ,

что не все—самопожертвованіе въ террористическомъ дѣйствіи, въ его умѣ возникли такіе вопросы, которые показались ему теперь гораздо болѣе трудными, нежели прежде, когда для него рѣчь шла о пожертвованіи своей собственной жизнью. Это необходимо понять, необходимо отмѣтить, что, если, рѣшая эти вопросы при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, Болотовъ дѣлаетъ теоретическія ошибки, то онъ въ то же самое время обнаруживаетъ большую человѣчность своего характера. И это крайне важно. Я увѣренъ, что тѣ люди, которые отправили на тотъ свѣтъ Герценштейна, не страдали гамлетизмомъ и не совершали тѣхъ теоретическихъ ошибокъ, въ которыхъ я упрекаю Болотова. Они вообще, навѣрно, не имѣли Болотовскихъ переживаній. Но вѣдь это дѣлаетъ Болотову такую же честь, какъ, напримѣръ, то, что онъ не похожъ на гіену. Это показываетъ, въ чемъ заключается разница между краснымъ терроромъ, съ одной стороны, и бѣлымъ — съ другой: одинъ практикуется людьми, способными глубоко чувствовать,—и честно, хотя подчасъ и ошибочно, думать; за другой берутся джентльмены, не имѣющіе ни чувства въ своемъ загрубѣломъ сердцѣ, ни мысли въ своей неразвитой головѣ. И такъ: si amio idem faciunt, non est idem.

Романъ Ропшина давалъ нашей передовой критикѣ прекрасный случай указать на эту весьма поучительную разницу. Она не воспользовалась этимъ случаемъ, да, какъ видно, и не нашла въ указанномъ романѣ достаточнаго психологическаго матеріала для проведенія этой параллели. Кто въ этомъ виноватъ? Конечно, не Ропшинъ. Нельзя винить его за то, что критики нашли „разоблаченія“ на тѣхъ страницахъ, на которыхъ художественно изображались переживанія, *во всякомъ случаѣ* заслуживавшія бережнаго и,—скажу прямо,—почтительнаго къ нимъ отношенія. Переживанія эти не фраза, не пустая выдумка, это—цѣлая трагедія, — одна изъ тѣхъ трогедій, которыя „очищаютъ“ зрителя (чтобы употребить здѣсь извѣстное выраженіе Аристотеля), заставляя его вѣрить во внутреннюю красоту, если не всей человѣческой природы вообще, то, по крайней мѣрѣ, природы нѣкоторой части человѣчества.

Главная мысль трагедіи, переживаемой Болотовыми нашего времени, можетъ быть выражена нѣсколько видоизмѣненными словами Некрасова: захватило ихъ трудное время неготовыми къ тяжкой борьбѣ. Они достаточно подготовились къ ней только съ нравственной стороны. Тутъ они показали примѣры несомнѣннѣйшаго героизма. Но у этихъ героевъ было, какъ у героическаго юноши Ахиллеса, свое уязвимое мѣсто. Ихъ ахиллесовой пятой была неудовлетворительность тѣхъ теоретическихъ „*завѣтовъ*“, которыми они подкрѣпляли и оправдывали свое стремленіе къ практической дѣятельности. И тутъ не поправишь дѣла никакими протестами. Тутъ необходимъ серьезный,—можно сказать самоотверженный,—пересмотръ теоретическихъ завѣтовъ.

Гдѣ же искать выхода? Выходъ будетъ данъ только той теоріей, которая правильно разрѣшитъ вопросы, поднятые въ романѣ и романомъ „То, чего не было“. Это можетъ сдѣлать вполнѣ удовлетворительнымъ для нашихъ дней образомъ только современная намъ „алгебра революціи“. Субъективизмъ никогда не могъ справиться съ такими задачами, а теперь онъ слишкомъ одряхлѣлъ для того, чтобы браться за нихъ“.

Демократія, какъ основа свободнаго научнаго творчества.

Модному въ наше время вопросу о „кризисѣ науки“ и вообще—раціональнаго мышленія удѣляетъ свое вниманіе проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій („Рѣчь“—№ 67). Освѣщая этотъ вопросъ съ соціально-психологической точки зрѣнія, онъ видитъ разрѣшеніе его въ ростѣ демократіи и идущемъ параллельно этому росту процессѣ глубокой и широкой демократизаціи науки. Онъ пишетъ:

„Наука нужна демократіи, и демократія нужна наукѣ.

Если научная дѣятельность ограничивается предѣлами господствующаго соціальнаго класса, привилегированнаго сословія или касты, то, при всѣхъ возможныхъ успѣхахъ и завоеваніяхъ, раньше или позже она, по необходимости, захиритъ, зачахнетъ и выродится въ ученую забаву, въ безплодный ученый споръ, въ схоластику.

Оздоровленіе и оживленіе научной дѣятельности всегда и вездѣ связывалось съ демократизаціей соціальнаго строя, открывавшей доступъ къ наукѣ людямъ всякаго званія и состоянія, „разночинцамъ“.

Психологическое раскрѣпощеніе мысли есть процессъ гораздо болѣе сложный и трудный, чѣмъ раскрѣпощевіе гражданское и завоеваніе политической свободы. Второе и третье являются только условіемъ, необходимымъ для перваго. Это лишь первый шагъ, начало затяжного процесса, который сводится къ прогрессивному развитію человѣческаго мышленія. Не будемъ

забывать, что мышленіе—это еще не вся человѣческая психика, а только одна изъ ея частей, или, выражаясь точнѣе, одна изъ психическихъ функцій, совокупность которыхъ образуетъ человѣческую психику. Прогрессивное развитіе одной изъ нихъ немыслимо безъ соотвѣтственнаго измѣненія всѣхъ остальныхъ. Дѣло идетъ, стало быть, о прогрессивномъ развитіи человѣческой психики вообще. Въ настоящее время, благодаря успѣхамъ антропологіи, психологіи, филологіи, исторіи культуры, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что человѣческая психика есть величина не постоянная, а перемѣнная, что она подчинена, какъ и все прочее, закону эволюціи. Столь же прочно установлено и другое положеніе, которое можно формулировать такъ: прогрессивное развитіе психики совершается сравнительно медленно и требуетъ весьма многихъ благопріятствующихъ тому условій,—напротивъ, ея регрессъ, ея упадокъ и вырожденіе, какъ и застой, возникаютъ слишкомъ легко и скоро, принимая нерѣдко размѣры поистинѣ угрожающіе. Человѣческая психика есть высшій и новѣйшій продуктъ міровой эволюціи, и именно поэтому она слаба, неустойчива, плохо организована, подвержена заболѣваніямъ и разложенію въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ, напримѣръ, психика животныхъ. Многочисленные психозы, неврастенія, астенія, истерія, сумасшествіе—печальная привилегія человѣческой души.

Вотъ именно съ этимъ фактомъ—неустойчивости, бренности человѣческой психики—и необходимо считаться всякій разъ, когда рѣчь идетъ о соціальномъ развитіи, о прогрессѣ, объ успѣхахъ цивилизаціи, о созданіи и распространеніи культурныхъ цѣнностей, матеріальныхъ и духовныхъ.

Въ „формулу“ прогресса необходимо внести понятіе здоровой и жизнеспособной человѣческой психики, а также указать на тѣ условія, которыя способствуютъ ея укрѣпленію, ея оздоровленію и обогащенію. Созданіе и поддержка высшей культуры, доселѣ достигнутой человѣчествомъ, обходится очень дорого, не только въ матеріальномъ, но и въ психологическомъ смыслѣ. Необходимо, чтобы капиталъ психическихъ силъ, затрачиваемыхъ на это дѣло, не только не истощался, но и не оставался неподвижнымъ, а увеличивался, нарасталъ. Приростъ пойдетъ на укрѣпленіе и оздоровленіе человѣческой психики, безъ чего невозможно дальнѣйшее развитіе.

Производительная затрата психическихъ силъ и ихъ экономизація—это первое и главнѣйшее условіе, безъ котораго немыслимо ни сохраненіе культуры въ ея нынѣшнемъ состояніи, ни ея дальнѣйшее усовершенствованіе, ни оздоровленіе и обогащеніе человѣческой психики.

Вотъ именно въ этомъ дѣлѣ—экономизаціи силъ—наука играетъ первостепенную роль, и неисчислимы заслуги, оказанныя ею человѣчеству. Изъ нихъ я имѣю въ виду лишь одну: развитіе раціональнаго мышленія. Не буду распространяться на тему о благотворномъ вліяніи раціональнаго мышленія, воспитываемаго въ процессѣ научной дѣятельности, на экономизацію психическихъ силъ, на оздоровленіе психики. Меня занимаетъ здѣсь другой вопросъ: объ условіяхъ, какія необходимы для того, чтобы сама наука могла держаться на должной высотѣ и дѣлать свое дѣло, не хирѣя, не вырождаясь, не измѣняя своему высокому и исключительному призванію.

Первымъ шагомъ является раскрѣпощеніе мысли, о которомъ я говорилъ выше, вторымъ — расширеніе соціальныхъ горизонтовъ, т.-е. образованіе обширной и все увеличивающейся соціальной среды, которая способна смотрѣть на науку, какъ на высоко-цѣнное культурное благо. Чѣмъ эта среда шире и разнообразнѣе, тѣмъ для науки лучше. А расширяется и разнообразится такая среда въ тѣхъ случаяхъ, когда благодаря улучшенію матеріальнаго положенія народныхъ массъ, она наполняется выходцами оттуда и все болѣе демократизируется. Ходъ вещей въ этомъ направленіи приводитъ къ относительному оздоровленію и, во всякомъ случаѣ, къ освѣженію человѣческой психики вообще, и на этой почвѣ—къ укрѣпленію и дальнѣйшему развитію раціональной мысли въ частности.

Этотъ тезисъ представится сомнительнымъ или даже неправильнымъ для всѣхъ тѣхъ, кто, въ принципѣ, относится враждебно къ демократіи, а также и для тѣхъ, кто, сочувствуя ей, однако, не довѣряетъ ея способности къ культурному развитію. Эти послѣдніе, какъ и первые, въ демократизаціи культуры видятъ пониженіе ея уровня, даже, ея, можетъ быть, непоправимую порчу. Тутъ, кромѣ предвзятыхъ мнѣній и явныхъ предразсудковъ, усматривается одно, весьма важное, недомысліе, которое, мнѣ кажется, можно устранить слѣдующими соображеніями чисто психологическаго характера.

Возьмемъ для примѣра (а исторія такіе примѣры знаетъ) тѣсный, замкнутый кругъ, по необходимости малочисленный, лучшихъ людей времени, стоящихъ на высотѣ культуры данной эпохи. Въ этомъ кругѣ процвѣтаютъ и науки, и искусства, и философія, — разрабатываются

религіозныя и моральныя проблемы, — вообще люди живутъ здѣсь высшею жизнью духа. Я утверждаю, что, если рамки круга не расширятся, если не войдутъ въ него новые элементы,—дѣло окончится плохо. Почему?

По причинѣ отсутствія надлежащаго психическаго обмѣна. Въ такой высоко-культурной, но замкнутой, изолированной, средѣ фатально устанавливается *однообразіе психическихъ переживаній, одинаковость понятій, настроеній, чувствъ и т. д.* Люди психически становятся слишкомъ похожи другъ на друга, понимаютъ другъ друга съ полслова, теряютъ способность понимать людей другого круга, — психическій обмѣнъ тормозится или даже совсѣмъ прекращается. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ: психическій шаблонъ, психическій застой, интеллектуальное „мандаринство“, пресыщеніе культурными благами, скука, психическая тошнота, извращеніе умственныхъ вкусовъ, моральная отчужденность отъ остального человѣчества. Все это, вмѣстѣ взятое, создаетъ почву, на которой легко возникаетъ душевная неуравновѣшенность, откуда уже недалеко и до настоящихъ психозовъ. И прежде всего пострадаетъ раціональное мышленіе: явятся капризы и чудачества мысли, обыкновенная логика будетъ казаться слишкомъ прѣсною, философія выродится въ безплодныя и туманныя умствованія, наука — въ утонченный спортъ, въ игру, въ забаву... Нерѣдко тутъ развиваются рядомъ, не мѣшая другъ другу, такія противоположности, какъ безудержная фантастика ума и безнадежный, утрированный скептицизмъ. То и и другое для здравія раціональной мысли одинаково пагубно.

Во всѣ времена культурные оазисы создавали извѣстныя духовныя цѣнности, становившіяся потомъ общимъ достояніемъ человѣчества. Въ этомъ смыслѣ они сыграли въ исторіи цивилизаціи огромную роль. Я далекъ отъ мысли отрицать или принижать ихъ значеніе. Я говорю только, что укладъ соціально-психологическихъ (междуиндивидуальныхъ) отношеній въ этихъ замкнутыхъ и тѣсныхъ кругахъ характеризуется слабостью психическаго обмѣна, а это приводитъ—раньше или позже—къ застою и разложенію, къ тому, что можно назвать убылью психической энергіи. При этомъ я имѣю въ виду спеціально тѣ неблагопріятныя воздѣйствія, какія, при этомъ общемъ упадкѣ психическихъ силъ, отражаются на судьбахъ раціональнаго мышленія.

Къ вышеприведенному воображаемому случаю, предлагающему полную замкнутость, малочисленность и возможно-законченное единообразіе переживаній, настроеній и идей, ближе всего подходятъ религіозныя секты и разнаго рода кружки единомышленниковъ (напр., политическія тайныя общества), поскольку тѣ и другіе вольно и невольно отгораживаются отъ всего міра. Эти организаціи или „коллективы“, съ точки зрѣнія, которую я пытаюсь установить, представляютъ особый интересъ. Они также въ своемъ родѣ, — культурные оазисы, хотя, въ большинствѣ случаевъ, здѣсь не разрабатываются ни наука, ни философія, ни искусство, — здѣсь господствуютъ другіе интересы и задачи. Секты и политическія общества создавали цѣнности религіозныя, моральныя, политическія, иногда получавшія общее и даже міровое значеніе. Но и тутъ я имѣю въ виду исключительно психологическую сторону явленія.

Здѣсь наблюдаются все тѣ же явленія: однодейность, единообразіе переживаній, слабость психическаго обмѣна. Секта или политическое (революціонное) сообщество могутъ быть одушевлены идеями демократическими и вербовать своихъ сочленовъ изъ демократіи, но это нисколько не мѣшаетъ имъ быть по духу организаціями аристократическими. И въ ихъ нѣдрахъ развиваются психическіе процессы, аналогичные тѣмъ, какими характеризуются настоящіе (не только по духу, но и по крови) аристократическіе коллективы: духъ исключительности, психологическая отчужденность отъ остального міра, „духота“, фантастика и уклонъ въ сторону всяческаго „романтизма“, въ особенности соціологическаго. Здѣсь господствуетъ антитеза: „мы, кучка избранныхъ, и остальное человѣчество“. Настоящей демократіи эта антитеза чужда. Демократія — это широкія и все болѣе расширяющіяся массы, сливающіяся съ человѣчествомъ. Демократія не противопоставляетъ себя человѣчеству, а отожествляетъ себя съ нимъ, —и въ этомъ ея сила.

Демократія продолжаетъ дѣло, начатое буржуазіей: дѣло преобразованія культуры изъ сословной и классовой во всеобщую, всенародную, человѣческую. Каждый, даже незначительный шагъ впередъ на этомъ историческомъ пути вызываетъ замѣтныя измѣненія въ психологіи общества. Эти измѣненія приводятъ къ оздоровленію и укрѣпленію человѣческой психики — силою болѣе интенсивнаго и разнообразнаго психическаго обмѣна. Въ тѣсномъ кругу, гдѣ господствуютъ однодейность и единообразіе переживаній и впечатлѣній, личность, взамѣнъ того, что она даетъ, приблизительно получаетъ столько же и тотъ же самый психическій „матеріалъ“. Въ широкой средѣ дѣло обстоитъ иначе: личность имѣетъ возможность получать больше, чѣмъ отдаетъ, и полу-

чаемое разнообразится до безконечности. Тутъ разрѣшается психическій шаблонъ, и открывается широкій просторъ для индивидуализаціи личности, слѣдовательно для ея развитія. Успѣхи демократіи это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прогресъ индивидуализма. Старый конфликтъ между индивидуализмомъ и соціализмомъ, неизбѣжный въ тѣсныхъ кругахъ (напр., въ соціалистическихъ сектахъ и въ обществахъ утопистовъ), исчезаетъ въ широкихъ границахъ демократіи. Ея жизненные интересы, ея сила, да и сама ея психологія резюмируются лозунгомъ: *свобода и дисциплина*.

Совмѣщеніе свободы и дисциплины — это какъ разъ то, что безусловно необходимо для оздоровленія личности, для ея правильнаго и гармоническаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для укрѣпленія *раціональнаго мышленія*, высшей функціей котораго является *наука*.

Научная дѣятельность предполагаетъ свободу изслѣдованія, личной инициативы, направленій, и мнѣній, но только — на почвѣ и въ границахъ раціональнаго мышленія, научной логики, научной дисциплины мысли. Лозунгъ науки совпадаетъ съ лозунгомъ демократіи. И есть внутреннее — психологическое — родство между соціальной свободой, къ которой стремится демократія, и свободой научнаго изслѣдованія и творчества, — между соціальной дисциплиной демократіи и дисциплиной раціональнаго мышленія.

Это внутреннее родство обнаруживается весьма различными внѣшними проявленіями, изъ которыхъ я укажу здѣсь на два, представляющіяся мнѣ наиболѣе знаменательными. Это, во-первыхъ, инстинктивное тяготѣніе демократіи къ раціональному мышленію. Это, во-вторыхъ, одинаково свойственная какъ наукѣ, такъ и демократіи, антипатія ко всякаго рода „романтизму“ и, въ противоположность этому, склонность стремиться впередъ, устремлять взоры въ будущее, въ даль временъ, отрицая прошлое.

Раціональное мышленіе — насущный хлѣбъ мысли, здоровье ума. Ирраціональное мышленіе въ разныхъ его видахъ въ настоящее время является причудами и прихотью мысли, баловствомъ ума, уклономъ отъ его здоровья къ его болѣзни. Демократія привыкла цѣнить „насущный хлѣбъ“ — во всѣхъ смыслахъ. И она инстинктивно тянется ко всему здравому, положительному, жизнеспособному, раціональному. Она чувствуетъ и понимаетъ, что великія историческія задачи, ей предстоящія, требуютъ, прежде всего, раціональнаго научнаго къ нимъ отношенія, — иначе къ нимъ и подступить нельзя. Безъ науки нельзя въ этой области и шагу ступить. Современная дѣйствительность и все болѣе раскрывающаяся перспектива будущаго безъ здравой логики и научнаго освѣщенія, превратятся въ совершенно фантастическую картину, въ которой ничего нельзя будетъ разобрать и понять. Свѣтъ научнаго знанія — насущная потребность освобождающейся и восходящей демократіи.

Оттуда и инстинктивное, сознанное или несознанное, тяготѣніе и науки къ демократіи, какъ соціальной средѣ, въ которой нормы раціональнаго мышленія могутъ обосноваться и упрочиться лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Научное мышленіе, какъ бы высоко оно ни подымалось и ни изощрялось, должно, для своего здравія и благополучія, чувствовать подъ собой твердую почву созвучнаго ему обыденнаго мышленія. Наукѣ нужна среда, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть злоупотребленія научностью, баловства наукой, гдѣ невозможны мудрствованія на тему о „кризисѣ науки“, о ея безсиліи, безплодности и т. д. Праздныя рѣчи этого рода служатъ признакомъ интеллектуальнаго неблагополучія той среды, гдѣ онѣ раздаются. А раздаются онѣ въ средѣ буржуазной...

Другимъ симптомомъ разложенія той или иной соціальной среды слѣдуетъ признать появленіе въ ней „романтическихъ“ вкусовъ мысли. Они показываютъ, что въ этой средѣ стало нудно и скучно, что она рада случаю отвлечься отъ современной жизни, перестаетъ понимать дѣйствительность въ ея движеніи и, идеализируя прошлое, теряетъ здоровое чутье будущаго. Старая аристократія въ эпоху ея упадка и разложенія была романтична. Теперь становится романтичной буржуазія...

Демократіи духъ романтизма несвойственъ, какъ несвойственъ онъ и наукѣ. Демократія, подобно наукѣ, смотритъ всегда впередъ, въ будущее. Воспоминанія прошлаго для демократіи это — воспоминанія о гнетѣ, тьмѣ, безправіи; для науки, это — несвобода мысли, гоненія, запреты, инквизиція. И та, и другая отворачивается отъ этихъ воспоминаній... Но, помимо того, въ самой психологіи демократіи и науки заключено стремленіе, противорѣчащее романтизму; это именно интересъ къ дѣйствительности въ ея *status quo* и ея движеніи. Говорить ли еще о господствующей въ современной наукѣ идеѣ *эволюціи* и о томъ первенствующемъ положеніи, какое въ соціологіи и исторіи занимаетъ вопросъ о *прогрессѣ* человѣчества? Что касается демократіи, то для нея это жгучій, глубоко-жизненный вопросъ. И демократія понимаетъ, что теоретически онъ можетъ быть правильно поставленъ *только* наукой. Въ свою очередь, и наука сознаетъ,

что этого первостепенной важности вопроса она никогда не рѣшитъ, если предварительно не пойметъ, что такое современная демократія, къ чему она идетъ, какіе идеалы лелѣетъ, какъ развивается и организуется. А всего этого понять нельзя, не пріобщившись къ духу демократіи.

Демократія нужна наукѣ не только какъ объектъ изученія, но и какъ создающаяся сила, способная открыть наукѣ широкій просторъ для ея теоретическаго творчества и для служенія ея техники благу всего человѣчества".

Оправданіе тоскующей души.

„... неопредѣленное ощущеніе той вѣковѣчной священной тоски, которую иная избранная душа, разъ вкусивъ и познавъ, уже не промѣняетъ потомъ никогда на дешевое удовлетвореніе".

Достоевскій.

Junior въ „Рус. Молвѣ" (№ 75) выступилъ на защиту и оправданіе тоски, этого остроболеваго чувства, которое для очень и очень многихъ является проклятіемъ всей ихъ жизни. По мнѣнію Junior'а, это чувство—„не отрицательное, а положительное явленіе, не индивидуальная болѣзнь, а общечеловѣческая родовая мука".

Много смѣялись, — пишетъ авторъ, — надъ механическимъ дѣленіемъ человѣческой души на „большой" и „малый" разумъ, и смѣялись частью справедливо; но нельзя отрицать, что въ этомъ дѣленіи есть зерно истины. Есть въ человѣкѣ какъ бы внутреннее существо, котораго глухая и темная жизнь питается, вѣроятно, физіологическими родниками, несущими и накопляющими въ себѣ опытъ всей органической жизни; и есть периферическій аппаратъ—интелектъ, регулируемый тѣмъ внутреннимъ существомъ, но въ тоже время и самъ измѣняющій направленіе тѣхъ непосредственныхъ велѣній, которыя идутъ изъ центра. Не столько психологи, сколько художники, съ незапамятныхъ временъ изображаютъ борьбу внутреннихъ велѣній съ дневнымъ, съ логическимъ сознаніемъ. Они учатъ насъ тому, что напряженность внутренней энергіи безконечно-различна въ разныхъ людяхъ, что въ иномъ эта энергія стихійно пробивается наружу, въ дѣйственность,—это карлэйлевскій герой, въ другихъ, въ большинствѣ, остается всю жизнь заглушенной, т.-е. прорастаетъ лишь спорадически и безсвязно, и во многихъ, наконецъ, какъ-то планомѣрно расширяетъ личность въ упорной борьбѣ за свое осуществленіе: это—трагическіе герой. И они же разсказали намъ, какое мѣсто занимаетъ въ этомъ процессѣ прораставія всѣмъ знакомое и никому не понятное чувство—тоска.

Тоска — это симптомъ заболѣванія, знакъ, что внутреннее существо человѣка тяжко томится въ своемъ заточеніи. Ибо природа внутренняго существа—всецѣло дѣйственная: его непреклонная потребность—активно пересоздать на свой ладъ жизнь самого человѣка и все, что ее опредѣляетъ. Въ заточеніи и безмолвіи оно не гаснетъ,—напротивъ, оно разгорается и жжетъ тѣмъ больнѣе. Тоска относится къ идеалу, какъ аморфная масса—къ формѣ, созданной изъ частицы этой массы; тоска—это всеобъемлющій идеализмъ, еще ни на что опредѣленное не направленный, нечленораздѣльный, въ отличіе отъ конкретнаго и выразимаго въ формулѣ идеала. Поэтому тоска—не праздное прозябаніе, а плодоносный процессъ человѣческаго духа; изъ предварительной тоски рождаются конкретные идеалы, но и тамъ, гдѣ тоска остается видимо безплодною и замираетъ,—она возвысила душу и оплодотворила окрестную атмосферу безчисленными невѣсомыми частицами — зародышами. Въ странной книгѣ Гольцапфеля есть такой афоризмъ: „Сообщенная письменно, устно, искусствомъ, дѣятельностью и т. д., „тоска" можетъ перейти къ другимъ индивидамъ, поколѣніямъ и вѣкамъ, болѣе способнымъ къ осуществленію. Такъ можетъ тоска, которая для перваго изъ переживавшихъ ее индивидовъ и была неосуществима, сдѣлаться осуществимой для послѣдующихъ индивидовъ, поколѣній и вѣковъ, къ которымъ она перешла отъ него, и быть ими реализована". Эти слова слишкомъ опредѣленны, почти матеріальны, но въ общемъ они глубоко вѣрны.

Разумѣется, есть и искусственно-поддерживаемая тоска, самолюбованіе въ ней, подобно тому какъ бываютъ у романтическихъ дѣвицъ взвинченная мечтательность и искусственная влюбленность. Я говорю не о ней, а о подлинной тоскѣ, которая горька, какъ смерть, и отъ которой забыться—кажется счастьемъ. Вѣроятно многіе знаютъ, что Ньюманъ называлъ „вторымъ рожденіемъ" человѣка; Джемсъ описалъ рядъ такихъ случаевъ въ своемъ „Многообразіи религіознаго опыта": тоска, часто многолѣтняя, есть то состояніе, которое предшествуетъ второму рожденію. Такъ было съ Толстымъ въ тѣ годы, когда онъ во тьмѣ душевной искалъ своего Бога.

Не все прекрасное по существу—красиво на видъ, вѣрнѣе — прекрасное красиво лишь въ опредѣленный моментъ, въ моментъ своей

насыщенности и покоя; за мигъ предъ тѣмъ и во все время своего созиданія оно большей частью уродливо. Тоска уродлива и въ самосознаніи тоскующаго, и на взглядъ непосредственныхъ зрителей. Она—болѣзнь, и тоскующій ужасается своей ненормальности; любой самодовольный тупица сравнительно съ нимъ гармоиченъ, т.-е. прекрасенъ, и это дѣлаетъ острую боль. Притомъ, человѣкъ никогда не бываетъ такъ абсолютно-одинокъ, какъ въ своей тоскѣ, хотя бы рядомъ съ нимъ стояла, глубоко сочувствуя, родная ему душа; ибо на свѣтѣ нѣтъ ничего болѣе индивидуальнаго, чѣмъ тоска. Есть потребность высказать тоску, но лишь для того, чтобы словами придать ей хоть видимую опредѣленность и этимъ облегчить тягость ея безформенности; но эта исповѣдь нисколько не выводитъ человѣка изъ его одиночества. Наоборотъ, очень часто именно неадекватность отчетливыхъ словъ безформенному содержанію тоски создаетъ невыразимо-мучительное страданіе послѣ „исповѣди“. Всего лучше—молчать, таить свою тоску; въ концѣ-концовъ, это и легче, а главное, только въ молчаніи тоска нормально зрѣетъ до максимальной полноты, когда изъ нея могутъ родиться либо коренное обновленіе человѣка, либо опредѣленныя стремленія. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, слово—не только помощникъ, но и коварный соблазнитель: данное душевное содержаніе, будучи выражено въ словѣ, правда, кристаллизуется и тѣмъ пріобрѣтаетъ удобную практическую форму, но зато, въ угоду слову, оно и суживается въ своемъ изъявленіи, обводится чернильной чертой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно оттѣнками непосредственно переходитъ въ безконечность, т.-е. въ общую душевную жизнь даннаго человѣка; и съ этого мгновенія оно представляется самому человѣку уже въ своемъ чернильномъ контурѣ, т.-е. матеріализованнымъ и скуднымъ.

Если бы можно было собрать всю энергію тоски въ человѣческихъ душахъ, какъ современная техника умѣетъ собирать и направлять атмосферное электричество,—получилась бы колоссальная движущая сила, какой еще нѣтъ въ распоряженіи человѣка. Но эта сила и не собранная существуетъ и дѣлаетъ свое дѣло; это она движетъ родъ людской къ невѣдомому совершенству. Въ жизни обществъ бываютъ нарочитые періоды тоски — именно тоски, т.-е. безпредметнаго недовольства и стремленія, какъ бываютъ и періоды совершенно опредѣленнаго недовольства и опредѣленныхъ стремленій,— и первые, кажется, неизмѣнно предшествуютъ вторымъ. Эти періоды тоски въ жизни обществъ точно такъ же субъективно мучительны и наружно уродливы, какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, но именно въ нихъ лежатъ живыя сѣмяна будущихъ всходовъ. Яркой эпохѣ „Молодой Италіи“ предшествовалъ долгій періодъ тоски, краснорѣчивымъ памятникомъ которой остался романъ Фосколо; и у насъ общественному оживленію 1856 — 1863 г.г. предшествовало тяжкое время, когда Грановскій старался заглушить свою тоску карточной игрой, а Герценъ писалъ полныя тоски страницы въ своемъ дневникѣ 1843—45 г.г. Оттого, когда вышли на сцену Чернышевскій и его сподвижники, увѣренно знавшіе, чего они хотятъ, Герценъ былъ вправѣ требовать отъ нихъ почтенія къ тоскѣ его поколѣнія, которая содержала въ себѣ больше, чѣмъ ихъ идеалы, и изъ которой эти идеалы выросли.

Сказанное нисколько не служитъ къ оправданію тоски, какого склонны искать люди, влюбленные въ свои настроенія. Истинная тоска и не нуждается въ оправданіи—она владѣетъ человѣкомъ наперекоръ его сознанію, онъ ненавидитъ ее и считаетъ въ себѣ болѣзнью или преступленіемъ. Но если бы не было этой тоски, человѣчество загнило бы, какъ болото. Ни одно чувствованіе, никакое душевное движеніе не остается замкнутымъ въ человѣкѣ, но всякое невидимыми волнами распространяется изъ него окрестъ, тѣмъ болѣе—такое могучее чувство, какъ тоска. Выраженіемъ лица, походкою, жестами, словами и самымъ тономъ безразличныхъ словъ она передается окружающимъ, смутно тревожитъ и колеблетъ довольную ограниченность,—она, какъ вѣтеръ, оплодотворяетъ души зародышами. Вопреки евангельскому сравненію, я думаю, что каменистыхъ душъ нѣтъ, и благое сѣмя прозябаетъ во всякой душѣ. Все дѣло въ томъ, чтобы разрыхлить твердую почву; есть безчисленныя степени разрыхленія и прозябанія, и такъ какъ каждое, даже минимальное просвѣтлѣніе души въ свою очередь передается кругомъ, то ни одно благое вліяніе не пропадетъ для общечеловѣческаго дѣла.

Да будутъ же почтены состраданіемъ и признаніемъ ихъ невольной заслуги всѣ тѣ, кто тосковалъ до насъ, всѣ „лишніе люди“, которыхъ Тургеневъ не выдумалъ, а видѣлъ вокругъ себя, и всѣ тоскующіе между нами, которыхъ больше, нежели мы думаемъ. Говорятъ, что русское общество снова оживаетъ послѣ летаргіи послѣднихъ лѣтъ, и, кажется, это вѣрно, но общество многослойно, многосоставно; въ немъ еще много тоски. Безмѣрной тоскою дышитъ современная русская поэзія, отъ послѣдняго стихотворенія А. Блока до „Пятой язвы“ Ремизова, отъ стиховъ и послѣдней дра-

мы Сологуба до романа Ропшина. Мы такъ привыкли, что уже не сознаемъ этого; но иностранецъ, почитавъ нашу беллетристику за одну только зиму, несказанно удивился бы этому сплошному унынію, и наоборотъ, мы, знакомясь съ послѣдними новинками нѣмецкой или французской литературы, удивляемся ихъ будничному тону. Эта черта нашей психики такъ поразительна, что мысль неизмѣнно останавливается на ней. Нельзя не думать, что русскому народу суждено выразить или осуществить какую-то высокую правду; и хочется сказать тѣмъ среди насъ, кто мучительно тоскуетъ непонятной тоскою, хочется сказать каждому изъ нихъ, что его тоска—не отрицательное, а положительное явленіе, не индивидуальная болѣзнь, а общечеловѣческая родовая мука. Благо тому, чья тоска еще въ немъ самомъ дастъ плодъ опредѣленнаго идеала: гордость и сила смѣнятъ въ немъ уныніе. Большинство лишены этой отрады; ихъ жизнь проходитъ смутно, не выразившись ни въ чемъ, и кажется—зачѣмъ же было мучиться? Но каждый изъ нихъ жилъ со своей тоскою среди людей, и, значитъ, какъ бы малъ онъ ни былъ на землѣ, онъ самъ влекся и другихъ невольно толкалъ къ невѣдомому совершенству.

Въ изгнаніи весь міръ тюрьма.

(Къ развалу въ эмигрантской средѣ).

Въ дни недавняго напряженнаго — увы, обманувшагося — ожиданія „большой“, юбилейной, амнистіи и въ обществѣ и въ печати оживился интересъ къ положенію нашихъ изгнанниковъ, выплеснутыхъ революціонной бурей въ разные зарубежные уголки,— къ ихъ горькому житью-бытью, къ ихъ настроеніямъ, судорожнымъ метаніямъ, къ давно уже переживаемому тамъ, въ эмигрантскихъ колоніяхъ, идейному и моральному кризису... Въ журналахъ и газетахъ за послѣднее время появился цѣлый рядъ относящихся сюда статей, очерковъ, а также появилась кстати новая повѣсть, вводящая насъ,— какъ и „На вѣсахъ жизни“ В. Винниченко, — въ самый бурливый и колоритный эмигрантскій мірокъ — парижскій. Это — „Во едину отъ субботъ“ А. Золоторева, въ 40-мъ сбор. „Знанія“. Это собственно не повѣсть, а вереница кое-какъ связанныхъ фельетонныхъ набросковъ, сценокъ и разговоровъ, разговоровъ безъ конца.

* * *

Въ своемъ фельетонѣ „Четъ и нечетъ“ („Рус. Вѣд.“ № 58) г. Бѣлоруссовъ разсуждаетъ о томъ, что наши политическіе эмигранты собственно говоря не на свободѣ, а въ „благоустроенной“ тюрьмѣ обрѣтаются.

„Несомнѣнно, — пишетъ онъ, — эмиграція своего рода большая, благоустроенная и нарядная тюрьма. Въ чемъ должно видѣть основной, главный признакъ тюрьмы? Въ тѣсныхъ предѣлахъ отведеннаго закоулка? Въ запертой двери? Въ окнахъ съ рѣшеткой? Въ сторожѣ съ ключами и револьверомъ въ коридорѣ? Нѣтъ. Все это—признаки второстепенные. Въ Петропавловкѣ камеры огромныя. Зимой 1905—1906 года мнѣ пришлось посидѣть въ одной изъ московскихъ тюремъ нѣсколько мѣсяцевъ въ незапиравшейся на день камерѣ. И рѣшетки въ окнахъ — не неизбѣжная вещь. Существеннымъ въ тюремномъ заключеніи является то, что человѣкъ, подверженный ему, стѣсненъ въ передвиженіи: онъ можетъ сколько ему угодно двигаться въ опредѣленномъ отведенномъ ему пространствѣ и лишенъ возможности и права перейти его границу. Совершенно второстепеннымъ является размѣръ отведеннаго ему для свободной циркуляціи пространства. Это можетъ быть тѣсная каморка арестанта или крѣпость, въ которой заключенъ военноплѣнный, или цѣлый городъ за предѣлы котораго не смѣетъ выйти ссыльный-поднадзорный, или, наконецъ, четыре пятыхъ земнаго шара, составляющія тюрьму эмигранта. Для запертаго въ келью арестанта недосягаемо все, что за стѣнами кельи; для военноплѣннаго границей доступнаго міра является крѣпостная стѣна; ссыльный-поднадзорный отождествляетъ свободу съ поскотиной. Эмигранту закрыта пятая часть земнаго шара, занятая „Россійской имперіей“. Конечно, количественная разница есть, — не все равно пользоваться свободой передвиженія отъ окошка до двери на пространствѣ двѣнадцати квадратныхъ аршинъ или катать изъ Константинополя въ Парижъ или отъ сѣвернаго полюса до южнаго. Тѣмъ не менѣе можетъ наступить,—и наступаетъ временами,—*психологическій моментъ*,когда вниманіе эмигранта становится равнодушнымъ ко всему доступному ему „широкому Божьему міру“, и вся мысль сосредоточивается на запертой для него границѣ Россійской имперіи. Человѣкъ начинаетъ тогда упорно думать:

„Что въ томъ, что я могу свободно ѣхать въ Аргентину и Новую Зеландію, въ Швейцарію и въ Марокко? Не хочу Марокко и не

хочу Новой Зеландіи. Хочу въ Москву, въ Воронежъ, въ Могилевскую губернію. Во всякомъ случаѣ хочу быть по ту сторону Вержболова, куда мнѣ нельзя. Черезъ запрещенную мнѣ черту!"

Одни называютъ это стремленіе ностальгіей, другіе—любовью къ родинѣ. Я думаю, что кромѣ нормальнаго и кромѣ болѣзненнаго стремленія къ *своему* здѣсь дѣйствуетъ и третій факторъ. Я увѣренъ, что если бы среди обширныхъ россійскихъ пространствъ отгородили одну десятину пустопорожней земли и воспретили доступъ на этотъ пустырь всѣмъ гражданамъ Россійской имперіи, то мы увидѣли бы курьезное зрѣлище. Увидѣли бы тысячи тоскующихъ людей собравшимися у забора, людей, мечтающихъ, какъ о счастьѣ, о доступѣ на заповѣдный пустырь. И для нихъ вся земля была бы тюрьмой, разъ пустырь закрытъ для нихъ. Точно такъ же міръ можетъ иногда казаться тюрьмой, разъ закрытъ доступъ въ „Россійскую имперію".

* * *

Это сознаніе, что „міръ—тюрьма", острѣе, мучительнѣе всего даетъ себя знать насильникамъ Россіи, ея изгоямъ, конечно, весною. И особенно должно сгущаться томленіе духа въ эмигрантской средѣ тамъ, въ Парижѣ, гдѣ такъ могуче дыханіе весны и такъ властны ея зовы.

Вотъ какъ это описывается въ повѣсти „Во едину отъ субботъ".

„Шла весна.

Исполинскія зеленыя волны бурнаго океана жизни, разгуливающія по Землѣ отъ вѣка изъ конца въ конецъ, изъ края въ край, съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ — дружною, буйною вереницей катились на сѣверъ.

Одна за другою, одна за другою, быстрѣй и быстрѣй, дальше и дальше на сѣверъ мощно-растущимъ урочнымъ приливомъ неслись, затопляя зеленью все на пути: спускались въ глубокія долины, вздымались на высокія горы, брызгая зеленью по голымъ камнямъ и скаламъ, перекидывались чрезъ широкія рѣки и озера, врывались въ каменные селенія и города.

Съ каждымъ днемъ поднималось все выше весеннее щедрое солнце, все жарче свѣтило и грѣло, все дольше стояло на небѣ, все глубже сѣяло горячіе живоносные лучи въ самыя нѣдра плодоносящей Земли.

Синѣли небеса и воды, зеленѣли поля и лѣса, розовѣли зори. Радужнымъ нарядомъ одѣвалась Невѣста-Земля, разноцвѣтнымъ узоромъ убиралась, и среди пышной зелени ея лѣсовъ и полей несмѣтные и разноцвѣтные, какъ звѣзды на небѣ, рождались подъ солнцемъ яркіе вѣнценосные цвѣты.

Въ рокотѣ-плескѣ вешней полой воды, въ шорохѣ-шелестѣ прѣющей и оживающей земли, въ радугѣ-огнѣ долгихъ вечернихъ и утреннихъ зорь просыпались, вставали отъ зимняго сна-омертвѣнія обитатели озеръ и рѣкъ, лѣсовъ и перелѣсковъ, горъ и долинъ, луговъ и полей, болотъ и приболотковъ. Пробуждались, воскресали, наполняя немолчнымъ гомономъ, шумомъ и гуломъ каждую зеленѣвшую пядь земли.

Шла Земля, ей вторило небо: съ радостнымъ гамомъ, клекотомъ, неслось по небу крикливое пернатое царство съ теплаго юга на родимый сѣверъ.

Пестрой симфоніей красокъ и звуковъ, чуднымъ оркестромъ несмѣтныхъ инструментовъ, радостнымъ хоромъ праздновала жизнь свое ежегодное урочное возрожденіе.

Что ни день, подбѣгали все ближе весеннія шумно-зеленыя волны къ Парижу; слышнѣе раздавался по улицамъ неуемно восторженный говоръ Весны, и голоса Города, всесильные и непобѣдимые среди зимняго безмолвія и сна, блекли и меркли, теряя силу и обаяніе надъ людьми.

Еще днемъ пестро-нестройный, радостно-пьяный говоръ Весны чуть слышенъ былъ, заглушался, тонулъ въ мѣрномъ, отрывисто-властномъ, трезво-дѣловомъ стукѣ и громѣ и грохотѣ Города, а ночью, неугомонный, незнавшій ни усталости, ни перерыва, онъ уже будилъ жителей города, лишалъ покоя и сна, вселялъ неизъяснимую, безпричинную тоску въ сердцѣ, кружилъ голову хмелемъ любовнаго томленія и нѣги и настойчиво звалъ за собою на дикую волю, на ширь и просторъ и раздолье куда-нибудь дальше отъ камня, стекла и металла.

Все нестерпимѣе становилось жить въ громадномъ и душномъ, какъ тюрьма, городѣ, въ рабскомъ плѣну у нелюбимаго дѣла, въ ненавистныхъ цѣпяхъ обыденщины... Озорной и разгульный весенній вѣтеръ то и дѣло задорно носился надъ городомъ, раздувая почку, и въ плѣнной душѣ горожанъ, гдѣ-то въ самыхъ исподнихъ ея глубинахъ, просыпалась исконная жажда бродяжничества: въ осѣдломъ человѣкѣ оживалъ непосѣдливый кочевникъ.

Оживалъ непосѣдливый кочевникъ, и въ теплыя разымчатыя ночи страстные сны, дразня и маня за собою, назойливымъ тревожнымъ роемъ летали надъ объятымъ весною Парижемъ.

Когда-то живая жизнь и правда дикой кочевничьей воли вставала неотступно зовущимъ

призракомъ передъ осѣдлымъ горожаниномъ въ его невольныхъ ночныхъ снахъ и грезахъ.

Шла Весна, шла и сильнѣе всего отзывались ея чары на русской коловіи, понятнѣе всего говорилъ русскимъ изгнанникамъ ея хмельной восторженно-дикій языкъ.

Колонія стала неузнаваемой: точно невидимый вихрь пронесся вдругъ надъ нею и разметалъ всѣ якоря, оборвалъ всѣ снасти, связи, причалы, которыми только что крѣпко держались изгнаннические корабли у гостепріимной пристани.

Началась какая-то нелѣпая суматошная бѣготня и хлопоты, и сборы, и маета.

Нельзя было сыскать, не стало въ колоніи человѣка, который бы не мечталъ о предстоящей поѣздкѣ изъ Парижа, не строилъ всевозможныхъ, всегда сказочно-заманчивыхъ предположеній, не сбирался въ далекую дорогу.

Зачѣмъ? Куда? Надолго ли? На какія средства? — Всѣ эти, казалось бы, самые важные и существенные вопросы какъ разъ ставились попутно, всего позже и рѣже, и даже совсѣмъ не ставились.

Нужно было уйти, бѣжать изъ Парижа это— главное. Куда? Зачѣмъ? Неважно! Если совсѣмъ не было ни мѣста, ни цѣли, то все равно бѣжать, бѣжать — куда глаза глядятъ...

А глаза непосѣдливыхъ русичей глядѣли съ весенней зовущей тоской, съ весеннимъ призывнымъ безпокойствомъ на весь необъятный Божій міръ.

Вотъ почему никто не удивлялся, ни опровергалъ, не спорилъ, а было чему удивиться, было о чемъ поспорить: придумывались самые неисполнимые планы, устраивались самыя неустойчивыя предпріятія, собирались вмѣстѣ въ дорогу самые непримиримые и несхожіе межъ собой люди.

Ничему не удивлялись, не спорили, даже не смѣялись другъ надъ другомъ, ибо все искупалось и покрывалось однимъ для каждаго колониста одинаково понятнымъ и святымъ чувствомъ, надъ которымъ стыдно, оскорбительно, кощунственно было бы смѣяться, все освящалось однимъ властнымъ стихійнымъ чувствомъ: уйти изъ Города, кинуть вдругъ опостылѣвшее уютное и насиженное мѣсто.

Чтобы какъ-нибудь достать денегъ, закладывали и продавали все, что имѣетъ въ чьихъ-нибудь глазахъ хотя какую-либо цѣнность; продавали новое платье, оставались въ старомъ: жертвовали самымъ любимымъ, самымъ завѣтнымъ: супруги — обручальными кольцами, студенты—книгами, рабочіе—инструментами; писали слезницы къ родителямъ и родственникамъ вплоть до дѣдушекъ и бабушекъ, дядюшекъ и тетушекъ, которыхъ долгіе годы не видѣли и даже никогда не знали; занимали деньги въ ростъ подъ большіе проценты, все съ расчетомъ, что именно послѣ этого путешествія откуда-то деньги явятся, непремѣнно явятся.

Ѣхали въ Америку, Африку, Австралію, словомъ—во всѣ части свѣта; шли пѣшкомъ по Европѣ въ разныя стороны и страны, переселялись куда-то на благословенные берега моря, и на какіе-то блаженные острова; жили тамъ за-дешево цѣлыми коммунами; шли работать поденщину по деревнямъ, косить, жать, на виноградники; пробирались домой въ Россію, одни прямо черезъ границу, другіе непремѣнно какимъ-то фантастичнымъ окружнымъ путемъ не то черезъ сибирскія тундры и Ледовитый океанъ, не то чрезъ далекую Индію, Китай и Японію, да и развѣ кто въ силахъ перечислить, о чемъ и какъ мечтаетъ русскій человѣкъ весною, да еще въ изгнаніи, овѣянный первыми, вкрадчиво зовущими ласками Весны!

И то были не однѣ сумасбродныя мечты, не однѣ красивыя фантазіи или, того хуже, пустыя, для разговора, слова. Нѣтъ! стоитъ захотѣть, развѣ есть что невозможное: воля человѣка всесильна. Мало-по-малу начинала рѣдѣть, таять и расползаться колонія.

День ото дня, сегодня одинъ, завтра—другой, и глядишь, тѣ, что съ горькой усмѣшкой, подавляя вздохи, говорили про себя: „Я, братъ ты мой, здѣсь въ Парижѣ, по каторгѣ стосковался“, въ самомъ дѣлѣ отрывались отъ тихаго и надежнаго пристанища и безслѣдно, зачастую навсегда исчезали изъ Парижа.

А Весна все шла и шла.

Уже то тутъ, то тамъ проворная рука чародѣйки намѣчала, гдѣ раскинуть пышно-зеленый, радужно-цвѣточный уборъ, уже не сегодня-завтра готова была вышить на сѣрой канвѣ стараго города, подернутой паутиной вѣковъ, свои младенчески-живые красочные узоры.

И вотъ, наконецъ, послѣ одной бурно-трепетной ночи съ громомъ и молніей, съ обильнымъ животворнымъ дождемъ, Парижъ проснулся умытымъ, нарядным и юнымъ.

Исполинскій урочный приливъ набѣжалъ за ночь на Городъ, затопилъ въ своихъ свѣжихъ, пахучихъ зеленыхъ волнахъ, принесъ съ далекаго благодатнаго юга живой воды радости, бодрости и ликованія, напоилъ пьянымъ весеннимъ хмелемъ душный, застоявшійся воздухъ города, вихремъ закрутилъ все вокругъ и побѣжалъ, побѣжалъ дальше на сѣверъ, оставивъ на память о себѣ первое зеленое ласково-шумливое вешнее утро.

Солнце стояло непривычно высоко, впервые послѣ хмурой и тусклой зимы заглядывая въ

самые глубокіе и темные закоулки и колодцы Парижа, несчетными брызгами свѣта падало съ неба на землю. Милліонами улыбокъ отражалось въ прозрачно-зеленыхъ водахъ Сены, на уродливо-кургузыхъ кровянно-красныхъ новорожденныхъ листочкахъ, на младенчески нѣжныхъ и ломкихъ стебляхъ травы, на вѣнчикахъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ, въ глазахъ у людей, на крышахъ и стеклахъ домовъ, на заново вымытыхъ ночнымъ дождемъ камняхъ мостовыхъ и панелей.

Все сіяло и искрилось, улыбалось и играло на солнцѣ первыми крупными слезами радости; все щедро, не жалѣя, дарило и отдаривалось на свѣтъ—свѣтомъ, на ласку—лаской, на радость—радостью, на счастье—счастьемъ".

Но тѣмъ несчастнѣе чувствуютъ себя на чужбинѣ русскіе люди, отрѣзанные отъ родины, родной весны.

— Талыя ночи!..—бесѣдуетъ о веснѣ съ Ольгой Тугариной Платонычъ. — Да вѣдь талыя ночи и половодные дни—вѣдь тутъ всѣ мы, русичи, солнцевы внуки! У насъ у каждаго свое половодье въ душѣ бываетъ, когда мы изъ себя выходимъ и много шире самихъ себя бываемъ. И свое заталье, когда въ душѣ таетъ, когда въ душѣ у насъ далекія звѣзды отражаются. Когда мы—это вѣрно—въ пути, безконечнѣйшемъ звѣздномъ пути себя чуемъ. Пусть на одинъ мигъ... но кто этого не видѣлъ, не ощущалъ, тотъ ничего въ нашей русской душѣ не пойметъ! У насъ весною что-то посильнѣе насъ самихъ просыпается, и ходимъ мы, какъ заколдованные, не своей властью. И что мы тогда выкидываемъ, что только выкидываемъ!..

* * *

Въ названномъ произведеніи г. Золотарева дѣйствуетъ около двухъ десятковъ эмигрантовъ, и среди нихъ чуть ли не одна Настя, по словамъ ея товарищей, „блеститъ, какъ алмазъ", только въ ней видятъ „какой-то незапятнанный и ясный просвѣтъ къ будущему".

А остальные — сами признаются откровенно и безнадежно, что они „суть порожденіе Ильи Обломова и Васьки Буслаева", и или по-буслаевски *мечутся* „въ неутомимыхъ и неутолимыхъ поискахъ родимой матушки отъ злой мачехи", часто созодавая своими этими „буслаевскими поисками" немало заботъ парижской полиціи, или же — уже „по-обломовски" — погружаются въ тепленькую ванну сновъ („въ бездонный океанъ сновъ" — гордо объясняютъ они сами, цитируя Тютчева):

— Я теперь одними снами и живу: то снится, что было въ Россіи, то — что ждетъ насъ всѣхъ, и очень скоро въ Парижѣ... А такъ жизнь, какъ она есть, безъ сновъ, — не пріемлю—хваалится Внучекъ.

А если не хватаетъ сновъ настоящихъ, то можно грезить на яву, соорудить какую-нибудь красивую мечту — и для самоуслажденія и для самооправданія.

— Всѣ гонимые, бѣгущіе, въ бѣгахъ и нѣтяхъ обрѣтающіеся, словомъ, всѣ, кто изъза порядка въ мірѣ съ Богомъ тягается, это будущій Израиль,— проповѣдуетъ одинъ изъ такихъ фантазеровъ.— Такъ хорошо мнѣ нашего брата одинъ монахъ опредѣлилъ... Вы не смѣйтесь! Это я, пожалуй, и не совсѣмъ въ шутку. Великое дѣло — въ бѣгахъ обрѣтаться! Вы послушайте какъ-нибудь на этотъ счетъ Зодчаго (тоже эмигранта): онъ вамъ любопытнѣйшаго разскажетъ. Бѣгство, говоритъ, въ людяхъ центробѣжную силу развиваетъ. Потому всѣ религіи, а съ ними и лѣтосчисленія, отъ коихъ вся жизнь наша зависитъ, съ бѣгствъ да съ изгнаній разныхъ начинаются... Въ бѣгствѣ — импульсъ къ исторіи. Выгнали Адама изъ рая—одно лѣтосчисленіе, бѣжалъ Христосъ въ Египетъ — другое, Магометъ въ Медину — третье... Неужели же съ нашими бѣгами изъ Россіи въ Парижъ такъ-таки ничего путнаго и не выйдетъ? Чай, кто-нибудь изъ насъ до большой идеи добѣгается.

* * *

Мы на одномъ изъ „обычныхъ собраній лѣвобережной русской колоніи, — на Avenue Choisy.

„... Играя своимъ пенснэ, которое то и дѣло падало у него съ носа, гармонично покачивая на длинныхъ ногахъ худое туловище и отъ времени до времени простирая къ публикѣ руки, такъ что было страшно за него — вотъ-вотъ потеряетъ равновѣсіе и упадетъ,— Внучекъ не читалъ, а отчитывалъ свою аудиторію.

Онъ говорилъ о послѣ-революціонномъ россійскомъ распутьи, объ исканіи взапуски новыхъ путей на старыхъ и пройденныхъ человѣчествомъ дорогахъ, о безнадежныхъ попыткахъ оживить давно умершихъ мертвецовъ: онъ обличалъ, онъ негодовалъ, но—странно— между ораторомъ и слушателями точно завѣса висѣла, и рѣчь Внучка была безсильна пронизать эту завѣсу и ударить по сердцамъ, зажечь, воспламенить слушателей".

Но вотъ — „по залу пронесся легкій трепетъ, точно всѣ проснулись и заволновались, какъ поле спѣлыхъ и пригнувшихся къ землѣ колосьевъ отъ внезапнаго порыва вѣтра.

Теперь Внучка одни слушали, закрывъ отъ удовольствія глаза, другіе выразительно пере-

глядывались межъ собой и, покачивая головами, иронически улыбались.

А Внучекъ, не видя, не слыша ничего, несся стремглавъ. Какъ это бываетъ съ иными людьми, онъ перескочилъ со своей главной темы и, заразившись мечтательнымъ настроеніемъ аудиторіи, расфантазировался на любимую тему о славянскомъ геніи.

Только что обличавшій всяческія религіозныя исканія въ Россіи, какъ признакъ усталости, разочарованія въ своемъ дѣлѣ, какъ стремленіе уйти, убѣжать въ безплотную и тѣмъ самымъ безплодную мистику отъ подвижническаго многослезнаго и кроваваго труда устроенія жизни, Внучекъ теперь съ паосомъ проповѣдника убѣждалъ и себя и другихъ, что если и суждено родиться на свѣтъ новой религіи, то не здѣсь, на Западѣ, въ Европѣ, утратившей непосредственную связь съ космосомъ, давно претворившей всѣ свои темныя чувства, предчувствія и догадки въ ясную мысль, а именно въ Россіи, гдѣ еще жива и сильна геніальная, связующая космосъ и человѣка интуиція первобытныхъ младенческихъ народовъ. Но и въ Россіи не среди интеллигенціи болѣе европейской, чѣмъ сама Европа, а тамъ, въ народныхъ глубинахъ, гдѣ еще живъ великій объединитель, великій синтетикъ міра—Востокъ, гдѣ еще нѣтъ западной дифференціаціи, гдѣ жива еще поднесь и дѣйственна интегральная зародышевая ткань человѣчества, искони созидавшая изъ себя всѣ великія философскія системы и религіозные синтезы міра.

— „Да! да! именно тамъ гдѣ-нибудь въ заволжскихъ лѣсахъ, на тихихъ и чуткихъ берегахъ лѣсныхъ озеръ, неслышно поднимется, а, можетъ, поднялась уже, когда-то ушедшая въ землю святая обитель, зазвонятъ на всю Русь, на весь міръ ея святые колокола, и новые народные подвижники, какъ это было всегда и повсюду, вступятъ со старшною въ смертный бой за свое новое слово, за свою новую святыню и правду“...

— „Это будетъ религія, созданная народомъ въ годину тяжелыхъ испытаній, и такая религія не будетъ страшна нашей революціи, ни наша революція не устрашитъ такую религію“...

Зала затрепетала отъ аплодисментовъ: послѣднія слова ударили по какимъ-то тайнымъ струнамъ души, разбудили какія-то слишкомъ глубокія и завѣтныя мысли, въ которыхъ не каждый признавался даже самому себѣ. Но въ то же время гдѣ-то надъ самымъ ухомъ Ольги и еще по угламъ раздались, прорѣзавъ и покрывъ, потушивъ собою аплодисменты, пронзительные, отчетливые и тревожные свистки: опасность, смертельная опасность была во время замѣчена и возвѣщена отчаяннымъ свистомъ“...

— И что это съ народомъ дѣется, право? (—иронизируетъ потомъ по поводу „религіозныхъ антифоновъ“ Внучка его пріятель Платонычъ). Понять невозможно. О религіи вспомнили, и это — въ Парижѣ!.. Есть, знаете, анекдотъ... Не совсѣмъ онъ остеръ, но очень къ нашему брату подходитъ, то-есть—во какъ!.. Я его разскажу, а вы на остроуміи не взыщите—юморъ семинарскій: дышитъ богословіемъ... Пришла разъ баба къ попу, проситъ молебенъ закатистый — съ акафистомъ, самый настоящій, значитъ. Заломилъ попъ цѣну. „Хорошо,—говоритъ баба,—я на все согласна, только пой попстовѣе“. Поютъ — стараются, что есть силъ, и попъ, и дьяконъ, а баба стоитъ, умиляется. Кончили.—Ну, давай деньги!—Какія?—За молебенъ.—Христосъ съ вами! Да вы на то къ церкви Божьей приставлены—молебны пѣть! Никакихъ денегъ вамъ не будетъ: молебенъ вы отпѣли; теперь вы — домой, и я—домой по своимъ дѣламъ, а молитва—къ Богу!.. Остолбенѣлъ было попъ отъ бабьей хитрости, но не будь глупъ, спохватился. „Переворачивай, — кричитъ на всю церковь, — переворачивай, отецъ дьяконъ, ризы-то напзнанку, да давай распѣвать молебенъ: посмотримъ, что съ бабой будетъ! Мы тебѣ весь молебенъ задомъ напередъ повторимъ, только держись теперь: пойдетъ твоя молитва вмѣсто Бога къ дьяволу!..“ Испугалась глупая баба и въ ноги. — Не губите, — воетъ, —душу христіанскую. На-те вамъ деньги, корыстолюбцы вы этакіе, не распѣвайте вы сами себя, не берите на душу свою срама!.. Такъ вотъ, Рюриковна, у насъ что-то вродѣ этого выходитъ. Ризы-то мы уже напзнанку надѣли и революцію „распѣвать“ начали... А сраму-то сколько впереди, сраму-то сколько на душу взяли...

* * *

Одинъ изъ довольно видныхъ эмигрантовъ, Н. Рыссъ, въ февральской книжкѣ „Рус. Мысли“ дѣлится своими впечатлѣніями и выводами въ качествѣ наблюдателя эмигрантской жизни.

„Попали мы въ пасть діавола. Долго и страстно мечтали о пришествіи царства абсолютной справедливости. На меньшее никакъ не соглашались. Готовились къ райской жизни, муштровали душу и тѣло—и попали въ лапы къ сатанѣ.

Я видѣлъ за эти годы сотни людей, скитающихся вдали отъ родины. Хорошіе имѣются

среди нихъ и дурные. Умные и глупые. Искренніе и фальшивые. И всѣ они родились въ бурѣ и промчались въ ураганѣ.

...Было одно, стало совсѣмъ другое. День сразу смѣнился ночью: такова наша особенность. У насъ все живетъ одинъ лишь день. Ярко, кипуче, съ темпераментомъ, но — одинъ лишь день. Сегодня да здравствуетъ Лавровъ! Завтра слагаемъ гимны въ честь Маркса, черезъ два дня торжествуетъ Сашинъ, еще черезъ два — Вейнингеръ. Не имѣя собственнаго багажа, мы слабы *своими* традиціями, *своей* культурой. Не доходимъ, а прибиваемся. Утеряли на годъ родину — и оказываемся безъ почвы, такъ какъ мало *своего*. А ушли отъ родины надолго — носимся въ безвоздушномъ пространствѣ, никуда не умѣемъ приткнуться, ходимъ опустошенными какими-то. Оттого-то сегодня мы — бакунисты, а завтра — д'Аркуристы, поклонники абсолюта изъ разудалаго кафе Д'Аркуръ.

Неужели долго еще такъ будетъ? А ко всему — внѣшнія причины. О, этотъ свирѣпый ураганъ! Онъ пронесся съ хаотической быстротой. Въ блескѣ молній мы видѣли лишь край неба, а черной земли и не замѣтили. Кружились, то поднимаясь къ облакамъ, то опускаясь до верхушекъ деревьевъ. Но вихрь промчался — и оказалось, что мы застряли въ липкой грязи. Захотѣлось отдохнуть, подумать и *о себѣ*. Но мало въ насъ вообще своего, все пользуемся чужимъ. Интересы личные свелись къ злоупотребленію ѣдой, питьемъ и прочимъ. Общественные — къ разсужденіямъ о томъ, зачѣмъ и для чего кто-то у кого-то укралъ деньги. Литературу Достоевскаго, Тургенева и Толстого замѣнили литературой Бурцева и Бакая. Жизнь Данте насъ интересуетъ въ стократъ менѣе, нежели жизнь и дѣянія Азефа.

Произошло страшное и безсмысленное. Сенсація обнажаетъ самое сокровенное, ничего не стыдится, какъ пьяная, старая натурщица. Рушились надежды, рушилась элементарная человѣческая мораль; сенсація сорвала покрывало съ интимнаго, — и эмиграція осталась въ исподнемъ. Накипь дѣлается все гуще. „Откровенность“ превращается въ подлую и циническую болѣзнь.

Вчера еще старались побороть въ себѣ зло, стыдливо (искренно-стыдливо) прятали его отъ постороннихъ. А сегодня, гордо подбоченясь и оглядывая постороннихъ, ведутъ себя, точь въ точь какъ перепившіеся въ отпуску наемные солдаты. Въ великомъ Вавилонѣ — имя ему Парижъ — русская эмиграція выработала особую психологію беззастѣнчивости. Беззастѣнчивость въ личной жизни, беззастѣнчивость въ общественной дѣятельности!

Но если презрѣть людей, органически испорченныхъ, всѣхъ этихъ бритыхъ во всѣхъ смыслахъ пивановъ, — для прочихъ не найдешь и слова упрека. Стынутъ на устахъ слова укоризны, такъ жалко этихъ обойденныхъ людей. Погрязли въ сплетняхъ, дракахъ, грязи. Идетъ повальное пьянство, а людямъ — прескверно. Пьютъ — и въ пьянствѣ хотятъ потопить тоску. Ругаютъ Россію, но безумно любятъ ее. Русскій человѣкъ — всегда патріотъ. Въ этомъ наша сила и слабость, наша гордость и уничиженіе. Сила и гордость, такъ какъ великая вещь — патріотизмъ, и многое дастъ онъ Россіи въ будущемъ, когда создастся и отшлифуется наша культура. Слабость и уничиженіе, такъ какъ при мягкости характера мы преувеличиваемъ собственныя достоинства, одновременно находя оправданіе нежеланію своему взять отъ Европы то, въ чемъ мы такъ нуждаемся: уваженіе къ себѣ, уваженіе къ труду и представленіе о времени. Оттого-то мы откровенны предъ всѣми, плюемъ себѣ въ бороду и проводимъ жизнь безъ часовъ, не зная — вечеръ или ночь уже наступила. Свой патріотизмъ мы отрицаемъ, но ни одного умнаго и наблюдательнаго иностранца не обманемъ. И, всенародно отрицая патріотизмъ, обнаруживаемъ именно неуваженіе къ себѣ. И потому ни обыденной своей жизни, ни приспособленныхъ къ жизни общественныхъ теорій не можемъ построить. А безъ уваженія къ себѣ, безъ *своего* на чужбинѣ мы умѣемъ только тосковать. Такихъ людей нельзя уважать — и насъ не уважаютъ. Кто мы въ глазахъ иностранцевъ? Не вѣрьте, будто насъ не уважаютъ за то, что мы ходимъ плохо одѣтыми и несуразными. Не лучше насъ одѣты вевгерцы, нѣмецкая бѣднота, польское крестьянство, а иначе къ нимъ относятся въ чужихъ странахъ. Еще недавно тѣ же французы относились и къ русскимъ эмигрантамъ съ уваженіемъ. Ибо другой была русская эмиграція. Она жила въ надеждахъ, была бодрой. Со дня на день ждала момента, когда съ барабаннымъ боемъ возвратится на родину, вѣрила *въ себя* и въ *свои силы*. О такихъ людяхъ иностранцы думаютъ, какъ о „бравыхъ ребятахъ“.

Произошла перемѣна. Живутъ теперь на чужбинѣ безъ надеждъ на скорый возвратъ на родину. Машутъ рукой, если ихъ спрашиваютъ, когда поѣдутъ обратно. Слабые, оторванные отъ родныхъ корней, опустились. *Въ себѣ* не чувствуютъ моральной крѣпости. А духовнаго контроля нѣтъ, слабымъ людямъ для такого рода контроля нужна родина, какъ слабымъ подросткамъ — семья, чтобы былъ примѣръ, чтобы было указаніе. А нѣтъ родины — люди „распускаются“, на все машутъ рукой. Можетъ ли

нѣмецъ, англичанинъ, тѣмъ болѣе французъ, уважать такихъ людей? Раньше онъ мыслилъ ихъ, какъ будущихъ господъ, временныхъ бѣглецовъ. Теперь эмигранты для него только — déclassés, люди, потерявшіе свою сословность и сословную работу. Ходятъ всѣ вмѣстѣ: дворяне и крестьяне, интеллигенты и чернорабочіе—и ничего не дѣлаютъ. И еще больше не уважаетъ иностранецъ эмигрантовъ, такъ какъ они люди безъ надежды возвратиться на родину, какіе-то dépaysés, въ обоихъ смыслахъ этого слова. Осѣсть, пристать къ чужому—не могутъ, да и не умѣютъ. *Своего* почти что нѣтъ ничего. Физической родины—не увидятъ, пожалуй: ils sont dépaysés.

...Въ наѣзды свои въ Парижъ я проклиналъ распутный городъ и готовъ былъ проклясть всѣхъ тѣхъ, кто отъ далекихъ полей Россіи прибился къ парижскимъ бульварамъ. Упорно искалъ въ Содомѣ праведниковъ—и не находилъ ихъ.

Но все-таки и здѣсь живутъ праведники. Бродятъ одиночками, одиночками помираютъ. Они наивны, какъ подобаетъ праведникамъ, ибо вѣруютъ по-дѣтски, какъ бы ни смѣялась надъ ними судьба, какъ бы ни издѣвались люди. Увидѣлъ я воскресшимъ старый міръ: гранитъ еще не вывѣтрился. Сколько было ихъ— не помню: не то пятнадцать, не то семнадцать. Не тѣ пронырливые, вѣчно ищущіе сенсацій и скандаловъ, что шатаются по всякимъ эмигрантскимъ собраніямъ. Нѣтъ, тѣ—другіе, *старые*. Блѣдные, суровые къ себѣ и къ жизни, съ фанатической вѣрой въ будущее, въ побѣду добра. Устремили глаза вверхъ—и не видятъ. Мимо нихъ проходитъ теперешняя „цивилизація".

Пришли со всѣхъ концовъ города. Взобрались по скрипучей лѣстницѣ. Вошли въ небольшую комнату съ шипящимъ газомъ. Брр... какъ холодно, до тошноты накурено. Какъ встарь, въ дни далекаго и столь еще недавняго прошлаго. Говорятъ о странныхъ въ наше время матеріяхъ. Не слышно анекдотовъ, исторій кражъ и любовныхъ похожденій. Вотъ человѣкъ, которому сидѣть бы на кафедрѣ и поучать молодежь химіи. Вотъ измотанная долгими годами тюремъ и лишеній привѣтливая старуха, всѣмъ прощающая, всѣхъ любящая, даже своихъ тюремщиковъ. И ты, мрачный философъ, вотъ уже четверть столѣтія ищущій правды съ упорствомъ алхимика, который всѣ свои неудачи приписываетъ несовершенству стекла, изъ коего сдѣлана колба. Высокій, со спокойными и рѣшительными глазами человѣкъ въ рабочей блузѣ. Ею хочетъ прикрыть онъ благородство своего происхожденія—не поможетъ маскарадъ.

Ваши рѣчи наивны, вашъ энтузіазмъ потонетъ въ нагломъ смѣхѣ соотчественниковъ, прожигающихъ свою жизнь. Съ могучей вѣрой въ справедливость судьбы пронесли вы огонь вѣры и паосъ вдохновенія черезъ грязь и пошлость, мимо Азефа и Бурцева, мимо бритыхъ молодцовъ и декольтированныхъ дѣвицъ. Съ наивной вѣрой праведниковъ вы всѣхъ встрѣчныхъ хотите заставить подняться вверхъ...

На колокольнѣ бьютъ часы. Засыпаетъ великій грѣшный городъ. Въ глубокой ночи бодрствуютъ на мансардѣ пятнадцать праведниковъ. Ведутъ разговоры о томъ, чего нѣтъ, но что будетъ, что *должно* быть, для чего созданы міръ и въ немъ—человѣкъ. Должно! Въ Парижѣ — и категорія долженствованія! Кафе д'Аркуръ—и аргументація отъ Канта!... Плетутся по улицѣ запоздавшіе гуляки изъ соотчественниковъ. Въ раскрытое окно несется:

Тебя, мой другъ Марго,
Я долго не забуду.
Весь вѣкъ свой помнить буду,
Марго, Марго...

Скрипитъ лѣстница. Тихо расходятся по домамъ мечтатели. Шагаютъ долго, попыхивая крученными папиросами. Взбираются на пятые и шестые этажи. Усаживаются у холодныхъ, давнымъ-давно потопленныхъ каминовъ и мечтаютъ, мечтаютъ. Все о томъ же. Повѣрьте, если бы не умѣли и не хотѣли они мечтать... видите эту желѣзную рѣшетку окна?—ухватились бы за нее руками, перескочили черезъ нее—и бросились бы внизъ головой. Стояла бы завтра раннимъ утромъ надъ трупомъ толстая зеленщица. Глядѣла бы на искаверканое тѣло, на забрызганный мозгами тротуаръ и вздыхала: „Pauvre garçon... pauvre garçon"... И хоронили бы толпой, возлагали вѣнки, и бритый ріторъ, колотя себя кулакомъ въ грудь, говорилъ бы о высокихъ идеалахъ.

Смыслъ жизни въ сужденіяхъ учащейся молодежи.

(По даннымъ общестуденческой анкеты 1912 г.).

Отысканіе смысла жизни—это одна изъ задачъ, которыя хотя бы примитивно, хотя бы путемъ компромиссовъ и только съ „извѣстнымъ приближеніемъ", но должны быть разрѣшены каждымъ. „Должны"—такъ какъ жестокіе неологизмы жизни ни для кого не могутъ пройти незамѣченными и не могутъ не потребовать себѣ оправданія. Для людей же съ неустойчивымъ настроеніемъ, въ рядахъ ко-

торыхъ стоитъ почти поголовно вся наша учащаяся молодежь, якорь спасенія—въ отысканіи смысла жизни. Нигдѣ такъ много и такъ болѣзненно не трактуется этотъ вопросъ, какъ именно въ средѣ учащейся молодежи; о томъ, какъ онъ разрѣшается, можно отчасти судить по данными общестуденческой анкеты, производившейся въ началѣ 1912-го года въ Петербургѣ врачами Г. И. Гордономъ и Е. И. Радинымъ отъ имени общества охраненія народнаго здравія. Анкета имѣла своею цѣлью выяснить соціологическій и психологическій обликъ современной учащейся молодежи. Было разослано 20.000 опросныхъ листовъ, отвѣтовъ получено съ небольшимъ 2.000. Вопросы были поставлены очень широко и охватывали всю личность учащагося.

Между прочимъ, въ отдѣлѣ XV, подъ № 65, въ опросномъ листѣ стоитъ: „Приходилось ли вамъ думать о смыслѣ жизни?“ На этотъ вопросъ отвѣтили 1715 человѣкъ: 1526 человѣкъ указали, что думали о смыслѣ жизни; 115 человѣкъ не думали о смыслѣ жизни; 74 человѣка находятъ, что не слѣдуетъ думать о немъ, такъ какъ мысли эти нарушаютъ душевное равновѣсіе или все равно ни до чего не додумаешься; наконецъ, нѣкоторые находятъ вопросъ праздными.

Изъ тѣхъ, кто думалъ о смыслѣ жизни, очень немногіе подходятъ къ вопросу съ философской или мистической точки зрѣнія. Большинство старается подѣлиться своими взглядами, имѣя практическую цѣль—указать путь, слѣдуя которому, каждый выходилъ побѣдителемъ изъ запутанныхъ жизненныхъ сплетеній и противорѣчій.

Смыслъ жизни—въ самой жизни,—отвѣчаетъ большинство студенчества, относящееся положительно къ жизни. Отъ пессимистовъ, разочарованныхъ столь же опредѣленный отвѣтъ: жизнь безсмысленна.

Казалось бы, нѣтъ примиренія между этими крайними сужденіями. Но невозможность только кажущаяся. Когда вдумаешься во всю широту понятія о смыслѣ жизни—въ его философскомъ, общечеловѣческомъ и личномъ значеніи, выясняется, что нельзя придавать отвѣтамъ безусловнаго характера. Получается примиреніе между крайними полюсами, если вопросъ о смыслѣ жизни понимать, какъ вопросъ: кто чѣмъ живетъ, какъ преобладающее направленіе мыслей, чувствованій и желаній. Такъ и понимало смыслъ жизни большинство анкетируемыхъ.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, неудивительно, что основныя стремленія молодой души, тотъ преобладающій возбудитель жизни, руководящій ея мотивъ, который звучитъ сильнѣе всего въ данное время, не можетъ уложиться въ краткія „да“ или „нѣтъ“, а получается чрезвычайно интересное и сложное психологическое отраженіе всѣхъ душевныхъ переживаній молодежи, цѣлая картина, огромное полотно, на которое съ неотрывающимся, захватывающимъ интересомъ смотришь и не знаешь, гдѣ же основная линія, тотъ узелъ, на которомъ не перекрещиваются всѣ пути и исканія смысла жизни молодежью? Однако, подраздѣляя и группируя наиболѣе интересные и характерные отвѣты, сохраняя возможную краткость и избѣгая повтореній, намъ удалось на основномъ фонѣ то оптимизма, радости жизни, то мрачныхъ красокъ выдѣлить главныя путеводныя линіи. Получились слѣдующія группы: *жизнь, какъ часть вселенной; познаніе; трудъ; свое „я“; источникъ наслажденій; любовь къ женщинѣ или мужчинѣ; общественное служеніе; религіозное достиженіе; борьба за существованіе; психологическая цѣнность.*

Точка пересѣченія всѣхъ этихъ столь разнообразныхъ стремленій не можетъ быть найдена, это также немыслимо, какъ одинъ общій снимокъ со всѣхъ лицъ учащихся. Индивидуальныя наклонности, переживаемый періодъ душевнаго развитія тѣмъ или другимъ изъ учащихся—это часть цѣлой книги душевной жизни—книги паденій и совершенствованія, которую проходитъ всякій, безъ поддержки, на свой рискъ и страхъ.

Часть вселенной. „Есть лишь вѣчная сверхъ-красота, ни начала, ни конца я не вижу—это жизнь Космоса. Чувствовать себя органически слитымъ, растворившимся въ жизни Космоса—есть познаніе этой красоты. Человѣческое общество должно было бы быть самымъ яркимъ, самымъ свѣтлымъ камнемъ въ морѣ этой красоты“. „Per aspera ad astra!“ Твердо помню одно: сколько бы тяжелаго горя и мрачныхъ разочарованій жизнь не таила въ себѣ,—до конца дней моихъ буду жадно пить изъ „чаши бытія“. Ибо не одно только горе и тяжкій трудъ жизнь несетъ съ собой,—въ ней есть и восторги любви и красота потухающей зари“. „Жизнь—чрезвычайная рѣдкость въ природѣ, надо, чтобы она превратилась въ дружный гимнъ Творцу среди мертвыхъ міровъ. Хотѣлось бы быть однимъ звукомъ въ этомъ гимнѣ“. Таково мнѣніе очарованныхъ бытіемъ, природою вселенной.

Сліяніе съ природою, съ жизнью вселенной иногда носитъ характеръ того якоря спасенія, за который цѣпляются разочарованные, близ-

кіе къ самоубійству: „если бы иногда не проглядывало солнце, не улыбались бы дѣти, если бы природа не была такъ прекрасна, то навѣрно вопросъ о самоубійствѣ былъ бы разрѣшенъ давно уже; люди только толкаютъ другъ друга на смерть“. По мнѣнію пессимиста, построившаго свое реалистическое міросозерцаніе на основаніи естественныхъ наукъ, не находящаго объективнаго смысла въ жизни—„жизнь возникла въ силу эволюціи матеріи, а не по осмысленному желанію кого-либо. Въ силу этой эволюціи она продолжается и со временемъ прекратится. Такъ какъ нѣтъ никого, кто бы создалъ жизнь, то очевидно нѣтъ и смысла у само-собой возникшей жизни. Поэтому человѣчество никогда и не найдетъ смысла въ жизни. Оно можетъ разрѣшать только „міровыя загадки“: законъ, по которому построено и возникло мірозданіе. Каждый же человѣкъ можетъ ставить себѣ ту или другую цѣль и разрѣшать ее. Это и есть смыслъ его жизни. Прогрессъ человѣчества—въ смыслѣ постиженія основныхъ законовъ мірозданія: люди будутъ, какъ Боги, почти всевѣдущи и всемогущи и, наконецъ, вымрутъ, какъ какіе-нибудь микробы, не оставивъ для вѣчности никакого слѣда и не познавъ „начала всѣхъ началъ“.

Познаніе. „Цѣлью своей жизни я поставилъ какъ можно болѣе всестороннее познаніе, изученія; поэтому изъ всѣхъ существующихъ наукъ признаю только науки о природѣ. Но заниматься этими науками я буду не для того, чтобы сдѣлать какой-нибудь цѣнный вкладъ въ нихъ, чтобы прославиться въ научномъ мірѣ,—но исключительно для удовлетворенія своей собственной, слѣдовательно, эгоистической жажды къ познанію природы, вытекающей изъ безграничной любви къ ней (я убѣжденный пантеистъ)“. „Смыслъ жизни для меня—стать образованнымъ человѣкомъ. Какъ опредѣленіе образованнаго человѣка, принимаю опредѣленіе Нихlеу'емъ англійскаго джентльмена, выдвигая на первый планъ „пріобрѣтеніе твердыхъ познаній великихъ фундаментальныхъ истинъ природы и законовъ, по которымъ она творитъ“, развитіе на этомъ своего мыслительнаго аппарата и пріобрѣтеніе любви къ истинно красивому и высокому“.

Трудъ. „Смыслъ жизни въ трудѣ, когда не тревожатъ только побужденія чувственнаго характера. Въ трудѣ только можно забыться, когда безпокоятъ плохія обстоятельства, горе, гнѣвъ и вообще все то, что волнуетъ душу“. „Чувствую себя одинокимъ и борюсь съ этимъ трудомъ“. „Одно желаніе—уйти въ работу на медицинскихъ курсахъ, въ которую нырнешь и забудешь, что внутри тебя „я“, которое хочетъ жить“.

Свое „я“. „Вѣчно занятъ собой, „80 тысячъ верстъ вокругъ самого себя“. Интересуюсь только тѣмъ, что такъ или иначе, относится ко мнѣ. Въ высшей школѣ друзей еще не успѣлъ пріобрѣсти. Сознательную выработку міросозерцанія совмѣстно, въ кружкахъ и т. д. считаю глупостью. Міросозерцаніе слагается само собой, какъ выраженіе лица, походка, почеркъ и т. д. Одинокъ вездѣ и всегда; когда надоѣдаетъ быть съ самимъ собою, читаю книгу, иду въ театръ, болтаю съ кѣмъ-нибудь. Людьми интересуюсь, люблю ихъ наблюдать и сопоставлять съ собою, хотя большую часть окружающихъ презираю и считаю ниже себя. Идеалъ мой: быть всѣхъ умнѣе, образованнѣе, развитѣе и оригинальнѣе. Мое страстное желаніе стать рано или поздно извѣстностью. Хочется также быть богатымъ. Часто мечтаю о томъ, какъ я найду на улицѣ бумажникъ съ 20—30 тысячами, или выиграю. Хочется еще, сдѣлавшись богатымъ, объѣздить Россію, съѣздить за границу, все видѣть и все высмотрѣть“. „Признаю себя выше всего окружающаго. Въ послѣднее время наиболѣе яркое впечатлѣніе—раздраженіе, вызываемое обиліемъ приверженцевъ глупо-слюняваго міросозерцанія. Въ средней школѣ былъ со всѣми товарищами почти на хорошей ногѣ. Близко стояли товарищи съ нѣкоторымъ интеллектуальнымъ развитіемъ, авторъ совмѣстно съ оными образовалъ своего рода „классную аристократію“, считавшую себя (и признаваемую остальными) выше „темной массы“. Центральное мѣсто въ нынѣшнемъ міровоззрѣніи занимаетъ индивидуальное „я“; наука, искусство и природа вообще разсматриваются, какъ фонъ, служащій для оттѣненія личности. Уважаетъ Ницше, между прочимъ. Теоретически сочувствуетъ декадансу. Отъ поры до времени совершаются продолжительныя прогулки—или драки съ товарищемъ“.

Чтобы покончить съ такимъ голымъ преклоненіемъ передъ своимъ „я“, напоминающимъ поклоненіе природѣ, всему естественному, включительно до потребности стать „бѣлокурой бестіей“, примитивнымъ человѣкомъ, находящимъ удовольствіе въ дракѣ съ товарищемъ, приведу нѣсколько сужденій поклонника природы, современнаго Базарова, нигилистически относящагося ко всему остальному: „бракъ необходимъ для свиней. Проституція—эту подпись можно было бы написать на всей современной культурѣ. Половая женская проституція только ничтожная крупица всеобщей проституціи и притомъ далеко не самая отвратительная.

Природа занимаетъ огромное мѣсто въ міровоззрѣніи. Во всемъ инстинктивно дорожу природнымъ; отъ словъ тошнитъ невыносимо". На вопросъ, предпочитаетъ ли гражданскіе мотивы или упадочность современной литературы, отвѣчаетъ: „плюю на все это продажное кривлянье". Смотритъ на свою будущую практическую дѣятельность, какъ на „битье человѣчества кулакомъ въ темя, чтобы оно стало собой".

Источникъ наслажденій. „Смыслъ жизни въ томъ, чтобы жить — vivere tomento. Чѣмъ шире, чѣмъ разностороннѣе, глубже и прекраснѣе наши переживанія, тѣмъ лучше. Мы должны сдѣлаться богами, развить въ себѣ самое цѣнное, что только есть въ человѣкѣ, а именно—чувство прекраснаго, единственное безкорыстное, единственное святое, притомъ элементарное, не поддающееся (слава Богу) никакимъ анализамъ чувство! „Будемъ, какъ солнце!—(золотыя слова) сказалъ Бальмонтъ, и я, по мѣрѣ силъ, слѣдую этому совѣту. Жизнь полна смысла и прекрасна".

Сторонникъ индивидуализма съ тенденціей къ ницшеанскому сверхъ-человѣку пишетъ: „въ міровоззрѣніи природа для меня — образецъ нормальности и часто предметъ зависти, ибо что общаго имѣетъ съ ней вырождающійся человѣкъ. Мнѣ хотѣлось бы видѣть человѣчество въ болѣе нормальной, болѣе красивой обстановкѣ, уничтожить гнусибѣйшее въ жизни, давящее свободу, понижающее индивидуальность; создать болѣе полную, болѣе близкую къ природѣ жизнь человѣчества, на фонѣ бы которой былъ написанъ девизъ—жизнь для жизни, для эпикурейства духа и тѣла, для возможно болѣе широкаго пользованія всѣми благами жизни, всѣми способностями ума, сердца и тѣла. Жизнь для борьбы, жизнь для жизни, жизнь для таланта, генія, искусства".

„Еврипидъ, Ницше, Оскаръ Уайльдъ—вотъ мои учителя! Я—эгоистъ. Жизнь—поклоненіе божеству. Радуйся свѣтлоокая богиня Афродита!"

Любовь. „Одинокимъ я никогда себя не чувствовалъ, ибо, не сходясь съ товарищами и не дѣлая ихъ друзьями, я имѣлъ всегда въ качествѣ преданныхъ друзей дѣвицъ. Могу сказать, что, только благодаря вліянію ихъ нѣжныхъ душъ, я никогда не позволялъ себѣ увлечься какимъ-либо грязнымъ дѣломъ, не развратничалъ, не зналъ никогда продажной любви! За это имъ великое спасибо! Имъ я открывалъ свою душу, отъ нихъ я получалъ бодрость и силу. Въ настоящее время я женатъ, вотъ уже два года, и имѣю въ лицѣ своей жены лучшаго друга, когда-либо у меня бывшаго. Теперь я въ особенности бодръ духомъ, ибо люблю и любимъ". „Горе одно, когда разошелся съ той дѣвушкой, которую любилъ всей душой. Жить, стремиться къ чему-то можетъ только тотъ, кто ждетъ чего-то лучшаго отъ жизни. Я этого не жду, у меня все въ прошломъ. Есть много вещей, которыя бываютъ съ человѣкомъ только разъ. Одинъ разъ человѣкъ рождается, разъ умираетъ и бываютъ люди, которые одинъ разъ любятъ—если оборвалась эта единая любовь, то съ ней оборвется и этотъ типъ. Безъ любви нѣтъ счастья, а любить (конечно, духовно) этотъ человѣкъ уже не можетъ. Онъ погибъ и это знаетъ".

„Лѣтъ 10—11 я влюбился въ одну дѣвочку, которая была старше меня года на два. И послѣ влюблялся нѣсколько разъ. Всѣ эти даже еще дѣтскія увлеченія оставили въ душѣ яркій слѣдъ. Наиболѣе сильно полюбилъ уже юношей. Теперь я уже былъ двумя годами старше понравившейся мнѣ дѣвушки. Прошла и эта любовь. Остались дружескія отношенія, но нѣтъ уже обаянія. Прошло „утро любви". И можетъ жизнь утратила для меня свое очарованіе оттого, что я никого не люблю. Все же воспоминанія о томъ, какъ я любилъ, лучшія воспоминанія. Можетъ оттого, что (было ли такъ, казалось мнѣ) я всегда находилъ отвѣтное чувство. Съ ужасомъ думаю: „А если я больше уже не могу любить? Зачѣмъ и жить тогда? Развѣ есть что-нибудь прекраснѣе въ этой жизни, кромѣ любви?" „Любовь чудное, временное и лучшее (такъ какъ полное) переживаніе человѣка. Здѣсь живетъ душа и тѣло въ гармоніи. Я думаю, что она возможна, хотя м. б. это покажется наивнымъ". „Главное назначеніе женщины—быть матерью и воспитательницей, главное ея мѣсто—семья; только мать я считаю женщиной въ полномъ смыслѣ этого слова; ея роль въ жизни я считаю очень важной, и въ семьѣ ей принадлежитъ первое мѣсто. Лично я мечтаю посвятить свою жизнь семьѣ, непремѣнно имѣть дѣтей (которыхъ я очень люблю). Сферу семейныхъ интересовъ я не считаю узкой, особенно воспитаніе дѣтей—это высокая цѣль. Я чувствую, что могу отдаться вполнѣ, жить для мужа и дѣтей, и если такъ сложится моя жизнь, я буду удовлетворена, буду счастлива. Если я одного человѣка сдѣлаю счастливымъ, то отъ одного сознанія этого, я думаю, въ моей душѣ будетъ вѣчный праздникъ, я оживу. Я не вѣрю, что могу съ пользой работать на общественной аренѣ, потому что у меня нѣтъ къ этому призванія; всякое дѣло требуетъ любви къ нему и жертвъ. Женщины, желающія непосредственно служить обществу, не должны имѣть семьи;

иначе ни здѣсь, ни тамъ цѣль не будетъ достигнута".

Общественное служеніе. „Какъ естественникъ, нахожу, что въ настоящее время самая постановка вопроса о смыслѣ жизни вообще является метафизической, такъ какъ пока нашихъ знаній совершенно недостаточно для разрѣшенія этого вопроса. Вѣдь еще самая сущность физическихъ явленій извѣстна лишь въ общихъ чертахъ, и дальнѣйшее подробное изслѣдованіе сущности жизни — вотъ назрѣвающій вопросъ настоящаго времени, а не смыслъ жизни! Поэтому могу высказать мнѣніе лишь о смыслѣ личной жизни и о смыслѣ жизни человѣчества, какъ совокупности отдѣльныхъ индивидовъ.

По-моему, смыслъ жизни человѣчества заключется въ достиженіи наиболѣе полнаго счастья, т.-е. въ постоянной работѣ по осуществленію такого порядка, при которомъ все болѣе и болѣе полно удовлетворялись бы потребности отдѣльныхъ лицъ, не въ ущербъ другъ другу. Смыслъ же личной жизни вижу въ осуществленіи намѣреній, желаній и потребностей, которыя зависятъ отъ міросозерцанія и идеаловъ данной личности".

„Да, конечно, есть смыслъ жизни. Жить для себя, но не въ мелочныхъ заботахъ повседневной жизни, не въ мелочной борьбѣ за свою личность, за свое достоинство, а жить для уничтоженія мірового страданія, міровой скорби, жить въ борьбѣ за человѣческую личность. Пусть лишенія и страданія, но эти страданія пусть будутъ ступенями къ будущей жизни, пусть эти страданія сольются съ общимъ страданіемъ человѣка въ его борьбѣ за свою жизнь. Впередъ! Къ жизни!"

„Смыслъ жизни—быть счастливымъ счастьемъ другихъ". „Наука — для людей, для жизни". „Только любовь къ человѣчеству можетъ оздоровить общество".

„Мое міровоззрѣніе — „пріятіе міра"; смыслъ и цѣль жизни — сама жизнь и борьба съ общественнымъ зломъ. Синтезъ личности съ общественностью; личность получаетъ наиболѣе совершенное и грамоническое развитіе своихъ лучшихъ сторонъ только въ обществѣ. Героизмъ самопожертвованія не есть самозаклапіе личности, ибо потерявшій себя тѣмъ самымъ и обрѣтаетъ. До тѣхъ поръ, пока существуетъ эксплоатація человѣка человѣкомъ, до тѣхъ поръ не смолкнутъ мотивы самопожертвованія. Но кому не милы они, тотъ пусть знаетъ, что и его интересы, его идеалы совпадаютъ все же съ идеаломъ общества, или вѣрнѣе одного его класса—пролетаріата, ибо только свободному, обязанному только себѣ самому пролетарію дано осуществить мечту о „гордомъ человѣкѣ".

Религіозное достиженіе. „Я думаю, что если бы почему-либо я сталъ атеистомъ,—я застрѣлился бы. Тогда ужъ никакой надежды, никакого идеала. Безъ религіи я не могъ бы нравственно совершенствоваться. Я считаю, что эта жизнь лишь небольшая доля той... вѣчной, прекрасной жизни. Я преклоняюсь предъ Великимъ Учителемъ, Христомъ. Въ немъ вижу единаго пастыря, а всѣхъ людей земного шара хотѣлъ бы назвать единымъ стадомъ. А о смыслѣ жизни я несложнаго мнѣнія: жизнь дана мнѣ, значитъ есть въ ней смыслъ. Въ природѣ ничего нѣтъ безсмысленнаго; все цѣлесообразно. Поэтому, цѣлью своего бытія нужно поставить стремленіе оправдать себя передъ природой, служеніемъ тому, что украшаетъ нашу жизнь, т.-е., добру. Сообразно своимъ силамъ бороться со зломъ".

„Изъ провинціи я рвалась въ Петербургъ, къ свѣту, къ знанію. Но въ Петербургѣ я долго не могла освоиться; такъ непонятными казались шумъ, вѣчная суета, погоня за хлѣбомъ и зрѣлищами, а въ отношеніяхъ между людьми такъ мало любви, участія; наука какъ-то не давала удовлетворенія сердцу. Я впадала въ мрачное отчаяніе, пока не узнала о христіанскомъ кружкѣ, гдѣ впослѣдствіи я почувствовала себя какъ бы въ родной любящей семьѣ". „Съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ теософическимъ ученіемъ, я измѣнился довольно сильно въ смыслѣ отношенія къ самоубійству: теперь я нахожу самоубійство поступкомъ безнравственнымъ и нелѣпымъ".

„Теперь я вновь сдѣлался религіознымъ, послѣ 10-ти лѣтъ невѣрія. Я вѣрю, что міромъ управляетъ благой и незыблемый законъ; вѣрю въ божественную природу и великое назначеніе человѣка".

„Если человѣкъ не вѣритъ въ Бога — что ему жизнь? Какая цѣль? Почему онъ не убьетъ себя, если онъ сознательно не вѣритъ ни въ будущую жизнь, ни въ Бога? Мнѣ могутъ возразить—зачѣмъ атеистамъ убивать себя,— они замѣнили Бога природой и въ ней ихъ цѣль и смыслъ. Отвѣчу вопросомъ—какая же цѣль? Они знаютъ, что умрутъ и разложатся и это будетъ съ ними со всѣми, а въ концѣ-концовъ, или солнце охладится, или землю разобьетъ какое-нибудь небесное тѣло... Какой смыслъ ихъ жизни? Стоитъ ли она труда, страданій, гнета? Или они становятся рядомъ съ ничтожнымъ микроорганизмомъ и даютъ ему руку во имя безсмысленной борьбы за существованіе. Гдѣ же ихъ гордость, ихъ свобода, ихъ умъ, ихъ геній?!. Или геній для того,

чтобы жить и послѣ быть съѣденнымъ какимъ-нибудь микробомъ?! Какой фантастическій обманъ, малодушіе... Или Богъ и съ нимъ все, или свободная воля и честная идейная смерть! Въ настоящее время эти мысли сданы въ архивъ. Теперь каждая пылинка, каждый лучъ солнца говорятъ, поютъ мнѣ о жизни, наполняютъ душу безконечной радостью сознанія, что я живу!"

„Вѣрю въ Бога и безсмертіе души. Считаю религію необходимой, какъ основу великаго нравственнаго міровоззрѣнія. Формулирую понятіе религіи, какъ всякое міровоззрѣніе, говорящее, что жизнь есть добро, а не зло". „Считаю что „Царство Божіе внутри насъ". Единственный способъ прогресса — самоусовершенствованіе".

„Одинъ мой знакомый, горькій пьяница, говорилъ: „Я козявка, несъ смердящій. Я люблю жизнь, люблю букашекъ — людей. И черняка люблю и говорю всѣмъ „любите". Люби, человѣкъ, всякую тварь, всякую козявку, потому что иной разъ въ ней больше смысла, чѣмъ въ тебѣ. Для чего создана букашка—ты иной разъ „не знаешь, а тотъ, который творилъ — Онъ знаетъ". Вотъ про эту-то любовь, не только къ человѣку, но и ко всякой букашкѣ, ко всякой твари я и говорю. Красота, я говорю не только про красоту физическую, а главнымъ образомъ про то, что называютъ духовной красотой, духовной мощью. — Я преклоняюсь предъ нею. Истина — будь правдивъ, какъ правдива природа. Мое исповѣданіе вѣры заключается въ трехъ словахъ: Истина — Любовь—Красота".

Борьба за существованіе. „Борьба во всемъ и всегда—вотъ мое представленіе міра. Мы живемъ лишь въ томъ случаѣ, если ведемъ борьбу на нѣсколько фронтовъ. Я считаю необходимымъ существованіе проститутки на ряду съ добродѣтельной матерью и признаю обѣихъ совершенно равными на почвѣ духовнаго прогресса человѣческаго; христіанинъ и язычникъ, мужчина и женщина и, вообще, „$+\infty$ и $-\infty$" должны всегда соединяться, иначе жизнь наша была бы нѣсколько однобока. Съ другой стороны, если въ мірѣ такая масса разнообразія, гдѣ же правда? Права ли мать или проститутка съ Невскаго, православный или католикъ, протестантъ или буддистъ, магометанинъ, еврей? Касаясь отдѣльно религіи, если за однимъ вѣроисповѣданіемъ признать правду, то какъ же всѣ остальныя? Неужели всѣ они будутъ мучиться на сковородкахъ и прочемъ въ аду? Гдѣ же тогда Божье Милосердье Очевидно, что, сталкиваясь съ этими вопросами, приходится признать, что всѣ одинаково правы, то-есть, иначе— спасеніе человѣчества лежитъ не въ одномъ какомъ-либо взглядѣ или воззрѣніи, а въ совокупности многочисленныхъ взглядовъ, понятій и воззрѣній. Очевидно, что не женское равноправіе, не самодержавіе и не республика крютъ въ себѣ спасеніе человѣчества, а тотъ великій двигатель жизни, который заложенъ въ каждомъ существѣ и опредѣляется формулой: „борьба за существованіе".

Далѣе, не признавая ни за одной партіей, ни за однимъ воззрѣніемъ абсолютной истины, я не считаю нужнымъ подчиняться какому бы то ни было взгляду, ибо было бы смѣшно вступать въ какую-либо партію, зная заранѣе, что не въ ней сокрыта истина. Этимъ я создаю себѣ переходъ къ эгоизму, эгоизму здоровому, заключающемуся въ томъ, чтобы вмѣщать въ себя все возможное, подобно губкѣ, въ любой моментъ быть въ состояніи возвратить часть впитаннаго тѣмъ, у кого оно получено, и этимъ самымъ быть активнымъ участникомъ вѣчной борьбы.

Таковъ мой взглядъ на жизнь, какъ человѣка вообще. Въ отдѣльныхъ же случаяхъ, я могу отдавать свои симпатіи той или другой сторонѣ жизни, что очень легко у меня укладывается съ моимъ міровоззрѣніемъ, и этимъ проявить свои индивидуальныя особенности".

Общественный индифферентизмъ и моральная несостоятельность этихъ разсужденій выясняется на практическомъ, а слѣдовательно и болѣе послѣдовательномъ примѣненіи принципа борьбы за существованіе къ собственной жизни! „Идеаломъ для меня служитъ Гордановъ изъ романа Лѣскова „На ножахъ". Чувство справедливости, добра и истины существуютъ для меня постольку, поскольку они выгодны для меня". „Стремился достичь его (міросозерцанія Горданова) при помощи закаливанія въ жестокости, безсердечіи и дѣлалъ часто для этого подлости". „Пришелъ къ заключенію, что нѣтъ никакого смысла въ жизни вообще, лично для меня смыслъ жизни—на счетъ другихъ пользоваться благами жизни".

Тотъ же взглядъ на жизнь, какъ на борьбу за существованіе въ болѣе критическомъ и пессимистическомъ освѣщеніи логически приводитъ къ мысли о самоубійствѣ.

„Истина одна есть: homo homini lupus", человѣкъ человѣку — волкъ, это камень, на которомъ зиждется вся жизнь, всѣ отношенія живыхъ индивидуумовъ. Исключенія—аномаліи; при наличности и торжествѣ пожирательныхъ инстинктовъ, — въ жизни не можетъ быть ни закономѣрности, ни логики, ни стремленія къ гармоніи. Величайшія напряженія духовныхъ и

умственныхъ силъ уничтожаются сразу, однимъ взмахомъ бронированнаго кулака. Единственно, что можетъ заставить людей выносить все-таки жизнь — это вложенный природой животный инстинктъ самосохранія; чисто физическое стремленіе тѣла къ совершенію всѣхъ органическихъ процессовъ, но духъ человѣка покой, и гармонію можетъ искать и видѣть только въ небытіи".

Психологическій смыслъ жизни. „Ходъ моихъ соображеній былъ таковъ! Да, въ жизни нѣтъ логическаго смысла, но въ ней несомнѣнно есть смыслъ психологическій. Въ ней нѣтъ объективной цѣлесообразности, но въ ней, несомнѣнно, есть цѣлесообразность субъективная. Смыслъ жизни нельзя понять, но его можно ощущать, его можно чувствовать всѣми фибрами души. Осмысленность жизни, какъ реальное чувство нашей психики, какъ несомнѣнное состояніе нормальнаго сознанія — есть неоспоримый фактъ. И мать, ласкающая своего ребенка, и влюбленный, упивающійся близостью подруги, и поэтъ, творящій свои нѣжные образы, и практическій дѣятель, поглощенный своими дѣлами, всѣ они, каждый въ своемъ (маломъ и великомъ), находятъ свое психологическое самоутвержденіе и это независимо отъ логической осмысленности ихъ переживаній. Такое положеніе вещей біологически вполнѣ понятно. Будучи безсиленъ надъ логикой человѣка, многовѣковой процессъ развитія устремилъ свое дѣйствіе на его психологію, приспособивъ ее къ грустной правдѣ жизни, выработавъ изъ нея щитъ и броню противъ смертоносныхъ сомнѣній человѣческой мысли. Нормальная психика почти застрахована отъ разрушающаго дѣйствія безотрадной логики; ея воспріимчивость тупа, она не видитъ дальше носа, она не способна чувствовать безсмысленицы жизни. Логическая правда, какъ далекій, туманный призракъ рѣетъ въ психикѣ здороваго человѣка, заглушаемая нестрой суетой повседневныхъ переживаній... Психологія заглушаетъ логику; непосредственныя впечатлѣнія парализуютъ дѣйствіе отвлеченныхъ разсужденій (интересна въ этомъ отношеніи слѣдующая аналогія: мы видимъ въ зеркалѣ изображеніе, логическія разсужденія убѣждаютъ насъ въ томъ, что ничего реальнаго за зеркаломъ нѣтъ, но перестаемъ ли мы отъ этого психологически воспринимать изображеніе? Конечно нѣтъ!).

Психологическая цѣнность. „Я вѣрю въ идеалъ, вѣрю и въ людей, потому что, если они и падаютъ низко, то способны иногда и подняться на огромные высоты. Я лишь не требую, какъ прежде, абсолютнаго, безусловнаго—я все допускаю въ человѣкѣ— самое ужасное злодѣяніе и самый сверхчеловѣческій подвигъ, — и я въ этомъ разнообразіи нахожу всю прелесть жизни". „Я взялъ на вѣру слова Ивана Карамазова о притягательности жизни—и теперь совершенно спокоенъ".

„Да, я глубоко несчастна, но горькой доли моей не промѣняю ни на что, потому что мой „томный духъ" и въ горести находитъ и наслажденіе, и вдохновеніе... А больше мнѣ ничего не надо, чтобы забыться... Лишь бы можно было писать, лишь бы вились надо мной легкокрылые друзья — слова и мысли, мечты и видѣнія. „Страданіемъ душа поэта зрѣетъ"... въ горѣ и въ печали, въ моей неудачной жизни, въ терзаніяхъ и мукахъ—черпаю глубину мысли, чуткость сердца, снисходительность ко многому... острѣе слухъ, и легче ловлю горе и стонъ другихъ. Дороже всего мнѣ послѣ матери моей мои листки и тетради: мои кусочки и обрывочки писаній: то полуюмористическій набросокъ, то тихая скорбь, то яростное, безудержное проклятіе землѣ и людямъ; то восторгъ и гимны любви, радости жизни, „рѣки жизни" — мутной и грязной, но подчасъ такъ привольно заливающей необозримыя поля, подчасъ такъ сверкающей подъ лаской солнца.—Люблю я то, что еще растетъ и зрѣетъ въ моемъ умѣ, что вынашиваю еще въ моемъ сердцѣ—въ этомъ мое блаженство".

„Идеальной жизнью я считалъ бы такую, про которую можно было бы сказать словами Баратынскаго:

„Ничто не оставлено имъ подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта,
„На все отозвался онъ сердцемъ своимъ, что проситъ у сердца отвѣта.
„Все духъ въ немъ питало! труды мудрецовъ, искусствъ вдохновенныхъ созданья,
„Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ, цвѣтущихъ временъ упованья.
„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
„Ручья разумѣлъ лепетанье,
„И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
„И чувствовалъ травъ прозябанье.
„Была ему звѣздная книга ясна,
„И съ нимъ говорила морская волна.
„Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!.."

Въ заключеніе приведемъ двѣ характеристики о полѣ и семьѣ.

О половой распущенности. „Наши мужчины живутъ половой жизнью уже съ 12—14 лѣтъ. Они развращаются, пресыщаются половыми излишествами, и потомъ, изношенные и тѣломъ, и чувствомъ, они женятся. Женщина несетъ, какъ дорогую жидкость, свое чувство, чтобы не расплескать его, не отдавать его „прохожимъ". Можетъ ли мужчина, пресытившійся, часто съ

венерическою болѣзнью, правиться ей. И молодыя женщины почти всѣ (мнѣ со многими приходилось разговаривать) сносятъ физическія отношенія, какъ тяжелую необходимость. А сколько душевныхъ бурь переживутъ онѣ, прежде чѣмъ примириться съ горькимъ фактомъ.

Я помню, какъ больно и стыдно было смотрѣть на міръ, когда понемногу открывались глаза мои. Какъ не хотѣлось вѣрить! Тѣ мальчики, къ которымъ мы такъ хорошо, радостно и свободно относимся, они всѣ уже побывали „тамъ“, въ этихъ страшныхъ и непонятныхъ для насъ домахъ. Я помню страшный, глубокій крикъ моей подруги, ея расширившіеся отъ ужаса глаза, когда она узнала, что одинъ изъ мужчинъ, часто бывающій съ ней, бываетъ „тамъ“. И я боялась за міръ, и плакала, и спрашивала, и недоумѣвала. Но привыкнешь ко всему. Только страшно: вѣдь всѣ, всѣ! А сколько молоденькихъ мальчишекъ больныхъ? И какъ они сами не рады, что треплятся ихъ чувства и безрадостной становится жизнь!..“

Призывъ къ родителямъ. „Вы должны поставить себя такъ, чтобы чувствовать крикъ нашей души, — тогда вы можете разсчитывать на наши симпатіи и на нашу искренность, чувство и любовь, любовь безъ конца. А то теперь мы, дѣти, чувствуемъ лишь матеріальную связь, а она не прочна и обоюдоостра. Дайте на всю жизнь тепла и свѣта, на всю нашу жизнь, а мы тогда отовсюду выберемся, отовсюду.

Мы будемъ сильны, мы будемъ горды вами, собою! Мы будемъ чувствовать свою душу и чужую. Мы будемъ любить лишь хорошее. Мы будемъ вамъ благодарны за нашу жизнь, за нашу вѣру въ жизнь, за нашу ровность, счастіе и покой. Мы тогда поборемся съ жизнью. Мы тогда твердо заявимъ смерти: „въ насъ горитъ огонь любви неугасимый, мы горимъ вѣрой въ счастье. Прочь отъ насъ! Ты насъ не прельстишь! Мы сильны бороться съ жизнью, неудачами. Дорогу къ выходу мы найдемъ! Дорогу нашей жизни!“ Но для этого нужна семья, семья прежде всего. И вотъ, пока мы всѣ не подумаемъ создать здоровую семью, семью въ полномъ смыслѣ этого слова, пока мы не рѣшимся отдаться всей своей личностью дѣтямъ, пока ради дѣтей не забудемъ ссоры и страсти, до тѣхъ поръ самоубійства будутъ расти и процвѣтать. „Подумайте, отцы и матери, къ вамъ мой голосъ. Пожалѣйте насъ, дѣтей неразумныхъ. Дайте сердце, вложите душу и огонь правды — и мы васъ благословимъ, мы васъ возвеличимъ на недосягаемую высоту. Только вашъ залогъ: души дайте! Сердца! Сердца! Вниманія и правды“.

Сущность женскаго вопроса.

Теперь, когда въ нѣкоторыхъ странахъ слишкомъ обострился такъ-называемый женскій вопросъ, очень полезны попытки заглянуть до конца, въ самую глубину этого вопроса и заново разобраться въ его путяхъ и границахъ. Подобнаго рода попытку сдѣлалъ въ „Днѣ“ (№ 47) І. Бикерманъ.

Онъ пишетъ:

„Шумъ борьбы наполнялъ міръ. Борются народы съ народами, классы съ классомъ, наростающія поколѣнія съ отходящими, живыя съ мертвыми. Борются и мужчина съ женщиной и женщина съ мужчиной, и каждый годъ борьба эта захватываетъ новыя области на землѣ и новыя области жизни.

Женщина борется съ мужчиной, но союзъ между этими двумя борющимися существами тѣсенъ и навѣки неразрывенъ. Тѣснѣе этотъ союзъ, чѣмъ связь между работодателемъ и рабочимъ, между пахаремъ и землей, между родителями и дѣтьми; ибо повелѣлъ Господь: да оставитъ человѣкъ отца и матерь и прилѣпится къ женѣ своей. Можетъ ли быть равенство при столь тѣсномъ единеніи, возможна ли такая нерасторжимая связь безъ преобладанія одной стороны и приспособленія другой? Сама борьба женщины съ мужчиной, острая борьба въ узкихъ предѣлахъ двуединаго существа, не грозитъ ли бѣдствіями роду человѣческому? На эти вопросы наталкивается наше сознаніе,— тѣмъ болѣе консервативное, чѣмъ болѣе оно дѣятельно,— какъ только остановится мысль на женскомъ движеніи, на притязаніяхъ женщины.

Съ того отдаленнаго времени, когда дикарь пойманную имъ женщину уводилъ къ себѣ на арканѣ, оглушивъ ее предварительно ударомъ, и до нашихъ дней равенства не было. Преобладаніе всегда принадлежитъ мужчинѣ, и послѣдствія этого преобладанія отпечатлѣны въ мельчайшихъ тканяхъ вашей жизни. Мѣнялось содержаніе женской зависимости, но сама зависимость оставалась. Женщина была рабой, она стала потомъ опекаемой. На этой опекѣ зиждился и зиждется строй семьи, на ней основаны всѣ отношенія между мужчиной и женщиной въ обществѣ. Женственность, которую въ звучныхъ стихахъ и въ нѣжной прозѣ воспѣвали поэты всѣхъ временъ, есть по существу своему не только красота и кротость, но и слабость; а гдѣ слабость, тамъ опека.

Опека эта не только не отжила, но дѣлаетъ все новыя и новыя завоеванія, она растетъ за счетъ рабства женщины, еще не изжитаго. Тѣ особо изысканные пріемы въ отношеніи жен-

щины, которые вырабатывались въ теченіе тысячелѣтій и достигли расцвѣта въ вѣкъ рыцарства, все больше и больше переходятъ и въ низшіе, болѣе широкіе слои населенія, все болѣе тутъ прививаются. Приказчикъ и швея теперь — кавалеръ и барышня; гдѣ недавно еще мужъ по праву сильнаго колотилъ жену, онъ теперь почтительно подаетъ ей пальто. И въ этихъ внѣшнихъ мелочахъ обихода сказывается измѣненіе въ самомъ строѣ жизни.

Массовый человѣкъ хочетъ видѣть женщину такой, какой создала ее жизнь верхнихъ слоевъ общества,— не рабой, но опекаемой, оберегаемой отъ суровыхъ жизненныхъ невзгодъ и отъ тяжелаго труда. Въ то время, какъ женщина среднихъ слоевъ все больше льнетъ къ труду, въ рабочихъ низахъ растетъ стремленіе къ освобожденію женщины отъ обязательнаго труда внѣ семьи. Гдѣ только заработокъ позволяетъ, мужъ съ радостью отказывается отъ помощи жены въ добываніи хлѣба; снять съ нея всякія обязанности внѣ круга семьи, видѣть ее довольной, чистой и по своему нарядной,— эта мечта всякаго рабочаго человѣка, не черезмѣрно придавленнаго нуждой; въ этомъ радость и гордость его, если ему удалось это достигнуть. Трудъ, избираемый женщиной среднихъ слоевъ, не нарушаетъ ея общаго облика „барыни“,— существа привилегированнаго и въ то же время опекаемаго; она поэтому его не избѣгаетъ, съ нимъ поэтому мирится и мужчина. Но трудъ вообще, трудъ безъ разбора — это для женщины и въ рабочей средѣ принимается, какъ печальная необходимость, какъ нѣчто такое, что должно быть преодолѣно. И кто станетъ противъ этого спорить? Развѣ не къ тому должны мы стремиться, чтобы трудомъ одного могла кормиться цѣлая семья.

Кому же изъ цѣлой семьи выйти на борьбу за существованіе, на суровую борьбу съ природой и людьми, — мужчинѣ или женщинѣ? Отвѣтъ предопредѣленъ природой вещей. Женщина вынашиваетъ дѣтей и страдаетъ родовыми муками. Она грудью кормитъ ребенка, но для семьи она была бы кормилицемъ *ненадежнымъ*. Она можетъ быть сотрудницей, но только при извѣстныхъ условіяхъ. Введите ее въ общій строй труда, придавите ее общимъ бременемъ, кромѣ того, что на нее уже возложено природой, и мы вернемся къ первобытнымъ временамъ женскаго рабства. Поскольку это въ низшихъ слояхъ существуетъ, постольку оно — проклятіе.

Женщина не можетъ быть равна мужчинѣ въ трудѣ; не можетъ она также быть равна ему и въ свободѣ. Уничтожьте въ законѣ понятіе о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, уничтожьте въ сознаніи общества всѣ предразсудки, — женщина и послѣ этого не сможетъ пользоваться свободой мужчины; ибо она въ чревѣ своемъ будетъ носить долгіе мѣсяцы тяжесть, отъ которой онъ всегда остается свободнымъ. „Равенства женщины съ мужчиной не будетъ до тѣхъ поръ, пока мужчины не будутъ рожать мальчиковъ, а женщины — дѣвочекъ“, — сказала мнѣ однажды умная, трудящаяся, самостоятельно живущая женщина. Женщина родится не свободной; она была поэтому въ началѣ вѣковъ рабой и стала опекаемой послѣ долгой и упорной борьбы рода человѣческаго за культуру. *Женщина можетъ быть или рабой мужчины, или его госпожой,— царствующей, но не правящей королевой.* Такъ говоритъ опытъ вѣковъ.

Что противъ этого опыта значатъ всѣ доводы за равноправіе женщины? Всѣ сужденія по аналогіи, по сходству тутъ, очевидно, значенія не имѣютъ. Нельзя ссылаться тутъ на то, напримѣръ, что въ былыя времена люди такъ же вѣрили, что одинъ народъ или одинъ общественный классъ рожденъ для того, чтобы господствовать надъ другимъ народомъ или классомъ. Никто никогда не могъ указать безспорнаго различія между природой господъ и природой рабовъ; господинъ не родится со шпорами, рабъ не родился осѣдланнымъ,— говоритъ Вольтеръ. Женщина *родится* обездоленной, нуждающейся въ защитѣ.

Нельзя также ссылаться на имѣющійся уже опытъ сотрудничества, или состязанія женщины съ мужчиной. Что значитъ этотъ кратковременный, однодневный, едва царапнувшій поверхность общества, сравнительно со всѣмъ строемъ культуры, созданной прошедшими вѣками? Къ тому же развѣ не богатъ этотъ кратковременный опытъ горестями и печалями? Развѣ на десятки женщинъ, самостоятельнымъ трудомъ создавшихъ свое благополучіе, не приходятся сотни и тысячи другихъ, жизнь которыхъ есть сплошное увяданіе? Нельзя и на то ссылаться, что вотъ же, въ низшихъ слояхъ женщина работаетъ наравнѣ съ мужчиной. Это остатокъ исконнаго рабства, который долженъ быть уничтоженъ; ограниченіе женскаго труда есть только первый шагъ къ ея освобожденію отъ оковъ рабства, первый шагъ по пути отъ рабства къ опекѣ, отъ положенія „рабыни“ къ положенію „барыни“.

Если равной съ мужчиной женщина быть не можетъ, если и впредь бороться со стихіями, и переплывать океаны и взрывать горы будетъ мужчина, а женщина будетъ опекаться и охра-

няться, то не опасно ли колебать сторой понятій, навыковъ и отношеній, которыми до сихъ поръ держалось человѣческое общество. Это опасеніе и теперь еще сидитъ очень глубоко не только въ сознаніи мужчины, но и большинства женщинъ.

На эти опасенія мы ничѣмъ не могли бы отвѣтить, если бы кто дѣйствительно собирался теперь только колебать „основы“. Но основы давно поколеблены, даже разрушены; не заложенныя природой основы, а созданныя измѣнчивымъ потокомъ исторіи. Вседробящій молотъ современной техники разрушилъ старыя ячейки общества, и даже самую прочную изъ нихъ, семью, расшаталъ. Между человѣческой личностью и міромъ нѣтъ теперь незыблемыхъ и глухихъ перегородокъ — семьи, общины, рода. Человѣкъ, индивидуумъ брошенъ въ безбрежное море; не только мужчина, но и женщина, ибо условія ихъ существованія соотносительны: если мужчина всю жизнь витаетъ въ безпредѣльныхъ пространствахъ міра, то дѣвушка остается безъ жениха, женщина безъ кормильца. Но и семья не составляетъ теперь замкнутаго въ себѣ міра. Мы всѣ живемъ теперь на людяхъ; каждый видитъ всѣхъ и всѣ видятъ каждаго. Черезъ посредство желѣзныхъ дорогъ, трамваевъ, телеграфной проволоки, газеты, книги, театра, женщина, какъ и мужчина находится въ безпрерывномъ общеніи съ міромъ.

Если все находится въ движеніи, если современная культура вѣчно перемѣшиваетъ людскую массу, какъ корабельный винтъ массу воды, то тѣмъ самымъ люди уже уравнены. Женщина пребываетъ въ міру, и естественно желаніе ея участвовать въ строительствѣ этого міра; это желаніе и теперь уже многообразно осуществляется. Все это рѣзко отличается отъ того, что было въ минувшіе вѣка; но перемѣна уже наступила. Право, за которое борется теперь женщина, должно только приспособить законъ къ быту, норму къ факту. Борьба женщины за юридическое, формальное равенство — только мелкій эпизодъ въ исторіи развитія нашего рода. Основная линія этого развитія проходитъ тамъ, гдѣ мы можемъ прослѣдить путь измѣненія, форму фактическаго неравенства, по природѣ неизбѣжнаго.

По этому пути пойдемъ мы и дальше; тутъ будущее не порываетъ съ прошлымъ, а продолжаетъ его. Облегчить женщинѣ, обремененной уже отъ природы, соціальное бремя, замѣнить рабство опекой, перейти отъ безправія къ привилегіи, — это задача ждетъ еще разрѣшенія для многихъ милліоновъ женщинъ, и въ ней сущность женскаго вопроса.

Въ разрѣшеніи этой задачи нѣтъ противоположности между мужчиной и женщиной; мужчина хочетъ видѣть женщину такой, какой она по своей природѣ должна быть, если не будетъ рабой. И если оглянешься на пройденный уже женщиной путь и подумаешь, сколько еще осталось итти, подумаешь о томъ, какъ глубоки тѣ измѣненія въ условіяхъ ея существованія, которыя совершаются неизбѣжно и которыя никого не страшатъ, то страхъ предъ женскимъ равноправіемъ покажется страннымъ и непонятнымъ. Женщина была безмолвной рабой, была наложницей, была женой и хозяйкой; она становится все больше госпожей, и при всѣхъ этихъ случаяхъ она оставалась женщиной, хранительницей священнаго огня на алтарѣ любви, матерью, кормилицей и воспитательницей. Совершались глубочайшія измѣненія въ строѣ общества и семьи, и ладъ между мужчиной и женщиной не нарушался, вѣчно женственное не блекло, красота и радость жизни не убывали. И вдругъ все это измѣнится, все это пойдетъ на ущербъ, если измѣнены будутъ два или двадцать параграфовъ въ сводѣ законовъ! Бывали великія бури. Но и послѣ нихъ соловей пѣлъ любовныя пѣсни, розы благоухали, женщина сіяла красотой и вооруженнаго сталью рыцаря она связывала гирляндами цвѣтовъ; она рожала дѣтей, вскармливала ихъ и, поскольку это для нея было возможно, участвовала въ общемъ трудѣ“.

Послѣднее слово машинизма.

Природа достигаетъ своихъ цѣлей часто ощупью, почти всегда путемъ великой расточительности (миріады существъ рождаются на свѣтъ лишь для того, чтобы могли выжить единицы!); человѣкъ искони учился находить *кратчайшіе пути* къ осуществленію своихъ задачъ, и каждый шагъ его въ этомъ направленіи былъ актомъ торжества его разума надъ хаосомъ природы какъ вокругъ него, такъ и въ немъ самомъ. Въ области механическаго труда, гдѣ исканіе „кратчайшихъ путей“ идетъ наиболѣе интенсивно и ярко, къ числу такихъ побѣдъ и принадлежалъ нѣкогда примитивный рычагъ, затѣмъ его смѣнила все болѣе и болѣе сложная машина и, наконецъ, теперь, послѣднимъ словомъ въ исторіи эволюціи труда, явилась — „научно обоснованная система наиболѣе продуктивнаго использованія рабочей силы человѣка“, или т. наз. „хронометражъ“.

Съ происхожденіемъ, сущностью и по крайней мѣрѣ съ ближайшими слѣдствіями новой си-

стемы труда, которой, по имени ея изобрѣтателя, присвоено названіе „системы Тэйлора“, обстоятельно и подробно знакомитъ статья В. В. подъ заглавіемъ „Новый моментъ въ эволюціи капиталистической организаціи производства“ („Вѣст. Евр.“ II).

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, — говоритъ В. В., — уже тридцать лѣтъ подвизается нѣкто Ф. Тэйлоръ, поставившій себѣ задачей примѣнить научные методы къ эксплоатаціи рабочей силы, подобно тому, какъ они примѣнялись до сихъ поръ къ эксплоатаціи физико-химическихъ силъ природы; подвергнуть работу человѣка такому же точному изслѣдованію, какому подвергается, напр., металлъ на твердость, ковкость, упругость и т. п., и выбрать на основаніи этихъ изслѣдованій, наиболѣе производительные методы выполненія данной работы со стороны какъ характера требуемыхъ для того движеній органовъ рабочаго, такъ и возможной быстроты выполняемыхъ манипуляцій, и необходимыхъ для наибольшей производительности дневной работы чередованій въ теченіе рабочаго дня моментовъ работы и отдыха.

Въ основѣ системы Тэйлора, лежатъ два начала: отборъ для каждой работы лицъ, наиболѣе для того пригодныхъ по врожденнымъ и пріобрѣтеннымъ своимъ свойствамъ, и регулированіе работы этихъ лицъ соотвѣтственно точнымъ объективнымъ даннымъ изслѣдованія отдѣльныхъ манипуляцій, составляющихъ въ совокупности процессъ данной работы.

Наибольшее процвѣтаніе промышленнаго предпріятія — говоритъ Тэйлоръ, — возможно при условіи, „когда каждый рабочій и каждый станокъ ежедневно развиваютъ свою предѣльную производительность“. Важнѣйшей задачей управленія промышленнымъ препріятіемъ является, поэтому, „воспитаніе и развитіе всѣхъ служащихъ въ томъ направленіи, чтобы каждый изъ нихъ скорымъ темпомъ и съ максимальной производительностью выполнялъ наиболѣе квалифицированную работу, на какую онъ способенъ“. Для возможности такого воспитанія рабочихъ требуется точное знаніе того, какіе методы работы представляются наиболѣе производительными.

Въ каждой работѣ, въ каждомъ ремеслѣ насчитываются нѣсколько десятковъ пріемовъ выполненія какой-либо операціи, примѣняемыхъ различными участвующими въ ней лицами. Первой задачей научной постановки дѣла эксплуатаціи въ производствѣ рабочей силы является, поэтому, выборъ метода работы, всего лучше и быстрѣе ведущаго къ цѣли. Этотъ лучшій методъ можно отыскать „только путемъ научнаго изученія и анализа всѣхъ употребляемыхъ методовъ и исполненій, вмѣстѣ съ точнымъ, тщательнымъ изученіемъ движеній и элементовъ времени. А это означаетъ постепенное проникновеніе науки во всѣ механическія искусства, вмѣсто прежняго господства грубыхъ пріемовъ“.

Дѣйствительно, изслѣдованіе механизма человѣческой работы въ различныхъ ремеслахъ, цехахъ и профессіяхъ требуетъ массы точныхъ, скрупулезныхъ наблюденій съ помощью секундомѣра, силомѣра и т. п., требуетъ работы изслѣдователей — инженера, физіолога (для изученія воспріимчивости и выносливости работающаго), математика (для построенія, на основаніи собраннаго матеріала, соотвѣтствующихъ формулъ). При изслѣдованіи процесса такой, напримѣръ, простой работы, какъ земляная, измѣрялось время погруженія лопаты въ кучу перебрасываемаго матеріала и обратнаго извлеченія полной лопаты; время, затрачиваемое на откидываніе лопаты назадъ и на вскидываніе груза съ опредѣленнаго разстоянія на опредѣленную высоту, при различныхъ комбинаціяхъ разстоянія и высоты, при различной нагрузкѣ лопаты и т. п., и всѣ эти наблюденія записались на бумагу. О количествѣ затрачиваемой при такихъ наблюденіяхъ работы можно судить хотя бы потому, что протоколы наблюденій на одномъ обыкновенномъ машиностроительномъ заводѣ составили цѣлыя тысячи страницъ, а таблицы и объяснительный текстъ по изслѣдованію, напр., каменныхъ или земляныхъ работъ заняли около 250 страницъ.

Точное изслѣдованіе процесса выполненія какой-либо работы давало возможность не только выбора изъ десятковъ манипуляцій, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, одной, наиболѣе выгодной, но, въ комбинаціи съ опытами надъ работающимъ, допускало сокращеніе числа манипуляцій, и цѣлесообразное измѣненіе орудій труда и другихъ приспособленій при работѣ. При кладкѣ, напр., кирпичныхъ стѣнъ былъ произведенъ анализъ „всѣхъ движеній каменщика; всѣ ненужныя движенія одно за другимъ постепенно исключались, а медленныя замѣнялись быстрыми“. Приспособляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ требованіямъ сокращенія процесса кладки вспомогательныя средства работы, было достигнуто сокращеніе движеній съ 18 до пяти для каждаго кирпича. Мѣняя нагрузку лопаты землекопа и тщательно наблюдая въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣ условія его работы, нашли, что небольшая дневная работа достигается при лопатѣ, поднимающей до 21 фунта; на основаніи этихъ наблюденій приготовляется нѣсколько размѣровъ лопатъ съ такимъ расчетомъ, чтобы при работѣ съ матеріаломъ разной тя-

жести, лопата поднимала установленную норму 21 фунтъ.

Детальныя, тщательныя измѣренія всѣхъ движеній позволяютъ исключить лишнія движенія, выбрать наиболѣе быстрыя и установить систему манипуляцій, всего быстрѣе выполняющихъ данную задачу, и подобрать, кромѣ того, лучшіе инструменты. Получаемая такимъ образомъ мѣра наиболѣе производительнаго употребленія въ данномъ дѣлѣ рабочей силы принимается за норму при организаціи работы и примѣняется до тѣхъ поръ, пока не будутъ открыты болѣе усовершенствованныя движенія. Такимъ образомъ устанавливается, впрочемъ, лишь система манипуляцій и продолжительность затраты рабочей силы при выработкѣ единицы продукта. Этого, однако, недостаточно для практическаго примѣненія нормы, потому что успѣхъ дневной работы зависитъ не только отъ быстроты отдѣльныхъ ея манипуляцій, но и отъ чередованія работы и отдыха, а указанныя выше нормы,— выработанныя на основаніи наблюденій надъ первоклассными рабочими, и послѣ изученія предѣльной скорости движеній — относятся къ максимуму напряженія рабочей энергіи, легко ведущему къ переутомленію работающаго, вредному не только для него самого, но иногда и для окончательнаго итога его работы. При первоначальномъ, покрайней мѣрѣ, примѣненіи новой системы нельзя также не считаться съ тѣмъ, какое вліяніе окажетъ она на утомляемость рабочаго, отъ согласія котораго зависитъ возможность введенія новыхъ методовъ. Для выясненія этой стороны дѣла описанныя выше механическія наблюденія дополнялись физіологическими наблюденіями надъ утомляемостью работающихъ, для установленія того, при какомъ чередованіи въ теченіе рабочаго дня работы и отдыха достигается наибольшая выработка при отсутствіи чрезмѣрнаго утомленія, или, какъ выражается Тэйлоръ, при сохраненіи „благоденствія“ работающаго. И по отношенію, напр., къ нагрузкѣ въ вагонъ болванокъ чугуна вѣсомъ 92 англійскихъ фунта, для достиженія наибольшаго результата безъ переутомленія работающаго, первоклассный рабочій долженъ находиться подъ грузомъ 43% рабочаго дня, а при вѣсѣ болванки въ 46 фунтовъ, онъ можетъ носить его въ теченіе 58% рабочаго дня. Остальное время должно уходить на обратный переходъ рабочаго (безъ груза) къ мѣсту нахожденія чугуна (во время этого перехода съ свободными руками мускулы „имѣютъ возможность возстановиться“) и на полный отдыхъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ послѣ нагрузки 10—20 штукъ чугуна. При организаціи на подобныхъ основахъ работы по провѣркѣ велосипедныхъ шариковъ, рабочее время дѣвушекъ-работницъ было сокращено съ $10^1/_2$ до $8^1/_2$ часовъ, и имъ давали кромѣ того десятиминутный отдыхъ четыре раза въ день. Иначе „послѣ полутора часовъ непрерывнаго труда работницы начинали нервничать“.

Послѣ того, какъ описаннымъ выше путемъ точныхъ наблюденій и измѣреній установленъ планъ дневной работы человѣка онъ заносится на карточку и вручается рабочему въ качествѣ программы для ближайшаго дня. Въ этой карточкѣ „подробно указаны всѣ детали урока, который онъ долженъ выполнить въ теченіе дня, а также способы и инструменты, которыми онъ долженъ пользоваться“. „Урокъ устанавливаетъ не только что должно быть сдѣлано, но и какъ должно быть сдѣлано и во сколько, именно, времени“. На заводѣ, управляемомъ Тэйлоромъ, рабочій получаетъ ежедневно и другую карточку, съ описью его работы за предыдущій день, т.-е. съ указаніемъ количества сдѣланной работы и заработанной суммы. Поэтому рабочій видитъ — выполненъ его урокъ или нѣтъ, и не слѣдуетъ ли ему подтянуться, чтобы не быть устраненнымъ отъ работы.

Забота предпринимателя при введеніи научной организаціи труда заключается, однако, не только въ составленіи раціональнаго плана работъ. Нужно еще найти охотниковъ выполнять этотъ планъ, побудить рабочихъ перейти отъ старой системы, гдѣ они сами избирали способы работы и работали со средней быстротой, къ новой системѣ, гдѣ они только механически выполняютъ чужой планъ и должны напрягать до максимума свою рабочую энергію. Дѣло это оказалось довольно затруднительнымъ и потребовало особой, довольно тонкой политики.

Рабочіе вообще очень подозрительно относятся ко всякой попыткѣ нарушить привычные имъ фабричные распорядки. „Какимъ-то способомъ (это похоже на какое-то особое чувство) рабочіе чуютъ приближеніе реформатора даже до его пріѣзда въ городъ. Ихъ подозрительность возбуждается; они настораживаются, чтобы не допустить коренныхъ измѣненій, направленныхъ противъ ихъ интересовъ, и съ самаго начала приготовляются къ противодѣйствію. Первыя измѣненія, поэтому, должны быть незначительны, чтобы ослабить подозрѣніе рабочихъ и убѣдить ихъ на дѣлѣ, что реформы, въ концѣ концовъ, довольно безвредны“.

Отъ рабочихъ скрывается иногда даже самый фактъ наблюденія, съ часами въ рукахъ, за ихъ работой. Для этого изобрѣтена особая книжка съ секундомѣрами внутри. Рабочій полагаетъ, что остановившійся близъ него инженеръ записываетъ что-либо въ записную книжку, а онъ въ

это время измѣряетъ быстроту выполненія отдѣльныхъ элементовъ работы. Рабочіе, очевидно, не обладаютъ „особымъ чувствомъ“, предупреждающимъ объ „опасности“ съ этой стороны.

Задача воздѣйствія на рабочихъ, съ цѣлью побужденія отказаться отъ старыхъ методовъ работы и прежней организаціи труда и слѣпо слѣдовать указаніямъ заводоуправленія относительно исполненія работы, по методу, „предъявляющему столь высокія требованія, что даже способный рабочій не въ состояніи ни понять его, ни руководствоваться безъ спеціальныхъ руководителей“—эта задача разрѣшалась, какъ и предшествующія задачи, „научнымъ“ путемъ; но теперь научному изслѣдованію подвергалась не физическая, а психическая область человѣка, и цѣлью его было „внимательное изученіе мотивовъ, руководящихъ людьми“, для лучшаго управленія ими.

Обыкновенно полагаютъ—говоритъ Тэйлоръ—что мотивы поведенія людей „не представляютъ объекта для точнаго научнаго изученія, а являются дѣломъ личнаго наблюденія и сужденія“. Но хотя законы человѣческаго поведенія не обладаютъ такой правильностью, какъ законы, касающіеся мертвой природы, они тѣмъ не менѣе существуютъ и „обладаютъ большой цѣнностью въ искусствѣ обращенія съ людьми“. Въ этой области Тэйлоромъ предприняты были „тщательные опыты, растянувшіеся на нѣсколько лѣтъ“. Эти опыты показали, между прочимъ, что „невозможно заставить человѣка работать болѣе интенсивно, если онъ не увѣренъ въ постоянномъ возрастаніи своего заработка, и всегда можно найти людей, которые охотно станутъ работать со всей энергіей, если имъ обезпечить соотвѣтствующее увеличеніе заработка“. Въ этой области сдѣланы и болѣе тонкія наблюденія. Введя, кромѣ заработной платы, систему премій за болѣе успѣшную работу, Тэйлоръ формулируетъ слѣдующимъ образомъ свои на этотъ счетъ наблюденія. „Чтобы быть дѣйствительнымъ средствомъ поощренія, награда должна слѣдовать непосредственно за выполненіемъ работы. Лишь немногіе способны смотрѣть впередъ далѣе, чѣмъ на недѣлю или мѣсяцъ, и усердно работать, ожидая награды въ концѣ срока. Если хотятъ, чтобы рабочій средняго уровня работалъ самымъ лучшимъ образомъ—ему необходимо давать награду въ концѣ рабочаго дня. Для болѣе простыхъ характеровъ, какъ молодыя дѣвушки или дѣти, требуется поощреніе въ формѣ личнаго одобренія со стороны старшихъ въ видѣ награды послѣ каждаго часа“. „Длинный рядъ опытовъ, въ связи съ тщательными наблюденіями“, убѣдилъ Тэйлора въ томъ, что лишь извѣстное возвышеніе заработной платы благотворно отражается и на успѣшности работы, и на благосостояніи работающаго. „При работѣ въ мастерскихъ, гдѣ не нужны особая сообразительность, ловкость, вниманіе и особое физическое напряженіе, наибольшая производительность достигается увеличеніемъ средней заработной платы на 30%. При обыкновенной поденной работѣ, требующей только силы и напряженнаго физическаго труда, связаннаго съ физической усталостью, необходимо увеличить плату на 50—60%. Работа, требующая спеціальныхъ знаній, сопряженная съ неослабнымъ вниманіемъ, но не требующая большого физическаго усилія—напр., работа токаря—требуетъ повышенія платы на 70—80%, а при работѣ, требующей ловкости, сообразительности, напряженнаго вниманія, силы и физическаго труда—напр. при уходѣ за большимъ паровымъ молотомъ, выполняющимъ разнообразныя работы, это увеличеніе должно достигать 80—100%. Найдется очень много людей, которые попытаются развить наибольшую производительность при указанномъ выше увеличеніи платы. Но если попытаться заставить ихъ работать такъ же при меньшемъ повышеніи платы, то большинство предпочтетъ прежній способъ работы, при меньшей платѣ“. Есть не только минимумъ, но и максимумъ такого возвышеніе заработной платы, которое благотворно отражается на успѣшности работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на благосостояніи работающаго. Болѣе высокій заработокъ—по крайней мѣрѣ въ средѣ американскихъ рабочихъ, отобранныхъ для нагрузки чугуна,—дѣлаетъ ихъ „неаккуратными, невнимательными и разсѣянными“.

Побудительной причиной согласія рабочихъ на переходъ къ новой системѣ служитъ значительное повышеніе ихъ дневнаго заработка, при увѣренности, однако, въ постоянствѣ этого повышенія, потому что при господствующей системѣ хозяева сами „ограничиваютъ максимумъ заработной платы, который они считаютъ достаточнымъ для своихъ рабочихъ“, и болѣе успѣшная работа, при сдѣльной платѣ, даетъ лишь временное возвышеніе заработка, такъ какъ за нею слѣдуетъ пониженіе расцѣнки. Повышеніе дневнаго заработка участниковъ новой системы достигается безъ увеличенія расцѣнки, въ силу лучшей организаціи процесса работы; а въ производствахъ, гдѣ имѣетъ значеніе качество работы, высота вознагражденія опредѣляется и количествомъ, и качествомъ исполненной работы. При этомъ назначается урокъ, за выполненіе котораго назначается высокая премія, сильно понижающаяся при малѣйшемъ даже неисполненіи урока. Если рабочій часто не выполняетъ

своего урока—къ нему отряжается инструкторъ, указывающій, въ случаѣ надобности, лучшіе пріемы работы, подбодряющій новичковъ и проявляющій другіе признаки заботливаго вниманія къ рабочему, да кстати изучающій и его способность къ данному дѣлу. Такое отношеніе заводоуправленія къ своему рабочему персоналу располагаетъ къ нему рабочихъ, особенно женщинъ, изъ коихъ каждая получаетъ впечатлѣніе, что „она пользуется особымъ вниманіемъ со стороны администраціи“. Если, однако, невыполненіе урока продолжается, рабочій отстраняется отъ даннаго дѣла, какъ мало для него пригодный.

Изъ сказаннаго уже можно усмотрѣть, что новая система организаціи труда основана на отказѣ отъ обычая совмѣстности многихъ работъ, съ огульнымъ учетомъ выработки. „Тщательный анализъ обнаружилъ, что при совмѣстной работѣ въ артели каждый рабочій становится менѣе активнымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда задѣвается его личное честолюбіе“. Новая система, поэтому, уничтожаетъ совмѣстную работу и ведетъ всѣ расчеты отдѣльно съ каждымъ рабочимъ. „Уничтоживъ артельную работу (при нагрузкѣ чугуна), посредствомъ отбора и подготовки рабочихъ каждаго въ отдѣльности, удалось получить группы съ необыкновенно высокой производительностью“.

Новая система работы, — „согласно которой рабочій отбираетъ и подъ руководствомъ спеціальнаго мастера обучается новымъ условіямъ работы, пока онъ не привыкнетъ работать по установленнымъ нормамъ, выработаннымъ другими лицами,—прямо противуположна старой“, при которой каждый рабочій составляетъ „собственное мнѣніе относительно методовъ скорѣйшаго производства работы“. Введеніе этой системы предполагаетъ, слѣдовательно, полное измѣненіе отношенія рабочихъ къ ихъ работѣ, и не только со стороны технической, но и, такъ сказать, съ моральной, потому что имъ приходится работать при полномъ напряженіи своей рабочей энергіи, развивая предѣльную быстроту и внимательность работы. Подобная перемѣна можетъ быть произведена только постепенно, путемъ нѣсколькихъ предметныхъ уроковъ, которые убѣдятъ рабочихъ въ преимуществѣ новыхъ порядковъ. Такая перемѣна въ умственномъ состояніи рабочихъ требуетъ времени,—въ самыхъ простыхъ производствахъ—отъ двухъ до трехъ лѣтъ, а въ болѣе сложныхъ — отъ четырехъ до пяти.

Что же приноситъ новая организація труда предпринимателю и рабочему въ настоящемъ и что она обѣщаетъ послѣднему въ будущемъ?

Эксплоатація рабочей силы, основанная на отборѣ первоклассныхъ рабочихъ, выборѣ самыхъ скорыхъ способовъ выполненія всѣхъ элементовъ работы, достиженія предѣльной быстроты движеній и цѣлесообразномъ приспособленіи инструментовъ и т. п., ведетъ конечно, къ крупному увеличенію производительности труда и пониженію расходовъ предпринимателя. При сортировкѣ, напр., велосипедныхъ шариковъ тридцать пять работницъ выполняли при новой системѣ ту же работу, для которой прежде требовалось сто двадцать—почти въ $3^1/_2$ раза болѣе, и аккуратность работы возросла при этомъ на $^2/_3$. При выгрузкѣ чугуна старыми методами работы одинъ рабочій въ среднемъ нагружалъ $12^1/_2$ тоннъ въ день. Опытные занѣдующіе этимъ дѣломъ полагали, что дневную производительность рабочаго можно поднять до 18—20 тоннъ; при новой же системѣ работы каждый рабочій погружалъ 48 тоннъ въ день—въ четыре раза больше того, что онъ выполнялъ ранѣе и въ три раза больше того, что считалось максимальной успѣшностью работы при старыхъ ея пріемахъ. Въ области земляныхъ работъ урочная система дала сокращеніе числа рабочихъ съ 500 до 140 или, что тоже, повышеніе производительности труда съ 16 тоннъ перебрасываемаго однимъ рабочимъ въ день матеріала до 59 тоннъ, т.-е. слишкомъ въ $3^1/_2$ раза, и пониженіе слишкомъ въ два раза расходовъ на обработку одной тонны. Обычная скорость кирпичной кладки въ данной мѣстности—120 кирпичей на человѣка въ часъ; въ одномъ городѣ союзъ каменщиковъ ограничилъ даже производительность своихъ членовъ 375-ью кирпичами въ день. При новой системѣ организаціи работъ производительность рабочаго поднялась до 350 кирпичей въ часъ, т.-е. увеличилась почти въ три раза сравнительно съ прежними методами работы и почти достигла дневной нормы, установленной рабочимъ союзомъ.

Выгодно отразилось примѣненіе новой системы и на матеріальномъ состояніи рабочаго персонала преобразованныхъ предпріятій; да безъ этого не могло бы состояться, какъ мы видѣли и само преобразованіе. Дневной заработокъ чернорабочаго (нагрузка чугуна) и землекопа поднялся на 60%; заработокъ женщинъ, провѣряющихъ велосипедные шарики, увеличился на 80 — 100%. Въ другихъ предпріятіяхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, перешедшихъ къ новой системѣ, вознагражденіе рабочихъ поднялось на 30—100%.

Отзывы о книгахъ.

449. [. . . . .] 02(063)(47)

Труды 1-го Всероссійскаго съѣзда по библіотечному дѣлу, состояв. въ Спб. съ 1 по 7 іюня 1911 г. Изд. О-ва Библіотековѣдѣнія. Спб. 1913. Стр. 660. Ц. 4 р. 50 к.

Матеріалы, собранные въ этомъ томѣ,— очень разнообразны. Около трети тома занимаютъ доклады, касающіеся „академическихъ библіотекъ и отчеты о работахъ „секціи государств., академич. и спеціальныхъ библіотекъ". Изъ докладовъ, читавшихся въ другой секціи —„обществен. и народн. библіотекъ",— нѣкоторые имѣютъ освѣдомительный характеръ, даютъ фактическія свѣдѣнія о положеніи библіотечнаго дѣла въ той или иной мѣстности, о подробностяхъ работы той или иной библіотеки. Другіе доклады имѣютъ задачей выясненіе принциповъ планомѣрной организаціи библіотечныхъ сѣтей и освѣщеніе различныхъ условій развитія библіот. дѣла. Таковы доклады Б. Б. Веселовскаго, Н. А. Малиновскаго и А. М. Обухова. послужившіе основой для обстоятельнаго выясненія вопроса о планомѣрной работѣ земствъ надъ созданіемъ библіотечныхъ сѣтей въ губерніяхъ и уѣздахъ, докладъ С. О. Сѣрополко: „Принципъ общественности въ народно-библіотечномъ дѣлѣ" и тезисы О-ва Библіотековѣдѣнія: „Основы и принципы организаціи библіотечнаго дѣла земскими и город. органами мѣстнаго самоуправленія". Эти тезисы съ принятыми секціею поправками превращены затѣмъ въ резолюціи Съѣзда. Дополненіемъ къ нимъ являются выработанныя спеціальной комиссіей и принятыя Съѣздомъ резолюціи по вопросу о положеніи библіотеч. дѣла въ столицахъ и крупныхъ городахъ. Третья группа докладовъ — по вопросамъ улучшенія собственно библіотечной работы: о комплектованіи библіотекъ, о нормальномъ каталогѣ публичн. и народн. библіотекъ и пр.; въ „Трудахъ" перепечатанъ, между прочимъ, проектъ „Нормальнаго плана постановки библіотечной техники", внесенный на Съѣздъ Спб. О-вомъ Библіотековѣдѣнія; Съѣздъ не успѣлъ разсмотрѣть этотъ проектъ и потому не далъ ему своей санкціи, но рекомендовалъ его вниманію библіотекъ и библіотечн. организацій. Наконецъ, четвертая группа — доклады подсекціи дѣтскихъ библіотекъ: „Результаты анкеты по вопросу о томъ, какія книги нравятся дѣтямъ", „Что и какъ читать дѣтямъ и о внѣшкольномъ распорядкѣ дѣтской библіотеки" и др. (*„Изв. М. Гор. Думы (Нар. Обр.)". 1913—1—2*).

„Труды" включаютъ въ себѣ исторію и составъ Съѣзда, журналы общихъ и секціонныхъ собраній, а также, представленные на Съѣздъ доклады. Такъ какъ Съѣздъ впервые установилъ принципы организаціи народнаго библіотеч. дѣла и затронулъ цѣлый рядъ существенныхъ вопросовъ въ этой области, то „труды", несомнѣнно, должны заинтересовать всѣхъ работниковъ по библіотечн. дѣлу и, прежде всего, органы обществ. самоуправленія. (*„Педаг. Л." 1913 — 2*).

450 Сотонинъ, К. 1(К)(03)

Словарь терминовъ Канта (Къ тремъ Критикамъ). Казань. 1913.Стр. 89. Изд. кн. маг. М. А. Голубева. Ц. 50 к.

„Кантъ долженъ быть основой всякой системы". Вотъ та и исторически, и систематически глубоко справедливая мысль, которая побудила автора для облегченія изученія запутанныхъ и терминологически зачастую черезчуръ своеобразныхъ теорій Канта составить свой словарь. И именно благодаря тому громадному значенію, которое присуще философіи Канта, нельзя не привѣтствовать самымъ искреннимъ образомъ первый опытъ въ этомъ направленіи, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ не изученіе, ни тѣмъ болѣе знаніе и трактованіе Канта, за немногими исключеніями, не отвѣчаетъ даже и самымъ скромнымъ и непритязательнымъ требованіямъ.

Но, поблагодаривъ автора за починъ, трудно не посѣтовать на него во многихъ отношеніяхъ за выполненіе. Первымъ дѣломъ въ его словарѣ отсутствуетъ цѣлый рядъ такихъ понятій и терминовъ, которые играютъ въ кантовской системѣ главную, основополагающую роль; такъ, напр., для всякаго, кто занимался Кантомъ, будетъ рѣжущимъ и непростительнымъ опущеніе такихъ понятій и терминовъ, какъ „форма", „содержаніе", „метафизическое объясненіе", „гомогенный", „гетерогенный", „эвристическій принципъ", „пограничное понятіе", „вещь въ себѣ", „какъ-будто бы" и т. д., и т. д. Во-вторыхъ, хоть авторъ и старается опредѣлить понятіе словами самого Канта, онъ дѣлаетъ это весьма скудно, совсѣмъ не исчерпывая тѣхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, которыми обладаетъ большинство терминовъ у Канта. Укажемъ въ качествѣ примѣра на понятіе „опыта", которое приведено у автора (50) только въ одномъ значеніи, тогда какъ у Канта оно имѣетъ три различныхъ и притомъ одинаково важныхъ смысла, или на понятіе „пространства", которое имѣетъ у Канта по меньшей мѣрѣ три смысла, изъ которыхъ авторъ почему-то не проводитъ цѣлыхъ двухъ. Въ-третьихъ, пропустивъ цѣлый рядъ кантовскихъ терминовъ и понятій первостепенной важности, авторъ отводитъ слишкомъ много мѣста терминамъ второстепеннаго значенія (каковы, напр., антитетика, гипотипозисъ и т. п.). Наконецъ, было бы лучше цитировать на нѣмецкомъ языкѣ не по кирхмановскому изданію, а по академическому, на русскомъ же—не по скверному соколовскому переводу, а по переводу Лосскаго („Критику чистаго разума").

Будемъ надѣяться, что во второмъ изданіи авторъ въ пять разъ увеличитъ свой словарь, сдѣлаетъ его полнѣе и разностороннѣе, и мы тогда дѣйствительно будемъ обладать отличнымъ пособіемъ, облегчающимъ изученіе Канта. (*В. Яковенко. „Руск. Вѣд." 1913—30*).

451. Трельсъ-Лундъ, проф. 113

Небо и міровоззрѣніе въ круговоротѣ вре-

менъ. Пер. съ нѣм. Изд. „Матезисъ". Одесса. 1912. Стр. 233. Ц. 1 р. 50 к.

По мысли автора, міропониманіе всецѣло зависитъ отъ отношенія человѣка къ непосредственно даннымъ, элементарнымъ воспріятіямъ свѣта и тьмы и ихъ смѣны. Отсюда вырастаютъ и религія, и наука, и мораль. Астрономическія и космогоническія представленія обусловливаютъ и пониманіе взаимоотношеній между человѣкомъ и природою, и взглядъ человѣка на самого себя. Въ различныя эпохи и въ различныхъ мѣстахъ на вопросы этого порядка давались и различные отвѣты. Но со всѣмъ въ книгѣ можно согласиться, но недостатки не умаляютъ цѣнности книги Т.-Л.: она — умна, оригинальна и талантлива. Самое лучшее въ ней — удивительно интимное пониманіе особеннаго духа Сѣвернаго Возрожденія, духа Гамлета и Альбрехта Дюрера,— и автору удается заставить читателей ощущать его вѣяніе. (*И. Виципли. „Изв. Од. Библ. О-ва". 1913—1*).

Проф. Т.-Л. занимается изученіемъ жизни XVI в. въ скандинавскихъ государствахъ. Настоящая книга выясняетъ намъ взгляды людей того времени, настроеніе міра и его частей. Авторъ хочетъ возсоздать передъ нами картину міровоззрѣній этой эпохи и для достиженія намѣченной цѣли даетъ намъ рядъ яркихъ очерковъ, захватывая при этомъ въ исторической перспективѣ и болѣе древнія представленія. Возникновеніе элементовъ и времени — эти основныя воззрѣнія человѣка — приводятъ къ понятію о Божествѣ, которое неизмѣнно должно установить представленіе той или иной религіи; въ результатѣ изученіе неба — начало астрономіи и первыя наблюденія надъ небесными тѣлами. На этомъ фонѣ древнихъ представленій авторъ излагаетъ міровоззрѣніе XVI в. Книга написана живымъ, увлекательнымъ языкомъ; изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго. (*А. Лютнихъ. „Рус. М." 1912—12*).

Астрологія и астрономія, богословскія и этическія системы и спекуляціи разсмотрѣны, въ сжатомъ, но увлекательномъ изложеніи, на протяженіи трехъ съ половиной тысячелѣтій; митранія великихъ истинъ, перекрестное вліяніе народовъ изложены убѣдительно и безъ насильственной схематизаціи. (*„Рус. М." 1913 — 2*).

452. Беркли, Джорджъ. 152.1

Опытъ новой теоріи зрѣнія. Пер. съ англ. пр.-доц. А. О. Маковскаго. Казань. 1913. Стр. XXIII + 100. Ц 1 р.

„Теорія зрѣнія" Б. занимаетъ выдающееся мѣсто въ исторіи имматеріализма и генетической психологіи. (съ одной стороны—она является однимъ изъ звеньевъ всего философскаго міровоззрѣнія Б., безъ котораго оно было бы не цѣльно. Съ другой—всѣ дальнѣйшія эмпирическія теоріи происхожденія пространственныхъ представленій Бэна, Лотце, Вундта и др. непосредственно примыкаютъ къ этой теоріи, и пониманіе ихъ, безъ знакомства съ послѣдней, было бы не полно.

По этой теоріи намъ только кажется, что мы видимъ протяженныя тѣла въ пространствѣ трехъ измѣреній. Чисто зрительными воспріятіями являются лишь свѣтъ и цвѣтъ; все остальное есть результатъ ассоціаціи зрительныхъ ощущеній съ данными осязательнаго и двигательнаго опыта. Разстояніе само по себѣ видѣть мы не можемъ, такъ какъ оно есть лишь перпендикулярная глазу линія, которая проектируетъ одну точку на дно глаза, безъ различія, будетъ ли разстояніе больше или меньше. Воспринимать разстояніе мы можемъ только при помощи другихъ идей, которыя сами должны восприниматься въ актѣ зрѣнія. Эти идеи мы черпаемъ изъ нашего двигательнаго и осязательнаго опыта. Не меньшее значеніе имѣетъ осязаніе и для воспріятія величины и положенія объектовъ. Неправильно также мнѣніе, что геометрія трактуетъ о видимомъ пространствѣ; объектомъ ея являются пространство осязаемое. Духъ, который бы только видѣлъ, но не осязалъ, не могъ бы понять тѣхъ частей геометріи, которыя относятся къ твердымъ тѣламъ, ихъ поверхностямъ и линіямъ, образующимся отъ ихъ сѣченія, непонятны были бы для него и элементы планиметріи. Книга Б. представляетъ большой интересъ въ исторіи философской мысли, и переводъ ея будетъ оцѣненъ по достоинству русскими читателями. (*С. А. „Нов. Вр." 1913—13269*).

Нельзя не привѣтствовать появленія въ русскомъ переводѣ классической работы Б. За два съ лишнимъ вѣка, протекшимъ со времени выхода ея въ свѣтъ, по вопросу о природѣ зрѣнія накопилась бездна матеріала, по сравненію съ которой факты, бывшіе въ распоряженіи Б., являются чѣмъ-то крайне недостаточнымъ. Но и въ настоящее время нельзя не удивляться глубинѣ и проницательности психологическаго анализа Б., благодаря которымъ его работа являлась исходнымъ пунктомъ для позднѣйшихъ эмпирическихъ теорій зрѣнія. Переводу предпослано довольно обстоятельное и содержательное „Введеніе" переводчика, въ которомъ онъ даетъ краткую исторію проблемы зрѣнія до Б. и разъясняетъ мѣсто, занимаемое „Опытомъ" въ общей философской концепціи великаго идеалиста. (*И. Ю. „Вѣст. Евр." 1913 — 3*).

453. Марксъ, К. и Энгельсъ, Ф. 301

Критика ученія Штирнера. Пер. съ нѣм., подъ ред., съ примѣч. и вступ. статьей „Соціальная философія Штирнера". Б. Гиммельфарба. Кн-во „Степи". Спб. 1913. Стр. 93 + 167. Ц. 1 р. 50 к.

Максъ Штирнеръ (онъ же Каспаръ Шмидтъ), авторъ книги: „Единственный и его собственность", считается своего рода предтечей Ницше, анархистомъ 40-хъ годовъ и пр. Штирнеръ вышелъ изъ той же группы „лѣвыхъ гегельянцевъ", къ которой принадлежали въ началѣ 40-хъ годовъ и основоположники современнаго научнаго соціализма—Марксъ и Энгельсъ. Но когда вышла въ свѣтъ книга Штирнера, она вызвала въ Марксѣ самое яростное раздраженіе, и онъ—приблизительно около 46-го года—написалъ разборъ книги Штирнера, являющійся однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ полемическихъ сочиненій автора „Капитала". Въ немъ онъ доказываетъ, что „истинный эгоизмъ", „самость" Штирнера, есть самый ярый консерватизмъ, форменная реакція, а отнюдь не что-либо революціонное. Сочиненіе Маркса изложено въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній къ каждому тезису Штирнера, что затрудняетъ чтеніе, если не имѣть подъ рукой самого Штирнера. Авторъ статьи, составляющей введеніе къ русскому переводу этой работы Маркса—г. Гиммельфарбъ—своими пояснительными

и историческими указаніями нѣсколько облегчаетъ указанныя трудности. Самъ г. Гиммельфабръ не считаетъ Штирнера анархистомъ и придаетъ его книгѣ лишь историческое значеніе. „Для современнаго читателя онъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть ни учителемъ, ни указателемъ путей", — говоритъ г. Гиммельфарбъ. Сочиненіе же Маркса противъ Штирнера авторъ настоящаго предисловія цѣнитъ какъ первый трудъ, въ которомъ, по его мнѣнію, уже нашло себѣ выраженіе новое міровоззрѣніе Маркса—его діалектическій матеріализмъ. (*„Совр. Сл." 1913—1850*).

Оригинальный трактатъ М. Штирнера „Единственный и его собственность" появился въ русскомъ переводѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ приложеніемъ біографич. очерка Макая и обширныхъ литературныхъ примѣчаній Гиммельфарба и Гохшиллера. Это изданіе дополняется теперь книгою, заключающей въ себѣ критич. этюдъ М. и Э. о „свитомъ Максѣ" и обстоятельную статью Гиммельфарба о „соціальной философіи" Штирнера. Само собою разумѣется, что критика разбираемаго ученія—и тѣмъ болѣе, такая безпощадная и ядовитая, какъ критика Маркса,— можетъ представлять интересъ только для лицъ, хорошо знакомыхъ съ сочиненіемъ Штирнера или имѣющихъ подъ рукою указанное выше его изданіе. (*Л. С. „Вѣст. Евр." 1913—3*).

Работа М. и Э. интересна въ двухъ отношеніяхъ: а) она имѣетъ большое значеніе для выясненія эволюціи взглядовъ основателей экономическаго матеріализма, в) она характерна для рѣшенія проблемы—какъ относились М. и Э. къ Штирнеру и его взглядамъ.

По вполнѣ справедливому замѣчанію переводчика, въ первомъ отношеніи данная работа имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ „Святое Семейство", ибо здѣсь гораздо рельефнѣе даны: разрывъ Маркса съ прошлымъ и принципы будущей его соц. философіи. Манера критики (далеко, однако, не безпристрастной и сплошь и рядомъ искажающей положенія Штирнера) полна желчи, колкостей, презрѣнія и даже непозволительныхъ (съ нашей точки зрѣнія) эпитетовъ по адресу противника. Переведена книга недурно и снабжена обстоятельнымъ очеркомъ Гиммельфарба. (*„Рус. Молва". 1913—61*).

454. Бузескулъ, В. П., проф. 308(38)

Античность и современность. Современныя темы въ античной Греціи. Спб. 1913. Стр. 195. Ц. 1 р. 25 к.

Книга проф. Б. представляетъ большой интересъ и значеніе. Умѣло обобщая обширный обработанный матеріалъ, авторъ въ изящномъ и доступномъ изложеніи знакомитъ съ тѣми основопроблемами античности, которыя особенно близки и понятны человѣку современности. Теперь уже отходятъ постепенно въ область преданія тѣ представленія прежнихъ историковъ, въ которыхъ, по остроумному выраженію Вилламовитъ-Меллендорфа, Греція являлась страной „прекрасныхъ, возвышенно настроенныхъ мужей и юношей, которые поклонялись красотѣ и жили въ мірѣ грезъ о прекраснѣйшей жизни, между тѣмъ какъ надъ ними улыбалось вѣчно голубое небо". Этотъ сентиментализмъ и романтизмъ совершенно разрушены новѣйшими изслѣдованіями (Эд. Мейера, Пельмана, Белоха и др.), произведшими коренной пересмотръ основныхъ вопросовъ древней исторіи. Правда, но слѣдуетъ при этомъ впадать и въ другую крайность, но слѣдуетъ модернизировать античный міръ, насильственно переносить туда наши современныя чувства, настроенія и представленія. Указанныхъ крайностей вполнѣ избѣгаетъ книга Б., соединяя самыя строгія требованія современнаго научнаго метода съ тонкимъ пониманіемъ самаго „духа" античности. Проф. Б. ставитъ своей задачей прослѣдить въ античности тѣ проблемы, которыя занимаютъ современность, которыя даже считаются „принадлежностью нашего времени". Древніе греки немало сдѣлали для выработки понятія государства, того капитальнаго положенія, что для государства необходимы нравственныя основы, и что само ученіе о государствѣ составляетъ лишь часть этики. Въ древнемъ мірѣ создано было и представленіе о гражданинѣ, его политическихъ и личныхъ правахъ. Злободневный интересъ представляютъ споры о преимуществахъ той или иной формы правленія; поучительный матеріалъ могутъ дать и страстныя нападки на демократію ея заклятаго врага, аристократа—философа Платона, и блестящая апологія народоправства въ знаменитой рѣчи Перикла надъ павшими воинами. Но въ античномъ мірѣ, какъ и теперь, идеалъ далеко не всегда совпадалъ съ дѣйствительностью; реальная свобода распространялась отнюдь не на всѣхъ и на всѣ. Интересъ для сравнительнаго изученія представляютъ правовыя воззрѣнія грековъ, умѣвшихъ проводить различіе между закономъ и декретомъ, между писаннымъ формальнымъ правомъ и высшимъ правомъ—справедливостью. Вопросъ о смертной казни и цѣлесообразности суровыхъ карательныхъ мѣръ былъ поднятъ и обсужденъ въ Аѳинахъ болѣе чѣмъ за 2300 лѣтъ до нашихъ дней! И глубокой мудростью звучитъ рѣчь оратора, направленная противъ смертной казни. Въ Аттикѣ передъ реформой Солона впервые въ исторіи раздался кличъ: „земля—массѣ, народу". Соціальная борьба, развитіе капитализма, появленіе пролетаріата, осложненныя экономическія отношенія (къ сожалѣнію проф. Б. недостаточно подробно останавливается на аграрныхъ отношеніяхъ)—все это вызывало проекты реформъ и планы общественнаго переустройства. Интересны философскія и моральныя представленія грека, основанныя на принципѣ индивидуализма, нерѣдко доходящаго до проповѣди „сверхъ-человѣка"; на ряду съ этимъ надо отмѣтить пессимизмъ, пропаганду самоубійства и даже ранніе антецеденты ученія Руссо и Толстого—призывы къ опрощенію и разочарованіе въ культурѣ. Стремленіе женщины къ эмансипаціи, участіе женщины въ научной и литературной дѣятельности также опредѣленно представлены въ Греціи. Любопытныя аналогіи съ современностью представляетъ и античная школа и даже до-школьный періодъ жизни ребенка. Сказаннымъ далеко не исчерпывается богатый и искусно систематизированный матеріалъ книги Б., къ непосредственному ознакомленію съ которой и отсылаемъ читателя. (*И. Бороздинъ. „Завѣты". 1913—2*).

Сама по себѣ эта книга, представляющая переработку одной изъ журнальныхъ статей Б., представляетъ извѣстный интересъ, какъ попытка сгруппировать историко-культурный матеріалъ, относящійся къ античной Греціи. Читатель не

безъ пользы прочтетъ страницы, посвященныя античной школѣ, правовымъ воззрѣніямъ и т. д. И, если бы книга ограничивалась пересказомъ того матеріала, который даютъ античные писатели и папирусы, то относительно ея значенія нельзя было бы и спорить. Къ сожалѣнію, однако, почтенный авторъ, говоря объ „античности", повидимому, имѣетъ въ виду освѣтить и проблемы современности. Впрочемъ, что именно онъ имѣлъ въ виду, для меня, къ сожалѣнію, не совсѣмъ ясно. Разсѣянныя въ книгѣ замѣчанія, какъ они ни глубокомысленны, мало помогаютъ выясненію современности, и едва ли много даютъ для пониманія античности. Цѣлая глава посвящена „соціальному вопросу" въ Греціи. Мы узнаемъ, что „народъ въ Аргосѣ тѣшился избіеніемъ богатыхъ гражданъ", и приводитъ этотъ случай, какъ примѣръ классовой, соціальной борьбы чуть не въ духѣ современной борьбы классовъ. Этого мало: какъ доказываетъ авторъ, античной Греціи былъ извѣстенъ и „государственный соціализмъ". Аналогія дѣйствительности поразительна: въ Александріи имѣлась черта осѣдлости „для евреевъ"; „женскій вопросъ", именно какъ женскій вопросъ, возникъ и существовалъ, по мнѣнію Б., еще въ греческомъ мірѣ, и Лизистрата, героиня комедіи Аристофана и извѣстной современной оперетки, была сторонницей женскаго равноправія. Не знаю, были ли только въ Аѳинахъ суффражистки. Я думаю, однако, что если хорошенько поискать, найдутся и онѣ. (*А. Погодинъ. „Утро". 1913—1876*).

455. Лигинъ, Ю. 308 (57.3)

На Дальнемъ Востокѣ. К—во „Задруга". М. 1913. Стр. 172. Ц. 70 к.

Разсматриваемая нами книга г. Лигина не представляетъ изъ себя новинки для читателя; помѣщенныя въ ней очерки были напечатаны въ „Рус. Вѣд". въ теченіе лѣта 1911 г. и въ свое время обратили вниманіе дѣловитостью и содержательностью. За послѣднее время по поводу дальне-восточныхъ дѣлъ и о Приамурьѣ пишется очень много ни съ чѣмъ несообразныхъ выдумокъ, расчитанныхъ на незнаніе за-уральскаго читателя, а потому здравый голосъ Л. далеко не безполезенъ, тѣмъ болѣе—его очерки представляютъ изъ себя одно цѣлое и по значительности далеко выходятъ за рамки газетныхъ статей. Изъ темъ, разсматриваемыхъ Л., наиболѣе полно освѣщены три: характеристика городовъ Восточной Сибири и Приамурья, Амурская желѣзная дорога и то, что обычно называется „дальне-восточнымъ положеніемъ". Много мѣста отведено авторомъ Амурской дорогѣ и вопросамъ, связаннымъ съ ея постройкой. Въ общемъ, картина рисуемая Л.,—картина знакомая: невозможныя жилищныя условія, эксплоатація жестокая арестантскаго труда, система расплаты ордерами и т. п. Въ одномъ Л. не правъ, когда полагаетъ, что амурскому рабочему нѣтъ все же реальныхъ основаній бѣжать съ постройки, т. к. заработная плата его относительно высока. И авторъ мотивы этого бѣгства ищетъ въ психологіи рабочаго, который де полагалъ найти золотое дно, сказочную страну, гдѣ можно вдругъ разбогатѣть; на мѣстѣ же только обычныя рамки приложенія труда, при нѣсколько повышенной оплатѣ. Быть можетъ для нѣкоторыхъ рабочихъ—единицъ такая „искательская" психологія и допустима, но въ массѣ, массѣ притомъ земледѣльческой—она маловѣроятна. И въ этомъ Л. раздѣляетъ одну ошибку съ г. Невскимъ, въ попыткѣ, послѣдняго обѣлить „Лензото" и создать „психологическіе" мотивы ленской забастовки. На „Амурку" шелъ массой землекопъ отъ нужды и нужда же заставила его побѣжать обратно.

Въ концѣ-концовъ нельзя не порекомендовать книги Л. самымъ широкимъ слоямъ читателей. (*О. Б—ичъ „Сиб. Вѣстн." 1913—49*).

Живые очерки Л. отнюдь не утратили интереса современности. Сведенные въ книгу очерки Л. выиграли въ смыслѣ цѣльности и займутъ въ популярной литературѣ, посвященной Дальнему Востоку, конечно, видное мѣсто; повышенный интересъ, который вызываютъ теперь событія на этой окраинѣ, дѣлаетъ появленіе настоящей книги особенно своевременнымъ. (*А. Максимовъ. „Рус. Вѣд." 1913—30*).

456. Орловъ, А. С. 381.325

Первые шаги по организаціи больничной кассы (съ прилож. нормальнаго устава больничной кассы). „Труды секціи по страхованію рабочихъ. Вып. I". Изд. Музея содѣйствія труду. М. 1913. Стр. 48. Ц. 20 к.

Авторъ выдвигаетъ ближайшіе практическіе вопросы и даетъ на нихъ отвѣты. Порядокъ выработки и утвержденія устава больничной кассы, это—первый шагъ къ организаціи кассы. Нормальный уставъ имѣетъ много недостатковъ,—образовывать ли кассы по нормальному уставу, или для избѣжанія его недостатковъ составлять уставы съ отступленіями отъ нормальнаго? Въ нормальномъ уставѣ много вопросовъ оставлено открытыми,—какъ ихъ слѣдуетъ разрѣшить? Образовывать ли отдѣльныя кассы при каждой фабрикѣ, или общія кассы? Это, несомнѣнно,—одинъ изъ наиболѣе важныхъ практическихъ вопросовъ, близко касающихся интересовъ рабочихъ. Касса организована; возникаютъ вопросы, какія ближайшія задачи первыхъ общихъ собраній кассы. На всѣ эти вопросы въ названномъ трудѣ секціи находятся обстоятельные отвѣты. Имѣются также весьма цѣнныя приложенія: проекты правилъ исчисленія взносовъ и пособій, производства выборовъ, составленія смѣтъ, веденія счетоводства и отчетности и пр. Въ такого рода „практическихъ руководствахъ" несомнѣнная надобность, особенно при первыхъ шагахъ дѣятельности больничныхъ кассъ. Никто, конечно, не будетъ отрицать значенія за критической оцѣнкой страхового законодательства. Но въ ближайшее время рабочимъ предстоитъ организаціонная работа, и въ курсъ практическихъ вопросовъ, съ нею связанныхъ, необходимо ввести широкіе слои рабочаго люда. Эту задачу ставитъ и посильно выполняетъ секція по страхованію рабочихъ московской комиссіи музея содѣйствія труду. (*И. Іорданскій. „Рус. Вѣд." 1913—48*).

Цѣль брошюры дать рабочимъ рядъ практическихъ указаній по вопросу объ уставѣ больничной кассы и ея первыхъ шагахъ. Исходной точкой зрѣнія автора является стремленіе открыть кассы возможно скорѣе. Съ этой цѣлью онъ рекомендуетъ рабочимъ примириться съ нормальнымъ уставомъ, а поправки къ нему проводить уже при существованіи кассы. При этомъ онъ самъ указываетъ, что провести эти поправки такимъ путемъ будетъ трудно, такъ какъ рабочіе не располагаютъ на общемъ собраніи необходи-

мыми $^2/_3$ голосовъ. И авторъ попросту отмахивается отъ этого собственнаго своего возраженія.

Но авторъ идетъ еще дальше и пытается убѣдить рабочихъ, что нормальный уставъ не такъ ужъ плохъ. При разборѣ нормальнаго устава онъ склоненъ преуменьшать его недостатки и видитъ достоинства тамъ, гдѣ эти достоинства весьма сомнительнаго свойства. Здѣсь автору жестоко мститъ за себя его желаніе устранить *борьбу* рабочихъ съ первыхъ же шаговъ и отложить ее на будущее. Такой же излишній и вредный практицизмъ проявляетъ авторъ и въ вопросѣ *о типѣ* кассы. Онъ боится, что рабочіе не справятся съ болѣе сложнымъ дѣломъ организаціи общихъ кассъ и что попытки въ этомъ направленіи могутъ затормозить скорѣйшее открытіе кассъ, и потому совѣтуетъ остановиться на типѣ фабричныхъ кассъ, даже если бы представлялась возможность устроить общую кассу для крупныхъ предпріятій. А относительно мелкихъ предпріятій онъ ставитъ вопросъ въ зависимости отъ согласія предпринимателей. И здѣсь авторъ дѣлаетъ очень неудачную попытку доказать цифрами изъ германской практики жизнеспособность мелкихъ кассъ.

Но вотъ уставъ кассы утвержденъ. Первому общему собранію приходится рѣшить рядъ вопросовъ о выдачѣ пособій, объ организаціи медицинской помощи. Автора снова преслѣдуетъ страхъ, какъ бы рабочіе своей требовательностью не погубили кассы. Въ виду этого, онъ рекомендуетъ при наивысшихъ взносахъ ограничиться самыми низкими размѣрами пособія, не выдавать совсѣмъ пособій членамъ семей участниковъ кассы, не брать на себя организаціи медицинской помощи. Такимъ образомъ, и здѣсь авторъ стремится устранить элементы борьбы съ предпринимателемъ, выдвигаетъ на первый планъ узкій практицизмъ. Правда, авторъ самъ предлагаетъ смотрѣть свои указанія лишь какъ на матеріалъ для обсужденія очередныхъ вопросовъ по организаціи больничныхъ кассъ. Но этотъ матеріалъ преподносится въ такомъ видѣ, что можетъ только сбить съ толку неискушеннаго во всѣхъ этихъ вопросахъ читателя. И только читатель, уже вполнѣ освоившійся со всѣми трактуемыми здѣсь вопросами и способный критически отнестись къ положеніямъ автора, можетъ и изъ самой книги и изъ ея приложеній почерпнуть матеріалъ для обсужденія затронутыхъ вопросовъ. (*Г. Б. „Лучъ“. 1913—56*).

457. Исаевъ, А. А., проф. 332.04

Кризисы въ народномъ хозяйствѣ. Изд. т-ва А. Цинзерлингъ и К°. Спб. 1913. Стр. 168. Ц. 1 р.

Современное капиталистическое производство полно противорѣчій. Чѣмъ сильнѣе развитіе производительныхъ силъ, чѣмъ шире производство, тѣмъ эти противорѣчія острѣе; развитію производительныхъ силъ не соотвѣтствуетъ возможность реализовать созданный ими большой запасъ цѣнностей. Между производствомъ и общественными потребностями нѣтъ должнаго соотношенія, потому что не интересы общества, народнаго хозяйства, не интересы прибыли капиталистовъ руководятъ всѣмъ производствомъ. Ростъ заработной платы отстаетъ обыкновенно отъ развитія производительныхъ силъ и увеличенія производительности труда; въ виду этого покупательныя силы широкихъ массъ населенія недостаточны для потребленія всѣхъ произведенныхъ товаровъ. Такимъ образомъ, относительная бѣдность народа ставитъ границы неудержимому стремленію капиталистическаго производства къ безграничному увеличенію: эта бѣдность и только она одна вызываетъ тѣ глубокія потрясенія въ народномъ хозяйствѣ, которыя называются торгово-промышленными кризисами. Такова въ общихъ чертахъ точка зрѣнія Сисмонди, развитая затѣмъ Родбертусомъ и наиболѣе блестяще формулированная Марксомъ и Энгельсомъ. Проникая въ самую глубь современнаго капиталистическаго хозяйства, вскрывая его противорѣчія, это ученіе давало объясненія загадочному явленію въ народно-хозяйственной жизни, вполнѣ соотвѣтствующія фактамъ экономической дѣятельности. Въ послѣднее время въ общемъ процессѣ критики Маркса, и его ученіе о кризисахъ подвергалось полному пересмотру. Однимъ изъ первыхъ, совершившихъ этотъ пересмотръ былъ М. И. Туганъ-Барановскій, противопоставившій ученію Сисмонди, Родбертуса и Маркса свою точку зрѣнія, которая была изложена имъ сначала въ первомъ изданіи его сочиненія „Торгово-промышленные кризисы въ Англіи“ и затѣмъ снова обоснована въ „Основаніяхъ политической экономіи“. По мнѣнію М. И. Туганъ-Барановскаго, положеніе о необходимой связи между размѣромъ рынка и размѣрами потребительнаго спроса—невѣрно. Общественный продуктъ вдвое превосходитъ сумму всего общественнаго дохода и тѣмъ не менѣе закупается на рынкѣ весь безъ остатка. Капиталистическое производство само создаетъ для себя этотъ рынокъ. Благодаря отказу отъ потребленія половины своего дохода, капиталисты превращаютъ эту часть дохода въ капиталъ; вслѣдствіе этого спросъ на предметы потребленія капиталистовъ сокращается, но увеличивается спросъ на средства производства и на предметы потребленія со стороны рабочихъ. Для того, чтобы не было противорѣчія между развитіемъ производительныхъ силъ и потребительной способностью рынка, нужно только сохранять пропорціональное распредѣленіе производства по отраслямъ. Капитализмъ не умѣетъ этого достигнуть и потому возникаютъ кризисы. Такимъ образомъ, согласно этому ученію, рынокъ недостаточенъ для капитализма не потому, что мало потребителей для его продукта, но потому, что нѣтъ необходимаго пропорціональнаго распредѣленія въ производствѣ. Эта точка зрѣнія, сводящая объясненіе кризисовъ къ отсутствію свободныхъ капиталистовъ, пришлась весьма по вкусу нѣмецкимъ экономистамъ, занятымъ усиленной критикою Маркса, и къ Туганъ-Барановскому съ особенной горячностью присоединился проф. Пооле, который отсутствіе свободныхъ капиталовъ, а слѣдовательно, и появленіе кризисовъ, объяснилъ чрезмѣрнымъ потребленіемъ со стороны широкихъ массъ населенія, слѣдующимъ обыкновенно за повышеніемъ заработной платы. Взгляды Туганъ-Барановскаго подверглись критикѣ со стороны проф. Булгакова и г. Финна-Енотаевскаго. Теперь съ разборомъ ученія Туганъ-Барановскаго и родственныхъ ему взглядовъ нѣмецкихъ экономистовъ выступилъ и А. А. Исаевъ. Въ небольшой, живо и сжато написанной брошюрѣ, иллюстрируя свои возраженія цѣлымъ рядомъ интересныхъ примѣровъ изъ экономической жизни послѣдняго времени, авторъ не только подвергаетъ пересмотру ученіе о кризисѣ М. И. Туганъ-

Барановскаго, но противопоставляетъ ему послѣдовательную точку зрѣнія Сисмонди, Родбертуса, Маркса и Энгельса. Въ наше время безудержной критики марксизма это составляетъ особенную заслугу автора, и небольшая брошюра проф. И. представляетъ много поучительнаго. (*С. З—скій. „День". 1913—60*).

Проф. И. доказываетъ, что въ будущемъ общественномъ строѣ, „при государственной собственности на орудія производства, кризисы были бы поставлены въ тѣсные предѣлы и не причиняли бы обществу существенныхъ невыгодъ". И при современныхъ условіяхъ могутъ быть значительно смягчаемы бѣдствія, причиняемыя кризисами; для этого полезно было бы ввести государственное страхованіе отъ безработицы, установленіе извѣстнаго минимума заработной платы, взиманіе болѣе высокаго подоходнаго налога съ синдикатовъ и трестовъ подъ условіемъ употребленія этого налога на поддержку работниковъ, оставшихся безъ работы, поощреніе артельныхъ предпріятій и потребительныхъ обществъ, усиленіе участія казенныхъ и городскихъ капиталовъ въ промышленномъ движеніи путемъ своевременныхъ крупныхъ заказовъ и организаціи общественныхъ работъ, и наконецъ, созданіе новыхъ хозяйственныхъ единицъ въ пустующихъ или рѣдко населенныхъ областяхъ государства, при помощи цѣлесообразной переселенческой политики. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и общее развитіе мірового хозяйства. Ссылаясь на разные фактическіе и теоретическіе доводы, проф. И. приходитъ къ выводу, что „грядущія потрясенія экономической жизни будутъ менѣе тяжелы, нежели тѣ, которыя приходилось переживать" въ прежнее время. (*Т. С. „Вѣст. Евр.". 1913—2*).

458. Кулишеръ, І. М. 338(4)

Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. Изд. 3-е. Спб. 1913. Стр. 500. Ц. 2 р. 50 к.

Книга К., представляющая собой курсъ лекцій, читанныхъ имъ въ петербургскомъ университетѣ, является очень удобнымъ руководствомъ, знакомящимъ съ общей экономической исторіей Европы. Преимущественно изложены до-капиталистическіе періоды. Изложеніе ведется не по отдѣльнымъ государствамъ, а какъ характеристика общеевропейскихъ процессовъ, съ указаніемъ, однако, на индивидуальныя стороны развитія этихъ процессовъ въ различныхъ государствахъ. Въ книгѣ въ изобиліи приводятся библіографическія указанія. Исторія экономическихъ ученій дана только въ видѣ очень краткихъ и очень общихъ замѣчаній, входящихъ въ составъ очень маленькихъ главокъ—„прибавленій" къ отдѣламъ книги. Книга выходитъ уже третьимъ изданіемъ, и, надо думать, что спросъ на нее идетъ не только со стороны слушателей автора и вообще учащихся, а и со стороны болѣе широкихъ круговъ читателей, работающихъ, напримѣръ, надъ своимъ самообразованіемъ и пр. (*„Совр. Сл. 1913—1850*).

Курсъ К.—единственная на русскомъ языкѣ книга, охватывающая исторію экономическаго быта Западной Европы съ ея цѣломъ. Прекрасная работа И. В. Лучицкаго въ дополненіи къ „Новой исторіи" Зеворты, къ сожалѣнію, устарѣла и не была переиздана въ переработанномъ видѣ, капитальный трудъ М. М. Ковалевскаго „Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства" обрывается на эпохѣ болѣе ранней, чѣмъ книга К. и мало пригоденъ для цѣлей учебныхъ и самообразованія, общіе же и историческіе курсы удѣляютъ экономической исторіи слишкомъ мало вниманія. Богатый фактическимъ содержаніемъ, курсъ К. подробно излагаетъ экономическую исторію Запада, начиная раннимъ средневѣковьемъ (эпоха Цезаря и Тацита) и до половины XIX вѣка, и можетъ послужить хорошимъ пособіемъ также для самообразованія. Если читателю не всегда можно посовѣтовать слѣдовать за обобщающими выводами автора, то фактическій матеріалъ книги, безспорно, послужитъ незамѣнимымъ источникомъ для осмысленнаго пониманія экономической эволюціи.

По сравненію съ предыдущими изданіями, въ третьемъ изданіи болѣе подробно изложенъ отдѣлъ о положеніи промышленности рабочаго класса въ XVI—XVIII в.в. (этому отдѣлу посвящена также самостоятельная книга К. „Промышленность и рабочій классъ на Западѣ въ XVI—XVIII в.в.". Спб. 1911 г.), а также впервые введенъ отдѣлъ, охватывающій время отъ французской революціи до половины XIX вѣка. Было-бы желательно, чтобы въ послѣдующихъ изданіяхъ указатель былъ пополненъ журнальными статьями и лучшей популярной литературой на русскомъ языкѣ. (*С. Х. „Кіев. Мысль" 1913—47*).

Книга К. встрѣтила вполнѣ заслуженное вниманіе публики, интересующейся экономическими вопросами. Это одинъ изъ лучшихъ университетскихъ курсовъ по исторіи экономическаго быта.

По намъ представляются слишкомъ бѣглыми тѣ главы, которыя посвящены экономическимъ ученіямъ. Въ исторіи экономическаго быта можно смѣло выпустить изложеніе экономическихъ теорій. Если же ихъ помѣщать, то слѣдуетъ отвести больше мѣста. Авторъ впервые прибавилъ въ 3-мъ изданіи очеркъ новѣйшаго періода съ конца 18 до половины 19 вѣка. Это можно привѣтствовать и пожелать, чтобы этотъ періодъ получилъ болѣе разработанный видъ. Со стороны архитектоники книги было бы правильнѣе сократить исторію средневѣковья и расширить исторію новѣйшаго времени. Книгу можно рекомендовать всѣмъ, желающимъ систематически изучить экономическую исторію Европы. (*М. С. „Утро". 1913.—1870*).

459. Звягинцевъ, Е. А. 37(04)

Народная жизнь и школа. Выпускъ II. Статьи по вопросамъ народнаго образованія. М. 1913. Стр. 122. Ц. 30 к.

Прочность школьныхъ знаній, жизненность школьныхъ знаній, учительскіе курсы, какъ орудіе для оживленія школьнаго дѣла, вліяніе на школьное дѣло тѣхъ способовъ, которыми оно организуется въ уѣздѣ, постановка экзаменовъ въ народной школѣ,—вотъ тѣ вопросы, которые разбираются во второмъ выпускѣ статей З. Всѣ статьи носятъ боевой, полемическій характеръ, что не мѣшаетъ имъ однако изобиловать цѣннымъ фактическимъ матеріаломъ. Общіе взгляды автора достаточно извѣстны: онъ уже давно пріобрѣлъ репутацію неутомимаго борца противъ мертвящаго народное образованіе *вербализма* и заѣдающей учителя бюрократической опеки. Въ пылу борьбы неизбѣжны увлеченія. Къ нимъ мы

относимъ, между прочимъ, замѣтную тенденцію черезчуръ рѣзко противопоставлять „школу для барчуковъ“ и школу для дѣтей трудящагося народа. Путь скользкій: по нему можно при неосторожности вернуться къ любезной сердцу однихъ реакціонеровъ системѣ сословнаго образованія, царившей до XIX вѣка. Необходимая дифференціація типовъ школы не должна переступать извѣстныхъ предѣловъ, за которыми школа лишается возможности служить орудіемъ духовной ассимиляціи тѣхъ, кого жизнь съ такой опасной для общества настойчивостью превращаетъ въ „знакомыхъ незнакомцевъ“. (*П. Сперанскій. „Рус. Вѣд.“ 1913—30*).

Собранныя въ этомъ изданіи статьи представляютъ большой интересъ для всѣхъ причастныхъ къ дѣлу народнаго образованія. Авторъ является горячимъ защитникомъ сближенія школы съ жизнью, врагомъ безжизненности и книжности учебнаго матеріала, холоднаго фанатизма и формализма въ пріемахъ преподаванія; онъ указываетъ на важность педагогическихъ курсовъ для учителей. (*Педагогъ. „Сиб. Жизнь“. 1913—45*).

Авторъ настоящаго сборничка—неутомимый работникъ въ области вопросовъ народнаго просвѣщенія. Статьи, входящія въ составъ второго, только что появившагося выпуска, касаются самыхъ различныхъ, но всегда наиболѣе жизненныхъ вопросовъ нашей народной школы. Въ нихъ затронуты и организаціонные вопросы школьнаго дѣла, выдвигаемые теперь на очередь земской дѣятельностью, и самое существо школьнаго обученія, въ видѣ вопросовъ о прочности и о жизненности школьныхъ знаній, о значеніи экзаменовъ и т. д. (*„Совр. Сл.“ 1912—1763*).

Всѣ статьи написаны живо и обнаруживаютъ въ авторѣ ихъ хорошаго знатока школьнаго дѣла въ современной его постановкѣ. Книга заслуживаетъ особеннаго вниманія народныхъ учителей и дѣятелей по народному образованію. (*С. С—о. „Педаг. Л.“ 1913—1*).

460. Чарнолускій, В. 37(47)(00)

Настольная книга по внѣшкольному образованію. Т. I. Изд. 2-е, перераб., т-ва „Знаніе“. Спб. 1913. Стр. 1501. Ц. 3 р. 50 к.

Новое изданіе книги является очень ко времени. Программа новаго изданія составлена очень широко и охватываетъ не только всѣ отрасли просвѣтительной дѣятельности, обычно понимаемыя подъ терминомъ „внѣшкольное образованіе“ (библіотечное дѣло, книжную торговлю, публичныя лекціи, образовательныя экскурсіи и т. п.), но и рядъ общихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ этими областями общественной жизни (объ обществахъ, собраніяхъ и съѣздахъ вообще и т. п.). Въ программу, кромѣ того, входятъ вопросы общаго образованія въ войскахъ и тюрьмахъ; вопросы объ архивахъ и охранѣ природы и древностей, о типографіяхъ, фотографіяхъ и нѣк. др. На ряду съ узаконеніями и др. матеріалами, относящимися спеціально къ различнымъ вопросамъ внѣшкольнаго образованія, дается обширный сводъ извлеченій изъ цѣлаго ряда общихъ законоположеній и распоряженій, такъ или иначе касающихся названныхъ вопросовъ. Кромѣ матеріаловъ юридическаго характера (законы, циркуляры, рѣшенія Сената), Ч. далъ также и сводъ главнѣйшихъ итоговъ организаціонной общественной дѣятельности въ области внѣшкольнаго образованія, въ видѣ постановленій съѣздовъ по вопросамъ внѣшкольнаго образованія и обширнаго свода примѣрныхъ, нормальныхъ и выдающихся уставовъ различнаго типа библіотекъ, обществъ, школъ для взрослыхъ и пр. Книга Ч. по богатству собраннаго, умѣло систематизированнаго, въ ней матеріала—единственная у насъ на книжномъ рынкѣ. Это и должно обезпечить ей успѣхъ. (*„Нар. Уч.“ 1913—7*).

„Настольная книга“ отличается отъ изданнаго ранѣе тѣмъ же авторомъ „Внѣшкольнаго образованія“ полнотой матеріала и тщательной его систематизаціей. Книга, несомнѣнно, облегчитъ сложный и отвѣтственный трудъ учрежденій и лицъ, работающихъ въ различныхъ отрасляхъ внѣшкольнаго образованія. Для интересующихся одной какой-либо областью вопросовъ, одновременно съ этой книгой выпущены оттиски изъ нея въ формѣ серіи „Справочныхъ книжекъ“ по отдѣльнымъ вопросамъ внѣшкольнаго образованія. (*„Совр. Сл.“ 1913—1806*).

Необходимо горячо привѣтствовать появленіе этой книги, весьма необходимой для всѣхъ, кто работаетъ въ области внѣшкольнаго образованія. Первый томъ содержитъ „общія законоположенія и распоряженія“, безъ знакомства съ которыми иной разъ прямо невозможно приступать къ практической работѣ. По полнотѣ сообщаемыхъ свѣдѣній этотъ трудъ Ч., общепризнаннаго знатока законодательства по народному образованію, долженъ быть признанъ прямо идеальнымъ. Мы увѣрены, что даже казенныя учрежденія и должностныя лица будутъ прибѣгать за необходимыми справками къ этой работѣ: всѣ наши многочисленныя вѣдомства, издающія каждый годъ безчисленное количество распоряженій, имѣющихъ общеобязательный характеръ, плохо ихъ кодифицируютъ, несвоевременно, а часто и совсѣмъ не публикуютъ во всеобщее свѣдѣніе; учрежденія, объединяющаго эти распоряженія, совсѣмъ не существуетъ. Вотъ почему и „казенные люди“ за справками по „казенному дѣлу“ будутъ прибѣгать къ этому труду. Намъ кажется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ, въ погонѣ за полнотой, беретъ лишнее, имѣющее мало отношенія къ внѣшкольному образованію (законоположенія о продажѣ питей, распоряженія, имѣющія частное значеніе и т. д.). (*Н. Н. „Учит. Дѣло“. 1913—1*).

Привѣтствуя появленіе этой книги, столь необходимой для всѣхъ работающихъ въ области внѣшкольнаго образованія, мы все же позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Въ настоящемъ томѣ приводятся нерѣдко сепаратные циркуляры отдѣльныхъ губернаторовъ и вѣдомствъ, изданные въ нарушеніе общаго закона, что редакціей книги не оговорено. Нечего говорить о томъ, что такія сообщенія въ „настольной книгѣ“ безъ соотвѣтствующихъ разъясненій со стороны ея составителя, могутъ породить цѣлый рядъ недоразумѣній и повредить дѣлу внѣшкольнаго образованія при осуществленіи его на мѣстахъ. (*С. С—о. „Педаг. Л.“ 1913—2*).

461. Кейра, Ф. 37.01

Воображеніе и различныя формы его у ребенка. Очеркъ по эксперим. психологіи въ примѣненіи ея къ воспитанію. Пер. съ 4 франц.

изд., подъ ред. проф. С. Соллертинскаго. Изд. „Научно-попул. Педолог. Библ." Вып. 4. Спб. 1912. Стр. 103. Ц. 40 к.

Научно-популярныя психологическія работы К. отличаются своеобразными достоинствами. Онѣ всегда опираются на обширный конкретный матеріалъ, что дѣлаетъ выводы автора достаточно убѣдительными и имѣетъ съ тѣмъ прозрачно ясными. Онѣ возвращаютъ читателя къ живой человѣческой душѣ, почему и могутъ быть интереснымъ и полезнымъ чтеніемъ для начинающаго психолога, желающаго ближе подойти къ уясненію природы отдѣльныхъ душевныхъ явленій. Книжки К. можно смѣло дать въ руки любознательнаго ученика: трудно сомнѣваться, чтобы онѣ не повысили интереса къ психологіи, не заставили его полюбить этотъ предметъ. Въ настоящемъ трудѣ автора интересуютъ тѣ особенности нашей психики, которыя, въ силу психо-физіологической наслѣдственности, позволяютъ намъ легче и ярче удерживать въ сознаніи зрительные, слуховые или моторные образы. Наложивъ въ первыхъ главахъ современное психологическое ученіе объ этихъ характерныхъ типахъ представленій, К. переходитъ къ уясненію практическаго вопроса: какъ лучше и педагогичнѣе направлять развитіе этихъ врожденныхъ способностей—усиливать ли, напр., и безъ того богато представленные слуховые образы, или уравновѣшивать ихъ иными образами—зрительными, моторными. Тогда и получается средній, нормальный, уравновѣшенный типъ, тогда человѣкъ разносторонне развиваетъ свою психику и не попадаетъ въ безнадежное положеніе при потерѣ, напр., зрительной или слуховой способности воспріятія. Конечно, такая система является естественной и разумной и для многихъ она вполнѣ пригодна и желательна. Но нужно сказать, что иные талантливые и геніальные люди обладали односторонимъ типомъ воспріятія. Всѣ ихъ силы уходили на изощреніе слуховой или зрительной способности, благодаря чему и достигалось исключительно острое обладаніе ими. Въ своемъ этюдѣ К. почти совсѣмъ не выясняетъ особенности представленій у дѣтей. И всѣ его примѣры взяты изъ психологіи взрослаго человѣка. (*И. Соловьевъ. „Вѣст. Восп." 1912—9*).

Книжкѣ К. посчастливилось на русск. языкѣ: она появилась въ нѣсколькихъ переводахъ и изданіяхъ. Надо сказать, что она дѣйствительно заслуживаетъ широкаго распространенія, такъ какъ автору удалось соединить довольно значительную научность содержанія съ очень популярной формой изложенія, дѣлающей эту книгу пригодною не только для учителей, но и для родителей, интересующихся вопросами воспитанія, для учащихся старшихъ классовъ гимназій, занимающихся психологіей, и для учениковъ учительск. семинарій и институтовъ. Собственно заглавіе книги не совсѣмъ точно: это скорѣе психологическій этюдъ, посвященный изученію не воображенія, какъ творческой дѣятельности ума, а способности воспроизведенія образовъ или воспоминаній. Это этюдъ по психологіи памяти и мышленія. К. начинаетъ его съ выясненія природы образовъ, которыя разсматриваетъ, какъ возрожденныя ощущенія. Затѣмъ, кратко охарактеризовавъ значеніе ассоціаціи для умственныхъ построеній, переходитъ къ описанію различныхъ видовъ памяти: зрительнаго, слухового и моторнаго. Эти три главы занимаютъ большую часть книги и благодаря обилію удачно подобранныхъ примѣровъ читаются съ большимъ интересомъ. Преобладаніемъ образовъ того или другого характера въ умственныхъ построеніяхъ К. объясняетъ разнообразіе индивидуальныхъ способностей дѣтей. Переводъ сдѣланъ хорошо. (*И. Румянцевъ. „Ежегод. Экспер. Пед." 1913—т. 1*).

462. Монтессори, М., д-ръ. 372.21

Домъ ребенка. Методъ научной педагогики. Изд. „Задруга". М. 1913. Стр. 339. Ц. 2 р. 50 к.

По иниціативѣ автора книги, въ Римѣ и другихъ городахъ Италіи основано много „домовъ ребенка" въ бѣднѣйшихъ кварталахъ, жители которыхъ, вынужденные уходить на работу, не могутъ лично заботиться о своихъ дѣтяхъ, еще не достигшихъ школьнаго возраста (отъ 3-хъ до 7 лѣтъ). Директриса, врачъ и смотритель „домовъ ребенка" заботятся о физическомъ, умственномъ и нравственномъ развитіи дѣтей по методамъ, первоначально примѣнявшимся только къ отсталымъ дѣтямъ, не примѣняя никакихъ наказаній и наградъ. Воспитаніе дѣтей безплатно, отъ родителей требуется только опрятная одежда для дѣтей, уваженіе къ воспитателямъ и еженедѣльное сообщеніе имъ свѣдѣній о домашней жизни ребенка. Такъ какъ воспитательные пріемы, примѣняемые г-жой М., во многомъ отличаются отъ обычныхъ (кромѣ волной гимнастики, ею введены земледѣльческій трудъ и разведеніе животныхъ и растеній, лѣпка, рисованіе и оригинальный способъ обученія чтенію и счету), то они получаютъ особливое значеніе для выработки *метода научной педагогики*, что и подчеркивается во всей книгѣ, а также въ предисловіи проф. Гольмса. Нельзя не отмѣтить также искренней соціальной боли о дѣтяхъ пролетаріата и глубоко демократическаго духа, которыми проникнута вся книга. (*„Рус. Молва". 1913—78*).

Г-жа М. является въ настоящее время очень популярнымъ педагогомъ, осуществившемъ въ Италіи оригинальную систему воспитанія и обученія дѣтей младшаго возраста. Система ея нашла уже широкое примѣненіе не только на родинѣ ея, но еще болѣе въ Англіи и Америкѣ. Книга М. должна встрѣтить и у насъ большой успѣхъ среди матерей и воспитательницъ дѣтскихъ садовъ, поэтому нельзя не привѣтствовать появленія ея на русскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, переводъ выполненъ не совсѣмъ удачно: многія иностранныя слова безъ ущерба могли бы быть замѣнены русскими; построеніе нѣкоторыхъ фразъ затрудняетъ пониманіе ихъ смысла. (*С. С—о. „Педаг. Л." 1913—3*).

463 Великопольскій, А. (А. Вельскій). 373(47)(0:8)

Вечернія жертвы. Разсказы изъ жизни средней школы. Спб. 1913. Стр. 323. Ц. 1 р. 20 к.

Едва-ли какой-нибудь другой вопросъ въ наши дни возбуждаетъ столь болѣзненно напряженное вниманіе, какъ вопросъ о школьной жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что пережитые школою на небольшомъ протяженіи послѣднихъ 6—7 лѣтъ

два столь рѣзко противоположныхъ періода — кратковременный періодъ чрезвычайнаго оживленія и подъема и смѣнившій его затяжной періодъ омертвѣнія и упадка — должны были оставить глубокій и своеобразный слѣдъ на психикѣ какъ учащихся, такъ и учащихъ, на характерѣ ихъ взаимныхъ отношеній, на всемъ строѣ школьной жизни. Съ тѣмъ большими надеждами приступили мы къ чтенію разсказовъ изъ жизни средней школы В., что въ лицѣ ихъ автора мы имѣемъ дѣло не только съ бытописателемъ русской школы, но и съ педагогомъ, принимавшимъ въ ея жизни активное участіе, очевидно, лично переживавшимъ ея радости и печали. Къ сожалѣнію, авторъ совершенно не оправдываетъ ожиданій, возбуждаемыхъ его книгой. Добрыя намѣренія В. внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ клеймитъ то, что дѣйствительно заслуживаетъ самаго безпощаднаго осужденія; онъ стремится пробудить сочувствіе къ тѣмъ, кто по истинѣ является жертвой современнаго школьнаго режима. И, тѣмъ не менѣе, ни суровые приговоры автора, ни призывы его въ пользу защищаемыхъ имъ жертвъ не вызываютъ созвучныхъ откликовъ въ душѣ читателя, а иногда производятъ эффектъ прямо противоположный тому, на который они расчитаны. Таково впечатлѣніе, оставляемое первымъ разсказомъ книги. Если изъ семи разсказовъ сборника, въ четырехъ авторъ счелъ нужнымъ разрабатывать или хотя бы только коснуться вопроса о половомъ развратѣ, сознательно насаждаемомъ педагогами среди своихъ учениць, то, очевидно, онъ дѣлаетъ это потому, что въ развращеніи гимназистокъ учителями видитъ коренное и преобладающее зло современнаго школьнаго режима. Такъ ли это? Дѣйствительно ли указанное зло является органическимъ порокомъ даннаго режима? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ разсказѣ „Дневники“: учитель-идеалистъ приходитъ къ выводу, что съ дѣвушками должны заниматься преподавательницы, а не мужчины-преподаватели. Если это такъ (насколько правильно это явленіе изъ области чисто мужской психологіи,— этого мы разсматривать не станемъ); если даже и идеалистически настроенные учителя средней школы съ трудомъ сдерживаютъ свои похотливыя вожделѣнія, то, очевидно, отмѣченное выше зло имѣетъ своимъ источникомъ не тотъ или иной школьный режимъ, а нѣчто болѣе глубокое, заложенное въ темныхъ тайникахъ „проклятой природы“, какъ выражается студентъ, о которомъ вспоминаетъ герои „Дневниковъ“! Таковъ, по крайней мѣрѣ, выводъ, формулированный авторомъ устами своего героя и оказывающійся въ непримиримомъ противорѣчіи съ основной тенденціей перваго разсказа— противорѣчіи, свидѣтельствующемъ о шаткости самой позиціи автора. Однако, не только противъ логики грѣшитъ В. Еще болѣе онъ грѣшенъ противъ элементарныхъ пріемовъ художественнаго изображенія наблюдаемыхъ имъ явленій. Вмѣстѣ съ авторомъ мы съ самымъ рѣзкимъ осужденіемъ относимся къ режиму современной средней школы. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что, при всей уродливости этого режима, факты развращенія педагогами учениць гимназій для него не типичны, являются, къ счастью, лишь чудовищными исключеніями, а потому и не могутъ служить подходящими объектами художественно-литературной обработки. Допустимъ, что авторъ правъ. Но тогда — и особенно при изображеніи подобнаго рода явленій— необходимо, прежде всего, въ интересахъ художественной убѣдительности и правды, строгое соблюденіе чувства мѣры, воздержаніе отъ преувеличенныхъ рѣзкостей, отъ грубыхъ подчеркиваній, отъ излишняго обличительнаго усердія. Иначе случится то, что именно и случилось въ разсказѣ „Вечернія жертвы“. О многомъ говоритъ въ своихъ разсказахъ В.; ничего, однако, яркаго и характернаго для режима мы въ нихъ не найдемъ; школьный формализмъ, экзамены, самоубійства, кружки, аресты — все это есть, но разсказано обо всемъ этомъ тускло и скучно. Выводитъ авторъ и положительные типы педагоговъ. Мы встрѣчаемся съ ними, когда они находятся уже не у дѣла. Но все это не живые люди, а какіе-то актеры въ благородной позѣ съ выспренными и медоточивыми рѣчами. (*М. Брагинскій. „Завѣты“. 1913—2*).

Въ „Вечернихъ жертвахъ“ читатель не найдетъ типовъ — здѣсь или портреты, или мертвыя формы, которыми авторъ пользуется для того, чтобы высказать свои взгляды. Всѣ разсказы носятъ характеръ скорѣе пространныхъ корреспонденцій о различныхъ кошмарныхъ явленіяхъ изъ жизни нашей школы, нежели художественныхъ произведеній. Но, несмотря на этотъ основной недостатокъ, „Вечернія жертвы“ производятъ сильное впечатлѣніе и читаются легко и съ интересомъ. (*С. „Оренб. Край“. 1913—38*).

Разсказы въ большинствѣ случаевъ страшные,— по крайней мѣрѣ разсказываются въ нихъ страшныя вещи, къ ужасу и сожалѣнію, такія, отрицать наличность которыхъ въ реальной современности не приходится. Но къ тому матеріалу, который мы имѣемъ по данному поводу въ подлинныхъ человѣческихъ документахъ, разсказы В. едва ли что могутъ прибавать. Скорѣе, наоборотъ, аляповатость, съ которой излагаются авторомъ страшные случаи, производитъ отталкивающее впечатлѣніе и способны опорочить подлинность жизненнаго матеріала, который имъ заимствованъ... (*„Совр. Сл.“. 1913—1799*).

464. Клоссовскій, А. В., проф. 551.5

Современное состояніе вопроса о предсказаніи погоды. Изд. „Матезисъ“. Одесса. 1913. Стр. 52. Ц. 40 к.

Предсказаніе погоды—это вопросъ, который всѣхъ интересуетъ, но о которомъ мало кто что-нибудь знаетъ. При современномъ состояніи метеорологіи она „совершенно безсильна въ вопросѣ о предсказаніяхъ за долгій срокъ, недѣли и мѣсяцы, впередъ“. Если не имѣть въ виду „знахарей“ вродѣ Домчинскаго, то современныя, такъ называемыя предсказанія (метеорологическихъ обсерваторій) имѣютъ, по опредѣленію проф. К., „характеръ лишь предостереженій“. Эти предостереженія только вѣроятны и годятся лишь для ближайшаго будущаго, во всякомъ случаѣ не болѣе 48 часовъ. Болѣе вѣроятны предостереженія объ общихъ измѣненіяхъ въ ходѣ погоды, составляемыя для цѣлыхъ обширныхъ районовъ. Высшую степень вѣроятности имѣютъ предсказанія бурь, меньшую—предупрежденія о возможности наступленія осадковъ въ извѣстной области. Еще менѣе вѣроятны предсказанія составляемыя для опредѣленнаго даннаго мѣста.

Абсолютно невозможны предостереженія явленій, имѣющихъ мѣстный характеръ. Таковы выводы проф. К. Авторъ удачно и сжато изложилъ въ своей брошюрѣ основанія для этихъ выводовъ. (—*з. „Кіев. Мысль“. 1913—61*).

Авторъ задался цѣлью освѣтить темную для непосвященнаго область современнаго состоянія вопроса о предсказаніи погоды и выполнилъ это превосходно. Онъ сумѣлъ въ краткой, сжатой и ясной, даже для совершенно незнакомаго съ метеорологіей читателя, формѣ дать полное представленіе объ этомъ въ высшей степени интересномъ и въ то же время больномъ вопросѣ. Мы горячо рекомендуемъ эту книжку всякому интересующемуся трактуемымъ въ ней вопросомъ какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія. (*„Природа“. 1913—1*).

465. Берге, Ф. 595.7

Маленькій атласъ бабочекъ для начинающихъ собирателей. Въ перераб. проф. Г. Ребеля. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. П. А. Холодковскаго. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1913. Стр. VIII+212. Съ рис. Ц. не обозн.

Это прекрасное пособіе является цѣннымъ вкладомъ въ популярную естественно-научную литературу. Въ атласѣ собраны наиболѣе распространенныя бабочки Европы и въ частности—Россіи, и превосходное воспроизведеніе ихъ въ краскахъ даетъ возможность безошибочно устанавливать ихъ названіе. Раскрашеннымъ таблицамъ соотвѣтствуетъ текстъ, также снабженный многочисленными рисунками, въ которомъ читатель найдетъ описаніе строенія тѣла бабочекъ, ихъ развитія, окраски, образа жизни, значенія, распространенія и т. п. Кромѣ того атласъ снабженъ указаніемъ, какъ ловить и воспитывать бабочекъ, а также, какъ составлять изъ нихъ коллекціи. Атласъ особенно можетъ быть рекомендованъ какъ пособіе при естественнонаучныхъ экскурсіяхъ. (*Н. А. „Сарат. Вѣст.“ 1913—49*).

Въ спеціальной части описаны важнѣйшіе виды крупныхъ бабочекъ средней Европы и Россіи. Хотя книга не преслѣдуетъ научныхъ цѣлей, но обзоръ различныхъ породъ бабочекъ настолько полонъ, что ею можно отчасти замѣнить дорого стоющіе большіе атласы. Многочисленныя цвѣтныя таблицы исполнены очень удачно. (*„Рус. Молва“. 1913—75*).

Эта прелестная книга доставитъ большое удовольствіе дѣтямъ, собирающимъ бабочекъ. Редакція перевода проф. Холодковскаго ручается за научность книги, которая при томъ написана достаточно популярно. Въ книгѣ масса иллюстрацій, изъ которыхъ многія въ краскахъ. Несомнѣнно, изданіе найдетъ широкое распространеніе среди юношества. (*„Гол. М.“ 1913—50*).

466. Волкова, М. 616.89

Нервныя болѣзни, предупрежденіе и леченіе ихъ (въ популярномъ изложеніи). Лекціи, читанныя въ Соляномъ городкѣ. Спб. 1913. Стр. 157. Ц. 75 к.

Небольшая книжка не исчерпываетъ, конечно, ученія о нервныхъ болѣзняхъ; авторъ и не задался этой цѣлью, несмотря на данное имъ широкое заглавіе, а ограничился обычными рамками брошюръ многочисленныхъ иностранныхъ Nervenarzt'овъ, практикующихъ на томъ или иномъ курортѣ, нерѣдко собственниковъ лечебницы или санаторія. Книга занята въ трехъ четвертяхъ своего объема изложеніемъ все тѣхъ же неврастеніи и истеріи, неизвѣстно почему до сихъ поръ еще идущихъ въ популярныхъ книгахъ всегда рука-объ-руку: неврастеніи, какъ процесса временнаго или перманентнаго, пріобрѣтеннаго или прирожденнаго, истеріи, съ другой стороны, съ преобладающимъ значеніемъ ея дегенеративной психологической конструкціи, при чемъ авторомъ ни единымъ словомъ не упоминается о смежныхъ съ неврастеніей другихъ процессахъ истощенія и разрушенія, вплоть до схизофреніи включительно, такъ же какъ забыты имъ циклотимическія формы, представленныя въ настоящее время гораздо ярче и богаче и требующія со стороны современнаго гигіениста гораздо большаго вниманія, нежели истерія.

Въ главѣ о „неврастеніи“ можно было бы обойтись безъ приведенія подраздѣленія этой болѣзни на: 1) церебральную, 2) медуллярную и 3) неврастенію „нервныхъ узловъ“. Изъ причинъ заболѣванія можно было бы не слишкомъ подчеркивать половой факторъ, остановивъ вниманіе читателя болѣе подробно и на рядѣ другихъ моментовъ.

Трактатъ объ „истеріи“ почти цѣликомъ сводится къ изложенію Freud'овскихъ и Breuer'овскихъ воззрѣній на психологическую натуру внѣшнихъ проявленій болѣзни у истеричныхъ, къ передачѣ положенія вопроса о психо-анализѣ; еще вопросъ, въ какой мѣрѣ полезно для лицъ, посѣщающихъ публичныя лекціи и читающихъ популярныя книги по нервнымъ болѣзнямъ, среди которыхъ найдется большой процентъ прямо или косвенно заинтересованныхъ въ вопросахъ здоровья, вдумываться въ болѣзненныя проявленія психологіи полу- и подсознательнаго и втягиваться въ психо-анализъ, небезопасный нерѣдко, какъ показалъ опытъ, даже въ рукахъ врачей. Къ чему было автору посвящать въ своей книгѣ столько мѣста этому вопросу, къ практической пользѣ котораго она сама совѣтуетъ относиться съ большой осторожностью? Книга кончается главой, посвященной мѣрамъ борьбы съ „неврастеніей“ и „истеріей“; здѣсь перечисляются діэтетическія теоріи Файте, Haig'a, Bircher-Benner'a, Lahmann'a, Schrothia Fletcher'a, приводятся другія гигіеническія и лечебныя мѣры борьбы съ этими недугами, при чемъ справедливо публика предостерегается отъ увлеченія водолечебными процедурами и проводится идея приближенія нуждающейся въ подкрѣпленіи нервной системы къ условіямъ естественнымъ для человѣческой природы. Немало въ книгѣ подробностей, могущихъ ввести читателя въ заблужденіе, вродѣ того, что „неврастенія“ есть болѣзнь бѣдныхъ интеллигентовъ, а „истерія“ — людей достаточныхъ. Въ итогѣ, книгу нельзя назвать вкладомъ въ научно-популярную библіотеку. (*Г. Россолимо. „Рус. Вѣд.“. 1913—54*).

Кое-что полезное читатель найдетъ въ этихъ лекціяхъ, хотя и бѣглыхъ, но содержащихъ въ себѣ достаточно разныхъ свѣдѣній изъ области страданій нашего духа и гигіены его. Но именно въ этой области популяризація медицинскихъ свѣдѣній является имѣющей весьма обоюдоострое значеніе. Чтеніе книгъ по нервнымъ болѣзнямъ сплошь и рядомъ оказываетъ угнетающее дѣйствіе на субъектовъ, склонныхъ ну-

гаться и вообще ипохондрически настроенныхъ. И хотя авторъ увѣряетъ въ своемъ предисловіи, что „все изложенное (въ его книжкѣ) провѣрено на практикѣ и дало хорошіе результаты" (?!), но едва ли эта рекомендація способна внушить полное успокоеніе. Къ тому же, въ книжкѣ какъ разъ меньше всего удѣлено мѣста изложенію психическихъ способовъ леченія, играющихъ такую крупную роль въ современной терапіи неврозовъ и психоневрозовъ и единственно способныхъ поднять упавшій духъ и укрѣпить поштатившуюся волю. (*„Совр. Сл.". 1913—183*).

467. Кацъ, Р., д-ръ. 617.7

Очки, ихъ польза и вредъ. Изд 2-е, знач. доп. Съ 8 рис. Спб. 1912. Стр. 95. Ц. 50 к.

Авторъ въ своей дѣятельности наблюдалъ сочетаніе суевѣрнаго страха передъ назначеніемъ очковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они на самомъ дѣлѣ нужны, съ легкомысленнымъ отношеніемъ, выражающимся въ ношеніи очковъ, подобранныхъ случайно безъ совѣта врача. Зависитъ это, по мнѣнію К., отъ того, что „у многихъ не имѣется никакого представленія о роли и значеніи очковъ"; для нихъ онъ и назначаетъ свой трудъ. Брошюра содержитъ въ себѣ краткое, но достаточно полное — для не спеціалистовъ описаніе и объясненіе различныхъ формъ правильнаго и неправильнаго преломленія (рефракціи) глазъ, недостатковъ зрѣнія, зависящихъ отъ неправильнаго преломленія, способовъ, которыми могутъ быть исправлены эти недостатки. Довольно подробно и ясно объяснена классификація оптическихъ стеколъ, ихъ свойства и основныя правила пользованія ими. Книжка можетъ быть весьма полезна для читателей, имѣющихъ элементарныя свѣдѣнія по анатоміи глаза и физіологіи зрѣнія и физикѣ (*„Вѣст. Восп." 1912 — 7*).

Книга представляетъ собой популярно изложенное ученіе о рефракціяхъ глазъ. Хотя эта книга предназначена для того, чтобы убѣдить широкую публику въ необходимости носить очки и къ выбору ихъ относиться съ должнымъ вниманіемъ, изложеніе вопроса о рефракціи глазъ настолько подробно, что можетъ служить элементарнымъ учебникомъ по данному вопросу. Положенія автора иллюстрируется примѣрами изъ его практики, настолько убѣдительными, что чтеніе этой книги можетъ быть полезнымъ и можетъ вызвать болѣе серьезное и вдумчивое отношеніе къ вопросу о подборѣ и пріобрѣтеніи очковъ. Написана книга живымъ и понятнымъ языкомъ. (*Проф. А. Маклаковъ. „У. Рос." 1913 — 57*).

468. Рейнакъ. Соломонъ. 73(09)

Аполлонъ. Всеобщая исторія пластическихъ искусствъ. Авториз. пер., съ 6-го (послѣдн.) франц. изд. И. Г. Самсоновой. Пер. подъ ред. пр.-доц. И. В. Самсонова, съ допол. очеркомъ исторіи искусства въ Россіи Сергѣя Глаголя. Изд. „Проблемы эстетики". М. 1913. Стр. 397. Съ 650 рис. Ц. 3 р. 25 к.

Книга выдержала шесть изданій на своей родинѣ, переведена на англійскій, итальянскій, испанскій и венгерскій языки, что уже достаточно говоритъ о томъ, что она сумѣла отвѣтить на назрѣвшую во всемъ культурномъ мірѣ потребность въ краткомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полномъ обзорѣ пластическихъ искусствъ. Въ этой книгѣ тонкій эрудитъ и превосходный лекторъ собралъ двадцать пять лекцій, почтенныхъ имъ въ Ecole du Louvre въ 1902 — 03 г. и обнимающихъ всѣ виды изобразительныхъ искусствъ, начиная съ доисторическихъ памятниковъ (пещерные рисунки, долмены, менгиры и т. п.) и кончая современностью. Получился очень портативный томикъ, снабженный слишкомъ 600 иллюстраціями, конечно, очень небольшого размѣра, но вполнѣ достаточными для справочныхъ цѣлей, очень подробной библіографіей, способной удовлетворить самыя серьезныя требованія — словомъ, идеальный справочникъ и „бедекеръ" по изобразительнымъ искусствомъ. Въ нашей литературѣ, особенно бѣдной изданіями этого рода, появленіе перевода книги можетъ считаться событіемъ. Русское изданіе снабжено очеркомъ исторіи русскаго искусства, написаннымъ извѣстнымъ художественнымъ критикомъ Глаголемъ, сумѣвшимъ на тридцати пяти маленькихъ страничкахъ прослѣдить теченіе русскаго художества (архитектуры, живописи, скульптуры, литографіи, гравюры) отъ его истоковъ и до нашихъ дней. При такой сжатости пробѣлы, конечно, неизбѣжны. Нельзя не пожалѣть, напримѣръ, о томъ, что авторъ очерка совсѣмъ не упомянулъ о русской заставкѣ и миніатюрѣ, сыгравшихъ столь значительную роль въ созданіи подлиннаго русскаго стиля. Языкъ перевода, въ общемъ, хорошъ. Однако проредактирована книга не съ достаточнымъ вниманіемъ. Это, особенно, замѣтно въ транскрипціи именъ. Указанныя неточности происходятъ потому, что переводчикъ оставлялъ безъ провѣрки, французскую транскрипцію. (*Ал. Койранскій. „У. Рос." 1913 — 45*).

Представляя очеркъ всеобщей исторіи искусства, написанный спеціалистомъ, выдающимся по эрудиціи и таланту, „Аполлонъ" можетъ быть поставленъ рядомъ только съ замѣчательной, но гораздо болѣе обширной (трехтомной) „Исторіей искусства" Woermann'a, русскій переводъ которой остается еще все незаконченнымъ. Такъ же какъ и трудъ Вермана, „Аполлонъ" даетъ стоящее на уровнѣ современной науки интересное и изящное изложеніе предмета. И если порою краткость и лаконизмъ „Apollo" оставляютъ читателя неудовлетвореннымъ, то въ этихъ же особенностяхъ и главное практическое достоинство этой книги. Она даетъ легко обозримую и ярко намѣченную картину общаго развитія, а прекрасные библіографическіе указатели въ концѣ каждой главы позволяютъ интересующимся углубить свои знанія по любому частному вопросу или эпохѣ. Небольшой объемъ и сравнительно доступная цѣна, научное и вмѣстѣ ясное и простое изложеніе, искусно выдѣляющее въ стройный компендій всѣ основные моменты развитія,— вотъ преимущества „Apollo" сравнительно съ другими общими обзорами исторіи искусства. Переводъ исполненъ хорошо, легко читается и отвѣчаетъ духу оригинала. С. Глаголь далъ, несмотря на нѣкоторую неравномѣрность отдѣльныхъ частей, интересный въ общемъ, живой и объективный обзоръ развитія русскаго искусства. Съ внѣшней стороны изданіе выполнено изящно. (*М. Романовъ. „Рус. Вѣд." 1913 — 54*).

469. Всеволодскій, В. (Гернгроссъ). 792(47)

Исторія театральнаго образованія въ Россіи. Т. I. (XVII — XVIII в.). Изд. Дирекціи Имп.

Театровъ. Спб. 1913. Стр. 163+XXII. Ц. 3 р. 25 к.

Авторъ поставилъ себѣ задачу очень широкую: дать не только исторію театральнаго образованія въ Россіи, но попутно охватить и общія теченія театральнаго искусства, излагая теоріи сценическаго дѣла. Поэтому мы находимъ у него изложеніе теоріи Дидро, обзоръ сценическаго искусства французскаго театра и т. п. Въ главахъ труда, посвященныхъ ближайшимъ образомъ задачѣ изслѣдованія, мы находимъ документальное изложеніе, вообще, хода и развитія казеннаго театра, въ связи съ театральнымъ образованіемъ. Крайне интересны для любителя старины штаты и иныя архивныя выписки. Любопытны аттестаціи Дмитревскаго. (*„Библ. Театра и Иск.“ 1913 — 2*).

Но исторіи русскаго театра написано немало, сравнительно хорошо обслѣдованы его происхожденіе и бытъ, по которымъ слѣдовала театральная школа, возникшая у насъ одновременно съ театромъ. Книга В. стремится этотъ пробѣлъ восполнить и дать исторію обученія. Конечной своей цѣли авторъ не достигъ, отчасти по недостатку критической зоркости и чуткости, отчасти по качественной скудости матеріаловъ, количественно не бѣдныхъ, и досконально авторомъ изученныхъ, а отчасти и открытыхъ. Авторъ знакомитъ насъ больше съ историко-бытовыми условіями существованія русскаго театра въ его младенческую эпоху, чѣмъ съ театральной педагогіей, съ ея опытами и практическими пріемами. Исторіи русскаго театральнаго образованія авторъ предпослалъ обширное введеніе. Это — работа элементарная, сводящаяся къ повторенію давно извѣстнаго, но въ данномъ случаѣ необходимая. Въ Россіи театръ возникъ не самостоятельно; онъ пришелъ въ нее уже „готовымъ“, принеся съ собою и огромный практическій опытъ, и разработанную теорію сценическаго искусства, и педагогическія традиціи; на этой богатой почвѣ создалась молодая русская сцена. Таковъ основной фактъ, подтвержденной изслѣдованіемъ В. (*Н. Л. „Вѣст. Евр“. 1913 — 3.*)

Книга В. — Г. оттѣняетъ старинную аномалію русской науки, гдѣ есть горы спеціальныхъ изысканій и совершенно не разработаны общія основы. По исторіи театра въ Россіи нѣтъ ни одной капитальной книги, а вотъ, не угодно ли, по исторіи театральнаго образованія цѣлый томъ въ 500 страницъ! Не безъ досады видишь это казенное изданіе съ перепечаткой списковъ и расходовъ, выслѣживающее всѣ мелочи жизни старыхъ театральныхъ училищъ (XVII и XVIII вв.), тогда какъ силы этого молодого и любящаго театръ изслѣдователя могли бы сослужить настоящую службу исторіи русскаго театра. Живой человѣкъ, взялъ изъ открытаго ему архива немало характерныхъ мелочей старой театральной школы, приткнутой у насъ... къ Воспитательному дому! Здѣсь много курьезовъ и анекдота, начиная уже съ прикрѣпленія дѣла „святого искусства“ къ дому незаконнорожденныхъ. Въ книгѣ точно подсчитаны гроши, перепадавшіе у насъ отъ Двора на долю Мельпомены... Есть свѣдѣнія и о спектакляхъ въ Смольномъ институтѣ при Екатеринѣ. Императрица списывалась съ Вольтеромъ насчетъ своихъ юныхъ актрисъ, и старый скептикъ давалъ ей совѣты, что слѣдуетъ вычеркивать въ пьесахъ, щадя цѣломудріе дѣвицъ. Жаль, конечно, что бытовая сторона всего менѣе отражена въ архивахъ. Ярко интересны лишь два эпизода: одинъ съ воспитанницей Осдоровой, преслѣдуемой сластолюбіемъ Безпородкой, и поѣздка штатсъ-фурьера Шахтурова при Екатеринѣ въ Камчатку за туземными дѣвицами. На сцену, по волѣ Императрицы, хотѣли перенести характерный камчадальскій танецъ. Для несчастныхъ инородцевъ это былъ Божій громъ. Мужъ одной изъ увезенныхъ женщинъ утопился. Во время пути шесть человѣкъ умерли. Шахтуровъ на дорогѣ устроилъ себѣ цалый гаремъ. Издѣвательству его не было конца. Когда кто-либо входилъ къ нему, по его знаку несчастныя камчадалы должны были падать ницъ и лежать такъ до приказа встать. Когда какой-то томскій купецъ вступился на пути за одну изъ дѣвушекъ, Шахтуровъ его сжегъ. „То старина, то и дѣяніе!“. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“ 1913 — 39*).

Въ вышедшемъ пока лишь первомъ томѣ искусству актера въ связи съ исторіей русскаго театра посвящены три главы, и исторіи театральнаго образованія въ Россіи въ XVIII столѣтіи — 5 главъ. При нашей чрезвычайной бѣдности серьезными изслѣдованіями по исторіи нашего театра и въ особенности по исторіи нашего театральнаго образованія, вдумчивую книгу В., написанную съ исключительнымъ знаніемъ предмета и хорошо изданную, нельзя не привѣтствовать. (*„Рус Молва.“ 1913 — 67*).

470 Вольтеръ, Ф. 84 — 3

Сочиненія. Ред. и вступ. статья пр.-доц. П. С. Когана. Изд. „Просвѣщеніе“. Спб. 1913. Стр. XXIII+370. Ц. 1 р.

Странная вещь! — изрѣдка возвращаясь къ старымъ, давно пережившимъ свою моду писателямъ, испытываешь наслажденіе, равное которому ни дастъ ни одинъ изъ писателей современности. Это, сказалъ бы я, какой-то эстетическій атавизмъ, въ силу котораго психологія вкуса возвращается къ старымъ, какъ будто изжитымъ переживаніямъ человѣческой психики и эстетики. Тайна этого „эстетическаго атавизма“ кроется въ томъ, что истинные творцы во всѣ времена стояли выше моды, парили надъ нею, довлѣли только къ творческой интуиціи собственнаго генія. И ихъ творчество, какъ все могучее и стихійное, стоитъ внѣ времени, никогда не теряетъ общечеловѣческихъ чертъ, всегда остается свѣжимъ, живымъ, интереснымъ. Полтора столѣтія минуло съ тѣхъ поръ, какъ В. писалъ статьи предлежащаго сборника. Многое въ немъ требуетъ большого напряженія, памяти, чтобы вспомнить тѣ событія, о которыхъ лишь намеками говоритъ В. и, однако, съ какимъ наслажденіемъ все это перечитывается, какой прелестью вѣетъ отъ этой простой, ясной, непретенціозной рѣчи, естественно музыкальной, а не вычурно-стильной, какой пишутъ современные писатели. И намъ искренно жаль, что издатели ограничились выпускомъ въ свѣтъ лишь ничтожной части сочиненій В. И жаль не только съ точки зрѣнія историческаго значенія В., но и съ точки зрѣнія педагогической; по В., какъ по Толстому, современный читатель научится мыслить и говорить хорошей человѣческой рѣчью. Вступ. статья Когана, написанная хорошо и

интересно, характеризуютъ В. какъ писателя и человѣка, и его значеніе въ исторіи развитія европейскаго общества. Переводъ сдѣланъ съ той тщательностью, какой заслуживаетъ безсмертный авторъ. (*С. Д-ръ. „Кіев. Мысль.“ 1913 — 61*).

В., какъ писатель, былъ до сихъ поръ у насъ очень мало извѣстенъ. Гораздо больше знали объ его вліяніи на умы, о „вольтеріанствѣ“, нежели о немъ самомъ. Лишь за самые послѣдніе годы стали выходить переводы его повѣстей, которыми такъ зачитывались въ XVIII столѣтіи. Появленіе каждаго новаго перевода необходимо привѣтствовать, ибо В., какъ художникъ слова, какъ остроумный и увлекательный разсказчикъ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Сочиненія В. выпущенныя изд. „Просвѣщеніе“, заключаютъ въ себѣ беллетристическую прозу перваго періода его дѣятельности. Главное мѣсто по объему и по значенію занимаетъ „Кандитъ“. (*„Рус. Молва“. 1913—58*).

Сочиненіямъ В. предпослана вступ. статья Когана, дающая біографію и характеристику знаменитаго писателя. Не во всемъ можно согласиться съ авторомъ этой, довольно фрагментарной и даже не полно характеризующей В. работы и особенно не полно излагающей его біографію. Но въ общемъ статья Когана все-таки является удачной и сжатой характеристикой В. Переводъ стоитъ на уровнѣ вступ. статьи редактора — не хуже и не лучше. Въ общемъ переводъ, будучи далеко не безупречнымъ, скорѣе все-таки хорошъ, чѣмъ дуренъ, особенно если сравнить его съ большинствомъ нынѣшнихъ переводовъ. Главное достоинство перевода — переданный имъ духъ язвительный и саркастической манеры В., неутомимая, грубоватая и безпощадная острота его стиля. Главный недостатокъ — отсутствіе тщательности и точности, недопустимое при переводѣ мірового писателя. Изданіе подкупаетъ своею внѣшностью: прекрасная бумага, четкій шрифтъ, удобный форматъ. (*А. Дерманъ. „Завѣты“. 1913 — 2*).

471. Ренье, Анри де- 84—3

Полуночная свадьба. Пер. съ франц. А. Жиркова. Съ предисл. Ю. А. Веселовскаго. Изд. „Современ. Проблемы“. М. 1913. Стр. 247. Ц. 1 р.

Анри де-Ренье, избранный въ прошломъ году во французскую академію на мѣсто, освободившееся послѣ смерти де-Вогюэ, мало извѣстенъ у насъ. „Полуночная свадьба“ знакомитъ русскаго читателя съ одной стороной творчества французскаго писателя. А. де-Р. — романистъ и поэтъ-лирикъ въ то же время. И поэтъ въ его лицѣ интереснѣе романиста. Бытописатель нравовъ высшаго французскаго общества въ прошломъ и настоящемъ, Р. въ романѣ—одинъ изъ многихъ, въ лирикѣ онъ болѣе своеобразенъ. Парнассецъ, ставшій символистомъ и однимъ изъ творцовъ „свободнаго стиха“, но никогда не впадавшій въ крайности новѣйшей французской поэзіи, Р. въ изящныхъ, проникнутыхъ тихой и глубокой грустью, элегіяхъ выразилъ тоску современнаго поэта, утратившаго вѣру въ великое и серьезное въ жизни и слишкомъ умнаго для того, чтобы удовлетвориться всѣми погремушками, какими забавляются наивные модернисты. И когда отъ этихъ элегій переходишь къ романамъ Р., — романамъ, которые иными страницами напоминаютъ Зола, то кажется съ перваго взгляда, что это писалъ другой Р. Но, вдумавшись въ прозаическое творчество Р., мы открываемъ ту нить, которая соединяетъ его прозу съ лирикой. Въ поэзіи онъ изливалъ тоску, нараставшую по мѣрѣ того, какъ созерцалъ онъ пошлость, ничтожество и скуку жизни, безстрастно возсоздаваемой имъ въ романахъ. Отъ этой жизни онъ уходилъ въ свои поэтическія видѣнія. Въ этомъ смыслѣ творчество Р., романиста и поэта, взятое въ цѣломъ, въ высшей степени интересно и поучительно. Романъ „Полуночная свадьба“ рисуетъ нравы французскаго высшаго свѣта. Общій фонъ этой жизни, съ ея развращенностью и лицемѣріемъ, внутренней грубостью и внѣшними приличіями, намъ хорошо извѣстенъ изъ тысячи другихъ романовъ, но на этотъ знакомый общій фонъ Р. бросаетъ нѣсколько своеобразно-яркихъ фигуръ: таковы грубый и жадный циникъ-чудакъ маркизъ де-Бокенкуръ, старый князь Берсенэ, истинный аристократъ, современный подростокъ-дѣвушка изъ высшаго свѣта Викторина де-Витри, еще ребенокъ, съ развращеннымъ воображеніемъ, и др. Относительно героини романа Франсуазы Ю. А. Веселовскій въ своемъ предисловіи справедливо отмѣчаетъ, что ея внутренній міръ недостаточно обрисованъ, а отношенія къ ея жениху недостаточно выяснены. Вообще фигуры главныхъ дѣйствующихъ лицъ,—Франсуазы и Филиппа де-Ардуа, — вышли блѣдными въ сравненіи съ второстепенными, но яркими фигурами, въ которыхъ — главное достоинство романа. (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд“. 1913—48*).

Р. умный, наблюдательный писатель, нѣсколько напоминающій Анатоля Франса, — величаво-спокойный созерцатель и скептикъ. Какъ и авторъ „Histoire Contemporiaine“ онъ обожаетъ „Старый Парижъ“, антикваровъ, любитъ уноситься въ прошлое, откуда умѣетъ извлекать красивыя, нѣжныя, меланхолическія краски. Нерѣдко поэтому онъ прерываетъ свой разсказъ вставнымъ эпизодомъ изъ далекой старины, не всегда необходимымъ, но нужнымъ ему лишь для того, чтобы обобщить свою идею, подчеркнуть, пояснить. Есть у него еще одна особенность, сближающая его къ А. Франсу—онъ „скучный“ писатель, потому что никогда въ его романахъ нѣтъ фабулы, богатой внѣшними фактами и интригой, одолѣвающей равнодушіе читателя. Зато содержанія всегда у него много. „Полуночный романъ“ въ этомъ отношеніи не отличается отъ другихъ его произведеній. Здѣсь обрисованъ внутренній міръ молодой дѣвушки, избравшей собственный путь и наталкивающейся на препятствія въ видѣ общественнаго лицемѣрія и нравственнаго убожества. Это далеко не новая тема, но Р. удалось хорошо изобразить эти препятствія цѣлымъ рядомъ интересныхъ и живыхъ портретовъ, которые запоминаются. „Словесные“ портреты вообще удаются ему лучше всего, онъ прибѣгаетъ къ нимъ очень часто и недаромъ беретъ себѣ въ подмогу одного изъ своихъ героевъ стараго князя Берсенэ, у котораго „Парижъ взялъ жизнь, но зато отдалъ немного своей“ и который своими воспоминаніями „подготовилъ себѣ развлеченіе къ старости“. Стиль Р. — изобразительный и пластичный; онъ превосходный мастеръ французской рѣчи, и, если точныхъ переводовъ вообще не существуетъ, то бываютъ хорошіе, и переводъ г. Жиркова приближается къ такимъ. Вступительная статья

г. Ю. Веселовскаго содержательна. (*В. Преяскій. „Рѣчь“. 1913—68*).

472. Дрожжинъ, С. Д. 891.7—1

Пѣсни стараго пахаря. 1906—1912. Съ нов. портр. автора и статьей А. Коринфскаго. М. 1913. Стр. 148 Ц. 1 р.

Вотъ книга!.. Читаешь ее — и становится на душѣ какъ-то особенно свѣтло и радостно, точно опять пріоткрывается полузабытая золотая страница полузабытаго золотого дѣтства...

Морозъ въ окно глядитъ и дышетъ
И на стеклѣ узоры пишетъ,
А противъ мерзлаго окна
Дыханьемъ дѣдушки-Мороза,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Стоитъ кудрявая береза...

Конечно, все, составившее содержаніе „Пѣсни стараго пахаря“, написано по-старинкѣ, и всѣ новѣйшія завоеванія и ухищренія въ области стихотворной техники остались чуждыми Д. Пусть такъ. Но зато въ его строкахъ живетъ и дышетъ сама, подлинная, настоящая поэзія, свѣтится ясная и благородная душа, чувствуется біеніе нѣжнаго и чуткаго сердца, полнаго горячей любви и состраданія къ тому, кто, работая всѣхъ больше, получаетъ всѣхъ меньше, къ вѣчно обездоленному труженику русскому мужику. И когда нужно, стихъ Д. вмѣстѣ съ ясностью, пріобрѣтаетъ крѣпость и силу выразительную. Гуманный пѣвецъ человѣческихъ страданій и слезъ, Д. въ своихъ безхитростныхъ и безыскусственныхъ пѣсняхъ, посвященныхъ людскому горю, достигаетъ порой изумительныхъ высотъ художественнаго воплощенія, извлекая изъ своей лиры строфы, полныя потрясающаго пафоса:

Ахъ, пускай шумитъ дремучій лѣсъ,
Пускай солнце въ тучу прячется,
Буйный вѣтеръ съ ураганами
По загуменью расплачется!
Постою я, добрый молодецъ,
Передъ злою непогодою,—
Нипочемъ мнѣ жизнь кручинная
Съ вѣчнымъ горемъ да невзгодою!
Мнѣ не въ первый разъ съ ней вѣдаться
Богатырской крѣпкой силою,
Не въ послѣдній заглушать тоску
Своей пѣснею унылою:
Запоешь ее—сердечную—
Все на свѣтѣ забывается,
По полямъ она разносится,
По деревнямъ разливается.
Не одна душа крестьянская,
Ее слушая, взгрустнулася,
Не одна при горѣ въ черный день
Съ нею бодро встрепенулася...

(*Н. Мѣшковъ. „Путь“. 1913—1*).

Д. можетъ сказать про себя словами Фруга:

Пѣсня—вся радость моя,
Пѣсня—мнѣ жизнь и отрада...
Если умру я, друзья,
Мнѣ ничего ужъ не надо.

Пѣсни Д. — воспроизведеніе народной психологіи, народныхъ думъ и надеждъ. И если случайно поэтъ отступаетъ отъ своего призванія — народнаго баяна и становится на путь обыкновенныхъ городскихъ поэтовъ,— напр. „Народному пѣвцу“ и „Я пѣснь пою, какъ царь Давидъ“, — то ясно чувствуется, что обычныя пѣсни города, хотя бы идейныя — не его стихія. Передо мною лежитъ эта по истинѣ драгоцѣнная книга, „Пѣсни стараго пахаря“, и я, какъ пушкинская Татьяна, ее „читаю съ тайною тоской и начитаться не могу“. Горячо рекомендуемъ книгу вниманію тѣхъ, кто любитъ нашъ деревенскій народъ, кто интересуется его думами, тоской и надеждами. (*Доброготовъ. „Оренб. Край“. 1913—23*).

Нельзя безъ сочувствія относиться къ пѣснямъ Д., но и нельзя въ то же время не относить ихъ къ печальному прошлому нашей поэзіи. Николай Клюевъ и Сергѣй Клычковъ показали намъ, что за сила крестьяне-поэты. Д., уступая имъ въ талантѣ, попалъ къ тому же въ несчастную литературную среду и навсегда загубилъ свои пѣсни передвижнической тенденціей. Ничему его не научили, и онъ только можетъ на всѣ лады повторять, что его удѣлъ—пѣть, какъ птицы. Печальнѣй всего въ этихъ пѣсняхъ странная слѣпота къ мощному укладу крестьянской жизни. Вмѣсто того, чтобы прильнуть къ своему міру, къ его вещамъ, поэтъ до старости остался въ безвоздушномъ пространствѣ. Это тѣмъ досадней, что подлинная теплота чувства озаряетъ его пѣсни. (*Городецкій. „Рѣчь“. 1913—18*).

473. Григорьевъ, Р. 891.7—3

На ущербѣ. Романъ. Спб. 1913. Стр. 297. Ц. 1 р. 50 к.

„На ущербѣ“, — романъ, положительно интересный и заслуживающій вниманія. Онъ вводитъ читателя въ міръ русской соціалъ-демократической интеллигенціи и сознательныхъ рабочихъ, въ міръ пропагандистскихъ кружковъ Петербурга недавняго прошлаго и рисуетъ тотъ развалъ организацій и тотъ внутренній идейный кризисъ, которые уже не разъ изображались въ текущей беллетристикѣ. Но что выгодно отличаетъ романъ „На ущербѣ“ отъ другихъ произведеній, затрагивающихъ ту же сторону жизни, такъ это — объективность, правдивость разсказа, спокойный тонъ автора. Онъ не сгущаетъ красокъ, не преувеличиваетъ ни въ ту, ни въ другую сторону, не возводитъ своихъ героевъ на пьедесталъ и не развѣнчиваетъ ихъ, онъ показываетъ намъ своихъ знакомыхъ такими, каковы они есть, разсказываетъ про пережитое просто и правдиво, и тотъ, кто въ современной литературѣ ищетъ правдиваго отраженія современной жизни, съ интересомъ прочтетъ романъ Г. Оцѣнивая чисто художественные достоинства и недочеты романа, нельзя не отмѣтить неровностей стиля. — простой и часто образный языкъ мѣстами, къ сожалѣнію, уродуется банальными оборотами и заѣзженными фразами, неудачными выраженіями. Но эти стилистическіе недостатки съ избыткомъ искупаются яркими, живо нарисованными сценами, мѣткими психологическими наблюденіями, особенно по части взаимныхъ отношеній интеллигентовъ и рабочихъ, цѣлымъ рядомъ изъ жизни выхваченныхъ фигуръ. Особенно хороши рабочій Петровъ, писатель-эстетъ Рѣкушъ, пропагандистка Лидія, — свѣтская дѣвица, увлекшаяся на время революціонной дѣятельностью. Любопытно отмѣтить, что поскольку въ романѣ проскальзываетъ личное отношеніе автора къ переживаемому моменту, въ немъ нѣтъ столь обычнаго для нашего времени пессимизма. Онъ, повидимому, не потерялъ вѣры въ общественность, она сейчасъ „на ущербѣ“, но

это временный „ущербъ“. (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд.“. 1913—30*).

Эта книга носитъ имя, кажется, еще неизвѣстное въ нашей беллетристикѣ, и если это, дѣйствительно первый шагъ, то съ нимъ автора можно только поздравить. Романъ его притягиваетъ съ самаго начала, а потомъ интересъ все больше и больше наростаетъ. Это — потому, раньше всего, что на предлагаемыхъ страницахъ отражена безусловная правда, отъ которой уже стала отвыкать современная литература: нѣтъ у Г. выдумки, пусть ухищренной и тонкой, нѣтъ праздныхъ измышленій, арабесокъ досужества, — есть жизнь, всегда болѣе занимательная, чѣмъ сказка, — жизнь, этотъ естественный сюжетъ, сокровищница несочиненной поэзіи. До того авторъ близокъ къ реальности, до того онъ художнически-честенъ, что порою у него являются даже портретные намеки, указанія на опредѣленные и конкретные факты, — но только этимъ онъ нигдѣ не нарушаетъ этическихъ и эстетическихъ приличій. Жизненную и психологическую правду онъ претворяетъ въ художество, рисуетъ образы, достаточно яркіе и убѣдительные; и все время онъ удерживается на той опасной границѣ, за которой уже видна публицистика. Въ данномъ случаѣ не переходитъ этой, для многихъ роковой, межи было особенно трудно потому, что дѣйствіе, или, вѣрнѣе, дѣйствія романа разыгрываются на фонѣ специфической общественности. Передъ нами — „ущербъ“ освободительнаго движенія, роспускъ второй Думы, замирающая работа соціалъ-демократической партіи, — все слишкомъ извѣстное, слишкомъ памятное, то, что болитъ до сихъ поръ. Но побѣдилъ авторъ свои темы, не постыдилъ искусства и выступилъ передъ нами именно какъ романистъ, какъ свободный художникъ. Духовнымъ центромъ его повѣствованія служитъ столкновеніе общественнаго и личнаго, — даже, если хотите, протестъ личной жизни противъ господства чужихъ, коллективныхъ интересовъ. Естественно, что подобное разногласіе между личными и гражданскими заботами, подобное нарушеніе ихъ единства и слиянности, должно сказываться особенно рѣзко тогда, когда политическое движеніе терпитъ ущербъ, „мелѣетъ“, когда борцы разбиты и разочарованы, когда обезсиленныя руки опускаются. Тотъ „партійный муравейникъ“, тотъ міръ пропаганды, споровъ, ненадежнаго сплоченія и разъединенія между интеллигентами и рабочими, — этотъ міръ, въ который насъ увѣренно и твердо вводитъ Г., колеблется въ своей прежней цѣльности,—и потому, сначала робко, потомъ смѣлѣе, индивидуальное, одинокое, самодовлѣющее сердце свои требованія, свою тоску и запросы вмѣщаетъ во всѣ эти массовки и митинги. Общественное замутило, пресѣкло, запутало личную жизнь, партія овладѣла человѣкомъ; но теперь заглушенное, отодвинутое въ сторону мститъ за пренебреженіе, личность требуетъ своего и на этой почвѣ совершается много трагическаго...

Съ другой стороны, въ партійную работу часто уходятъ люди послѣ того, какъ они потерпѣли крушеніе личнаго счастья, пережили великое разочарованіе въ своихъ субъективныхъ идеалахъ.

Особенно женскія жертвы, жертвы вечернія, съ тихой и участливой внимательностью отмѣчаетъ авторъ. Тоскующія, разбитыя сердца, одиночество и нравственная безпомощность, обида женщины — все это производитъ у него неотразимое впечатлѣніе. Онъ говоритъ въ тонѣ сокровеннаго лиризма, вдумчиво и серьезно, умно и спокойно; тонкій колоритъ элегіи окрашиваетъ его сдержанныя, матовыя, но полныя человѣческой значительности страницы. Писатель-психологъ, онъ умѣетъ глубоко заглядывать въ чужую нравственную организацію и подмѣчаетъ въ ней такія подробности и детали, такія интимныя движенія, которыя для другой, для близорукой души, прошли бы вполнѣ безслѣдно и безцвѣтно...

Въ общемъ, романъ Григорьева, обильный мыслью и чувствомъ, не только зоветъ къ пересмотру самаго понятія „пролетаріатъ“, не только возбуждаетъ сомнѣнія въ правомѣрности его, этого понятія, какъ особой и опредѣленной, устойчивой и рѣшительной категоріи, не только въ обычную и опошленную схему вноситъ живое человѣческое разнообразіе, психологическіе оттѣнки, но и увлекательно, въ образахъ ставитъ основной вопросъ о правѣ каждаго на самого себя, о неизбѣжномъ главенствѣ и свободѣ личности. (*Ю. Айхенвальдъ. „Рѣчь“. 1913—34*).

Неизвѣстный до сихъ поръ писатель Г. написалъ и выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ великолѣпный романъ „На ущербѣ“. Книга такъ просто, хорошо и талантливо написана, что я боюсь, какъ бы она не прошла незамѣченной нашими ремесленниками критическаго цеха...

Г., несомнѣнно, былъ очень близокъ къ героямъ, которыхъ онъ изобразилъ въ своемъ романѣ. Это видно изъ той любви, той искренней сердечности, которыми пропитана каждая строчка въ романѣ. (*О. Л. „День“. 1913—34.*)

Романъ Г. состоитъ изъ самыхъ банальныхъ образовъ которые плаваютъ въ пресномъ растворѣ громкихъ и напыщенныхъ фразъ. Правда, романъ этотъ на первыхъ порахъ заинтересовываетъ. Но секретъ этого интереса заключается въ томъ, что къ каждому герою, къ каждому событію авторъ примѣшиваетъ партійность. Тутъ и любовь, и дружба, и ненависть, и развратъ, и глупость,— все на партійномъ фундаментѣ. Авторъ всячески желаетъ намъ внушить, что описываемыя имъ будничныя приключенія, вродѣ неосторожностей Мирры и Клавдіи, имѣвшихъ акушерскія послѣдствія, или безчисленныхъ поцѣлуевъ Лидіи, избѣжавшей этихъ послѣдствій, развертываются на фонѣ революціонныхъ событій и тѣсно связаны съ ними. Но политическія тенденціи Г. производятъ такое же впечатлѣніе, какъ капуцинская ряса на малюткахъ, участвующихъ въ религіозныхъ процессіяхъ, и вызываютъ невольную улыбку своимъ наивнымъ несоотвѣтствіемъ.

Я не отрицаю за Г. знанія той жизни, которую онъ описываетъ. Очень возможно, что авторъ романа „На ущербѣ“ былъ дѣйствительно близокъ къ тѣмъ литературнымъ и соціалъ-демократическимъ кругамъ, откуда онъ взялъ своихъ героевъ. Многихъ изъ нихъ онъ, вѣроятно, встрѣчалъ, присматривался къ нимъ, но именно, какъ романистъ, какъ художникъ ничего въ нихъ не разгадалъ, а выдумалъ ихъ по собственному образу и подобію, навязавъ имъ свои собственныя мысли и чувства. По-своему возвеличилъ и по-своему опошлилъ каждаго изъ нихъ.

И произошло это оттого, что у Г. имѣется достаточно внѣшней зоркости и участливаго вниманія къ своимъ героямъ. Но онъ совсѣмъ не умѣетъ заглядывать въ чужую душу.

Характеристики дѣйствующихъ лицъ порази-

тельно однообразны и безжизненны. Всѣ герои живутъ собственно подаяніями автора. Зародилось у автора въ головѣ нѣсколько занимательныхъ мыслей или фразъ,—и онъ начинаетъ ихъ сбывать кому попало. Если это мысли пессимистическаго свойства, онъ навязываетъ ихъ Рѣкушу или другому декадентскому персонажу. Мыслями объ интеллигентахъ онъ награждаетъ рабочихъ, о паденіи интереса къ общественности — интеллигентовъ и т. п. И все это по большей части разсужденія, давно уже вышедшія изъ моды. Попытки разобраться въ настроеніяхъ рабочихъ массъ поражаютъ своимъ дѣтскимъ безсиліемъ.

У Г. совсѣмъ нѣтъ собственныхъ мнѣній, а тѣ, которыми онъ обладаетъ, не отличаются особенной прочностью. И оттого слова его героевъ остаются словами, висѣвшими на кончикѣ пера, и безцѣльно прозвучавшими въ воздухѣ. Всѣ эти разговоры о „новомъ Маркѣ“, о „процессѣ буржуазной кристаллизаціи“, которыми заканчивается романъ, не только не противоряются авторомъ въ художественную правду, но и въ публицистическомъ смыслѣ имѣютъ весьма полинялый видъ.

Художественная схема этого романа заимствована авторомъ у Вересаева и во многомъ копируетъ повѣсть послѣдняго „На поворотѣ“. Языкъ романа—легкій, банальный и съ большимъ привкусомъ столь же банальной витіеватости.

У автора въ распоряженіи имѣются только двѣ краски—эротизмъ и нѣжность. И это единственное, что бросается въ глаза въ этой книгѣ. Его политика, массонки, рабочіе — пустое пространство, заполняемое не столько борьбой общественныхъ интересовъ, сколько исторіей любовныхъ волненій. Расхваливать размышленія автора и его политическую мудрость, можно только въ ироническомъ тонѣ. Романъ „На ущербѣ“ повторяетъ многое изъ того, что гораздо ярче сказано было и „Дневникомъ агитатора“ Коновалова и романами Рошина. Съ интересомъ читаются только страницы, посвященныя жизни одинокихъ сердецъ и тоскующихъ, обманутыхъ и покинутыхъ женщинъ. Вообще женскіе образы Г. не лишены убѣдительности и обвѣяны нѣкоторымъ утонченнымъ лиризмомъ. (*Л. Войтоловскій.„Кіев. Мысль“. 1913—13*).

Романъ Г. посвященъ интересной темѣ—характеристикѣ современной революціонной среды и ея настроеній. Онъ написалъ свѣжо, съ большой искренностью и захватываетъ своимъ предметомъ. Но законченнымъ художественнымъ произведеніемъ его назвать нельзя. Въ немъ нѣтъ творческихъ обобщеній, нѣтъ цѣльности. Въ авторѣ не чувствуется умѣнья разобраться въ своемъ богатомъ матеріалѣ и справиться съ нимъ. матеріалъ этотъ остался совершенно сырымъ. Авторъ заноситъ на свое полотно все, что попало въ его уголъ зрѣнія, очутилось въ извѣстныхъ рамкахъ, не выбирая и не отличая важнаго отъ неважнаго, типичнаго отъ случайнаго. Отъ этого романъ вышелъ растянутымъ, нестройнымъ, безъ художественнаго центра. Однако, несмотря на явную техническую безпомощность автора, въ немъ нельзя не замѣтить его своеобразной личности и дарованія. (*Колтоновская. „Вѣст. Евр.“ 1913—3*).

474. Пинесъ, М. Я. 892.4.09

Исторія еврейской литературы (на евр.-нѣм. діалектѣ). Авториз. пер. съ франц. съ предисл. и доп. С. С. Вермель. Изд. А. А Столяръ. М. 1913. Стр. XV + 372. Съ 16 портр. въ тек. Ц. 3 р. 50 к.

Обширная работа франц. ученаго раскрываетъ область, можно сказать, совершенно неизвѣстную. Многіе знаютъ, что нынѣшніе евреи почти ужъ нигдѣ не говорятъ на языкѣ Библіи, т. наз. древне-еврейскомъ яз., который живетъ лишь въ письменности. Живымъ языкомъ еврейскихъ народныхъ массъ остается т. н. жаргонъ—нарѣчіе нѣмецкаго языка, отчасти архаическое, отчасти модернизованное, оторвавшееся на развитіи отъ своего первоисточника и организовавшее въ самостоятельный языкъ. О цѣнности его, объ эстетическихъ достоинствахъ и образовательномъ значеніи его ведутся споры, но такъ или иначе относятся къ нему теоріи лингвистическія, національныя, педагогическія. этотъ языкъ отстоялъ свое право на вниманіе ужъ тѣмъ, что не ограничился ролью обиходнаго пособія для повседневныхъ нуждъ, но перешелъ изъ устъ народа въ его письменность, создалъ свою литературу. Съ судьбами и—что еще важнѣе—съ современнымъ состояніемъ этой литературы знакомитъ книга П.,—и знакомство съ ней убѣждаетъ, что она представляетъ значительный интересъ не только для лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ спеціально еврейскими вопросами, но и для болѣе широкихъ круговъ читателей. До сихъ поръ тяготѣетъ проклятіемъ надъ жизнью евреевъ не столько злая воля, сколько всеобщее незнаніе, непониманіе ея окружающими. Жаргонная литература, больше, чѣмъ какая бы то ни было отрасль многоязычной еврейской письменности, даетъ возможность войти въ повседневное теченіе еврейской жизни, въ ея тенденціи, ея смыслъ. Для этой цѣли особенно пригодна книга П.: она даетъ не только общій обзоръ жаргонной литературы, охватывающій ея зачатки, ея устныя народно-поэтическія формы, ея нынѣшнее состояніе, но и щедро даетъ отрывки и образцы лирики, эпоса и драмы, благодаря которымъ курсъ П., не теряя характера историческаго изслѣдованія, становится книгой для чтенія, почти хрестоматіей. Здѣсь читатель найдетъ богатый матеріалъ для сужденія не только о поэзіи гетто, но и о его правдѣ. (*„Рус. Бог. 1913—2*).

Всякій, кто интересуется т. наз. „жаргонной“ литературой, найдетъ въ книгѣ почти исчерпывающее изложеніе ея развитія, начиная съ возникновенія жаргона евреевъ и кончая поэзіей Бялика, Розенфельда и Шолома Аша. Русскій читатель найдетъ здѣсь и такихъ писателей и поэтовъ, которые пишутъ по-русски (С. Г. Фругъ) или давно уже переведены на русскій яз. (Шоломъ-Алейхемъ, Бяликъ и др.). Интересны также главы о народныхъ еврейскихъ пѣсняхъ. о народномъ романѣ и о еврейскомъ театрѣ. Переводчикъ положилъ немало труда не только на вполнѣ литературный и точный переводъ, но и на существенныя исправленія и дополненія, благодаря которымъ русскій читатель получаетъ отъ книги гораздо больше, чѣмъ читатель французскаго оригинала. Это объясняется увлеченіемъ переводчика, „жаргономъ“, который онъ считаетъ прекраснѣйшимъ языкомъ. Можно не согласиться съ нимъ въ этомъ, но необходимо отдать должное его добросовѣстному труду, который

дѣйствительно дастъ читателю всестороннее знакомство съ литературой еврейскихъ массъ Россіи и Америки. (*П. С. „Нов. Журн. д. Вс.“ 1913—2*).

475. Вишняковъ, Е. и Пичета, В. 9(47)

Очерки русской исторіи. Изд. „Польза“. М. 1913. Стр. 246. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки В. и П. должны, по мысли ихъ авторовъ, быть промежуточной ступенью между сухимъ учебникомъ, въ которомъ читатель черпаетъ первоначальные элементы своихъ историческихъ знаній, и спеціальными работами, чтеніе которыхъ требуетъ уже извѣстнаго навыка. Къ сожалѣнію, книга не вполнѣ удовлетворяетъ этой задачѣ. Небольшой ея размѣръ заставилъ авторовъ придать ей конспективный характеръ, что придаетъ ей болѣе сухой характеръ, чѣмъ это было бы желательно. „Очерки по исторіи русской культуры“ Милюкова, „Краткое пособіе“ проф. Ключевскаго, которые авторы книги считаютъ трудными для лицъ, знакомыхъ только съ учебникомъ нисколько не труднѣе ихъ „Очерковъ“. Другой недостатокъ книги, неравномѣрность ея отдѣльныхъ частей. Первая часть книги, написанная В., —доведена до XVIII ст. Въ ней небольшая часть отведена Кіевской Руси и гораздо полнѣе и обстоятельнѣе разработанъ московскій періодъ русской исторіи. Въ части, написанной П., матеріалъ расположенъ не по царствованіямъ, а по отдѣльнымъ вопросамъ. Даются общіе обзоры экономическаго развитія, сословнаго строя, государственнаго строя и т. д.; при этомъ неизбѣжны повторенія. Есть и недочеты; напримѣръ, не указанъ соціальный составъ городовъ XVIII ст. Наиболѣе полно составлена глава, посвященная царствованію Александра I. (*А. Т. „Вѣст. Евр.“ 1913—3*).

На 246 стр. „выяснить связь, какая существуетъ между экономическимъ строемъ Россіи въ различные періоды ея исторіи и соціальнымъ, политическимъ и культурнымъ бытомъ“—задача очень головоломная. Мы сказали бы прямо неосуществимая, особенно при отсутствіи спеціальныхъ работъ по многимъ вопросамъ. Все это сказывается, конечно, на характерѣ книги г. г. В. и П. Это конспектъ довольно обстоятельный по внутренней исторіи Россіи. Какъ всякій конспектъ, книга высказываетъ цѣлый рядъ положеній. Фактическій матеріалъ для обоснованія ихъ приходится искать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. При такихъ обстоятельствахъ можетъ ли она служить переходомъ съ учебника къ чтенію спеціальныхъ сочиненій? Думаемъ—нѣтъ. Книга не пріучаетъ къ историческому мышленію и требуетъ многое принимать на вѣру. Что касается метода изложенія, то онъ почти не отличается отъ обыкновенныхъ учебниковъ. Авторы, повидимому, мало надъ ними думали и мало обратили вниманія на выработку его. Жаль. Явленія экономическія, соціальныя, политическія и культурныя излагаются каждое отдѣльно. Словомъ, недостатокъ метода, который бы соотвѣтствовалъ задачѣ работы, замѣчается на каждомъ шагу. Трудъ В. и П. повидимому, слишкомъ поспѣшно сдѣланъ, но онъ очень полезенъ. Мы рекомендуемъ его вниманію читателей, какъ научно-правдивый конспектъ краткаго курса русской исторіи. Написанъ конспектъ яснымъ языкомъ и сообщаетъ много свѣдѣній по внутренней исторіи Россіи. Рисунковъ мало. (*Ник. Василенко. „Кіев. Мысль.“ 1913—61*).

Не преслѣдуя фактической полноты изложенія, составители, по ихъ словамъ, „первой задачей считали выясненіе той связи, какая существуетъ между экономическимъ строемъ Россіи въ различные періоды ея исторіи и ея соціальнымъ, политическимъ и культурнымъ бытомъ“. Въ этомъ вниманіи къ соціальной сторонѣ историческихъ событій главное достоинство очерковъ В. и П. конечно, при небольшомъ размѣрѣ очерковъ, охватывающихъ русскую исторію отъ древнѣйшаго періода до новѣйшаго времени, сколько-нибудь широко выполнить поставленную себѣ задачу не представилось возможнымъ. Въ итогѣ, цѣлыя главы производятъ впечатлѣніе суховатаго конспекта, а отдѣльныя мѣста какого-то оглавленія, а не изложенія исторіи. Авторы слишкомъ многое хотѣли охватить. Въ концѣ книги они заговорили о революціонномъ движеніи семидесятыхъ годовъ, но такъ какъ мѣсто не позволило остановиться и на этомъ вопросѣ, то вопросъ былъ скомканъ и брошенъ. И такое же впечатлѣніе скомканнаго и брошеннаго производятъ многія главы. Очерки В. и П. очень содержательны и будутъ полезны всѣмъ тѣмъ переходящимъ отъ учебниковъ къ изслѣдованіямъ лицамъ, для которыхъ они предназначаются. Мѣстами очерки написаны такъ вяло и тяжело, что могутъ отпугнуть „популярнаго“ читателя. (*П. Б. „День“. 1913—33*).

476. Фоминъ, И. И. 902.9

Искусство палеолитическаго періода въ Европѣ, съ 40 отдѣльн. табл. и съ 53 рис. въ текстѣ. М. 1912. Стр. VII+66+40. Ц. 6 р.

Своимъ появленіемъ въ печати трудъ Ф. заполняетъ существовавшій до сихъ поръ въ русской археологической литературѣ пробѣлъ, касающійся древнѣйшаго искусства палеологической эпохи каменнаго періода. Въ этомъ добросовѣстномъ трудѣ, коснувшись историческаго очерка главнѣйшихъ находокъ въ области палеолитическаго искусства, авторъ послѣдовательно знакомитъ читателя съ древнѣйшими изображеніями человѣка, животныхъ, растеній, жилищъ и утвари. Далѣе онъ критически разсматриваетъ способы раскопокъ пещеръ, давшихъ объекты палеолитическаго искусства, находя ихъ не всегда соотвѣтствующими строгимъ научнымъ требованіямъ, благодаря чему въ среду памятниковъ несомнѣнно палеолитическаго искусства введены и такіе, которые явились въ болѣе позднее время.

При изслѣдованіе генезиса древнѣйшаго искусства авторъ приходитъ къ выводу, что первоначально появляются гравюры съ изображеніемъ животныхъ, затѣмъ кругло-выпуклая скульптура, получившая полное развитіе уже во время перехода отъ палеолита къ неолиту. Палеолитическій художникъ былъ настоящимъ портретистомъ природы, въ особенности охотничьихъ животныхъ: мамонтовъ, сѣверныхъ оленей, быковъ, лошадей, дикихъ козъ и др. (*В. А. Городцовъ. „Гол. М.“ 1912—290*).

Ви виду малаго количества работъ, посвященныхъ палеолитическому рисунку, авторъ поставилъ свой задачей собрать возможный, сюда относящійся матеріалъ и описать его, отказываясь пока отъ объясненія процесса возникновенія художественнаго творчества, равно и отъ оцѣнки его

культурно-историческаго значенія. На сорока таблицахъ, поясненныхъ текстомъ, сдѣланы прекрасныя воспроизведенія художественныхъ проявленія палеолитической эпохи. (*„Рус. М“. 1913 –2*).

Книгу Ф. трудно назвать самостоятельнымъ научнымъ изслѣдованіемъ. Въ ней нѣтъ ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ пріемовъ изслѣдованія, ни новыхъ выводовъ. Ее нельзя даже назвать сводкой матеріала и литературныхъ мнѣній по интересующему автора вопросу, такъ какъ подборъ и литературы, и матеріала носитъ въ значительной степени случайный характеръ. Настолько несамостоятеленъ, что даже найденные въ Россіи образчики палеолитическаго періода (орнаментированные обломки бивня мамонта, найденные въ Кіевѣ въ 1900 г.) описываетъ съ чужихъ словъ. Выводы его не новы и безсодержательны; сколько-нибудь широкія точки зрѣнія, попытки уяснить общій характеръ первобытнаго искусства у него отсутствуютъ. Да за подобную задачу и нельзя было бы браться съ тѣмъ ограниченнымъ матеріаломъ, надъ которымъ Ф. оперируетъ. Не давая ничего новаго лицамъ, сколько-нибудь знакомымъ съ предметомъ, книга Ф., какъ добросовѣстная и безхитростная компиляція могла бы быть полезна для широкой публики, особенно для тѣхъ, кому недоступна иностранная литература. На русскомъ языкѣ это—пока единственная сколько-нибудь цѣлостная работа по палеолитическому искусству и притомъ работа, снабженная большимъ количествомъ очень хорошо выполненныхъ рисунковъ. Но, къ сожалѣнію, слишкомъ дорогая цѣна книги и незначительное число экземпляровъ, въ которомъ она издана (300), совершенно исключаютъ возможность ея сколько-нибудь широкаго распространенія, такъ что и цѣлямъ популяризаціи книга служить не можетъ. (*А. Максимовъ. „Рус. Вѣд.“ 1912—286*).

Выгодной особенностью книги Ф. нужно признать систематизацію имъ матеріала по предметамъ искусства: человѣкъ, животныя, птицы, рыбы, оружіе, орнаментъ и т. д.

Книга издана очень хорошо.

При повторномъ изданіи слѣдуетъ добиться удешевленія ея, такъ какъ книга можетъ быть очень полезной для всѣхъ интересующихся вопросами первобытной культуры. (*М. И. „Стол. Молва.“ 1913—294*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Библіотекѣ“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ

Общія сочиненія [0]

1522. [. . . . .] 015(47)„1912“

Библіографическій Ежегодникъ. Вып. II. Систематическій указатель литературы за 1912 г. (Классифиц. по десятичн. системѣ). Изд. „Наука“, подъ ред. П. В. Владиславлева. М. 1913. Стр. 312. Ц. 90 к.

Содержаніе: Предисловіе. Указатель книгъ. Указатель журнальной литературы. Указатель рецензій. Библіографія иностран. литературы о Россіи за 1912 г. Сост. П. А. Ульяновъ. Библіограф. по различнымъ областямъ знаній въ нѣмец. журналахъ. (Систем. указ.). Сост. П. А. Ульяновъ. Отошедшіе. Указатель конфисков. изданій. Періодич. изд., выходящ. въ Россіи на рус. яз.

1523. Чеховъ, А. П. 081

Письма. Т. III. (1890—1891). Съ иллюстр. Изд. М. П. Чеховой. М. 1913. Стр. XII+360.

Содержаніе: Біографич. очеркъ. Мих. Чехова. Письма. (1890—1891). Въ Москвѣ. Указатели.

1524. Дріанъ, маіоръ. 087

Плѣнники моря. Шесть дней въ затонувшей подводной лодкѣ. Пер. съ франц. В. Эдельштейнъ и Е. Хохловой. „Библ. Юнаго Читат.“ Спб. 1913. Стр. 230. Съ иллюстр. Ц. 60 к.

1525. Каринцевъ, Н. 087

Исторія одной жизни. (Томасъ Альва Эдисонъ). „Библіот. для семьи и школы“. М. 1913. Изд. ред. журн. „Юн. Рос.“ Стр. 136. Съ рис. Ц. 25 к.

1526. Качевская, М. 087

Веселыя каникулы. Научно-беллетрическій очеркъ для дѣтей средняго возраста. М. 1913. Изд. А. С. Панафидиной. Стр. 360. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

Философія [1]

1527. Радловъ, Э. Л. 1(03)

Философскій словарь. Логика, психологія, этика, эстетика и исторія философіи. Изд. 2-ое, испр. и доп., Г. А. Лемана. М. 1913. Стр. VI+698. Ц. 2 р.

1528. Гернетъ, М. Н. 179.7

Смертная казнь. М. 1913. Стр. VII+149. Съ прилож. на особыхъ лист. 4 геогр. картъ, 16 діагр. и 54 фотогр. и рис. Ц. 4 р.

Содержаніе: Предисловіе. Смертная казнь и общественное мнѣніе. Смертная казнь въ современ. законодательствахъ. Статистика смертной казни. Способы смертной казни въ прошломъ и настоящемъ. Общая оцѣнка смертной казни.

Религія [2]

1529. Ольдгамъ, Г. Х. 226

Ученіе Іисуса Христа. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1912. Изд. Спб. Студенч. христ. кружка. Стр. 204. Ц. 80 к.

Соціальныя науки [3]

1530. Шишковъ, Н. А. 301(024.7)

Начала общественной жизни. Чтеніе для слушателей 14—17 лѣтъ. Изд. „Юн. Чит.“ Спб. 1913. Стр. 43. Ц. 15 к. (Чистый доходъ съ изд. поступ. въ Самар. О-во Нар. Унив.).

1531. Пасхаловъ, К. 323.1(47)

Русскій вопросъ. М. 1913. Стр. 21. Ц. 15 к.

1532. [. . . . .] 328(47)

Трудовая группа въ IV Госуд. Думѣ. Обзоръ дѣятельн. съ нояб. по 15 дек. 1912. Спб. 1913. Стр. 60. Ц. 10 к.

1533. Прокоповичъ, С. Н. 331.823

Что дастъ рабочимъ страхованіе на случай болѣзни. „Труды секціи по страхованію рабочихъ. Вып. II“. Изд. Пост. Ком. музея Соц. труду при М. О. П. К. Т. О. М. 1913. Стр. 15. Ц. 12.

Изъ вступленія: „Въ настоящее время правительство только еще приступаетъ къ открытію больничныхъ кассъ, поэтому мы должны судить о томъ, что дастъ рабочимъ новый законъ, не на основаніи опыта, а предположительно, на основаніи анализа статьей закона и возможнаго предвидѣнія результатовъ его примѣненія въ обстановкѣ русской дѣйствительности“.

1534. Коноваловъ, Ив. 333.5

Очерки современной деревни. Дневникъ агитатора. Посмертн. изд. съ портр. автора и предисл. Вл. Кранихфельда. Изд. Т-ва Писателей. Спб. 1913. Стр. XVIII+397. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе Вл. Кранихфельда. Очерки современной деревни: Въ деревнѣ. Землеустроители. Новый помѣщикъ. Деревенскій интеллигентъ. На хуторахъ. Пролетаризація деревни. Чье преступленіе? Деревенскія картинки. Будни современной деревни. Случай. Дневникъ агитатора.

1535. [. . . . .] 333.5(082)

Жизнь деревни. 1-й сборникъ. Изд. Студ. Кружка Обществ. Агрономіи при Москов. С.-Хоз. Ин. (Петров. Академія). М. 1913. Стр. VI+92+98. Ц. 1 р. 30 к.

Содержаніе: Предисловіе. П. Бобынинъ (Мизгирь). Въ глуши.—П. Владыкинъ. Впечатлѣнія отъ крестьянскаго хозяйства Олонецкой губ.—П. Гавсѣвичъ. Крестьянское хозяйство Южной Волыни и мѣры къ его поднятію.—П. Семеновъ. Краткій сельско-хоз. обзоръ 19 крестьян. о-въ (Сѣв. ч. Одоев. у., Тульской г.).—Ив. Ушаковъ. Итоги 4-лѣтняго землеустройства на общинныхъ земляхъ.—П. Гавсѣвичъ. Сборъ лекарств. травъ въ Лубен., у. Полт. губ., и проектъ организаціи кооперат. сбыта.—П. Якушкинъ. Узкіе успѣхи и широкіе догматы.

1536. Германъ, И. Е. 333.5(4—15)
Земельныя дѣла въ западно-европейскихъ государствахъ. М. 1913. Стр. 300. Ц. 3 р. 50 к.

1537. Прокоповичъ, С. 334(47)
Кооперативное движеніе въ Россіи. Его теорія и практика. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1913. Стр. 456. Ц. 2 р. 60 к.
Содержаніе. Экономич. основы кооперации. Трудовыя артели. Промысловыя товарищества въ промышленности, въ сельскомъ хозяйствѣ. Кредитная кооперація. Потребительныя О-ва. Административно-правовыя условія кооперативнаго движенія.

1538. Гартевельдъ, В. 343(0:8)
Каторга и бродяги Сибири. Кн-во „Дѣло". М. 1913. Стр. 195. Ц. 1 р.
Содержаніе: Златоустъ и Челябинскъ. Тобольская каторга. Пѣсни каторжанъ. Балалайка. Грузинка. Товарищъ Соня. Злодѣй на покоѣ. Кусокъ мыла.

1539. Беренштамъ, Владиміръ. 347.965
Записки адвоката. — „Бѣлая библ. Кн. 24-25". Изд. „Эпоха". М. 1913. Стр. 94. Ц. 20 к.

1540. Шевалье, Н. (Н. Г—дъ). 355(496)
Правда о войнѣ на Балканахъ. Записки военнаго корреспондента. Спб. 1913. Изд. автора. Стр. 103. Ц. 75 к.

1541. Бахтинъ, Н. 371
Руссо и его педагогическія воззрѣнія. (Отд. отт. изъ журн. „Русская Шк." 1912 г.). Спб 1913. Стр. 84. Ц. 50 к.

1542. Лубенецъ, Т. 371
Педагогическія бесѣды. Изд. 2-ое; доп. и переработ., кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 578. Ц. 1 р. 75 к.
Содержаніе: Вступит. бесѣда къ учащимъ въ народн. училищахъ. До-школьное воспитаніе. Народный дѣтскій садъ. Нат. Лубенецъ. — Изъ жизни ребенка (по Ломброзо и Жихаревой). Объ игрушкахъ. О букваряхъ. Преподаваніе грамоты по американ. методу. Обученіе русской грамотѣ. Воспит. уроки. Уроки грамоты. О первонач. обученіи въ народн. школахъ, гдѣ дѣти говорятъ на малорусс. нарѣчіи. О первонач. обученіи русскому яз. въ школахъ, гдѣ дѣти совсѣмъ не умѣютъ говорить по-русски. Обученіе чтенію послѣ усвоенія азбуки. О книгахъ для чтенія въ школѣ. О способахъ обученія чтенію. Объяснительное чтеніе. Значеніе устныхъ бесѣдъ и круговой тетради. Задачи учителя при веденіи урока. Заучиваніе стихотвореній. О методахъ преподаванія письма. О диктовкахъ. Письменныя самостоят. работы. О письмен. изложеніи мыслей. Дѣтскія сочиненія, какъ факторъ развитія языка. О наглядномъ преподаваніи. О церк.-слав. чтеніи въ школѣ. Обученіе церк.-слав. чтенію. О наказаніяхъ въ дѣтскомъ возрастѣ и школьн. дисциплинѣ. Дѣти и ихъ воспитатели. О школьныхъ праздникахъ. Какія требованія предъявляетъ народъ къ школѣ. Народн. учителя. Заключит. бесѣды.

1543. Мейманъ, Эрнстъ, проф. 371
Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Ч. III. Наглядное обученіе, обученіе чтенію, письму, рисованію и ариѳметикѣ. Пер. подъ ред. Н. Д. Виноградова. М. 1913. Изд. Т-ва „Міръ". Стр. IV+259+X. Ц. 1 р. 25 к.

1544. Фармаковскій, В. 371
Управленіе дѣтьми. Пособіе для родителей и воспитателей. (По лекціямъ Циллера и др. источн.) Изд. 6-е, А. Д. Ступина. М. 1912. Стр. 154. Ц. 50 к.

* **Теляковъ, Н. И., врачъ** 372:613
См. пор. № 1563.

1545. [. . . . .] 373
Проектъ реформы средней школы. Докладъ Совѣщанія, образов. Госуд. Думой для разработки проекта реформы средней школы. Изд. журн. „Рус. Школа". Спб. 1912. Стр. 77. Ц. 20 к.

1546. Князевъ, В. 398.8(47.41)
Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки Спб. губерніи. Изд. М. Г. Корифельда. Спб. 1913. Стр. VII+IX+133. Ц. 1 р. 50 к.

Филологія [4]

1547. Бочкаревъ, Н. Е. 491.7—2
Новая методика роднаго языка. Ч. II. Вып. 1. Правописаніе и грамматика. Съ прилож. программы и списка книгъ. Пермь. 1912. Стр. VIII+312. Ц. 1 р. 50 к.

1548. Голубковъ, В. 491.7.07
Пособіе для веденія устныхъ и письменныхъ сочиненій. Вып. II. Повѣствованія. Составленіе разсказовъ. Описанія. (Для младш. кл. сельск. учеб. зав., для город., земск. уч. и т. п.) М. 1913. Стр. 105. Ц. 45 к.

Чистыя науки [5]

1549. Врежесневскій, Окт. 513
Доказательство аксіомы параллельныхъ прямыхъ. (5-ый постулатъ Эвклида). Изд. 2-е, доп. М. 1913. Стр. VIII—22. Ц. 20 к. (Авторскія съ изд. поступятъ въ пользу недостаточ. студ.-матем. М. Ун.).
Содержаніе: Предисл. ко 2 изд.: Противъ В. К. Млодзѣевскаго. Нѣсколько словъ по существу. Вступленіе. Пучекъ прямыхъ. Законъ сѣкущей для пучка.

1550. Исачкинъ, Б. И. 517
Сборникъ задачъ по основанію анализа безконечно малыхъ. Спб. 1913. Изд. картограф. завед. Ильина. Стр. 161+4 чертежей. Ц. 1 р.

1551. Пикаръ, Эмиль. 517
О развитіи за послѣднія сто лѣтъ нѣкотор. основн. теорій математ. анализа. Лекціи. Пер., съ разр. автора, прив.-доц. С. Н. Бернштейна. „Харьк. Мат. Библ. Сер. В. № 1". Харьковъ. 1912. Стр. 97. Ц. 50 к.
Содержаніе: Предисловіе С. Н. Бернштейна. О развитіи нѣкотор. математ. понятій и въ частности идеи функціи въ теченіе послѣдн. столѣтія. Нѣкоторые общіе взгляды на теорію дифференц. уравненій. О теоріи аналитич. функціи и о нѣкот. классахъ функцій. Дополн. библіогр. указатель.

1552. Чижовъ, Е. 52
Звѣздные вечера. Первое знакомство со звѣздами и созвѣздіями. Съ карт. звѣзднаго неба во всѣ времена года и упрощен. картой „Библ. И. Горбунова-Посадова. № 157". Изд. 3-е М. 1913. Стр. 109. Ц. 50 к.
Содержаніе: Мудреная наука. Звѣзды пер-

вой величины. Сѣверныя созвѣздія. Времена года. Звѣзды южнаго полушарія. Млечный путь. Что такое звѣзды? Небо, какъ оно есть. Неподвижныя звѣзды. Годовое движеніе звѣздъ. Все небо. Задачи, рѣшаемыя съ помощью карты. О планетахъ. .Явленія на небѣ. Занятія съ телескопомъ.

1553. Фогель, Р., проф. 523(02)

Лекціи по описательной (общей) астрономіи. Кіевъ. 1913. Изд. 2-е. Стр. 266+76. Ц. 2 р. 75 к.

1554. Лехеръ, Е., проф. 523.1

Физическія картины міра. Пер. О. Писаржевской, подъ ред. проф. Л. В. Писаржевскаго.— „Попул. библ. для самообр. Основн. начала естествозн.“ Изд. „Природа“. М. 1913. Стр. 121. Съ 28 рис. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Сохраненіе массы и энергіи. Энергія безъ вѣсомой массы. Атомистика. О теоріи вѣроятности. Кинетическая теорія газовъ. Молекулярныя величины. Термодинамика. Значеніе теоріи вѣроятности въ физикѣ и др. областяхъ знанія. Катодное излученіе. Электронъ. Электронъ въ электропроводности, въ электродинамикѣ, въ оптикѣ. Радіоактивность. Кажущаяся масса. Принципъ относительности. Заключеніе.

1555. Хвольсонъ, О. Д., проф. 53

Сохраненіе и разсѣяніе энергіи. Кн-во „Естествоисп.“ Спб. 1913. Стр. 20. Ц. 25 к.

1556. И. П., студ. 53(02)

Конспектъ по физикѣ. Ч. I. Сост. примѣн. къ „Курсу физики“ проф. П. А. Зилова. М. 1913. Стр. 68. Ц. 50 к.

1557. Робертсонъ, Браильсфордъ. 544

Бѣлковыя вещества. Съ добавл. автора къ русс. изд. Подъ ред. проф. Н. Д. Зелинскаго. Кн-во „Естествоисп.“ Спб. 1913. Стр. 146. Ц. 2 р.

Содержаніе: Химич. структура бѣлковыхъ веществъ. Физич. свойства бѣлк. вещ. Соединенія бѣлк. вещ. съ другими тѣлами и свойства этихъ соединеній. Физико-химич. свойства растворовъ бѣлк. вещ. Гидролизъ и синтезъ бѣлк. вещ. Прибавленія автора для русс. изд.

1558. Гизегангенъ, К., проф. 575.1

Оплодотвореніе и явленія наслѣдственности въ растительномъ царствѣ. Пер. съ нѣм. Е. М. Шендзиковской, съ примѣч. и подъ род. проф. В. Р. Заленскаго. —„Ест.-истор. библ. — Природа“. Изд. „Природа“. М. 1913. Стр. 138. Съ 30 рис. Ц. 50 к.

Содержаніе: Безполое размноженіе и передача наслѣдственныхъ признаковъ вегетативными клѣтками. Процессъ оплодотворенія: у зеленыхъ водорослей; у мховъ и папоротниковъ съ однородными спорами; у папоротниковъ съ разнородными спорами и голосѣмянныхъ; у покрытосѣмянныхъ и признаки, передаваемые по наслѣдству. Утрата пола, дѣвственное размноженіе, вегетативные зародыши. Значеніе наслѣдственности для возникновенія новыхъ формъ.

1559. Jungano, M. и Distaso, A. 576

Анаэробы. Съ предис. И. Мечникова. Перев. съ франц. Е. В. Залѣсской. Подъ ред. С. И. Златогорова. Спб. 1912. Изд. В. П. Анисимова. Стр. 256. Съ рис. Ц. 1 р.

1560. Рубакинъ, Н. А. 59(0:8)

Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Спб. 1913. Изд. 7-е Е. Д. Трауцкой. Стр. 160. Съ рис. Ц. 35 к.

Прикладныя науки (6)

1561. [. . . . .] 61(05)

Ежегодникъ русской медицинской печати. Т. I. Обзоръ 1911 г. Подъ ред. А. В. Мартынова. М. 1913. Стр. XXIII+608. Ц. 5 р.

1562. Цитовичъ, И. 612

Сборникъ задачъ по физіологіи. Краткое руководство къ практическимъ занятіямъ. Спб. 1913. Стр. 128. Съ рис. Ц. 1 р. 15 к.

1563. Тезяковъ, Н. И., врачъ 613:372

Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Съ рис. и прилож. списка тѣневыхъ картинъ. Изд. 7-е, К. Л. Риккера. Спб. 1913. Стр. IX+195. Ц. 65 к.

1564. Боасъ, І., проф. 616

Діагностика и терапія болѣзней желудка. Т. I. Общая часть. Пер. съ 6-го изд. Съ предисл. проф. Д. Д. Плетнева. Кн-во „Совр. Проблемы“. М. 1913. Стр. 373. Съ табл. Ц. 2 р. 50 к.

1565. Конгеймъ, П. 616

Болѣзни пищевода, желудка и кишечника. Руководство для практич. врачей. Пер. съ 3-го нѣм. изд. И. Н. Антомина, подъ ред. д-ра А. В. Никольскаго. Кн-во „Наука“. М. 1913. Стр. 319. Ц. 2 р.

Содержаніе: Введеніе. Общая часть. Спеціальная часть: Болѣзни пищевода; желудокъ; болѣзни кишечника.

1566. Хейгъ, А., д-ръ 616

Діэта и пища въ связи со значеніемъ мочевой кислоты, какъ причины болѣзней. Наставленіе къ пріобр. силы и вынослив. съ діэтетич. указан. по тренировкѣ и атлетикѣ. Пер. К. П. Александрова, под. ред. д-ра И. Е. Успенскаго. Изд. А. Выжелевской. М. 1913. Стр. X+100. Ц. 60 к.

Содержаніе: Предисловія. Введеніе: О вліяніи бѣлка и выдѣленій мочевины на силу организма. Ученіе объ усталости. Наша пища, ея свойства и значеніе. Цѣнность пищевыхъ продуктовъ выражаемая содержаніемъ бѣлка и производ. мочевины. Необходимое количество пищи. Пищевой режимъ спортсменовъ и атлетовъ. Леченіе діэтой тучности и худобы. Алкоголь, табакъ и др. возбуждающіе. Приложенія. Чертежи и рис.

1567. Горбуновъ-Посадовъ, И. 616:92(В)

Живая любовь. Разсказъ о томъ, какъ жилъ, трудился и умеръ Даміанъ-де-Вестеръ, другъ прокаженныхъ. Изд. 5-е „Посредника“, № 258. М. 1912. Стр. 78. Съ рис. Ц. 15 к.

Содержаніе: Гавайскіе острова. Молодой миссіонеръ. Живая могила. Воскресеніе мертвыхъ. Слава человѣческая. Прокаженный другъ прокаженныхъ. Рай прокаженныхъ. Конецъ земного пути. Примѣчаніе.

1568. Корсаковъ, С. С., проф. 616.89

Курсъ психіатріи. Т. I и II. Изд. 3-е, о-ва для пособ. нужд. студ. Имп. Моск. Ун. М. 1913. Стр. VI+553; V+342+XXXII. Съ прилож. Ц. за два тома 4 р. 50 к.

1569. Гороховъ, Д. Е. 617

Дѣтская хирургія. Ч. 2-я. Избранные отдѣлы

по хирургіи болѣзней дѣтскаго возраста. М. 1913. Тип. О. Л. Сомовой. Стр. IV+218 Съ рис. Ц. 1 р. 80 к.

1570. Dost и Hilgermann. 628

Практич. руководство къ физич. и химическому изслѣдованію питьевыхъ и сточныхъ водъ. Пер. и доп. инж. П. Н. Андреевъ. М. 1913. Стр. 192. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Взятіе пробы для изслѣдованія. Обслѣдованіе мѣстныхъ условій. Объемъ изслѣдованія (схемы). Изслѣдованіе воды: „на мѣстѣ", въ лабораторіи. Опредѣленіе способности загниванія сточныхъ водъ. Оцѣнка качествъ воды на основаніи данныхъ физич. и химич. изслѣдованія ихъ свойствъ. Приложенія.

1571. Чупровъ, А. И. 63

Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. М. 1913. Изд. Московск. Гор. Нар. Унив. А. Шанявскаго. Стр. 167. Ц. 75 к.

1572. Морозовъ, Г. Ф. 634.9

Ученіе о лѣсѣ. Выпускъ I. Введеніе въ біологію лѣса. Спб. 1913. Стр. 83+43 листа рис. Ц. 2 р. 50 к.

1573. Фридолинъ, С. П. 636

Краткое руководство по кормленію молочнаго скота для крестьянъ, хуторянъ и мелкихъ хозяевъ. М. 1913. Изд. автора, 3-е. Стр. 78 съ рис. Ц. 25 к.

1574. Фридолинъ, С. П. 637

Краткое руководство по молочному хозяйству для крестьянъ, хуторянъ и мелкихъ хозяевъ. М. 1913. Изд. автора, 4-е Стр. 79 съ рис. Ц. 25 к.

1575. Ханковскій, Генрихъ. 657

Американская многосчетная бухгалтерія системы Г. Ханковскаго для крупныхъ предпріятій, торговыхъ домовъ, фабрикъ и сельскихъ хозяйствъ. Изд. Счетоводн. курсовъ Г. Б. Ханковскаго. Варшава. 1911. Стр. 20. Ц. 50 к.

1576. Дукельскій, М. П. 66

Химическая технологія. Кіевъ. 1913. Изд. книгоизд. „Сотрудникъ". Стр. VIII + 448 съ рис. Ц. 3 р. 50 к.

1577. Бэконъ, І. 682

Кузнечное дѣло. Руководство для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для практиковъ. Перев. съ англ. В. Тыжнова. Подъ ред. В. В. Лермонтова. Спб. 1913. г. Изд. Г. В. Гольстена. Стр. 98+II съ рис.

Изящныя искусства [7].

1578. Сапожниковъ, Е. В. 746(07)

Наглядное рукодѣліе. Классный способъ преподаванія. 1-й годъ обученія. 57 примѣрн. уроковъ, съ рис. Изд. т-ва П. Д. Сытина. М. (1913). Стр. 136. Ц. 50 к.

1579. Волошинъ, Макс. 75

О Рѣпинѣ. К-во „Оле-Лукойе". М. 1913. Стр. 64. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. О смыслѣ катастрофы, постигшей картину Рѣпина. О художественныхъ цѣнности пострадавшей картины. Психологія лжи. Приложеніе. Отрывки изъ лекціи проф. Ландцерта о картинѣ Рѣпина.

1580. [. . . . .] 75(082)

Сборникъ статей по искусству. М. 1913. Тип. М. Михайлова. 78 стр. Съ рис.

Содержаніе: Аксеновъ. Къ вопросу о современномъ состояніи русской живописи.—Ле-Фокинье. Современная воспріимчивость и картины.—Г. Аполлинэръ. Фернанъ Леже. Обзоръ выставокъ: „Союзъ русскихъ художниковъ" и „Міръ искусства". Об-ва художниковъ Бубновый Валетъ.

1581. Верхарнъ, Эмиль. 75:92(Р)

Рембрандтъ, его жизнь и художественная дѣятельность. Перев. съ франц. Е. Н. К. Спб. 1913. Изд. Акц. Общ. Типогр. дѣла въ Спб. „Герольдъ". 65 стр.+ 2 листа рис. Ц. 10 к.

Литература [8].

1582. [. . . . .] 8—8

Библіотека еврейской семьи и школы. Вып. III. Литературно-художеств. сборникъ, подъ ред. М. И. Дайхеса. Спб. 1913. Стр. 84. Ц. 35.

1583. Конанъ Дойль, А. 82—3

Тайна стараго дома (Тайпа Клумбера). Романъ. Перев. съ англ. Спб. 1913. Изд. М. Г. Корнфельда. 8° (15 + 21). Стр. 145. Ц. 1 р.

1584. Хиченсъ, Р. 82—3

Садъ Аллаха. Романъ. Пер. съ англійскаго кн. Л. А. Оболенской. Т. 1-й и 2-й. Спб. 1912. Стр. 17. II + 728. Ц. 3 р. 25 к.

*** Лахманъ, Гедвига.** 82:92(У)

См. пор. № 1614.

1585. Вассерманнъ, Як. 83—3

Романъ мужчины сорока лѣтъ. Пер. съ рукоп. Зин. Венгеровой. Изд. „Новая Жизнь". Спб. Стр. 136. Ц. 1 р.

1586. Мопассанъ, Гюи де- 84—3

Произведенія Г.-де Мопассана, избранные Л. Н. Толстымъ. Пер. съ франц. Л. Ф. Никифорова, просмотр. Л. Н. Толстымъ. Т. IV. Изд. 2-е „Посредника", № 1103. М. 1913. Стр. 271. Ц. 85 к.

Содержаніе: Монтъ Оріоль. Романъ.

1587. Кошкаровъ, С. Н. 891.7—1

Сборн. стихотвореній М. 1912. 1. Въ родныхъ поляхъ. Стр. 32. Ц. 5 к. — 2. Осенніе цвѣты. Стр. 29. Ц. 5 к. — 3. Свѣтлыя пѣсни. Стр. 32. Ц. 10 к.—4. Первая ласточка. Стр. 32. Ц. 15 к.

1588. Сѣверянинъ, Игорь. 891.7—1

Громокипящій кубокъ. К-во „Грифъ". М. 1913. Стр. 142. Ц. 1 р.

1589. Цвѣтаева, Марина. 891.7—1

Изъ двухъ книгъ. (Стихотворенія). К-во „Оле-Лукойе". М. 1913. Стр. 56. Ц. 15 к.

Содержаніе: Предисловіе. Въ Ouchy. Мама на дачѣ. Все у Боженьки—сердце... На скалахъ. Мама въ саду. Сережѣ. Памяти Нины Джаваха. Принцъ и лебеди. Въ Шенбруннѣ. Камерата. Розовый домикъ. „Прости" волшебному дому. В. Я. Брюсову и др. стихотв.

1590. Герасимовъ, Н. 891.7—2

Пѣвецъ любви. Драматич. повѣсть. Изд. автора. М. 1913. Стр. 55, Ц. 50 к.

1591. Анисимовъ, Юліанъ. 891.7—3

Обитель. Изд. к-во „Альціона". М. 1913. Стр. 88. Ц. 1 р.

1592. Ведребисели, Д. 891.7—3

Нетронутый уголокъ. Разсказы изъ грузинской жизни Изд. 2-е. Тифлисъ. 1912. Стр. 191. Ц. 60 к.

Содержаніе: Нетронутый уголокъ. Семейное событіе. Крестины. Въ глухомъ приходѣ. Хизаны. За свою собственность. Месть. Мехре. Подъ ледянымъ сводомъ. Сынъ.

1593. Каменскій, Анатолій. 891.7—3
Дуэль студента Огнивцева. Поэзія и проза. „Бѣлая библіотека". Кн. 20. Изд. „Эпоха". Стр. 45. Ц. 10 к.

1594. Крашенинниковъ, Н. А. 891.7—3
Барышни. (Простая исторія жизни). Романъ въ 4-хъ частяхъ. Т. II. Изд. 4-е „Москов. кн-ва". М. 1913. Стр. 218. Ц. 1 р. 25 к.

1595. Ладыженскій, Вл. 891.7—3
Дома. Разсказы. Изд. „Т-ва Писателей". Спб. 1913. Стр. 199. Ц. 1.
Содержаніе: Сумерки. Преступленіе. Экзаменъ. Драка. Умирающая усадьба. Приволье. Таня. Зарево. Желты розы и др.

1596. Лѣткова, Ек. 891.7—3
Разсказы. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. 269. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Мухи. Въ одной клѣткѣ. Колодники. Виноватая. Бабы. Бабушка Өекла. Лушка. Княжна. Первый романъ. Облачко.

1597. Сергѣевъ-Ценскій, С. 891.7—3
Собраніе сочиненій, Т. VI. Разсказы Изд. „Кн-ва Писателей въ Москвѣ". М. 1913 Стр. 232. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Медвѣжонокъ. Неторопливое солнце. Приставъ Дерябинъ. Ближній. Нѣдра. Испугъ. Снѣгъ. Полубогъ. Четыре подковы.

1598. Сологубъ, Ѳедоръ 891.7—3
Собранія сочиненій. Томъ 1-й „Лазурныя Горы". Стихи Спб. 1913. Изд. „Сиринъ". Стр. 239. Ц. 50 к.

1599. Толстой, Л. 891.7—3
Полное собр. соч. Подъ ред. П. И. Бирюкова. Т. XI. М. 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина Стр. 573+1 портретъ.

1600. Юшкевичъ, С. 891.7—3
Голуби. Изд. „Москв. К-ва". М. 1913. Стр. 170. Ц. 1 р.

1601. Добролюбовъ, Н. А. 891.1—09
Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Е. В. Аничкова. Т. VII. Публицистика. Изд. „Дѣятель". Спб. 1913. Стр. 672.

1602. Свѣтлый, Георгій. 891.7—09
„Екатерина Ивановна" Л. Андреева, какъ символъ. Изд. А. М. Михайлова. М. 1913. Стр. 28. Ц. 30 к.
Изъ вступленія. „Л. Андреевъ прошелъ два основныхъ этапа своего творчества. Раньше онъ былъ реалистъ, потомъ форму реалистическую смѣнила символическая. Теперь онъ синтезируетъ. „Ек. Ив". высшая форма, которой достигъ Андреевъ".

1603. Владиславлевъ, И. В. 891.7.09„18:19"
Русскіе писатели XIX—XX ст. Опытъ библіографич. пособія по новѣйшей русской литературѣ. Изд. 2-е, перераб. и доп., кв-ва „Наука". М. 1913. Стр. 240. Ц. 1 р.
Содержаніе: Предисловія. Ч. I: Художественная литература. Критика и публицистика. Исторія литературы. Ч. II. Указатель по эпохамъ, въ связи съ источниками и историко-литературными матеріалами. Дополненіе.

1605. Конопницкая, М. 891.85—3
Собраніе соч. подъ ред. и со вступит. статьей проф. Н. А. Бодуэнъ де-Куртэнэ. Томъ I. Спб. 1913. Изд. Книгоизд. „Просвѣщеніе". Стр. XXX+399. 1 портр. Ц. 1 р. 25 к.

1605. Ожешко, Э. 891.85—3
Въ зимній вечеръ. Разсказъ. Пер. съ польск. М. Троповской. Изд. 2-е „Посредника", № 337. М. 1912. Стр. 96. Ц. 6 к.

1606. Сѣрошевскій, В. 891.85.—3
Сыны неба. Разсказы изъ китайской жизни. Изд. 2-е „Юн. Чит." Спб. 1913. Стр. 72. Ц. 25 к.
Содержаніе: Боксеръ. Кули.

Исторія и географія [9].

1607. Алексѣевъ, В. 9(47)„1613"
Избраніе на царство М. Ѳ. Романова. „Дешевая библіотека для семьи и школы". М. 1913. Изд. ред. журн. „Юная Россія". Стр. 16. Съ рис. Ц. 5 к.

1608. Шестаковъ, А. В. 9(47)„1613"
Причины смутныхъ дней. (Истор. очеркъ изъ эпохи смутнаго времени.) М. 1913. Стр. 54. Съ рис. Ц. 25 к.
Содержаніе: Москов. государство наканунѣ Смутнаго времени. Верховная власть. Родовое и церковное землевладѣніе. Служилое дворянство. Посадскіе люди. Тяглое крестьянство. Смутные дни. Заключеніе.

1609. Карабановъ, Н. 9(47)„1613:1913"(0:8)
Россія за триста лѣтъ въ произвед. русс. писателей и поэтовъ. Хрестоматія для семьи и школы. М. 1913. Стр. 570. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

1610. Милюковъ, П. 901
Главныя теченія русской исторической мысли. Изд. 3-е, М. В. Аверьянова. Спб. 1913. Стр. 342. Ц. 1 р. 60 к.
Содержаніе: Предисловія. Введеніе. Періодъ первый — до Карамзина (включительно): Синопсисъ. Историки XVIII ст. Итоги историч. работы XVIII ст. Карамзинъ и его современники. Періодъ второй—послѣ Карамзина: Первыя попытки критич. разработки и философскаго построенія русской исторіи.

1611. Вульфсонъ, Э. С. 91(47.9)
Киргизы. Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. А. А. Ивановскаго. М. 1913. Изд. Курнина и К°. Стр. 79. Съ рисунк. Ц. 20 к.

1612. Веселовская, Б. 91(57)
Буряты. Природа и Люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. А. А. Ивановскаго. М. 1913. Изд. С. Курнина и К°. Стр. 32. Съ рис. Ц. 10 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. 92(B):616
* См. порядк. № 1567.

1613. Симоновъ, И. С. 92(Г)
Грановскій — учитель. Къ 100-лѣтію со дня рожденія. (9 марта 1813 г. — 9 марта 1913 г.).

Изд. 2-е, доп. журн. „Педаг. Сб.“ Спб. 1913. Стр. 23. Ц. 25 к.

Изъ предисловія: „Статья не претендуетъ на какое-либо самостоятельное изслѣдованіе. Ея задача, на основаніи существующихъ въ литературѣ „воспоминаній“ о Г., лишь напомнить читателямъ объ этой свѣтлой, гуманной личности“.

* **Верхарнъ, Эмиль.** 92(Р):75

См. порядк. № 1581.

1614. Лахманъ, Гедвига. 92(У):82

Оскаръ Уайльдъ. Біографія-характеристика. Перев. съ нѣм. Н. Хмѣльницкой. Изд. „Всеобщая библіотека“. Спб. 1913. Стр. 50+1 портр. Ц. 10 к.

1615. [. . . . .] 92(Ч)

Памяти Евграфа Васильевича Чешихина. Къ 25-лѣтію со дня его кончины. (1888—2 марта—1913). Съ прилож. портрета Е. В. Чешихина. Изд. „Рижскаго Вѣстн.“ Рига. 1913. Ц. 50 к.

Содержаніе журналовъ.

„Богословскій Вѣстникъ“. (1913—2.) М. П. Изюмовъ. Проф. П. И. Казанскій, некрологъ. — Св. Максима Исповѣдника житіе. Перев., изд. и примѣч. М. Д. Муретова. — „Во Христѣ саперъ“. (Къ столкновенію А. И. Герцена и преосвящ. Игнатія Брянчанинова.) — Церковь и богословіе. Отрывки изъ письма П. И. Гилярова-Платонова, къ ректору Астрах. семинаріи, архимандриту Веніамину. — А. М. Трубероѣскій. „Сладость бытія“. (Противъ самоубійства).— Свящ. Н. Гумилевскій. Апостольское пониманіе богослужебнаго чина. — С. С. Глаголевъ. Вопросъ о жизни на Марсѣ.—А. А. Спасскій. Эллинизмъ и христіанство.—В. П. Виноградовъ. Платонъ и Филаретъ, митропол. московскіе.—П. П. Церковно-археологич. музей на предварительномъ съѣздѣ дѣятелей музеевъ въ Москвѣ въ 1912 г.—В. А. Троицкій. О необходимости историко-догматической апологіи девятаго члена Символа вѣры. — Критика.

„Вегетаріанское Обозрѣніе“. (1913—2.) С. П. Полтавскій. Имѣетъ ли личное самосовершенствованіе общественную цѣнность. — Рах. Объ учрежденіи общества „Зеленой Палочки“. — Н. А. Шейерманъ. Земледѣльческое поселеніе въ Люботинѣ.—А. Н. Шараповъ. Вегетаріанская земледѣльческая колонія въ Голландіи — Nieuwe Niedorp. — С. О. Перперъ. О малокровіи, хлорозѣ и нервозности въ связи съ пищевымъ режимомъ.— Д-ръ Форестъ. Секретъ здоровья. Съ фр. Э. Ю. Рейнке.—Н. Булановскій. Письма съ Черноморскаго побережья. — М. А. Столяръ. Письма изъ Америки.— Н. Телешовъ. Уха, разск. —Н. Б. Сѣверова. Замѣтки. Польза крапивы. Почему здорово спать безъ рубашки. — А. Н. Шараповъ. Международная поваренная книга на Эсперанто.—Г. Зейденцаль. Вегетаріанство и спортъ. Съ нѣм. М. Щелканова. — Въ мірѣ печати. — Старый Вегетаріанецъ. По міру. Хроника вегетаріанскаго движенія въ Россіи. — І. П. Библіографія и критика.

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи“. (1913 — 2.) Эриксонъ. Объ эпилепсіи на Кавказѣ. — Рецензіи. — Рефераты. — Хроника.

„Вѣра и Разумъ“. (1913 — 4.) Прот. Д. Поповъ. Россія и Домъ Романовыхъ. — С. Н. Пономаревъ. Воцареніе Державнаго Дома Романовыхъ.— М. Невпрягинъ. О преобразованіяхъ Петра Великаго въ управленіи духовными дѣлами.—И. С. Проданъ. Познаніе сверхчувственнаго міра. (Продолж.) — Прот. Ѳоминъ. Церковныя древности Харьковскаго края. (Продолж.).

„Вѣстникъ Знанія“. (1913 — 3.) Проф. И. П. Скворцовъ. Очеркъ природы Финноскандіи и Канады въ связи съ ея исторіей. — Послѣднія минуты „Титаника“.—Эльгъ. Философія А. Бергсона. — Н. А. Рубакинъ. Какъ читать хорошія книги возможно производительнѣе? — Д-ръ А. Джевина. Географическое распространеніе животныхъ.—Д-ръ Деккеръ. Жизнь тканей внѣ организма. — Проф. Роже. О работѣ печени. — Подводныя сани. — Д-ръ Г. Нейбургеръ. Ручная пушка. — XIII-й съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей. — Операція переливанія крови. — А. Айновъ. Современная народная лирика. — В. Г. Голиковъ. Вторая литература. — Библіографія.—Новости иностр. литературы. Россія за границей.—Письмо въ ред. проф. П. П. Скворцова.—В. В. Битнеръ. Бесѣды съ молодежью.— К. Эвальдъ. Двуногій. — Д-ръ Вельтенъ. Поэзія и дѣйствительность въ царствѣ растеній. — Окаменѣвшій лѣсъ въ Аризонѣ.—А. Чикинъ. Дешевый самодѣльный микроскопъ. — Выращиваніе кристалловъ. — Наглядныя картинки. — Вопросы науки и практики. — Задачи.

„Вѣстникъ Европы“. (1913 — 3.) И. Бунинъ. Вѣра, разск. — В. Кривичъ. Старые портреты, стих. — Ив. Бунинъ. Князь во князьяхъ, разск.— Б. Садовскій. Стихотв. — А. Тыркова. Жизненный путь, ром. (Продолж.).—Т. Ефименко. Стихотв. — А. Дивильковскій. Въ захолустьи, передъ самыми днями разсчета. (Простые очерки) — А. Доброхотовъ. Утѣшеныя ночи, стих. — К. и О. Ковальскіе. Лѣсныя могилы. (Изъ жизни финскихъ кирковщиковъ). — В. Бутевко. Вторая реставрація и „безподобная“ палата. — М. Туганъ-Барановскій. Соціалистическія общины нашего времени.—П. И. Люблинскій. Уголовное рабство въ южныхъ Штатахъ Сѣв. Америки.—Р. Голлендеръ. Клятва Стефана Гуллера, ром. (Продолж.).— П. П. Ю. Хроника. Среди каторжанъ.—Л. Юровскій. Экономическія замѣтки. — А. Пругавинъ. Изъ воспом. о В. Е. Якушкинѣ.—Г. Тимофеевъ. Даргомыжскій и знач. его творчества.— М. Ковалевскій. Первое собр. соч. Лопе де-Вега на русск. яз. Т. І.—К. Тимирязевъ. Изъ научной лѣтописи 1912 г. І. Отповѣдь виталистамъ.—В. Желѣзновъ. Новая книга о теоріи цѣнности. — Л. Слонимскій. Президентскій вопросъ во Франціи.—И. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе.—Литературное обозр. — С. Адріановъ. Критическіе наброски. — Иностранное обозрѣніе. — Вопросы внутренней жизни.—К. К. Арсеньевъ. 21 февраля.—Библіогр. листокъ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“. (1913—3). Заграничная хроника. І. Общественная жизнь: назначеніе Делькассэ франц. посломъ. Увеличеніе военныхъ силъ въ Германіи и Франціи Лондонскіе клубы. Разбойники прежде и теперь.— ІІ. Историческія новости: Послѣдніе дни пребыванія Луи Филиппа во Франціи. Воспом. о Цусимскомъ боѣ. — ІІІ. Изъ области науки: Новые искусственные питательные продукты. — І. Бойеръ. Жизнь. Съ норв. — К. Токутоми. Куросиво. Съ японск. — Э. Цаанъ. Женщина изъ Танно. Съ нѣм.—Э. де-Сеабра. Сокровища Бастиліи. Съ португ. — Д. Лондонъ. Великая сила. — О. Оли-

веръ. Осколки. — А. Шницлеръ. Смерть холостяка. — Б. Адамовичъ. Исторія неизвѣстнаго дома. — Англичанинъ о женщинѣ.

„Вѣстникъ Теософіи“. (1913—3). А. Безантъ. Путь къ посвященію и совершенствованію человѣка. Пер. В. Пушкиной.—Н. Павлинова. Пиѳагоръ. Перев. съ греч. — Ч. Ледбитеръ. Ясновидѣніе. Пер. М. Станюковичъ.—Е. Кузьминъ. Законъ свободы.—А. Франсъ. Жонглеръ Богоматери.—В. Рудичъ. Утренняя молитва, стих.—А. Унковская. Письмо о музыкѣ. — Л. Хернъ. Японскія легенды. Перев. Н. Александровой. — В. Пушкина. Обзоръ теософической литературы. — В. Молокинъ. Хроника теософическаго движенія. — Н. Т. Хроника жизни. — М. Г. Отчетъ о выступленіи педагогическаго кружка Р. Т. О-ва на женскомъ съѣздѣ по образованію.—Н. Т. Изъ газетъ и журналовъ.—Важное открытіе.—М. Каменская. Письмо изъ Адіара.—Вопросы и отвѣты.—Отзывы о книгахъ.

„Голосъ Минувшаго“. (1913—3). А. К. Дживилеговъ. Памяти Т. Н. Грановскаго.—М. М. Покровскій. Греческіе, римскіе и новѣйшіе гуманисты о положеніи женщины.—В. Викторовъ-Топоровъ. Светозаръ Марковичъ (изъ исторіи общественнаго движенія въ Сербіи).— А. В. Грузинскій. Источники разсказа Л. Н. Толстого „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“.—В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (характеристика). — Воспоминанія: Дневникъ Дюмона 1803 г. Собщ. С. М. Горяиновъ. Записки Поджіо. (Оконч.). Сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевъ. Съ предисл. С. П. Мельгунова. — Матеріалы: 1) Изъ неизд. переписки Н. В. Гоголя. Сообщ. В. В. Каллашомъ и П. Н. Сакулинымъ. 2) Грановскій и Шевыревъ. Ю. Соколова. 3) Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Сооб. В. И. Семевскимъ. 4) Заботы о довѣріи о-ва къ суду. Сообщ. В. Богучарскимъ.—Обзоръ журналовъ.— Критики и библіографія.—Хроника.—Л. Браунъ. Письма маркизы, романъ.

„Для Народнаго Учителя“. (1913 — 5). Л. Козловскій. — И. Гутеръ. Первый всероссійскій съѣздъ по семейному воспитанію.—Н. Мордвинова. Обученіе чтенію по методу „цѣлыхъ словъ“.— Н. Р. Природа воли и ея воспоминаніе.— Д. М. Б—скій. Два доклада. — Рѣдкій юбилей. — М. Тих—овъ. Внѣшкольное образованіе въ Моск. учебн. земствѣ.—Письма съ мѣстъ.— Библіографія.—В. Доброгурская. Обзоръ дѣтскихъ произведеній. Д. Н. Мамина-Сибиряка.—Н. Обзоръ журнальной и книжной литературы.— Д. М. Б—скій. Новѣйшее богоискательство. — Н. Чеховъ. Учительскія общества, ихъ задачи и организація.— Къ вопросу о пенсіонныхъ правахъ народныхъ учителей.—Хроника учительскихъ обществъ.— В. Бабаковъ. Школьный музей.— Разныя извѣстія.

„Дошкольное Воспитаніе“. (1913—3). Н. Лубенецъ. В. П. Балталонъ. — В. П. Балталонъ о значеніи дѣтскаго сада для школы.—Н. Румянцевъ. О колыбельной пѣснѣ. — Исторія развитія дѣтскихъ судовъ и ихъ воспитательное значеніе. Перев. съ фр. В. Зарницыной.—Волшебная сказка и роли ея въ жизни ребенка. Перев. съ анг. М. Парландъ.— Въ материнскихъ школахъ Базеля. Перев. съ фр. З. Веселкиной.— М. Петерсенъ. Домъ для куколъ. — К. Маевская. Программа занятій въ дѣтскомъ саду.—Педагогическая хроника. — Е. Розенъ. Письмо въ редакцію.—Анкета о дѣтскихъ идеалахъ.

„Естествознаніе и Географія“. (1913—1). И. Кавтарадзе. Лѣсныя сони въ неволѣ (изъ записн. кн. преподавателя).—Б. Клаттъ. О корреляціяхъ и проблемѣ унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ. Пер. Е. С.—Б. Яковлевъ. Ученическія экскурсіи по Уралу.—Б. Шмидъ. Психологія животныхъ въ преподаваніи біологіи. Пер. Е. С.— А. Ивановскій. Нѣсколько словъ о моей антропологической классификаціи. — Е. Чепуровскій. Sine iga.—Д-ръ П. Лэкс. Дѣйствіе электричества на ростъ растеній. Перев. Е. С.—Д-ръ К. Шеферъ. Двѣнадцать простыхъ опытовъ надъ воздухомъ, горѣніемъ и дыханіемъ. Перев. Е. С.— Н. Ѳ. Золотницкій. Акваріумъ и терраріумъ. Виваріумы и ихъ значеніе въ школьной жизни.— Критика и библіографія.—Смѣсь.—Хроника.

„Журналъ Министерства Юстиціи“. (1913—2). Обзоръ дѣятельности Министерства Юстиціи въ Госуд. Думѣ третьяго созыва.—Е. Н. Тарновскій. Вліяніе алкоголизма на преступность.—С. Н. Трегубовъ. Шпіонство и соприкасающіяся съ нимъ преступныя дѣянія по закону 5-го іюля 1912 г.—Г. А. Алексѣевъ. Законодательный починъ по русскому госуд. праву.—П. И. Палієнко. Новая доктрина народнаго суверенитета во франц. государствовѣдѣніи. (Оконч.) — Хроника.—Бар. А. М. Больбенъ. Гаагская международныя конвенціи $^{10}/_{23}$ іюля 1912 г. объ объединеніи законоположеній о векселяхъ.—П. И. Башиловъ. О хулиганствѣ, какъ преступномъ явленіи, не предусмотрѣнномъ закономъ.—И. Блиновъ. Историч. матеріалы, извлеченные изъ Сенатскаго Архива. Сенаторскія ревизіи.—Ф. Эннекенъ. Письма изъ Парижа. — Литературное обозрѣніе.—Библіографія.

„Завѣты“. (1913—2). Н. Клюевъ. Varia, стих.— И. Сѣверянинъ, Г. Вяткинъ, М. Пожарова, А. Черемновъ, А. Липецкій, стихотворенія.—В. Ропшинъ. То, чего не было, ром. (Продолж.)—И. Рукавишниковъ. Карма. — В. Шишковъ. Краля, разск.—А. И. Ивачинъ-Писаревъ. Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ“. — А. Эстерлингъ. Пока звонятъ колокола. Перев. со шведск. Ю. Балтрушайтиса. — Дж. Папини. Новеллы. Перев. съ итальянск. Ю. Балтрушайтиса.— П. Галлькремъ. Кукла. Перев. со шведск. Ю. Балтрушайтиса.—В. Черновъ. Первые дебюты четвертой Думы.— Н. Сухановъ. О марксистахъ и разрушеніи общины.—Г. Лагардель. Марксъ и Бакунинъ. (По новымъ документамъ). — С. В. Мартыновъ. Истинное происшествіе. (Изъ воспом.)—Вл. Княжнинъ. Добролюбовскій архивъ.— М. Пришвинъ. По градамъ и весямъ. Невидимый классъ.—Ивановъ-Разумникъ. Литература и общественность. Клопиныя шкурки. — В. Евгеньевъ. Н. А. Некрасовъ и реакція 60 — 70 гг. (По новымъ матеріаламъ). — Текущая жизнь.— Библіографія.

„Извѣстія по Народному Образованію“. (1913—2.) Правительственныя распоряженія.—С. М. Лукьяновъ. Къ учевію о государственности и церковности.—П. Е. Мижуевъ. Оксфордскій и Кэмбриджскій университеты. — В. А. Волковичъ и З. К. Столица. Второй международный конгрессъ по нравственному воспитанію.—Отзывы о книгахъ.

„Народное Образованіе“ (1913—1). В. Е. Мельниковъ. Праведникъ.—Уголки школьной жизни: Ѳ. Зеновъ. Старое и новое. (Страничка изъ исторіи нашего просвѣщ.) А. Баранкевичъ. Письмо. (Изъ записн. кн. уч-цы). Свящ. Е. Куликовъ.

Гриша-сирота.—Л. Смирновъ. Неотложныя задачи церковно-школьнаго просвѣщенія.—Г. П. Хорошій урокъ. (Объ одномъ педаг. заблужденіи).—Г. П. Дадите имъ ясти! (О ц.-сл. чтеніи).—А. Палимовъ. Чтеніе біографій.—Изъ школьной практики. свящ. М. Воскресенскій. Первые ур. Зак. Божія въ младшей группѣ. Свящ. Е. Куликовъ. Каллиграфія. Н. Бахтинъ. Весенніе цвѣты на урокахъ рис.—А. Палимовъ. Книжное и журнальное обозр.—Н. Тичеръ. Изъ иностр. педагогич. литературы.—Библіографическій отдѣлъ. Школьное дѣло на мѣстахъ. Разныя извѣстія и мелкія замѣтки о школьномъ дѣлѣ въ Россіи и за границей.—Почтовый ящикъ.—Школьное пѣніе.

„Народное Образованіе“. (1913—2). О. Зеновъ. Печали и радости учительства.—Уголки школьной жизни.—Свящ. І. Мултановскій. Законоучительство въ начальной школѣ.—Свящ. Е. Сосунцовъ. Законоучитель, какъ воспитатель учащихся.—Г. Поповъ. Генетическій методъ обученія.—Н. Баранкевичъ. Школа и хуторская жизнь.—А. Палимовъ. Развитіе дѣеспособности школьника.—Изъ школьной практики: Бѣловъ. Опыты самост. сочиненій въ 1-мъ отд. второкл. школы. М. Николаевичъ. Наши развлеченія. О. Зеновъ. О рисованіи въ нач. школѣ. Н. Бахтинъ. Весенніе цвѣты на урокахъ рисованія.—Книжное и журнальное обозр.—Изъ иностранной педаг. литературы.—Библіографическій отдѣлъ.—Школьное дѣло на мѣстахъ. Разныя извѣстія и мелкія замѣтки о школьномъ дѣлѣ въ Россіи и за границей.—Почтовый ящикъ.—Школьное пѣніе.

„Новая Жизнь“. (1913—2.) В. Г. Танъ. Ночью, очеркъ.—Игорь Сѣверянинъ. Въ іюнѣ, стих.—А. Петричъ. Бабули, повѣсть. (Оконч.)—П. Соловьева (Allegro). Краткія мысли, стих.—А. Крандіевская. Тайны радости, ром. (Продолж.)—Н. Минскій. Зеркало, стих.—К. Микаэлисъ. Стангеландъ. Книга о любви, ром. Перев. съ датск. М. Благовѣщенской. (Продолж.)—Ж.-Б.-П. Мольеръ. Казакинъ. Пьеса въ 1 д.—А. Рославлевъ. Стих.—А. Пругавинъ. Губернская фотографія, неопублик. стих. Д. Минаева.—Н. Березинъ. Сонъ и безуміе.—С. Изъ этапныхъ идиллій, сцены съ натуры. (Оконч.)—А. Крайній. Жизнь и литература: о „Я“ и „Что-то“.—С. Аникинъ. Гдѣ люди? (Къ разговорамъ объ амнистіи).—Д-ръ Г. Гордонъ. Бракъ и проституція въ сужденіяхъ современной молодежи. (По матер. общестуденч. анкеты).—Л. Клейнбортъ. Въ столицахъ мумъ.—И. Сазоновъ. Идеальное и матеріальное въ политикѣ.—П. Берлинъ. „Опаснѣе врага“.—Критика и библіографія.

„Новый Журналъ для Всѣхъ“. (1913—2). В. Муйжель. Учительница.—А. Хирьяковъ. Хранители.—Гольдебаевъ. Мутсухито.—М. Юлетъ. Мессере Чино и горячіе уголья.—С. Клычковъ, Н. Власовъ и В. Аренсъ, стихотворенія.—Е. Колтоновская. На рубежѣ.—М. Новорусскій. Прогрессъ техники.—С. Ан-скій. Литература интеллигенціи для народа.—П. Быковъ. Былыя знакомыя лица.—Л. Клейнбортъ. Женскіе дни.—Ст. Ивановичъ. Текущая жизнь.—П. Б. Страницы прошлаго.—Новыя книги.

„Педагогическій Листокъ“. (1913—3). А. Кревинъ. Педагогическія идеи Л. Н. Толстого и Ж.-Ж. Руссо.—А. Лебедевъ. На ложномъ пути.—Н. Кривободровъ. На вечернихъ урокахъ.—А. Коринфскій. Во дни безвременья, стих.—С. О. Сѣрополко. Ц. П. Балталонъ, некрологъ.—С. С-о. Доброе начало въ дѣятельности Моск. Гор. Думы.—Н. Дружининъ. Въ помощь самообразованію.—Д. Н. Маминъ-Сибирякъ о самомъ себѣ.—Дѣти и театръ.—Хроника.—Курсы по библіот. дѣлу.—Лѣтніе учительскіе курсы въ Москвѣ въ 1913 г.—Библіографія.

„Педагогическій Сборникъ“. (1913—3). В. Будановъ. Изъ разговоровъ въ учительской.—К. Сангайло. Половой вопросъ и школа.—Е. Г. Сарминскій. Къ вопросу о практической сторонѣ воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ.—А. Богаевскій. Нѣсколько словъ о преподаваніи въ военныхъ училищахъ исторіи русской арміи.—В. А. Бернацкій. По поводу 50-лѣтія Гл. Управл. военно-учебныхъ заведеній.—Изъ дневника редакціи (о воспитательскомъ чтеніи).—Критика и библіографія.

„Природа“. (1913—2). Л. А. Тарасевичъ. Памяти В. В. Подвысоцкаго.—Проф. Н. А. Умовъ. Физическія науки въ служеніи человѣчеству.—А. Рождественскій. Огонь.—К. Дозеръ. Клѣточные вихри.—Проф. Е. Шеферъ. Природа, происхожденіе и сохраненіе жизни. II.—Проф. Г. И. Танфильевъ. Полярныя страны.—Научныя новости и хроника.—Смѣсь.—Астрономическія извѣстія.—Географическія извѣстія.—Метеорологическія извѣстія.—Библіографія.

„Просвѣщеніе“. (1913—2). М. Горькій. Вездесущее.—Л. Старкъ. Старикъ, стих.—В. И. Что дѣлается въ народничествѣ и что дѣлается въ деревнѣ.—Демьянъ Бѣдный. Свѣча, басня.—В. Оль-скій. Стоимость культа.—Политикусъ. Ближневосточный узелъ.—Г. Зиновьевъ. Къ итогамъ 1912 г.—М. Ольминскій. Я васъ арестую.—Н. Чужой. Обзоръ рабочаго движенія.—К. Къ нашимъ разногласіямъ.—Л. Германовъ. Сибирскіе очерки.—Ю. Каменевъ. Объ обязанностяхъ демократа (отвѣтъ Чернову).—Библіографія.

„Русская Мысль“. (1913—3). В. Брюсовъ. Стихотворенія.—В. С. Сѣрова. А. Н. Сѣровъ. Воспомин. (Продолж.)—А. Беннетъ. Леонора, ром. Перев. съ англ. Э. К. Пименовой.—П. Соловьева (Allegro). Стих.—А. Маръ. Идущіе мимо, повѣсть.—Я. Шеффферъ. Двѣ казни, новеллы. Перев. Ф. О. Ельяшевичъ съ нѣм.—Н. Крандіевская. Стихотворенія.—А. А. Корниловъ. Семейство Бакунинныхъ. (По непзд. матеріаламъ).—Г. Вильямсъ. Потомки. Греки въ Турціи.—Дм. Болдыревъ. „Зосима“ Достоевскаго и „Брандъ“ Ибсена.—П. А. Тверской. Современное Мексико.—А. Люгеръ. Фр. Геббель.—П. П. Толмачевъ. Открытіе полюсовъ и изслѣдованіе полярныхъ странъ.—В. Брюсовъ. Новое теченіе въ русской поэзіи. Футуристы.—Матеріалы по исторіи русск. литер. и культуры: І. Три письма Л. Н. Толстого. Сообщ. И. Накашидзе. II. Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ Н. А. Блокъ. Сообщ. Д. А. Корсакъ.—Въ Россіи и за границей.—Критическое обозрѣніе.

„Русская Старина“. (1913—3). П. Д. Боборыкинъ. За полвѣка.—А. Д. Александровъ. Неизданныя письма Ѳ. М. Достоевскаго.—Г. И. Бобриковъ. Въ Царьградѣ въ 1878—79 гг.—Кн. М. В. Волконская. За 38 лѣтъ.—К. Шумскій. Эпизодъ изъ обороны Портъ-Артура.—В. Шереметевской. Басурманская неволя.—Депутатъ отъ Россіи. (Воспом. и переписка О. А. Новиковой). Сообщ. Е. С. М.—А. Ѳ. Андріяшева. Воспоминаніе стараго педагога.—А. Е. К. М. П. Драгомировъ—ген.-губернаторъ.—С. О. Долговъ. Сто лѣтъ назадъ.—М. Ф. Чулицкій. Изъ ста-

рыхъ дѣлъ о сумасбродѣ Иванѣ Андроевѣ.— В. Я. Остатки художеств. прошлаго.— В. Тимощукъ. Наполеонъ на о. св. Елены.— А. Лебедевъ. Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтлова.— В. Корсакова. Кн. П. С. Мещерскій.— Н. Морозовъ. Люди и нравы за полвѣка.— Изъ записной кн. „Р. С.“— Пребываніе въ Вѣрномъ и встрѣча Кауфмана. (Изъ 4-го путеш. въ 1867 г. А. И. Макшеева). Сообщ. Н. А. Макшеевъ.— И. Суворовъ. Каковы были лавки винной монополіи въ XVII в. (1692 г.).— Библіографическій листокъ.

„Современникъ“. (1913 — 3). М. Горькій. Хозяинъ, повѣсть.— А. Черный. Стих.— А. Туркинъ. На вѣчное владѣніе, разск.— Д. Ремъ. Стих.— В. І. Дмитріева. Сухари, повѣсть.— П. Сурожскій. Саша Таганковъ; разск.— Г. Вяткинъ. Стих.— Эсъ де-Керосъ. Преступленіе отца Амаро, ром. Перев. Т. Н. Герценштейнъ.— Б. Бергъ. Геннисаретъ, ром. Перев. со шведск. К. Жихаревой.— Мих. Павловичъ. Великіе желѣзно-дорожные и морскіе пути будущаго.— Г. Плехановъ. Чернышевскій въ Сибири.— Ю. Делевскій. Внутренніе антагонизмы пролетаріата.— В. Богучарскій. Конституціонный проектъ гр. П. П. Шувалова.— П. Е. Щеголевъ. Разумные совѣты изъ крѣпости (по неизд. матеріаламъ).— Б. Г. Данскій. Страхованіе и страховая кампанія — Новое о прошломъ: Л. Н. Толстой о И. С. Тургеневѣ. (Письмо къ А. Н. Пыпину).— А. Черный. Сатиры.— Итоги и факты.— Новыя книги.— Хроника заграничной жизни.

„Сѣверныя Записки“. (1913—2). А. Блокъ. Угнетеніе, стих.— Б. Садовскій. Побѣги жизни, повѣсть.— П. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина.— А. Ремизовъ. Сказки.— В. Шеферъ. Исторія одного ожерелья. (Продолж.). Перев. М. Розенфельдъ.— С. Парнокъ. Пять стихотв.— А. Герцыкъ. Мои романы.— Д. Койгенъ. Стиль въ политикѣ.— Д-ръ Н. Шварцъ. О свободной пересадкѣ тканей и органовъ.—Н. Машковцевъ. Искусство и музей — О. Степпунъ. „Екатерина Ивановна“ на сценѣ Художественнаго театра.— Дм. Илимскій. Земскія силы Сибири.— Б. Черненковъ. Пять лѣтъ „аграрной реформы“.— Г. Ландау. Политическія замѣтки.— Очерки иностранной жизни.— Замѣтки о книгахъ.

„Учительское Дѣло“. (1912—1). Я. Душечкинъ. Вокругъ да около.— Н. Н. Народный учитель на лѣтнихъ курсахъ.— А. Якобсонъ. Что читать по астрономіи?— Е. М. Чарнолуская. Рекомендація книгъ для дѣтскаго чтенія и новые каталоги 1912 г.— Объ учительскихъ курсахъ въ Петербургѣ въ 1913 г.— Общеобразовательныя экскурсія за границу.— Приключеніе съ учительской пенсіей.— Правительственныя постановленія и распоряженія.— Библіографія.— Вечерніе курсы ручного труда для учителей и учительницъ.— Отъ редакціи.

Издатели: { В. Крандіевскій. / В. Носенковъ.
Редакторъ В. Крандіевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Книжный складъ Т-ва А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.

Москва, Трехпрудный, с. д., тел. 503-88.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1092 года, изданное Румянцевскимъ музеемъ, воспроизведенное буква въ букву съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей пергамента, письменъ и переплета. Ц. 100 р.

ДЕЛЬВИГЪ, Мои воспоминанія. Изд. Румянц. музея. Ц. 2 р. 50 к.

ВИКТОРЪ МИХАЙЛ. ВАСНЕЦОВЪ. Русскія пословицы и поговорки. Художествен. альбомъ. Ц. 10 р.

Итальянскія сказки, подъ редакц. М. Горькаго, пер. Андреевой. Т. I, ц. 1 р. 25 к., т. II, ц. 75 к. (съ рис.).

Словаръ иностранныхъ словъ, 2-е изд., ц. 1 р. 50 к.

Французско-русскій словарь, ц. 2 р.

Русско-англійскіе разговоры, цѣна 1 руб. 25 коп.

„МОСКВА“, роскошно иллюстрирован. альбомъ, размѣр. 6 × 7¾ вер., съ текстомъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ языкахъ, ц. въ папкѣ 4 р. экз.

Американскіе синдикаты — М. И. Назаревскій, ц. 2 р. 80 к.

Изданія „ОКТО“:

Письма Л. Н. Толстого, ц. въ пер. 2 руб., безъ пер. 1 р. 50 к.

„Библіотека классиковъ“: Шекспиръ I и II т., Гомеръ, Байронъ I и II т., Гете, т. I, II, III, цѣна за томъ 2 р. 50 к. (Гомеръ— 3 р. 50 к.). Мольеръ, Шиллеръ печатаются. Принимается подписка на всю библіотеку (12 томовъ) на слѣд. условіяхъ: цѣна 31 р., задатокъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждаго тома 2 р. 50 к. (соч. Гомера 3 р. 50 к.). Задатокъ вычитается при доставленіи послѣдняго тома.

Историческіе очерки — А. А. Кизеветтеръ, ц. 3 р.

Образы прошлаго—М. О. Гершензонъ, ц. 3 р.

Гете — „Фаустъ“ (отд. вып.), ц. 1 р.

Байронъ — Чайльдъ Гарольдъ, ц. 50 к.

Байронъ — Донъ-Жуанъ, ц. 1 р.

Вся библіотека классиковъ выпускается въ переплетахъ.

Толстовское Общество.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ Л. Н. ТОЛСТОГО. Художествен. альбомъ, разм. 7½ × 10½ верш., въ рисункахъ художн. В. Россинскаго. Ц. 7 руб.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Иностранная литерарура.

701. **Уайльдъ.** Герцогиня Падуанская.
702—705. **Флоберъ.** Мадамъ Бовари.
706. **Раффи.** Джалаледдинъ.
707. **Реймонтъ.** Изъ дневника.
708—711. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ I.
712. **Агаронянъ.** Матери и др. разск.
713. **Мопассанъ.** Пышка и др. разсказы.
714. **Крагъ.** Стефанъ Герцъ. Собака.
715—716. **Деларю-Мардрюсъ.** Изступленная.
717. **Мопассанъ.** Нездѣшній и др.
718—721. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ II.
722. **Мендесъ.** Лесбія и др. разск.
723. **Верга.** Исторія одной малиновки.
724—727. **Вассерманъ.** Исторія юной Ренаты Фуксъ.
728. **Мопассанъ.** Иветта.
729—731. **Дюма-сынъ.** Дама съ камеліями.
732. **Михаэлисъ.** Опасный возрастъ.
733—734. **Шиллеръ.** Разбойники.
735. **Мольеръ.** Скупой.
736—737. **Лоти.** Исландскій рыбакъ.
738. **Мелль.** Разсказъ о рабѣ-евреѣ.
739—742. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ III.
743. **Мопассанъ.** Домъ Телье.
744—747. **Бласко-Ибаньесъ.** Мертвые повелѣваютъ.
748. **Верлэнъ.** Избранныя стихотворенія.
749—750. **Ожешко, Э.** Мепръ Эзофовичъ. Ч. I
751—752. **Ожешко, Э.** Мепръ Эзофовичъ. Ч. II.
753. **Диккенсъ, Ч.** Рождественская пѣснь въ прозѣ.
754—757. **Реймонтъ.** Мужики. Романъ Ч. IV. (Лѣто).
758. **Диккенсъ.** Колокола.
759—761. **Лагерлефъ, С.** Домъ Лиліекроны.
762. **Михаэлисъ, К.** Эльзи Линдтнеръ.
763. **Мопассанъ.** Лунный свѣтъ.
764—766. **Пшибышевскій, С.** Сумерки.
767. **Кастельнуово, Э.** Рыцари непорочной.
768—769. **Андрэ, П.** Мужскія письма.
770. **Байронъ.** Сарданапалъ.
771—773. **С. Михаэлисъ.** «1812. Вѣчный сонъ».
774. **Мопассанъ.** Напрасная красота.
775—780. **Г. Манъ.** Охота за любовью.
781. **Мопассанъ.** Оливковый садъ.
782—783. **Гейерстамъ.** Власть женщины.
784—785. **Ренье.** Необычайные любовники.
791—793. **Тетмайеръ.** Яносикъ Нендза Литмановскій.
794. **Бальзакъ.** Любовь подъ маской.
795—798. **Стриндбергъ.** Исповѣдь безумца.
799. **Гартлебенъ.** Гостепріимный пасторъ.
802—805. **Флоберъ.** Саламбо.
807—809. **Майнъ-Ридъ.** Ползуны по скаламъ.
810—811. **Мопассанъ.** Сказки дня и ночи.

Разсказы Джека Лондона.

431. Любимцы Мидаса.
786. Лунный ликъ.
790. Богъ его отцовъ.
806. Любовь къ жизни.
812. Мужская вѣрность.
816. Когда боги смѣются.
822. Сила женщины.
825. Послѣдняя борьба.

Русская литература.

570. **Жуковскій.** Наль и Дамаянти.
571. **Жуковскій.** Рустемъ и Зорабъ.
572. Слово о полку Игоревѣ.
573. **Маркъ Криницкій.** Пошлость.
574. Пѣсни каторги. Собр. В. Гартевельдъ.
575—577. **Нарѣжный.** Бурсакъ.
578. **Богдановичъ, И. Ѳ.** Душенька.
579. **Ленскій, Д.** Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. **Мей, Л. А.** Царская невѣста.
581. **Мей, Л. А.** Псковитянка.
584. **Гусевъ-Оренбургскій.** Капитанъ Кукъ и др.
585. **Ковалевскій, К.** Жизнь-мгновеніе.
586. **Ѳ. Сологубъ.** Опечаленная невѣста.
587. **Толстой.** Отецъ Сергій.
590. **Л. Андреевъ.** Разсказъ о семи повѣшенныхъ.

Серія карманныхъ словарей.

601—604. **Французско-русскій.**
605—608. **Русско-французскій карманный.**
Цѣна каждаго словаря 50 коп. въ переплетѣ.

Научно-популярная литература.

651. **Э. Пименова.** Наполеонъ I.
652. **Т. Богдановичъ.** Александръ I.
653—657. **Сегюръ.** Походъ въ Россію.
658. **В. Пичета.** Причины Отечественной войны.
659. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. I.
660. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. II.
661. **Т. Сократора (Алабина).** Наполеонъ въ Россіи.
662. **Г. Швабъ.** Мины классической древности Походъ аргонавтовъ.
663. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. III.
664. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. VI.
665—666. **Л. Гартманъ.** Паденіе античнаго міра.
667. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. V.
669. **Дж. Уотсонъ.** Наслѣдственность.

Юбилейная литерат. (1613—1913).

670—671. **В. Пичета.** Смутное время въ Московскомъ государствѣ.
672. **В. Филатовъ.** Родъ бояръ Романовыхъ.
673. **Е. Богрова.** Дмитрій I.
674. **М. Н. Коваленскій.** Московская смута XVII в. Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 г.

Подробные каталоги высылаются безплатно.

Цѣна каждаго номера 10 коп. (Двойные выпуски — 20 к. Тройные выпуски — 30 к. Четверные выпуски — 40 к.)

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ и у газетчиковъ.

Заказы не менѣе, чѣмъ на 1 р. 50 к. исполняются главной конторой наложеннымъ платежемъ.

Главная контора Кн-ва „ПОЛЬЗА" В. Антикъ и К°.

Москва, Козицкій пер., д. № 42.

Книгоиздательство и книжный складъ „НАУКА“.

Москва, Бол. Никитская, д. № 10. Телефонъ 2-54-99.

Библіографическій ежегодникъ. Подъ редакціей Н. В. Владиславлева. (Выходитъ ежегодно въ февралѣ). Выпускъ I. 1912 г. Ц. 60 к. Вып. II. 1913 г. Ц. 90 к. Содержаніе II выпуска: Указатель вышедшихъ за годъ книгъ, Указатель рецензій, Указат. журн. статей, Указат. конфискованныхъ за годъ изданій.

НОВЫЯ КНИГИ:

Н. Ульяновъ. Указатель журн. литературы (алфавитный, предметный, систематическій). Вып. II. 1895—1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Л. Радловъ. Философскій словарь. Ц. 2 р.

Корренсъ. Новые законы наслѣдственности. Ц. 80 к.

С. Фрейдъ. Психоанализъ дѣтскаго страха. Ц. 1 р.

А. П. Артари. Руководящіе принципы оцѣнки воды по флорѣ. (Печатается).

Г. Де-Фризъ. Мутаціи и наслѣдственность. (Печатается).

Л. Доннастеръ. Наслѣдственность въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій. Ц. 80 к.

Н. В. Воронковъ. Планктонъ прѣсныхъ водъ. (Печатается).

Р. К. Пеннетъ. „Монделизмъ“. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Сиоттъ. Эволюція растительнаго міра. (Печатается).

П. П. фонъ-Веймарнъ. Новая систематика аггрегатныхъ состояній матеріи и основной законъ дисперсоидологіи. Ц. 75 к.

Его же. Основы дисперсоидологической теоріи истинныхъ растворовъ. Ц. 40 к.

Б. В. Бызовъ, М. М. Кучеровъ, П. П. фонъ-Веймарнъ. Успѣхи коллоидной химіи за 50 лѣтъ. Ц. 1 р. 50 к.

Новости науки. Сборникъ популярныхъ статей. Ц. 50 к.

В. Оствальдъ. Основы физической химіи. Ц. 5 р., въ переплетѣ—6 р. 20 к.

Его же. Важнѣйшія свойства коллоиднаго состоянія матеріи. Ц. 40 к.

Б. Робертсонъ. Бѣлковыя вещества. Ц. 2 р.

Дж. Дж. Томсонъ. Взаимоотношеніе между матеріей и эопромъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области электричества. Ц. 20 к.

Эдвинъ Эдсеръ. Общая физика. Основныя свойства матеріи. Ц. 3 р. 80 к., въ переплетѣ—4 р. 10 к. и 4 р. 80 к.

О. Д. Хвольсонъ. Сохраненіе и разсѣяніе энергіи. Ц. 25 к.

Ламаркъ. Философія зоологіи. Ц. 2 р.

Калкинсъ. Протозоологія. Ц. 2 р.

О Гертвигъ. О развитіи біологіи въ XIX столѣтіи. Ц. 35 к.

Щелкановцевъ, проф. Краткій курсъ зоологіи. Ц. 2 р. 50 к.

А. Н. Сѣверцевъ, проф. Этюды по теоріи эволюціи. Ц. 2 р. 50 к.

В. Оствальдъ. Колесо жизни. Физико-химическія основы процесса жизни. Ц. 40 к.

С. Аррениусъ. Судьба планетъ. Ц. 30 к.

С. Аррениусъ. Вселенная. Ц. 20 к.

А. Алениченъ. Обитаема ли луна? Ц. 30 к.

В. Н. Линдъ. Практическое руководство къ опредѣленію звѣрей, водящихся въ Европ. Россіи. Ц. 35 к.

В. В. Челинцевъ, проф. Основныя химическія понятія, законы и теоріи. Ц. 35 к.

„Школьное Дѣло".

НАГЛЯДНЫЯ УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ.

МОСКВА,

Кузнецкій Мостъ, пассажъ Джамгаровыхъ. Телефонъ 178-83.

Наглядныя учебныя пособія по всѣмъ предметамъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Выпущены научно-систематизированные каталоги на русскомъ языкѣ по естествовѣдѣнію и географіи, со списками пособій, необходимыхъ при прохожденіи этихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Учебнымъ заведеніямъ и гг. преподавателямъ каталоги высылаются безплатно.

Оборудованіе физическихъ и химическихъ кабинетовъ.

Русская Мысль.

Продолжается подписка на 1913 г. Редакторъ-издатель *П. Б. Струве*. 15 марта вышла въ Москвѣ мартовская книга. Содержаніе: I. 8 стихотвореній.—ВалеріяБрюсова. II. Александръ Николаевичъ Сѣровъ. Праздники и будни въ нашей совмѣстной жизни. Глава VIII—XI. Воспоминанія В. С. Сѣровой. Продолженіе. III. Леоворa. Романъ А. Веннетта. Пер. Э. К. Пименовой. IV. Стихотворенія.—П. Соловьевой (Allegro). V. Идущіе мимо. Повѣсть. Анны Маръ. VI. Двѣ казни. Новеллы Якова Шаффнера. Пер. Ф. О. Ельштевичъ. VII. Стихотвореніе.—Нат. Крандіевской. VIII. Семейство Бакунинныхъ. (По неизданнымъ матеріаламъ) — А. А. Корнилова. IX. Потомки. Греки въ Турціи.—Г. Вильямса. X. „Зосима" Достоевскаго и „Брандъ" Ибсена.—Дм. Болдырева. XI. Современное Мексики.—П. А. Тверского. XII. Фридрихъ Геббель.—Артура Лютера. XIII. Открытіе полюсовъ и изслѣдованіе полярныхъ странъ. — П. П. Толмачева. XIV. Новыя теченія въ русской поэзіи. Футуристы.—Валерія Брюсова. XV. Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры: I. Три письма Л. Н. Толстого. — Илья Накашидзе. I. Изъ переписки К. Д. Кавелина съ Н. А. Блокъ. Сообщилъ Д. Л. Корсаковъ. XVI. Въ Россіи и за границей. Обзоры и замѣтки. I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. — А. Ф. Старосельскаго, А. С. Изгоева, П. И. Левина и И. О. Левина. II. Литература и искусство. А. А. Кондратьева, Александра Эліасберга, графа Ф. де-Ла-Барта, Валеріана Чудовскаго и Р. Бернштейнъ-Вишницеръ. III. Философское движеніе. — С. Л. Франка. IV. Школа и воспитаніе. — Д-ра Г. Гордона и А. А. Кауфмана. V. Некрологъ. XVII. Критическое обозрѣніе. XVIII. Объявленія. Условія подписки: Съ дост. и перес. Въ Россіи; годъ 15 р., 9 мѣс. 11 р. 25 к., 6 мѣс. 7 р. 50 к., 3 мѣс. 3 р. 75 к. За границу: годъ 17 р., 9 мѣс. 12 р. 75 к., 6 мѣс. 8 р. 50 к., 3 мѣс. 4 р. 25 к. На одинъ мѣсяцъ только для иногородныхъ внутри Россіи 1 р. 25 к. Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 1 р. 50 к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ Петербургѣ въ главной конторѣ журнала: Нюстадтская, д. 6 (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ Вражекъ, д. 20, кв. 3, также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, СПБ. Гостинный дворъ и Москва на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 88-60 и 131-34.

Контора журнала „Бюллетени“ проситъ гг. подписчиковъ, подписавшихся въ разсрочку, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала, поспѣшить со взносомъ за послѣднюю треть подписного года.

Ц. 25 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 15-16. Апрѣль. 1913.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. **Отъ „ига свободы“ къ свободѣ истинной** 675
2. **Мы и Западъ** 679
3. **Новая фантазія о судьбѣ человѣчества.** („Ostatnia godzina“ Т. Кончинскаго.) 681
4. **Борьба за жизнь передъ плахой.** („Палачъ“ Якова Шаффера.) 684
5. **Арцыбашевъ о ревности** 687
6. **Свѣтъ и тѣни въ любви композитора Сѣрова** 689
7. **Элементъ игры въ жизни и творчествѣ Гоголя** 694
8. **Новое о В. М. Гаршинѣ.** (Къ 25-ти лѣтію со дня его смерти) ... 697
9. **„Не отъ міра сего“ — близкій міру сему.** (Вл. С. Соловьевъ) ... 699
10. **Изъ литературнаго прошлаго.** (Пушкинъ.— Гоголь.— Бѣлинскій.— Достоевскій. — Тургеневъ. — Салтыковъ.—Минаевъ.—Верлэнъ.) 709
11. **Мопассанъ по воспоминаніямъ его слуги.** (Мопассанъ и женщины.—Болѣзнь Мопассана) 718
12. **Одинъ изъ современныхъ мучениковъ за вѣру.** (Исторія жизни К. А. Малевичнаго) 723
13. **Энтузіазмъ шестидесятыхъ годовъ** 727
14. **Современная наука о причинахъ эволюціи организмовъ** .. 729
15. **Побольше уваженія къ печатному слову** 734

Отзывы о книгахъ. — Новыя книги. — Содержаніе журналовъ. — Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Москва, Б. Никитская, д. 10, кн. маг. „Наука“. Тел. 25-99. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

Торговый Домъ „Модный міръ“.

Журналъ модъ и выкройки.

МОСКВА. Голофтѣевскій пассажъ. №№ 21 и 22. Телеф. 272-37.

Каталогъ № 79 высылается безплатно.

ПРИМАНКА „РЫБОЛИНЪ“.

НЕОБХОДИМОЕ СРЕДСТВО для УСПѢШНАГО УЖЕНІЯ РЫБЫ.

При пользованіи этой приманкой не приходится сидѣть съ удочкой и ждать часами, когда рыба случайно натнется на насадку. Примѣшанный къ насадкѣ „Рыболинъ“ далеко распространяетъ въ водѣ любимый рыбами запахъ.

РЫБА НЕПРОИЗВОЛЬНО ПРИБЛИЖАЕТСЯ И КЛЮЕТЪ.

Большой флаконъ „РЫБОЛИНА“ съ пересылкой и упаковкой 1 руб. 50 коп. Три большихъ флакона 3 руб. 50 к. Въ Азіатскую Россію добавляется по таксѣ.

Приманка „Рыболинъ“ выпущена фирмою въ продажу уже болѣе десяти лѣтъ и употребляется всѣми московскими любителями.

Складъ „РЫБОЛИНА“ для всей Россіи у изобрѣтателя

И. ГЛАЗУНОВЪ, МОСКВА, Столешниковъ, № 8.

АБСОЛЮТНАЯ БЕЗВРЕДНОСТЬ ПРИМАНКИ ГАРАНТИРУЕТСЯ.

Каталогъ рыболовныхъ снастей съ образцами высыл. за 3 семи-коп. марки.

Книжный складъ Т-ва А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.

Москва, Трехпрудный, с. д., тел. 503-88.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1092 года, изданное Румянцевскимъ музеемъ, воспроизведенное буква въ букву съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей пергамента, письменъ и переплета. Ц. 100 р.

ДЕЛЬВИГЪ, Мои воспоминанія. Изд. Румянц. музея. Ц. 2 р. 50 к.

ВИКТОРЪ МИХАЙЛ. ВАСНЕЦОВЪ. Русскія пословицы и поговорки. Художествен. альбомъ. Ц. 10 р.

Итальянскія сказки, подъ редакц. М. Горькаго, пер. Андреевой. Т. I, ц. 1 р. 25 к., т. II, ц. 75 к. (съ рис.).

Словарь иностранныхъ словъ, 2-е изд., ц. 1 р. 50 к.

Французско-русскій словарь, ц. въ переп. 1 р. 50 к., безъ переп. 1 25 к.

Русско-англійскіе разговоры, цѣна 1 руб. 25 коп.

Россійскій гербовникъ. Худож. въ краск. исполн. гербы 11-ти универс. губерній и Костромской. Ц. 2 р.

Щепкина-Куперникъ. Разрозненныя страницы, ц. 1 р.; Облака, ц. 1 р.; Письма изъ далека, ц. 1 р.

Американскіе синдикаты — М. И. Назаревскій, ц. 2 р. 80 к.

Изданія „ОКТО“:

Письма Л. Н. Толстого, ц. въ пер. 2 руб., безъ пер. 1 р. 50 к.

„Библіотека классиковъ“: Шекспиръ I и II т., Гомеръ, Байронъ I и II т., Гете, т. I, II, III, цѣна за томъ 2 р. 50 к. (Гомеръ—3 р. 50 к.). Мольеръ, Шиллеръ печатаются. Принимается подписка на всю библіотеку (12 томовъ) на слѣд. условіяхъ: цѣна 31 р., задатокъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждаго тома 2 р. 50 к. (соч. Гомера 3 р. 50 к.). Задатокъ вычитается при доставленіи послѣдняго тома.

Историческіе очерки — А. А. Кизеветтеръ, ц. 3 р.

Образы прошлаго — М. О. Гершензонъ, ц. 3 р.

Гете — „Фаустъ“ (отд. вып.), ц. 1 р.

Байронъ — Чайльдъ Гарольдъ, ц. 50 к.

Байронъ — Донъ-Жуанъ, ц. 1 р.

Вся библіотека классиковъ выпускается въ переплетахъ.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
строка петита . . 50 к.

№№ 15-16 — Апрѣль 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 7 м.—1 р. 80 к.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Отъ «ига свободы» къ свободѣ истинной.

Ни одно слово, ни одно понятіе не способно заставить сердце человѣческое биться такъ сильно, какъ понятіе „свободы“. И это понятно, ибо лишь при условіи „свободы“ мыслимо осуществленіе въ полной мѣрѣ всѣхъ остальныхъ условій общественнаго или индивидуальнаго счастья. Прекрасны понятія „любви“, „братства“, „равенства“, „знанія“, но лишь прибавивъ къ каждому изъ нихъ слово „свобода“, мы увидимъ ихъ „во весь ростъ“ и рядомъ съ ними мы увидимъ нашъ собственный образъ — образъ „человѣка“ во весь ростъ его духовной мощи, лицомъ къ лицу съ высшей радостью и высшимъ смысломъ бытія.

Есть пѣвцы, есть борцы, есть учителя свободы... „Свобода дороже жизни“, но... что же такое та свобода, за которую умираютъ, которую славятъ поэты? Является ли понятіе и идея свободы *всегда* яснымъ и *полнымъ* въ нашемъ представленіи?

Въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника Теософіи“ помѣщена статья Е. Кузьмина „Законъ свободы“. Не претендуя на особенную новизну и оригинальность мыслей, она цѣнна именно въ томъ отношеніи, что въ ней ярко встаетъ идея истинной свободы, которую міръ или забылъ, или не пріялъ, или подъ видомъ цѣлаго пріялъ лишь часть ея.

„Если уже добиваться свободы,—говоритъ Кузьминъ,—такъ надо, по крайней мѣрѣ, ясно сознавать цѣль своихъ стремленій, ясно понять и прочувствовать ея истинную суть и тѣ формы, въ которыя она должна вылиться, иначе мы рискуемъ принять обманчивый миражъ за источникъ живой воды.

Каковъ же типъ подлинно свободнаго человѣка?

Большинство опредѣляетъ его, какъ имѣющаго возможность *дѣлать* все, чего ни *пожелаетъ*, хочетъ пить — пьетъ, хочетъ бить — бьетъ, захотѣлось говорить—говоритъ. Однимъ словомъ — „чего моя нога хочетъ“, какъ образно опредѣляетъ эту свободу русскій народъ.

Съ внѣшней стороны дѣйствительно всѣ признаки свободы налицо. Да и какъ же понимать свободу, какъ не въ правѣ и возможности дѣлать именно то, чего тебѣ хочется.

Но вотъ маленькое обстоятельство, которое не всегда берется въ расчетъ: всегда ли человѣкъ свободенъ въ этомъ самомъ своемъ *хотѣніи*?

Беру грубый примѣръ. Хочетъ пьяница пить, идетъ въ кабакъ и пьетъ. Съ одной стороны — *захотѣлъ*, съ другой — исполнилъ свое хотѣніе. А могъ ли не исполнить? Болѣе того: могъ ли *не хотѣть*?

„Хотѣлъ бы не хотѣть, да не могу“, отвѣтитъ большинство, не утерявшее еще способности мыслить. „Не могу не хотѣть, *долженъ* хотѣть, *организмъ* требуетъ“, т.-е. „что-то“, не я, хотя и мнѣ принадлежащее, какъ разъ это „чего моя нога хочетъ“... нога, а не я.

Вглядитесь въ жизнь—они всѣ жизни подобныхъ пьяницъ: одинъ не можетъ спать, не выкуривши папиросы, другой безъ утренняго кофе совершенно не способенъ къ труду, третьему нужна рюмка водки, иначе обѣдъ не въ обѣдъ, четвертый не заснетъ безъ ночника, пятому нужна абсолютная темнота, и всѣ это продѣлываютъ, и всѣ убѣждены, что дѣлаютъ это „свободно“. Но что это за свобода, когда нѣкая сила, порою вопреки моему сознанію, даже вопреки моему дѣйствительному желанію все-таки заставляетъ меня „желать“ то, чего хочетъ она, и не только желать, но и подчи-

питься этой чужой, навязанной, но ставшей уже какъ бы моей, съ растворившей со мною воли чужой.

Недаромъ одинъ замѣчательный, хотя малоизвѣстный въ широкихъ кругахъ общества, духовный наставникъ — епископъ Феофанъ — пишетъ:

„Кто хочетъ вести брань съ собою, тотъ долженъ раздѣлить себя на себя и на врага, кроющагося въ немъ“. Правильнѣе было бы только сказать не врага, а враговъ, ибо, пристально взглядѣвшись въ суть нашей людской природы, мы дѣйствительно должны убѣдиться въ крайней сложности ея состава.

Даже современная наука признаетъ наличность нѣсколькихъ сознаній съ разно направленной волей.

Въ сущности вышеприведенная пословица относительно ноги далеко не столь безсмысленна, какъ это можетъ сразу показаться. *Тѣло дѣйствительно имѣетъ свою особую волю*, проявляющуюся въ рядѣ предъявляемыхъ имъ требованій, иногда разумныхъ, но чаще безразсудныхъ.

Тѣло требуетъ не только крайне необходимаго, какъ многіе предполагаютъ, а гораздо большаго. Оно дѣйствительно, какъ нѣкое *самостоятельное отъ насъ* существо, хочетъ *для себя* особыхъ чувственныхъ удовольствій, совсѣмъ не считаясь съ тѣмъ, какъ это отзовется на немъ самомъ, какія послѣдствія будутъ и для духовной жизни человѣка.

Съ этой стороны его скорѣе слѣдуетъ разсматривать, какъ животное, которое, если не будетъ разумно и сознательно управляемо, можетъ натворить великія бѣды.

Поэтому требованія тѣла отнюдь не слѣдуетъ отождествлять съ требованіями нашего подлиннаго человѣческаго „я“, а ясно понять, что требуетъ „оно“, т.-е. нѣчто самостоятельно отъ нашего „я“ существующее, и потому и отнестись къ этому требованію, какъ исходящему отъ посторонняго существа, тѣсно съ нами связаннаго, но все же посторонняго.

И, думается мнѣ, отъ многихъ глупыхъ и позорныхъ слабостей удержались бы мы, если бы вмѣсто того, чтобы говорить „мнѣ хочется курить“, „мнѣ хочется пить“, „мнѣ хочется спать“... и многое, многое другое, мы научились бы точнѣе выражать подлинную суть вещей, заявляя, что мое тѣло захотѣло курить, пить, спать, бездѣльничать.

Но кромѣ нашего грубаго физическаго тѣла предъявляютъ свои требованія еще другія, болѣе тонкія, а потому и труднѣе отдѣлимыя отъ нашей подлинной личности части того сложнаго міра, что именуется человѣкомъ.

Не хочешь сердиться, а сердишься, сознаешь, какъ глупо въ нѣкоторыхъ случаяхъ обижаться, а между тѣмъ злость, обида змѣей заползаетъ вамъ въ сердце.

— Нервы, объясняютъ иные причину своего уныній, злости, хандры.

Пусть нервы, но, значитъ, опять-таки нѣчто навязываемое, принудительное, отъ котораго хотѣлось бы, по „невозможно“ отдѣлаться. Значитъ опять сидитъ въ насъ нѣкто, котораго можно было назвать „человѣкомъ желанія“, и дергаетъ, волнуется, требуетъ, настойчиво требуетъ, чтобъ цѣлое подчинилось бы, служило ему, ему одному, точь-въ-точь, какъ старуха въ пушкинской сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ: даже то высшее, отъ котораго исходитъ и благо и счастье, должно стать въ зависимое положеніе:

„Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая,
И была бъ у меня на посылкахъ“...

И велико горе, велика даже опасность, когда наше подлинное человѣческое сознаніе, подобно сказочному рыбаку, безвольно и слѣпо подчинится „вздурившейся старухѣ“ — этому живому воплощенію стихійныхъ страстей.

Но то, что можно сказать относительно самостоятельности „воли“ нашего физическаго тѣла и области нашихъ чувствъ, эмоцій, ощущеній, съ такимъ же основаніемъ можетъ быть отнесено и къ нашей мысли.

Только изрѣдка она находится у насъ въ подчиненіи, гораздо же чаще подчиняемся ей мы.

Характерный образчикъ этой безсильной борьбы нашего „я“ съ нападающими на него мыслями, данъ Апухтинымъ въ стихотвореніи „Мухи“:

Черныя мысли, какъ мухи, всю ночь не даютъ мнѣ покою,
Жалятъ, язвятъ и кружатся надъ бѣдной моей головою!
Только прогонишь одну, а ужъ въ сердце впилася другая,
Вся вспоминается жизнь, такъ безплодно въ мечтахъ прожитая.
Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильнѣй и больнѣе...
Эхъ! Кабы ночь, настоящая, вѣчная ночь поскорѣе!..

Забыть—нельзя, разлюбить—нельзя, не думать—нельзя, не желать—нельзя: того нельзя, этого нельзя.

Нѣтъ внѣшнихъ путъ, а самъ кругомъ въ цѣпяхъ!

Сколько кровавыхъ жертвъ приносится,

чтобъ разбить внѣшнія цѣпи—добыть политическую свободу, экономическую независимость, и какъ мало усилій, чтобъ освободиться отъ этихъ внутреннихъ тирановъ, въ стократъ болѣе безпощадныхъ, нетерпимыхъ, назойливыхъ, убивающихъ не столько тѣло, сколько высасывающихъ часъ за часомъ всѣ живые соки души.

Это, конечно, отнюдь не значитъ, что политическая свобода лишена смысла, что экономическая зависимость не имѣетъ огромнаго значенія и на развитіе духовныхъ свойствъ, что соціальная несправедливость не должна быть устраняема и что борьба за эти подлинныя цѣнности лишена всякаго смысла и значенія. Только безумный или слѣпой можетъ это отрицать, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо, наконецъ, признать, что главная причина ничтожныхъ сравнительно съ жертвами и усиліями, достигнутыхъ результатовъ заключается въ томъ, что никакъ не хотятъ понять, что эта внѣшняя свобода, вытекающая изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, можетъ быть достигнута лишь тогда, когда осуществится внутренняя, единственно подлинная свобода, т.-е. когда человѣкъ, всякій человѣкъ, дѣйствительно освободится отъ внутренняго, порабощающаго его „врага“, который, по словамъ св. Макарія, „имѣетъ будто весь образъ человѣка, почему и называется онъ человѣкомъ плотскимъ, душевнымъ, внѣшнимъ, и потому облекъ своими частями соотвѣтственныя части нашей природы: умъ умомъ, волю волей и пр. и, подавивъ собою естественную дѣятельность силъ нашихъ, издавалъ за нихъ дѣятельность неестественную, содержа между тѣмъ человѣка въ той увѣренности, что она-то и естественна“.

Достаточно даже представить себѣ человѣка, дѣйствительно освободившагося отъ этого въ немъ лежащаго рабства, чтобъ понять, насколько онъ вмѣстѣ съ этимъ внутреннимъ освобожденіемъ достигъ въ значительной степенинезависимости и отъ видимыхъ причинъ.

Какъ безконечно сократятся вліянія экономическихъ условій для человѣка, удовлетворяющаго требованія своего тѣла лишь въ самыхъ необходимыхъ предѣлахъ. Уничтожьте въ себѣ зависть, себялюбіе, гордость, честолюбіе и, какъ ветхая шелуха, отпадутъ множество страданій, сопряженныхъ съ соціальнымъ и политическимъ неравенствами; для человѣка же, который до глубины постигнетъ всю силу и вліяніе даже невысказанной, но ярко пережитой мысли, даже самый кощунственный видъ насилія—насиліе надъ совѣстью и свободнымъ словомъ — въ значительной степени потеряетъ свою остроту.

Вотъ почему Христосъ отождествилъ свободу съ познаніемъ истины.

Въ чемъ же эта истина?

На это особенно пространный отвѣтъ даетъ Будда, особенно выдвинувшій въ своемъ ученіи законъ свободы, въ то время какъ Христосъ далъ главнымъ образомъ законъ любви!

„Кто между людьми живетъ скотоводствомъ, тотъ собственникъ, а не брахманъ“ читаемъ мы въ Сутта-Нипата (сборникъ бесѣдъ и поученій). „Кто между людьми живетъ торговлей—тотъ купецъ, а не брахманъ... Кто между людьми владѣетъ многими землями и селеніями, тотъ царь, а не брахманъ... Только того назову я брахманомъ, кто ничѣмъ не владѣетъ и ничего не требуетъ. Кто сорвалъ съ себя всѣ оковы, кто стряхнулъ съ себя всѣ узы и не страшится, освобожденный,—того назову я брахманомъ.

Кто загасилъ въ себѣ вражду и влеченія, кто побѣдилъ неувѣренность, разрушилъ всѣ призраки, навѣянные прежнимъ невѣдѣніемъ, того озареннаго назову я брахманомъ.

Кто, ни въ чемъ неповинный, терпѣливо переноситъ и упреки, и узы, и надругательства, у кого только одна есть сила—терпѣніе и только одно оружіе—кротость, того назову я брахманъ...

Кто, охраняя жизнь всѣхъ существъ, и тѣхъ, которыя робки, и тѣхъ, которыя смѣлы и сильны, не убиваетъ и не поощряетъ убійство, того назову я брахманъ. Кто кротокъ среди враждующихъ, кто тихъ среди бушующихъ, кто безкорыстенъ среди изнывающихъ въ корысти, того назову я брахманъ...

Кого не влечетъ къ себѣ ни этотъ міръ, ни слѣдующій, кто не подвластенъ никакому треволненію, того назову я брахманъ.

Кто ничего не требуетъ, свободный отъ всякихъ сомнѣній, кто погрузился въ чистыя глуби безсмертія, того назову я брахманъ“...

„Рабъ своего тѣла и его вожделѣній, рабъ своихъ страстей, волненій, броженій, рабъ своихъ или чужихъ, извнѣ вошедшихъ въ него мыслей, не въ правѣ мечтать о свободѣ, которой онъ не достоинъ.

Внѣшняя свобода можетъ скорѣе привести его къ еще болѣе горькому рабству. Яркимъ примѣромъ этого могутъ служить нѣкоторые изъ римскихъ императоровъ—Нероны, Гелліогабалы и др.

Всѣ внѣшнія путы, содерживающія ихъ желанія, были уничтожены, *они все могли*, и въ результатѣ получилось возвращеніе къ почти звѣриному состоянію, къ полному подчиненію самымъ низкимъ, животнымъ, инстинктамъ.

Свобода величайшее счастье, но и величай-

шее искушеніе. Счастье для сильнаго, бремя для слабаго и не только бремя, но подчасъ и непреодолимый соблазнъ.

Наша жизнь полна ужасами, выросшими на почвѣ безудержной свободы, особенно свободы надъ жизнью другихъ, животныхъ и себѣ подобныхъ. Сколько людей нравственно совершенно гибнутъ только потому, что благодаря бытовымъ и общественнымъ условіямъ они чувствуютъ полную свою безнаказанность и не могутъ выдержать этого искуса.

„Стать достойнымъ свободы — вотъ первый правильный шагъ къ полученію ея“, говоритъ Кузьминъ.

Въ странѣ рабовъ не только тѣломъ, но и духомъ свобода просто неосуществима. Чтобъ *быть* свободнымъ, нужно свободнымъ *стать*...

Но какъ *стать* свободнымъ?

Какимъ путемъ идти?

Путь все тотъ же: узкій, тѣсный, путь постепеннаго восхожденія отъ простѣйшаго, грубаго, плотнаго къ болѣе тонкому, сложному, запутанному.

И опять-таки самая простая будничная жизнь является существенной и чудесной ареной для осуществленія этой высокой мечты.

Все просто, до наивности просто, когда объ этомъ только подумаешь, и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно трудно, требуетъ большихъ и повторныхъ усилій, непрерывнаго, упорнаго героизма тѣмъ болѣе тяжкаго, что ежедневнаго, ежечастнаго, ежеминутнаго, когда захочешь это осуществить. Первое условіе, тоже крайне легкое для поверхностнаго взгляда, сложное и длительное для вдумчиваго наблюденія, заключается въ настоятельной необходимости остро, безстрастно, какъ бы „со стороны“ сдѣлать смотръ всей своей повседневной жизни, начиная съ самыхъ будничныхъ, мелочныхъ привычекъ (вставанья, питья, ѣды, хожденія въ гости, прогулки и т. п.) и дать себѣ ясный отчетъ, что изъ этихъ привычекъ является результатомъ вполнѣ свободнаго, т.-е. основаннаго на сознаніи внутренней необходимости, полезности и красоты, выбора и что есть только результатъ нашего подчиненія установившемуся режиму, модѣ, общественному мнѣнію, природнымъ наклонностямъ къ лѣни, винѣ, картамъ и прочимъ возбудителямъ. Проще сказать, ясно разграничить то, что „хочу“, отъ того, что „хочется“ или просто принимается, какъ нѣчто установившееся въ силу какихъ-то причинъ. Если это просѣиваніе будетъ сдѣлано добросовѣстно, то каждый увидитъ, какое ничтожное сравнительно количество останется у него на рѣшетѣ свободы, если только останется хоть что нибудь.

Можно при этомъ съ увѣренностью сказать, что чѣмъ меньше останется на этомъ рѣшетѣ, тѣмъ успѣшнѣе можно считать достигнутый результатъ, потому что нашъ „внутренній врагъ“, нужно таки признаться, отличается поразительной талантливостью, почти геніальностью, когда дѣло касается необходимости себя оправдать. Съ ловкостью опытнаго фокусника черное превращаетъ онъ въ бѣлое, гадкую страстишку или слабость возводитъ чуть ли не въ добродѣтель... Много цвѣтныхъ, нарядныхъ костюмовъ, въ которые умѣютъ рядиться наши слабости и гладкія страсти, и много надо умѣнія, смѣлости и честности, чтобъ безтрепетно сдирать съ нихъ эту блестящую мишуру, рискуя самому увидѣть себя почти обнаженнымъ.

Быть безпощаднымъ къ себѣ, вотъ одно изъ необходимѣйшихъ условій для завоеванія своей свободы.

Нельзя и перечислить всѣ тѣ виды почти незамѣтнаго, порою пріятнаго и въ большинствѣ случаевъ несознаннаго рабства, въ которые облекается жизнь. Я знаю людей, говоритъ авторъ, что были рабами своихъ прекрасныхъ вещей, которыя нужно было караулить, холить, беречь. Слыхалъ о домовладѣльцѣ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тщетно мечталъ о заграничномъ путешествіи— домой не пускали: есть даже рабы своихъ костюмовъ, ботинокъ, прическъ.

Много рабовъ.

Есть рабы смѣшные, есть трагическіе, но въ сущности всѣ одинаково жалки.

Когда рабство касается мелкихъ привычекъ, невинныхъ сравнительно слабостей (хотя, строго говоря, такихъ нѣтъ), явныхъ недостатковъ— борьба съ ними не такъ еще затруднительна для человѣка, обладающаго хоть нѣкоторой, зачаточной силой воли.

Гораздо труднѣе дѣло, когда встрѣтимся съ сложившимися предразсудками окружающей насъ среды — семьи, общества, партіи, народа, расы.

Много требуется отъ насъ сознательности и разсудочности въ умѣніи разобраться—на чемъ настаивать и въ чемъ уступить, дабы изъ-за мелочи не вызвать большаго зла, чѣмъ эта безполезная или даже непріятная намъ мелочь.

Но вотъ побѣждены всѣ привычки. Страсти, дурныя наклонности, даже слабости вырваны съ корнемъ. Душа стойко пробивается черезъ крѣпкую и цѣпкую чащу предубѣжденій, ходячихъ взглядовъ, суевѣрій, мнѣній свѣта, тщательно и безпристрастно отдѣляетъ, какъ

драгоцѣнный жемчугъ, лишь то, что по ея глубокому убѣжденію оцѣнивается лишь какъ добро. Зло, даже самое ничтожное, потеряло надъ нею свою власть, не въ силахъ уже накинуть на нее своихъ сѣтей.

Свободнымъ выборомъ избрано добро... Зло побѣждено навѣки... Чего еще страшиться? Что можетъ ее опять сковать?...

— Добро, которое, согласно народной мудрости французовъ, всегда истинный врагъ „лучшаго“, — изъ всѣхъ сѣтей, изъ всѣхъ рабствъ — рабство „добру“ пожалуй одно изъ опаснѣйшихъ.

Строго говоря, то добро, о которомъ я говорю, уже не добро.

Оно только было добромъ въ моментъ его достиженія, но съ достиженіемъ „застеклилось“. Стало твердымъ, неподвижнымъ, хотя и сохранило свой видимый блескъ. — Сумѣть преодолѣть этотъ соблазнъ, это, думается мнѣ, преодолѣть самого сатану въ его тончайшемъ искусѣ.

Самая характерная черта жизни — это движеніе, ростъ.

Есть жизнь—есть движеніе (въ самомъ широкомъ и глубокомъ, не только внѣшнемъ, но и внутреннемъ значеніи этого слова); нѣтъ движенія, нѣтъ роста—нѣтъ жизни.

Какъ только истина или добро стали неподвижными—знайте, что духъ жизни ихъ покинулъ и отъ нихъ несетъ отравленнымъ дыханіемъ тлѣнія.

Оглянитесь назадъ: большинство самыхъ грубыхъ суевѣрій, мертвящихъ догматовъ, бездушныхъ законовъ, если доискаться до ихъ корней, за рѣдкимъ исключеніями, когда-то явились въ міръ какъ новая истина, свѣтъ, добро, неся *въ себѣ источникъ новаго и непрестаннаго творчества*.

Но такъ называемая „природная лѣнь“ человѣка, лѣнь, которую дѣйствительно можно и даже слѣдуетъ разсматривать какъ особую, мрачно-стихійную силу природы, борящуюся противъ ея стремленія впередъ, противъ эволюціи — всячески норовитъ направить человѣка по пути наименьшей дѣятельности, а именно по пути пассивности, механичности, безсознательнаго повторенія готовой формы взамѣнъ созиданія ея вновь, по новому индивидуальному образу.

Между тѣмъ въ этомъ постоянно новомъ *индивидуальномъ творчествѣ* и заключается возможность осуществленія въ наиболѣе яркомъ и цѣнномъ его проявленіи великаго закона истинной свободы, который неразрывно долженъ быть связанъ съ подлиннымъ знаніемъ и свѣтозарнымъ закономъ любви.

Свободный человѣкъ лишь тотъ, кто *сознаетъ*, что дѣлаетъ, *знаетъ* — почему и *хочетъ* поступать именно такъ, какъ поступаетъ.

Мы и Западъ.

Въ повѣсти А. Золотарева „Во едину отъ субботъ“, извѣстной уже нашимъ читателямъ по послѣдней кн. „Бюллетеней“, разбросаны мысли о русскихъ людяхъ, русской душѣ, съ одной стороны, и о Западѣ, западномъ человѣкѣ — съ другой. Эти плоды наблюденій героевъ повѣсти или, точнѣе, самого автора, стоитъ собрать воедино, по крайней мѣрѣ болѣе оригинальные и крупные изъ нихъ.

* * *

„Всѣ мы, русскіе люди, такіе: слушаться можемъ еще кой-какъ, а слушать—нѣтъ! Все къ себѣ прислушиваемся...“ (Слова эмигрантки Насти).

— ...Откуда это? Почему насъ, русскихъ, все назадъ куда-то къ звѣриному житью тянетъ? И, бываетъ, находитъ на насъ, — особенно весною,— какъ на тюрьму начинаемъ смотрѣть мы на этотъ больше всѣхъ родной намъ, непаглядный, пріютившій насъ городъ (Парижъ)... Гдѣ и въ чемъ смыслъ нашего метанія?

— Это вы вѣрно, охъ! Да какъ же и вѣрно, Ольга Юрьевна, говорите! — Платонычъ держалъ руки Ольги въ своихъ, нѣжно гладилъ и цѣловалъ.— Всѣ мы какіе-то о двухъ лицахъ: какъ будто одно звѣриное, другое— человѣчье; одно въ прошлое, къ истокамъ жизни, на колыбель человѣчества смотритъ, а другое—въ будущее, къ устью жизни... А настоящаго для насъ и нѣтъ, право. Всѣ мы какіе-то ненастоящіе, несвоевременные люди, все еще, какъ и горемычная страна наша, мыкаемся на историческихъ перепутьяхъ и распутьяхъ, вѣчно—наканунѣ, всегда—въ ожиданіи... Всѣ мы, даже лучшіе изъ насъ, безпутные, непутевые, а бываетъ и нерѣдко, вовсе распутные... Но и распутство наше отъ этого самаго особливое... Индоевропейцы мы. Во всѣхъ насъ горитъ вѣчнымъ немеркнущимъ свѣтомъ вѣщее слово индійской мудрости: „Ищи путь!“, и никогда мы отъ этого самаго древняго завѣта, какъ бы низко ни пали, не отказываемся...

„Талыя ночи и половодные дни — вѣдь тутъ всѣ мы, русичи, солнцевы внуки (говоритъ въ другой разъ тотъ же Платонычъ, бесѣдуя о веснѣ). У насъ у каждаго свое половодье въ душѣ бываетъ, когда мы изъ себя

выходимъ и много шире самихъ себя бываемъ. И свое заталье—когда въ душѣ таетъ, когда къ душѣ у насъ далекія звѣзды отражаются. Когда мы—это вѣрно—въ пути, безконечнѣйшемъ звѣздномъ пути себя чуемъ. Пусть на одинъ мигъ... но кто этого не видѣлъ, не ощущалъ, тотъ ничего въ нашей душѣ не пойметъ! У насъ весною что-то посильнѣе насъ самихъ просыпается, и ходимъ мы, какъ заколдованные, не своей властью. И что мы тогда выкидываемъ, что только выкидываемъ!.."

Еще его слова:

„...На сердцѣ неспокойно, душа огня проситъ и чтобы все двигалось, хмелемъ вилось вокругъ... А къ Пасхѣ приду, она меня сразу успокоитъ: она въ огненное крещеніе вѣритъ. „Духомъ святымъ *и огнемъ*". Это вѣдь—знаете—мы, русичи родимые, солнцевы внуки, на водосвятномъ молебнѣ въ Крещеньевъ день прибавили. Ей-Богу, сами прибавили и сами въ себя и себѣ повѣрили и такъ крѣпко повѣрили, что потомъ за эту прибавочку огненную въ огонь пошли, потому—наше это, наше родное и чужимъ людямъ ни уступить, ни отдать никакъ нельзя! Старовѣрная она—прибавочка-то эта—очень старовѣрная, праиндоевропейская—отъ далекихъ дѣдушекъ къ намъ перешла... И не отдали, и не отдадимъ, солнцевы внуки, не отдадимъ!.."

„Мы есмы порожденіе Ильи Обломова и Васьки Буслаева"...

„Да, да, я понимаю васъ (говоритъ старушка-француженка, — квартирная хозяйка Ольги, долго жившая въ Россіи, когда услышала, что у ея жилички компанія земляковъ-эмигрантовъ собирается встрѣчать свою, русскую, Пасху). Это разница, большая разница между вами и нами, между христіанствомъ Запада и Востока. Она всюду сказывается: и въ большомъ и въ маломъ, въ людяхъ и вещахъ. Вотъ хоть бы праздники эти... Мы празднуемъ больше и торжественнѣе Рождество, вы — Пасху; для насъ свята тайна рожденія, тайна пришествія въ міръ, для васъ — тайна смерти, тайна ухода изъ міра. Мы въ жизнь глядимъ, вы — изъ жизни. Ахъ, дѣтка моя!.. много у васъ, русскихъ, въ душѣ томленія къ возстанію изъ мертвыхъ, къ воскресенію. Это, можетъ, отъ природы вашей зависитъ... да, отъ природы! Нигдѣ я такой грустной осенней земли не видѣла, какъ у васъ тамъ. Только — вѣрю я — нужны вы міру со всею своею „славянской непроизводительностью", нужнѣе многихъ, что своей производительностью хвастаютъ. Огня душевнаго въ васъ много... Люблю я васъ за это. И многое... очень многое — ваше чудачество и не только чудачество, даже дикость — ради любви вашей къ міру простить могу"...

„Жути въ церквахъ у нихъ куда больше, чѣмъ у насъ, — дѣлится своими парижскими впечатлѣніями Зодчій. — Замѣтили вы: наши церкви, со своими круглыми сводами и куполами, какъ съ неба спустились, а эти... какъ изъ земли выросли! Въ нашихъ Богъ ласково на землю спускается, а въ этихъ — человѣкъ самъ на небо лѣзетъ... Онъ лѣзетъ, а разное звѣрье и чертовщина его на землю обратно тянутъ и не пускаютъ"...

„Что тамъ за люди! — разсказываетъ онъ же, Зодчій, побывавъ въ Англіи. — Ой-о-ой! Большой, не нашей силы люди. Всю землю въ камень, желѣзо и сталь одѣнутъ, чудовищемъ бронесоснымъ сдѣлаютъ... Большія я тамъ мысли почуялъ, а вотъ восторгу предъ жизнью все нѣтъ — около огня и огнемъ живутъ, а сами безъ огня"...

„Не думалось мнѣ, во снѣ не снилось даже „тамъ въ Россіи, что у европейскаго порядка такая силища! А теперь—глянулъ только и воочію вижу. Ихъ труднѣе, чѣмъ насъ, съ мѣста сдвинуть... Былъ я эти днѣ недѣли въ Швейцаріи: деревни тамъ каменныя, не только-что города, и на лицахъ у нихъ у всѣхъ — отъ послѣдняго мужика до городового—каменная праведность. Ничѣмъ ее не прошибешь, сколько ни бей. Ни одного виноватаго лица не видѣлъ. Подлости дѣлаютъ, какъ и мы, а виноватыхъ — нѣтъ. Пить — пьютъ, хмельны не бываютъ... Поглядѣлъ я тамъ и на своихъ, — не узнаю, что съ ними подѣлалось, словно подмѣнилъ кто... чертовски умны многіе стали, а толку въ нихъ какъ будто меньше. *Въ головѣ стало тѣснѣе, въ сердцѣ—пусто*". (Слова Егора).

Пріѣзжавшій недавно впервые къ намъ французскій поэтъ Жанъ Ришпенъ въ бесѣдѣ съ петербургскими литераторами высказалъ свои наблюденія надъ Россіей и русскими, какія онъ вынесъ изъ знакомства съ нашей литературой и, теперь, съ живой жизнью.

Газеты такъ передавали его слова:

— Русскіе слишкомъ не похожи на европейцевъ. Даже глаза ваши, ваша манера смотрѣть на людей и вещи, не похожи на нашу. Взглядъ этотъ, скажу не ради критики или желанія сказать комплиментъ, какой-то довѣрчивый, восторженный, ласкающій. Въ немъ отражается больше сердце, а не умъ. Я замѣтилъ этотъ взглядъ въ Россіи и у мужчинъ. У насъ такой взглядъ встрѣчается у женщинъ и у дѣтей. Глаза европейскихъ мужчинъ выражаютъ разсудочность, скептицизмъ; въ нихъ

видно отраженіе долгихъ переживаній старческаго опыта. Въ нихъ нѣтъ того выраженія восторга inluition, вѣры, которую я замѣтилъ въ глазахъ людей вашей страны.

Мы — старая и, что бы ни говорили, отживающая раса. Мы — безпощадные аналитики, мы не ищемъ загадочнаго и мало загадочны сами. Вы же — молоды, вы — „резервуаръ нетронутыхъ силъ“ и, какъ люди юной культуры, вы необычайно сложны и необычайно похожи на дѣтей. Характерной чертой русскаго народа мнѣ представляется склонность къ мистицизму. Миѳы и легенды, вѣра и суевѣріе, все это достояніе дѣтей и юной культуры, еще не изжиты Россіей. Русскіе религіозны, какъ никакой другой народъ въ Европѣ. Даже изъ борьбы съ религіей русскіе революціонеры создаютъ себѣ новую религію.

Кромѣ того — вы эмоціональны и экспансивны. Какъ женщины и дѣти, вы живете интуиціей. Быть можетъ, сами того не сознавая, вы — величайшіе „бергсонисты“. Неудивительно, что такъ сильно интересуются у васъ французскимъ философомъ.

Утратитъ ли Россія подъ вліяніемъ Европы свои характерныя черты или сохранитъ ихъ и послѣ окончательнаго сліянія съ семьей европейскихъ народовъ — сказать трудно. Можно думать, что въ созданіи общественныхъ формъ будущихъ „соединенныхъ штатовъ Европы“ Россія должна сыграть роль тѣста, а Европа — дрожжей. Какой „пирогъ“ дастъ это сочетаніе, покажетъ будущее...

Новая фантазія о судьбѣ человѣчества.

(„Ostatnia godzina“ Т. Кончинскаго).

Останавливаетъ на себѣ вниманіе красивая фантастическая повѣсть-сказка молодого польскаго писателя Т. Кончинскаго — „Послѣдній часъ земли“, — недавно появившаяся на польскомъ языкѣ. Содержаніе ея передаетъ въ „Рус. Вѣд.“ (№ 64) Л. Козловскій.

Земля умираетъ... Три тысячи лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ впервые солнце дрогнуло и поблѣднѣло, потерявъ часть своей энергіи въ величайшей міровой катастрофѣ, какую когда-либо переживала наша солнечная система. Съ тѣхъ поръ все ослабѣвала яркость солнечныхъ лучей, и вотъ уже солнце не гаситъ звѣздъ на небѣ и не въ силахъ согрѣть землю. Послѣдняя превратилась въ ледяную пустыню, жизнь прекратилась, и только въ одномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ нѣкогда было Средиземное море, сохранился оазисъ жизни: подъ исполинскимъ стекляннымъ куполомъ здѣсь стоитъ „вѣчный городъ“, городъ наслажденія, въ которомъ живетъ сто тысячъ людей, послѣднихъ обитателей земной поверхности; онъ залитъ свѣтомъ искусственныхъ солнцъ, въ тепличной атмосферѣ цвѣтутъ зимніе сады, и люди въ легкихъ одѣяніяхъ предаются непрерывнымъ наслажденіямъ, а надъ стекляннымъ ярко освѣщеннымъ сводомъ проносятся снѣжныя бури и сгущается вѣчная ночь...

Въ такую обстановку переноситъ насъ молодой польскій писатель Т. Кончинскій. Жизнь въ его „вѣчномъ городѣ“ поддерживается трудомъ „парієвъ“, живущихъ подъ землей. „Паріи“ вырабатываютъ энергію въ три раза больше, чѣмъ нужно для поддержанія тепла и свѣта въ вѣчномъ городѣ, и вся эта накопленная вѣками труда и неизрасходованная энергія сосредоточена въ страшныхъ „машинахъ-кентаврахъ“, которыя при помощи центральнаго механизма могутъ быть сразу пущены въ ходъ, и ключъ отъ этого механизма и тайна управленія имъ находятся въ рукахъ одного человѣка, — властелина „вѣчнаго города“. Въ его рукахъ организація труда и всѣ техническія средства, и поэтому онъ облеченъ неограниченной властью: ему стоитъ нажать кнопку, чтобы разрушить и вѣчный городъ, и подземныя жилища рабочихъ, и даже взорвать шаръ земной.

Никогда жизнь не казалась болѣе безцѣльной, какъ здѣсь, въ этомъ послѣднемъ „оазисѣ жизни“ среди умирающей земли. Зачѣмъ жить? На что надѣяться? Къ чему стремиться? Ради чего любить? Вѣдь все обречено на близкую и неминуемую смерть. Можно только забыться въ наслажденіи, утончить послѣднее, продлить его, — въ этомъ все содержаніе жизни „вѣчнаго города“. И среди этой толпы, ищущей забвенія въ безумныхъ оргіяхъ, самымъ искуснымъ мастеромъ по части изобрѣтенія наслажденій является властелинъ вѣчнаго города, — утонченный и жестокій развратникъ, садистъ, напоминающій римскаго императора изъ эпохи упадка. Онъ научилъ своихъ подданныхъ извлекать наибольшую сумму наслажденій изъ того „инструмента, который зовется человѣческимъ тѣломъ“, онъ изобрѣтаетъ для нихъ все новыя оргіи. Но самъ онъ смотритъ дальше другихъ, онъ знаетъ, что послѣдніе лучи солнца еще слабо питающіе энергіей землю, погаснутъ раньше, чѣмъ думаютъ, что уже близится послѣдній актъ человѣческой исторіи. И онъ рѣшаетъ, что лучше умереть добровольно, чѣмъ ждать послѣдняго момента. Въ его развратномъ и мрачномъ умѣ созрѣваетъ

планъ послѣдней оргіи, которая кончится смертью всѣхъ участниковъ пира и онъ умретъ послѣднимъ, взорвавъ землю,— онъ будетъ послѣднимъ человѣкомъ. Въ этой мысли онъ находитъ горделивое утѣшеніе. Безсмысленная, нелѣпая человѣческая жизнь, случайный результатъ игры силъ природы, вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ навсегда.

Но этотъ планъ ускоренія послѣдней развязки жизни человѣческой на землѣ разбивается. Властелинъ „вѣчнаго города“ сталкивается съ великимъ ученымъ — астрономомъ: послѣдній, наблюдая солнце изъ своей обсерваторіи, лучше и точнѣе тирана города знаетъ, когда наступитъ окончательная смерть солнечной системы, но кончать жизнь самоубійствомъ, содѣйствовать торжеству смерти, ускорять печальный конецъ онъ не согласенъ. Онъ до послѣдней минуты будетъ наблюдать, дѣлать вычисленія и даже радоваться открытіямъ, послѣднимъ проблескамъ торжества человѣческаго разума на землѣ. Астрономъ знаетъ тайну того механизма, который даетъ такую власть тирану, сосредоточивая въ его рукахъ всю накопленную энергію, и рѣшаетъ при помощи хитрости обезоружить тирана.

Борьба между ними обостряется изъ-за дѣвушки, которую любитъ астрономъ и которою хочетъ овладѣть тиранъ. Это — Ноэми, помощница ученаго въ его обсерваторіи, чудная дѣвушка, сохранившая въ себѣ что-то отъ солнечной эпохи, жажду жизни и серьезное, глубокое отношеніе къ ней; она не участвуетъ въ веселой жизни „вѣчнаго города“ и способна отдаться лишь тому, кого хотѣла бы имѣть отцомъ своего ребенка.

Развратный тиранъ, увидавъ ее, рѣшилъ ее взять въ число избранныхъ любовницъ, а презрительный отказъ ея разжигаетъ въ немъ страсть: онъ впервые встрѣтилъ отпоръ, и неудовлетворенное желаніе заставляетъ его забыть даже о своей идеѣ разрушенія.

Въ „оазисѣ жизни“ нельзя укрыться отъ тирана, и астрономъ прячетъ дѣвушку у „паріевъ“, воспользовавшись только ему одному извѣстнымъ тоннелемъ, ведущимъ изъ обсерваторіи въ подземныя жилища. Наверху неистствуетъ тиранъ, котораго не можетъ теперь удовлетворить ни одна женщина: онъ постоянно вспоминаетъ Ноэми и ищетъ ея, а подъ землей происходятъ свиданія Ноэми съ астрономомъ, который съ величайшими предосторожностями отлучается изъ „вѣчнаго города“. Подъ землей расцвѣтаетъ любовь, которая тамъ, наверху, отошла въ область преданій. Ноэми чувствуетъ, что станетъ матерью... Но къ чему? Зачѣмъ новая жизнь, если все обречено на скорую неизбѣжную гибель?

Послѣдній часъ земли приближается. Ноэми знаетъ это такъ же точно, какъ и астономъ, но материнскій инстинктъ и любовь рождаетъ въ ней вѣру, она начинаетъ вѣрить въ ту легенду, которою живетъ подземное человѣчество. Порабощенное, подавленное, лишенное свѣта и воздуха, оно грезитъ о расширеніи предѣловъ жизни, вѣритъ въ возможность войти въ сношеніе съ другими мірами, съ погибающей земли бросить крикъ о помощи въ пространство вселенной. Когда подземные люди еще жили на поверхности земли, одинъ изъ нихъ, мечтатель, по имени Эотъ, сталъ строить высокую башню: на башнѣ этой онъ хотѣлъ установить особый аппаратъ, въ которомъ можно было бы собрать всю выработанную людьми энергію, выбросить эту энергію въ пространство въ видѣ потока волнъ, колебанія которыхъ превосходили бы скорость колебанія свѣтовыхъ волнъ. При помощи этого „астральнаго потока“ можно было бы дать сигналъ живымъ существамъ другихъ міровъ.

Башня Эота была разрушена, мечтатели побѣждены, потомки ихъ загнаны подъ землю, но и здѣсь они продолжаютъ вѣрить въ легенду и какъ святыню берегутъ чертежи и планы Эота. При посредствѣ Ноэми они посвящаютъ въ свои мечты астронома. Они и раньше пытались завязать съ нимъ сношенія, и при его помощи вырваться изъ-подъ земли. Но онъ отклонялъ эти попытки: могъ ли онъ, человѣкъ точнаго знанія, вѣрить въ подобныя мечты!

Теперь связью между астрономомъ и подземнымъ человѣчествомъ служитъ Ноэми. Онъ не то, чтобы сталъ вѣрить, но рѣшилъ, что разъ эта вѣра поддерживаетъ жизнь, то нужно поддержать эту вѣру: она дастъ силы паріямъ хотя бы передъ смертью и хотя бы не надолго освободиться изъ-подъ власти тирана, пробиться къ свѣту и свободѣ.

И вотъ подъ руководствомъ ученаго подземные люди предпринимаютъ гигантскую работу: имъ нужно пробить тоннель, чтобы выйти на воздухъ далеко отъ вѣчнаго города, въ давно заброшенной части земли, среди льдовъ, гдѣ когда-то на высокой горѣ строилась башня Эота. Ученый, зная секретъ тирана, изъялъ изъ-подъ его власти „машины-кентавры“, и энергія, которую тотъ сохранилъ для цѣлей разрушенія и порабощенія, служитъ теперь дѣлу созиданія и освобожденія. Съ безпредѣльнымъ воодушевленіемъ ведутся работы, и земля содрогается отъ страшныхъ ударовъ машинъ, прокладывающихъ человѣчеству путь къ свѣту

и воздуху... И, слыша эти глухіе подземные удары, пирующіе тамъ, наверху, думаютъ, что это — землетрясеніе, предвѣщающее скорую гибель земли, ея окончательное распаденіе, и въ мозгу тирана вновь воскресаетъ забытый мрачный планъ предупредить естественный конецъ добровольнымъ разрушеніемъ земли и общимъ отказомъ отъ жизни...

Выходъ пробитъ... Рабы „вѣчнаго города“ выходятъ на свѣтъ далеко отъ него, среди льдовъ, тамъ, гдѣ нѣкогда строилась башня Эота... Съ неослабѣвающимъ энтузіазмомъ принимаются они вновь строить башню...

Все выше поднимается башня и все ближе послѣдній часъ земли, и Ноэми, живущая теперь на башнѣ и ждущая со дня на день появленія ребенка, съ ужасомъ думаетъ, что если идея, въ которую она повѣрила,— химера? Что если ей придется родить послѣдняго человѣка: ребенокъ ея придетъ на свѣтъ лишь для того, чтобы исчезнуть вмѣстѣ съ другими въ сознаніи безцѣльности дальнѣйшихъ усилій и борьбы? Астрономъ, самъ сомнѣваясь, поддерживаетъ теперь въ ней вѣру...

Между тѣмъ тиранъ провѣдалъ, что творится на одномъ изъ концовъ заброшенной земли, и въ ярости предпринимаетъ экспедицію на воздушныхъ кораблях съ цѣлью наказать измѣнника-ученаго, разгромить взбунтовавшихся парієвъ и взять недоступную Ноэми, страсть къ которой не ослабѣваетъ въ душѣ, пресыщенной, но не привыкшей встрѣчать отказъ. Надъ башней Эота появляется воздушная флотилія, и начинается бой. Сверху на башню сыплются снаряды, начиненные взрывчатымъ веществомъ страшной силы, съ башни летятъ вверхъ снаряды, разбивающіе воздушные корабли...

Въ этотъ критическій моментъ астрономъ и рѣшаетъ произвести тотъ опытъ, для котораго строилась башня Эота. Аппаратъ, установленный на башнѣ, начинаетъ работать и шлетъ въ пространства вселенной потоки невидимыхъ волнъ, скорость которыхъ въ милліонъ разъ превышаетъ скорость колебаній свѣтовыхъ волнъ... Во всѣ концы вселенной посланъ призывъ о помощи:

— Мы погибаемъ! Спасите вторую планету солнечной системы!..

А тѣмъ временемъ астрономъ начинаетъ вести переговоры съ тираномъ, предлагающимъ защитникамъ башни сдаться; онъ сообщаетъ властелину вѣчнаго города о начатомъ опытѣ и предлагаетъ выждать результата: или получится отвѣтъ, или вскроется тщета надежды, вдохновляющей парієвъ, и они смирятся.

Бой прекращается, и все вниманіе сосредоточивается на работѣ аппарата... Толпы подземныхъ людей собираются вокругъ башни, и изъ устъ ихъ несется торжественный гимнъ.

Такъ умирающая земля, плывя по безбрежному и равнодушному океану Космоса, устами ста тысячъ людей пѣла молитву надежды...

Протекали часы долгіе какъ вѣка, все болѣе страшные, все болѣе уничтожающіе... Порой мертвенная усталость овладѣвала толпами людей. Аппаратъ уже десять часовъ подавалъ вселенной одинъ и тотъ же сигналъ, но отвѣта не было. Черезъ мозгъ Ноэми пронеслась убійственная мысль:

„Неужели въ глубинѣ міровданія нѣтъ никого, кто могъ бы услышать насъ и помочь намъ?“

Но астрономъ, наблюдающій аппаратъ, вдругъ вздрогнулъ; пріемникъ аппарата пришелъ въ движеніе, и, напрягая все свое вниманіе, ученый прочелъ:

„Привѣтствуемъ новыхъ братьевъ. Продержитесь еще двадцать космическихъ секундъ. Ваша солнечная система вступаетъ въ сферу умершаго и разбитаго созвѣздія. Солнце ваше поглощаетъ уже милліарды обломковъ, энергія его снова возрастаетъ. Вашъ шаръ оживетъ“.

Радостная вѣсть облетаетъ толпу, а тиранъ въ безсильной злобѣ взрывается въ своемъ воздушномъ кораблѣ...

Солнце разгорается... Невиданнымъ блескомъ сверкаетъ ледяной покровъ земли,— сверкаетъ и таетъ... Начинается новый потопъ, но изъ океана водъ возвышается могучая башня Эота, словно символъ торжествующей жизни человѣчества. Спасены тѣ, кто до конца вѣрилъ въ жизнь.

Такъ кончается эта красивая сказка. Какъ всякая фантазія, въ которой кромѣ игры воображенія есть еще мысли и чувства, фантастическій романъ Т. Кончинскаго пропикнутъ думами, навѣянными современностью. Читая романъ Т. Кончинскаго, нельзя не видѣть въ немъ страженія, быть-можетъ, невольнаго, несознаваемаго самимъ авторомъ, — отраженія историческаго момента, переживаемаго родиной писателя.

Тѣ симпатіи къ „паріямъ“, тѣ надежды на „подземныхъ людей“, которыми окрашена утопія Т. Кончинскаго, находятся въ тѣснѣйшей связи съ современными надеждами и симпатіями тѣхъ, кто не мирится съ торжествомъ силы, со взрывомъ націоналистскихъ чувствъ, съ упадкомъ вѣры въ дѣйствительно человѣческій идеалъ жизни. Это, конечно, не къ одной Польшѣ относится. Всюду на подземномъ человѣчествѣ покоятся лучшія земныя надежды.

Борьба за жизнь передъ плахой.

(„Палачъ“ Якова Шаффнера).

Сравнительно недавно еще мы съ необычайной чуткостью и остротой переживали тотъ ужасъ, какой внушаетъ каждому нормальному человѣку смертная казнь. Въ послѣднее время у насъ впечатлѣнія этого рода притупились, что сказалось и въ нашей художественной литературѣ. Мотивы казни, отвращенія къ палачеству если кого и продолжаютъ вдохновлять, то уже далеко не съ прежней силой. Зато въ нѣмецкой беллетристикѣ нашелся художникъ, которому своими разсказами на указанную тему удается подчасъ задѣть завѣтную струну въ сердцѣ читателя, и она звучитъ, будетъ долго звучать: „Долой смертную казнь! Скоро ли?“...

Вотъ одна изъ двухъ новеллъ этого писателя, Якова Шаффнера, переведенныхъ Ф. Ельяшевичемъ для „Рус. Мысли“ (мартъ), — „Палачъ“. Палачъ Вильгельмъ Рейхель получилъ приказъ ѣхать на казнь нѣкоей Гедвиги Ламанинъ, задушившей дѣвочку-подростка изъ страха, что дѣвочка выдастъ ея жениха-убійцу.

„Вечеромъ онъ уложилъ свою черную пару въ чемоданъ, снялъ со шкапа коробку съ цилиндромъ, посмотрѣлъ, лежатъ ли тамъ бѣлыя перчатки, и поставилъ свой будильникъ на шесть часовъ. Онъ спалъ неважно, и нѣсколько разъ ему привидѣлись расплывчатые, полные неопредѣленнаго ожиданія сны, въ которыхъ фигурировала двадцатичетырехлѣтняя служанка Гедвига Ламанинъ. На утро онъ взялъ въ лѣвую руку коробку съ цилиндромъ, въ правую футляръ отъ скрипки. Въ футлярѣ лежалъ топоръ; ящикъ былъ спеціально для этого купленъ, приспособленъ и выложенъ желтымъ войлокомъ. Мальчишка несъ за нимъ чемоданъ. Онъ ѣхалъ подъ рядъ девять часовъ по тремъ различнымъ желѣзнодорожнымъ вѣткамъ. Во время остановокъ поѣзда вниманіе пассажировъ привлекалъ его будильникъ, который онъ положилъ въ чемоданъ и который тамъ тикалъ. По поводу футляра отъ скрипки кто-то завелъ съ нимъ разговоръ о музыкѣ; онъ сознался, краснѣя, что ничего въ ней не понимаетъ, и сталъ смущенно смотрѣть въ окно вагона.

...Рано утромъ, въ половинѣ шестого, онъ вышелъ изъ гостиницы на улицу — выбритый, во фракѣ, цилиндрѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Футляръ отъ скрипки онъ снесъ въ тюрьму наканунѣ вечеромъ. Слуга и кельнеръ смотрѣли ему вслѣдъ; немногіе люди, которыхъ онъ встрѣчалъ на улицѣ, останавливались. Было извѣстно, что сегодня утромъ Ламанинъ должна быть казнена. Всѣ мужчины, замѣчавшіе неимѣющуюся торжественную фигуру, угадывали ея намѣренія и заражались ея настроеніемъ. Хронически изголодавшимися глазами провинціаловъ они тотчасъ разсмотрѣли золотыя серьги, блестѣвшія на утреннемъ солнцѣ изъ-подъ цилиндра. Ни у кого это не доходило до сознанія, но именно эти серьги и были проводниками того отчужденія, которое исходило на людей отъ этого нелѣпо разодѣтаго, невзрачнаго человѣка. Онъ позвонилъ у тюремныхъ воротъ. Ему открыли, и онъ вошелъ во дворъ.

Тамъ все было уже готово. На низкомъ помостѣ, къ которому вели три ступени, стояла плаха; около нея — обнаженный топоръ. Плаха была устроена цѣлесообразно — длинная, не очень широкая, сверху она представляла поверхность шириною въ ладонь. У подножья плахи стоялъ открытый гробъ. На покрытомъ чернымъ сукномъ столѣ, нѣсколько дальше отъ помоста, рядомъ съ серебрянымъ распятіемъ и чернильнымъ приборомъ, лежала книга, въ которую должна была быть внесена запись о совершившейся казни. Прокуроръ, бѣлокурый, довольно высокій, стройный человѣкъ, съ видомъ слабаго здоровья, былъ уже на мѣстѣ. Онъ поклонился Рейхелю очень серьезно и, чтобы сказать что-нибудь, спросилъ, приходилось ли ему уже здѣсь казнить. При этомъ онъ дрожалъ и потиралъ руки, потому что было прохладно; боковая башня тюрьмы бросала тѣнь на дворъ. Позднѣе явился судья; онъ былъ блѣденъ и возбужденъ. Рейхеля опять начало знобить: онъ не завтракалъ. За нѣсколько минутъ до шести явились еще два посторонніе господина, получившіе разрѣшеніе присутствовать при казни. Они обмѣнялись нѣсколькими словами съ судьею и прокуроромъ, бросили робкій, испытующій взглядъ на палача и умолкли. Прокуроръ посмотрѣлъ на часы. Ждали, когда пробьетъ шесть.

Сначала прозвонили башенные часы; потомъ прозвучалъ маленькій колоколъ тюремныхъ часовъ. Когда онъ пересталъ бить, изъ окна перваго этажа раздался женскій вопль, сопровождаемый глухими, увѣщевающими голосами. Шумъ на минуту прекратился. Судья и прокуроръ заняли мѣста за столомъ; посторонніе господа отошли глубже во дворъ. Рейхель взялся за топоръ. Минута показалась всѣмъ получасомъ. Наконецъ, послышался опять жалкій вопль, шарканье и стукъ нѣсколькихъ ногъ. Глаза всѣхъ обратились къ открытымъ, ведущимъ къ мѣсту казни, воротамъ, въ которыхъ выдѣлилась теперь на фонѣ темнаго

коридора фигура служанки, Гедвиги Ламанинъ, въ сопровожденіи двухъ помощниковъ палача. Группа вышла наружу и быстро приближалась къ эшафоту. Казалось, что все будетъ окончено въ самое короткое время.

Вдругъ дѣвушка перестала вопить; до ея сознанія дошло, что ея легкія дышатъ свѣжимъ воздухомъ. Она остановилась, какъ вкопанная, и подняла лицо. Привычнымъ движеніемъ ея глаза поднялись къ голубому іюньскому небу, тепло и благожелательно раскинувшемуся надъ тюремнымъ дворомъ. Ея ноздри вздрагивали, спина бодро выпрямилась, грудь поднялась для глубокаго цѣльнаго вздоха. У нея было большое, не лишенное благообразія, здоровое дѣвичье лицо, обрамленное толстыми каштановыми косами, и какъ разъ теперь очень оживленное. Глаза сильно выпуклые, очень синіе и широко разрѣзанные; ротъ большой и чувственный, подбородокъ энергичный. Щеки и виски производили дѣтское впечатлѣніе.

Ея взглядъ только что попалъ на освѣщенный солнцемъ молодой тополь, стоявшій невдалекѣ въ открытомъ полѣ. На крайнемъ углу стѣны, куда уже подошло солнце, сидѣла малиновка и пѣла. Преступница, казалось, хотѣла улыбнуться птичкѣ. Ея поведеніе начинало уже вызывать изумленіе среди присутствующихъ; помощники палача, въ склоненной позѣ остановившіеся вмѣстѣ съ ней, обернулись вопросительно къ черному столу. Тогда служанка вспомнила, что ей предстоитъ. Ея ослѣпленныя чувства торопливо вернулись отъ миража къ дѣйствительности. Она посмотрѣла по очереди на ожидавшую ее плаху, на топоръ въ рукахъ Рейхели, на черный столъ, съ ея двумя смертными врагами, опять на топоръ, на бѣлыя перчатки и цилиндръ палача и на открытый гробъ. Она почувствовала сильнѣйшее отвращеніе и сдѣлала инстинктивное движеніе бѣжать; но помощники, ожидавшіе этого, схватили ее и повлекли прямо на плаху.

Они надѣялись быстро кончить все дѣло, прежде чѣмъ Ламанинъ придетъ въ себя, торопливо сорвали кофточку съ ея плечъ и поставили ее на колѣни. Ошеломленная ужасомъ, она позволяла все съ собой дѣлать. Рейхель поднялъ надъ ней топоръ. По его лицу при видѣ открытыхъ плечъ и рукъ скользнула мимолетная краска. Но ни одинъ голосъ не прозвучалъ въ немъ состраданіемъ къ молодому тѣлу; все его отношеніе къ ней сосредоточилось въ рукояткѣ топора.

Когда помощники палача стали толкать молодую преступницу къ плахѣ, она очнулась отъ своего оцѣпенѣнія. Она пронзительно закричала и хотѣла вскочить на ноги; помощники повалили ее на полъ. Она старалась на четверенькахъ ускользнуть изъ-подъ топора; мужчины оттащили ее обратно и снова попытались уложить ея голову на плаху. Постигнувъ, наконецъ, всю серьезность минуты, она отчаянно завопила: „Не въ шею! Нѣтъ, нѣтъ! Пресвятая Дѣва, помоги мнѣ!“ бросилась на землю и, завывая отъ ужаса, обхватила плаху, въ которую вцѣпилась изо всѣхъ силъ.

Что произошло потомъ, такъ невѣроятно, что только неоднократное клятвенное подтвержденіе присутствующихъ свидѣтелей придаетъ разсказу нѣкоторую вѣроятность. Служанка Гедвига Ламанинъ вовлекла помощниковъ палача, къ которымъ присоединился еще тюремный сторожъ, въ свалку, борясь за свою уже погубленную жизнь. Борьба велась съ обѣихъ сторонъ съ безпощадной жестокостью. Гедвига защищалась всѣми средствами, подсказанными ей хитростью и наивными звѣриными инстинктами. Она старалась поймать мужчинъ своей на половину совлеченной блузой, какъ веревкой, и задушить ихъ. Она говорила имъ ласковыя слова и въ дѣтскихъ выраженіяхъ умоляла о пощадѣ. Она наступала на нихъ ногами, гдѣ только они ей попадались. Она слѣпо била по краснымъ разъяреннымъ лицамъ, которыя поочередно нагибались надъ ней. Но въ концѣ-концовъ дѣвушка не могла устоять противъ трехъ мужчинъ. Когда тюремному сторожу пришла мысль схватить ее за толстыя косы, ея дѣло было проиграно. Одинъ изъ помощниковъ скрутилъ ей сзади руки, другой поставилъ на колѣни передъ плахой и сѣлъ ей на ноги, третій выскочилъ впередъ, ухвативъ ее за темныя косы, и крѣпко натянулъ ихъ. Гедвига была готова для смертельнаго удара.

Рейхель все время ждалъ съ полуприподнятымъ топоромъ, когда наступитъ его черед. Между тѣмъ солнце вышло уже изъ-за башни, сначала показался только его раскаленный край, потомъ цѣлая половина, и оно свободно поплыло въ пространство рядомъ съ башней. Однимъ и тѣмъ же лучомъ освѣтило оно распятіе, золотыя серьги палача и поднятый топоръ; въ слѣдующую минуту заблестѣла булавка, которой Гедвига Ламанинъ застегнула на своемъ лѣвомъ плечѣ рубашку съ оторвавшейся пуговицей. Мужчины обратили взоры на Рейхеля, полагая, что наступило время нанести ударъ.

Палачъ колебался; преступница, оставаясь въ томъ положеніи, въ какомъ держали ее мужчины, повернула къ нему лицо и вперила глаза въ его топоръ. Одинъ изъ помощниковъ пожалъ плечами; не до такихъ подробностей было теперь. Когда Рейхель хотѣлъ замахнуть-

ся, ему бросилась въ глаза булавка, и она привела его въ изумленіе. Въ его головѣ холостяка она пріобрѣла значеніе чего-то важнаго и новаго; она давала ему смутное представленіе о дѣвичьихъ уловкахъ и женственности. Но онъ отвелъ глаза и сталъ по привычкѣ искать ту точку въ затылкѣ, въ которую хотѣлъ попасть; въ то же время онъ приподнялъ топоръ, все еще находясь подъ ея пристальнымъ взглядомъ. Вдругъ онъ замѣтилъ у ея шеи темный пушистый пучокъ волосъ, нѣжно расходящихся къ лопаткамъ, которыя сильно выступали отъ скрученныхъ рукъ. Онъ снова изумился, и его сердце вдругъ застучало; онъ ощутилъ движеніе, подобное рыданію, и испугался.

Первый разъ въ жизни онъ испыталъ впечатлѣніе отъ человѣческаго тѣла во всей его невинности, и такъ какъ онъ былъ грубъ и сантименталенъ, то это тѣло тотчасъ покорило его. На его лицѣ проступило страдальческое выраженіе, которое свидѣтельствовало бы о святости, если бы оно объявилось не въ такомъ нелѣпомъ мѣстѣ. Чудо объяснялось просто тѣмъ, что его жалкіе глаза открыли, наконецъ, женщину, когда она, полуголая и беззащитная, лежала передъ нимъ на плахѣ. Путь отъ приподнятаго топора до вывернутой съ темнымъ пушкомъ шеи показался ему вдругъ длиннымъ и невѣроятнымъ; тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ быть пройденъ. Рейхель вспомнилъ о своей обязанности и тотчасъ превратился изъ полнаго надеждъ глупца, какимъ онъ только что былъ, въ профессіональнаго палача. Рѣшительнымъ движеніемъ онъ приподнялъ топоръ и взмахнулъ имъ для смертельнаго удара.

Служанка, напряженно слѣдившая за Рейхелемъ, поняла приближеніе смерти — и снова нечеловѣчески закричала. Въ слѣдующее мгновеніе она съ крикомъ бросилась навстрѣчу топору; мужчины, засмотрѣвшіеся на Рейхеля, безсознательно ослабили силу своихъ тисковъ. Рейхель хотѣлъ поймать топоръ въ его паденіи, но было слишкомъ поздно; онъ ослабилъ только силу удара, но не могъ остановить его, и топоръ вонзился въ выдвинутое впередъ плечо несчастной служанки и до половины погрузился въ него. Мужчины за чернымъ столомъ вскочили. Прокуроръ закричалъ что-то, чего Рейхель не понялъ. Онъ торопливо вытащилъ топоръ; за нимъ брызнулъ потокъ крови. Помощники выпустили изъ рукъ служанку. Ихъ лица были земляного цвѣта; у тюремнаго сторожа тряслась нижняя челюсть.

Гедвига Ламаннъ, отброшенная ударомъ на плаху, гдѣ она секунду пролежала безъ силъ, поднялась на здоровомъ плечѣ и глазами искала лицо палача. Она открыла ротъ, чтобы что-то сказать, но невѣроятная боль заглушила ея слова. Въ ея головѣ родилась мысль, что теперь она искупила свою вину, и что жизнь ей будетъ подарена; эту мысль она и хотѣла выразить. Она не знала, что ея легкое было разсѣчено пополамъ ужаснымъ топоромъ, и что она уже такъ или иначе была во власти смерти. Вся надежда и вся безумная мольба ея души сосредоточилась въ ея синихъ глазахъ; свѣтлое отраженіе дѣтскаго представленія о милости, наполнявшее теперь все ея существо, придало этимъ глазамъ невыразимую красоту. Изъ ея груди черезъ полуоткрытый ротъ потекли звуки мольбы, такіе нѣжные и молящіе, что Рейхель въ смятеніи оставилъ топоръ и съ безпомощнымъ движеніемъ обернулся къ черному столу. Онъ виновато подымалъ и опускалъ руки, улыбался отъ смущенія и весь съеживался, точно самъ былъ приговоренъ къ смертной казни, подъ взглядами судьи и прокурора, мрачными — перваго и безпощадно ясными — второго.

— Кончайте, палачъ,— сказалъ прокуроръ яснымъ голосомъ.— Вами мы займемся потомъ.

Когда онъ дрожа обернулся къ своей жертвѣ, онъ увидѣлъ, что кровь хлынула у нея изо рта, и она склонилась надъ плахой; дѣвушка, казалось, потеряла сознаніе. Одинъ изъ помощниковъ быстро подошелъ и положилъ ей какъ слѣдуетъ голову. Полный жалкаго отчаянія, Рейхель схватился за топоръ. Онъ ударилъ почти съ закрытыми глазами; лезвіе инструмента глубоко вошло въ дерево. Нерѣшительно скользя, точно въ немъ сохранилась еще надежда на жизнь, изуродованный трупъ упалъ на землю рядомъ съ плахой.

Когда Рейхель понялъ, что все кончено, онъ пришелъ въ себя и отнялъ руки отъ топора; онъ ощущалъ себя обманутымъ и опустошеннымъ. Безсмысленно и мучительно смотрѣлъ онъ на обезглавленный, сочившійся кровью трупъ, который лежалъ тутъ, какъ нѣмое обвиненіе, и глубоко вздохнулъ. Онъ оставилъ топоръ въ колодѣ, повернулся и поспѣшными, короткими шагами пошелъ съ помоста. Никому не поклонившись, онъ направился черезъ дворъ къ воротамъ, которыя самъ открылъ, вышелъ ихъ пбыстро заперъ за собой.“

Въ тотъ же день Рейхель повѣсился.

Арцыбашевъ о ревности.

„Почему существуетъ ревность?—потому что мы вносимъ въ дѣла любви идею продолжительности, обязательства, собственности, исключительности". *С. Форъ.*

Ревность, ея права, ея власть надъ человѣкомъ давно служатъ темой для писателей психологовъ; но, отмѣтивъ столько „общечеловѣческаго", установивъ столько „специфически мужского" и „специфически женскаго", они оставили въ этомъ чувствѣ еще много неиспользованнаго жгуче-интереснаго матеріала. И въ настоящее время ни одинъ писатель беллетристъ не можетъ обойти его молчаніемъ.

Напечатанный въ альманахѣ „Земля" разсказъ Арцыбашева „О ревности" можетъ только прибавить нѣсколько „общихъ", дать нѣсколько индивидуальныхъ черточекъ, но не исчерпать тему.

Почти не вдаваясь въ критику, сущность и содержаніе этого разсказа передаетъ въ своемъ фельетонѣ А. Измайловъ [1]).

„Въ красивой мѣстности, въ родѣ курорта, въ паркѣ, только что совершилось убійство. Погибла молодая и прекрасная жизнь. Только что мы метались, какъ угорѣлые, вопили, возмущались, ужасались, звали на помощь; только что видѣли искаженное предсмертной мукой, потерявшее все человѣческое лицо убитой и бѣлое, какъ бумага, съ совершенно безумными глазами и трясущейся нижней челюстью лицо убійцы, котораго держали за руки и били, чѣмъ попало, изящные господа и нарядныя дамы, озвѣрѣвшіе при видѣ крови.

Въ ресторанѣ, раскинувшемъ столики подъ ночнымъ небомъ, еще мелькаютъ возбужденныя лица, слышатся взволнованные голоса. За всѣми столиками разсказываютъ подробности драмы. Всѣмъ жаль молодую женщину, павшую отъ руки ревнивца, всѣ вспоминаютъ, какъ она была красива, молода и изящна".

Съ частнаго случая, естественно, разговоръ переходитъ на общія положенія и „извѣстный писатель", выведенный въ разсказѣ, говоритъ ту правду, которую хотѣлось высказать автору:

— Милліоны людей читали Шекспира, и только одинъ Пушкинъ обмолвился: „Отелло не ревновъ, онъ—довѣрчивъ".

Отелло убилъ Дездемону, во-первыхъ, потому что такъ сложились обстоятельства и улики были слишкомъ подавляющи. Онъ не приревновалъ, онъ повѣрилъ уликамъ, и бога, его обманувшаго, повергъ и растопталъ. Не могъ онъ не убить, ибо паденіе Дездемоны, въ которое, хотя бы и ошибочно, онъ повѣрилъ, было крушеніемъ всей его вѣры, крушеніемъ святыни и, слѣдовательно, всего смысла его жизни!.. Если Дездемона пала, то, значитъ, и все пало! Нѣтъ правды, любви и Бога, все кончено. За поруганіе храма моего мщу, бога, меня убившаго, убиваю...

Какой это ревнивецъ!..

Размышляя вслухъ о мужчинѣ и женщинѣ, писатель Арцыбашевъ роняетъ нѣсколько небанальныхъ и не лишенныхъ мѣткости и правды замѣчаній.

Есть въ женщинѣ одна ужасно омерзительная черта... Это—ложь... Особая—половая ложь. Въ одной области женщина лжива такъ, какъ мужчина не можетъ быть лживъ: мужчина лжетъ только словами, женщина всѣмъ существомъ своимъ. Сама природа устроила такъ, что если мужчина измѣнитъ, то непремѣнно охладѣетъ... Утомленный тайными ласками, холодный и равнодушный приходитъ онъ къ женѣ и уже однимъ тѣломъ своимъ выдаетъ себя. Мужская измѣна никогда не остается въ тайнѣ... Только круглая дура не почувствуетъ ея. Мужчина, если измѣнитъ, то непремѣнно и прорвется самымъ жесточайшимъ образомъ.

Женщина измѣнитъ—объ этомъ никто, кромѣ Бога, не догадается, если она сама не захочетъ, чтобы объ этомъ знали. Она будетъ лгать каждой черточкой своего тѣла. Что — слова?.. Словамъ никто не вѣритъ... Но женщина лжетъ тѣломъ: именно съ чужой постели придетъ она особенно ласковая, страстная, изступленная... Должно быть, сладость грѣха, сладострастіе обмана особенно разжигаютъ ее... Тѣло же ея устроено такъ, что симулировать страсть, даже при полномъ охлажденіи, ей ничего не стоитъ.

Мужчина, если его припрешь къ стѣнѣ, всегда и неукоснительно сознается въ своей винѣ. Махнетъ рукой и очертя голову принесетъ повинную во всемъ.

Женщина никогда... Она и умретъ, не скажетъ... Вы будете ее душить, убивать, терзать—не скажетъ... А скажетъ, и сейчасъ же отопрется, какъ только вы ее выпустите: я пошутила, я обозлилась, ты меня мучилъ... И никогда не узнаетъ правды мужъ и будетъ ходить, подозрѣвая, что со всѣхъ сторонъ на него пальцами показываютъ, что за спиной его хихикаютъ, что дѣти его—не его дѣти... Центральная часть вещицы Арцыбашева—разсказъ объ одномъ грузинскомъ князѣ, убившемъ жену изъ ревности.

За женой, которую грузинъ страшно любилъ,

[1]) („Бирж. В". № 13436).

ухаживалъ какой-то офицеръ красавецъ во время пребыванія ея въ курортѣ.

Князь не былъ ревнивъ и только добродушно посмѣивался. Вѣрилъ женѣ и любовь къ ней имѣлъ крѣпкую. Она кокетничала...

Потомъ они уѣхали въ родной городъ. И вотъ тутъ-то мужъ случайно нашелъ у нея письмо того офицера, съ самымъ пылкимъ объясненіемъ въ любви и на ты.

Его какъ громомъ поразило. Но съ невиннѣйшимъ лицомъ она отвѣтила, что вовсе не виновата въ томъ, что этотъ дуракъ въ нее влюбился, что онъ ей совершенно не нуженъ, а что письмо на „ты“ просто для пущей убѣдительности, нѣчто въ родѣ поэтическаго пафоса...

И князь повѣрилъ.

Потомъ, нескоро, получена была телеграмма отъ офицера. Опять на „ты“ и „твой“ подписана...

И снова объятія, поцѣлуи, страстныя увѣренія въ любви.

— Неужели ты думаешь, что я могу тебѣ измѣнить съ такимъ идіотомъ? Неужели ты можешь ставить себя наравнѣ съ нимъ?

Я, когда слушалъ разсказъ князя, думалъ, что эта самая обычная женская система, дѣйствовать на самолюбіе.

Ну, а „ты“, „твой“, это — потому, что какъ-то, шутя, въ горахъ, на пикникѣ, конечно, при всѣхъ они, выпили брудершафтъ... Это было, конечно, глупо, и она теперь въ этомъ жестоко раскаивается... Впрочемъ, она даже и забыла это на другой же день, а этотъ влюбленный идіотъ...

И она опять была страстна и любяща, какъ никогда, и опять повѣрилъ несчастный грузинскій князь.

Но рана была нанесена, вѣра пала, и дальнѣйшая жизнь князя стала сплошнымъ страданіемъ.

Случилось такъ, что она пришла поздно, не зная, что мужъ дома уже давно, и сказала, что вышла только на четверть часа пройтись. Была же опять слишкомъ оживлена и ласкова. И князь не повѣрилъ. Именно въ этой чрезмѣрной ласковости почувствовалъ онъ, наученный уже ревновать, что-то скверное. Началась сцена, и онъ-таки добился признанія, что она видѣлась съ этимъ офицеромъ и даже гуляла съ нимъ, но она, будто бы, все время говорила съ нимъ только о томъ, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ и даже угрожала пожаловаться мужу. Князь вскипѣлъ и хотѣлъ летѣть къ офицеру, но она удержала его:

— Неужели ты хочешь, чтобы онъ подумалъ, что ты можешь меня къ нему ревновать?.. Ты этимъ унизишь и меня, и себя.

Не сказала же она ему сразу, что гуляла съ офицеромъ, потому будто бы, что знала, какъ это будетъ ему непріятно. А такъ какъ это въ послѣдній разъ и все теперь кончено, то незачѣмъ было напрасно причинять ему безпокойство.

И опять повѣрилъ. Ласкѣ, нѣжности, страсти, а больше всего своему ужасу передъ измѣной повѣрилъ. Ибо если бы не повѣрилъ, то, значитъ, призналъ бы измѣну, какъ фактъ, а это было слишкомъ ужасно для него.

И, наконецъ, произошла катастрофа.

Жили они въ отелѣ. Вернувшись какъ-то домой и отворивъ дверь (быстро, неслышно отворивъ, ибо уже былъ ревнивцемъ, слѣдилъ, пользовался каждымъ, даже нелѣпымъ случаемъ, чтобы провѣрить), князь увидѣлъ жену свою въ юбкѣ и рубашкѣ, сползшей съ плечъ, въ объятіяхъ офицера, покрывавшаго поцѣлуями ея лицо, голыя плечи, обнажившуюся грудь...

Была страшная, омерзительная сцена, драка отвратительная между двумя озвѣрѣвшими мужчинами, въ присутствіи забившейся въ уголъ полуобнаженной женщины. Сбѣжались лакеи...

Все это должно было кончиться дуэлью, но въ эту же ночь князь задушилъ свою жену.

Когда офицеръ вылетѣлъ изъ комнаты, — князь въ первый разъ въ жизни избилъ жену, ибо былъ какъ сумасшедшій и ничего не соображалъ... Она приняла побои безъ сопротивленія, безъ крика, покорная и жалкая... Только плакала. А когда онъ усталъ и сидѣлъ въ отчаяніи, обхвативши голову руками, пришла и тихонько стала на колѣни... Сначала онъ оттолкнулъ ее, такъ что упала, а потомъ, нескоро, сталъ прислушиваться къ тому, что она говорила.

А говорила эта женщина, что она ни въ чемъ не виновата передъ нимъ, что этотъ офицеръ нарочно выслѣдилъ, когда его не будетъ дома, неожиданно ворвался въ номеръ въ то время, когда она передъ зеркаломъ, полураздѣтая, убирала волосы, и, увидивъ ее полуголую, ошалѣлъ и кинулся ее цѣловать,— только и всего.

И бѣднякъ повѣрилъ въ послѣдній разъ. Съ мукой, съ презрѣніемъ къ самому себѣ, съ ненавистью къ ней, повѣрилъ. Ибо все таки любилъ, и было слишкомъ ужасно не повѣрить.

Но въ эту же ночь, послѣ страстныхъ ласкъ и полнаго, казалось, примиренія, почувствовалъ, что не можетъ вѣрить, что мука сомнѣнія уже навсегда въ его душѣ, что этакъ можно повѣрить и заставъ въ постели: изпаскудилъ молъ... И, чувствуя надрывъ на всю жизнь, какъ утопающій, цѣпляясь за соломенку,

сталъ молить ее сказать ему правду. Онъ уже не думалъ о счастіи и спокойствіи, они навсегда ушли, ибо если бы и сказала „нѣтъ“, то все равно уже не повѣрилъ бы, а завтра сталъ бы мучиться вновь. А молилъ уже, чтобы сказала „да“, потому что тогда было бы горе, ужасъ, но была бы правда, а самая ужасная правда теперь была бы для него легче неизвѣстности. Знай онъ правду, онъ переборолъ бы любовь, ушелъ бы, постарался бы найти въ чемъ-нибудь забвеніе, а съ неизвѣстностью долженъ былъ жить и любить, безъ вѣры, безъ уваженія, презирая себя и ненавидя ее.

И тутъ она сначала отрицала, а потомъ сказала, что онъ такъ замучилъ ее, что:

— Если тебѣ этого хочется, такъ—да...

Онъ еще поймалъ уклончивость отвѣта, вновь сталъ умолять, требовать правды, чувствуя, что не разберется уже ни въ какой правдѣ, плакалъ, головой о стѣну бился... И, наконецъ, сталъ сначала ей руки ломать, мучить, пытать, а потомъ схватилъ за горло и сталъ душить, какъ гадину.

Пробудилась ли въ ней животная ненависть къ мучителю, но сказала она уже со злобой, глядя ему въ глаза темными, звѣриными глазами:

— Ну, да, да... измѣнила, смѣялась надъ тобой, и не съ нимъ однимъ... у меня было много любовниковъ, и всѣ это знали... одинъ ты, идіотъ, ничего не видѣлъ... Я тебя презираю, ненавижу, ты мнѣ надоѣлъ... Оставь меня...

Это было слишкомъ для измученнаго сердца. И, вѣря и не вѣря, запутавшись въ хаотическомъ кошмарѣ, въ гнѣвѣ, въ изступленіи, онъ задушилъ ее, самъ уже не помня, когда и какъ...

Былъ онъ какъ безумный, и опомнился только тогда, когда замерли послѣднія судороги, и лежалъ передъ нимъ уже только истерзанный, обнаженный, страшный и жалкій трупъ.

Но правды такъ и не узналъ.

Офицеръ тотъ вскорѣ уѣхалъ на войну, когда князь былъ еще въ тюрьмѣ, и назадъ не вернулся.

И вотъ сидѣлъ бѣднякъ передо мною, изступленный, съ нечеловѣческой мукой въ глазахъ и спрашивалъ:

— Вы — писатель, психологъ, скажите: измѣнила ли она мнѣ?.. Скажите.

Я ничего не могъ ему сказать.

Писатель на минуту снова возвращается къ событію дня и роняетъ глубокое, вѣрное замѣчаніе, какъ общій выводъ изъ всѣхъ разговоровъ о любви и отношеніяхъ мужчины и женщины.

Тайны женской и мужской любви не раскроешь... О ней знаютъ только двое—онъ и она. А здѣсь все на тайнѣ, на мельчайшихъ, постороннему даже непонятныхъ, мелочахъ сплетено!.. Одну мелочь опусти, одно слово выдерни, и уже нельзя понять, и уже убійство безсмысленное кажется логичнымъ, а неизбѣжное—безсмысленнымъ самодурствомъ... Но если ревность — не какое-то глупое чудовище съ зелеными глазами, а тотъ кошмаръ, о которомъ мы говорили, то муки убійцы были ужасны, и осудить его можетъ ужъ развѣ Богъ одинъ...

Свѣтъ и тѣни въ любви композитора Сѣрова.

Въ „Рус. Мысли“, съ первой книжки, печатается біографическая повѣсть „Александръ Николаевичъ Сѣровъ“. Ея авторъ, В. С. Сѣрова, жена покойнаго композитора, здѣсь подробно разсказываетъ о „праздникахъ и будняхъ“ ихъ совмѣстной жизни. Въ этихъ живо написанныхъ воспоминаніяхъ останавливаютъ на себѣ вниманіе два эпизода изъ исторіи ихъ любви — свѣтлое „утро любви“ и первая супружеская „буря“, чуть не разрушившая вконецъ семейное счастье Сѣровыхъ.

Творецъ „Юдиѳи“ уже пожилымъ человѣкомъ влюбился въ свою юную ученицу, которой суждено было стать спутницей его жизни.

Когда наступилъ торжественный часъ объясненія, когда были сказаны, наконецъ, эти магическія слова: „я безъ васъ жить не могу!“ и, какъ полагается, запечатлѣны *первымъ* поцѣлуемъ, —„мы въ первый и единственный разъ въ жизни не знали, о чемъ бесѣдовать. Вагнеръ, Бетховенъ, Листъ и Бахъ, всѣ наши старые друзья, стали вдругъ чужды намъ, хотя еще за два дня духовное общеніе съ ними служило намъ связующимъ звеномъ и мы были такъ счастливы находиться между ними. Довольно странно было видѣть насъ разговаривающими о погодѣ, о дурной мостовой. Я почувствовала неимовѣрную усталость. Сѣровъ уѣхалъ, взявъ съ меня слово, что я вечеркомъ загляну къ нему. По уходѣ его тяжелыя думы охватили мою душу. О чемъ я думала? Думала я все на одну тему, которая меня до такой степени разстроила, что я вечеромъ явилась къ Сѣрову съ заплаканными глазами.

— Что съ вами? Что случилось? — испуганно воскликнулъ онъ. Я бросилась къ нему и на груди его выплакала свои дѣвичьи слезы.

— Боюсь за васъ, боюсь за себя, боюсь за свою свободу: я не могу свыкнуться съ мыслью, что не буду болѣе учиться. Я чувствую, что теряю почву подъ ногами, меня кто-то толкаетъ въ совершенно чуждую для меня жизнь... Боже мой! какъ мнѣ больно... тяжело! — Глухія рыданія заглушали слова. Сѣровъ гладилъ мои волосы, участливо приласкалъ меня, но успокоить не сумѣлъ. Всѣ его доводы рушились передъ моими, хотя мы были одинаково неопытны въ практической жизни; я понимала только одно, что отъ меня требуется жертва и что я не могу ее принести безъ боли. Его утѣшенія меня даже раздражали. Предложеніе жить въ отдѣльныхъ двухъ этажахъ, чтобъ не мѣшать другъ другу заниматься музыкой, мнѣ показалось далеко не разумнѣе нейтральной комнаты! Не въ этажахъ было дѣло, не въ нейтральныхъ комнатахъ, а въ томъ сознаніи, что жить жизнью трудовой, ученической, о которой я тогда мечтала, мнѣ больше не представлялось возможнымъ. О Сѣровѣ я забыла въ тотъ мигъ; эгоизмъ, присущій артисту и очень юному существу, охватилъ меня всецѣло. Сѣровъ растерялся. Не ему, понятно, должна я была выплакать свое горе; но не было другого, болѣе близкаго человѣка, и я не задумалась нисколько о томъ, что отравляю ему этими слезами только что пережитые счастливые моменты. Когда я нѣсколько успокоилась, Сѣровъ почувствовалъ свою силу и, бросивъ невольную робость (охватывающую такъ часто сильныя натуры при видѣ женскихъ слезъ), рѣшительными, твердыми шагами подошелъ къ органу. Онъ никогда не фантазировалъ за инструментомъ, но въ этотъ единый разъ, когда разнообразнѣйшія чувства, тѣснившія его грудь, рвались наружу, онъ сталъ импровизировать... Что это за чудная была импровизація!! Это былъ цѣлый міръ вдохновенныхъ звуковъ, уносящихъ слушателя въ иной, возвышенный міръ. Благодатное чувство самозабвенія снизошло на меня, и горе мое затихло. Я глядѣла въ одну точку, на эту сѣрую маленькую фигуру, которая все росла и росла, все поднималась; и чѣмъ болѣе въ моихъ глазахъ она возвышалась, тѣмъ ниже, тѣмъ мельче я становилась сама передъ собой. Ужъ не эгоистическія слезы меня душили, — нѣтъ! моя грудь подымалась отъ нравственной силы и потребности — принести нужную жертву тому, кто сумѣлъ звуками вызвать дивное перерожденіе. Сѣровъ все игралъ и какъ будто слился съ своимъ инструментомъ; гармонія становилась все мощнѣй, глубже; органъ никогда не издавалъ такихъ богатыхъ, полныхъ содержанія звуковъ; во всей сѣровской музыкѣ не находила я такой сильной и вмѣстѣ съ тѣмъ умиротворяющей мелодіи. Я подошла къ органу, опустилась на колѣни около него, и такъ мирно, тихо, хорошо стало на сердцѣ, словно горячая молитва подкрѣпила мою измученную душу. Когда онъ кончилъ, я осталась все въ томъ же положеніи: Сѣровъ понялъ меня... онъ, какъ бы благословляя, положилъ свою руку на мою голову. Я медленно поднялась и твердымъ голосомъ сказала:

— Я *буду* вашей женой, я *хочу* быть вашей женой!

Сѣровъ стоялъ, глубоко потрясенный: на выразительномъ его лицѣ лежалъ отпечатокъ глубокаго раздумья; въ глазахъ свѣтилась кроткая, добрая мысль; голова была не гордо закинута назадъ, а какая-то смѣлая отвага заставила его держать ее высоко.

— Такъ какъ мы съ вами люди, не признающіе рутинной обрядности, то церковное бракосочетаніе можетъ насъ интересовать только со стороны неизбѣжной формальности; этотъ же интимный союзъ въ моментъ, вызванный высокимъ полетомъ нашихъ одинаково настроенныхъ душъ, будемъ считать настоящимъ актомъ духовнаго нашего бракосочетанія. Итакъ, я васъ привѣтствую, какъ жену свою, и считаю ваше слово ненарушимымъ.

У него висѣло распятіе изъ слоновой кости; онъ подвелъ меня къ нему.

— Я всей душой люблю Христа; когда глядишь на его изображеніе, чувствуешь, что тебя приковываетъ къ Нему крѣпкая высоконравственная связь, и еще смѣлѣе рвешься въ борьбу за свои идеалы... Культовъ я не признаю — музыка для меня есть религія, вѣра, нравственность — все!!

Постоявъ передъ распятіемъ, Сѣровъ предложилъ сыграть фугу Баха.

— Онъ былъ нашимъ сватомъ, пусть теперь будетъ нашимъ посаженымъ отцомъ.

Онъ выбралъ E-moll'ную. Она гармонировала вполнѣ съ нашимъ настроеніемъ, и мы сыграли ее, какъ будто разговаривали на языкѣ, еще болѣе родномъ, чѣмъ русскій.

Я собралась итти домой. На прощанье онъ мнѣ сказалъ:

— Не убивайтесь же, дорогая, вѣдь и мнѣ въ голову не приходило искать себѣ жену: я былъ увѣренъ, что умру холостякомъ, но нельзя же итти противъ судьбы — *такъ* слѣдуетъ поступать, а не иначе! Вы видите, я не колеблюсь, ни на минуту не задумываюсь о томъ, что я могу выиграть или утратить, связавъ свою жизнь съ вашей. Такъ должно быть! „Es muss sein“, — цитировалъ онъ motto

изъ бетховенскаго квартета. Я искренно раскаивалась въ своемъ малодушіи и потому молчала, опустивъ глаза.

— Завтра ѣдемъ къ мамѣ; она будетъ на седьмомъ небѣ отъ радости, что все такъ благополучно обошлось.

Слегка прикоснувшись губами къ моему лбу, онъ прошепталъ чуть слышно: „Не унывайте!“

Я взглянула на Сѣрова глазами, преисполненными глубокой вѣры въ него, и встрѣтила его любящій, ласкающій взоръ.

— Моя невѣста! — невольно простеръ онъ ко мнѣ руки.

Раздался звонокъ, я поспѣшила домой“.

* * *

Сѣровы уже были женаты нѣсколько лѣтъ, уже успѣли они похоронить одного изъ дѣтей, когда разразилась неожиданно „гроза“.

„Разъ пришлось мнѣ чинить карманъ его сюртука и оттуда выпала записка слѣдующаго содержанія: „Я буду васъ ждать, А. Н., на томъ же мѣстѣ, какъ всегда, приходите непремѣнно. Ваша любящая К.“.

— Что это такое? Что же это такое? Кто это К.?

Схвативъ шляпку, я помчалась въ Публичную библіотеку.

— Что съ тобой? Что ты? — воскликнулъ Сѣровъ, сидя среди фоліантовъ и ученыхъ трактатовъ о греческихъ гаммахъ.

Я ему сунула въ руку записку.

— Пойдемъ домой,— промолвилъ онъ, блѣднѣя, и сталъ убирать свою работу.— Ты гдѣ нашла записку? — спросилъ онъ, возвратившись домой.

— Въ сюртукѣ...

— Что же? ты... не понимаю... ты хочешь объясненія?

— Я хочу пити въ гувернантки,— твердо сказала я.

— Зачѣмъ?

— Я подъ одной крышей жить съ тобой не хочу!

— Но ты же жила со мной до сихъ поръ, почему же теперь не хочешь?

— Оттого, что ты меня обманулъ!

— Я тебя не обманывалъ; если бъ ты меня спросила обстоятельно, я отъ тебя ничего не утаилъ бы.

— О чемъ я могла спрашивать, если я не подозрѣвала, что ты... что ты...— я захлебывалась отъ обиды и горечи.

— Ты мнѣ скажи: ты можешь совершенно объективно разговаривать теперь?

— Я разговаривать не хочу: бѣжать безъ оглядки хочу изъ этого дома...

— Тогда ты, конечно, не способна разговаривать.

— О чемъ намъ разговаривать? О чемъ? О Шекспирѣ, Вагнерѣ, когда у меня грудь разрывается отъ постигшаго меня горя? Ты себя называешь ходячимъ диксіонеромъ; но вѣдь я-то не диксіонеръ, у меня душа — понимаешь? — душа есть, и ты ее растоптадъ...

— Ты успокойся, я себя чувствую виноватымъ, но только въ одномъ — въ трусости! Я пытался тебѣ все сказать, да отчасти жалко было тебя, отчасти думалось: вѣдь и такъ живемъ хорошо...

— А теперь? Хорошо?

— Вотъ теперь я все тебѣ скажу.

— Да что проку въ томъ, что я все узнаю? Вѣдь у меня жизнь теперь вся разбита...

— Ты себя считаешь или считала незаурядной женщиной; если это такъ, то и будь ею въ положеніяхъ сложныхъ, трудныхъ. *Такъ*, какъ ты чувствуешь, и *то*, что ты чувствуешь и говоришь въ данную минуту, говорятъ всѣ, и, быть можетъ, онѣ правы; но попытайся развязывать жизненные узлы своеобразнѣе.

— Что же мнѣ дѣлать? Что дѣлать-то?

— Давай разговаривать и обсудимъ дѣло хорошенько, какъ намъ съ жизнью справиться безъ рутинныхъ, шаблонныхъ поступковъ.

— А твой поступокъ оригиналенъ?

— Да! — твердо сказалъ Сѣровъ.

Онъ стоялъ передо мною со сверкающими глазами; въ нихъ заискрился тотъ огонекъ, котораго я давно ужъ не замѣчала и который имѣлъ надо мной обаятельную силу.

— Ты... значитъ... съ этой женщиной не имѣлъ никакихъ сношеній?

— Имѣю. Я съ ней пятнадцать лѣтъ жилъ до твоего знакомства и продолжаю жить теперь.

— Боже! Боже мой! Зачѣмъ же ты женился?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что я тебя полюбилъ всецѣло, полюбилъ не только женщину, но артиста и человѣка; душой я сжился вполнѣ съ тобой. Скажи, ты чувствуешь нарушеніе моей нравственной связи съ тобой? Я развѣ не покинулъ всего съ тѣхъ поръ, какъ женился? Есть у меня общество, друзья, пріятели или какія-нибудь другія притягательныя силы, отвлекающія меня отъ дома и семьи? Музыка и семья моя — вотъ чѣмъ я живу. Скажи, я правду говорю?

— Я теперь ничего не могу сказать, у меня все перепуталось. До сегодняшняго дня я

считала это правдой, но... зачѣмъ ты видишься съ ней... съ этой женщиной?

— Привычка. Она простая женщина, но сумѣла меня привязать настолько за пятнадцать лѣтъ, что я, твердо намѣреваясь ее бросить (въ первые годы женитьбы, дѣйствительно, избѣгалъ ее), за послѣднее время... не знаю, что со мной сталось... я самъ себя упрекаю... но меня къ ней потянуло, повторяю, по привычкѣ.

— Ты, значитъ, съ двумя женами жилъ заразъ?

— Ты пойми меня! ты молода, ужасно молода еще!.. Да ты, увѣряю тебя, больше вкладываешь трагизма въ эту исторію, чѣмъ...

— Серьезное или мелкое значеніе имѣетъ эта исторія, я разобрать теперь не могу, одно я знаю: я не хочу быть женой твоей, потому что раздѣла въ этомъ отношеніи не признаю.

— Ты, что жъ, меня покинуть хочешь и, дѣйствительно, уйдешь въ гувернантки?

— Да, уйду! съ ребенкомъ уйду! Онъ тебя только свяжетъ.

— Такъ мало ты придаешь значенія человѣку, котораго ты высоко цѣнила? Который нераздѣльно дѣлилъ всецѣло свою нравственную жизнь съ тобой? Привязанность котораго къ тебѣ безпредѣльна? Наконецъ, искусство насъ сблизило тѣсно; изъ-за чего же ты нарушишь эту крѣпкую, рѣдкую связь и убиваешься изъ-за той, которой ты такъ мало дорожишь? Судьба насъ и такъ бичуетъ со всѣхъ сторонъ; зачѣмъ же наносить послѣдній ударъ? Ты видишь, я дружбы В. В. (Стасова) забыть не могу до сихъ поръ, какъ же меня тяжко поразитъ твой уходъ? Подумай!

У меня сжалось сердце отъ сожалѣнія, но чувство гордости становилось на дыбы.

— Хорошо, нравственный союзъ пусть сохранится. Я тебѣ другъ, товарищъ, но не жена... жизнь моя связалась крѣпко съ твоей, пусть эта связь и продолжается. Вотъ тебѣ не рутинное разсѣченіе житейскаго узла; отъ нашего умѣнія будетъ зависѣть устройство жизни возможной. Ты согласенъ?

— Вполнѣ. Ты останешься, значитъ?

Онъ двинулся ко мнѣ съ явнымъ желаніемъ меня притянуть къ себѣ, но я не могла поддаться его дружескому движенію, я отшатнулась отъ него. Серовъ ушелъ въ свою комнату. Еще мрачнѣе, еще безотраднѣе стали эти желто-бурыя стѣны... Что-то новое вторгалось въ нашу жизнь; какой-то наростъ сѣлъ на душу. Выдержимъ ли жестокую операцію?

Въ сумеркахъ я вошла къ Серову. Онъ лежалъ на неизмѣнномъ диванѣ. Вопросительно взглянулъ онъ на меня.

— Я хочу ее видѣть! — сказала я.

— Зачѣмъ?

— Я хочу!

— Изволь, я ей скажу; предупреждаю тебя, она простая женщина, необразованная.

— Ты думаешь, что я ревную, что ли? Утѣшить меня хочешь?.. Не трудись!

— Нѣтъ! Я хочу тебя приготовить къ этой встрѣчѣ. Я самъ ревности не понимаю и вполнѣ съ тобой согласенъ, что это чувство мелкое: но скажи мнѣ откровенно, ты ничего не имѣешь противъ нея? У тебя нѣтъ къ ней злостнаго чувства?

— Есть. Но я хочу отъ него избавиться. Быть можетъ, свиданіе съ ней меня вылѣчитъ. Даю тебѣ слово, я буду сдержанна и не забудусь ни на мигъ при ней. Послушай,— продолжала я,— вѣдь, собственно говоря, она болѣе обманута, чѣмъ я? Она страдала, когда узнала, что ты женишься? Какъ ты ей объ этомъ объявилъ? Она тебя любитъ?

— Да, по-своему.

— А ты...

— Я привыкъ. Этими словами исчерпывается все понятіе о моемъ чувствѣ къ ней. Вообще, какъ мы съ тобой часто говорили, любить можно всячески, и это слово слѣдовало бы замѣнить различными терминами для различныхъ понятій.

— Я тебѣ обѣщаю, что ни о чемъ не буду разспрашивать послѣ нашего свиданія съ ней: надѣюсь вникнуть въ твою психическую жизнь объективно, насколько смогу, но я хочу знать, какъ она приняла вѣсть о твоей женитьбѣ?

— Я отъ нея... скрылъ свою женитьбу.

Серовъ отвернулся отъ меня. Наступила пауза. Тяжелое, удручающее душу молчаніе прервала я снова.

— Прости, но я хочу знать: у васъ... (меня душилъ страхъ узнать объ еще большихъ невзгодахъ) у васъ... были... есть дѣти?

— Былъ одинъ, давно умеръ.

— Отчего ты не женился на ней?

— Она была замужемъ; но даже послѣ смерти ея мужа я не желалъ связывать свою жизнь, я хотѣлъ остаться холостякомъ. Ахъ, лапочка, не вникай ты въ нашу мужскую, холостую жизнь,— право, ничего не узнаешь отраднаго въ ней.

— Нѣтъ, я хочу вникнуть въ твою жизнь, хочу ее обнять всю, чтобъ послѣ инквизиторскихъ допросовъ покончить со всѣми подозрѣніями разомъ! Потомъ... если возможно... воскресить твой прежній свѣтлый образъ...

Я еле произнесла послѣднія слова.

— О, если бъ ты знала, сколько грязи, мерзости окружаетъ нашу холостую жизнь:

сколько здоровья, ума, таланта тратится на пустую, пошлую связь съ женщинами; какъ рѣдко улыбается счастье нашему брату соединить свою жизнь съ существомъ, умѣющимъ освѣжить ее хоть сколько-нибудь. Пойми, что моя жизнь спасена была этой женщиной отъ разврата и безнравственнаго сожительства съ грязными любовницами. Ея тихая, безпретенціозная преданность сохранила во мнѣ мою порядочность. Но жениться на ней было бы моимъ несчастьемъ. Не явись ты ко мнѣ, я до гробовой доски прожилъ бы попрежнему; но моя натура сплелась такъ могущественно съ твоей, что я не могъ устоять противъ рокового рѣшенія. Я не жалѣю о томъ, иначе не могло быть! Ты мнѣ нужна, какъ воздухъ, какъ пища, какъ солнечные лучи... Сегодня, когда я подумалъ о томъ, что ты меня покинешь, я понялъ, что ты для меня дороже всего на свѣтѣ, и я прошу тебя — будь милосердна! Вникни въ мою жизнь, если хочешь, и прости... если можешь!

— Я хочу ее видѣть! — повторила я и ушла къ ребенку...

Наконецъ, я ее увидала!

Черезъ нѣсколько дней Сѣровъ мнѣ объявилъ, что она насъ ждетъ, но съ своей стороны имѣетъ просьбу, въ которой я ей навѣрное не откажу. Ей хотѣлось видѣть нашего сына. Взявши его съ собой, мы отправились на свиданіе.

Стройная, высокая женщина вышла на порогъ къ намъ навстрѣчу. Взявъ ребенка на руки, она зацѣловала его, восхищаясь зарумянившимся отъ мороза личикомъ; потомъ она, низко кланяясь, подошла ко мнѣ и сняла съ меня шубу. Мы взглянули другъ на друга. Она была красивая блондинка, немолодая, но хорошо сохранившаяся особа. Глаза кроткіе, голубые, съ лукавымъ женско-кошачьимъ оттѣнкомъ.

— Валентина Семеновна, пожалуйте, садитесь, откушайте пирожка! — было сказано мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

Одѣта она была тщательно, совершенно просто. Сѣровъ держалъ себя непринужденно. Выпивъ рюмку водки, онъ принялся за закуску. Ребенокъ очень упростилъ наше знакомство, требуя то одного, то другого угощенія. Этотъ мелочной уходъ за дѣтьми всегда сближаетъ женщинъ, такъ какъ участливый разговоръ со стороны собесѣдницы всегда затрогиваетъ мать съ симпатичной стороны.

Общая бесѣда вертѣлась около ребенка, но *суть*, конечно, была не въ немъ. Я окинула глазами чистенькую комнатку. Тихо мерцала лампадка у иконы. Что-то ласкающее, убаюкивающее было въ движеніяхъ этой женщины. Герань на окнахъ, лампада у иконы и вся меблировка напоминали мѣщанскую обстановку. Сдержанная улыбка все время играла на ея красивыхъ губахъ; улыбка была привѣтливая, хотя не добрая; вся ея фигура выражала привычку быть осторожѣ, лукаво выжидать; нѣкоторая энергичность или, скорѣе, упорство выражала черта межъ бровей —„съ характерцомъ“, какъ охарактеризовали бы ее люди простые.

Да! Такого человѣка, какъ Сѣровъ, эта женщина могла держать въ рукахъ 15 лѣтъ; она безспорно была привязана къ нему, но что ея матеріальное благосостояніе играло немаловажную роль въ этой связи,— это было несомнѣнно. Когда она осмотрѣла меня, у нея мелькнуло рядомъ съ поддѣльной приниженностью нѣкоторое побѣдоносное выраженіе; явно, что я ей показалась ужъ очень мизерной соперницей; она чувствовала власть своей красоты.

Такъ вотъ куда Сѣрова влекла *привычка*! Нѣтъ, не одна привычка... Я должна признаться, тутъ, въ этихъ стѣнахъ, что-то грѣло, и мирное прозябаніе успокаивало нервы, раболѣпное поддакиваніе усыпляло ихъ.

А у насъ, дома?

Я мысленно оглянулась на прожитые съ Сѣровымъ четыре года, сдѣлала имъ провѣрку оказалось, что или искусство насъ всецѣло поглощало, или уходъ за дѣтьми меня удалялъ отъ спокойнаго ухаживанія за мужемъ; то жизнь насъ обоихъ вихремъ кружила вокругъ событій, полныхъ интереса, и закидывала ворохомъ жгучихъ вопросовъ. Да! Сѣрову недоставало для полной гармоніи и симметріи его артистической жизни именно этой комнатки съ лампадой передъ иконой и геранью на окнахъ. Я это поняла и... простила.

Почему Гете прощаются его увлеченія, часто даже ничѣмъ не мотивированныя, кромѣ права, которымъ почему-то геніи и таланты пользуются съ большей привилегіей, чѣмъ всѣ прочіе смертные?

Правъ ли былъ Сѣровъ — не знаю! Тогда не могла себѣ дать отчета въ этомъ и теперь не умѣю отвѣтить на этотъ вопросъ. Я *поняла* его,— большаго отъ меня нельзя было требовать.

Вернувшись домой, я замкнулась у себя въ комнатѣ и въ тяжкомъ раздумьѣ сѣла къ окошку съ невольнымъ возгласомъ: „вотъ она, жизнь-то!“ Послышался знакомый шорохъ въ дверяхъ и давно забытое приглашеніе:

— Лапочка, хочешь помузицировать? Я привезъ Бетховена мессу въ четыре руки.

Снова музыка! Снова толкованіе Бетховена Сѣровымъ! Прошлое, ученическое чувство охватило меня... Мы сѣли играть. Прожитое горе наложило печать на наше исполненіе: свинцовыми гирями сурово запечатлѣвались въ нашихъ душахъ тяжеловѣсныя комбинаціи мрачнаго генія страдальца-музыканта. Какая-то ѣдкая боль, доставлявшая намъ наслажденіе своимъ мучительнымъ терзаніемъ, пронизывала насквозь наши организмы и вылилась въ выдержанной, классической игрѣ. Вотъ въ какіе моменты силы закаляются, растутъ, и музыкальные темпы выдерживаются въ безстрастномъ величіи... Сѣровъ вполголоса запѣлъ Agnus Dei [1]); жалобная, преисполненная божественнаго самоотреченія мелодія расплавила желѣзную твердость моего душевнаго панцыря: обильныя слезы потекли... Снова на груди Сѣрова было выплакано уже не предвосхищенное страданіе, какъ въ былые дѣвичьи годы, — мучительное, пережитое, сокрушающее горе вылилось въ этомъ тихомъ, безмолвномъ душевномъ воплѣ.

Сѣровъ молча ласкалъ мою голову; новое крѣпкое чувство соединило насъ. Залномъ проглотили мы періодъ учебнаго увлеченія; игриво, легко прошли супружескіе годы; теперь совершенно оригинальное чувство сковывало насъ. Отнынѣ его сожительство создало для меня дорогой, какъ бы родительскій пріютъ, о которомъ до сихъ поръ у меня осталось безподобное, чудное воспоминаніе".

Элементъ игры въ жизни и творчествѣ Гоголя.

Не кропотливый, многодумный анализъ, а умѣнье сразу найти „слабую струнку", умѣнье „голыми руками" взять самую непокорную, казалось бы, натуру—вотъ черта, которая отличаетъ Гоголя въ ряду прочихъ писателей-психологовъ. И этимъ даромъ „ловца человѣковъ", который послѣ вылился во всей полнотѣ въ его безсмертныхъ твореніяхъ, Гоголь владѣлъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ, сочетавъ его съ другимъ даромъ—даромъ „игры". О томъ, какъ рано и какъ ярко началъ сказываться этотъ „элементъ игры" въ жизни Гоголя, свидѣтельствуетъ одинъ эпизодъ изъ жизни писателя, когда ему не было еще и 14 лѣтъ, приведенный П. Е. Щеголевымъ, въ его недавно вышедшей книжкѣ „Историческіе этюды". Этотъ эпизодъ, который Щеголевъ заимствуетъ изъ воспоминаній А. М. Стороженко, поразителенъ потому, что въ немъ дѣйствительность и игра почти сливаются, незамѣтно переходя одна въ другую и въ этой неразличимости переживаній жизненныхъ и переживаній въ игрѣ уже ясно виденъ элементъ художественнаго творчества.

Стремленіе играть,—говоритъ Щеголевъ о юномъ Гоголѣ,—возникало изъ различныхъ сторонъ его духовнаго склада и прежде всего изъ полноты, избытка жизни, которая ключемъ била въ мальчикѣ. Кромѣ этого источника, игра была слѣдствіемъ той оцѣнки, какую Гоголь дѣлалъ окружавшей его дѣйствительности. Товарищи не заслуживали того, чтобы имъ знакомить съ тѣми родниками настоящей жизни, которые кипѣли въ глубинѣ его души. На этой почвѣ игра превращалась въ мистификацію и становилась творческой.

„Послѣ обѣда,—начинаетъ свой разсказъ Стороженко,—кто-то дернулъ меня за фалдочку; оглянувшись, я увидѣлъ Гоголя.—Пойдемъ въ садъ,—шепнулъ онъ и довольно скоро пошелъ въ диванную; я послѣдовалъ за нимъ и, пройдя нѣсколько комнатъ, мы вышли на террасу...

— Знаете-ли, что сдѣлаемъ?—сказалъ Гоголь:—мы теперь свободны часа на три; пойдемъ въ лѣсъ?

— Пожалуй,—отвѣчалъ я:—но какъ мы переберемся черезъ рѣку?

— Вѣроятно, тамъ отыщемъ челнокъ, а, можетъ быть, и мостъ есть.—Мы спустились съ горы прямикомъ, перелѣзли черезъ заборъ и очутились въ узкомъ и длинномъ переулкѣ, въ родѣ того, какой раздѣлялъ усадьбы Ивана Ивановича отъ Ивана Никифоровича.

— Направо или налѣво?—спросилъ я, видя, что Гоголь съ нерѣшимостью посматривалъ то въ ту, то въ другую сторону переулка.

— Далеко придется обходить,—отвѣчалъ онъ.

— Что-жъ дѣлать?

— Отправимся прямо.

— Черезъ леваду?

— Да.

— Пожалуй.

„На основаніи принятой отъ поляковъ пословицы: „шляхтичъ на своемъ огородѣ равенъ воеводѣ", въ Малороссіи считается преступленіемъ нарушить спокойствіе владѣльца; но я былъ очень сговорчивъ и первый полѣзъ черезъ плетень. Внезапное наше появленіе произвело тревогу. Собаки лаяли, злобно кидаясь на насъ, куры съ крикомъ и кудахтаньемъ разбѣжались, и мы не успѣли сдѣлать двадцати шаговъ, какъ увидѣли высокую, дебелую молодицу, съ грудянымъ ребенкомъ на рукахъ, который жевалъ пирогъ съ вишнями и выпачкалъ себѣ лицо до ушей.

[1]) Агнецъ Божій.

— Эй, вы, школяры!—закричала она:—зачѣмъ, что тутъ забыли? Убирайтесь, пока не досталось вамъ по шеямъ!

— Вотъ злючка!—сказалъ Гоголь и смѣло продолжалъ итти; я не отставалъ отъ него.

— Что-жъ, не слышите?—продолжала молодица, озлобляясь:—оглохнули? Вонъ, говорю, курохваты, а не то позову чоловика (мужа), такъ онъ вамъ ноги поперебиваетъ, чтобъ въ другой разъ черезъ чужіе плетни не лазили!

— Постой,—сказалъ Гоголь:—я тебя еще не такъ разсержу!

— Что вамъ нужно?.. зачѣмъ пришли, проды?—грозно спросила молодица, остановясь въ нѣсколькихъ отъ насъ шагахъ.

— Намъ сказали,—отвѣчалъ спокойно Гоголь:—что живетъ молодица, у которой дитина похожа на поросенка.

— Что такое?—воскликнула молодица, съ недоумѣніемъ посматривая то на насъ, то на свое дѣтище.

— Да вотъ оно!—вскричалъ Гоголь, указывая на ребенка:—какое сходство! настоящій поросенокъ!

— Удивительно, чистѣйшій поросенокъ!—подхватилъ я, захохотавъ во все горло.

— Какъ,—моя дитина похожа на поросенка!—заревѣла молодица, блѣднѣя отъ злости:—шибеники (достойные висѣлицы, сорванцы), чтобъ вы не дождали завтрашняго дня, сто болячекъ вамъ!.. Остапе! Остапе!—закричала она, какъ будто ее рѣзали.—Скорѣй, Остапе!..—и кинулась навстрѣчу мужу, который, неспѣша, подходилъ къ намъ съ заступомъ въ рукахъ.

— Бей ихъ заступомъ!—вопила молодица, указывая на насъ:—бей, говорю, шибениковъ! Знаешь ли что они говорятъ?

— Чего ты такъ раскудахталась?—спросилъ мужикъ, остановясь:—я думалъ, что съ тебя кожу сдираютъ.

— Послушай, Остапе, что эти богомерзкіе школяры, проды, выгадываютъ!—задыхаясь отъ злобы, говорила молодица:—разсказываютъ, что наша дитина похожа на поросенка!

— Что жъ, можетъ быть и правда,—отвѣчалъ мужикъ хладнокровно:—это тебѣ за то, что ты меня кабаномъ называешь.

„Нѣтъ словъ выразить бѣшенства молодицы. Она бранилась, плевалась, проклинала мужа, насъ и съ ругательствами, угрозами отправилась въ хату. Не ожидая такой благополучной развязки, мы очень обрадовались, а Остапъ, понурившись, стоялъ, опершись на заступъ.

— Что вамъ нужно, панычи?—спросилъ онъ, когда брань его жены затихла.

— Мы пробираемся на ту сторону,—сказалъ Гоголь, указывая на лѣсъ.

— Ступайте жъ по этой дорожкѣ: черезъ хату вамъ было бы ближе, да теперь не безопасно; жена моя не охотница до шутокъ и можетъ васъ поколотить.

„Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, Остапъ остановилъ насъ.

— Послушайте, панычи, если вы увидите мою жену, не трогайте ее, не дразните, теперь и безъ того мнѣ будетъ съ нею возни на цѣлую недѣлю.

— Если мы и увидимъ,—сказалъ Гоголь, улыбаясь:—то помиримся.

— Не скажите этого, нѣтъ; вы не знаете моей жинки; станете мириться—еще хуже разбѣсите!

„Мы пошли по указанной дорожкѣ.

— Сколько юмору, ума, такта!—сказалъ съ одушевленіемъ Гоголь:—другой бы затѣялъ драку, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы вся эта исторія кончилась, а онъ поступилъ, какъ самый тонкій дипломатъ; все обратилъ въ шутку—настоящій Безбородко!

„Выйдя изъ левады, мы повернули налѣво и, подходя къ хатѣ Остапа, увидѣли жену его, стоявшую возлѣ дверей. Ребенка держала она на лѣвой рукѣ, а правая вооружена была толстой палкой. Лицо ея было блѣдно, а изъ-подъ нахмуренныхъ бровей злобно сверкали черные глаза. Гоголь повернулся къ ней.

— Не трогайте ее,—сказалъ я:—она еще вытянетъ васъ палкой.

— Не бойтесь, все кончится благополучно.

— Не подходи!—закричала молодица, замахиваясь палкой:—ей-Богу, ударю!

— Безсовѣстная, Бога ты не боишься,—говорилъ Гоголя, подходя къ ней и не обращая вниманія на угрозы.—Ну, скажи на милость, какъ тебѣ не грѣхъ думать, что твоя дитина похожа на поросенка?

— Зачѣмъ же ты это говорилъ?

— Дура! шутокъ не понимаешь, а еще хотѣла, чтобъ Остапъ заступомъ проломалъ намъ головы; вѣдь ты знаешь, кто это такой!—шепнулъ Гоголь, показывая на меня:—это изъ суда чиновникъ, пріѣхалъ взыскивать недоимки.

— Зачѣмъ же вы, какъ злодіи (воры) лазите по плетиямъ да собакъ дразните.

— Ну, полно же, не къ лицу такой красивой молодицѣ сердиться. Славный у тебя хлопчикъ, знатный изъ него выйдетъ писарчукъ: когда выростетъ, громада выберетъ его въ головы.

„Гоголь погладилъ по головѣ ребенка, и я подошелъ и также поласкалъ дитя.

— Не выберутъ,—отвѣчала молодица смягчаясь:—мы бѣдны, а въ головы выбираютъ только богатыхъ.

— Ну, такъ въ москали возьмутъ.

— Боже, сохрани!

— Эка важность! въ унтера произведутъ, придетъ до тебя въ отпускъ въ крестахъ, такимъ молодцомъ, что все село будетъ снимать передъ нимъ шапки, а какъ пойдетъ по улицѣ да брякнетъ шпорами, сабелькой, такъ дивчата будутъ глядѣть на него да облизываться; „чей это?—спросятъ,—служивый“?.. Какъ тебя зовутъ?..

— Мартой.

— Мартинъ, скажутъ, да и молодецъ же какой, точно намалеванный! А потомъ не придетъ уже, а пріѣдетъ къ тебѣ тройкой, въ кибиткѣ, офицеромъ и всякаго богатства съ собой навезетъ и гостинцевъ.

— Что это вы выгадываете,—можно ли?

— А почему жъ нѣтъ? Мало ли теперь изъ унтеровъ выслуживаются въ офицеры!

— Да, конечно; вотъ Оксанинъ пятый годъ уже офицеромъ и Петровъ также, чуть ли городничимъ не поставили его въ Лохвицу.

— Вотъ и твоего также поставитъ городничимъ въ Ромнахъ. Тогда-то заживешь! въ какомъ будешь почетѣ, уваженіи, одѣнутъ тебя, какъ пани.

— Полно вамъ выгадывать неподобное!— вскричала молодица, радостно захохотавъ:— можно ли человѣку дожить до такого счастья?

„Тутъ Гоголь съ необыкновенной увлекательностью началъ описывать привольное ея житье въ Ромнахъ: какъ квартальные будутъ передъ нею расталкивать народъ, когда она войдетъ въ церковь, какъ купцы будутъ угощать ее и подносить варенуху на серебряномъ подносѣ, низко кланяясь и величая сударынейматушкой; какъ во время ярмарки она будетъ ходить по лавкамъ и брать на выборъ, какъ изъ собственнаго сундука, разные товары безплатно; какъ сынъ ея женится на богатой панночкѣ и тому подобное. Молодица слушала Гоголя съ напряженнымъ вниманіемъ, ловила каждое его слово. Глаза ея сіяли радостно; щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Бѣдный мой Аверко,—восклицаетъ она, нѣжно прижимая дитя къ груди:—смѣются надъ нами, смѣются!

„Но Аверко не льнулъ къ груди матери, а пристально смотрѣлъ на Гоголя, какъ будто понималъ и также интересовался его разсказомъ, и когда онъ кончилъ, то Аверко какъ бы въ награду подалъ ему свой недоѣденный пирогъ, сказавъ отрывисто: „на!“.

— Видишь ли, какой разумный и добрый,— сказалъ Гоголь:—вотъ что значитъ казакъ: еще на рукахъ, а уже разумнѣе своей матери, а ты еще умничаешь, да хочешь верховодить надъ мужемъ, и сердилась на него за то, что онъ намъ костей не переломалъ.

— Простите, панночку,—отвѣчала молодица, низко кланяясь:—я не знала, что вы такіе добрые панычи. Сказано: у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Конечно, жена всегда глупѣе чоловика и должна слушать и повиноваться ему—такъ и въ святомъ писаніи написано.

„Остапъ показался изъ-за угла хаты и прервалъ рѣчь Марты.

— Третій годъ женатъ,—сказалъ онъ, съ удивленіемъ, посматривая на Гоголя,—и впервые пришлось услышать отъ жены разумное слово. Нѣтъ, панычу, воля ваша, а вы что-то не простое, я шелъ сюда и боялся, чтобъ она вамъ носовъ не откусала, анъ смотрю, вы ее въ ягничку (овечку) обернули.

— Послушай, Остапе,—ласково отозвалась Марта:—послушай, что панычъ разсказываетъ!

„Но Остапъ, не слушая жены, съ удивленіемъ продолжалъ смотрѣть на Гоголя.

„Не простое, ей-ей, не простое,—бормоталъ онъ:—просто чаровникъ (чародѣй!). Смотри, какая добрая и разумная стала, и святое писаніе знаетъ, какъ будто грамотная.

„Я также раздѣлялъ мнѣніе Остапа; искусство, съ которымъ Гоголь укротилъ взбѣшенную женщину, казалось мнѣ невѣроятнымъ; въ его юныя лѣта еще невозможно было проникать въ сердце человѣческое до того, чтобъ играть имъ, какъ мячикомъ; но Гоголь, безсознательно, силою своего генія, постигалъ уже тайные изгибы сердца.

— Разскажите же, панночку,—просила Марта Гоголя умоляющимъ голосомъ: — Остапе, послушай!

— Послѣ разскажу,—отвѣчалъ Гоголь, а теперь научите, какъ намъ переправиться черезъ рѣку.

— Я попрошу у Кондрата челнокъ,—сказала Марта и, передавъ дитя на руки мужа, побѣжала въ сосѣднюю хату.

„Мы не успѣли дойти до того мѣста, гдѣ была лодка, какъ Марта догнала насъ съ весломъ въ рукѣ...

„Лицо Гоголя горѣло яркимъ румянцемъ; взглядъ сверкалъ вдохновенно. Веселая насмѣшливая улыбка исчезла, и физіономія его приняла выраженіе серьезное, степенное“.

Въ этомъ эпизодѣ много игры, игры человѣческой душой. Понятно, что Гоголь съ своей страстью къ игрѣ производилъ въ дѣтствѣ различное, многообразное впечатлѣніе. Въ немъ было много лицъ, подчиняющихся его волѣ. „Я почитаюсь загадкой для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ не-

дантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собой вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиреннякомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ—уменъ, у другихъ—глупъ",—такъ писалъ о себѣ Гоголь въ 1828 году незадолго до окончанія своего ученья.

Игра кладетъ извѣстный отпечатокъ на дѣтство и юность Гоголя: игра, какъ результатъ полноты душевныхъ переживаній; игра-мистификація и игра-творчество. Игра во всѣхъ ея формахъ имѣла значеніе и для всей жизни Гоголя и для его творчества. Въ художественномъ воспроизведеніи жизни, въ различныхъ комбинаціяхъ сюжета, въ художественныхъ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ, въ процессѣ творчества игра является необходимымъ и существеннымъ элементомъ. Игра становится связующимъ звеномъ между дѣйствительной жизнью художника и дѣйствительностью, какъ она пересоздается въ творчествѣ; она иногда стираетъ различіе между этими областями, переходя изъ одной въ другую; она можетъ объяснить нѣкоторыя тайны души Гоголя и нѣкоторыя особенности его взглядовъ на міръ.

Новое о В. М. Гаршинѣ.

(Къ двадцатипятилѣтію со дня его смерти.)

Въ такіе дни, какъ недавній „гаршинскій" день, хочется вѣрить, такъ легко вѣрить, что обычай совершать въ „юбилейныя" годовщины смерти замѣчательныхъ людей литературныя поминки по нимъ имѣетъ большое культурно-моральное значеніе—что *такіе* свѣтло-печальные дни не проходятъ даромъ для многихъ и многихъ... Въ подобные поминальные дни—точно праздникъ на душѣ. Такъ вѣрно можно выразить это бодрое настроеніе словами (только взятыми шире) Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, чей юбилей—35-лѣтіе литературно-научной дѣятельности—отпразднованъ былъ какъ-разъ наканунѣ гаршинской годовщины: „На свѣтѣ (у Ов.-Кул.—„у насъ на Руси") были, есть и будутъ *хорошіе люди* и *хорошія книги*, слѣдовательно, жить можно!" (Собр. соч. т. V. Статья о Чеховѣ).

Вмѣстѣ съ статьями, посвященными памяти В. М. Гаршина, къ 24-му марта нѣкоторые газеты и журналы,—какъ, напр., „Рус. Молва", „Совр. Сл.", „Рус. Сл.", „Бирж. Вѣд.", „Кіев. М.", „Совр. Міръ",—принесли съ собой новыя воспоминанія о покойномъ писателѣ друзей и близко знавшихъ его лицъ. Попадаются то здѣсь, то тамъ драгоцѣнныя крупинки, и передъ нами опять встаетъ, какъ живой, образъ этого удивительнаго чело вѣка съ обнаженной совѣстью, человѣка необычайной духовной красоты.

Въ той ротѣ, куда зачислили „рядового изъ вольноопредѣляющихся" Гаршина, субалтернъ-офицеромъ состоялъ подпоручикъ, теперь генералъ, В. П. Сахаровъ. Послѣдній разсказываетъ о такомъ случаѣ.

„Познакомившись съ В. М. поближе, я въ свободное время приглашалъ его на прогулки въ окрестностяхъ бивуаковъ.

Однажды разсердившись за что-то на денщика,—вѣроятно за какой-нибудь пустяковый проступокъ,—я побилъ его. Рукоприкладство въ то время хотя и не поощрялось, но и не преслѣдовалось.

Это произошло въ присутствіи Гаршина.

На другой день, подойдя къ В. М. на бивуакѣ съ цѣлью пригласить его на прогулку, я сразу замѣтилъ большую перемѣну въ своемъ любимомъ собесѣдникѣ.

Глаза его, всегда задумчивые, теперь смотрѣли на меня совсѣмъ грустно. Онъ казался смущеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ укоризненно смотрѣлъ на меня, что я сразу понялъ причину перемѣны въ его настроеніи.

На этотъ разъ прогулка была невеселая, и разговоръ какъ-то плохо вязался. Оба мы чувствовали себя неловко... Въ концѣ-концовъ я долженъ былъ сознаться, что мое поведеніе въ отношеніи къ денщику было преступное и позорное.

И сразу тогда измѣнилось выраженіе лица В. М.

Онъ добрыми, благодарными глазами посмотрѣлъ на меня, а я въ душѣ далъ слово никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не доходить въ своемъ раздраженіи до кулачной расправы. И долженъ сказать, что слово сдержалъ"...

Надо замѣтить, что Гаршинъ въ то время еще не выступалъ въ литературѣ, и, стало быть, обаяніе писательскаго имени здѣсь не могло имѣть мѣста.

Вдова проф. В. А. Фаусека, бывшаго въ дружбѣ съ Гаршинымъ, знавала его уже только въ послѣдній годъ его жизни, когда страшный недугъ снова подкрадывался къ несчастному писателю.

„Гаршинъ,—сообщаетъ теперь Ю. Н. Фаусекъ,—въ свои хорошія минуты бывалъ большимъ

юмористомъ. Однажды я, подходя къ своему жилищу и внезапно обернувшись, увидѣла В. М.

— Вы къ намъ?—спросила я.

— Нѣтъ, я такъ... я, знаете, давно иду за вами. У васъ чрезвычайно выразительная спина. Еслибъ я былъ художникомъ, я нарисовалъ бы вашу спину и озаглавилъ: „Олицетворенное несчастье“, а внизу приписалъ бы въ скобкахъ—„Въ большой морозъ“.

Должна признаться, что я тогда побаивалась холода...

Рѣзкая быстрота переходовъ отъ печальнаго настроенія къ радостному всегда поражала меня въ Гаршинѣ. Въ теченіе одного вечера онъ былъ способенъ раза три развеселиться и вновь загрустить. Огорчившись чѣмъ-нибудь, онъ плакалъ, бывало, какъ дитя, а огорчали его самыя обыкновенныя на первый взглядъ вещи. Прочитавъ какъ-то въ газетѣ исторію женщины, которая отправилась въ Колпино и по дорогѣ замерзла, онъ пришелъ къ намъ, обливаясь слезами.

— Вы представьте только, — повторялъ онъ,—быть можетъ у нея были дѣти, близкіе. И какую, тоску должно быть, испытывала она, видя, что умираетъ совсѣмъ одна, въ полѣ. Это ужасно...

— Что-жъ, Всеволодъ Михайловичъ,—попробовала я его утѣшить,—говорятъ, смерть отъ замерзанія легкая, почти пріятная.

— Вотъ и я о томъ думалъ,—промолвилъ онъ въ отвѣтъ,—и мнѣ пришло въ голову: пойду-ка я по дорогѣ въ Колпино. Быть можетъ, я тоже замерзну.

Эти слова были однимъ изъ предвѣстій надвигавшагося несчастія.“

В. М. Латкинъ прибавляетъ къ своимъ прежнимъ воспоминаніямъ новыя детали катастрофы съ Гаршинымъ. Наканунѣ того дня, когда больной долженъ былъ уѣхать въ Крымъ, г. Латкинъ проводилъ вечеръ у своего друга. Писатель былъ спокоенъ, съ удовольствіемъ говорилъ о своихъ планахъ, собираясь ботанизировать въ Крыму. Утромъ вещи были уложены, и Гаршинъ съ женой собирались уже выѣхать изъ квартиры. Писатель зачѣмъ-то пошелъ въ кухню. Прислуга куда-то отлучилась, оставивъ полуоткрытой дверь на лѣстницу, Гаршинъ выглянулъ туда и, какъ говоритъ В. М. Латкинъ, его, повидимому, „потянуло въ бездну“.

Объ этомъ чувствѣ тяготѣнія къ безднѣ Гаршинъ говаривалъ неоднократно, но, пока онъ былъ здоровъ, чувство самосохраненія брало верхъ, и онъ удерживался отъ страшнаго порыва. При болѣзненномъ же состояніи сдерживающіе центры ослабѣли, и писатель рипулся въ пропасть. Онъ упалъ сначала на печку, находившуюся внизу пролета, и съ нея уже свалился внизъ. Когда жена, хватившаяся Всеволода Михайловича, взглянула внизъ, онъ успокоительно крикнулъ ей: „Не безпокойся, Надя, кажется, я только ногу сломалъ“.

В. М. Латкинъ положительно склоненъ думать, что самоубійства Гаршинъ не имѣлъ въ виду. Онъ высказывался нерѣдко противъ этого и могъ бы, если бы хотѣлъ, проще достигнуть цѣли. У него въ рукахъ, напримѣръ, былъ револьверъ, изъ котораго застрѣлился его братъ. Больной весь день былъ въ полномъ сознаніи, не особенно страдалъ и только сожалѣлъ, что причинилъ горе женѣ. Вечеромъ Гаршина перевезли въ больницу. Была звѣздная ночь, и онъ обратилъ вниманіе на то, какъ хорошъ вечеръ. Въ больницѣ онъ заснулъ, проспалъ цѣлый день и, не просыпаясь, умеръ.

Ад. Шиле вспоминаетъ, какъ „прощались мы съ дорогимъ покойникомъ, лежавшимъ въ гробу въ старомъ храмѣ Волкова кладбища. Начинало уже смеркаться, а толпа и старыхъ, и молодыхъ писателей стояла неподвижно, въ нѣмомъ оцѣпенѣніи у открытаго гроба и не давала его закрывать... Старикъ священникъ, отпѣвавшій покойнаго Гаршина, рѣшился напомнить, что пора опускать прахъ въ могилу. Въ толпѣ раздались голоса: „мы еще долго будемъ прощаться!“

„Но уже вошли гробовые мастера, и скоро подъ ихъ стамесками жутко заскрипѣли винты, отнимая отъ насъ навсегда тѣло незабвеннаго собрата!“

Не всѣ произведенія Гаршина дошли до насъ. С. Дурылинъ въ „Рус. Вѣд.“ передаетъ содержаніе сказки,—такъ, какъ онъ слышалъ отъ одного изъ друзей Гаршина,—сказки, которую покойный писатель или только собирался написать или уничтожилъ въ рукописи. Темой для нея послужило извѣстное преданіе о часовомъ, поставленномъ Екатериной Великой въ Лѣтнемъ саду, чтобы не забыть мѣста, гдѣ она увидѣла еще не распустившуюся „первую, слабенькую фіалку“. Часового поставила — и забыла о немъ, и о цвѣткѣ. А потомъ умерла: умеръ и ея сынъ, два внука-императора, а часовые все смѣнялись и смѣнялись...

„Въ сказкѣ Гаршина была картина поздней зимней ночи, свистящей вьюги, сугробовъ снѣга, завалившаго Лѣтній садъ. Полузамерзшій часовой съ ружьемъ ходитъ на караулѣ, мерзнетъ, борется со сномъ и подбадриваетъ себя тѣмъ, что онъ исполняетъ долгъ. Прошло сто лѣтъ. Фіалка, пустивъ свой корешокъ подъ землей, продвигая ростокъ за росткомъ, вы-

ила изъ Лѣтняго сада на набережную, протолкала свои росточки подъ Невой и вынырнула изъ земли гдѣ-то далеко за городомъ, къ открытомъ полѣ, и зацвѣла тамъ... А часовой все ходитъ, все сторожитъ, и никто не знаетъ, что онъ сторожитъ".

Также неизвѣстно, что сталось еще съ однимъ изъ погибшихъ для насъ произведеній Гаршина—романомъ о Петрѣ. Истребилъ ли его авторъ въ минуту отчаянія, или отрывки сохранились въ его бумагахъ у Н. М. Гаршиной, — мы никогда не прочтемъ ихъ: по волѣ Гаршина, всѣ его бумаги, хранящіяся у его жены, должны быть ею сожжены.

Характеренъ для оцѣнки писательской физіономіи Гаршина его отвѣтъ И. Е. Рѣпину на вопросъ, отчего онъ не напишетъ какой-нибудь большой, крупной вещи.

— Есть такой пророкъ Аггей, — сказалъ Гаршинъ,—онъ оставилъ міру всего одну страничку, но это все-таки *книга*. А очень многіе писатели, пишущіе рядъ томовъ, такъ и не написали ни одной книги. Мой идеалъ — Аггей. И когда я пишу— главная часть моего времени уходитъ на вычеркиваніе того, что мнѣ кажется не безусловно необходимымъ.

Въ „Рус. Сл." С. Венгеровъ приводитъ слѣдующій экспромтъ, написанный Гаршинымъ въ альбомъ Кравцовыхъ:

„Юноша спросилъ у святого мудреца Джіафара:

— Учитель, что такое жизнь?

Хаджи молча отвернулъ грязный рукавъ своего рубища и показалъ ему отвратительную язву, разъѣдавшую его руку.

А въ это время гремѣли соловьи, и вся Севилья была наполнена благоуханіемъ розъ!.."

„Гаршинъ, — пишетъ въ „Днѣ" (№ 80) М. Невѣдомскій, — это почти реализація въ жизни чудеснаго образа, рожденнаго фантазіей Достоевскаго, — князя Мышкина... И право, сцена, разыгравшаяся въ кабинетѣ Лорисъ-Меликова *), должна была живо напомнить собою ту геніальную сцену романа, гдѣ Мышкинъ въ передней генерала произноситъ свой знаменитый приговоръ надъ институтомъ смертной казни. И если въ героѣ Достоевскаго такая женственная совѣсть и такая *тихость* глубоко привлекательны лишь потому, что это полубольной, не полный человѣкъ; если попытка придать аналогичныя черты нормальному типу Алешѣ Карамазову—повела къ фіаско, къ чему-то психически-незаконченному и морально-слащавому, то вѣдь и Гаршинъ былъ полубольной, надорванный ужасами психическаго недуга, неизненный типъ... И его личное обаяніе, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ знавшіе его, глубочайшее изящество всего его облика—требовало, пожалуй, какъ предпосылки, этой жизненной несостоятельности, этой надломленности...

Гаршинъ и его творчество—это абсолютно чистое, полное выраженіе пассивнаго начала совѣсти... И какъ непосредственное выраженіе этого начала, каждый штрихъ его біографіи, каждая строчка, имъ написанная, каждый образъ, имъ созданный, трогаютъ и заражаютъ, съ силой подлинной музыки, подлинной, чистѣйшей стихіи... Я бы не сумѣлъ указать въ міровой литературѣ другого столь же полнаго выраженія этого начала.

Въ этомъ его неувядаемая эстетическая и жизненная цѣнность"...

Другой критикъ, Ю. Айхенвальдъ, пишетъ въ „Рѣчи" (№ 81):

„На колпакѣ гаршинскаго больного, безумца, даже крестъ былъ красный; и больной сравнивалъ крестъ и цвѣты — цвѣты были ярче. Зло сильнѣе. Оно уже тѣмъ сильнѣе, что въ себя обращаетъ добро и гидрой своего мака, красными цвѣтами своего мірового сада, заглушаетъ мирные и нѣжные ростки. Одной мысли, одной совѣсти мало: человѣку гаршинскаго типа необходимо свою совѣстливую мысль, свое сознаніе, претворить въ поступки — и фатально поступокъ превращается въ преступленіе. Во имя совѣсти дѣлаешь безсовѣстное. Какъ Брутъ на собственный мечъ, совѣсть наталкивается на самое себя, и созерцательный, безкорыстный, кроткій Авель убиваетъ! Русской жизни такъ хорошо, такъ трагически извѣстенъ этотъ образъ: Авель убивающій. Кажется, онъ какъ разъ и составляетъ духовный центръ Гаршина. Если не убійство, то самоубійство, — во всякомъ случаѣ то, что кроваво и страшно, проникаетъ его разсказы".

*) Куда явился Гаршинъ просить о помилованіи террориста Млодецкаго.

„Не отъ міра сего — близкій міру сему".

(Памяти Вл. С. Соловьева.)

О Вл. С. Соловьевѣ, о томъ, какое мѣсто занимаетъ онъ въ разныхъ областяхъ философской мысли, писалось уже очень много, особенно въ первые годы послѣ его смерти, но литература о личности покойнаго философа у насъ далеко не богата, а потому съ особен-

нымъ интересомъ читается именно первая глава только что вышедшей книжки Е. Трубецкого „Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева“. Въ ней авторъ, очевидно близко знавшій Владиміра Сергѣевича, въ мягкихъ, любовныхъ тонахъ говоритъ, каковымъ этотъ „житель горныхъ селеній былъ среди насъ, среди равнины“.

Несмотря на бѣглость очерка, передъ нами ярко воскресаетъ образъ философа-странника съ его многогранной, кристально-чистой думой, съ его свѣтлой грезой о безсмертіи, съ его пламенной вѣрой въ конечную побѣду жизни надъ смертью.

Кому случалось хоть разъ въ жизни видѣть покойнаго Владиміра Сергѣевича Соловьева,—говоритъ Трубецкой,—тотъ навсегда сохранялъ о немъ впечатлѣніе человѣка, совершенно непохожаго на обыкновенныхъ смертныхъ. Уже въ его наружности, въ особенности въ выраженіи его большихъ прекрасныхъ глазъ, поражало единственное въ своемъ родѣ сочетаніе немощи и силы, физической безпомощности и духовной глубины.

Онъ былъ до такой степени близорукъ, что не видѣлъ того, что всѣ видѣли. Прищурившись изъ-подъ густыхъ бровей, онъ съ трудомъ разглядывалъ близлежащіе предметы, Зато, когда взоръ его устремлялся вдаль, онъ, казалось, проникалъ за доступную внѣшнимъ чувствамъ поверхность вещей и видѣлъ что-то запредѣльное, что для всѣхъ оставалось скрытымъ. Его глаза свѣтились какими-то внутренними лучами и глядѣли прямо въ душу. То былъ взглядъ человѣка, котораго внѣшняя сторона дѣйствительности сама по себѣ совершенно не интересуетъ.

Трудно представить себѣ выраженіе болѣе прозрачное, искреннее, болѣе соотвѣтствующее духовному облику. Всякое душевное движеніе отражалось въ его лицѣ съ совершенно исключительной яркостью. Когда онъ негодовалъ, прекрасное лицо его становилось грознымъ: въ немъ чувствовалась сила, наводившая страхъ. Когда онъ смѣялся, его громкій заразительный смѣхъ, „съ неожиданными, презабавными икающими высокими нотами“, покрывалъ всѣ голоса. Въ этомъ дѣтскомъ смѣхѣ взрослаго человѣка было что-то съ перваго взгляда неестественное, что привлекало общее вниманіе; казалось, что онъ съ преувеличенной силой реагируетъ на тѣ комическія положенія и случаи, которые въ другихъ вызываютъ только улыбку. Но фейерверкъ остротъ, обыкновенно сопутствовавшій этому веселому настроенію, показывалъ, что онъ обладаетъ удвоенной противъ другихъ чувствительностью къ смѣшному. Въ этомъ смѣхѣ находилъ себѣ выходъ накопившійся избытокъ душевной энергіи: подчасъ въ немъ сказывалась потребность отряхнуть отъ себя тяжелыя думы. И точно, веселое настроеніе иногда вдругъ какъ-то разомъ смѣнялось у него безысходной грустью; людямъ, близко его знавшимъ, случалось видѣть у него совершенно неожиданныя, казалось бы ничѣмъ не вызванныя слезы. Слезы эти исходили изъ задушевнаго, мало кому понятнаго источника; ихъ можно было наблюдать сравнительно рѣдко. Но часто, очень часто приходилось видѣть Соловьева скучающимъ, угрюмо молчащимъ. Когда онъ скучалъ, онъ былъ совершенно неспособенъ скрыть свою скуку. Онъ могъ молчать иногда часами. И это молчаніе человѣка, какъ бы совершенно отсутствующаго, производило подчасъ гнетущее впечатлѣніе на окружающихъ. Однимъ это безучастное отношеніе къ общему разговору казалось признакомъ презрѣнія; другимъ просто-напросто было жутко чувствовать себя въ обществѣ человѣка изъ другого міра.

Эксцентричность его наружности и манеръ многихъ смущала и отталкивала; о немъ часто приходилось слышать, будто онъ—„позеръ“. Изъ людей, его мало знавшихъ, многіе склонны были объяснять въ немъ „позой“ все имъ непонятное. И это — тѣмъ болѣе, что все непонятное и особенное въ человѣкѣ обладаетъ свойствомъ оскорблять тѣхъ, кто его не понимаетъ. На самомъ дѣлѣ, однако, тѣ странности, которыя въ немъ поражали, не только не были позой, но представляли собой совершенно естественное, болѣе того,—наивное выраженіе внутренняго настроенія человѣка, для котораго здѣшній міръ не былъ ни истиннымъ, ни подлиннымъ.

Онъ, жившій въ постоянномъ соприкосновеніи съ міромъ инымъ, обладалъ совершенно исключительной чувствительностью къ пошлости окружающаго. Эта пошлость давила его какъ кошмаръ. Объ этомъ самъ онъ говоритъ въ чудномъ стихотвореніи.

Какой тяжелый сонъ! Въ толпѣ нѣмыхъ видѣній,
Тѣснящихся и рѣющихъ кругомъ,
Напрасно я ищу той благодатной тѣни,
Что тронула меня своимъ крыломъ.
Но только уступлю напору злыхъ сомнѣній.
Глухой тоской и ужасомъ объятъ,—
Вновь чую надъ собой крыло незримой тѣни,
Ея слова попрежнему звучатъ.
Какой тяжелый сонъ! Толпа нѣмыхъ видѣній
Растетъ, растетъ и заграждаетъ путь,
И еле слышится далекій голосъ тѣни:
Не вѣрь мгновенному, люби и не забудь.

Соловьевъ никогда не оставался глухъ къ этому призыву. По сравненію съ тѣмъ нездѣш-

нимъ, что наполняло его душу, наша жалкая дѣйствительность вызывала въ немъ или скуку или грусть, а иногда настроеніе, близкое къ отчаянію, отъ котораго онъ освобождался смѣхомъ.

Въ связи со всѣмъ сказаннымъ станетъ понятнымъ, что Соловьевъ былъ совершенно лишенъ пониманія прозы жизни. „Я признаю поэзію только въ видѣ стиховъ“, говорилъ онъ мнѣ какъ-то. Онъ, съ его необычайнымъ эстетическимъ чутьемъ, съ его рѣдкимъ поэтическимъ даромъ, не цѣнилъ и, повидимому, не понималъ величайшаго изъ современныхъ прозаиковъ—поэта будничной дѣйствительности—графа Л. Н. Толстого. Онъ, правда, признаетъ за Толстымъ мастерство въ тончайшемъ воспроизведеніи механизма душевныхъ явленій и въ особенности — въ „живописи внѣшнихъ подробностей“. Но ни то, ни другое его въ дѣйствительности не интересовало. Въ откровенныхъ разговорахъ съ друзьями онъ признавался, что „Война и миръ“ и „Анна Каренина“ вызывали въ немъ скуку. „Я совершенно не перевариваю этой здоровой обыденщицы“, говаривалъ онъ мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ, людямъ, хорошо знавшимъ Соловьева, совершенно невозможно представить его себѣ увлекающимся изображеніемъ хозяйственныхъ и семейныхъ заботъ какого-нибудь Левина, а тѣмъ болѣе—красочнымъ толстовскимъ описаніемъ какой-нибудь охоты или скачки!

Отсутствіе интереса къ житейскому дѣлаетъ понятной ту житейскую наивность Соловьева, которая такъ живо напоминаетъ классическое изображеніе философа, данное Платономъ.— Съ юныхъ лѣтъ избранникъ мудрости не знаетъ дороги на площадь, не вѣдаетъ, гдѣ судъ, совѣтъ или какое-либо другое мѣсто публичныхъ собраній. Законы его страны ему неизвѣстны: „въ дѣйствительности онъ живетъ и вращается въ государствѣ только тѣломъ; умъ же его все это мало цѣнитъ и ни во что не ставитъ; но, говоря словами Пиндара, онъ всюду проникаетъ, измѣряя нѣдра земли и то, что надъ ней, возносится надъ небомъ, изучая астрономію, вездѣ изслѣдуетъ природу сущаго и не спускается къ близлежащему“. Въ земныхъ, рабскихъ дѣлахъ философъ не смыслитъ, онъ не умѣетъ даже завязать своего дорожнаго мѣшка; и все это юродство происходитъ оттого, что на землѣ онъ живетъ гостемъ. Въ нашихъ земныхъ сумеркахъ онъ подслѣповатъ именно оттого, что онъ привыкъ къ яркому солнечному свѣту своей родины.

Въ жизни Соловьева мы найдемъ сколько угодно иллюстрацій къ этой платоновской характеристикѣ философа. Извѣстно, напримѣръ, какъ высоко онъ цѣнилъ положительный смыслъ земской дѣятельности, и однако, рядомъ съ этимъ мнѣ пришлось убѣдиться въ удивительной спутанности его представленій о земствѣ. Помнится, однажды намъ нужно было вмѣстѣ повидать одного общаго знакомаго, который оказался на земскомъ собраніи. Я предложилъ его отыскать, и Соловьевъ былъ очень удивленъ моимъ заявленіемъ, что присутствовать въ качествѣ слушателей на собраніи могутъ посторонніе. Какъ онъ мнѣ сказалъ, онъ думалъ, что „земство — что-то въ родѣ канцеляріи“. Въ особенности въ области экономической онъ поражалъ примитивностью своихъ сужденій. Такъ, однажды онъ высказалъ мнѣ, что признаетъ грѣхомъ брать проценты, хотя бы и незначительные; однако тутъ же выяснилось, что онъ считаетъ совершенно негрѣховнымъ держать процентныя бумаги, такъ какъ въ данномъ случаѣ плательщиками процентовъ являются государства, банки, вообще учрежденія. Попытки объяснить ему какую-нибудь экономическую истину были безполезны: онъ отказывался слушать и даже увѣрялъ въ своей неспособности понимать.

Житейская безпомощность Соловьева нерѣдко ставила его въ положенія комическія; она же иногда служила источникомъ опасности. Самъ онъ съ безподобнымъ юморомъ описываетъ свое путешествіе въ Сахарѣ; тамъ, послушный велѣнію внутренняго голоса, онъ ждалъ чрезвычайныхъ откровеній, но при этомъ едва не поплатился жизнью.

Богъ вѣсть куда, безъ денегъ, безъ припасовъ
И я въ одинъ прекрасный день пошелъ,
Какъ дядя Власъ, что написалъ Некрасовъ,
(Ну, какъ-никакъ, а рифму я нашелъ).
Смѣялась вѣрно ты, какъ средь пустыни
Въ цилиндрѣ высочайшемъ и въ пальто,
За чорта принятый, въ здоровомъ бедуинѣ
Я дрожь испуга вызвалъ и за то
Чуть не убитъ“...

На ряду съ этими чудачествами, составляющими черту сходства, между Соловьевымъ и платоновскимъ изображеніемъ философа существуетъ рѣзкое, бросающееся въ глаза отличіе. Античный философъ чувствуетъ себя, какъ говоритъ Платонъ, „чуждымъ сѣменемъ“, случайнымъ гостемъ въ здѣшнемъ мірѣ. Его идеалъ—полнѣйшее отрѣшеніе, бѣгство отъ земли, въ которомъ вмѣстѣ съ нимъ должны участвовать лишь ближайшіе его друзья и сограждане, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Для древняго философа земля остается навѣки царствомъ грѣха и беззаконія; напротивъ, въ Соловьевѣ поражаетъ любовь къ „землѣ-владычицѣ“. Цѣль и конецъ его поэтическаго и философскаго вдох-

новенія—не отрѣшеніе отъ земли, а окончательное примиреніе съ нею черезъ преображеніе земного въ божественномъ.

Синія горы кругомъ надвигаются,
Синее море вдали,
Крылья души надъ землей поднимаются,
Но не покинуть земли.

Какъ бы то ни было, съ этимъ горнимъ настроеніемъ Соловьевъ долженъ былъ жить съ нами среди равнины: онъ или возносился надъ нею въ свободномъ полетѣ вдохновенія или негодовалъ, боролся, обличалъ ея плоскость и пошлость, или же, наконецъ, надъ нею смѣялся, шутилъ; но такъ или иначе, онъ всегда надъ нею возвышался.

Какъ философъ и поэтъ, Соловьевъ созерцалъ небесный свѣтъ въ его безчисленныхъ здѣшнихъ отраженіяхъ и восходилъ, подобно Платону, отъ этихъ отраженій къ ихъ первоисточнику. Когда этотъ свѣтъ освѣщалъ для него глубь земной дѣйствительности и дѣлалъ явными скрытыя въ ней темныя бѣсовскія силы, онъ, какъ пророкъ и обличитель, металъ въ нихъ небесные громы. Внѣ этой борьбы свѣта съ тьмой жизнь была для него безсмысліцей, шуткой. Такое отношеніе его къ жизни выразилось въ одномъ изъ наиболѣе яркихъ его стихотвореній.

Таковъ законъ: все лучшее въ туманѣ,
А близкое или больно, или смѣшно,
Не мановать намъ двойственной сей грани.
Изъ смѣха звонкаго и изъ глухихъ рыданій
Созвучіе вселенной создано.

„Созвучіе вселенной“ находило себѣ живой откликъ въ душѣ философа. Отдыхая отъ скорби и напряженія жизненной борьбы, онъ любилъ шутить въ кругу друзей; то былъ неистощимый, брызжущій источникъ веселья и остроумія; трудно передать, какъ интенсивно мы наслаждались блестящею игрою этого многограннаго ума.

Образцы этого неподражаемаго юмора сохранились въ замѣчательныхъ шуточныхъ стихотвореніяхъ покойнаго философа, напечатанныхъ въ приложеніи ко второму тому его писемъ, и въ его шуточной драмѣ „Бѣлая лилія“, напечатанной въ третьемъ томѣ писемъ. Но особенно живо напоминаютъ его бесѣды его письма, которыя нерѣдко оканчиваются стихами. Тутъ, между прочимъ, очаровательны шутки надъ самимъ собой, надъ собственной безпомощностью, безденежьемъ, надъ своими недугами и немощами. Уморительна, напримѣръ, нотація, которую читаетъ ему генералъ Одаддѣевъ въ отвѣтъ на разсказъ о приключеніи съ бедуинами въ Сахарѣ.

Въ молчаньи генералъ, поѣвши супа,
Такъ началъ важно, взоръ въ меня вперивъ:
Конечно, умъ дастъ права на глупость,
Но лучше симъ не злоупотреблять,
Не мастерица вѣдь людская тупость
Виды безумья точно различать.
А потому, коль вамъ прослыть обидно
Помѣшаннымъ, или просто дуракомъ,—
Объ этомъ происшествіи постыдномъ
Не говорите больше ни при комъ.

Въ другихъ стихотвореніяхъ, соотвѣтственно поговоркѣ: „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“, видно стремленіе освободиться смѣхомъ отъ гнетущей философа острой физической или нравственной боли. Напримѣръ, въ 1896 году онъ пишетъ М. М. Стасюлевичу.

Михаилъ Матвѣичъ дорогой,
Пишу вамъ изъ каверны,
Согбенъ отъ недуга дугой
И половъ всякой скверны,
Забыты сладкіе труды
И Вакха, и Киприды;
Давно ужъ мнѣ твердитъ зады
Одни геморроиды.

Иногда въ форму шуточнаго стихотворенія облекается самое предчувствіе конца, всегда носившееся передъ Соловьевымъ. Такова, напримѣръ, извѣстная эпитафія о самомъ себѣ.

Владиміръ Соловьевъ лежитъ на мѣстѣ этомъ.
Сперва былъ философъ, а нынѣ сталъ шкелетомъ.
Нѣмымъ любезенъ бывъ, онъ многимъ былъ и врагъ;
Но безъ ума любивъ, самъ ввергнулся въ оврагъ.
Онъ душу потерялъ, не говоря о тѣлѣ,
Ее діаволъ взялъ, его жъ собаки съѣли.
Прохожій! научись изъ этого примѣра,
Сколь пагубна любовь, и сколь полезна вѣра.

Въ этомъ родѣ это—не единственное стихотвореніе; есть другія, гдѣ совсѣмъ невеселое содержаніе проглядываетъ сквозь шутку еще яснѣе. Въ 1895 году онъ пишетъ Э. Л. Радлову: Я привѣтствовалъ самъ себя сегодня слѣдующимъ правдивымъ и безыскуственнымъ четверостишіемъ:

Въ лѣсу болото,
А также мохъ.
Родился кто-то.
Потомъ издохъ.

Вообще шутка въ устахъ Соловьева часто имѣла весьма серьезный смыслъ. Онъ въ особенности охотно острилъ о томъ, надъ чѣмъ хотѣлъ подняться. Есть у него и шутки иного рода, гдѣ за избыткомъ жизнерадостнаго настроенія совсѣмъ скрывается его грустная оборотная сторона.

Немощь и безпомощность Соловьева, о которой мы говорили, была неразрывно связана съ его силой. Среди разнообразныхъ даровъ

этой богатой природы совершенно отсутствовали качества заурядныя, среднія. Неудивительно, что въ житейскихъ отношеніяхъ его всякій могъ обойти и обмануть.

Прежде всего, его со всѣхъ сторонъ всячески обирали и эксплоатировали. Получая хорошіе заработки со своихъ литературныхъ произведеній, онъ оставался вѣчно безъ гроша, а иногда даже почти безъ платья. Онъ былъ безсребренникомъ въ буквальномъ смыслѣ слова, потому что серебро рѣшительно не уживалось въ его карманѣ; и это не только вслѣдствіе рѣдкой своей дѣтской доброты, но также вслѣдствіе рѣшительной неспособности цѣнить и считать деньги. Когда у него ихъ просили, онъ вынималъ бумажникъ и давалъ, не глядя, сколько захватитъ рука, и это съ одинаковымъ довѣріемъ ко всякому просившему. А когда у него не было денегъ, онъ снималъ съ себя верхнее платье. Помню, какъ однажды глубокой осенью въ Москвѣ я засталъ его страдающимъ отъ холода: весь гардеробъ его въ то время состоялъ изъ легкой пиджачной пары альпага и изъ еще болѣе легкой сѣрой крылатки: только что передъ тѣмъ, не имѣя денегъ, онъ отдалъ какому-то просителю все суконное и вообще теплое, что у него было: онъ разсчитывалъ, что къ зимѣ успѣетъ заработать себѣ на шубу. В. Л. Величко припоминаетъ аналогичные случаи, когда, раздавъ всѣ свои вещи, Соловьевъ затѣмъ носилъ фракъ съ бурыми пиджачными брюками, временно надѣвалъ шубу одного пріятеля или увозилъ за тридевять земель шляпу другого. Другой пріятель его, докторъ Петровскій, также свидѣтельствуетъ о „безпримѣрной“ щедрости Соловьева. По его словамъ, покойный философъ „въ матеріальномъ отношеніи всегда дѣйствовалъ какъ богачъ, въ смыслѣ помощи ближнему, несмотря на то, что самъ добывалъ средства къ существованію исключительно лишь литературнымъ трудомъ. Если бы возможно было вычислить, какую часть своихъ скромныхъ доходовъ онъ отдавалъ тѣмъ, которые обращались къ нему за денежною помощью, то навѣрное получились бы очень интересныя цифры“. Въ царскихъ „на чаяхъ“, въ щедрой благотворительности онъ видѣлъ способъ возстановленія „непосредственной экономической справедливости“.

Между просителями, осаждавшими философа, понятное дѣло, бывали всякіе. Однажды, надѣясь экономнѣе распорядиться своимъ лѣтомъ, онъ поселился въ крестьянской избѣ; но пребываніе въ деревнѣ обошлось ему не дешево: онъ, между прочимъ, далъ денегъ на покупку коровы крестьянину, который потомъ оказался однимъ изъ богатѣйшихъ въ селѣ и едва ли не кулакомъ. Зная его безграничную щедрость, извозчики иногда облѣпляли его подъѣздъ, часами дожидаясь его выхода изъ дому; но пѣшія прогулки обходились ему еще дороже, такъ какъ онъ горстями давалъ нищимъ, чему мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ. В. Л. Величко разсказываетъ объ одной его прогулкѣ по Петербургу, когда онъ отдалъ нищимъ всѣ свои деньги, кошелекъ, пустой бумажникъ, носовой платокъ и старые ботинки. Въ результатѣ философъ остался безъ обуви, такъ какъ новые ботинки оказались не по мѣркѣ, а другихъ купить было не на что, если бы не выручившій его пріятель, онъ остался бы безъ обѣда.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ Соловьевъ постоянно испытывалъ острую нужду и всячески сокращалъ свои потребности. Своему другу, доктору Петровскому, онъ говорилъ, что „обѣдать черезъ день совершенно достаточно для человѣка и что потребность въ каждодневномъ обѣдѣ есть не что иное, какъ дурная привычка“.

Какъ прекрасно говоритъ докторъ Петровскій: „онъ — я хорошо знаю — всегда готовъ былъ обѣдать черезъ день для того, чтобы доставить возможность обѣдать каждый день кому-либо другому, безъ всякой мысли рекомендовать ему ту умѣренность, которой слѣдовалъ самъ“.

Съ этой горячностью сердца въ Соловьевѣ сочеталась наивность и довѣрчивость ребенка: онъ постоянно переоцѣнивалъ людей, ошибался въ нихъ такъ, какъ, разумѣется, не могъ бы ошибиться человѣкъ съ простымъ здравымъ смысломъ. Особенно часто обманывался онъ въ женщинахъ. Онъ легко плѣнялся ими, совершенно не распознавая прикрытой кокетствомъ фальши, а иногда и ничтожества. Когда же наглядныя доказательства, казалось, должны были бы привести его къ полному разочарованію, онъ все-таки утверждалъ, что „ея умопостигаемый характеръ прекрасенъ“, а обнаружившіеся недостатки — только свойства „характера эмпирическаго“. Глядя на дѣйствительность съ недосягаемой для простыхъ смертныхъ высоты, онъ, понятное дѣло, ясно видѣлъ общую схему жизни, но сбивался въ оцѣнкѣ ея отдѣльныхъ явленій и въ особенности индивидуальныхъ характеровъ. Его неуравновѣшенное, вѣчно работавшее воображеніе часто приписывало людямъ несуществующія положительныя качества. Мой покойный братъ, кн. С. Н. Трубецкой, говоритъ авторъ, разсказывалъ мнѣ, какъ однажды Соловьевъ по близорукости принялъ скорлупу деревяннаго пасхальнаго яйца, надѣтую на палочку, за одиноко расту-

щій цвѣтокъ: братъ разрушилъ его иллюзію въ минуту, когда Соловьевъ, вдохновившись воображаемымъ цвѣткомъ, слагалъ о немъ стихотвореніе.—Въ его оцѣнкахъ людей безпрестанно повторялся тотъ же обманъ зрѣнія.

Та же близорукость относительно житейскаго нерѣдко вовлекла Соловьева въ заблужденія противоположнаго свойства: иногда онъ предполагалъ адскіе замыслы тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ были только самые обыденные и невинные человѣческіе поступки. Однажды, когда онъ ѣхалъ изъ Генуи въ Канны, въ занятое имъ отдѣленіе вагона вошла какая-то супружеская чета; оставивъ вещи на полкѣ, она тотчасъ удалилась, послѣ чего поѣздъ тронулся. Соловьеву мигомъ представилось, что въ покинутомъ чемоданѣ лежитъ зарѣзанный младенецъ. Взволнованный страшной картиной подозрѣваемаго преступленія, онъ рѣшился заявить объ этомъ кондуктору. Оказалось, разумѣется, что въ чемоданѣ находились обыкновенныя пассажирскія вещи, а супруги простонапросто завтракали въ вагонѣ-ресторанѣ.

Тутъ мы имѣемъ черту Соловьева-человѣка, которая многое объясняетъ въ Соловьевѣ-писателѣ. Не только въ оцѣнкѣ людей. — въ оцѣнкѣ дѣйствительности вообще мы найдемъ въ его ученіи преувеличеніе въ обѣ противоположныя стороны. То, при свѣтѣ своихъ мистическихъ созерцаній, онъ, вкладывая въ нее сокровища изъ другого міра, возлагаетъ на нее преувеличенныя надежды; то, наоборотъ, судя о ней по контрасту съ міромъ инымъ, онъ впадаетъ въ преувеличенное отчаяніе. Его сила—въ необычайно интенсивномъ воспріятіи міровыхъ противоположностей. Но по отношенію къ тому, что лежитъ посрединѣ, къ той промежуточной области полутѣни-полусвѣта, которая именуется „здоровой обыденщиной“, онъ слѣпъ, и безпомощенъ какъ практически, такъ и теоретически.

Съ безпомощностью сочеталась въ Соловьевѣ безалаберность человѣка, совершенно неприспособленнаго къ жизни. Безпріютный скиталецъ, онъ вѣчно странствовалъ и не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія. У него никогда не было опредѣленныхъ часовъ ни для ѣды, ни для сна, ни для занятій. Онъ дѣлалъ изъ ночи день, а изъ дня ночь. Проведя вечеръ въ кругу друзей, онъ иногда послѣ ужина садился за занятія, писалъ до утра и затѣмъ вставалъ послѣ заката солнечнаго. Когда онъ оставался одинъ, безъ заботливаго попеченія близкихъ людей (что случалось съ нимъ очень часто), онъ, не признавая завтраковъ и обѣдовъ, ѣлъ, и то не всегда, когда его вынуждалъ къ тому голодъ, питаясь вегетаріанской пищей [1]). Но если тутъ же заходилъ къ нему пріятель, онъ любилъ угощать его виномъ, и самъ пилъ, не справляясь о часахъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ имѣлъ пристрастіе къ тѣмъ дружескимъ бесѣдамъ, во время которыхъ его заставала „заря съ Востока“. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ своей особой теоріи.

„Вообще, вино повышаетъ энергію первной системы, и черезъ нее — психической жизни. На низшихъ ступеняхъ духовнаго развитія, гдѣ преобладающая сила въ душѣ еще принадлежитъ плотскимъ мотивамъ, все, что возбуждаетъ и поднимаетъ служащую душѣ нервную энергію, идетъ на пользу этого господствующаго плотскаго элемента и, слѣдовательно, крайне вредно для духа; поэтому здѣсь необходимо полное воздержаніе „отъ вина и сикера“. Но на болѣе высокихъ ступеняхъ нравственной жизни, какія достигались и въ языческомъ мірѣ, напримѣръ, Сократомъ (см. Платоновъ „Пиръ“),—энергія организма служитъ болѣе духовнымъ, нежели плотскимъ цѣлямъ, и повышеніе первной дѣятельности (разумѣется, въ предѣлахъ, не затрогивающихъ тѣлеснаго здоровья) усиливаетъ дѣйствіе духа и, слѣдовательно, можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ не только безвредно, но даже и прямо полезно“. Въ бесѣдахъ со мной Соловьевъ выражалъ то же самое короче. Онъ находилъ что вино, — прекрасный реактивъ: въ немъ обнаруживается весь человѣкъ: кто скотъ, тотъ въ винѣ станетъ совершенной скотиной, а кто человѣкъ, тотъ станетъ выше человѣка.

Въ примѣненіи къ Соловьеву эта теорія вполнѣ оправдывалась. Пиры съ нимъ были воистину Платоновыми пирами: онъ испытывалъ подъемъ духа, который передавался и другимъ: кто изъ его друзей не помнитъ этихъ вдохновенныхъ бесѣдъ, этого моря чарующаго и заразительнаго веселья! Но полезное для духа не всегда полезно для слабаго, изнуреннаго хроническимъ недоѣданіемъ тѣла.

Бившая изъ него ключомъ духовная жизнь вообще не укладывалась въ какія бы то ни

---

[1]) Любопытныя подробности объ образѣ жизни Соловьева въ одиночествѣ разсказываются въ воспоминаніяхъ о немъ *В. Д. Кузьмина-Караваева* (Вѣстн. Евр., 1905 г., ноябрь) и *Л. З. Слонимскаго* (Вѣстн. Евр., 1900 г., сентябрь). Они повѣствуютъ о томъ, какъ Соловьевъ въ 1897—98 году жилъ цѣлые мѣсяцы въ одиночествѣ безъ прислуги въ Петербургѣ, самъ таскалъ дрова, топилъ печку, при чемъ вся обстановка его квартирки состояла изъ кухоннаго стола, двухъ дырявыхъ табуретокъ и складной кровати (Слонимскій, стр. 422). По словамъ В. Д. Кузьмина-Караваева (стр. 447), Соловьевъ „спалъ не то на ящикахъ, не то на доскахъ“ и каждое утро ѣздилъ пить чай на Николаевскій вокзалъ.

было житейскія рамки: въ немъ была непокорная стихія, которая бунтовала противъ всего обыденнаго и въ томъ числѣ—противъ всякаго разъ навсегда заведеннаго порядка. — Это та самая черта его характера, которая нашла себѣ образное выраженіе въ его чудномъ стихотвореніи „Сайма“.

Озеро плещетъ волной безпокойной.
Словно какъ въ морѣ растущій прибой,
Рвется къ чему-то стихія нестройная,
Споритъ о чемъ-то съ враждебной судьбой.
Знать, не по сердцу оковы гранитныя.
Только въ безмѣрномъ отраденъ покой.
Снятся былые вѣка первобытные,
Хочется снова царить надъ землей.
Бейся, волнуйся, невольница дикая!
Вѣчный позоръ добровольнымъ рабамъ!
Сбудется сонъ твой, стихія великая,
Будетъ просторъ всѣмъ свободнымъ волнамъ.

Понятно, что этотъ бунтъ противъ всего обыденнаго, житейскаго не прошелъ Соловьеву безнаказаннымъ. Въ его неприспособленности къ жизни заключается, безъ сомнѣнія, главная причина его преждевременнаго конца. „Новые творческіе замыслы рождались въ немъ, и талантъ его росъ и укрѣплялся, когда тѣло его отказывалось ему служить. Врачи, окружавшіе его передъ смертью, удивлялись не тому, что онъ умираетъ, а тому, что онъ могъ жить и притомъ жить столь напряженной духовной и умственной жизнью при такой степени физическаго упадка.

Работа мысли и воображенія Соловьева никогда не останавливалась: она достигла высшаго своего напряженія именно въ тѣ часы, когда онъ, повидимому, ничѣмъ не былъ занятъ. Онъ не имѣлъ обыкновенія думать съ перомъ въ рукѣ: онъ брался за перо только для того, чтобы записать произведеніе, уже раньше созрѣвшее и окончательно сложившееся въ его головѣ; самый же процессъ творчества происходилъ у него или на ходу, во время прогулки или пріятельской бесѣды, или же, наконецъ, въ часы безсонницы, не прекращаясь даже и во время сна; ему случалось просыпаться съ готовымъ стихотвореніемъ. Потому для него, собственно говоря, не существовало отдыха, и всего менѣе онъ отдыхалъ во снѣ.

По собственному его признанію, которое мнѣ приходилось отъ него слышать, сонъ былъ для него „какъ бы окномъ въ другой міръ“: во снѣ онъ нерѣдко бесѣдовалъ съ умершими, видѣлъ видѣнія — иногда вѣщія, пророческія, иногда фантастическія, странныя. Объ этихъ бесѣдахъ съ отшедшими говоритъ одно изъ характерныхъ для него стихотвореній.

Лишь только тѣнь живыхъ, мелькнувши, исчезаетъ,
Тѣнь мертвыхъ ужъ близка,
И радость горькая имъ снова отвѣчаетъ
И сладкая тоска.
Или еще лучше въ томъ же родѣ.
Едва покинулъ я житейское волненье,
Отшедшіе друзья ужъ собрались толпой,
И прошлыхъ смутныхъ лѣтъ далекія видѣнья
Яснѣе и ясней выходятъ предо мной.
Весь свѣтъ земного дня вдругъ гаснетъ блѣднѣетъ;
Печалью сладкою душа упоена.
Еще незримая, уже звучитъ, и вѣетъ
Дыханьемъ вѣчности грядущая весна.
Я знаю, это вы къ землѣ свой взоръ склонили
Вы подняли меня надъ тяжкой суетой
И память вѣчнаго свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.
Еще не вижу васъ, но въ часъ предназначенья,
Когда злой жизни дань всю до конца отдамъ,
Вы въявь откроете обитель примиренья,
И путь укажете къ немеркнущимъ звѣздамъ.

Соловьевъ вѣрилъ въ реальность, дѣйствительность этого общенія съ умершими. Оно соотвѣтствовало его душевной потребности, которая связывалась для него съ самой сущностью его религіознаго жизнепониманія. Онъ вѣрилъ въ дѣйствительность воспринятыхъ во снѣ откровеній, и это — тѣмъ болѣе, что предсказанія его сновидѣній нерѣдко сбывались.

Его посѣщали не однѣ „родныя тѣни“. Кромѣ этихъ дорогихъ ему видѣній, ему являлись и страшныя, притомъ не только во снѣ, но и наяву. В. Л. Величко, какъ и многіе другіе, разсказываетъ, что „онъ видѣлъ дьявола и пререкался съ нимъ“; нѣкоторые друзья знали заклинанье, которое онъ творилъ въ подобныхъ случаяхъ. Въ моемъ присутствіи однажды онъ несомнѣнно что-то видѣлъ: среди оживленнаго разговора въ ресторанѣ за ужиномъ онъ вдругъ поблѣднѣлъ съ выраженіемъ ужаса въ остановившемся взглядѣ, и напряженно смотрѣлъ въ одну точку. Мнѣ стало жутко, на него глядя. Тутъ онъ не захотѣлъ разсказывать, что собственно онъ видѣлъ и, придя въ себя, поспѣшилъ заговорить о чемъ-то постороннемъ. Но въ другихъ случаяхъ онъ разсказывалъ.

У него бывали всякаго рода галлюцинаціи — зрительныя и слуховыя; кромѣ страшныхъ, были и комичныя, и почти всѣ были необычайно нелѣпы. Какъ-то разъ, напримѣръ, лежа на диванѣ въ темной комнатѣ, онъ услыхалъ надъ самымъ ухомъ рѣзкій металлическій голосъ, отчеканивавшій каждое слово: „я не могу тебя видѣть, потому что ты такъ окруженъ!“ Въ другой разъ, рано утромъ, тотчасъ послѣ его пробужденія, ему явился восточный человѣкъ въ чалмѣ. Онъ произнесъ необычай-

ный вздоръ по поводу только что написанной Соловьевымъ статьи о Японіи („Ѣхалъ по дорогѣ, про буддизмъ читалъ, вотъ тебѣ буддизмъ“) и ткнулъ его въ животъ необычайно длиннымъ зонтикомъ. Видѣніе исчезло, а Соловьевъ ощутилъ сильную боль въ печени, которая потомъ продолжалась три дня.

Такія болевыя ощущенія и другія болѣзненныя явленія у него бывали почти всегда послѣ видѣній. По этому поводу я какъ-то сказалъ ему: „твои видѣнія—просто-напросто галлюцинаціи твоихъ болѣзней“. Онъ тотчасъ согласился со мной. Но это согласіе нельзя истолковывать въ томъ смыслѣ, чтобы Соловьевъ отрицалъ реальность своихъ видѣній. Въ его устахъ слова эти значили, что болѣзнь дѣлаетъ наше воображеніе воспріимчивымъ къ такимъ воздѣйствіямъ духовнаго міра, къ которымъ люди здоровые остаются совершенно нечувствительными. Поэтому онъ въ подобныхъ случаяхъ не отрицалъ необходимости лѣченія. Онъ признавалъ въ галлюцинаціяхъ явленія субъективнаго и притомъ больного воображенія. Но это не мѣшало ему вѣрить въ объективную причину галлюцинацій, которая въ насъ воображается, воплощается черезъ посредство субъективнаго воображенія во внѣшней дѣйствительности. Словомъ, въ своихъ галлюцинаціяхъ онъ признавалъ явленія медіумическія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни истолковывали спиритическія явленія, какого бы взгляда мы ни держались на ихъ причину, нельзя не признать, что самыя явленія переживались Соловьевымъ очень часто. Онъ во всякомъ случаѣ былъ очень сильный медіумъ, хотя медіумъ невольный, пассивный.

Въ юные годы онъ очень увлекался спиритизмомъ и былъ вводимъ въ обманъ разнаго рода мнимыми откровеніями. Это послужило поводомъ къ скорому разочарованію. Въ зрѣлыхъ годахъ, когда міросозерцаніе его вполнѣ сложилось, Соловьевъ относился къ спиритическимъ сеансамъ безусловно отрицательно, какъ къ занятію не только праздному, но и грѣховному.

Отношеніе Соловьева къ посѣщавшимъ его видѣніямъ въ высшей степени характерно для его духовнаго склада и міросозерцанія. Духовный міръ былъ для него не отвлеченнымъ умопредставленіемъ, а живой дѣйствительностью и предметомъ опыта. Онъ не признавалъ ничего неодухотвореннаго: міръ тѣлесный въ его глазахъ представлялъ собой не самостоятельное, самодовлѣющее цѣлое, а сферу проявленія и воплощенія невидимыхъ духовныхъ силъ. Тутъ мы соприкасаемся съ наиболѣе чуждой, непонятной современникамъ чертой умственнаго облика Соловьева: онъ могъ бы подписаться подъ изреченіемъ древняго Ѳалеса — πάντα πλήστ θεῶν. Онъ видѣлъ дѣятельность незримыхъ силъ духовныхъ въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ природы—въ движеніи волнъ морскихъ, въ молніи и громѣ. Онѣ наполняли для него таинственной жизнью лѣса и горы. Міръ сказочный съ его водяными, русалками и лѣшими былъ ему не только понятенъ, но и сроденъ: внѣшняя природа была для него или иносказаніемъ или прозрачной оболочкой—средой, въ которой господствуютъ дѣятеля зрячіе, сознательные: развитіе природы для него—безпрерывно совершающееся, а потому—несовершенное и незаконченное откровеніе иной, сверхприродной дѣйствительности. Въ такомъ пониманіи природы заключается одинъ изъ наиболѣе могучихъ источниковъ поэтическаго вдохновенья Соловьева. Здѣсь — корень того необычайнаго подъема душевнаго, который вызывается въ немъ созерцаніемъ ея красоты: когда онъ видитъ горы и море, у него вырастаютъ крылья, а осенній видъ вызываетъ въ немъ молитвенное настроеніе.

Замерла безконечная даль,
И роскошно блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И какъ будто земля, отходя на покой,
Погрузилась въ молитву безъ словъ.
И спускается съ неба невидимый рой
Блѣднокрылыхъ, безмолвныхъ духовъ.

Въ этихъ поэтическихъ видѣніяхъ у Соловьева облекается въ плоть и кровь его философское пониманіе природы. Въ поэтической интуиціи онъ чувствуетъ міровую душу, вступаетъ въ общеніе съ „владычицей земли“. И въ этомъ проникновеніи въ тайны міровой жизни онъ находитъ исцѣленіе земнымъ страданіямъ: онъ вѣритъ въ животворящую силу красоты.

И призраки ушли, и вѣра неизмѣнна!
А вотъ и солнце вдругъ взглянуло изъ-за тучъ.
Владычица-земля! Твоя краса нетлѣнна,
И свѣтлый богатырь безсмертенъ и могучъ.

Природа жива! Въ этомъ — залогъ нашей надежды на окончательное торжество жизни надъ смертью. Рано или поздно восторжествуютъ тѣ зрячія силы, коихъ несовершенное явленіе мы уже теперь наблюдаемъ во внѣшнемъ мірѣ. Тогда земля вернетъ умершихъ къ жизни.

Одно и то же пониманіе природы рождало и чудные поэтическіе образы и вмѣстѣ съ тѣмъ было источникомъ цѣлаго ряда невѣроятныхъ чудачествъ, поражавшихъ въ Соловьевѣ. Этотъ человѣкъ, вѣрившій въ существованіе добрыхъ и злыхъ духовныхъ силъ,

населяющихъ природу, молившійся владычицѣ-землѣ и обращавшійся со стихотворными увѣщаніемъ къ „морскимъ чертямъ“, въ нашъ скептическій вѣкъ являлъ собою какъ бы олицетвореный парадоксъ. Философъ-мистикъ, для котораго міръ духовъ — не только предметъ вѣры и постиженія, а доступное наблюденію явленіе, въ наше время неизбѣжно долженъ казаться чуднымъ, страннымъ. Не удивительно, что вся философія Соловьева представлялась большинству его современниковъ сплошнымъ чудачествомъ; и это — тѣмъ болѣе, что онъ, съ его рѣдкимъ чутьемъ къ пошлости всего ходячаго, общепринятаго, обладалъ въ необычайной степени духомъ противорѣчія.

Противорѣчіе съ общепринятымъ „нормальнымъ“ для философскаго облика Соловьева не есть что-либо внѣшнее, случайно; оно коренится въ самомъ его существѣ.

Исканіе безусловнаго и безотносительнаго, наполнявшее душу философа, безпредѣльно расширяло его умъ и не давало ему возможности окончательно удовлетвориться чѣмъ-либо условнымъ, относительнымъ.

Наиболѣе распространенныя, ходячія людскія мнѣнія рѣдко представляютъ собою безпримѣрную истину или безпримѣрную ложь; большею частью они заключаютъ въ себѣ пеструю смѣсь того и другого; они принимаютъ сторону истины за всю истину. Въ каждомъ данномъ воззрѣніи Соловьевъ легко угадывалъ его односторонность; и это тотчасъ заставляло его противорѣчить, т.-е. выдвигать ту сторону истины, которая заключается въ воззрѣніи противоположномъ.

Какъ часто приходилось наблюдать эту черту въ его спорахъ, въ особенности философскихъ и политическихъ! Въ началѣ его литературной дѣятельности въ области публицистики господствовало западничество, въ области философіи—матеріализмъ и позитивизмъ. Соловьевъ, всегда плывшій противъ теченія, вступилъ на литературное поприще славянофиломъ; въ философіи онъ началъ съ блестящей полемики противъ матеріализма и позитивизма. Въ то время, въ семидесятыхъ годахъ, этимъ самымъ создавалось для него совершенно одинокое положеніе среди русскихъ философовъ. Напротивъ, позднѣе, въ восьмидесятыхъ годахъ, когда началось наше съ нимъ знакомство, мнѣ приходилось встрѣчать его преимущественно среди московскаго кружка молодыхъ философовъ-идеалистовъ. Тутъ онъ чаще всего рѣзко возставалъ противъ односторонняго идеализма и спиритуализма, подчеркивая относительную истину матеріализма и позитивизма. Та же исторія повторилась и съ отношеніемъ философа къ славянофильству. Пока оно было въ загонѣ, Соловьевъ былъ славянофиломъ; какъ только оно вошло въ силу, выродилось въ національнизмъ и превратилось въ идолопоклонство, онъ вышелъ изъ славянофильскаго лагеря и сталъ выдвигать ту сторону истину, которая заключалась въ западничествѣ.

Ничто такъ не раздражало покойнаго философа, какъ идолопоклонство. Когда ему приходилось имѣть дѣло съ узкимъ догматизмомъ, возводившимъ что-либо условное и относительное въ безусловное, духъ противорѣчія сказывался въ немъ съ особой страстностью. Въ особенности жестоко доставалось отъ него наиболѣе вреднымъ изъ всѣхъ идоловъ—идоламъ политическимъ. Такихъ идоловъ онъ находилъ въ самыхъ противоположныхъ воззрѣніяхъ—въ славянофильствѣ и западническомъ либерализмѣ, въ ученіи Каткова и въ соціализмѣ.

Тотъ самый универсализмъ, который заставлялъ Соловьева возставать противъ идоловъ, т.-е. противъ относительнаго, возведеннаго въ безусловное, обусловливалъ его чрезвычайно высокую оцѣнку относительнаго, взятаго въ его подлинномъ, подчиненномъ значеніи. Рѣдкая широта кругозора философа давала ему возможность угадывать не только ограниченность и ложь каждаго даннаго воззрѣнія, но и то зерно истины, которое оно въ себѣ заключаетъ. Не удивительно, что мы находимъ у него положительныя оцѣнки самыхъ противоположныхъ и несходныхъ міросозерцаній. Онъ—вѣрующій христіанинъ, но это не мѣшаетъ ему находить элементы положительнаго откровенія не только въ Исламѣ, но и во всевозможныхъ языческихъ религіяхъ Востока и Запада. Философъ-мистикъ, онъ тѣмъ не менѣе высоко цѣнитъ ту относительную истину, которая заключается въ ученіяхъ раціоналистическихъ и эмпирическихъ. Политикъ и публицистъ, онъ не можетъ быть названъ ни соціалистомъ, ни индивидуалистомъ, ни консерваторомъ, ни либераломъ, потому что онъ видитъ правду въ каждомъ изъ этихъ противоположныхъ направленій и пытается объединить ихъ въ органическомъ синтезѣ.

Характеризуя поэзію гр. А. К. Толстого, Соловьевъ, между прочимъ, отмѣчаетъ въ покойномъ поэтѣ черту, глубоко ему сродную: онъ боролся оружіемъ свободнаго слова за права красоты, которая есть ощутительная форма истины, и за жизненныя права человѣческой личности. „Но именно потому, что путь, указанный поэту, былъ правдивый, и борьба на этомъ пути была борьбою за высшую правду, за интересы безусловнаго и вѣчнаго достоинства, она возвышала поэта не

только надъ житейскими и корыстными битвами, но и надъ тою партійною борьбою, которая можетъ быть безкорыстною, но не можетъ быть правдою, ибо она заставляетъ видѣть все въ бѣломъ цвѣтѣ на своей сторонѣ и все въ черномъ на сторонѣ враждебной; а такого равномѣрнаго распредѣленія цвѣтовъ на самомъ дѣлѣ не бываетъ и не будетъ—по крайней мѣрѣ до Страшнаго Суда".

Такъ же, какъ и для Толстого, для Соловьева характерна эта неспособность „отдаться всецѣло одному изъ враждующихъ становъ". Разбирая великій споръ христіанскихъ церквей, онъ прямо говоритъ о „невозможности пристать ни къ одной изъ спорящихъ сторонъ". Такое же положеніе Соловьевъ занималъ во всѣхъ великихъ спорахъ его времени, религіозныхъ, философскихъ, политическихъ. Съ одной стороны, какъ справедливо замѣчаетъ Э. Л. Радловъ о немъ, „самыя разнообразныя направленія и общественныя теченія съ нѣкоторымъ правомъ могли сказать: онъ нашъ"; но, съ другой стороны, именно поэтому всѣмъ одностороннимъ направленіямъ онъ былъ одинаково чуждымъ. Всѣмъ близкій, онъ былъ, есть и остается до сихъ поръ непонятымъ почти всѣми.—*Одиночество этого мыслителя, столь отзывчиваго ко всему человѣческому,—одна изъ тѣхъ парадоксальныхъ чертъ, которыхъ такъ много въ его судьбѣ.* А между тѣмъ, оно—вполнѣ понятно и естественно: оно объясняется не только глубиной, но и безпредѣльной широтой его воззрѣній. Среднему человѣку труднѣе всего понять то, что не укладывается въ прокрустово ложе какого-нибудь партійнаго теченія, то, что не можетъ быть охарактеризовано какимъ-нибудь шаблоннымъ языкомъ. Соловьеву въ теченіе всей своей жизни приходилось страдать отъ такого партійнаго къ себѣ отношенія—и не въ одной политикѣ. Современники въ огромномъ большинствѣ судили о немъ весьма поверхностно: одни прикленвали къ нему ярлыкъ „славянофила"; въ славянофильскомъ лагерѣ, наоборотъ, его въ то же самое время травили, какъ „западника", „католика" и даже „измѣнника". При этомъ нельзя сказать, чтобы никто его не цѣнилъ: многіе восхищались имъ какъ публицистомъ, другіе плѣнялись его стихами, третьихъ привлекала какая-либо сторона его религіозныхъ и философскихъ воззрѣній; но почти никто не охватывалъ его міропониманія въ его цѣломъ: то, что составляло сущность его воззрѣній, было доступно лишь весьма немногимъ. Характерны его стихи.

Въ странѣ морозныхъ вьюгъ, среди сѣдыхъ
тумановъ,
Явилась ты на свѣтъ.
И, бѣдное дитя, межъ двухъ враждебныхъ
становъ
Тебѣ пріюта нѣтъ.

Повидимому, здѣсь онъ разумѣлъ свое религіозное и философское ученіе.

Тѣ же черты характера выразились и въ жизни Соловьева. Какъ въ своемъ ученіи онъ не могъ успокоиться на какомъ-либо одностороннемъ началѣ, такъ и въ жизни онъ не могъ окончательно плѣниться чѣмъ-либо, носившимъ печать преходящаго, временнаго. Въ его умѣ и въ его сердцѣ было слишкомъ много струнъ, чтобы какая-либо односторонняя привязанность или одностороннее чувство могли завладѣть имъ окончательно. Онъ былъ горячимъ и вѣрнымъ другомъ. Ради друзей онъ былъ всегда готовъ на жертвы: если бы это было нужно, онъ не задумался бы положить за нихъ душу; но было бы совершенно невозможно представить себѣ его супругомъ и отцомъ.

Чувство любви къ женщинѣ было хорошо и близко ему знакомо. Оно играло огромную роль въ его душевномъ настроеніи и творчествѣ. Въ теченіи своей жизни онъ былъ влюбленъ много разъ, горячо и страстно. Однако, это чувство не могло его приковать: ибо и здѣсь элементъ универсальный преобладалъ надъ личнымъ, индивидуальнымъ. Черта эта заслуживаетъ съ нашей стороны особаго вниманія въ виду ея огромнаго значенія для міросозерцанія покойнаго философа.

Въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Соловьева—„Три свиданія" есть полное невыразимой прелести описаніе его первой дѣтской любви.

Мнѣ девять лѣтъ. Она... ей девять тоже.
„Былъ майскій день въ Москвѣ", какъ мо-
вилъ Фетъ.
Признался я. Молчаніе. О, Боже!
Соперникъ есть. А онъ мнѣ дастъ отвѣтъ.
Дуэль, дуэль! Обѣдня въ Вознесеньѣ!
Душа кипитъ въ потокѣ страстныхъ мукъ.
Житейское... отложимъ... попеченье—
Тянулся, замиралъ и замеръ звукъ.
Алтарь открытъ... Но гдѣ жъ священникъ,
дьяконъ?
И гдѣ толпа молящихся людей?
Страстей потокъ, — безслѣдно вдругъ изсякъ
овъ.
Лазурь кругомъ, лазурь въ душѣ моей.
Пронизана лазурью золотистой,
Въ рукѣ держа цвѣтокъ нездѣшнихъ странъ,
Стояла ты съ улыбкою лучистой,
Кивнула мнѣ и скрылася въ туманъ.
И дѣтская любовь мнѣ чуждой стала,
Душа моя къ житейскому слѣпа...
А нѣмка-бонна грустно повторяла:
„Володенька—ахъ! слишкомъ онъ глупа!"

По объясненію Соловьева, *она* первой изъ приведенныхъ строфъ была маленькой барышней и не имѣла ничего общаго съ той *ты*, которая явилась „съ цвѣткомъ нездѣшнихъ странъ“ въ рукѣ.

Кто знаетъ философію Соловьева, тотъ пойметъ, что это „ты“, явившееся философу надъ земной ею любовью, есть его небесная любовь—та вѣчная божественная идея, которую онъ видѣлъ надъ возлюбленной, болѣе того—надъ всѣмъ сотвореннымъ. Въ любовномъ экстазѣ для него разверзается небо, и онъ погружается въ созерцаніе Мудрости Божественной („Софія“), того вѣчнаго первообраза или идеи, которая положена Богомъ въ основу всего сотвореннаго. Это видѣніе характерно не для дѣтскаго только возраста философа, но и для его любви вообще. И въ зрѣлыхъ годахъ „страстей потокъ“ въ немъ умолкалъ передъ голосомъ высшаго призванія; отъ явленія земной красоты онъ всегда возносился къ темно-синей лазури. Во многихъ случаяхъ этого бываетъ достаточно, чтобы заставить забыть о „маленькой барышнѣ“. Въ другомъ стихотвореніи мы читаемъ:

О, какъ въ тебѣ лазури чистой много
И черныхъ, черныхъ тучъ!
Какъ ясно надъ тобой сіяетъ отблескъ Бога,
Какъ злой огонь въ тебѣ томителенъ и жгучъ.

Приковать къ себѣ чувство Соловьева была бы въ состояніи только женщина, которая могла бы удержать въ себѣ лазурь и свѣтить ему небеснымъ свѣтомъ. Такихъ, какъ извѣстно, немного. Изъ тѣхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, большинство поглощались „житейскими попеченіями“, а потому не могли укорениться въ душѣ философа. Въ любви онъ сознавалъ себя „скитальцемъ“.

Ужели обманъ—эта ласка нежданная?
Ужели скитальцу измѣнишь и ты?
Но сердце твердитъ: это пристань желанная
У ногъ безмятежной святой красоты.

По самому существу своего духовнаго склада, Соловьевъ не могъ надолго успокоиться въ какой-либо „пристани“. И это обусловливается не слабостью его чувства, а какъ разъ наоборотъ,—его бездонной глубиной и силой и тѣми повышенными, сверхчеловѣческими требованіями, которыя сочетаются у него съ любовью. Въ стихахъ и въ прозѣ онъ твердитъ, что въ любви раскрывается высшій смыслъ жизни, что любовь для него—„все“, что безъ нея „міръ потеряетъ всѣ краски“. Въ ней одной правда; и внѣ ея—все только тѣнь. Но съ другой стороны, въ самой любви у него таится недовѣріе къ ея предмету, стремленіе возвыситься надъ нимъ.

Милый другъ, но вѣрю я нисколько
Ни словамъ твоимъ, ни чувствамъ, ни глазамъ.
И себѣ не вѣрю,—вѣрю только
Въ высотѣ сіяющимъ звѣздамъ!

Соловьевъ всегда испытывалъ то раздвоеніе любовнаго чувства, о которомъ онъ говоритъ въ приведенномъ уже стихотвореніи „Три встрѣчи“. Какъ бы ни было горячо и страстно въ немъ влеченіе къ женщинѣ, оно блѣднѣло и потухало, когда философа посѣщало таинственное видѣніе „съ цвѣткомъ нездѣшнихъ странъ“ въ рукѣ. Не удивительно, что онъ видѣлъ въ любви неосуществленную на землѣ задачу. Самая высота и безбрежность этого чувства, какъ онъ переживалъ, не дозволяла ему вмѣстить его въ какія-либо опредѣленныя житейскія рамки.

Соловьевъ вообще не могъ ввести свою жизнь въ какое-либо опредѣленное житейское русло. Онъ былъ совершенно неспособенъ занимать какую-либо постоянную должность. Самая преподавательская его дѣятельность была лишь краткимъ, даже, пожалуй, случайнымъ эпизодомъ. Предложенія занять ту или другую каѳедру были неоднократно имъ отклоняемы. Онъ, переживавшій непрестанную тревогу творчества, не могъ подчинить свою умственную дѣятельность какому-либо независящему отъ него плану академическаго преподаванія. Его подвижный, разносторонній умъ нуждался въ свободѣ передвиженія, поэтому обязательство—въ теченіе опредѣленнаго срока сообщить слушателямъ тѣ или другія опредѣленныя свѣдѣнія—было ему совсѣмъ не понутру. Своимъ духовнымъ обликомъ онъ напоминалъ тотъ, созданный бродячей Русью, типъ странника, который ищетъ вышняго Іерусалима, а потому проводитъ жизнь въ хожденіи по всему необъятному простору земли, чтитъ и посѣщаетъ всѣ святыни, но не останавливается надолго ни въ какой здѣшней обители. Въ такой жизни матеріальныя заботы не занимаютъ много мѣста: у странниковъ онѣ олицетворяются всего только небольшой котомкой за плечами.

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и схваченная снами
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Изъ литературнаго прошлаго.

Пушкинъ.

Въ „Изв. Одес. библіогр. общ.“ (т. II, вып. 2) приведенъ отрывокъ изъ хранящагося въ Импер. Публичной библіотекѣ дневника извѣстнаго въ

свое время профессора-славянофила С. П. Шевырева. Отрывокъ этотъ содержитъ въ себѣ нѣсколько литературныхъ характеристикъ—Булгарина, Полевого, Погодина и Пушкина. Отзывъ о послѣднемъ можетъ быть выдѣленъ какъ болѣе своеобразный.

„Въ Пушкинѣ типъ чисто русскій. Пушкинъ—геній съ запоемъ; это явленіе только въ Россіи и возможно. Оно есть слѣдствіе нашего климата и правительства, или воспитанія, что все равно. У насъ въ домѣ былъ столяръ—геній: запри его и не давай ему пить вина, онъ мастерски работаетъ, но продалъ работу, получилъ деньги,—въ кабакъ—пьетъ запоемъ и никуда не годится. Пушкинъ выражаетъ тотъ же типъ, но въ высшихъ благороднѣйшихъ чертахъ, но въ высшемъ значеніи, въ XIX вѣкѣ, въ образованной Европейской Россіи, въ лучшемъ кругу ея общества. Императоръ Александръ заперъ его въ ссылку; онъ отрезвился и написалъ Бориса; Николай далъ ему волю—и это пагубно для его генія. Запой—болѣзнь русская, такъ, какъ сплинъ въ Англіи, rabbiatura въ Италіи, le mal du pays въ Швейцаріи. Въ Пушкинѣ—запой черта національная. У насъ многіе таланты погибли отъ запоя. Мерзляковъ—тоже. И еще много погибнетъ".

Гоголь.

С. А. Венгеровъ случайно обратилъ вниманіе на одно „почти невѣроятное происшествіе" въ исторіи русской литературы—на слѣдующую поразительную деталь въ біографіи Гоголя, страннымъ образомъ до сихъ поръ ускользавшую отъ пытливыхъ, всевидящихъ взоровъ нашихъ литературныхъ историковъ и критиковъ: авторъ „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ", этотъ общепризнанный Гомеръ дореформенной Руси—„*наблюдать доподлинную Россію даже и возможности не имѣлъ*", и такимъ образомъ, рисуя бытъ Великороссіи, былъ почти въ такомъ же положеніи, какъ Жюль Вернъ, когда тотъ описывалъ луну или дно моря...

Свое сенсаціонное открытіе С. А. Венгеровъ подробно излагаетъ и обосновываетъ въ „Рѣчи" (см. №№ 56 и 57).

„Звучитъ, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-то безмѣрно-парадоксальнымъ, — говоритъ онъ, — что авторъ „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ", въ которыхъ отразилась, говоря установившимся шаблономъ, „вся Россія", на самомъ дѣлѣ воочію эту самую „Россію", можно прямо сказать, никогда не видѣлъ.

И все же это такъ.

Всѣ типы, созданные Гоголемъ, суть исключительно результатъ геніальнаго художественнаго синтеза.

Зналъ Гоголь только Малороссію и Петербургъ. Великорусскій же бытъ, „Россію", русскую провинцію, доподлинную русскую жизнь онъ не только никогда не наблюдалъ, но даже и возможности наблюдать не имѣлъ.

Стоитъ бросить сколько-нибудь пристальный взглядъ на біографію Гоголя или, того проще, на отмѣтки подорожной Гоголя, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ эпоху созданія „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ", т.-е. до 1842 года, Гоголь, *сидя въ экипажѣ, провелъ въ доподлинной Россіи счетомъ около 50 дней.*

Изъ „жизни" русскихъ губернскихъ городовъ Гоголь мелькомъ видѣлъ улицы и трактиры въ Курскѣ, а маленькаго русскаго уѣзднаго городка, вродѣ того, который описанъ въ „Ревизорѣ", Гоголь даже и мелькомъ никогда не видалъ.

Не заѣзжалъ Гоголь никогда ни къ какому русскому помѣщику, не обѣдалъ никогда ни у какого Манилова, не видалъ, какъ уписываетъ бараній бокъ Собакевичъ, не ночевалъ у Коробочки, не бывалъ никогда ни на какомъ, столь неправдоподобно у него описанномъ губернаторскомъ балу, не видѣлъ, какъ „пошла писать губернія", не былъ никогда свидѣтелемъ того, какъ ведутъ бесѣду дама просто пріятная и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и т. д. и т. д. Ровно ничего изъ всего этого, якобы столь типичнаго, по общему представленію, для русской жизни, калейдоскопа лицъ Гоголь воочію никогда не видѣлъ и не наблюдалъ. Все изъ собственнаго пальца высосалъ, все создалъ путемъ рефлексіи и художественнаго комбинированія, либо въ основу своей общерусской типизаціи положилъ впечатлѣнія малороссійскія.

Конечно, никакой, не то что геніальный, а даже средній художникъ не списываетъ дословно дѣйствительно имъ видѣнное, а даетъ типовое. Но, вѣдь, это типовое-то есть все же-таки нѣкій общій средній выводъ, нѣкое обобщеніе, нѣкій знаменатель ряда отдѣльныхъ случаевъ. А вотъ у Гоголя никогда такой, какъ ее можно назвать, художественной руды въ распоряженіи не было. Онъ зналъ русскій бытъ исключительно теоретически, по разсказамъ, по догадкамъ, по тому, какъ онъ отражался въ жизни столичной.

...Должно a priori утверждать, что, геніально возсоздавъ „Россію", какъ понятіе общее, исключительно символическимъ путемъ, безъ живыхъ непосредственныхъ наблюденій, Гоголь не могъ не надѣлать множества ошибокъ противъ доподлинной русской дѣйствительности.

Не считая себя знатокомъ стараго быта, я не берусь дать сколько-нибудь полный списокъ такихъ ошибокъ. Я только... подчеркну одну любопытнѣйшую обмолвку, которая показываетъ, что Гоголь относился къ русской дѣйствительности прямо какъ иностранецъ.

Обмолвка, о которой я говорю, сводится всего къ одному эпитету, но столь странному, что непонятно, какъ это на него не обращали никакого вниманія. Мнѣ самому онъ бросился въ глаза только при послѣднемъ перечитываніи „Мертвыхъ душъ“, когда мнѣ уже выяснилась полная неосвѣдомленность Гоголя въ деталяхъ той жизни, общіе контуры которой онъ очертилъ въ силу геніальной интуиціи.

Кто не помнитъ знаменитаго разговора о колесѣ въ самомъ началѣ „Мертвыхъ душъ“: „Въѣздъ его (Чичикова) не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака“, и т. д.

Но что значитъ „два русскіе мужика?“ Какіе же другіе могли быть мужики въ русскомъ губернскомъ городѣ? Французскіе, нѣмецкіе? Какъ могло зародиться въ творческомъ мозгу бытописателя такое ничего не опредѣляющее опредѣленіе?

Зародилось, конечно, непроизвольно и безсознательно, потому что задумайся Гоголь хотя бы на одну минуту, онъ бы непремѣнно зачеркнулъ этотъ несуразный, ровно ничего не говорящій русскому читателю эпитетъ.

Но именно какъ непроизвольный актъ мышленія „русскіе мужики“ бросаютъ яркій свѣтъ на основу отношенія Гоголя къ изображенному имъ быту, какъ къ чему-то чуждому, поздно узнанному и потому безсознательно этнографически-окрашенному.

Малороссійское міроотношеніе, если можно такъ выразиться, настолько органически засѣло въ Гоголѣ, что то немногое специфически-русское, которое ему было знакомо, запечатлѣвалось въ его воображеніи не столько какъ художественная эмоція, сколько какъ этнографическая картина“.

Бѣлинскій.

Какъ извѣстно, Бѣлинскій и М. Бакунинъ были когда-то большими друзьями. Поэтому въ изслѣдованіи А. Корнилова „Семейство Бакуниныхъ (по неизданн. матеріаламъ)“, печатающемся въ „Рус. Мысли“, имя великаго критика встрѣчается часто. Въ одной изъ новыхъ главъ (март. кн.) много мѣста отведено перепискѣ двухъ друзей по поводу легкомысленнаго отношенія „Мишеля“ къ своимъ денежнымъ дѣламъ.

Бакунинъ отмахивается отъ отчитываній Бѣлинскаго, какъ отъ назойливой мухи, и съ раздраженіемъ проситъ не докучать ему „гривенниками“ и „аккуратностью“. Бѣлинскій пишетъ въ отвѣтъ (въ письмѣ отъ 16 авг. 1837 г.):

„...Что же, спрашиваю я тебя, что же причиною безплодности моихъ порывовъ, моего душевнаго жару и многихъ прекрасныхъ даровъ, въ которыхъ не отказала мнѣ природа?—Безпорядокъ жизни и *гривенники*, которыми ты такъ презираешь, что не велишь даже писать о нихъ, чтобъ не разрушать твоего блаженства. Бѣдный Мишель! Какъ нетвердо, какъ непрочно твое блаженство!

„...Ты въ долгахъ по уши; надежныхъ средствъ къ жизни у тебя нѣтъ никакихъ. Ты взялся для графа [1]) переводить книгу,—книгу, назначенную для учебныхъ заведеній, слѣдовательно, требующую труда честнаго, добросовѣстнаго, отчетливаго, труда собственнаго, безъ всякаго вмѣшательства и помощи со стороны другихъ,—словомъ, труда съ любовью. А ты, какъ ты поступилъ съ нимъ? Ты зналъ, что такого рода труды не твое дѣло, и взялся за нихъ. Честно ли это? Взялся же ты изъ расчета, хотя и очень благороднаго. Потомъ ты роздалъ эту книгу твоимъ друзьямъ, сестрамъ, братьямъ, изъ чего долженъ былъ выйти переводъ самый разнохарактерный и потому самый безхарактерный: благородно ли это?

„...Кстати уѣзжая въ Премухино вслѣдствіе самой святой потребности твоей души, ты бросаешься то къ тому, то къ другому, чтобы достать нужную для поѣздки сумму; пріѣзжаешь оттуда также на заемъ—и эти займы ростутъ, ростутъ, ростутъ... Теперь, Мишель, я прошу тебя быть добросовѣстнымъ (твое письмо ко мнѣ сдѣлало необходимою эту просьбу): неужели все это не имѣетъ никакого вліянія на твой духъ и не мѣшаетъ нисколько твоей внутренней жизни? Если *нѣтъ*, то ты слишкомъ высокъ для меня, и я не въ состояніи понять тебя; если *да*, то ты напрасно увидѣлъ признаки конечнаго паденія въ письмѣ объ аккуратности и гривенникахъ“...

На вопросъ, поставленный другомъ, Бакунинъ отвѣтилъ: „нѣтъ“. Тогда Бѣлинскій пишетъ:

„...Ты отвѣчаешь: „нѣтъ!“ Хорошо! Это значитъ, что въ тебѣ избытокъ внутренней жизни такъ великъ, пламя чувства такъ ярко и сильно, что внѣшнія обстоятельства не мо-

---

[1]) Гр. С. Г. Строгановъ, тогдашній попечитель моск. уч. округа.

гутъ мѣшать первой и гасить и второго. Любезный Мишель, я говорю это не шутя, потому что понимаю возможность этого именно въ тебѣ болѣе, нежели въ комъ-либо изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, не исключая и Станкевича... Но чѣмъ ты меня задавилъ, уничтожилъ, втоптalъ въ грязь, показалъ мнѣ всю мою пошлость—это твои идеи объ абсолютной жизни, которую ты такъ прекрасно изслѣдуешь въ религіозномъ развитіи народовъ. Изъ этихъ разсужденій я понялъ, какъ огроменъ запасъ твоей внутренней жизни, какъ занимаютъ тебя интересы духа,—понялъ и оглянулся на себя,—и мнѣ стало грустно. Прекрасная душа, неразумное и легкомысленное дитя, часто совсѣмъ пустой малый въ своей внѣшней жизни, ты, Мишель, высокая душа, олицетворенная мощь въ своей внутренней жизни".

Черезъ годъ (12 окт. 1838 г.) Бѣлинскій снова возвращается къ этой темѣ.

„...Ты, Мишель, составилъ себѣ громкую извѣстность попрошайки и человѣка, живущаго на чужой счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, ты много перебралъ и перепросилъ денегъ. Но я,—развѣ я меньше тебя дѣлалъ того и другого? Думаю, что *рѣшительно больше*. Я долженъ даже Марьѣ Аоанасьевнѣ, князю Голицыну, И. Ф. Павлову, Аксакову-отцу—сыну тоже, да это особая статья, которая однако же тѣмъ пріятна, что извѣстна Аксакову-отцу! И что же, на меня никто не смотритъ, какъ на попрошайку, какъ на человѣка, живущаго на чужой счетъ,—никто: даже тѣ, на чей счетъ я дѣйствительно живу. А на тебя это обвиненіе пало, какъ проклятіе,—даже со стороны твоихъ друзей. Отчего это? Тутъ есть двѣ причины. Первая—ты просишь и берешь легко и легкомысленно; всѣ видятъ, какихъ мученій стоитъ *мнѣ* это и какую важность придаю я всякому гривеннику, который беру у другихъ. Вторая—я тружусь и тружусь, какъ волъ, съ самоотверженіемъ, съ презрѣніемъ собственныхъ выгодъ, а между тѣмъ бѣдствую совсѣмъ незаслуженно—это всѣмъ извѣстно, и зато никто не ставитъ мнѣ въ вину того, что въ самомъ дѣлѣ вина, потому что я съ большею разсчетливостью, строгостью къ себѣ, ограниченіемъ себя, я бы вполовину могъ избѣжать *ужасной* необходимости быть попрошайкою и жить на чужой счетъ. Ты, напротивъ, пальцъ о палецъ не ударилъ для снисканія себѣ денегъ, твои трудны неизвѣстны обществу,—ты о нихъ только трубилъ и провозглашалъ. Но я понимаю твое легкомысліе и легкость въ попрошайствѣ—ихъ источникъ твое *идеальное прекраснодушіе*. Для тебя спросить у другого, „нѣтъ ли у тебя денегъ?"—все равно, что спросить, „нѣтъ ли у тебя щепокъ?" и ты берешь деньги, какъ щепки; *но зато ты и отдаешь ихъ, какъ щепки*... Я не помню, чтобы когда-нибудь, имѣя въ карманѣ десять рублей, ты не готовъ былъ мнѣ отдать пяти, а если я представлялъ *крайнюю* нужду, то и всѣхъ, за исключеніемъ полтины на четверку табаку и двугривеннаго на извозчика. Этого мало: имѣя деньги, ты и не дожидался, чтобъ я у тебя попросилъ, а спрашивалъ: „Висяша, не нужно ли тебѣ денегъ?" И ты давалъ и тѣ, которыя бралъ у другихъ, и тѣ, которыя получалъ съ уроковъ. Это я помню и умѣю этому дать настоящій смыслъ, прямое значеніе. И потому, когда я говорю о тебѣ съ друзьями, съ *нашими*, со стороны *попрошайства*, то моему краснорѣчію нѣтъ предѣловъ,—въ немъ и филиппики и ватиканскіе громы: а когда *чужой* человѣкъ нападаетъ на тебя съ этой стороны, то я очень понимаю возможность оправдать тебя, то мнѣ и досадно, и больно, и этотъ чужой человѣкъ въ моихъ глазахъ—*гадкій человѣкъ*. Часто, бывало, видя, съ какою легкостію отдавалъ ты мнѣ послѣднія деньги, я спрашивалъ себя,—*такъ ли* я готовъ отдавать тебѣ свои, и находилъ, что *нѣтъ*—и въ этомъ видѣлъ свою гадость, а твое величіе. Теперь я смотрю на это истиннѣе, потому что смотрю *проще*: все дѣло и вся разница была въ томъ, что я понималъ цѣну это проклятаго металла, трудность доставать его, а ты—нѣтъ: другими словами, безсознательно я былъ дѣйствителенъ въ этомъ отношеніи, а ты былъ олицетворенное прекраснодушіе"...

Достоевскій.

Въ „Русск. Ст." (мартъ) помѣщены пять новонайденныхъ писемъ Достоевскаго, адресованныхъ издателю „Отеч. Зап." А. Е. Краевскому. Письма эти ярко освѣщаютъ то матеріальное рабство, въ тискахъ котораго бился Ѳ. М. всю жизнь, особенно же въ первый періодъ своей литературной дѣятельности, и помогаютъ лучше понять писательскую личность Достоевскаго.

Сдѣлаемъ наиболѣе существенныя выдержки. Цитируемыя здѣсь письма написаны до 1849 г.

(1 февраля.) „Между нами вышло недоумѣніе... Во-первыхъ: два года назадъ я имѣлъ несчастіе задолжать Вамъ большую сумму денегъ. Сумма эта вмѣсто того, чтобъ уменьшаться, возросла до невозможныхъ предѣловъ. Прежде всего нужно сыскать причину, почему эта сумма не уменьшалась, а увеличивалась. Я уже давно сообразилъ, и вышло, что отъ слѣдующихъ причинъ:

1) Оттого, что я долженъ былъ писать и не получать ничего *регулярно*...

2) Оттого, что я, чтобъ исполнить слово и доставить къ сроку, насиловалъ себя, писалъ между прочимъ такія дурныя вещи, какъ „Хозяйка“, тѣмъ впадалъ въ недоумѣніе и самоумаленіе и долго потомъ не могъ собраться написать серьезнаго и порядочнаго. Каждый мой неуспѣхъ производилъ во мнѣ болѣзнь.

3) Причина чисто нравственная, заставившая меня ненавидѣть срочную работу, не приносившую мнѣ даже насущнаго, и, наконецъ, рабство, въ которомъ я находился, конечно, самовольно. Эта причина важная. Отъ самоумаленія ли, или не знаю отъ какой ложной деликатности, я считалъ, что Вы, давая мнѣ деньги, дѣлали мнѣ какое-то одолженіе, тогда какъ здѣсь была чисто *услуга за услугу*... Тутъ было не одолженіе; а ужъ если Вы и говорите, что *одолженіе* (ибо Вы въ предпослѣдній разъ сказали мнѣ это)—то позвольте ужъ и мнѣ сказать: что даромъ деньги не даются, что Вы дали мнѣ въ надеждѣ услуги, т.-е. работы моей, которая чего-нибудь тоже да стоитъ.

Знаю, Андрей Александровичъ, что я, между прочимъ, нѣсколько разъ посылая Вамъ записки съ просьбой о деньгахъ, самъ называлъ каждое исполненіе просьбы моей *одолженіемъ*. Но я былъ въ припадкахъ излишняго самоумаленія и смиренія отъ ложной деликатности. Это минутное, болѣзненное состояніе, и я изъ него вышелъ. Доказательство же, что я былъ въ припадкахъ излишней деликатности, слѣдующее:

Чтобъ отплатить Вамъ за одолженіе, я, несмотря на болѣзнь мою, написалъ другую повѣсть и рискнулъ своею подписью, которая для меня единственный капиталъ.

Что я не обрабатывалъ достаточно моихъ произведеній и писалъ къ сроку, т. е. согрѣшилъ противъ искусства.

Что я не щадилъ своего здоровья и дѣлалъ мученическія усилія, чтобы расквитаться.

Что я отвергнулъ предложеніе Некрасова, который давалъ мнѣ 75 р. серебромъ за Вашъ листъ, съ предложеніемъ немедленно уплатить Вамъ весь долгъ деньгами.

И проч., проч., однимъ словомъ, очень много было подвиговъ, т.-е. я поступалъ очень честно.

Но, несмотря на все это, съ 1-го января прошлаго года сочиненія мои чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе хвалятся публикою. Это вѣрно, и я это знаю. Стало быть есть во мнѣ столько таланту, что можно было преодолѣть нищету, рабство, болѣзнь, азартъ критики, торжественно хоронившей меня и предубѣжденіе публики. Слѣдовательно, если есть во мнѣ талантъ дѣйствительно, то ужъ имъ нужно заняться серьезно, не рисковать съ нимъ отдѣлывать произведенія, а не ожесточаться противъ себя и своей совѣсти и мучаться раскаяніемъ и, наконецъ, щадить свое имя, т.-е. единственный капиталъ, который есть у меня“...

(31 марта.) „...Меня измучили, ибо 7 лѣтъ кредиторства сдѣлали меня раздражительнымъ, и я кинусь на постороннюю работу, т.-е. принужденъ буду писать какую-нибудь сказку на сторону. Тутъ бѣда самая большая та, что энергія къ нашему роману и охота продолжать прервутся посторонней работой опять на полмѣсяца, а можетъ и на мѣсяцъ. Андрей Александровичъ! Я явлюсь къ Вамъ въ эту субботу утромъ. Ради Бога отпустите меня съ 100 рублями, взятыми у Васъ. Я возвращу Вамъ ихъ, не скажу сторицею, а въ 5 разъ къ 15-му числу апрѣля. И больше не буду брать никогда. А свидѣтель мой братъ...“

(Безъ даты.) „ ...Я у Васъ не прошу теперь впередъ, а прошу вотъ чего: дайте мнѣ 15 р. серебромъ за 5-ую часть, теперь пойдетъ непрерывно... Прошу Васъ убѣдительнѣйше, сдѣлайте мнѣ это. Нынче время экстренное. Я борюсь съ моими мелкими кредиторами, какъ Лаокоонъ со змѣями; теперь мнѣ нужно 15, только 15. Эти 15 успокоятъ меня. У меня явится больше готовности и охоты писать, будьте увѣрены. Что Вамъ 15 рублей? А мнѣ это будетъ много. Помилуйте, я всю недѣлю безъ гроша, хоть бы что-нибудь. Если бы Вы только знали до чего я доведенъ. Только стыдно писать да и не нужно. Вѣдь это просто срамъ, Андрей Александровичъ, что такіе бѣдные сотрудники въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Ну задолжали много: конечно, худо, но вѣдь и отдача есть и работа есть. Вѣдь, кажется, что есть, Андрей Александровичъ“...

(Безъ даты.) „...Андрей Александровичъ, я, перебиваясь $2^1/_2$ мѣсяца послѣ послѣдняго полученія денегъ, истощалъ совершенно. Единственно для поддержки моей минутной необходимости, отстраняя всякую мысль требовать чего-нибудь дальнѣйшаго до извѣстнаго срока, обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою не оставить меня безъ 10 р. сереб., которыя требовались еще вчера для уплаты моей хозяйкѣ. Ибо срокъ моего переѣзда за квартиру былъ вчера, а я не платилъ уже 2 мѣсяца. Эти десять рублей удовлетворятъ ее по крайней мѣрѣ на минуту и тѣмъ доставятъ мнѣ необходимое спокойствіе, свѣтъ и провизію, безъ которой нельзя написать ничего на

свѣтѣ. Ради Бога не откажите, Андрей Александровичъ.

Вашъ покорный слуга Ѳ. Достоевскій."

Д. С. Мережковскій въ своей „Автобіографической замѣткѣ", появившейся недавно въ „Рус. Словѣ" (№ 65), вспоминаетъ, какъ его, 15-лѣтняго мальчика, отецъ повезъ въ 1880 г. къ Достоевскому.

„Помню крошечную квартирку на Колокольной, съ низенькими потолками, тѣсной прихожей, заваленной экземплярами „Братьевъ Карамазовыхъ", и почти такой же тѣсный кабинетъ, гдѣ Ѳ. М. сидѣлъ за корректурами. Краснѣя, блѣднѣя и запинаясь, я читалъ ему свои дѣтскіе жалкіе стишонки. Онъ слушалъ молча, съ нетерпѣливою досадою. Мы ему, должно-быть, помѣшали.

— Слабо, плохо, никуда не годится,— сказалъ онъ, наконецъ.—Чтобъ хорошо писать,— страдать надо, страдать!

— Нѣтъ, пусть уже лучше не пишетъ, только не страдаетъ! — возразилъ отецъ.

Помню прозрачный и пронзительный взоръ блѣдно-голубыхъ глазъ, когда Достоевскій на прощанье пожималъ мнѣ руку. Я его больше не видѣлъ и потомъ вскорѣ узналъ, что онъ умеръ".

Тургеневъ.

Въ началѣ января 1884 г. Л. Н. Толстой въ отвѣтъ на письмо А. Н. Пыпина, гдѣ рѣчь шла о Тургеневѣ, писалъ между прочимъ слѣдующее, какъ это видно изъ третьей кн. „Современника" за текущій годъ.

„Я и всегда любилъ его (Тургенева): но послѣ его смерти только оцѣнилъ его, какъ слѣдуетъ. Главное въ немъ — это его *правдивость*. По-моему, въ каждомъ произведеніи словесномъ (включая и художественное) есть три фактора: 1) кто и какой человѣкъ говоритъ; 2) какъ?— хорошо или дурно онъ говоритъ и 3) говоритъ ли онъ то, что думаетъ, и совершенно то, что думаетъ и чувствуетъ. Различныя сочетанія этихъ трехъ факторовъ опредѣляютъ для меня всѣ произведенія мысли человѣческой. Тургеневъ прекрасный человѣкъ (не очень глубокій, очень слабый, но добрый, хорошій человѣкъ), который хорошо говоритъ всегда то самое, то, что онъ думаетъ и чувствуетъ. Рѣдко сходятся такъ благопріятно эти три фактора, и больше нельзя требовать отъ человѣка, и потому воздѣйствіе Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. Онъ жилъ, искалъ и въ произведеніяхъ своихъ высказывалъ то, что онъ нашелъ,— все, что нашелъ. Онъ не употреблялъ свой талантъ (умѣнье хорошо изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, какъ это дѣлали и дѣлаютъ, а на то, чтобы всю ее выворотить наружу. Ему нечего было бояться. По-моему,— въ его жизни и произведеніяхъ есть три фазиса: 1) вѣра въ красоту (женскую любовь, искусство). Это выражено во многихъ и многихъ его вещахъ; 2) сомнѣніе въ этомъ и сомнѣніе во всемъ. И это выражено и трогательно, и прелестно въ „Довольно", и 3) не формулированная, какъ будто нарочно изъ боязни захватить ее (онъ самъ говоритъ гдѣ-то, что сильно и дѣйствительно въ немъ только безсознательное), не формулированная, двигавшая имъ и въ жизни, и въ писаніяхъ, вѣра въ добро — любовь и самоотверженіе, выраженная всѣми его типами самоотверженныхъ, и ярче, и прелестнѣе всего въ „Донъ-Кихотѣ", гдѣ парадоксальность и особенность формы освобождала его отъ стыдливости передъ ролью проповѣдника добра. Много еще хотѣлось бы сказать про него"...

Въ газетѣ „L'Echo de Paris" Поль Буржэ вспомнилъ объ одной изъ своихъ встрѣчъ съ Тургеневымъ.

„Это было много лѣтъ назадъ въ гостяхъ у Н. Тэна. Разговоръ коснулся романа, какъ одной изъ формъ искусства. Я какъ сейчасъ вижу... Тургенева, развивающаго намъ теорію романа съ такой широтою взглядовъ, съ такимъ удачнымъ выборомъ примѣровъ, что я до сихъ поръ жалѣю, что не записалъ немедленно этой импровизаціи наиболѣе вдумчиваго изъ русскихъ геніевъ. Насколько я помню — онъ говорилъ слѣдующее: „Въ жизни существуетъ высшее человѣчество, среднее и человѣчество низшее. Чтобы воспроизвести эту трехстепенную лѣстницу сравнительнаго достоинства людей, романистъ обязанъ вывести на сцену три серіи характеровъ. Въ глубинѣ картины должны стоять: неудачники и комическія фигуры, въ срединѣ — заурядныя личности, и на первомъ планѣ — тѣ, кто на вульгарномъ языкѣ именуются героями и исключительными натурами". Онъ настаивалъ на необходимости прибавлять психологическую черту къ описаніямъ, чтобы сообщить читателю чувство пейзажа. Какъ совершенный образецъ этого, онъ цитировалъ одинъ изъ отрывковъ Толстого, гдѣ тишина лѣтней ночи передается помощью одной подробности: летитъ большая птица, и слышенъ легкій шумъ, производимый ея крыльями".

Салтыковъ.

Изъ переписки великаго сатирика съ д-ромъ Н. А. Бѣлоголовымъ („Рус. Вог.", кн. III,

статья В. Розенберга „Конецъ *Отечеств. Зап.*“):

(20. III. 1882. Спб.) Скажу вамъ откровенно: всѣ эти убійства (политическія), покушенія и проч. дѣлаются необыкновенно тяжелы, назойливы и пошлы. Изъ-за нихъ ничего не видать. Не только никакого дѣла дѣлать нельзя, но и разобраться въ этой галиматьѣ трудно. Хоть бы смерть скорѣе,— до такой степени жизнь становится несносной и глупой. Каждый день я только о томъ и думаю, чтобы бросить все и погрузиться въ тьму забвенія. По нынѣшнему времени, это самый лучшій удѣль... Я боленъ, а главнымъ образомъ необыкновенно утомленъ. Писать трудно, видимо, творческія силы подходятъ къ концу. И охоты ни малѣйшей нѣтъ. Вообще теряется вкусъ къ жизни, а при отсутствіи этого стимула и работа невозможна.

(15. V.) Вы, господа медики, все стараетесь *продлить*, а по нынѣшнему времени *лучше* и цѣлесообразнѣе было бы сократить и устранить хлопоты...

(7. VII. Ораніенбаумъ.) Я вотъ уже полтора мѣсяца на дачѣ живу, а пера въ руки не бралъ. Не знаю, къ чему приступиться, да и охота совсѣмъ отпала. Какъ хотите, а осьмнадцать лѣтъ сряду все трепетать—это хоть кого ушибетъ.

(11. VIII. Ораніенбаумъ). У насъ все здѣсь тихо и благополучно, только шпіоны одолѣли. Говорятъ, и въ Финскомъ заливѣ водятся. Я самъ не купаюсь, но купальщики разсказываютъ: купаешься — и вдругъ начнетъ шпіонъ нырять и политическіе разговоры разговаривать... Здѣсь, въ Ораніенбаумѣ, цѣлый отрядъ добровольцевъ стоитъ — и, представьте себѣ, даже паспорта ревизуютъ.

(11. V. 1883.) Для меня нынѣшній годъ вполнѣ черный: сначала пошли литературныя невзгоды, а теперь болѣзни въ семьѣ... Мнѣ довольно-таки тяжело. И болѣзнь, да и слухи всякіе. Безпрестанно заходятъ и швейцара въ конторѣ*) спрашиваютъ: не высланъ ли я? Въ газетахъ уже извѣстіе было, что я проѣхалъ чрезъ Одессу въ Тифлисъ, а изъ Самары я письмо получилъ, въ которомъ пишутъ, что мнѣ готовили тамъ адресъ, да не знаютъ, въ *какой уѣздъ Пермской губерніи я сосланъ*. Вотъ она, Русь православная: не знаютъ даже, куда адресъ послать!

(5. XII.) Я не выхожу изъ болѣзней... Цѣлыхъ три дня былъ безъ ногъ, а отчасти и безъ рукъ, потому что кровоизліяніе сдѣлалось и въ правой рукѣ около кости. Очевидно, наступаетъ разложеніе, выражающееся въ самыхъ непредвидѣнныхъ формахъ. Вы удивитесь, конечно, когда за всѣмъ тѣмъ прочтете въ декабрьской книжкѣ мою статью. Но это дѣло совсѣмъ особое. Нельзя мнѣ не писать, покуда публика этого требуетъ. Иначе и мнѣ мать, и журналу мать. Пишу почти насильно и съ явнымъ для себя ущербомъ, и все-таки пишу. Очень горькое мое положеніе.

(18. XII.) Въ общественномъ мірѣ тоже просвѣтовъ не предвидится. Въ самомъ обществѣ замѣчается наклонность уничтожить всякіе порывы. Никто ничѣмъ не интересуется, никто ничего не читаетъ. Одно стремленіе всюду: уставиться лбомъ въ стѣну и въ этомъ положеніи замереть. Просто страшно становится, не за себя — за мертвое тѣло и страшиться нечего, — а за дѣтей. Вѣдь жить придется, а какъ? Одна надежда на трусость, но какая надежда!.. Вчера былъ у меня Островскій, который съ братцемъ катался на Кавказъ. Ужасно хвалилъ Батумъ: вотъ, говоритъ, куда ступайте! Климатъ чудесный, губернаторъ добрѣйшій, а вице-губернаторъ еще добрѣе. Вотъ истинное опредѣленіе русской жизни. Климатъ хорошъ, но все-таки только тогда хорошъ, ежели и губернаторъ, и вице-губернаторъ соотвѣтствуютъ. Я это чувство давно испытываю. Хочется мнѣ осѣдлость какую-нибудь купить, да вдругъ вспомнишь: а каковъ-то губернаторъ? каковъ исправникъ? становой? мировой судья? Затаскаютъ, засудятъ, изъ убѣжища отдохновенія устроятъ каторгу...

(24. IV. 1884.) Извѣщаю васъ кратко: „Отечественныя Записки“ приказали долго жить. Очень-очень серьезное время мы переживаемъ. Выходитъ, что журналъ прекращенъ не за содержаніе, а за то, что нѣкоторые изъ его сотрудниковъ арестованы. Но и въ департаментахъ арестуютъ чиновниковъ, а департаменты не закрываютъ! Вообще я какъ-то спутался и испытываю ощущеніе громаднѣйшей скуки. Я нимало не сомнѣваюсь, что въ настоящее время всего нужнѣе уморить меня, и что тутъ главнымъ подстрекателемъ Катковъ. Можетъ быть, я и помру, потому что тутъ никакое здоровье не выдержитъ. А публика у насъ презрѣнная. Уже со второго дня начали ходить и спрашивать, скоро ли расчетъ...

(11. V.) Не только отъ простецовъ пошехонскихъ я не вижу никакихъ заявленій симпатическихъ, но даже ни одинъ изъ такъ называемыхъ литературныхъ тузовъ ни однимъ словомъ не поступился.

(23. VII.) Что касается до моего соціальнаго положенія, то я теперь все равно, что

*) Въ конторѣ жур. „Отеч. Зап.“, редакторомъ котораго состоялъ Салтыковъ.

генералъ безъ звѣзды. Никакъ не могу выяснить себѣ, какого я пола. Заниматься ничѣмъ не могу, ибо, направивши свою дѣятельность извѣстнымъ образомъ, очень трудно ломать ее. А между тѣмъ предстоитъ объ этомъ серьезно подумать, ибо и матеріальныя нужды вопіютъ. Лучше сказать, это не нужды, а прихоти, но въ иныхъ случаяхъ прихоти говорятъ громче нуждъ. Съ прекращеніемъ „Отеч. Зап." я потерялъ 12 — 13 т. руб. дохода, да сверхъ того каждогодно книги мои издавались, что тоже приносило до 5 т. р., а теперь и этотъ доходъ сократится на три четверти, потому что публика наша такова, что раскупаетъ только тѣхъ авторовъ, которые о себѣ напоминаютъ.— Вотъ уже два мѣсяца слишкомъ, какъ я ничего не пишу. Какъ на полуфразѣ застала меня катастрофа, такъ и остановилось.

Еще пять лѣтъ послѣ этого продолжалась страдальческая жизнь сатирика.

Минаевъ.

И. В. Быковъ даетъ въ „Нов. журн. для всѣхъ" (февр.) страничку изъ своихъ раннихъ литературныхъ воспоминаній. Среди „былыхъ знакомыхъ лицъ", намъ здѣсь показанныхъ, наиболѣе отчетливой, выпуклой вышла фигура Д. Д. Минаева.

„Минаеву ничего не стоило забросать стихотворной грязью репутацію уважаемаго, честнаго человѣка. Его можно было науськать на кого угодно. Это прекрасно знали, и въ рукахъ смѣтливыхъ редакторовъ, не брезговавшихъ никакими средствами для уязвленія своихъ противниковъ или конкурентовъ, многоликій Минаевъ—у него была масса псевдонимовъ—являлся простою пѣшкой, которой можно было двигать, какъ угодно. И если Минаевъ, при его литературной нечистоплотности, не появлялся въ консервативныхъ органахъ, то лишь потому, что это было невыгодно, а вовсе не по убѣжденію. Тѣ писатели изъ умѣренно-либеральнаго лагеря, которыхъ онъ высмѣивалъ безпощадно, безсмысленно, были гораздо терпимѣе, либеральнѣе его, хотя бы по отношенію къ еврейскому вопросу. Слово „жидъ" не сходило у него съ языка. Пьяный приходилъ онъ къ тѣмъ, у кого работалъ, и при малѣйшемъ столкновеніи на почвѣ авансовъ разносилъ своихъ патроновъ, какъ послѣдній извозчикъ.

При мнѣ въ редакціи „Стрекозы", издававшейся милымъ, добродушнымъ Г. К. Корнфельдомъ, произошла однажды возмутительная сцена. Корифельдъ отказалъ Минаеву въ довольно кругленькой суммѣ и былъ изруганъ полупьянымъ обличителемъ. И въ концѣ-концовъ Минаевъ полѣзъ драться. Съ трудомъ уняли его.

Минаевъ всюду, кстати и не кстати, сыпалъ остротами и экспромтами. Кто мало зналъ его, удивлялся его способности произносить экспромты, но кто хорошо былъ съ нимъ знакомъ, тому было отлично извѣстно, что многіе экспромты Минаева были очень сомнительнаго происхожденія и пускались въ дѣло одни и тѣ же по нѣсколько разъ. Съ легкимъ сердцемъ брался Минаевъ за переводы любого иностраннаго поэта, не зная ни одного иностраннаго языка. Бѣднымъ студентамъ заказывалъ онъ подстрочные переводы, которые и перекладывалъ въ стихи, по духу не имѣвшіе ничего общаго съ подлинникомъ. Въ его переводѣ Чайльдъ-Гарольдъ Байрона „былъ юноша дурного тона". Но встрѣчались и прямыя нелѣпости.—„Послушайте, Минаевъ,—сказалъ ему какъ-то Случевскій—какъ вы умудрились перевести „Божественную Комедію" Данте, когда вы не знаете языка?"—„Я переводилъ по французскому подлиннику—и вышло прекрасно"—отвѣтилъ съ пренебреженіемъ Минаевъ.—„Да, вѣдь, вы и французскаго языка не знаете!—не унимался Случевскій,—я помню много стиховъ этой вещи во французскомъ переводѣ... Вотъ переведите это, я вамъ напишу".—Минаевъ взялъ листокъ съ написаннымъ, повертѣлъ въ рукахъ и презрительно сказалъ:—„Выберите что-нибудь получше,—я сейчасъ приду!" Онъ вышелъ и... болѣе не возвращался въ излюбленный литературный кабачекъ, гдѣ это происходило. А не далѣе, какъ дня черезъ два, кажется, въ „Гласномъ Судѣ" или въ какомъ-то другомъ изданіи онъ самымъ пошлымъ образомъ изругалъ Случевскаго.

У Минаева не было того священнаго огонька въ его произведеніяхъ, который давалъ бы ему право называться поэтомъ, но версификаторъ онъ былъ превосходный. Ни надъ размѣромъ, ни надъ риѳмой онъ никогда не задумывался, точно такъ же, какъ никогда не затруднялся въ выборѣ сюжета. Когда Н. А. Степановъ, извѣстный карикатуристъ, соиздатель Вас. Степ. Курочкина по „Искрѣ", отдѣлился отъ своего компаньона и основалъ собственный сатирическій журналъ „Будильникъ", выходившій два раза въ недѣлю, Минаевъ, не прекращая дѣятельнаго сотрудничества въ „Искрѣ", сдѣлался ревностнымъ поставщикомъ новаго журнала. Онъ наполнялъ стихами и прозой каждый нумеръ, и мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ быстроты его работы, какъ моментально откликался онъ и на крупный общественный фактъ и на мелкое литературное явленіе.

Степановъ не выносилъ Минаева, но сотрудничествомъ его дорожилъ. Однажды чувствовалось сильное оскудѣніе матеріала для текущаго нумера „Будильника“. Пришелъ Минаевъ, далъ свой фельетонъ „Nota Bene“ и узналъ, что много матеріала недостаетъ, тутъ же, въ редакціи, написалъ сатиру, разсказъ на злободневную тему и цѣлый рядъ мелочей въ стихахъ.—„Чтобъ заключить нумеръ, надо бы еще строчки четыре стиховъ“,—сказалъ Степановъ. „Рука устала! Продиктую,—записывайте“,—отвѣтилъ Минаевъ:

Обычно дѣва ждетъ вѣнца,
Принцъ обнищавшій жаждетъ трона,
А здѣсь давно всѣ ждутъ винца,
Да и закуски отъ патрона!

— Ну, это не годится!—сказалъ нѣсколько обидчиво нашъ патронъ.—Вѣдь, вы вчера были на дачѣ, дайте крохотную картинку!

Минаевъ сейчасъ произнесъ въ отвѣтъ:

По кустамъ усѣлось сорокъ
Пестрыхъ скачущихъ сорокъ;
Мнѣ ландшафтъ подобный дорогъ,
Посреди большихъ дорогъ.

Если нуженъ былъ на спѣхъ переводъ, онъ и его переводилъ по подстрочнику съ такой же быстротой, какъ говорилъ экспромты. Въ теченіе одного вечера перевелъ онъ поэму Альфреда де-Виньи „Потопъ“, предназначенную имъ для „Отеч. Зап.“. Свидѣтелемъ этой быстроты былъ одинъ студентъ, дѣлавшій комментаріи къ подстрочнику, имъ сдѣланному. Но злые языки утверждали, что Дмитрій Дмитріевичъ въ значительной степени пользовался при своей работѣ старымъ переводомъ „Потопа“, напечатаннымъ въ сороковыхъ годахъ его отцомъ Дмитріемъ Ивановичемъ, тоже поэтомъ, извѣстнымъ переводчикомъ „Слова о полку Игоревѣ“.

Работая въ „Русскомъ Словѣ“, Минаевъ досаждалъ его сотрудникамъ, досаждалъ самому Благосвѣтлову (ред.-изд.), который пытался сломить разнузданнаго сатирика—и терпѣлъ неудачу. Минаевъ положительно угнеталъ его, а Благосвѣтловъ никакого гнета терпѣть не могъ, и чѣмъ былъ онъ сильнѣе, тѣмъ упорнѣе и сильнѣе Благосвѣтловъ давалъ отпоръ. Какъ-то послѣ попойки Минаевъ на другой день, ни свѣтъ, ни заря, явился къ Благосвѣтлову за деньгами.

— Не дамъ, пропьете!—сказалъ тотъ съ раздраженіемъ.—Вы мнѣ и такъ должны. Убирайтесь!

Минаевъ полѣзъ драться. Тогда Благосвѣтловъ сгребъ его, оттузилъ и съ помощью своего шурина вытолкалъ на лѣстницу. А придя къ себѣ въ свой рабочій кабинетъ, онъ сѣлъ къ столу, закрылъ лицо руками и плакалъ. Въ этомъ положеніи засталъ его Шелгуновъ, которому и удалось кое-какъ успокоить своего друга. — „Благосвѣтловъ — разсказывалъ мнѣ Шелгуновъ—былъ возмущенъ поведеніемъ Минаева, но еще больше разогорчился тѣмъ, что ему пришлось прибѣгнуть къ такой расправѣ“. Съ Минаевымъ авторъ воспоминаній встрѣтился впервые въ редакціи тогдашняго журнала „Рус. Сл.“. Тамъ же довелось ему познакомиться съ Писаревымъ. Вотъ какъ онъ описываетъ наружность знаменитаго критика.

„Его красивое лицо съ чудными карими глазами, свѣжими пунцовыми губами, правильнымъ римскимъ носомъ, высокимъ, большимъ лбомъ, румяными, какъ у дѣвушки, щеками, дышало здоровьемъ. Говоря словами Некрасова, оно было „словно рукой геніальной обточено“ и просилось на холстъ. Въ манерахъ сквозило изящество, чарующая простота, такъ гармонировавшіе съ его безукоризненнымъ костюмомъ, прекрасно облегавшимъ стройный станъ юноши. Вся его фигура производила обаятельное впечатлѣніе, въ особенности, когда на лицѣ играла милая, почти дѣтская улыбка. Безъ преувеличенія скажу, что это лицо свѣтилось вдохновеніемъ и умомъ“.

Верлэнъ.

Поэтъ-драматургъ Сенъ-Жоржъ де-Бугелье недавно разсказалъ въ газетѣ „Comoédia“ о томъ, въ какой обстановкѣ доживалъ свою бурную и многострадальную жизнь его другъ Поль Верлэнъ. Передачу этого разсказа заимствуемъ изъ „Рѣчи“.

Въ мрачный и сырой декабрьскій вечеръ Сенъ-Жоржъ встрѣтилъ поэта на улицѣ Monsieur le Prince. Верлэнъ остановился и безмолвно посмотрѣлъ на своего друга, потомъ, поднявъ указательный палецъ, сдѣлалъ ему знакъ слѣдовать за собой. Сквозь сѣрый ночной туманъ, въ которомъ тускло мерцали газовые рожки, Верлэнъ повелъ Сенъ-Жоржа, не произнося ни одного слова. Только придя въ убогій кабачекъ, гдѣ его, очевидно, знали и привѣтствовали съ сострадательнымъ уваженіемъ, Верлэнъ заговорилъ. Его болѣзнь сильно прогрессировала, и онъ, оказывается, на улицѣ молчалъ, опасаясь тумана.

Въ его словахъ страннымъ образомъ сочетались полнѣйшая безнадежность и какія-то надежды на будущее. Онъ говорилъ о своей тоскѣ и жаждѣ спокойствія и увѣрялъ, что онъ вовсе не былъ представителемъ богемы, за котораго его всѣ принимали. Все чаще и чаще повторялъ Верлэнъ, что судьба никогда не бы-

да къ нему благосклонна, и съ душевной болью вспоминалъ о своемъ покинутомъ домѣ и ребенкѣ. Онъ много думалъ объ этомъ ребенкѣ, котораго почти не зналъ и котораго не смѣлъ видѣть, такъ какъ ребенка всячески отдаляли отъ отца. „Онъ плакалъ, какъ старый Лиръ въ степи, но не отрицалъ своей вины,—пишетъ Сенъ-Жоржъ,—потомъ мысли его обратились къ будущему. Онъ сталъ вдругъ полонъ надеждъ, и въ мечтахъ своихъ видѣлъ мирную, тихую, порядочную жизнь. Онъ разсказывалъ о своей маленькой квартиркѣ на улицѣ Декарта и настаивалъ на томъ, что я долженъ побывать въ его двухъ чистенькихъ комнаткахъ съ кухней". Чтобы содержать свою квартиру въ чистотѣ, онъ „взялъ къ себѣ женщину, не какую-нибудь, а прекрасную восхитительную женщину. И съ той таинственностью, которая была свойственна ему, Верлэнъ вынулъ изъ бокового кармана старую, потертую, выцвѣтшую фотографію, на которой было изображено дѣйствительно ангельское нѣжное дѣвичье личико, съ прекрасными, кроткими глазами. Это была Евгенія Кранцъ (на улицѣ ее знали подъ именемъ Нини Мутонъ), но только спитая тридцать лѣтъ назадъ".

Когда нѣсколько дней спустя Сенъ-Жоржъ заглянулъ къ Верлэну, ему открыла дверь старая, худая, бѣдно одѣтая женщина и рѣзкимъ голосомъ заявила: „Господинъ Верлэнъ не принимаетъ". Случайно заглянулъ въ дверь самъ Верлэнъ и, робко объяснивъ женщинѣ, что этотъ господинъ не кредиторъ, попросилъ Сенъ-Жоржа зайти. Женщина удалилась, что-то ворча про себя. Въ скромной чистенькой комнатѣ, гдѣ весело распѣвала въ клѣткѣ птичка, Верлэнъ сказалъ своему другу: „Да, наконецъ-то дѣла дѣйствительно улаживаются". Онъ сообщилъ, что имѣетъ заработки и его издатель держитъ себя съ нимъ иначе и больше не смѣетъ давать за стихотвореніе только пять франковъ. „И затѣмъ,—прибавилъ онъ,—я теперь окончательно отказался отъ алкоголя и больше не хожу въ кафе". Но тутъ m-lle Кранцъ съ недовѣрчивымъ и встревоженнымъ видомъ пріоткрыла дверь, и Верлэнъ замолчалъ. „Я видѣлъ,—пишетъ Сенъ-Жоржъ,—какъ онъ печально посмотрѣлъ на дверь взглядомъ побитой собаки". Женщина расхаживала за дверью и, повидимому, подслушивала. Верлэнъ не осмѣлился больше произнести ни одного слова, и гость ушелъ.

А три недѣли спустя въ этой же комнатѣ возвышался уже гробъ съ прахомъ „бѣднаго Леліана", какъ любилъ называть себя Верлэнъ. Мечта его осуществилась; онъ умеръ „у себя", а не въ больницѣ.

Мопассанъ по воспоминаніямъ его слуги.

Франсуа Тассаръ, служившій у знаменитаго романиста въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ его жизни, всюду его сопровождавшій и пользовавшійся расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ писателя, вскорѣ по поступленіи своемъ на службу къ Мопассану догадался завести записки, что-то въ родѣ дневника, куда тщательно заносилъ все, что казалось ему важнымъ въ жизни, въ поступкахъ и словахъ, привычкахъ и вкусахъ его господина. Теперь эти записки собраны въ книгу и опубликованы ихъ авторомъ (Ф. Тассаръ. „Воспоминанія о Ги де-Мопассанѣ его слуги Франсуа"), и уже переведены и на русскій языкъ. Въ подробныхъ обстоятельныхъ воспоминаніяхъ Тассара можно отмѣтить кое-что и такое, что имѣетъ цѣну не только съ точки зрѣнія „слуги" или хотя бы вообще французскаго читателя.

Мопассанъ и женщины.

Извѣстно, какую, можно сказать, роковую роль въ жизни прославленнаго романиста, избалованнаго всеобщимъ вниманіемъ, въ особенности женщинъ, играли эти послѣднія. Слуга его Франсуа запомнилъ нѣсколько комическихъ случаевъ изъ данной области, но онъ же сумѣлъ разглядѣть и трагическую сторону отношеній Мопассана къ женщинамъ.

Мопассанъ любилъ всякія мистификаціи, „шалости" (цѣлый рядъ ихъ приведенъ авторомъ воспоминаній), и наибольшее удовольствіе доставляли ему шутки надъ многочисленными своими поклонницами. Напр., какъ-то разъ посылаетъ онъ слугу изъ Шату въ Парижъ съ корзинищей, наполненной доверху живыми лягушками. Ихъ было собрано тутъ больше сотни...

— „Отнесите ихъ къ г-жѣ О. Вы непремѣнно постарайтесь сдѣлать такъ, чтобы она сама открыла крышку. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы лягушки прыгнули ей прямо въ лицо и наводнили собою гостиную".

Г-жа О. жила въ „великолѣпномъ" дворцѣ на одномъ изъ большихъ парижскихъ авеню. Франсуа дѣйствительно старается выполнить въ точности волю господина, но адресатка отказывается заглянуть въ корзину, прежде чѣмъ не узнаетъ, что въ ней.

„Запинаясь отъ смущенія, я открылъ ей,—разсказываетъ Тассаръ,—что именно содержитъ въ себѣ корзина. „Но что же я должна дѣлать съ этими бѣдняжками?" спросила она.—Я самъ не знаю этого, сударыня,—отвѣчалъ

я ей. — „Но вѣдь, въ концѣ-концовъ, эти лягушки должны же имѣть какое нибудь назначеніе?“ — Въ нѣкоторыхъ ресторанахъ, замѣтилъ я, принято подавать лягушечьи бедра, приготовленныя „à la poulette“, и это считается очень тонкимъ блюдомъ“. — „А, бедра „à la poulette“, это дѣйствительно очень тонкое блюдо, да... да... и самыя бедра, вѣдь, такая интересная часть тѣла!“.. И она разразилась громкимъ смѣхомъ. — „Хорошо, поблагодарите отъ моего имени г. де-Мопассана, и, спускаясь внизъ, вы скажете выѣздному лакею, Франсуа, чтобы онъ тотчасъ же запрягалъ лошадей. Я отвезу этихъ бѣдняжекъ въ Булонскій лѣсъ и пущу ихъ тамъ въ озеро, потому что имъ, вѣроятно, очень хочется пить“.

Поклонницы платили писателю тѣмъ же.

„Однажды посыльный принесъ г. де-Мопассану объемистый, тщательно упакованный пакетъ съ спеціальнымъ порученіемъ отдать „въ собственныя руки“. Въ пакетѣ оказался цѣлый рядъ маленькихъ хорошо выравненныхъ коробочекъ и въ каждой изъ нихъ по миніатюрнѣйшей куколкѣ, вышивою 10—12 сантиметровъ. Всѣхъ куколъ было 24; 6 изъ нихъ были одѣты по модѣ, съ трэномъ, и выглядѣли очень изящно и нарядно; 6 другихъ были одѣты монахинями — въ черное, съ бѣлыми чепцами; слѣдующія 6 были прелестными доминиканскими монахинями, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, и, наконецъ, послѣднія 6 куколокъ изображали собою вдовъ, одѣтыхъ въ трауръ съ длинными вуалями.

Г. де-Мопассанъ попросилъ меня дать ему старые носовые платки и, съ помощью маленькаго шила, заправилъ ихъ подъ платья вдовъ. Мы постарались дать имъ рѣзко выдающійся животъ, чтобы не было никакого сомнѣнія въ ихъ интересномъ положеніи... Затѣмъ мы уложили ихъ обратно въ коробки, задѣлали пакетъ, и на слѣдующій день, рано утромъ, особа, отправившая г. де-Мопассану эту посылку, получила такой отвѣтный подарокъ, который долженъ былъ заставить ее призадуматься и дать ей понять, что въ дѣйствительной жизни не существуетъ такого количества неутѣшныхъ вдовъ, какъ она хотѣла это доказать...

Въ Лавдерно этотъ инцидентъ не произведъ особеннаго шума, но въ кварталѣ, который начинается отъ бульвара Мальгербъ до Тріумфальной арки, дамы большого свѣта при встрѣчѣ другъ съ другомъ всѣ обязательно восклицали: „Ахъ нѣтъ, душечка, вы подумайте! Это что-то небывалое, неслыханное, — шесть! Понимаете, дорогая, шесть! Въ одну ночь! Между двумя сумерками!“

Въ другой разъ Мопассанъ „выкинулъ фортель“ еще болѣе смѣлый.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего возвращенія въ Парижъ (изъ Этрета), мой господинъ предупредилъ меня, что онъ устраиваетъ званый обѣдъ. „Насъ будетъ 16 человѣкъ, сказалъ онъ мнѣ. Это будетъ обѣдъ въ честь обрученія“. На самомъ дѣлѣ, вся эта затѣя была не чѣмъ инымъ, какъ злою шуткой, которую господинъ хотѣлъ сыграть съ нѣкоею красавицей Х., чтобы отомстить ей за мистификацію, которую она себѣ позволила по его адресу. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ долженъ былъ быть одинъ испанецъ, маркизъ, только что пріѣхавшій изъ Мадрида; красавецъ собой, рослый блондинъ, съ нѣжно-розовымъ цвѣтомъ лица, онъ искалъ себѣ въ подруги жизни красивую и интересную женщину; онъ былъ страшно богатъ и собирался устроиться въ Парижѣ съ большимъ великолѣпіемъ.

Четыре дамы, въ томъ числѣ и красавица Х., были спеціально приглашены для того, чтобы онъ могъ сдѣлать свой выборъ. Всѣ онѣ нарядились, какъ только могли, чтобы лучше выставить свою соблазнительную красоту. Въ воображеніи дамъ должна была создаться картина сказочной роскоши. Каждой хотѣлось быть счастливой избранницей. Миніатюрная Х., съ ея мягкими чертами лица, свѣжая, какъ роза, полная граціи, была, безспорно, самой красивой изъ четырехъ дамъ, а потому испанецъ безъ колебанія остановилъ свой выборъ на ней и, едва только кончился обѣдъ, увлекъ ее за собой, симулируя сладострастный восторгъ. Какъ только испанецъ уѣхалъ, безумный смѣхъ овладѣлъ всѣми оставшимися; одни корчились отъ смѣха, другіе плакали, третьи прыгали или даже катались по полу. Самъ Гюи де-Мопассанъ, держась за бока, топалъ отъ радости ногами, что его шутка такъ хорошо удалась. Онъ зналъ, что завтра съ восходомъ солнца маркизъ положитъ золотую монету на каминъ своей возлюбленной и исчезнетъ „à l'anglaise“...

15-го декабря я разсматривалъ въ гостиной календарь, когда отворилась дверь и вошелъ господинъ; лицо его было хмурое и недовольное. Наканунѣ онъ былъ на званомъ обѣдѣ у одной изъ высокопоставленныхъ дамъ и возвратился оттуда съ молодой рыжей блондинкой, иностранкой, некрасивой, но довольно соблазнительной. Послѣ завтрака она улетѣла, но не надолго, — къ четыремъ часамъ она уже вернулась обратно. Господина не было дома. Она ждала его до 6-ти часовъ, а потомъ снова уѣхала, такъ какъ знала, что въ $7\frac{1}{2}$ часовъ господинъ мой долженъ былъ отправиться на званый обѣдъ. На другой день въ 9 ч. утра

она появилась снова. Такъ продолжалось въ теченіе четырехъ дней, послѣ чего патронъ заявилъ мнѣ:—„Дѣлайте, что хотите, но я больше не могу!.. Каждый разъ она говоритъ мнѣ, что уѣзжаетъ въ Вѣну, а потомъ снова возвращается... Выставьте ее, если она опять явится!..“

Приглашенія на обѣды и вечера сыплются дождемъ... Однажды мы получили цѣлыхъ семнадцать!“

„Какъ-то днемъ, когда я былъ одинъ въ квартирѣ, къ нашему дому подъѣхалъ небольшой англійскій желтый экипажъ; изъ него вышла молодая дама въ изящномъ сѣромъ костюмѣ „tailleur“ и въ шляпѣ того же цвѣта. Я отворилъ ей дверь, и она отрывисто меня спросила, дома ли г. де-Мопассанъ. Я отвѣчалъ ей, что господина нѣтъ дома. „Я войду, мнѣ нужно написать ему записку“, говоритъ мнѣ она. И на большомъ листѣ бумаги, лежавшемъ на конторкѣ, она огромными буквами написала „Свинья“.

Возвратившись домой, г. де-Мопассанъ увидѣлъ листъ бумаги, прочелъ написанное и громко засмѣялся. „Чортъ побери всѣхъ этихъ дамъ“! воскликнулъ онъ внезапно и добавилъ: „Эта молодая маркиза, которая такъ хорошо пишетъ, дочь бывшаго министра временъ Имперіи. Я не могу ее больше видѣть... Я сытъ ею по горло... И затѣмъ, Франсуа, я вамъ прямо скажу, что я не могу больше оставаться въ Парижѣ. Мнѣ не даютъ здѣсь вздохнуть свободно; я изнемогаю... Мы поѣдемъ въ Шату“...

А вотъ что случилось въ Шату. Фигурируетъ на этотъ разъ уже не дочь „бывшаго министра“ а другая незнакомка—„испанка“.

„Однажды послѣ завтрака г. де-Мопассанъ сказалъ мнѣ: „Я пойду немного прогуляюсь по острову; если кто-нибудь будетъ меня спрашивать, вы скажете, что я въ Парижѣ“. Около 3-хъ часовъ пріѣзжаетъ г. L... „Хозяинъ дома?“ спрашиваетъ онъ. „Нѣтъ, онъ гуляетъ“, отвѣчалъ я. „Вотъ въ чемъ дѣло“, говоритъ онъ: „я пріѣхалъ на одномъ поѣздѣ съ г-жей N.; она меня лично не знаетъ. Эта дама находится въ состояніи крайняго нервнаго возбужденія; она нѣсколько разъ вынимала изъ кармана револьверъ, и весь ея гнѣвъ сосредоточивается на г. де-Мопассанѣ; относительно ея намѣреній не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Я пойду искать вашего господина, чтобы предупредить его. Вы же дождитесь эту даму и, когда она придетъ, то сдѣлаете все возможное, чтобы убѣдить ее вернуться въ Парижъ“.

Черезъ какія-нибудь четверть часа явилась вышеозначенная дама и крайне повышеннымъ тономъ спросила меня, дома ли г. де-Мопассанъ. „Нѣтъ, сударыня“, отвѣчаю я, „онъ уѣхалъ въ Парижъ“. „Нѣтъ, нѣтъ,—возражаетъ она,—я хотѣла его“...

Она не успѣваетъ докончить фразы, блѣднѣетъ и теряетъ сознаніе. Я едва успѣлъ подхватить ее.

Оправившись, она взяла меня за обѣ руки и, обливаясь горячими слезами, захлебываясь отъ рыданій, сказала мнѣ: „Франсуа, дайте мнѣ г. де-Мопассана, я прошу васъ, дайте мнѣ г. де-Мопассана, иначе я умру! Я хочу его! Я говорю вамъ, что я хочу его! Я не сдѣлаю ему никакого зла, увѣряю васъ... обѣщаю вамъ... Только дайте мнѣ его!“—кричала она: Я успокаивалъ ее, какъ умѣлъ, и обѣщалъ тотчасъ же отправиться въ поиски за моимъ господиномъ. Я вышелъ изъ дома, но никто не зналъ, гдѣ господинъ и не видалъ его; я уже возвращался обратно къ больной, когда услышалъ, что кто-то отворяетъ дверь; это былъ г. де-Мопассанъ. „Я все знаю и все устрою“, быстро проговорилъ онъ. Онъ былъ такъ спокоенъ, какъ будто-бы дѣло шло о самой обыкновенной вещи въ мірѣ.

Вечеромъ патронъ вмѣстѣ съ дамой подошелъ къ двери кухни и очень весело, точно ничего тяжелаго не было, сказалъ мнѣ: „Все теперь наладилось, Франсуа!“ А гостья его прибавила: „Да, мы теперь добрые друзья“.

Могъ ли удовлетворять Мопассана этотъ безконечный праздникъ любви? Нашему автору удалось подмѣтить слѣдующую тайну души своего патрона. За завтракомъ какъ-то одна молодая американская писательница (питавшая къ Мопассану возвышенное чувство привязанности), говоря о литературѣ, уронила фразу:

— „Я бы хотѣла слышать отъ самихъ критиковъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя почти всегда приходится преодолѣвать для взаимнаго пониманія двумъ существамъ, соединеннымъ самыми тѣсными узами любви... вы понимаете, что я хочу сказать... существамъ, испытавшимъ максимумъ чувственной страсти... и тотчасъ же, какъ только это произойдетъ, цѣлая бездна открывается между ними“...

Какая-то тѣнь,—вспоминаетъ Тассаръ,—легла на лицо моего господина при этихъ словахъ, смѣхъ его оборвался, и я замѣтилъ нервное движеніе въ его зрачкахъ. Я не слыхалъ его отвѣта, потому что долженъ былъ подавать слѣдующее блюдо“.

Чуть ли не въ первый же день своего поступленія на службу Франсуа сталъ свидѣтелемъ таинственныхъ дамскихъ посѣщеній. Приходилось ему также устраивать для барина своего особыя „холостыя квартиры“. Слуга Мопассана вообще очень сдержанно, больше намеками, говоритъ о такихъ посѣтительницахъ.

Кого только здѣсь нѣтъ: и „бывшая любовница Наполеона (III)“, и „красавица Эллеуъ съ улицы Сенъ-Лазаръ“, и дама „въ сѣромъ“, и дама „въ жемчужно-матовомъ платьѣ“, „блѣдная русская дама“...

„Однажды въ 9 часовъ утра у нашихъ дверей позвонила блѣдная дама и спросила господина де-Мопассана. Мнѣ показалось, что я уже видѣлъ ее раньше. Это была русская, занимавшаяся немного литературой, но гораздо больше политикой.

Послѣ завтрака патронъ ушелъ изъ дома, а я прошелъ въ библіотеку, чтобы привести въ порядокъ комнату и затопить печь. Къ своему удивленію, я обнаружилъ, что маленькіе амуры надъ каминнымъ очагомъ въ стилѣ Генриха II покрыты черными клочками сожженной бумаги, разсѣявшимися даже по ковру. На мраморной плитѣ виднѣлось нѣсколько исписанныхъ клочковъ бумаги, уцѣлѣвшихъ отъ огня. По этимъ остаткамъ я узналъ, что г. де-Мопассанъ обратилъ въ пепелъ свою рукопись объ Италіи.

Я едва повѣрилъ своимъ глазамъ и направился къ угловому библіотечному шкапу, гдѣ наканунѣ лежала рукопись, и тогда замѣтилъ на письменномъ столѣ нѣсколько оставшихся листовъ съ надписью, сдѣланной на нихъ синимъ карандашомъ: „*пересмотрѣть*“. Все было ясно; драгоцѣнная рукопись больше не существовала, а въ ней было 220 страницъ и она содержала въ себѣ воспоминанія моего господина о путешествіи по Италіи.

Впослѣдствіи нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ огня страницъ были приведены въ порядокъ и напечатаны въ книгѣ „La vie errante“. Я попытался узнать причину уничтоженія рукописи, но г. де-Мопассанъ остался по этому поводу непроницаемымъ, хотя много разъ, упоминая о Криспи, онъ говорилъ мнѣ: „Сколько зла приноситъ это низкое существо своей родинѣ. Я не могу больше читать, какъ этотъ бездарный человѣкъ, заставляетъ свою печать высказываться о Франціи и о темпераментѣ французовъ. Но если бы, прибавилъ онъ, мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу,—то я не знаю, хватило-ли бы у меня силы сдержать себя... Я думаю, что я наговорилъ бы ему много очень нелестныхъ вещей“...

Послѣ того, какъ г. де-Мопассанъ нѣсколько разъ съ такимъ раздраженіемъ говорилъ объ Италіи, я вывелъ заключеніе, что онъ предпочелъ лучше пожертвовать своимъ произведеніемъ, чѣмъ хорошо отозваться о странѣ, вождя которой съ такимъ коварствомъ интриговали противъ Франціи.

Но все же, зачѣмъ было уничтожать свою прекрасную рукопись? Чѣмъ могло это помочь русской политикѣ, которую, безъ сомнѣнія, защищала соотечественница Тургенева во время своихъ столь раннихъ визитовъ?“

Въ дальнѣйшемъ у Тассара часто упоминается какая-то загадочная „роковая“ для Мопассана, дама съ мраморнымъ лицомъ, уѣхавшая, наконецъ, въ „восточную страну“—быть можетъ, та же „блѣдная русская дама“?..

Эта дама съ мраморнымъ лицомъ являлась къ Мопассану и тогда, когда уже открылась его болѣзнь и все настойчивѣе и настойчивѣе давали себя знать страшные симтомы ея.

„20-го сентября (1891 г.), около 2 часовъ пополудни, электрическій звонокъ, котораго батареи не возобновлялись въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, зазвонилъ медленно и лѣниво. Я открылъ дверь и очутился лицомъ къ лицу съ тою женщиной, которая уже причинила моему господину столько зла. Она, по обыкновенію, прямо прошла въ гостиную, и ея мраморное лицо было попрежнему неподвижно. Я ушелъ къ себѣ: меня охватило чувство тоски и гнѣва. Не долженъ-ли былъ я сказать этой, приносящей намъ одно несчастье, посѣтительницѣ о томъ, какъ дуренъ ея поступокъ, какое преступленіе она совершаетъ съ такимъ легкимъ сердцемъ, и безъ церемоніи выгнать ее вонъ? Но, такъ какъ г. де-Мопассанъ хотѣлъ принимать ее у себя, то мнѣ оставалось только преклониться предъ его желаніемъ. Теперь я могу сказать, какъ я сожалѣю, что у меня не хватило мужества удалить этого *вампира*. Мой господинъ былъ бы теперь живъ!

Вечеромъ онъ имѣлъ подавленный видъ и ничего не говорилъ о посѣщеніи незнакомки“.

Черезъ мѣсяцъ Мопассанъ, „сообщая мнѣ о состояніи своихъ физическихъ силъ, и, давая мнѣ понять, что только благодаря имъ онъ надѣется оправиться, добавилъ, что ему нуженъ продолжительный покой, и что... въ особенности онъ не долженъ больше видѣть дамы съ мраморнымъ лицомъ, которая причинила ему такъ много зла. Сдѣлавъ это короткое признаніе, мой бѣдный господинъ съ этого времени совершенно отдалъ себя въ мое распоряженіе“...

Болѣзнь Мопассана.

Тревожные признаки ея, появлявшіеся съ несомнѣнностью еще весною 1891 г., стали учащаться и обостряться осенью того года, несмотря на систематическое лѣченіе. А 1-го янв.. въ Шатлэ д'Изэръ, неумолимая смерть, уже недалекая, какъ бы дала первое предостереженіе.

„Г. де-Мопассанъ всталъ въ 7 часовъ утра, послѣ чего я снесъ ему наверхъ горячую воду

для бритья, такъ какъ съ 9-ти часовымъ поѣздомъ намъ надо ѣхать къ г-жѣ де-Мопассанъ; но оказалось, что господинъ не въ состояніи бриться; онъ говоритъ, что не можетъ ѣхать къ матери и что предъ его глазами стоитъ туманъ. Я помогаю ему, какъ могу.

...Ночью—было приблизительно безъ четверти два—я услыхалъ шумъ; прибѣжавъ въ маленькую, примыкавшую къ лѣстницѣ комнату, я нашелъ въ ней г. де-Мопассана, стоявшаго съ растегнутымъ воротомъ. Онъ сказалъ мнѣ: „Посмотрите, Франсуа, что я сдѣлалъ, я порѣзалъ себѣ горло... Это явное безуміе!“.

Я тотчасъ же позвалъ Раймонда*), и мы положили господина на кровать въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ я сдѣлалъ ему легкую перевязку. Спѣшно вызванный изъ Валкура докторъ быстро явился намъ на помощь. Несмотря на волненіе, я держалъ лампу, пока докторъ поспѣшно накладывалъ швы, при помощи Раймонда, который исполнялъ свои обязанности ловко и умѣло. Операція сошла превосходно.

Мой бѣдный господинъ былъ абсолютно спокоенъ и въ присутствіи доктора не произнесъ ни слова. По уходѣ врача, онъ высказалъ намъ сожалѣніе по поводу того, что онъ сдѣлалъ „такую вещь и доставилъ намъ столько непріятностей“. Онъ подалъ намъ руку и хотѣлъ просить прощенія въ томъ, что сдѣлалъ; онъ ясно сознавалъ всю глубину своего несчастія; его большіе открытые глаза смотрѣли упорно на насъ и какъ бы просили словъ утѣшенія и надежды, если это было возможно.

Откуда у людей въ такія минуты (минуты настолько трудныя, что, казалось, мы не могли бы пережить ихъ во второй разъ безъ того, чтобы не сойти съ ума) является невѣдомая сила, повелѣвающая имъ бороться даже съ очевидностью. Я продолжалъ изо всѣхъ силъ утѣшать больного, подбирая самыя успокоительныя слова. Я повторялъ ихъ по двадцать разъ и они все же оказывали благотворное вліяніе на моего бѣднаго господина, который въ отчаяньи хватался за безумную надежду. Наконецъ, голова его склонилась на грудь, глаза закрылись, и онъ заснулъ.

Раймондъ стоялъ, прислонившись, въ ногахъ у постели, силы покидали его: онъ сдѣлалъ все, что могъ, и былъ ужасно блѣденъ. Я посовѣтовалъ ему выпить немного рому, онъ послушался меня, и тогда изъ глубины его могучей груди вырвались сдерживаемыя рыданія, между тѣмъ какъ глаза его оставались сухими. Мы оба бодрствовали остатокъ ночи у постели дорогого больного; я почти не двигался, такъ какъ одна изъ его рукъ покоилась на моей рукѣ, и я такъ боялся разбудить его, что мы даже не разговаривали. Лампы наполовину потухли, и мы въ темнотѣ думали о непоправимомъ положеніи.

Два слѣдующихъ дня г. де-Мопассанъ былъ въ подавленномъ состояніи. Въ 8 часовъ вечера онъ внезапно поднялся и съ лихорадочнымъ оживленіемъ сказалъ мнѣ: „Франсуа, вы готовы? Мы ѣдемъ, война объявлена!“. Я отвѣчалъ ему, что мы должны ѣхать только на слѣдующій день. „Какъ—воскликнулъ онъ, изумленный моимъ возраженіемъ—вы откладываете отъѣздъ, тогда какъ необходимо дѣйствовать какъ можно быстрѣе! Да и, наконецъ, мы уже условились, что вмѣстѣ пойдемъ на реваншъ! Вы же знаете, что онъ намъ нуженъ и во что бы ни стало мы будемъ имѣть его“.

На самомъ дѣлѣ, еще раньше, онъ заставилъ меня поклясться, что я послѣдую за нимъ въ случаѣ войны съ Германіей: мы должны были ѣхать вмѣстѣ защищать западную границу. Во время нашихъ переѣздовъ онъ всегда довѣрялъ мнѣ свою записную книжку съ военными замѣтками, боясь, чтобы она не затерялась среди громаднаго количества его бумагъ“.

Нѣсколько дней спустя больного перевезли въ Пасси — въ лѣчебницу доктора Бланшъ. Психіатръ въ первое время не терялъ надежды на выздоровленіе.

„Однажды вечеромъ, въ апрѣлѣ, я былъ занятъ письмомъ къ матери моего господина. Вдругъ онъ неожиданно сталъ упрекать меня, что я поставилъ мое имя подъ его статьей въ „Figaro“, и дурно отзывался о немъ на небѣ (sic!), и прибавилъ: „я прошу васъ удалиться, такъ какъ я больше не желаю васъ видѣть“. Я былъ крайне пораженъ этими словами, сердце мое разрывалось на части. По совѣту Борана, служителя, который лучше моего зналъ, что такого рода больнымъ нельзя противорѣчить, я вышелъ. На слѣдующій день г. де-Мопассанъ встрѣтилъ меня, по обыкновенію, хорошо и освѣдомился, скоро ли мы поѣдемъ на улицу Боккадоръ. Днемъ я разсказалъ доктору Бланшъ о происшедшей сценѣ, буквально передавъ ему всѣ сказанныя больнымъ слова. При этомъ разсказѣ черты лица психіатра измѣнились и лицо его приняло суровое выраженіе: наморщивъ брови, онъ сказалъ: „Тѣмъ хуже, это именно то, чего я опасался“. Онъ быстро спустился по лѣстницѣ, и мнѣ показалось, что его рука крѣпче обыкновеннаго сжимала перила, на которыя онъ опирался“...

Мопассанъ, какъ-то въ минуту откровенности, разглядывая старый свой шапо-клякъ, разсказалъ слугѣ слѣдующее о своемъ рожденіи.

*) Матросъ съ яхты Мопассана.

— „Надо будетъ заказать новый шапоклякъ. Кромѣ моихъ мягкихъ шляпъ, которыя я покупаю готовыми, все остальное мнѣ приходится дѣлать на заказъ. У меня такая круглая голова, что я ничего готоваго не могу найти для себя въ магазинѣ. Моя мать говоритъ, что у меня и у брата Эрвэ потому такая круглая голова, что нашъ старый докторъ, встрѣчавшій наше появленіе на свѣтъ, тотчасъ же крѣпко стиснулъ насъ между своихъ колѣнъ и началъ усиленно массировать намъ головы, при чемъ кончилъ это дѣло жестомъ горшечника, округляющаго свой горшокъ большимъ пальцемъ руки. Затѣмъ онъ сказалъ моей матери: „Какъ видите, сударыня, я сдѣлалъ ему голову круглую, какъ яблоко. Будьте увѣрены, что у него будетъ очень дѣятельный мозгъ, почти навѣрное можно сказать, перворазрядный умъ“. Тоже самое впослѣдствіи онъ продѣлалъ и надъ моимъ братомъ. Но, можетъ быть, за шесть лѣтъ, отдѣлявшихъ наше рожденіе, руки доктора или ослабѣли, или онъ не могъ занять такого же удобнаго положенія, но только голова Эрвэ не такая круглая, какъ моя. Она выскальзывала все время изъ его рукъ, и онъ до такой степени былъ этимъ раздраженъ, что съ устъ его даже сорвалось какое-то нормандское ругательство! И мнѣ приходитъ иногда въ голову, что, можетъ быть, именно энергичному массажу этого доктора надъ моимъ младенческимъ черепомъ я обязанъ тѣмъ, что могу въ настоящее время выполнять умственную работу, превосходящую силы средняго человѣка“.

Одинъ изъ современныхъ мучениковъ за вѣру.

(„Исторія жизни К. А. Малеваннаго“.)

20 февраля умеръ 68-лѣтнимъ старикомъ Кондратъ Малеванный, основатель распространенной главнымъ образомъ въ Кіев. губ. секты малеванцевъ, — простой крестьянинъ, бондарь по профессіи. Послѣ него осталось довольно богатое литературное наслѣдіе: письма, посланія къ единомышленникамъ и автобіографія, носящая заглавіе „Исторія жизни К. А. Малеваннаго“. Все это, однако, написано не имъ самимъ, а подъ его диктовку: Малеванный былъ неграмотенъ (Священное Писаніе онъ изучилъ, слушая чтеніе другихъ лицъ).

Изъ его автобіографическихъ записокъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ, А. Ачкасовымъ въ „Кіев. Мысли“ (№№ 64—80) сдѣланы пространныя выдержки. Какъ это само собою понятно, автобіографія вождя „малеванщины“, при всей искренности, правдивости ея автора, не свободна отъ своеобразной личной окраски: человѣкъ темный, притомъ и фантастически и фанатически настроенный, Малеванный на все смотрѣлъ сквозь узкую призму свойственнаго ему разумѣнія — того, что называютъ sancta simplicitas.

Религіозныя исканія, мистическія порыванія стали обнаруживаться въ немъ довольно рано, чуть не въ дѣтствѣ. Когда ему было немногимъ болѣе двадцати лѣтъ, пошли въ народѣ слухи, будто въ ихъ уѣздѣ появились какіе-то „масоны“. Нашему бондарю сильно хочется повидать ихъ. Одинъ изъ товарищей Малеваваго тоже пишетъ встрѣчи съ ними, но цѣли у молодыхъ людей оказались разныя.

— Ты слыхалъ о масонахъ?—спрашиваетъ товарищъ. — Я ѣду туда душу мою записывать. У нихъ деньги есть. Дадутъ ихъ тебѣ—и вотъ, сколько ты ни положишь на окошко, за ночь удвоится. За годъ этакъ можно получить тысячи.

Добрались, наконецъ, вдвоемъ до одного такого „масона“. Таинственный человѣкъ объяснилъ имъ:

— Мы не масоны. Мы хотимъ быть христіанами, читаемъ Библію и Евангеліе и находимъ такъ все хорошее, и узнаемъ, что Богъ запрещаетъ худо дѣлать человѣку, а велитъ дѣлать добро.

„Вся его бесѣда была для меня какимъ-то благоуханіемъ и казалось мнѣ, что я нашелъ друга моего,—вспоминается Малеванному.

Но товарищу моему все ни по чемъ: у него не идетъ изъ головы, что если деньги класть на окошко, можно тысячи пріобрѣсть. Онъ и говоритъ: „это мнѣ все не нужно, что вы говорили“. А люди спросили: „а что же вамъ нужно?“

— Правда ли, — спрашиваетъ онъ,—что у васъ даютъ деньги и что если на окошко положишь рубль, то на другой день окажется два?

Люди эти съ улыбкой говорятъ ему: „да, дѣйствительно, это правда. Какъ заработаете рубль и не пропьете его и не потратите, и на другой день такъ же точно, то и будетъ два рубля“. А онъ: „я это и безъ васъ знаю“. Съ тѣмъ мы и распрощались.

И начинаю я съ того времени слѣдить за собою и жизнью своей... Обзираю я кругозоръ жизни своей и спрашиваю, есть ли кто на землѣ, подобный мнѣ. И вижу, что всѣ люди живутъ въ одномъ, а я въ другомъ“.

Но черезъ нѣсколько лѣтъ Малеванный „отступилъ отъ всѣхъ религій, пересталъ даже меч-

тать о Богѣ". Такъ продолжалось до 39-лѣтняго возраста, когда онъ порѣшилъ сбросить съ себя „ветхаго человѣка": онъ увлекся баптизмомъ. Однако недолго мирился Малеванный съ царившимъ среди баптистовъ духомъ формализма.

Встрѣча съ однимъ изъ сектантовъ-мистиковъ сильно повліяла на Малеваннаго, и онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими единомышленниками углубился въ изученіе Библіи. Онъ дошелъ до убѣжденія, что Новый Завѣтъ — это только рядъ притчъ, что жизнь Христа еще впереди. Мало-по-малу явился вопросъ—не наступило ли уже время пришествія Сына Божія во плоти и кто будетъ этимъ первымъ проповѣдникомъ истинъ Божіихъ. И вотъ пронеслась молва, что Богъ воздвигъ „первенца-спасителя" въ лицѣ Малеваннаго.

Въ домѣ Малеваннаго создается фантастическая обстановка*). Самого Кондратія одѣваютъ въ свѣтлую одежду, стѣны и полъ жилища покрываютъ приносимыми дарами: плахтами, кусками холста и бархата. Охваченные религіознымъ энтузіазмомъ, увѣровавшіе приближаются къ хатѣ своего „первенца" сначала на колѣняхъ, возвося молитвы къ Богу, а переступивъ порогъ, падаютъ къ ногамъ Малеваннаго, горько проливая слезы, молитвенно воздѣвая руки и изливая ему свои сомнѣнія и горести. Весь въ свѣтломъ, съ глубокой скорбью во взорѣ, новоявленный пророкъ встрѣчаетъ всѣхъ привѣтливо и ласково. Воздѣвая руки къ небу, онъ со страстью говоритъ о злѣ, царящемъ на землѣ и охватившемъ весь родъ людской; указываетъ на необходимость возродиться къ новой жизни путемъ самоусовершенствованія, любви къ ближнему, добрыми дѣлами, стремленіемъ къ истинѣ, исканіемъ ея. Своей страстной рѣчью Малеванный гипнотизировалъ толпу, внушая ей тѣ же чувства и мысли, которыя воодушевляли и его. Тутъ же въ экстазѣ онъ провозглашаетъ себя избранникомъ, „первенцемъ" Божіимъ на землѣ. Но, говоря о наступленіи Царствія Божія, Малеванный вмѣстѣ съ тѣмъ предсказываетъ и о предстоящихъ своихъ страданіяхъ.

А страданія дѣйствительно не заставили ждать себя. Началась полоса гоненій, и Малеваннаго арестовали.

„...Являются два полицейскихъ, и повели меня на тюремный дворъ и сдали тюремнымъ стражникамъ. Тѣ увели меня въ свою казарму и стали переодѣвать меня въ арестантскую одежду, а сами ругались надо мною. „Вотъ мы одѣнемъ тебя въ корону Спасителя и ризы, и обуемъ тебя въ сандаліи, и дадимъ тебѣ трость въ руку, и вотъ радуйся, обманщикъ и возмутитель! Охъ, если бы были еще николаевскіе законы, мы тебя отсюда не вывели бы живого".

Приходитъ ко мнѣ провѣрять начальникъ тюрьмы, я и спрашиваю его:

— Господинъ смотритель, мнѣ здѣсь ничего не полагается: ни матраца, ни одѣяла, ни рубахи?

Онъ посмотрѣлъ на меня сурово и сказалъ строго: „святые спали на камени".

Я отвѣтилъ: „такъ, вѣрно; благодарю покорно".

На другой день явился ко мнѣ въ тюрьму нашъ священникъ и увѣщевалъ меня жить, какъ живетъ весь міръ: „и сейчасъ васъ освободимъ на волю". На это я отвѣтилъ: „я и такъ вольный". А онъ сказалъ: „мнѣ страшно смотрѣть на васъ. Вы бывшій человѣкъ и хозяинъ! Въ какую страшную одежду переодѣли васъ! Мнѣ васъ жалко"! Разговоръ этотъ шелъ въ тюремной канцеляріи въ присутствіи начальника тюрьмы и еще какого-то господина. И вотъ онъ спрашиваетъ меня: „согласны вы жить по нашему"? Я отвѣчаю: „нѣтъ".

— Такъ вамъ плохо будетъ.

— Ничего. Я 45 лѣтъ ожидалъ этого и разсчиталъ все.

— Можетъ быть, вамъ дать книгъ? Библію или Евангеліе?

— У меня есть книга: *жизнь*, съ которою я совѣтуюсь каждый день".

Изъ таращанской тюрьмы Малеваннаго отправили въ Умань. Изъ Умани въ Кіевъ — въ лѣчебницу для душевно-больныхъ. Мытарства эти тянулись около года. Наконецъ его отпустили домой подъ строгій полицейскій надзоръ.

Сюда, въ Таращу, пріѣхала цѣлая комиссія во главѣ съ извѣстнымъ миссіонеромъ Скворцовымъ—увѣщевать „вѣроотступника". Исправникъ, участвовавшій тоже въ комиссіи, неожиданно сталъ на его сторону.

— „Значитъ вся вина Малеваннаго въ томъ, что онъ названъ Спасителемъ? Развѣ онъ самъ называетъ такъ себя? Его и такъ уже разорили, и домишко, и хозяйство, и въ тюрьмѣ морили его цѣлый годъ... Прекрасное управленіе! Значитъ, если меня назовутъ Спасителемъ, то и меня надо разорить и убить? Прощайте, господа, я не хочу и знать такихъ комиссій. У меня дѣла".

Такъ будто бы сказалъ исправникъ и уѣхалъ.

Мѣстная полиція зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы не происходило никакихъ собраній въ хатѣ Малеваннаго. Когда однажды во дворъ

*) Описана въ книгѣ В. Ясевичъ-Бородаевской „Борьба за вѣру".

къ нему зашли два человѣка, ихъ немедленно арестовали и избили. А затѣмъ и ихъ и заступившагося за нихъ Малеваннаго увели въ „полицейскую казарму“. Тѣ двое были посажены въ общую камеру. Полицейскіе натравили на нихъ арестантовъ, и несчастные были жестоко избиты уже вторично. Потомъ ввели на ихъ мѣсто Малеваннаго изъ отдѣльной кутузки.

„Полицейскіе столпились подъ окномъ, прорѣзанномъ въ дверяхъ, и говорятъ (арестантамъ): „покончите его“. Я вошелъ къ нимъ и хотѣлъ было сѣсть на нарахъ, но одинъ меня схватилъ и пытался бросить на землю да не хватало силы. Стали они передо мною всѣ пять и говорятъ:

— Что намъ дашь, чтобы откупиться отъ смерти?

— Я всего себя отдалъ вамъ,—отвѣчаю.— Я борецъ смерти и защитникъ жизни.

Тогда кто-то изъ нихъ сказалъ: „что долго разговаривать?“ И одинъ, самый сильный, сталъ меня бить двумя кулаками въ грудь противъ сердца, и билъ, пока не истомился. И говоритъ:

— Ну, и сильный! Не такихъ и то я убивалъ, а ему ничего не сдѣлаешь.

Тогда подходитъ другой. У меня была борода длинная: онъ взялъ меня обѣими руками за бороду и сталъ бить меня объ стѣнку, пока тоже не усталъ, и говоритъ мнѣ:

— Крестись, не то убьемъ.

— Я же крещусь,—отвѣчаю я.

— Какъ же ты крестишься, когда не поднимаешь руки?

— Зато вотъ ты на меня поднялъ руку.

— Что съ нимъ долго разговаривать!

Бросились на меня разомъ всѣ пять, подняли меня и стали меня бить о двери. Всѣ пять переутомились, а полицейскіе говорятъ въ окошко: „хорошо, хорошо“.

И вотъ бросаютъ меня на землю: двое берутся за мою шею, а трое—посреди и ногами о меня упираются, чтобы сломать меня назадъ. Когда истомились всѣ пять, полицейскіе подозвали ихъ къ окну и дали имъ табаку нюхательнаго и курительнаго. И они, поднявъ мою голову, набили мнѣ полонъ ротъ курительнымъ и полонъ носъ нюхательнымъ табакомъ. И приговаривали: „Пріобщается рабъ Божій высокопреосвященный Платоній“ (тогда былъ митрополитъ Платонъ).

Мои страданія тянулись съ 12 часовъ по шестой часъ. Въ шестомъ часу поднялась сильная туча съ юга (дѣло было въ концѣ мая) и показался на небѣ столбъ въ видѣ радуги темнаго цвѣта. Ужасная поднялась буря и какъ-бы трясеніе земли, и полился дождь и сталъ потопъ на равнинѣ. Полицейскіе перепугались, арестанты стали пѣть: „Осанна въ вышнихъ“. Я лежалъ на землѣ голый, и одинъ арестантъ подстелилъ мнѣ свитку подъ голову.

Тогда узнала моя жена, что меня убиваютъ, и проскочила какъ-то въ коридоръ полиціи, и закричала не своимъ голосомъ. Полицейскіе ее вытащили и заперли дверь, и пригрозили: „если будешь жаловаться, то и съ тобой покончимъ“. Тогда ожидали моего конца, и одинъ изъ полицейскихъ сказалъ:

— Невинную душу мы предали на поруганіе. Смотри, что дѣлается на небѣ... Можетъ, всѣ погибнемъ.

Остальные сказали: „замолчи“. И стала тишина безмолвная. Подошли два полицейскихъ, подняли меня и сказали: „идите, дядя, сюда“. И перевели меня туда, гдѣ я былъ раньше, а тѣхъ двухъ избитыхъ на мое мѣсто.

Рано утромъ на другой день вызвалъ насъ трехъ надзиратель и, пригрозивъ строго, чтобы у насъ не было собранія, отпустилъ меня домой, а тѣхъ приказалъ отвести въ тюрьму, чтобы отправить по этапу, такъ какъ они были оба Васильковскаго уѣзда.

Вскорѣ приходятъ ко мнѣ два полицейскихъ, а я лежалъ на диванѣ, весь въ ранахъ, измученный. Они со мной поздоровались и спрашиваютъ: „что, можетъ быть, нездоровы?“ Я сказалъ: „лежу такъ себѣ“. Они ушли, и я понялъ, что, когда меня предавали на убійство, на это были согласны всѣ... Такъ какъ я былъ признанъ больнымъ, хотѣли прикончить меня, а затѣмъ скрыть, что случилось.

Полицейскіе заходили ко мнѣ часто и все спрашивали, какъ мое здоровье. Когда замѣтили, что я остался невредимъ, составили протоколъ на меня за нарушеніе тишины общественной“.

Въ 1892 г. Малеваннаго снова запрятали въ кіевское „душевно-больныхъ Кирилловское богоугодное заведеніе“—послѣ экспертизы проф. Сикорскаго, нашедшаго, что Малеванный и его послѣдователи — „не реформаторы въ области религіи и жизни, а обыкновенные преступные люди, попавшіе въ струю религіознаго движенія“... Въ томъ же году мнимаго душевно-больного секретно перевозятъ на сѣверъ, въ казанскій сумасшедшій домъ, чтобы окончательно прервать сношенія малеванцевъ съ ихъ учителемъ *).

*) О судьбѣ одного малеванца—нѣмца машиниста Доплера, провожавшаго Малеваннаго до Кіева, передавали г. Ачкасову слѣдующее. Доплера арестовали, и миссіонеръ Скворцовъ,—какъ увѣряетъ лицо, близко знавшее Доплера,—заявилъ ему:

— Я вамъ король и Богъ: что захочу, то и сдѣлаю. Предлагаю вамъ на выборъ: либо вы-

Здѣсь этотъ совершенно здоровый духомъ и сильный волей человѣкъ провелъ среди безумцевъ тринадцать лѣтъ.

Когда въ 1897 г. въ Казани собрался миссіонерскій съѣздъ, одно изъ своихъ засѣданій оо. миссіонеры устроили въ психіатрической лѣчебницѣ, спеціально для „собесѣдованія“ съ Малеваннымъ...

Самъ онъ такъ разсказываетъ объ этомъ собесѣдованіи.

„Пріѣхали всѣ 250 человѣкъ и имѣли засѣданіе въ большой залѣ, гдѣ у насъ раньше происходили лекціи и вечера. Когда я съ Чекмаревымъ *) вошелъ къ нимъ, одни изъ нихъ сидѣли кругомъ стола, а нѣкоторые стояли. Мнѣ подставили кресло, и всѣ кольцомъ окружили меня. Чекмарева тоже возлѣ меня посадили. И вотъ Скворцовъ первый началъ рѣчь:

— Господинъ Малеванный, узнали ли вы меня?

Я отвѣчаю: „по голосу узналъ, а по лицу не очень“. Ибо онъ раньше былъ съ бородою, лицомъ красный, и носилъ двойные очки — бѣлые и голубые. Тогда онъ говоритъ:

— Я Скворцовъ, который былъ у васъ въ городѣ и въ благоугодномъ заведеніи.

— „Знаю“, говорю:

Тогда онъ сказалъ громко:

— Желаешь судиться или мириться?

Моя голова поникла, но потомъ я поднялъ ее и сказалъ: „мириться желаю“.

Скворцовъ: Можетъ, желаете съ вами побесѣдовать или запоете духовную пѣсню?

Чекмаревъ: Что пѣсни пѣть на чужой землѣ? (Псаломъ CXXXVI, 4).

Скворцовъ: Малеванный, дѣйствительно, на чужой землѣ, а ты на своей, ты — здѣшній... Такъ не желаете ли побесѣдовать?

Я: Я бы желалъ у васъ поучиться, потому что вы всѣ — учители, законники, пастыри, профессора и образованные люди.

Тогда замолкло все собраніе и переглянулось. Кто-то изъ толпы говоритъ: „Мы ничего не можемъ вамъ сказать“. Другой шутливо спрашиваетъ Чекмарева: „Что — господинъ Скворцовъ антихристъ или нѣтъ“?—„Нѣтъ“.— Какъ нѣтъ? онъ 7 лѣтъ гонитъ всѣхъ сектантовъ, даже убивалъ“ (?)

Чекмаревъ: Ну такъ что жъ? И Павелъ гналъ и убивалъ, одначе, когда трудно ему было итти противъ рожна, онъ услыхалъ голосъ съ небеси.

Опять замолкло собраніе. Вдругъ кто-то спрашиваетъ: „а кто же антихристъ“?

Чекмаревъ назвалъ сановное лицо, замѣтивъ, что это лицо, будто бы, „сидѣло по лѣвую его сторону съ одной медалей и погонами“.

Отъ этихъ словъ толпа вся захохотала. Онъ какъ будто испугался и сталъ на ноги предъ толпой, упершись обѣими руками о круглый столъ, протянулъ голову ко мнѣ и тихо, безмолвно, дѣтскимъ голосомъ говоритъ:

— А вы видѣли меня подъ смоковницей? (Ев. Іоан., I, 48).

Эти слова были отъ всѣхъ скрыты, кромѣ меня. Все снова обратилось въ молчаніе. Прошло такъ, кажется, нѣсколько минутъ... Скворцовъ спрашиваетъ:

— А вы что скажете, г-нъ Малеванный, противъ этихъ словъ Чекмарева?“

И завязалось у нихъ настоящее собесѣдованіе, въ духѣ обычныхъ споровъ миссіонеровъ съ сектантами.

Послѣ съѣзда Малеваннаго и Чекмарева стали подвергать большимъ, чѣмъ прежде, стѣсненіямъ, а когда была перехвачена налаженная больничными служителями тайная переписка Малеваннаго съ его родными и „послѣдующими“, положеніе обоихъ узниковъ еще ухудшилось: ихъ заперли въ особое изолированное помѣщеніе.

„Это было въ началѣ іюня: уже стояла сильная жара. Во всѣхъ номерахъ отворяли двери, окна, форточки, но въ нашемъ ни окна, ни форточки не было, потому что это была кладовка. И стало страшное воспареніе тяжелаго воздуха, день со дня воздухъ оплошается, задышка въ грудяхъ умножается, жизнь дѣлается совсѣмъ погребенная. Поставили двухъ стражниковъ около моей гробницы и тщательно караулятъ день и ночь, чтобы никто не подходилъ... Смотрятъ служители и снаружи, и внутри, ибо пронесся гдѣ-то голосъ, что я анархическій единомышленникъ и подготовляю

сылка за три губерніи подъ конвоемъ, либо принятіе православія.

И далъ ему семь дней на размышленіе. О выборѣ не могло быть и рѣчи: семья Доплера состояла изъ девяти душъ, которымъ буквально грозила голодная смерть, потому что, подъ предлогомъ домашняго ареста, никому изъ нихъ не разрѣшали выйти на улицу. И вотъ Доплеръ рѣшился перейти въ православіе. Однако Скворцовъ заявилъ ему, что выпуститъ его изъ тюрьмы только въ томъ случаѣ, если и семья его послѣдуетъ его примѣру. И чтобы задобрить одну изъ дочерей Доплера, особено упорствовавшую, обѣщалъ дать ей мѣсто. Изголодавшаяся семья, наконецъ, уступила, и переходъ ея въ православіе состоялся... но никакого „мѣста“ г. Скворцовъ не далъ. Зато великодушно самъ набился быть у нихъ крестнымъ отцомъ, милостиво поздравлялъ и говорилъ:

— Вотъ видите! Вы, ничтожная горсточка, шли противъ сильной Россіи! Россія—сильна...

*) Содержавшійся въ той же лѣчебницѣ религіозный маніакъ.

мостъ для всей анархіи, чтобы они перешли на сторону мою и разорили лѣчебницу, и меня забрали за границу. Докторъ говорилъ служащимъ: „тщательно берегите этого обманщика, ибо онъ не больной; онъ обманулъ всю Малороссію и пришелъ позорить нашу святую Россію".

Выпускали насъ на дворъ на одинъ часъ, когда всѣ больные ложатся спать послѣ обѣда. При этомъ дежурный докторъ стоялъ у потайного окна перваго этажа и зорко слѣдилъ за нами".

Только уже тогда, когда на Руси повѣяло политической „весной", наканунѣ „дней свободы"—освободили наконецъ Малеванаго и оставили его въ покоѣ. Передъ тѣмъ какъ выйти на волю, ему пришлось предстать для допроса передъ спеціально назначенной комиссіей, состоявшей изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и духовенства, но—точно въ насмѣшку—таковымъ представителемъ было не православное духовное лицо, а татарскій мулла...

Пламя, горѣвшее въ Малеваномъ, не ослабѣло за долгіе годы заточенія. На родинѣ онъ съ новой энергіей принялся за возстановленіе „разсыпанной храмины", когда увидѣлъ, что „трудъ его великій поруганъ и попранъ". Заболѣвъ передъ смертью, Малеванный говорилъ окружающимъ:

— Не плачьте, я не умру... Впрочемъ, я имѣю такую великую надежду и вѣру, что если и помру, я изъ подземной глубины буду вопіять, ибо я еще не окончилъ своего дѣла.

О значеніи и вліяніи Малеваннаго А. Ачкасовъ пишетъ:

„Своимъ умомъ онъ дошелъ до того, что давно уже стало общимъ мѣстомъ человѣческой мысли,—но именно потому, что въ его лицѣ простанародье само своимъ умомъ познало евангельскую истину, заключается его сила, тайна его вліянія на умы такихъ же, какъ и онъ, неграмотныхъ и малограмотныхъ людей и его историческое значеніе.

Если бы онъ ограничился ролью посредника между Христомъ и сѣрымъ русскимъ человѣкомъ, ролью проповѣдника и истолкователя евангелія, въ его ученіи не было бы темныхъ сторонъ. Но онъ не удержался на этой высотѣ: онъ не былъ достаточно великъ, чтобы быть достаточно скромнымъ. И вотъ, забывъ, что онъ вѣдь въ сущности отъ себя не сказалъ ни единаго новаго слова,—не принявъ во вниманіе, что онъ лишь, какъ могъ, перетолковываетъ то, что въ евангеліяхъ выражено съ несравненною красотою и ясностью,—не сознавая, что онъ весь насквозь свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ, будучи лишь одной изъ тысячи малыхъ планетъ, вращающихся около Солнца Правды, онъ позволилъ себѣ смѣшные и дикіе намеки на свою равноправность съ Іисусомъ, на „второе пришествіе", осуществившееся въ лицѣ его, Малеваннаго, обнаружилъ претензію на кличку Спасителя, Искупителя и т. д. Конечно, нелѣпость этихъ претензій столь очевидна, что не замѣчать ее могутъ только такіе же некультурные люди, какимъ былъ онъ самъ.

Но... было сдѣлано все для того, чтобы эта нелѣпая сторона его ученія дала извѣстные плоды. Если бы ученіе его оставили въ покоѣ и не подвергали самого Малеваннаго и его единомышленниковъ незаслуженнымъ, ненужнымъ тяжкимъ преслѣдованіямъ, не было бы никакихъ основаній проводить аналогію между его судьбой и крестными муками Спасителя, и Малеванный не явился бы ни въ своихъ собственныхъ, ни въ чужихъ глазахъ въ ореолѣ мученика за правду, второго Искупителя".

Энтузіазмъ шестидесятыхъ годовъ.

Есть воспоминанія, къ которымъ всегда съ любовью обращаешься: въ минуты скорби — въ нихъ источникъ забвенія, а въ радости — это блескъ солнца, отъ котораго становится еще радостнѣе. Къ такимъ радостно-солнечнымъ воспоминаніямъ относится и та страница русскаго общественнаго прошлаго, когда, по словамъ поэта —

> Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
> Бодрой свѣжести полна,
> Вышла съ Богомъ на работу
> Пробужденная страна, —

пробужденная „трепетомъ новой жизни" 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Г-жа А. Милюкова въ „Рѣчи" (№ 74), отмѣчая годовщину смерти извѣстной общественной дѣятельницы А. П. Философовой, — попутно обрисовываетъ и ту эпоху, которая разбудила чуткую совѣсть этой блестящей свѣтской женщины и выдвинула ее въ передніе ряды всѣхъ истинно болѣющихъ о судьбѣ родины. И это была эпоха 60-хъ годовъ.

Какъ извѣстно, — пишетъ г. Милюкова, — основное идейное содержаніе эпохи 60-хъ годовъ въ начальный періодъ дано Чернышевскимъ и въ значительной части и популяризовано и пущено въ обращеніе Добролюбовымъ. Еще въ глухія времена николаевскаго режима Чернышевскій выработалъ оригинальную систему воззрѣній на основѣ ученія Фейербаха, съ ко-

торымъ онъ познакомился въ послѣднихъ статьяхъ Бѣлинскаго и которое произвело на него впечатлѣніе откровенія. Фейербахъ сообщилъ твердые устои смутнымъ исканіямъ Чернышевскаго, сведя философскую мысль съ метафизическихъ высотъ къ человѣку, какъ основному ея объекту. Въ своихъ статьяхъ въ „Современникѣ“ Чернышевскій развилъ эту свою систему міровоззрѣнія. Она представляетъ какъ бы цѣлую энциклопедію и знаній, и практической морали, — энциклопедію, въ которой предусмотрѣны отвѣты на всѣ живые вопросы современности. Система эта исходила изъ рѣшительнаго отрицанія стараго міра съ его дворянской культурой и барскими нравами. Вмѣсто идеализма—матеріализмъ, вмѣсто отвлеченныхъ вопросовъ бытія—человѣкъ и общество, вмѣсто эстетизма и наслажденія искусствами—занятія точными науками, вмѣсто изнѣженности и презрѣнія къ труду—апоѳеозъ труда, вмѣсто условностей и компромиссовъ—естественность и прямолинейность, вмѣсто дворянской спѣси и высокомѣрія—уничтоженіе всѣхъ сословныхъ перегородокъ и широкій демократизмъ.

Что же касается до ближайшей дѣятельности интеллигентной молодежи, до отвѣта на вопросъ: что дѣлать немедленно,—самыя опредѣленныя указанія въ этомъ отношеніи давалъ Добролюбовъ въ своихъ критическихъ статьяхъ. Онъ съ большой, чисто-педагогической настойчивостью натверживалъ молодежи необходимость подготовить себя для служенія народу, заняться воспитаніемъ въ себѣ сильной, развитой личности,—до тѣхъ поръ, пока народъ не будетъ освобожденъ и не заявитъ самъ о томъ, что ему нужно.

Такимъ образомъ, въ руки молодежи давалась и готовая система новаго міровоззрѣнія, и оружіе въ борьбѣ со старымъ укладомъ жизни, и, наконецъ, намѣчена была опредѣленная программа практическаго дѣла. Но молодежь, вышедшая къ началу новаго царствованія изъ бездушной и обезличивавшей средней школы, не сразу развернулась и нашла свой путь. Прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ накапливалось въ ней недовольство, особенно подъ вліяніемъ обличительныхъ изданій Герцена, и назрѣвала вѣра въ свои силы. Только къ концу 50-хъ годовъ начинаетъ нарастать то замѣчательное, совсѣмъ исключительное явленіе, которое называется общественнымъ настроеніемъ 60-хъ годовъ.

Молодежь, одушевленная новыми идеями, окрыленная сознаніемъ своей великой общественной роли, подхватила новое ученіе, пропагандируемое „Современникомъ“, и разнесла его съ необычайной быстротой по многочисленнымъ кружкамъ, которые въ это время возникали вездѣ и всюду. Новый курсъ правительственной политики, рѣшительно разрывавшій съ прошлымъ, освобожденіе отъ непомѣрныхъ полицейскихъ стѣсненій прежняго царствованія, ожиданіе близкаго „паденія цѣпей рабства“, проекты, слухи, предположенія,—все это внушило молодежи преувеличенныя надежды на немедленное осуществленіе великаго всеобщаго обновленія жизни—и притомъ силами самой этой молодежи. Можно представить себѣ тотъ восторгъ и опьяненіе, какіе вызваны были въ средѣ молодежи этими радужными перспективами. Молодежь обнаружила въ то-же время и страстную энергію, чтобы такъ или иначе пріобщиться къ великому дѣлу возрожденія.

Характеризуя 60-е годы на основаніи личныхъ впечатлѣній, К. А. Тимирязевъ говоритъ: „Если спросятъ, какая была самая выдающаяся черта этого движенія?—можно, не задумываясь, отвѣтить однимъ словомъ: энтузіазмъ“.

На вечеринкахъ и собраніяхъ велись горячіе споры, читались лекціи и рефераты, произносились рѣчи и т. п. Кромѣ того, въ рѣдкомъ домѣ не устраивались занятія естественными науками подъ руководствомъ студентовъ. Бывали квартиры, гдѣ по вечерамъ въ каждой комнатѣ шли особыя занятія: гдѣ демонстрировали бычачье сердце, гдѣ рѣзали лягушекъ и кроликовъ, гдѣ смотрѣли въ микроскопъ и т. п.

Это оживленіе быстро передалось въ провинцію, гдѣ молодежь тоже зашевелилась, и изъ всѣхъ угловъ потянулись повозки, доставлявшія юношей изъ разночинныхъ семей въ столицы для поступленія въ высшія учебныя заведенія.

По словамъ Златовратскаго, это была своего рода „развѣдчики, которыхъ пробуждавшіеся „низы“ жизни усиленно начинали высылать туда, къ невѣдомымъ имъ доселѣ „верхамъ“, чтобы хоть косвенно причаститься тому, что зарождалось тамъ таинственное и волнующее“. Скоро къ развѣдчикамъ присоединились и „юныя развѣдчицы“, тоже „двинувшіяся въ столицы съ неменьшимъ рвеніемъ и самоотверженіемъ, чѣмъ ихъ братья“. Мѣстная молодежь съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія этихъ развѣдчиковъ, привозившихъ въ провинцію и новыя идеи, и свѣжій запасъ литературы, и отраженіе столичнаго настроенія.

Но наряду съ серьезнымъ ученіемъ, молодежь умѣла и безшабашно веселиться. „Никогда не встрѣчала я позже такого раздалаго веселья, не слыхала такого звонкаго смѣха!“—восклицаетъ Е. Н. Водовозова.

Послѣ бурныхъ диспутовъ на вечеринкахъ отодвигали столы, выносили мебель,—и го-

компанія срывалась съ мѣста и неслась вихремъ въ самыхъ разнообразныхъ импровизированныхъ танцахъ. „Грохотъ, топотъ, смѣхъ стономъ стояли въ воздухѣ, потрясая стѣны, а болѣе всего полъ,—разсказываетъ Е. Н. Водовозова.—„Жильчки нижняго этажа, двѣ портнихи, прибѣжали просить „господъ“ танцовать потише, чтобы не мѣшать имъ спать, но засмотрѣлись на танцующихъ, а черезъ нѣсколько минутъ ихъ розовыя ситцевыя платьица, какъ и платье кухарки Дуняши, уже мелькали въ водоворотѣ кипучаго веселья“.

Надо сказать, что подъ феерической поверхностью, въ которой было много временнаго и переходящаго, въ общественномъ настроеніи того времени были болѣе глубокія и прочныя струи, которыя охватили своимъ вліяніемъ и болѣе далекіе общественные круги. Это были тѣ черты, которыя не только вошли въ плоть и кровь дѣйствовавшаго тогда поколѣнія, но стали коренными пріобрѣтеніями всей нашей интеллигенціи. Это, во-первыхъ, идея „возвеличенія труда“. Въ противовѣсъ презрѣнію къ труду, воспитанному въ барской Россіи даровой рабочей силой, шестидесятые годы вынесли на своемъ знаменѣ—освященіе труда. Вожди молодого поколѣнія сопоставляли счастье и трудъ почти какъ синонимы,—разумѣется, трудъ квалифицированный, общественно полезный. У Чернышевскаго находимъ и формулу счастья-труда, носящую на себѣ яркій колоритъ и времени, и личности автора. „Счастье—это святой и освѣщающій человѣка трудъ въ соединеніи съ всесторонимъ развитіемъ личности, живущей полною и потому красивою жизнью“.

Характерно въ этомъ отношеніи также, какъ типичный шестидесятникъ Н. М. Сѣченовъ отозвался на новое пробужденіе жизни въ 1905 г. „Утромъ 18 октября 1905 года,—разсказываетъ К. А. Тимирязевъ,—я зашелъ поздравить Н. М. Сѣченова, какъ учителя, съ событіемъ 17-го октября. На мои слова, что наше поколѣніе пережило два памятныхъ дня—вчерашній и 19 февраля, онъ отвѣтилъ: „Да, но этотъ будетъ поважнѣе“, и вслѣдъ затѣмъ, какъ будто скачкомъ, но въ сущности съ глубокой логической послѣдовательностью мысли, добавилъ: „А теперь, К. А., надо работать, работать, работать“.

Затѣмъ, такимъ же прочнымъ и кореннымъ достояніемъ нашей интеллигенціи, вынесеннымъ изъ общественнаго настроенія 60-хъ годовъ, надо считать демократизмъ. Никогда, ни раньше, ни позже, демократизмъ не входилъ такъ глубоко въ нашу общественную и частную жизнь, не только какъ принципъ, но и какъ живое, непосредственное чувство. Общественная совѣсть стояла на-стражѣ непрестаннаго памятованія и соблюденія интересовъ демократическихъ массъ.

Наконецъ, широкое вліяніе даже на далеко стоявшіе общественные круги долженъ былъ оказать тотъ необычайный моральный подъемъ, который лежалъ въ основѣ общественнаго настроенія 60-хъ годовъ. Была предпринята переоцѣнка всѣхъ цѣнностей во имя требованій высшей справедливости. Люди, жившіе до тѣхъ поръ безпечно и не задумываясь, почувствовали необходимость оглянуться на свою жизнь и поискать разумнаго смысла существованія съ общественной точки зрѣнія. И, несомнѣнно, строгость моральныхъ требованій вошла одной изъ постоянныхъ и характерныхъ чертъ въ обиходъ нашего интеллигентскаго міросозерцанія.

Если свести многообразное и сложное общественное движеніе 60-хъ годовъ начальнаго періода къ основнымъ лозунгамъ, то на первый планъ придется поставить индивидуалистическое теченіе, лишь позднѣе смѣнившееся соціалистическимъ. Задачею этого теченія было, прежде всего, освобожденіе личности отъ всѣхъ путъ и стѣсненій и „созданіе новаго типа“, средствомъ—образованіе. Вторымъ лозунгомъ нужно считать „служеніе народу“ и первымъ очереднымъ дѣломъ—его просвѣщеніе.

Современная наука о причинахъ эволюціи организмовъ.

Можетъ ли наука объяснить *сущность* жизни,—вотъ тотъ вопросъ, предъ которымъ стоитъ современное человѣчество и съ отвѣтомъ на который, естественно, связана и судьба самой науки. Путь къ этой основной цѣли лежитъ чрезъ раскрытіе тѣхъ факторовъ, которые служатъ причиною эволюціи организмовъ. Какихъ результатовъ въ этомъ отношеніи достигла современная наука? Выясненію этого вопроса Ю. Филипченко посвятилъ свой „Очеркъ по вопросамъ эволюціи и наслѣдственности“ („Рус. Бог.“ кн. I и II).

Ученіе объ эволюціи организмовъ существуетъ въ біологіи, какъ строго научная теорія, уже болѣе 50 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ 1859 году появилась книга Дарвина „Происхожденіе видовъ“. За это время сущность эволюціонной теоріи и даже ея болѣе спеціальныя понятія, въ родѣ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, сдѣлались достояніемъ самыхъ широкихъ круговъ публики. Однако

въ теченіе полувѣка своего существованія эта теорія не могла остаться въ томъ видѣ, какъ намѣтилъ ее Дарвинъ, и особенно за послѣдніе годы мы встрѣчаемся съ совершенно новой постановкой многихъ относящихся сюда вопросовъ и коренной переработкой прежнихъ взглядовъ.

Какъ извѣстно, эволюціонная теорія гласитъ, что животный и растительный міръ подвержены процессу измѣненія или эволюціи и что всѣ современные организмы произошли отъ другихъ организмовъ, когда-то жившихъ на землѣ и отличавшихся другими признаками. Очевидно, эволюція и состоитъ въ измѣненіи этихъ признаковъ, особенностей или свойствъ живыхъ существъ, каждое изъ которыхъ обладаетъ присущей ему суммой подобныхъ особенностей или свойствъ.

Теорія наслѣдственности, извѣстная „въ біологіи подъ названіемъ „*менделизма*", даетъ возможность точнѣе опредѣлить, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ элементарныхъ свойствъ или наслѣдственныхъ единицъ организма. Это отнюдь не внѣшніе и часто довольно неопредѣленные признаки каждаго животнаго и растенія, а та внутренняя сущность, которая лежитъ въ основѣ этихъ внѣшнихъ особенностей и, будучи скрыта въ яйцѣ или сѣменной клѣткѣ каждаго организма въ видѣ недоступнаго нашему наблюденію „зачатка" (Gen), вызываетъ при развитіи одинъ или цѣлый комплектъ внѣшнихъ признаковъ каждой животной или растительной формы.

Съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія на сцену выступаютъ детали эволюціонной теоріи и происходитъ расколъ ея сторонниковъ на нео-дарвинистовъ и нео-ламаркистовъ. Первые считаютъ возможнымъ ограничиться для объясненія происхожденія видовъ установленнымъ Дарвиномъ принципомъ естественнаго подбора, вторые выдвигаютъ на первый планъ вліяніе среды и наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ — факторы, на значеніе которыхъ указывалъ въ свое время еще предтеча Дарвина — Ламаркъ.

Сущность теоріи естественнаго подбора состоитъ въ слѣдующемъ: исходя изъ факта извѣстной измѣнчивости организмовъ, Дарвинъ принималъ, что въ процессѣ естественнаго подбора или выживанія наиболѣе приспособленныхъ происходитъ медленное и постепенное возникновеніе новыхъ формъ (слѣдовательно, и свойствъ) „посредствомъ накопленія незначительныхъ, послѣдовательныхъ, благопріятныхъ измѣненій". Точка зрѣнія Дарвина получила особенно сильное развитіе въ направленіи, называемомъ обычно нео-дарвинизмомъ, самымъ яснымъ представителемъ котораго является Вейсманнъ. Нео-дарвинисты утверждали уже, что естественный подборъ производитъ всѣ видовыя приспособленія, и говорили прямо о „всемогуществѣ естественнаго подбора". Однако не было недостатка и въ противоположныхъ возрѣніяхъ, согласно которымъ естественный подборъ имѣетъ лишь отрицательное значеніе, устраняя лишь неподходящія къ данной совокупности условій формы, а отнюдь не производя новыхъ. Нэгели очень остроумно формулировалъ эту точку зрѣнія, сравнивъ естественный подборъ съ садовникомъ, который подрѣзаетъ вѣтви у дерева и котораго только дѣти могутъ считать за истинную причину возникновенія подобныхъ вѣтвей. На самомъ дѣлѣ естественному подбору принадлежитъ крайне ограниченная роль, и возникновеніе новыхъ формъ и свойствъ совершается безъ его непосредственнаго участія.

Какъ извѣстно, всѣ заключенія о дѣйствіи естественнаго подбора выведены Дарвиномъ на основаніи наблюденій надъ искусственнымъ подборомъ, который практикуется человѣкомъ для полученія новыхъ породъ у домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній.

Дѣйствіе искусственнаго подбора представляютъ себѣ обычно такъ, что въ данномъ примѣрѣ выращиваютъ новыя растенія лишь изъ самыхъ крупныхъ или самыхъ мелкихъ сѣмянъ, для полученія новаго поколѣнія берутъ отъ нихъ или наиболѣе крупныя или наиболѣе мелкія сѣмена и т. д. въ цѣломъ ряду слѣдующихъ поколѣній. Въ результатѣ подбираемый признакъ становится все болѣе и болѣе частымъ, усиливается и, наконецъ, мы получаемъ у выведенной нами новой породы смѣщеніе средней величины, въ данномъ случаѣ вѣса сѣмянъ, въ ту или другую изъ желательныхъ сторонъ.

Датскому ботанику Іоганнсену удалось, однако, доказать, что эти данныя были основаны на ошибкѣ и являются совершенно ложными.

Чтобы избѣжать подобной ошибки, Іоганнсенъ счелъ необходимымъ работать, какъ выражается онъ самъ, съ „чистыми линіями" (reine Linien), понимая подъ этимъ группы особей, происходящихъ отъ одной строго опредѣленной особи по возможности путемъ самооплодотворенія (что возможно, конечно, лишь у растеній).

Произведенные въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ опыты показали Іоганнсену, что подборъ совершенно безсиленъ измѣнить характеръ такой линіи и вызвать хотя бы небольшое смѣщеніе въ ту или иную сторону ея средняго вѣса или другой средней величины.

Такимъ образомъ, Дарвинъ, несомнѣнно, ошибался, приписывая возникновеніе новыхъ

формъ дѣйствію естественнаго подбора путемъ накопленія незначительныхъ, послѣдовательныхъ, благопріятныхъ измѣненій.

Значитъ, первая попытка объяснить возникновеніе новыхъ свойствъ у организмовъ путемъ подбора оказывается неудачной. Однако самый фактъ эволюціи настолько несомнѣненъ, что мы должны поискать какого-нибудь иного отвѣта на поставленный нами вопросъ въ надеждѣ, что этотъ отвѣтъ будетъ болѣе подходящимъ. Наиболѣе естественно обратиться теперь къ тому рѣшенію вопроса, которое предлагалось первыми противниками теоріи естественнаго отбора, и именно такъ называемыми нео-ламаркистами, переносящими центръ тяжести на вліяніе среды и наслѣдственную передачу пріобрѣтенныхъ свойствъ.

Что касается до вліянія среды на отдѣльныхъ животныхъ и растенія, то послѣднее никогда не вызывало и не можетъ вызывать какихъ-либо сомнѣній: примѣровъ подобнаго вліянія можно привести неограниченное количество. Для насъ однако подобное вліяніе окружающихъ условій на отдѣльную ли особь или на цѣлый рядъ поколѣній мало интересно: что въ этомъ случаѣ у организмовъ появляются иногда даже значительныя измѣненія, совершенно несомнѣнно, но весь вопросъ заключается въ томъ, наслѣдуетъ ли потомство возникшія такимъ путемъ измѣненія или нѣтъ.

По мнѣнію Вейсмана, горячаго противника нео-ламаркизма,— нѣтъ ни одного доказаннаго случая передаваемости пріобрѣтенныхъ свойствъ, такъ что возможность подобной передачи болѣе чѣмъ сомнительна. Во всякомъ случаѣ той широкой передаваемости по наслѣдству пріобрѣтенныхъ свойствъ, въ которую вѣрили Ламаркъ и нео-ламаркисты („все, что природа заставила особей пріобрѣсти или утратить,... она сохраняетъ въ новыхъ особяхъ, происходящихъ отъ старыхъ"), несомнѣнно, не существуетъ. Наслѣдуются лишь тѣ вліянія, которыя во время особого „чувствительнаго" періода передались половымъ клѣткамъ, при чемъ, конечно, на потомствѣ эти вліянія могутъ отразиться совсѣмъ иначе, чѣмъ на родителяхъ.

Если бы точка зрѣнія Ламарка и нео-ламаркистовъ оказалась правильной, возможность появленія у организмовъ новыхъ свойствъ именно этимъ путемъ была бы несомнѣнна. Теперь же приходится оставить этотъ вопросъ открытымъ и въ значительной степени сомнительнымъ. Что среда можетъ до извѣстной степени измѣнить организмы, это довольно вѣроятно, но видѣть въ этомъ тотъ путь, которымъ совершалась эволюція животныхъ и растеній, все же довольно трудно.

Если мы мысленно окинемъ взглядомъ все многообразіе животнаго и растительнаго царства и учтемъ всю сложность представителей ихъ высшихъ группъ, наличность въ каждомъ изъ нихъ громаднаго количества различныхъ свойствъ, то станетъ совершенно яснымъ, что одно вліяніе среды все же слишкомъ ничтожно для созданія всего этого. Долженъ быть иной путь для эволюціи, притомъ путь болѣе важный, а вліяніе среды можетъ играть лишь роль незначительнаго добавленія къ этому главному, основному пути. И подобный путь въ настоящее время уже не только намѣченъ, но и открытъ.

Это — *теорія мутацій*, принадлежащая де-Фризу.

Основой этой теоріи является признаніе внезапнаго появленія новыхъ формъ, безъ какихъ бы то ни было переходовъ и постепенныхъ измѣненій, а путемъ скачка. Вотъ что говоритъ онъ самъ въ предисловіи къ одной изъ своихъ позднѣйшихъ работъ (1905): „Господствующая вѣра принимаетъ, что виды постепенно превращаются въ новые типы. Въ противорѣчіе съ этимъ мутаціонная теорія утверждаетъ, что новые виды и разновидности возникаютъ изъ существующихъ формъ путемъ внезапныхъ скачковъ".

Де-Фризъ не отрицаетъ наличности медленныхъ измѣненій, вызываемыхъ вліяніемъ среды или другими причинами, изъ которыхъ исходилъ въ своей теоріи Дарвинъ. Подобныя индивидуальныя варіаціи или флюктуаціи (терминъ де-Фриза), несомнѣнно, существуютъ, но, по его мнѣнію, лишены всякаго значенія для процесса эволюціи: они не наслѣдственны, и въ слѣдующемъ поколѣніи потомство такихъ формъ возвращается къ тому типу, который вообще присущъ данному виду. Теперь, послѣ изслѣдованій Іоганнсена надъ чистыми линіями, уже болѣе невозможно оспаривать этотъ совершенно правильный взглядъ.

Для эволюціи организмовъ важны не медленныя индивидуальныя измѣненія, а тѣ внезапные скачки или мутаціи, которые время отъ времени происходятъ въ предѣлахъ то того, то другого вида. Несмотря на индивидуальную измѣнчивость, виды, по де-Фризу, въ общемъ постоянны и это постоянство можетъ тянуться у нѣкоторыхъ изъ нихъ очень продолжительное время. Но вотъ что-то во внутреннихъ условіяхъ жизни даннаго вида мѣняется и онъ вступаетъ въ мутаціонный періодъ. Съ даннымъ видомъ происходитъ теперь какъ бы взрывъ, и въ каждомъ поколѣніи путемъ мутаціи, т.-е. внезапнаго скачка, кромѣ нормальныхъ особей, появляется рядъ рѣзко отлич-

ныхъ отъ нихъ и другъ отъ друга формъ—мутантовъ, у которыхъ появились сразу новыя свойства.

Только изъ этихъ мутацій и могутъ въ концѣ-концовъ возникнуть новыя формы, которыя могутъ возникать въ самыхъ различныхъ направленіяхъ и особенности ихъ могутъ носить самый различный характеръ: онѣ могутъ быть и индифферентными, и полезными, и вредными. Только теперь и выступаетъ на сцену естественный подборъ, который и рѣшаетъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи той или иной мутаціи: имѣющія безполезныя или вредныя особенности погибаютъ въ борьбѣ за существованіе, исчезая въ концѣ-концовъ безъ слѣда, а носители полезныхъ свойствъ остаются побѣдителями въ жизненной борьбѣ и, наконецъ, вытѣсняютъ произведшую ихъ форму.

Мутаціонная теорія, несмотря на рядъ враждебныхъ нападокъ съ разныхъ сторонъ, успѣла стать прочно на ноги и завоевать себѣ почетное мѣсто въ наукѣ. Теперь уже нельзя отрицать, что мутаціи въ видѣ внезапнаго появленія новыхъ формъ, дѣйствительно, играютъ большую роль въ эволюціи организмовъ. Вслѣдъ за де-Фризомъ это же явленіе было обнаружено рядомъ изслѣдователей какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ.

Итакъ, въ лицѣ мутацій мы находимъ, наконецъ, ключъ къ рѣшенію важнѣйшей проблемы эволюціонной теоріи, т.-е. вопроса о появленіи новыхъ свойствъ. Объяснить ихъ появленіе путемъ медленныхъ и постепенныхъ измѣненій подъ вліяніемъ ли подбора или внѣшней среды нѣтъ достаточныхъ данныхъ, и въ то же время мы видимъ, что у цѣлаго ряда формъ новыя особенности возникаютъ внезапно, путемъ скачковъ или мутацій. А разъ это такъ, разъ путемъ мутацій появляются новыя свойства, для возникновенія которыхъ мы не знаемъ другихъ источниковъ, то приходится признать, что подобныя мутаціи и есть, если не единственный, то, повидимому, главнѣйшій путь, по которому происходитъ появленіе новыхъ свойствъ и вообще идетъ эволюція организмовъ.

Казалось бы, мы достигли конца нашей задачи, но у насъ остается еще одинъ вопросъ, притомъ въ высшей степени важный, а именно вопросъ о томъ, что вызываетъ мутаціи. Отвѣтивъ на него, мы, если не разъяснимъ всей эволюціи въ ея цѣломъ, то, во всякомъ случаѣ, освѣтимъ ее со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Однако и рѣшеніе этого вопроса—вещь не легкая, особенно если учесть, какъ недавно стали извѣстны сами мутаціи, такъ что пока отвѣтить на него можно лишь предположительно.

Создатель мутаціонной теоріи де-Фризъ находитъ возможнымъ объяснить вступленіе того или иного вида въ мутаціонный періодъ и появленіе у него мутацій лишь чисто внутренними причинами, независимыми отъ тѣхъ условій среды, которыя окружаютъ данный видъ. Послѣднія могутъ измѣняться, но виды не обнаруживаютъ наклонности къ мутаціямъ и, напротивъ, условія могутъ оставаться прежними, а мутаціонный періодъ наступаетъ. Въ чемъ состоятъ эти внутреннія причины, вызывающія у организмовъ внезапное появленіе новыхъ формъ, сказать, конечно, очень трудно, но, во всякомъ случаѣ, онѣ не зависятъ отъ внѣшняго міра и сводятся къ какимъ-то измѣненіямъ въ наслѣдственной массѣ даннаго вида.

Въ противоположность къ этой точкѣ зрѣнія теперь существуетъ однако и другая, которая пытается свести появленіе мутацій къ внѣшнимъ условіямъ, къ вліянію среды на организмы. При этомъ указываютъ прежде всего, что у наиболѣе хорошо изученныхъ въ этомъ отношеніи формъ процентъ мутантовъ мѣняется по годамъ и въ нѣкоторые годы, скорѣе всего подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій, становится особенно высокимъ.

Отсюда нѣкоторыми дѣлается выводъ, что и вообще все явленіе мутацій, появленіе новыхъ формъ путемъ внезапныхъ скачковъ есть результатъ вліянія внѣшней среды на организмы вліянія, которое долго ничѣмъ не сказывается, но затѣмъ проявляется въ видѣ подобнаго скачка. Эта точка зрѣнія стоитъ, конечно, въ полномъ противорѣчіи съ взглядомъ самого де-Фриза.

Хотя, повторяемъ, данныхъ для рѣшенія столь важнаго вопроса еще мало, но все же мы едва ли можемъ согласиться съ послѣднимъ заключеніемъ и, какъ намъ лично кажется, сведеніе мутацій къ чисто внутреннимъ причинамъ имѣетъ гораздо больше за себя. Дѣйствительно, вѣдь необычныя внѣшнія условія только повышаютъ процентъ мутантовъ, усиливаютъ это явленіе, а отсюда еще очень далеко до признанія вліянія внѣшнихъ фактовъ за основную причину мутацій.

Мы знаемъ, что послѣднія появляются и при совершенно нормальныхъ условіяхъ, а разъ это такъ, то причина появленія можетъ быть заложена лишь внутри организма, а не лежать гдѣ-то внѣ его. Допустимъ однако на одинъ моментъ, что мутаціи вообще возникаютъ лишь тогда, когда внѣшнія условія измѣнены (чему противорѣчатъ всѣ извѣстные до сихъ поръ случаи),— можно ли даже въ этомъ случаѣ

утверждать, что причиной ихъ возникновенія является вліяніе внѣшней среды? Конечно, нѣтъ, такъ какъ и въ этомъ случаѣ среда все же играла бы роль лишь того, что въ нѣмецкихъ физіологіяхъ обозначается понятіемъ auslösende Reiz (разрѣшающее раздраженіе), а истинная причина даннаго явленія все же лежала бы значительно глубже, въ самомъ организмѣ. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній мы рѣшительно присоединяемся къ той точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ де-Фризъ, именно, что мутаціи вызываются чисто внутренними причинами.

Споръ этотъ, если мы будемъ говорить не спеціально объ мутаціяхъ, а вообще объ эволюціи, далеко не новъ, а ведется уже съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ эволюціонная теорія. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ скрыта истинная причина эволюціи организмовъ, какъ бы послѣдняя ни проявлялась—въ видѣ ли скачковъ или медленныхъ и постепенныхъ измѣненій: въ самихъ ли организмахъ или въ окружающихъ ихъ условіяхъ? На этотъ вопросъ возможны два отвѣта, и, въ дѣйствительности, и тотъ и другой существуютъ въ видѣ особыхъ теорій или, по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ направленій въ ученіи объ эволюціи.

Громадное большинство біологовъ, занимающихся этими вопросами, стояло и стоитъ на точкѣ зрѣнія *экзогенеза*, т.-е. эволюціи подъ вліяніемъ внѣшнихъ факторовъ, признавая, что процессъ развитія и усложненія организмовъ только и возможно объяснить, какъ результатъ воздѣйствія на нихъ различныхъ внѣшнихъ факторовъ. Всеобщей распространенностью этого взгляда и объясняется тенденція найти связь между мутаціями и внѣшней средой, объяснить ихъ появленіе вліяніемъ послѣдней. Однако очень давно существуетъ и другой взглядъ, именно, что эволюція есть *автогенезъ*, т.-е. что она совершается подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ, присущихъ самимъ организмамъ. Остановимся немного на этой послѣдней точкѣ зрѣнія.

Намеки на нее можно найти еще у Ламарка, который не разъ отмѣчаетъ въ своей книгѣ наличность у организмовъ „градаціи въ усложненіи организаціи“, которая выработана самой природой и лишь чисто вторично измѣнена вліяніемъ внѣшнихъ условій; однако мысль эту, какъ и многое другое, онъ выражаетъ очень неясно. Впервые взглядъ на эволюцію, какъ на автогенезъ, былъ развитъ значительно позже (въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія) Келликеромъ и особенно Нэгели. Келликеръ уже совершенно ясно выдвинулъ ту мысль, что въ основѣ эволюціи лежатъ чисто внутреннія причины. „Въ основѣ развитія всего міра организмовъ,—писалъ онъ,—какъ и въ основѣ всей природы, лежатъ законы, направляющіе его совершенно опредѣленнымъ образомъ въ сторону все высшаго и высшаго развитія“.

Нэгели развилъ дальше этотъ взглядъ, придавъ ему видъ ученія о принципѣ совершенствованія (Vervollkommnungsprincip). Подъ совершенствованіемъ онъ понимаетъ развитіе въ направленіи усложненія строенія и все большаго и большаго раздѣленія труда между органами, т.-е. прогрессъ организаціи, заранѣе оговариваясь, что это понятіе не заключаетъ въ себѣ ничего мистическаго. Все животное и все растительное царство, если мы окинемъ ихъ сразу взоромъ, начиная отъ низшихъ и кончая высшими формами, представляютъ изъ себя наглядную иллюстрацію подобнаго совершенствованія или прогресса. Что же однако является его причиной?

Еслибы послѣдняя заключалась лишь въ воздѣйствіяхъ внѣшней среды, во вліяніи тѣхъ или другихъ факторовъ на организмы, то подобнаго постепенно усложняющагося вверхъ, т.-е. „совершенствующагося“, ряда не получилось бы: внѣшнія вліянія дѣйствуютъ въ самыхъ различныхъ направленіяхъ; вызывая въ одномъ случаѣ усложненіе, они въ другомъ—производятъ упрощеніе или регрессъ и вообще недостаточны по самой природѣ своей для созданія всего многообразія существующихъ теперь животныхъ и растеній. Иначе обстоитъ дѣло, если причины измѣнчивости и вообще всей эволюціи носятъ внутренній характеръ, заложены въ самыхъ организмахъ. „Тогда,—говоритъ Нэгели,—извѣстная организація субстанціи должна оказывать соотвѣтствующее вліяніе на ея собственную измѣнчивость, и это вліяніе можетъ выражаться лишь въ движеніи вверхъ, такъ какъ развитіе начинается съ самыхъ низшихъ ступеней“. Въ этомъ признаніи извѣстныхъ внутреннихъ силъ, вызывающихъ эволюцію организмовъ и направляющихъ ее въ сторону созданія все болѣе и болѣе сложныхъ формъ, и заключается принципъ совершенствованія Нэгели.

Особенно наглядно выступаетъ необходимость признанія внутреннихъ, направляющихъ причинъ эволюціи, если мы остановимъ наше вниманіе на нѣкоторыхъ моментахъ, имѣвшихъ мѣсто при развитіи какъ животныхъ, такъ и растеній, напримѣръ на возникновеніи многоклѣточнаго строенія, образованіи разнородныхъ тканей, появленіи новыхъ системъ органовъ и многомъ другомъ. Возьмемъ изъ подобныхъ случаевъ лишь одинъ примѣръ.

Какъ животныя, такъ и растенія дѣлятся на одноклѣточныхъ и многоклѣточныхъ: послѣднія могли произойти лишь изъ первыхъ (какимъ

путемъ, это уже другой и не относящійся сюда вопросъ). Что же способствовало этому переходу, какія внѣшнія условія могли вызвать его? Мы вѣдь знаемъ теперь, что и въ предѣлахъ одной клѣтки могутъ возникнуть самыя сложныя образованія, такъ что многія инфузоріи, напримѣръ, устроены даже сложнѣе нѣкоторыхъ многоклѣточныхъ животныхъ. Что же, кромѣ чисто внутреннихъ причинъ, какой-то неумолимой тенденціи къ все большему и большему усложненію могло толкнуть низшіе организмы къ многоклѣточному строенію, которое, по крайней мѣрѣ, вначалѣ врядъ ли предоставляло особыя преимущества? Что вызвало дифференціацію разнородныхъ тканей? Что породило новые, неизвѣстные до тѣхъ поръ органы? Какъ обойтись при отвѣтѣ на этотъ вопросъ безъ признанія внутреннихъ силъ, лежащихъ въ основѣ всей эволюціи?

Отъ вопроса о причинѣ мутацій мы незамѣтно перешли къ вопросу объ общихъ причинахъ эволюціи. Сдѣлаемъ теперь еще одинъ шагъ впередъ. Что представляетъ изъ себя вообще жизнь? Есть ли это нѣчто, въ конечномъ счетѣ сводимое безъ остатка къ тѣмъ законамъ физики и химіи, которые управляютъ мертвой природой? Или, наоборотъ, какъ говорятъ теперь, жизнь автономна, т.-е. управляется помимо физико-химическихъ своими собственными законами, такъ что свести ее къ физикѣ и химіи никогда не удастся?

Этотъ споръ о механизмѣ и витализмѣ, тянущійся уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не рѣшенъ еще и въ настоящее время, ни одна изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія не можетъ пока считаться доказанной. Подобное положеніе вещей не мѣшаетъ однако каждому мыслящему біологу быть на сторонѣ того или другого взгляда. Не трудно видѣть, что ученіе о внутреннихъ факторахъ эволюціи самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ ученію объ автономности жизни, или витализму. Это не значитъ, конечно, чтобы всѣ сторонники перваго воззрѣнія были непремѣнно виталистами: Нэгели, напримѣръ, считалъ себя механистомъ, и даже книга его называется „Механико-физіологическая теорія ученія объ эволюціи“. Точно такъ же можно назвать и нѣкоторыхъ виталистовъ, совершенно чуждыхъ данному направленію въ эволюціонной теоріи. Однако внутренняя связь и даже полная гармонія между признаніемъ автономности жизни, съ одной стороны, и внутреннихъ причинъ эволюціи, съ другой, все же несомнѣнно существуетъ, такъ какъ послѣднее есть нечто иное, какъ часть или логическій выводъ перваго.

Побольше уваженія къ печатному слову.

Нѣкій мудрецъ древности, отчаявшись въ попыткахъ высказать свою мысль невоздержанному противнику, подалъ ему палку и сказалъ: „бей, но выслушай!..“ И, сколько помнится, эта крайняя мѣра подѣйствовала—мудрецъ былъ выслушанъ, но противникъ его имѣлъ деликатность палкой не воспользоваться. Обращаясь къ современнымъ пріемамъ русской литературной критики, можно подумать, что то, о чемъ нѣкогда нужно было „просить“, теперь вошло въ жизнь, стало почти правиломъ. Теперь „дадутъ слово сказать“, непремѣнно выслушаютъ, но... непремѣнно и побьютъ! Правда, побьютъ не въ прямомъ смыслѣ слова, не палкой, а побьютъ словомъ, незаслуженно обиднымъ, часто грубымъ... Будетъ ли „разбита“ невѣрная мысль, будетъ ли раскрыто ошибочное сужденіе, это другой вопросъ, но противникъ „виноватъ уже тѣмъ, что онъ противникъ“. Эту-то крайнюю неделикатность, граничащую съ прямой грубостью въ пріемахъ нашей литературной критики, отмѣчаетъ Junior на страницахъ „Русской Молвы“ (№ 62).

„Передо мною январскія книги трехъ нашихъ толстыхъ журналовъ,—говоритъ Junior:—журналы честные, идейные, не чета уличной газетѣ, которой все позволено, потому что она себѣ все позволяетъ. Казалось бы—люди серьезные и занятые серьезнымъ дѣломъ; къ чему же гаерство, личности, площадной тонъ? Чуть противникъ по взглядамъ—по щекѣ его, освистать его, не иномыслящій, а непремѣнно безпардонный негодяй. „Господа Изгоевы“, „старушка Рѣчь“, „досужіе и беззаботные попутчики“ (съ наличной характеристикой каждаго), „господамъ же Славинскимъ мы скажемъ вотъ что—такъ и мелькаютъ. Г. В. Плехановъ не обинуясь пишетъ: „г. Философовъ лишенъ всякаго таланта въ какой бы то ни было области“—ни дать ни взять, какъ В. В. Розановъ: „дуракъ Рубакинъ“ или „Переферковичъ въ юданизмѣ опредѣленно и ясно глупъ“ (это въ послѣдней его книгѣ—„Письма А. С. Суворина“); зачѣмъ же Г. В. Плеханову усваивать тонъ Розанова? Въ той же книгѣ Г. В. Плехановъ кончаетъ свою рецензію о книгѣ В. П. Сперанскаго (конечно „господина Сперанскаго“, для язвительности) „Общественная роль философіи“ такими словами: „скажу откровенно: мнѣ жаль слушателей и слушательницъ г. Сперанскаго“. Очень деликатно! Въ другомъ журналѣ другой сотрудникъ, разбирая книгу Дурново „Такъ говорилъ Христосъ“, плодъ 20-

лѣтняго труда, какъ говоритъ авторъ,—книгу во всякомъ случаѣ честную и выношенную съ болью и любовью,—подвергаетъ и автора, и книгу, и все съ ними смежное сплошному издѣвательству. „Г. Дурново, судя по его классификаціи нравственныхъ принциповъ Христа на „оборонительные“ и „наступательные“, должно быть, просто-напросто человѣкъ военный, человѣкъ съ досугомъ. Прогуливался г. Дурново по улицамъ, увидалъ въ магазинѣ обложку „Такъ говорилъ Заратустра“, обмакнулъ перо въ чернила, да и вывелъ свое не похуже: „Такъ говорилъ Христосъ“.—И дальше—„факирская идеологія“, „непремѣнное желаніе, оскопивъ, обезцвѣтивъ слова Христа, подвести ихъ подъ свою досужую идейку“, установивъ далѣе... г. Дурново по-индусски скашиваетъ глаза на кончикъ своего носа и тянетъ любимый припѣвъ“ и т. д. вплоть до общаго вывода, что „г. Дурново двухъ мыслей въ своей головѣ не имѣлъ: съ чѣмъ вышелъ, съ тѣмъ и сталъ, щелкнувъ шпорами передъ самой Голгоой“. Это писано о книгѣ, пусть и невѣрной по мнѣнію рецензента. но несомнѣнно заслуживающей уваженія за трудъ, на нее положенный и за высокое стремленіе, одушевлявшее этотъ трудъ.

И приведенные примѣры отнюдь не представляютъ собою исключенія.

Если и вообще наша періодическая печать не блещетъ корректностью тона, то даже въ ней отдѣлъ рецензій поражаетъ безпримѣрной грубостью брани и издѣвательства. Можетъ быть потому, что въ большинствѣ случаевъ рецензіи въ нашихъ журналахъ пишутся профессіональными рецензентами, людьми, которые сами книгъ не пишутъ,—фактъ тотъ, что обычно русскому рецензенту совершенно чуждъ обязательный „піэтетъ“ въ книгѣ. Кто самъ написалъ на своемъ вѣку и издалъ въ свѣтъ хоть одну книгу, тотъ долженъ по собственному опыту знать, что книга пишется со всѣмъ напряженіемъ силъ, что каждый авторъ старается дать въ своей книгѣ свое наилучшее. И такъ оно несомнѣнно есть, за рѣдкими исключеніями. Поэтому, какъ бы ошибочна и вредна не была книга на взглядъ рецензента, онъ обязанъ отнестись съ уваженіемъ къ самому факту ея существованія. Я утверждаю, говоритъ авторъ, что всякая книга задумана съ идеалистической цѣлью: идеалы различны: у одного идеалъ—водвореніе на землѣ свободы и любви, у другого—изгнаніе или истребленіе всѣхъ евреевъ на пользу русскому народу. Этотъ послѣдній идеалъ кажется мнѣ плодомъ неразумѣнія и, разбирая книгу, внушенную этимъ идеаломъ, я постараюсь раскрыть нелѣпое и вредное содержаніе этого идеала, но я не въ правѣ поносить личность автора, потому что, вѣдь, онъ по-своему любитъ сверхъ-личное и по силамъ служитъ своей некорыстной задачѣ. Напротивъ, именно въ этомъ случаѣ, еще больше чѣмъ во всякомъ другомъ, рецензенту слѣдовало бы тщательно и съ „благочестіемъ“ вскрыть идеализмъ авторскаго замысла; это имѣло бы большое воспитательное вліяніе и на автора и на читателей и притомъ позволило бы рецензенту наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ опровергнуть разсужденія автора, давъ имъ очную ставку съ кореннымъ, идеалистическимъ замысломъ автора. Наши рецензенты, кажется, не догадываются, какую огромную общественную цѣнность представляетъ всякая духовная дѣятельность, если только она не направляется интересами личной корысти. Въ этихъ предѣлахъ цѣнно всякое умственное усиліе, всякая статья, всякая книга: тѣ, что содержатъ въ себѣ ложь,—потому, что онѣ вспахиваютъ духовную ниву и содѣйствуютъ прозябанію истины. Все человѣческое должно быть взрыто, раскопано до нѣдръ, самые твердые пласты должны быть выворочены наружу, чтобы истина могла пустить не поверхностные корни, а глубокіе; задача въ томъ, чтобы просвѣтить жизнь до дна и павѣки. Поэтому всякое несвоекорыстное писаніе нужно и трудъ, на него затраченный, святъ. Китайцы охотно берутъ фальшивую монету, которой у нихъ много, но считаютъ ее въ меньшую стоимость, чѣмъ настоящую: они не доплачиваютъ за худшій металлъ, но они считаютъ справедливымъ оплатить трудъ, положенный на ея выдѣлку. Это глубокочеловѣчно, и насколько умѣстнѣе такое разсужденіе въ примѣненіи къ духовному труду, гдѣ „поддѣлка“, если она есть, въ огромномъ большинствѣ случаевъ—невольная!

Не говоря ужъ объ элементарномъ уваженіи къ автору, какъ человѣку, о простомъ приличіи! Рецензентъ обязанъ щадить самолюбіе автора: какое право имѣетъ онъ дѣлать ему больно? А у насъ рецензіи обычно пишутъ такъ: рецензентъ обращаетъ свою рѣчь къ невидимо присутствующей публикѣ и въ этой рѣчи трактуетъ автора, какъ трупъ, хотя авторъ живой стоитъ тутъ же и слушаетъ (вѣдь авторы читаютъ отзывы о себѣ, и рецензенты это знаютъ). Такъ говорятъ прокуроры въ судѣ; а иногда рецензентъ косвенно читаетъ нотацію автору въ тонѣ директоровъ гимназій, когда они обращаются ко всему классу, чтобы разъяснить преступность одного школьника. „Авторъ поступилъ бы всего правильнѣе, оставивъ свою рукопись въ письменномъ столѣ“, „посовѣтуемъ ему заняться болѣе спеціальнымъ трудомъ, если

онъ мечтаетъ оставить нѣкоторый слѣдъ въ наукѣ" и т. п. (цитаты изъ упомянутыхъ выше январскихъ книгъ)—допустимъ ли такой тонъ?

Есть что-то фатальное въ писаніи рецензій. Человѣкъ, въ личномъ обхожденіи вполнѣ благовоспитанный, взявъ въ руки перо, чтобы написать рецензію, теряетъ привычную вѣжливость и справедливость. Читая рецензіи въ нашихъ газетахъ, не разъ бываетъ вчужѣ больно за автора книги и стыдно за рецензента; трудъ долгихъ лѣтъ отдѣлывается въ полчаса, выставливаются случайно, по случайнымъ знаніямъ рецензента, детальные ошибки и пробѣлы, и въ итогѣ дается общій отзывъ о всей книгѣ, и часто, какъ мы видѣли, заодно и о самомъ авторѣ; а о томъ, что въ книгѣ есть дѣльнаго и свѣтлаго, умалчивается, хотя, какъ я уже сказалъ, почти во всякой книгѣ есть по крайней мѣрѣ одно хорошее—именно ея коренной замыселъ, непремѣнно идеалистическій.

Все вышесказанное относится къ вѣжливости элементарной, но есть еще вѣжливость высшаго разбора, которую называютъ тактомъ; она тоже обязательна для рецензента. Многіе авторы, особенно молодые, чрезвычайно чувствительны къ отрицательнымъ отзывамъ о себѣ. Хорошо ли это или дурно—особый вопросъ: кто самъ безгрѣшенъ, пусть бросаетъ камни въ такого грѣшника, но я не думаю, чтобы и рецензенты были въ этомъ отношеніи святыми. Какъ бы то ни было, злая, бранная рецензія, съ издѣвательствомъ и несправедливостью въ цѣломъ, можетъ тяжело потрясти начинающаго автора и роковымъ образомъ отозваться на его ближайшихъ годахъ, а иногда и на всей его дѣятельности. Я помню случай, когда молодой человѣкъ, очень способный, съ большими познаніями, увлекшись невѣрной мыслью (совершенно безкорыстной, идеалистической), издалъ на собственный счетъ одну за другою двѣ книжки изъ области фольклора; онѣ были ошибочны по замыслу—и ихъ высмѣяли, хотя въ нихъ были ясно видны и основательное знаніе и незаурядная даровитость; на эти книги ушли всѣ небольшія средства автора, ихъ неудача его потрясла,—онъ замолкъ, потомъ изъ нужды принужденъ былъ искать службу. Это случай исключительный, но въ степени, можетъ быть гораздо слабѣйшей та же исторія повторяется несомнѣнно часто. Повторяю, рецензіи, печатающіяся въ нашихъ газетахъ и журналахъ, очень часто вопіюще несправедливы. Тотъ авторъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, конечно, не заслуживалъ осмѣянія, его трудъ надо было только оцѣнить по заслугамъ, и заслуженная похвала ободрила бы его, а раскрытая ошибка научила бы. Въ Германіи одно время—лѣтъ 15 тому назадъ—много писали о „тиранніи рецензентовъ"; теперь это дѣло стоитъ тамъ въ общемъ на надлежащей высотѣ: дѣльная, серьезная, сдержанная рецензія является нормою, и ни одна серьезная редакція не приняла бы къ напечатанію той неряшливой, разнузданной, вульгарной стряпни, какою сплошь и рядомъ является рецензія у насъ; въ спеціальныхъ органахъ, какъ „Litterarisches Zentralblatt" Царске или „Litterarisches Echo", рецензіи представляютъ собою образецъ компетентности и корректности.

Я хотѣлъ говорить, заканчиваетъ Junior свою статью, о вѣжливости въ литературѣ—и на первомъ же шагу увязъ въ рецензіяхъ, какъ въ болотѣ. Дальше ужъ я не пойду. Тема о вѣжливости въ нашей періодической печати, разумѣется, очень мелка въ глубину, но обширна по объему. У насъ пишущіе часто не уважаютъ печатнаго слова и слишкомъ мало чувствуютъ свою отвѣтственность за то, что пишутъ,—отвѣтственность передъ человѣкомъ, о которомъ они пишутъ (въ критикѣ и полемикѣ), и передъ тѣми, кто ихъ будетъ читать. Ибо есть вѣжливость и по отношенію къ публикѣ. Высказать свое мнѣніе въ многолюдномъ обществѣ, за столомъ, рѣшаешься только тогда, когда вполнѣ владѣешь предметомъ,—и говоришь сдержавно, думая о своихъ словахъ. Въ такомъ же положеніи находится и тотъ, кто, сидя одинъ за своимъ письменнымъ столомъ, пишетъ для печати; конечно, онъ не долженъ и не можетъ помнинутно чувствовать себя передъ аудиторіей, но общее такое чувство у него непремѣнно должно быть, ежели онъ уважаетъ свое и другихъ человѣческое достоинство.

Отзывы о книгахъ.

477. [. . . . .] 05 : 92(Т)

Толстовскій Ежегодникъ. 1912. Изд. О-ва Толстов. Музея въ Спб. и Толстов. О-ва въ Москвѣ. М. 1913. Стр. 303. Ц. 2 р.

„Такія изданія —говорится въ предисловіи къ „Ежегоднику“,—связываютъ нашу дѣятельность съ жизнью всего русскаго общества, отцѣживаютъ и впитываютъ въ себя все, что еще уцѣлѣло отъ дорогой жизни въ документахъ и живой памяти. Оно дастъ возможность будущему человѣчеству понимать и чтить, увидѣть во весь ростъ, съ безчисленными подробностями и въ огромной полнотѣ, жизнь и значеніе величайшаго изъ русскихъ писателей. Но не менѣе важна достовѣрность. Легенда о Толстомъ уже слагается, и ея нельзя, а можетъ быть, и не надо разрушать: усталый и мятущійся духъ человѣчества такъ нуждается въ утѣшеніи. Но біографія Толстого и его писанія должны быть освобождены отъ апокрифовъ уже потому, что нельзя ничего придумать лучше подлинниковъ его жизни и творчества. А сберегать все достовѣрное и опровергнуть вымышленное надо съ самаго начала, раньше, чѣмъ затеряются подлинники и перемрутъ современники“. Ставящій себѣ эти задачи „Ежегодникъ“ весьма богатъ разнообразнымъ содержаніемъ, хотя непосредственно принадлежащаго Толстому — очень немного. На первомъ мѣстѣ дана выдержка изъ дневника Толстого отъ 27 марта 1895 г., представляющая первое завѣщательное распоряженіе. Кромѣ того дано факсимиле: „молитва внучкѣ Сонички“. Въ обширномъ отдѣлѣ записокъ и воспоминаній о Толстомъ прежде всего привлекаютъ къ себѣ воспоминанія гр. С. А. Толстой, А. А. Стаховича и Н. В. Давыдова, всѣ относящіяся къ созданію и исторіи „Власти тьмы“. Далѣе слѣдуетъ довольно подробное, хотя мѣстами нѣсколько наивное, описаніе поѣздки въ Ясную Поляну 24—25 авг. 1883 г. нѣкоего Г. А. Русанова, горячаго поклонника Л. Н. и его идей. Кое-что изъ довольно неумѣло записанныхъ фразъ и отзывовъ Толстого довольно любопытно, какъ новые маленькіе штрихи для обрисовки настроеній и мнѣній Л. Н. Весьма любопытны воспоминанія о Толстомъ крестьянъ, собранныя въ Голицынѣ и Ясной Полянѣ; нѣкоторыя изъ нихъ переданы (самими крестьянами) очень непосредственно и тепло. Въ отдѣлѣ—изслѣдованій и документовъ—находимъ данныя о библіотекѣ Толстого, изученіе которой начато А. Е. Грузинскимъ, статью о замѣткахъ Толстого на экземплярѣ сочиненій Тютчева, котораго Толстой очень цѣнилъ и ставилъ высоко, и т. п. Имѣются данныя объ участіи Толстовскаго О-ва въ торжествахъ въ память Руссо. Любопытна и хроника, дающая много фактовъ паническаго страха властей передъ однимъ именемъ Толстого. Наконецъ, въ „Ежегодникѣ“ находимъ библіографію произведеній Толстого за два года послѣ его смерти, краткое описаніе московскаго музея, а также разнообразныя данныя о дѣятельности московскаго О-ва.

Приложенъ рядъ иллюстрацій, между прочимъ, воспроизведенъ карандашный рисунокъ, изображающій Толстого-студента Казанскаго унив., до сихъ поръ неизвѣстный. (*Ч. В—скій. „Вѣст. Евр.“ 1913—1*).

Время, отдѣляющее насъ отъ живого Толстого, такъ незначительно, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ богатствѣ матеріаловъ первостепеннаго значенія, которымъ блещетъ первый выпускъ „Ежегодника“, вышедшій подъ ред. С. Л. Толстого. Воспоминанія ясно-полянскихъ и голицынскихъ крестьянъ даютъ недурные штрихи для характеристики личныхъ отношеній между ними и ихъ „великимъ помощникомъ“ и „добродѣтелемъ“. По памяти пытаются С. Л. Толстой и А. Б. Гольденвейзеръ составить списокъ музыкальныхъ произведеній, которыя любилъ Л. Н. Кажется, онъ и самъ однажды рискнулъ компонировать и въ „Ежегодникѣ“ напечатанъ вальсъ, приписываемый Л. Н. Матеріалы для уясненія его литературныхъ интересовъ и вкусовъ даютъ статьи А. Е. Грузинскаго „Ясно-полянская библіотека“ и редактора сборника „Л. Н. Толстой о поэзіи Тютчева“; важнѣйшее въ обѣихъ статьяхъ—попытки установить литературныя оцѣнки Толстого на основаніи отмѣтокъ, которыя онъ охотно дѣлалъ на поляхъ читаемыхъ книгъ. Оцѣнки эти, какъ извѣстно, не были устойчивы, и убѣдительныя свидѣтельства этого даетъ статья Г. А. Русанова, точно и выразительно передававшаго свои бесѣды съ Л. Н. Множество любопытныхъ отзывовъ и творческихъ признаній разсѣяно въ этой статьѣ, быть можетъ, наиболѣе интересной во всемъ сборникѣ. (*„Рус. Бог.“ 1912—12*).

Читаешь эту прекрасную, съ такимъ благоговѣніемъ къ памяти Толстого, составленную книгу—и въ памяти встаютъ слова: „старца великаго тѣнь чую смущенной душою“... Прямо нельзя указать, что здѣсь самое интересное—все интересно, все цѣнно, все важно. Огромный интересъ представляетъ статья А. Е. Грузинскаго, разбиравшаго ясно-полянскую библіотеку и собравшаго по тѣмъ отмѣткамъ, замѣткамъ, а порой и попросту отчеркиваніямъ, которыя дѣлалъ на поляхъ книгъ Толстой, матеріалъ чрезвычайной цѣнности, свидѣтельствующій о томъ, съ какимъ вниманіемъ занимался Толстой, какъ тонко и чутко оцѣнивалъ то, что приходилось ему читать. И въ этихъ отмѣткахъ особенно поражаетъ именно писательскій темпераментъ Толстого, его огромное, стихійное чувство прекраснаго, любовь ко всему простому и правдивому и отвращеніе ко всему манерному и кричащему. Въ статьѣ Грузинскаго приведены замѣтки и отмѣтки Толстого, относящіяся къ произведеніямъ нашихъ современниковъ (Чеховъ, Горькій, Андреевъ и др.). (*Ю. Васильевъ. „Путь“. 1913—2*).

478. Авенаріусъ, В. П. 087

За невѣдомый океанъ. Истор. повѣсть для юнош. Объ открытіи Новаго Свѣта. Съ рис. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 266. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніемъ повѣсти послужило одно изъ самыхъ величайшихъ событій исторіи, одна изъ

самыхъ славныхъ и блестящихъ побѣдъ пытливой мысли человѣка надъ вѣковымъ суевѣріемъ заблужденіемъ толпы—это безстрашное, безумно-смѣлое океанское путешествіе Христофора Колумба, завершившееся въ 1492 г. открытіемъ Нов. Свѣта, который былъ принятъ Колумбомъ за Индію. Понятно, какое значеніе имѣло открытіе Колумба для Испаніи, быстро возвысившейся до мірового могущества. Европа тоже получила новый рынокъ, новый приливъ золота и серебра, вызвавшій цѣлый экономическій переворотъ и содѣйствовавшій скорѣйшему развитію денежнаго хозяйства; колонизаціонное стремленіе за океанъ произвело новое направленіе въ міровой политикѣ; наконецъ, это открытіе и послѣдовавшія за нимъ многія другія широко расширили умственный кругозоръ европейцевъ, обогатили естествознаніе, географію и пр. И черезъ 400 лѣтъ благодарное потомство торжественно отпраздновало знаменитое открытіе и память Колумба. Появилось множество описаній этого событія, было опубликовано много новыхъ архивныхъ данныхъ и пр., чѣмъ широко воспользовался А. при составленіи повѣсти, которая, благодаря этому, представляетъ собою очень полезное, увлекательное чтеніе, вполнѣ согласованное съ исторической дѣйствительностью. Авторъ описываетъ напряженную, тревожную жизнь Колумба, начиная съ его хлопотъ у испанскаго двора, даетъ нѣсколько жанровыхъ картинокъ Испаніи, рисуетъ отплытіе, долгія скитанія въ океанѣ, броженіе команды, почти открытый бунтъ и, наконецъ, когда Колумбу дали три дня срока, послѣ которыхъ, если не увидятъ земли, эскадра должна вернуться, на горизонтѣ появляется узкая дымчатая полоска земли. Новый Свѣтъ открытъ. Далѣе идетъ описаніе природы и людей Нов. Свѣта, обратное путешествіе и тріумфальное прибытіе на родину. Въ „послѣсловіи" авторъ знакомитъ читателей съ дальнѣйшей жизнью Колумба до его кончины. Съ обычнымъ мастерствомъ авторъ сразу захватываетъ вниманіе читателя, которое не ослабѣваетъ до самаго конца. По внѣшности изданіе очень чистенькое и украшено множествомъ рисунковъ. (*М—о. „Ист. Вѣст."* *1913—3*).

Интересную повѣсть А. смѣло можно рекомендовать для чтенія дѣтямъ школьнаго возраста. Въ книгѣ помѣщены нѣкоторыя старинныя и современныя карты, нужныя для яснаго пониманія текста, нѣсколько копій со старинныхъ гравюръ и довольно много рисунковъ. (*„Гол. М." 1913—48*).

Перу А. принадлежитъ много книгъ, предназначенныхъ для дѣтей и юношества, пользующихся заслуженной популярностью и выдержавшихъ нѣсколько изданій. Новая книга отличается обычными достоинствами историческихъ повѣстей автора — живостью изложенія и соотвѣтствіемъ исторической дѣйствительности. Составитель настоящей замѣтки былъ очевидцемъ того, съ какимъ захватывающимъ интересомъ дѣти 10—13 л. слушали чтеніе повѣсти А. объ открытіи Новаго Свѣта. (*І. М. „Спб. Жизнь". 1913—35*).

Книга написана живымъ, образнымъ языкомъ и снабжена интересными рисунками, иллюстрирующими разсказъ и эпоху. Издана книга очень хорошо. (*„Сарат. Вѣст.". 1913—24*).

479. Шклярь, Н. 087

Авіаціонная недѣля моего дѣтства. Рис. М. Щеглова. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 47.

Удивительно искренно и съ неподдѣльнымъ юморомъ описаны авторомъ интересные эпизоды изъ его дѣтства или скорѣе юности. Какъ живые встаютъ передъ нами предпріимчивые мальчики. Сначала ихъ увлекаетъ полетъ змѣя, затѣмъ увлеченіе переходитъ на воздушный шаръ и, наконецъ, возникаетъ желаніе летѣть самимъ. Горячіе планы не заставляютъ ждать ихъ осуществленія: клеится змѣй, дѣлается воздушный шаръ, производится полетъ, хотя неудачный, съ крыши сарая при помощи зонта-парашюта. Все это сопровождается, присущими юности, положительными и отрицательными качествами: здѣсь и творчество, и энергія, доходящая до забвенія о „хлѣбѣ насущномъ", здѣсь и смѣлость—до самопожертвованія. Но на ряду съ этимъ и ненужная жестокость, какъ подвѣшиваніе котенка къ змѣю, и непріятная грубость, какъ лизаніе тарелокъ и т. п. Очень характерны и другіе персонажи разсказа: наивная горничная Глаша, искренно участвующая во всѣхъ юношескихъ затѣяхъ, и ворчунья няня, и управляющій нѣмецъ. Рисунки довольно удачно иллюстрируютъ мысли автора, жаль только, что они мѣстами переходятъ въ шаржъ. Книгу можно рекомендовать дѣтямъ средняго и старшаго возраста. Издана она очень хорошо. (*„Нов. Дѣт. Лит." 1912—4*).

Возбужденное, радостное настроеніе четырехъ мальчугановъ, изъ которыхъ самому старшему — репетитору всего 15 лѣтъ, такъ хорошо и живо передано, что заражаетъ читателя, и я думаю, многіе изъ дѣтей школьнаго возраста прочитаютъ эту книжку съ удовольствіемъ и узнаютъ самихъ себя въ описанныхъ мальчикахъ. Рисунки можетъ быть и выразительны, но нѣсколько утрированы и некрасивы. (*М. Черняева. „Дошк. Восп." 1913—2*).

Въ книжкѣ разсказаны дѣтскія воспоминанія, но содержаніе ея не имѣетъ особаго интереса и рисунки поромъ нельзя всѣ назвать очень удачными. Художникъ, видимо, ихъ дѣлалъ безъ особаго настроенія. (*И. „Спб. Жизнь". 1913—24*).

480. Бергсонъ, Анри. 135

1) Психофизіологическій паралогизмъ; 2) Сновидѣніе. Пер. съ франц. В. А. Флеровой. Изд. М. И. Семенова. Спб. 1913. Стр. 60. Ц. 50 к.

За какую бы философскую тему ни взялся Б., какимъ бы отдѣльнымъ философскимъ вопросомъ ни занялся, всегда можно ожидать отъ него совершенно самостоятельнаго и глубоко продуманнаго отвѣта на поставленный вопросъ. Позволяетъ ему это и оригинальность выработанной имъ точки зрѣнія, и острота его аналитическаго ума, и та подлинная умственная серьезность, которой характеризуется только высокій духъ. Въ настоящей брошюрѣ содержатся два доклада Б., изъ которыхъ первый былъ читанъ имъ на второмъ международномъ конгрессѣ по философіи въ 1904 году, а второй прочтенъ въ видѣ лекціи въ парижскомъ психологическомъ институтѣ въ 1901 году. Въ этомъ послѣднемъ Б. даетъ блестящій психологическій анализъ сна. Два фактора, по его мнѣнію, конституируютъ собой сонъ: 1) зрительныя, слуховыя и иного рода воспріятія, получаемыя нами либо внутренно отъ органическихъ состояній, либо извнѣ и составляющія со-

бой матеріалъ сновидѣній, и 2) воспоминанія, дающія этому матеріалу форму. Что касается до перваго доклада, то въ немъ Б. вскрываетъ съ поразительной остротой внутреннее противорѣчіе, разъѣдающее основоположеніе психофизическаго параллелизма. Это послѣднее, какъ показываетъ онъ, подразумѣваетъ постоянное безсознательное „умственное фокусничество“, позволяющее мгновенно и для себя незамѣтно мѣнять идеалистическую точку зрѣнія на реалистическую и наоборотъ. Между тѣмъ съ идеалистической точки зрѣнія никакого параллелизма между психикой и мозгомъ быть не можетъ потому, что въ ея глазахъ и самый мозгъ есть только комплексъ образовъ; съ реалистической же точки зрѣнія его не можетъ быть потому, что, предполагая за предѣлами образовъ и данности подлинную сущность, она тѣмъ самымъ запрещаетъ себѣ характеризовать это подлинное бытіе въ терминахъ данности какого-либо одного порядка (напр., въ терминахъ нервно-мозговыхъ явленій). Переводъ нельзя считать вполнѣ удавшимся: онъ сдѣланъ достаточно-таки неряшливо. (*Б. Яковенко. „Рус. Вѣд.“ 1913—51*).

Вопросъ о сновидѣніи для Б. имѣетъ особенный интересъ,—какъ возможность изслѣдованія тайниковъ безсознательнаго, или „подпочвы сознанія“—въ чемъ онъ видитъ главную задачу современной психологіи. Въ согласіи съ другими авторами Б. полагаетъ, что въ сновидѣніи работаютъ тѣ же силы, что и во время бодрствованія, но онѣ находятся въ состояніи ослабленномъ. Сновидѣніе—это умственная жизнь, но съ уменьшенными напряженіемъ, усиліемъ и тѣлеснымъ движеніемъ. По мнѣнію Б., психологіи слѣдуетъ направить свои усилія на изученіе состоянія глубокаго сна, чтобы проникнуть въ механизмъ безсознательной памяти и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить тѣ таинственныя явленія, которыя обнаруживаются при такъ называемомъ „психическомъ изслѣдованіи“. (*„Совр. Сл.“ 1913—1799*).

Б. принадлежитъ къ числу философскихъ писателей, *всѣ* произведенія которыхъ заслуживаютъ вниманія и содержатъ свѣжія и яркія мысли. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ присоединиться къ тому восторженно-хвалебному хору, который теперь провозглашаетъ Б. исключительнымъ геніемъ и вождемъ всей современной мысли. Въ частности, излюбленное теперь сравненіе Б. съ Кантомъ кажется намъ совершенно невѣрнымъ: по сравненію съ огромной архитектонической сложностью системы Канта и многообразіемъ учтенныхъ въ ней мотивовъ, концепція Б. прямо поражаетъ односторонностью и идейной бѣдностью. Б. силенъ именно тѣмъ, что имъ владѣетъ одинъ мотивъ, какъ бы одна idée fixe, и это свое видѣніе, дѣйствительно новое, оригинальное и глубокое, онъ пересказываетъ на разные лады, освѣщая съ его точки зрѣнія разнообразныя области психологіи и гносеологіи, тогда какъ, съ другой стороны, все несоотвѣтствующее этой интуиціи или просто игнорируется имъ, или получаетъ прямо ложное освѣщеніе. Помимо замѣчательнаго литературнаго и художественнаго дарованія Б., исключительный успѣхъ его философіи обусловленъ тѣмъ, что она идетъ навстрѣчу глубоко жизненнаго и интенсивнаго духовнаго движенія нашего времени, направленнаго на ограниченіе компетенціи „разсудочнаго знанія“ и на возстановленіе правъ цѣлостной духовной жизни. Изъ указаннаго своеобразія философскаго творчества Б. вытекаетъ то, что его небольшія изслѣдованія, въ которыхъ онъ какъ бы только бросаетъ лучи мысли на отдѣльныя стороны или проблемы жизни и намеками фиксируетъ обрисовывающуюся при этомъ картину, не только выдерживаютъ сравненіе, по своей значительности, съ крупными его трудами, но съ художественной и литературной точки зрѣнія даже превосходятъ ихъ. „Психофизіологическій паралогизмъ“, содержитъ in nuce основу теоріи, подробно изложенной въ „Матеріи и памяти“, хотя по замыслу статья ставитъ себѣ задачей только опровергнуть противоположную ей господствующую доктрину психо-физическаго параллелизма. Справедливость требуетъ указанія, что развитые противъ этой теоріи аргументы были независимо отъ Б. и отчасти до него выдвинуты рядомъ современныхъ нѣмецкихъ психологовъ, совокупными усиліями которыхъ эта доктрина теперь, можно сказать, уже преодолѣна, какою бы популярностью она еще не продолжала пользоваться. Заслуга Б. здѣсь—лишь въ ясности и литературномъ мастерствѣ, съ которыми онъ самыя запутанныя и, на первый взглядъ, спеціальныя отвлеченныя разсужденія превращаетъ въ живую и наглядно-очевидную истину. Изслѣдованіе о „Сновидѣніи“ даетъ сжатую психологію сна съ точки зрѣнія философской теоріи Б. и опять на частномъ примѣрѣ и какъ бы мимоходомъ намѣчаетъ всю теорію памяти и воспріятія, болѣе систематически изложенную въ „Матеріи и памяти“. Эта работа прочтется съ интересомъ и удовольствіемъ даже людьми, совершенно чуждыми философскаго мышленія. Психологическая интуиція есть самая сильная сторона творчества Б.; и нѣкоторые изъ чисто психологическихъ выводовъ и обобщеній о природѣ сновидѣній сохраняютъ свою силу и являются вполнѣ убѣдительными и независимыми отъ того общаго построенія, съ которымъ они связаны у автора. Переводъ выполненъ вполнѣ литературно и до нѣкоторой степени передаетъ изящество стиля оригинала. Встрѣчаются только ошибки въ транскрипціи собственныхъ именъ. (*М. Франкъ. „Рус. М.“ 1913—2*).

481. Шульце, Р. 15 : 371

Техника психологическаго и педагогическаго эксперимента. Пер. съ нѣм. студ. Психоневролог. инст., съ предисл. проф. А. Ф. Лазурскаго. Изд. М. К. Костина. Спб. 1912. Стр. XII + 303. Ц. 3 р.

Научиться техникѣ изслѣдованія дѣтей (особенно при помощи аппаратовъ) совершенно невозможно только по книгѣ, для этого необходима самостоятельная работа въ психологическихъ лабораторіяхъ и кабинетахъ подъ руководствомъ спеціалистовъ. Но число такихъ кабинетовъ и лабораторій съ каждымъ годомъ увеличивается, и для занимающихся тамъ книга Ш. окажется очень цѣннымъ пособіемъ. Особенно цѣнно то, что авторъ не только описываетъ психологич. аппараты и различные методы изслѣдованія, но и говоритъ о разныхъ пріемахъ статистической обработки полученныхъ результатовъ. Можетъ принести извѣстную пользу сочиненіе Ш. и учителямъ, не занимающимся въ лабораторіяхъ и кабинетахъ. Читающіе Меймана, Лая, Нечаева, и др. изслѣдователей по эксперим. педагогикѣ на каждомъ шагу встрѣчаютъ упоминанія, сдѣланныя мимоходомъ, о тѣхъ или иныхъ аппа-

ратахъ и методахъ изслѣдованія, при помощи которыхъ добыты извѣстные результаты. Усвоить эти результаты можно только при болѣе или менѣе ясномъ представленіи всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ происходило изслѣдованіе, при пониманіи техники изслѣдованія. Въ этомъ случаѣ книга Ш., въ которой описано довольно подробно большинство методовъ, можетъ оказаться очень цѣннымъ справочникомъ. Книгу можно разсматривать, какъ введеніе въ изученіе спеціальныхъ работъ по экспериментальной психологіи и педагогикѣ. Въ этомъ отношеніи она имѣетъ большое значеніе, и ей надо пожелать широкаго распространенія среди учителей. Есть въ книгѣ и недочеты, но это не имѣетъ особаго значенія для лицъ, приступающихъ къ изученію эксперим. психологіи. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно. (*И. Румянцевъ. „Вѣсн. Экспер. Педаг". 1912*).

Трудъ Ш. содержитъ большинство методовъ экспериментально-психологическаго изслѣдованія, получившихъ общее признаніе въ психологіи, психіатріи и педагогикѣ. Это выгодно отличаетъ его отъ другихъ работъ въ той же области, которыя обыкновенно касаются только какой-либо одной стороны вопроса. Въ конструированіи плана изслѣдованія авторъ слѣдуетъ системѣ Вундта. Текстъ богато иллюстрированъ политипажами, представляющими различные приборы, схемы, діаграммы. Книга можетъ быть рекомендована всѣмъ лицамъ, интересующимся успѣхами педагогики и патологической психологіи. (*М. Лахтинъ. „Вопр. Псих. и Невр." 1913—2*).

482. Waldstein. 15 : 61

Подсознательное „я" и его отношеніе къ здоровью и воспитанію. Пер. съ нѣм. эк.-вр. М. А. Фрейденштейнъ. „Психо-терапевтич. библіотека", подъ ред. д-овъ Н. Е. Осипова и О. В. Фельцмана. Вып. VII. Кн-во „Наука". М. 1913. Стр. 111. Ц. 60.

Книга эта касается одной изъ самыхъ важныхъ психологическихъ проблемъ,—безсознательной психики. Вопросъ безсознательнаго въ психологіи, по мѣткому выраженію Липпса — не столько психологическій вопросъ, сколько вопросъ о самомъ существованіи психологіи. Не признавая безсознательной психики, психологъ слишкомъ суживаетъ область своей науки въ пользу физіологіи. Поэтому подъ тѣмъ или другимъ названіемъ, — безсознательную психику допускаетъ большинство психологовъ, расходясь лишь въ толкованіи ея. Полагая гипотезу двойственной природы души, W. преслѣдовалъ однако не теоретическую цѣль объясненія, но практическую, психотерапевтическую: формулированіе характера человѣка, различные виды идіосинкразій, симпатій, антипатій, предразсудковъ, различные недостатки нервной системы, нѣкоторыя явленія въ психической жизни душевно-больныхъ, — все это можетъ быть объяснено не столько наслѣдственными предрасположеніями, сколько равными „подсознательными" впечатлѣніями нашего дѣтства, отъ котораго всю жизнь не можетъ освободиться душа человѣка. Сознательная жизнь—зеркальная поверхность швейцарскаго озера, по выраженію Шопенгауэра, подсознательное „я" — его темныя, неизвѣданныя и недоступныя глубины. Сознаніе — день души, сознаніе лишь придаетъ форму, претворяетъ то, что созидаетъ ночь, сублиминальное „я". Истинное творчество, созиданіе — во всѣхъ сферахъ, моральной, религіозной художественной, коренится въ подсознательныхъ глубинахъ переживаній. Поэтому воспитаніе близко къ психотерапіи и обратно: чтобы предохранить отъ душевнаго заболѣванія, нужно беречь душу отъ искажающихъ ее впечатлѣній, въ особенности въ дѣтствѣ, когда душа живетъ исключительно впечатлѣніями. Психологія художественнаго творчества и религіозныхъ переживаній многое уясняетъ съ помощью гипотезы подсознательнаго „я". Написанная просто и литературно работа W., представляетъ собою очень хорошее руководство для ознакомленія съ вопросомъ. Переведена книга хорошо. (*И. Самсоновъ. „Рус. Вѣд. "1913—60*).

Автору кажется, что такія, напр., болѣзни, какъ исторія, неврастенія, ипохондрія не являются наслѣдственными, а есть только результатъ подсознательныхъ впечатлѣній. Развитіе подсознательной части дѣтской души должно составить задачу ихъ воспитателей, такъ какъ эта часть души служитъ для ея обладателя источникомъ не только всевозможныхъ страданій, но и большихъ радостей. По мнѣнію автора, она—единственное и непремѣнное условіе созданія и даже надлежащаго пониманія геніальныхъ произведеній искусства. Взглядъ на творчество художника, какъ на проявленіе его подсознательнаго „я", уже не новъ и находитъ себѣ во многихъ примѣрахъ подтвержденіе: по все-таки въ такомъ видѣ, какъ у W., онъ является крайностью увлекшагося спеціалиста. Обычно чрезмѣрное развитіе подсознательнаго „я" въ человѣкѣ не служитъ источникомъ для созданія вдохновенныхъ произведеній, но дѣлается причиной постоянныхъ страданій для того, кому оно принадлежитъ, вызывая истерію и подобныя ей нарушенія душевнаго равновѣсія. Въ этихъ случаяхъ необходимо лѣченіе, которое, въ частности, по отношенію къ истеріи всего лучше можетъ выразиться въ „самоисповѣдываніи". Вообще же самое вѣрное средство для достиженія здоровой психической дѣятельности, это упорное исканіе причины всѣхъ окружающихъ насъ явленій. Книга снабжена примѣрами, иллюстрирующими и доказывающими положенія автора. Недочетами ея являются: односторонность въ объясненіи художественнаго творчества; нѣкоторая отрывочность въ изложеніи. Обращаетъ вниманіе невыясненность вопроса, почему преобладаніе подсознательнаго „я" въ человѣческой психикѣ въ одномъ случаѣ ведетъ къ плодотворной дѣятельности, какъ у художника, въ другомъ случаѣ, какъ у старика, погружающагося въ переживаніе подсознательныхъ впечатлѣній прошлаго, является обстоятельствомъ, задерживающимъ всякую дѣятельность. (*И. Березинъ. „Вѣст. Псих., К. А. и Н." 1912, т. IX, вып. IV—V*).

Брошюрка представляетъ нѣкоторый интересъ, хотя многое въ ней высказывается безъ обоснованія. Жаль, что переводъ тяжеловатъ. (*С. Сухановъ. „Вопр. Псих. и Невр." 1913—1*).

483. Щукинъ, С. свящ. 2(081)

Около церкви. Сборникъ статей. Изд. „Путь". М. 1913. Стр. 164. Ц. 1 р.

Книга написана однимъ изъ тѣхъ немногихъ священниковъ, которые внимательно - любовно слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ „около ихъ церкви". Ласково замѣчаетъ авторъ и дѣвочку съ золотыми волосами, которая бѣжитъ въ алтарь

за красивой мухой, и блудницу въ „мертвецкой“, которая часто служила молебны и во время ихъ ходила важно и говорила намѣренно-благородными словами... и новыхъ людей, съ новой правдой, съ гнѣвными, страстными рѣчами о новомъ Богѣ, и еще новыхъ, съ „знаменами“. И обо всѣхъ умѣетъ говорить печально, трогательно и душевно. Человѣкъ выросъ подъ личнымъ вліяніемъ А. П. Чехова и унесъ много отъ чеховской нѣжности. Всякій, для кого церковь не лишнее, ненужное слово, напряженно прочитаетъ первыя страницы небольшой книги. Къ сожалѣнію, не всякій съ одинаковымъ удовольствіемъ дочитаетъ ее до конца. Стыдливая жалость къ раздавленнымъ и „заблудшимся“ и продиктованное едва ли не отчаяніемъ робкое желаніе собрать и раздуть всѣ радостныя „воскресныя блестки“, которые уцѣлѣли „около церкви“, трогаютъ. Но духъ компромисса, желаніе міра во чтобы то ни стало „гдѣ мира нѣтъ“, дѣлаютъ автора косноязычнымъ. Въ литературѣ полуцерковной есть писатель, который еще болѣе ласковыми и трогательными словами, лобзая Христа поцѣлуемъ Іуды, накидываетъ петлю на Христа и христіанство. Именно съ нимъ (В. В. Розановъ) сталкивается о. Щ. Онъ хочетъ дать апологію церкви противъ обвиненій въ томъ, будто она—культъ смерти, отрицаетъ жизнь и ея радости, проклинаетъ ребенка и мать. Но на сторонѣ его противника—договоренность и ясныя, злыя слова. У о. Щ. неискренній компромиссъ, который „всегда отъ сатаны“. Онъ съ ужасомъ видитъ то же, что и его противникъ, но что-то мѣшаетъ ему исповѣдовать муку свою. И онъ затушевываетъ боль рѣчами о сладкихъ возможностяхъ, скрытыхъ въ христіанствѣ, о благоуханныхъ одеждахъ церкви. Онъ видитъ, что народъ уходитъ въ скудное сектантство, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что „въ рукахъ у насъ вѣчное и большое, скованное міровыми страданіями, спаянное міровой мыслью, разсчитанное на вѣка“... Онъ не можетъ совсѣмъ убѣжать отъ истины: понимаетъ, отчего въ штундизмъ идутъ, видитъ и „дѣтоубійство“, и „горе народа, которое обида Христу“. И говоритъ часто словами врага. Но когда нужно поставить вопросъ: „отчего это?“, нѣтъ ли поврежденія въ корняхъ обезсилѣвшаго міровоззрѣнія?—авторъ слагаетъ все то же—что рѣчь пастырей слишкомъ осторожна, и скрипъ консисторскихъ перьевъ заглушаетъ голосъ Божій.

„Все мы сохранили, по малому научили; все имѣемъ, но немногое воплотили въ жизнь“. Сохранили ли? Имѣемъ ли? (*Мих. „Рѣчь“. 1913—75*).

„Обрядъ долгое время велъ за представителей церкви почти все ихъ дѣло и дѣлалъ его хорошо. Въ то время какъ мы (т.-е. духовенство), не согрѣтые огнемъ вѣры, малодушно или равнодушно молчали, обрядъ говорилъ за насъ. Только всматриваясь въ обрядъ, только вслушиваясь въ то, во что въ немъ было можно вслушиваться, только вдумываясь въ него,—часто лишь этимъ путемъ человѣкъ доходилъ до ученія Христа и согрѣвалъ имъ свою душу. Обрядъ училъ міропониманію и училъ нравственности; онъ проповѣдывалъ, обличалъ, утѣшалъ, смягчалъ озлобленныхъ, укрѣплялъ смиренныхъ“. Кто думалъ это? Нѣтъ, „думали“-то пожалуй—всѣ; всѣ это смутно чувствовали, и на этомъ-то и основана необыкновенная, вовсе не безсмысленная, а полнаго яснаго сознанія привязанность народа къ обряду. Но вотъ—кто это сказалъ? Такъ выразилъ? Такъ формулировалъ? Никто до свящ. Щ.,—по крайней мѣрѣ мнѣ нигдѣ не приходилось этихъ словъ читать, ни въ толстыхъ духовныхъ книгахъ, ни въ свѣтской литературѣ, между тѣмъ какъ послѣднія лѣтъ 30 много около этой темы наговорено и много возлѣ нея копій сломано. И между тѣмъ, все это, т.-е. сказанное Щ., само собою разумѣется—такъ! Откуда же онъ взялъ это? Изъ самаго теченія рѣчи мы видимъ, что это—не вычитанное, не теорія: что „батюшка“ взялъ это изъ своего ежедневнаго опыта, изъ священнической службы своей, гдѣ онъ много лѣтъ наблюдалъ людей и тысячи ихъ, толпы ихъ; наблюдалъ внимательно, любяще,—и размышлялъ о видѣнномъ.

Послушайте дальше благоразумнаго св. Щ.

„Но чѣмъ больше мы признаемъ пользу и важность обряда, тѣмъ сильнѣе должны сказать, что необходимо оторвать отъ обряда пристально устремленный на него взглядъ нашъ. Не обрядъ, но вотъ этотъ неотступный, этотъ упорный, неотрывающійся взглядъ на него приноситъ намъ зло. Мы повернулись къ обряду всѣмъ лицомъ, на него только смотримъ и оставляемъ въ тѣни площадь гораздо большаго объема, болѣе важнаго значенія, чѣмъ обрядъ. Сила обряда имѣетъ и свои границы: онъ далъ, сколько могъ, и дастъ еще много, но онъ не можетъ дать сверхъ силъ. Идя старымъ путемъ, упорно продолжая надѣяться на обрядъ, мы обезсилимъ его: въ немъ перестанутъ видѣть то, чего не видѣть нельзя; доведемъ до того, какъ уже и довели, что обрядъ будетъ ненавистенъ для многихъ. И жалѣя, оберегая его, мы должны сказать: не убивайте обряда усиленной охраной, чрезмѣрной о немъ заботой, не налагайте на него бремена, которыхъ онъ понести не въ силахъ“.

Читатель осторожнымъ глазомъ усмотритъ, какъ полна мысль священника, — полна и не чрезмѣрно полна,—нигдѣ не переходитъ „черезъ край“, и течетъ воистину въ мѣру самаго предмета. Это „въ мѣру самаго предмета“ есть методъ и духъ всей книжки, поистинѣ содѣлывающій ее мудрою и совѣтодательною. Отдавая себѣ отчетъ, откуда это, по крайней мѣрѣ, я прихожу къ заключенію, что все это оттого, что книжка собственно есть „домашнія замѣтки приходскаго священника“, плодъ его наблюденій надъ жизнью мірянъ,—и только. Никакихъ „закругленій“ въ статьяхъ, никакихъ „предисловій“ „послѣсловій“. Рѣчь течетъ изъ сердца и изъ дѣла.

Книжка свящ. Щ.—одна изъ лучшихъ, изданныхъ московскимъ „Путемъ“ книжекъ. Страницы бѣгутъ подъ глазами, легко написанныя, а умъ не утомляется, потому что въ мысляхъ книжки нѣтъ ничего шаблоннаго, заношеннаго, общеизвѣстнаго. Многія страницы, какъ объ обрядѣ и о реформаціи, просятся въ историческую хрестоматію. Такъ онѣ правильны и такъ много объясняютъ. Но, пожалуй, еще свѣжѣе страницы, данныя наблюденіемъ автора. Вотъ образчикъ:

„Помню двухъ блудницъ,—и какъ онѣ обѣ были не похожи на тѣхъ блудницъ, о которыхъ пишутъ въ книгахъ. Одна жила на самомъ краю города, въ убогой лачугѣ; у нея было трое дѣтей. Мужъ затерялся гдѣ-то въ Одессѣ, а она стала блудницей и часто служила молебны. Все вымоетъ и вычиститъ передъ молебномъ. Старуху мать усадитъ на подушки въ бѣлыхъ наво-

локахъ, дѣтей одѣнетъ въ чистыя платья и позоветъ сосѣдокъ. А во время молебна усиленно хлопочетъ около матери, ходитъ важно, говоритъ намѣренно благородными словами и изрѣдка сверкаетъ глазами на сосѣдокъ. И какое-то гордое и безумное выраженіе мелькаетъ въ ея взглядѣ. И умирала она отъ злой чахотки, съ сердцемъ надорваннымъ и страшно взволнованнымъ, съ гордыми словами: „умираю, людямъ прощаю, дѣтей оставляю на Бога".

Книжка должна быть прочитана всѣмъ образованнымъ обществомъ. (*В. Розановъ „Нов. Вр." 1913—13298*).

Своей маленькой книжкѣ свящ. Щ. далъ подзаголовокъ „сборникъ статей". Это названіе не совсѣмъ точно, ибо передъ нами не журнальныя или газетныя статьи въ обычномъ смыслѣ этого слова, а скорѣе проповѣди, написанныя горячо, красиво и вполнѣ литературно. Лишь нѣкоторая излишняя сантиментальность нарушаетъ порою общее благопріятное впечатлѣніе. Св. Щ. любитъ обращаться не къ мышленію читателя, а въ его чувству даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тема (напр., полемика съ В. В. Розановымъ) этого вовсе не требуетъ. Лучшей частью книги является небольшая статейка „Гр. Л. Н. Толстой и Іоаннъ Кронштадтскій". (*„Рус. Молва". 1913—71*).

* **Зейтель, Н.** 276:33

См. пор. № 487.

484. Соловьевъ, Вл. 26

Владиміръ Святой и христіанское государство и Отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Пер. съ франц. Г. А. Рачинскаго. Изд. „Путь". М. 1913. Стр. 51. Ц. 75 к.

Г. А. Рачинскій задался симпатичной цѣлью—познакомить русскихъ читателей съ тѣми работами, которыя вышли въ свое время за границей на французскомъ языкѣ, частью потому, что духовная цензура, слѣдуя указаніямъ Побѣдоносцева, безпощадно преслѣдовала писанія знаменитаго мистика, частью же потому, что С. желалъ сдѣлать свои сочиненія доступными высшимъ католическимъ кругамъ. Г. Рачинскимъ уже переведы книга С. „Россія и вселенская церковь" и брошюра его „Русская идея". Нынѣ эта серія дополняется двумя небольшими опытами, опубликованными въ 1888 г. въ журналѣ „L'Univers". Статья „Владиміръ Святой и христіанское государство" сообщаетъ немного новыхъ данныхъ для характеристики С. Зато въ полемической замѣткѣ, озаглавленной „Отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова", русскій богословъ выступаетъ въ непривычной для него роли апологета восточнаго православія противъ нападокъ съ ультрамонтанскаго крыла. Вл. С. формулируетъ свои тезисы слѣдующимъ образомъ: I. Русская религія, если понимать подъ этимъ терминомъ вѣру народную и богослуженіе, вполнѣ православна и каѳолична. II. Ложныя и антикаѳолическія ученія, преподаваемыя у насъ въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ, не имѣютъ характера обязательности для тѣла русской церкви и нимало не затрагиваютъ вѣру народную. III. Церковное управленіе въ Россіи, незаконное, схизматическое и подпавшее (lata sententia) анаѳемѣ по третьему канону седьмого вселенскаго собора,—формально отвергается значительной частью православной Россіи (старовѣрами) и терпится остальными поневолѣ, за неимѣніемъ лучшаго. Высшіе католическіе дѣятели видѣли въ немъ „преславнаго мужа", намѣревавшаго „возвратить возможно большее число русскихъ славянъ въ лоно католической церкви". С. же, съ своей стороны, мечталъ о союзѣ трехъ великихъ міровыхъ силъ — римскаго папы, православнаго царя и христіанскаго пророка для образованія новой теократіи. Столкновеніе этого романтическаго замысла съ миссіонерскими проектами Куріи не могло дать С. ничего, кромѣ лишняго горькаго разочарованія. (*И. А. „Рус. Молва". 1913—63*).

Эти статьи, вмѣстѣ съ письмомъ друга С. католическаго епископа Штроссмайера къ кардиналу Рамполлѣ, секретарю папы Льва XIII-го, очень цѣнны для сужденія объ отношеніи покойнаго философа къ католицизму и папѣ. С. ожидалъ у папы самый милостивый пріемъ. „По словамъ кардинала Рамполлы,— разсказываетъ въ предисловіи въ книжкѣ кн. Е. Н. Трубецкой,— папа, прослушавъ письмо Штроссмайера, воздалъ С. одобреніе и хвалу и горячо молился. Отъ самого С. я слышалъ, что на какой-то докладъ о немъ папа отозвался словами: „вотъ овца, которая, надо надѣяться, скоро войдетъ въ дворъ овчій". Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ еще болѣе загадочнымъ тотъ фактъ, что поѣздка не состоялась. Мнѣ всегда казалось, что этому мѣшаютъ какія-то внутреннія, психическія препятствія. Помнится, однажды я сказалъ С.: „поѣзжай въ Римъ и возвращайся оттуда Лютеромъ", онъ тоже отвѣтилъ мнѣ что-то въ шуточномъ тонѣ; настоящаго, серьезнаго отвѣта я отъ него никогда не получилъ". Напечатанныя въ книжкѣ статьи даютъ отчасти такой отвѣтъ. Покойный философъ отрицалъ самый фактъ дѣйствительнаго раздѣленія церквей, считалъ, что раздѣленіе существуетъ только на поверхности, и что можно быть вполнѣ католикомъ, не переставая быть въ то же время и вполнѣ православнымъ. С., въ 80-хъ гг., считалъ себя прежде всего пророкомъ соединенія церквей и переходъ въ католицизмъ, котораго ждали отъ него въ Римѣ, былъ бы, конечно, отказомъ отъ этого пророческаго, религіознаго призванія. Какъ матеріалъ для характеристики личности и взглядовъ С., разсматриваемая книжка предствляетъ большой интересъ. (*Кн. „Кіев. М." 1913—75*).

485. Карѣевъ, Н. 308(44„179"

Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи. Серія I. Спб. 1913. Стр. 192. Ц. 1 р.

Экономической исторіи Великой французской революціи особенно посчастливилось въ нашей исторической литературѣ. Достаточно назвать имена профессоровъ: И. В. Лучицкаго, М. М. Ковалевскаго, Е. В. Тарле, Н. И. Карѣева, много сдѣлавшихъ для выясненія сложныхъ и трудныхъ проблемъ экономической исторіи стараго порядка и революціи. Эти труды нашихъ ученыхъ (многія изъ ихъ работъ переведены на французскій языкъ) встрѣтили справедливую оцѣнку со стороны французскихъ историковъ, и выраженіе „русская историческая школа" начинаетъ пріобрѣтать право гражданства въ работахъ французскихъ ученыхъ. Проф. К. въ своей

книгѣ подводитъ итоги этой работѣ русской исторической науки за послѣдніе годы. Первая замѣтка посвящена работѣ г. Е. Петрова о вопросахъ промышленности и торговли въ наказахъ третьяго сословія, при чемъ проф. К. попутно дѣлаетъ много интересныхъ замѣчаній о значеніи этихъ наказовъ, какъ источниковъ для экономической исторіи стараго порядка и революціи. Много мѣста удѣляетъ проф. Карѣевъ спору между П. В. Лучицкимъ и М. М. Ковалевскимъ о крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи наканунѣ революціи, при чемъ авторъ склоняется къ мнѣнію П. В. Лучицкаго о широкомъ распространеніи мелкой крестьянской собственности. Особенный интересъ представляетъ замѣчанія проф. К. (въ связи съ работами Тарле) о такъ называемомъ „законѣ о максимумѣ". Вообще же работа проф. К. является необходимымъ пособіемъ для всякаго интересующагося экономической исторіи Франціи на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій. (*„Рус. Молва" 1913—78*).

Въ послѣднее время проф. К. вернулся къ занятіямъ исторіей французской революціи,— эпохѣ, которой посвящена одна изъ раннихъ его работъ, „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи во время революціи". Настоящая книга примыкаетъ къ занятіямъ автора революціоннымъ временемъ. Въ ней собраны критическіе разборы нѣкоторыхъ новѣйшихъ явленій въ литературѣ по экономической исторіи революціи. Для занимающихся исторіей французской революціи книга несомнѣнно будетъ весьма цѣннымъ подспорьемъ. (*А. Дживелеговъ. „Рус. Вѣд." 1913—66*).

Эти критическія статьи объ экономической исторіи Франціи написаны настолько доступно, со свойственной автору ясностью и точностью мысли, что съ интересомъ могутъ быть прочитаны не одними только спеціалистами вопроса, но и вообще читающей публикой, желающей быть въ курсѣ новыхъ историческихъ изслѣдованій. (*Н. Борецкій-Бергфельдъ. „Рѣчь" 1913—61*).

486. Озеровъ, И. Х., проф. 308(47)(04)

Что дѣлать? Изд. Л. А. Столяръ. М. 1913. Стр. 376. Ц. 2 р.

Авторъ очень любитъ крѣпкія, выразительныя заглавія. Недавно онъ выпустилъ книжку подъ манящимъ названіемъ: „Куда мы идемъ". Теперь онъ обѣщаетъ отвѣтъ на вопросъ, еще болѣе грозный. Къ сожалѣнію, именно отвѣтъ-то прямой и трудно почерпнуть въ писаніяхъ предпріимчиваго профессора. Книжка представляетъ собой объемистый сборникъ статей на злобы дня экономической политики, печатавшихся въ газетахъ разнаго направленія, въ „Экономистѣ Россіи" и въ „Вѣстн. Знанія". Всѣ статьи писаны на одинъ манеръ. Статистико-экономическія параллели и характеристики, перемѣшанныя съ требованіями практической политики, тонутъ въ морѣ весьма не глубокой сантиментально-моралистической дидактики. Не надо оставлять богатствъ втуне, не надо лежебочить, поучаетъ проф. О., а надо быть предпріимчивымъ, развивать производительныя силы, брать примѣръ съ неутомимыхъ американцевъ, отказаться отъ неправильной экономической политики и т. д. Проф. О. и мыслитъ, и пишетъ статистическими отрывками. Вотъ, напр., первая статья „Въ чемъ опасность?" Тщетно вы будете искать въ ней ясной формулировки какой-либо опредѣленной идеи. Проливъ нѣсколько страничекъ водицы на счетъ нашей отсталости, авторъ сшиваетъ самымъ примитивнымъ механическимъ способомъ рядъ своихъ статеекъ по самымъ различнымъ спеціальнымъ вопросамъ. Если прибавить къ этому, что каждая газетная статья обыкновенно составляется по тому же рецепту, и ножницы въ ея судьбѣ играютъ большую роль, то станетъ ясно, что можетъ ждать читатель отъ книги О. (*Г. Наумовъ. „Кіев. М." 1913—75*).

Заголовокъ этой книги весьма трудно привести въ соотвѣтствіе съ содержаніемъ ея. Тутъ и, замѣтки о государственной росписи на 1912 годъ, и о нашихъ бюджетныхъ правилахъ, тутъ и о прошедшихъ выборахъ въ Г. Думу, тутъ и о каналѣ Рига — Херсонъ, и о народномъ банкѣ, и о сахарѣ, и молодежи и, наконецъ, о томъ, почему авторъ „сторонникъ сдачи въ аренду пермскаго пушечнаго завода". Какъ изъ всего этого матеріала вывести отвѣтъ на общій вопросъ: „Что дѣлать?" — вещь загадочная. Отдѣльныя статьи не лишены интереса и теперь, но большинство — мимолетныя газетныя замѣтки и передовыя, не заключающія въ себѣ ничего выдающагося... (*„Совр. Сл." 1913—1830*).

Трудно передать все богатство и содержаніе книги. Скажемъ только, что статьи посвящены главнымъ образомъ Россіи и разсматриваютъ ея экономическую жизнь со всѣхъ сторонъ, сообщая массу новаго и поучительнаго матеріала и давая нерѣдко оригинальное и новое освѣщеніе, казалось бы, избитымъ фактамъ.

Мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на слѣдующія статьи: „По поводу росписи на 1912 г.", представляющую собою блестящую критику нашей финансовой политики и дающую широкую программу такой политики; затѣмъ: „Чѣмъ побѣждаютъ", „Въ чемъ опасность", „Пора проснуться" и „Къ молодежи". Читая эти и другія статьи, не только заражаешься творческимъ духомъ автора, но и узнаешь, что дѣлать на благо Россіи. Авторъ обращаетъ главное вниманіе на личную инициативу, на самодѣятельность, а слѣдовательно и на кооперацію. Желаемъ книгѣ самого широкаго распространенія. (*Пр.-доц. В. Тотоміанцъ. „V. Рос." 1913—57*).

487. Зейпель, Н. 33:276

Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Пер. съ нѣм. съ предисл. С. Н. Булгакова. М. 1913. Стр. 332. Ц. 2 р.

Лѣтъ уже двадцать—двадцать пять историки политической экономіи съ извѣстнымъ вниманіемъ пересматриваютъ нѣкоторые темные пункты въ исторіи экономическихъ идей. Въ частности есть уже работы, посвященныя воззрѣніямъ отцовъ церкви на сущность хозяйственной дѣятельности. Къ нимъ относится книга З; по-русски заглавіе ея переведено весьма неуклюже. Лучше было бы перевести „Взгляды отцовъ церкви на отношеніе этики къ хозяйственной дѣятельности", — такъ какъ это въ точности соотвѣтствовало бы существу дѣла. Книга З.—интересная и научная книга, но она сулитъ больше, нежели даетъ. Латинская патрологія авторомъ изучена несравненно больше, нежели греческая, притомъ изъ греческихъ отцовъ церкви цитируются лишь наиболѣе извѣстные. Авторъ совершенно пренебрегъ самостоятельнымъ изученіемъ до сихъ поръ совершенно почти обойденнаго наукою вопроса о хозяйствен-

ной дѣятельности и хозяйственной организаціи восточныхъ монастырей въ первые вѣка монашества и позже. Вообще на греческія цитаты авторъ скупъ. Параграфъ „отдѣльныя экономическія профессіи поражаетъ своею легковѣсностью: какъ это ни мало вѣроятно, но авторъ умудрился ни слова не сказать о цехахъ, существовавшихъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и въ Римѣ, и въ Византіи. Достоинства книги несомнѣнны. З. даетъ живой и интересный очеркъ поззрѣній отцовъ церкви на цѣнность земного богатства, на пріобрѣтеніе земныхъ благъ, на пользованіе земными благами, на милостыню и т. п. Послѣдняя, резолюціонная глава посвящена „внутреннему развитію“ экономическихъ взглядовъ отцовъ церкви, начиная отъ апостольскихъ временъ. Въ предисловіи С. Н. Булгаковъ говоритъ: „руководящее значеніе хозяйственныхъ ученій отцовъ церкви мы полагаемъ не въ тѣхъ или иныхъ оцѣнкахъ и сужденіяхъ, но въ принципіальномъ пониманіи хозяйственнаго поведенія, какъ вопросовъ совѣсти, системы нравственныхъ обязанностей, а не одной стихійной борьбы интересовъ“. Отцы церкви не были принципіальными отрицателями частной собственности, но рѣзко осуждали проценты, высоко цѣнили трудъ,—и все это дало поводъ нѣкоторымъ теоретикамъ и историкамъ политической экономіи называть ихъ „коммунистами“, „соціалистами“ и т. д. Булгаковъ вѣрно отмѣчаетъ неправильность такого приравненія, но ни онъ самъ, ни З. почти ровно ничего не говоритъ ни о значеніи, — съ интересующей ихъ точки зрѣнія, — монашеской доктрины вообще, ни о принципахъ монастырской хозяйственной дѣятельности въ частности. Кромѣ того, вѣрное общее утвержденіе Булгакова было бы еще вѣрнѣе, если бы онъ упомянулъ, какъ объ исключеніи, хотя бы о Златоустѣ, безусловно сильно расположеномъ къ идеѣ общности имуществъ. Переводъ книги сдѣланъ точно, хотя и тяжеловато. Для ознакомленія съ экономическими взглядами латинскихъ, западныхъ отцовъ церкви по преимуществу, эту книгу можно смѣло рекомендовать. („*Рус. Богъ*“. *1913—3*).

Прослѣдивъ, начиная отъ апостоловъ и вплоть до Августина, сужденія церковныхъ отцовъ по различнымъ вопросамъ хозяйственной дѣятельности, авторъ приходитъ къ выводу, что ходячія обвиненія по адресу христіанства въ пренебреженіи къ матеріальной культурѣ, безусловно несправедливы. Наоборотъ, христіанскіе писатели первыхъ вѣковъ внесли свою лепту въ дѣло общечеловѣческаго прогресса, ибо они первые рѣшились заговорить о важности и достоинствѣ физическаго труда. Въ этомъ ихъ неотъемлемая заслуга. Книга З. написана вполнѣ научно, и несомнѣнно будетъ оцѣнена по достоинству всѣми, кто любитъ серьезное, содержательное чтеніе. („*Рус. Молва*“. *1913—60*).

488. Петровъ, Аркадій. 331(52)

Рабочій вопросъ въ Японіи. Спб. 1913. Стр. 264. Ц. 2 р. 50 к.

Западная культура дѣлаетъ въ послѣднее время большія завоеванія, возбуждая къ новой жизни желтыя расы со старымъ оригинальнымъ бытомъ, философіей и моралью. Трудно, однако допустить мысль, что дѣло ограничится односторонним вліяніемъ, и старая восточная культура не окажетъ въ свою очередь воздѣйствія на западные народы. Наша-страна ближе другихъ европейскихъ странъ соприкасается съ восточными государствами и нуждается, поэтому, въ правильномъ ихъ пониманіи уже въ силу настоятельности практическихъ задачъ, вытекающихъ изъ близкаго соприкосновенія народовъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы свѣдѣнія русскаго общества объ этихъ государствахъ соотвѣтствовали важности связанныхъ съ ними интересовъ. Это относится особенно къ странѣ, такъ блистательно заявившей себя въ послѣднее время на аренѣ международныхъ отношеній: къ Японіи. Поэтому, новое произведеніе П.,—извѣстнаго многими трудами о Японіи, посвященное вопросу, чреватому немаловажными возможностями въ будущемъ, не можетъ не привлекать къ себѣ живого вниманія русскаго общества. Авторъ рисуетъ въ этомъ трудѣ современное положеніе рабочаго класса въ Японіи и тѣ движенія, которыя зародились и быстро развиваются въ средѣ японскаго пролетаріата подъ вліяніемъ водворенія въ Японіи западно-европейскихъ хозяйственныхъ порядковъ. Рабочее движеніе въ Японіи рисуется, впрочемъ, г. П. въ общемъ довольно таки схематизированномъ — пожалуй даже стилизованномъ — видѣ, по типу движеній рабочихъ въ Зап. Европѣ. Причину сказаннаго отчасти слѣдуетъ искать въ томъ, что главнымъ матеріаломъ для характеристики этого движенія служатъ автору свѣдѣнія о дѣятельности въ данномъ направленіи японской народолюбивой интеллигенціи, вдохновляющейся идеями европейскаго соціализма, которыя на первыхъ порахъ она лишь перенимаетъ и усваиваетъ, но не перерабатываетъ самостоятельно, и пытается руководить японскимъ пролетаріатомъ въ духѣ западно-европ. рабочаго движенія. Вслѣдствіе бѣдности японской литературы свѣдѣніями объ интеллектуальной жизни рабочихъ — естественной для того періода соціальнаго развитія страны, когда въ рабочемъ классѣ только еще зарождается сознательное отношеніе къ окружающему и развитіе классоваго самосознанія,— книга П. не даетъ достаточно опредѣленнаго представленія о современномъ движеніи и политическомъ развитіи японскаго пролетаріата. Да и изложеніе, разбросанное и изобилующее общими, противорѣчивыми фразами, заимствованными, нужно полагать, изъ книгъ и статей японскихъ публицистовъ, выступающихъ въ литературѣ въ качествѣ партійныхъ агитаторовъ, а не научныхъ изслѣдователей, мало можетъ содѣйствовать составленію опредѣленнаго представленія о предметѣ. Болѣе или менѣе обильный матеріалъ приводится лишь для 1906 г., а для послѣднихъ 3—4 лѣтъ книга П. ограничивается почти исключительно изложеніемъ нѣкоторыхъ фактовъ о дѣятельности интеллигенціи и политическихъ партій. Этому ограниченію поля наблюденія сопутствуетъ и, вѣроятно, служитъ причиной замѣна японскихъ литературныхъ источниковъ — англійскими и русскими, свидѣтельствующая, нужно полагать, о томъ, что въ послѣдніе годы авторъ пересталъ наблюдать съ прежнимъ вниманіемъ за рабочимъ движеніемъ въ Японіи. Общее впечатлѣніе отъ книги можно формулировать такъ: въ ней рисуются первыя проявленія самосознанія въ средѣ японскихъ рабочихъ и первыя ихъ попытки организоваться для борьбы съ предпринимателями, причемъ наибольшее вниманіе обращено на дѣятельность въ данномъ направленіи японской интеллигенціи. Какъ бы введеніемъ къ книгѣ служитъ большой статистическій очеркъ

финансово-экономическаго положенія Японіи. (*В. В. „Вѣст. Евр“. 1913—1*).

Книга заслуживаетъ самаго серьезнаго интереса. Это—изслѣдованіе, богатое фактическимъ матеріаломъ и очень живо и ярко излагающее положеніе соціальнаго вопроса у нашихъ дальневосточныхъ сосѣдей. Рабочее движеніе и соціализмъ въ Японіи представляются до сихъ поръ большинству русскихъ читателей скорѣе какими-то анекдотическими явленіями, чѣмъ дѣйствительно важными факторами жизни. Почтенному автору, думаемъ, удалось вполнѣ уничтожить этотъ предразсудокъ и показать, что именно на почвѣ общихъ интересовъ трудящихся всего міра происходитъ сближеніе бѣлой и желтой расы. Знаменитый лозунгъ Маркса и Энгельса достигаетъ здѣсь высшей степени своего практическаго выраженія. (*„Совр. Сл.“ 1912—1735*).

Появленіе книги оріенталиста Н., освѣщающей одинъ изъ больныхъ вопросовъ современной Японіи, нельзя не привѣтствовать. Въ связи съ рабочимъ вопросомъ, авторомъ выясняется и экономическое положеніе страны, въ теченіе ряда лѣтъ напрягавшей всѣ силы къ развитію своей промышленности и торговли. Въ книгѣ собранъ большой и интересный матеріалъ, къ сожалѣнію, не всегда достаточно разработанный. Тѣмъ не менѣе, книга представляетъ значительный интересъ, особенно если принять во вниманіе бѣдность русской литературы о современномъ положеніи государствъ Дальняго Востока. (*В. М., „Рѣчь“. 1912—332*).

489. Нолькенъ, А. М., бар. 331.823

Законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Практич. Руководство. Изд. „Право“. Спб. 1913. Стр. V+362. Ц. 2 р. 75 к.

Книга заключаетъ въ себѣ: краткое предисловіе, объясняющее цѣль изданія книги, особое введеніе въ изложеніе закона 23 іюня 1912 г. о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и самое изложеніе этого закона съ постатейными къ нему объясненіями. Кромѣ того къ книгѣ приложены: законъ объ учрежденіи совѣта по дѣламъ страхованія рабочихъ, нѣкоторыя рѣшенія Правит. Сената, оглавленіе всѣхъ вызванныхъ означенныхъ закономъ разъясненій составителя книги, указатель узаконеній, текстъ которыхъ приведенъ въ книгѣ и предметный указатель. Цѣль своего труда авторъ видитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать правильному пониманію и примѣненію новаго закона со стороны какъ членовъ страховыхъ товариществъ, такъ и судей, а равно адвокатовъ. Введенію въ дѣйствіе закона должна предшествовать довольно сложная организаціонная работа, заключающаяся въ составленіи для страховыхъ учрежденій подробныхъ, наказовъ, инструкцій и уставовъ. Само собой разумѣется, что при таковомъ составленіи правильное истолкованіе соотвѣтствующихъ законовъ имѣетъ громадное значеніе, ибо фактически дѣятельность страховыхъ учрежденій будетъ прежде всего основана именно на помянутыхъ инструкціяхъ и уставахъ. Подобное истолкованіе и найдетъ читатель въ трудѣ Н., гдѣ обстоятельно разобраны многія изъ тѣхъ отдѣльныхъ законодательныхъ постановленій, развитія которыхъ слѣдовало бы ожидать въ означенныхъ выше наказахъ и уставахъ. Вторая часть книги названа „главными основаніями закона о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ“ и начинается съ чрезвычайно удачно формулированнаго авторомъ опредѣленія сущности этого закона. Далѣе Н. выясняетъ преимущества страхованія передъ индивидуальною отвѣтственностью предпринимателей, при чемъ разсматриваетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія выгоды какъ рабочихъ, такъ и промышленниковъ раскрываетъ преемственную связь между новымъ закономъ и закономъ 2 іюня 1903 г., останавливается на условіяхъ примѣненія закона о страхованіи во времени и пространствѣ, разбираетъ новый законъ съ точки зрѣнія публично-правовой и, наконецъ, подвергаетъ анализу цѣлый рядъ основныхъ положеній того же закона. Отмѣтимъ лишь одинъ корректурный недосмотръ, измѣняющій дѣйствительный смыслъ соотвѣтственныхъ положеній закона. Такъ, на стр. 16—17 сказано, что „если пострадавшій состоитъ участникомъ больничной кассы, то въ теченіе первыхъ 13 недѣль со дня несчастнаго случая пособіе уплачивается по разсчету пособій, выдаваемыхъ изъ этой кассы на случай болѣзни, и притомъ въ высшемъ размѣрѣ....., увѣчному же, не состоящему участникомъ такой кассы, пособіе назначается въ размѣрѣ $^2/_3$ средняго поденнаго заработка“. Между тѣмъ, сказанное здѣсь у Н. по отношенію къ рабочимъ, состоящимъ участниками больничныхъ кассъ, законъ пріурочиваетъ къ рабочимъ, не состоящимъ таковыми участниками; что же касается увѣчныхъ рабочихъ, которые состоятъ участниками больничныхъ кассъ, то, по закону, они до истеченія 13 недѣль со дня несчастнаго случая получаютъ пособія изъ сихъ кассъ совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочіе заболѣвшіе (т.-е. не получившіе увѣчья) рабочіе, числящіеся участниками кассъ. За симъ право на пособіе въ размѣрѣ не ниже $^2/_3$ средняго поденнаго заработка, уплачиваемое изъ средствъ страховыхъ товариществъ, принадлежитъ обѣимъ категоріямъ рабочихъ, начиная съ 14-ой недѣли послѣ несчастнаго случая. Центръ тяжести книги Н. лежитъ въ 3 части, гдѣ дается цѣлый рядъ постатейныхъ объясненій къ новому закону. Авторъ далеко не ограничился приведеніемъ законодательныхъ къ подлежащимъ правиламъ соображеній, а далъ весьма удачную попытку разъяснить могущія встрѣтиться при примѣненіи новаго закона недоумѣнія, на основаніи какъ законодательныхъ мотивовъ, такъ и собственныхъ сужденій, а равно указаній собственнаго судебнаго опыта и практики Прав. Сената по примѣненію закона 2 іюня 1903 г. Книгу Н. можемъ рекомендовать всякому, кто хотѣлъ бы сознательно разобраться во сложныхъ правилахъ закона о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. (*Н. Б. „Журн. Мин. Юст.“ 1913—1*).

Книга Н. дѣйствительно необходимая настольная книга для всякаго, кто занимается вопросами страхованія. Н. уже извѣстенъ своими трудами по комментаріямъ къ закону 2 іюня. Въ книгѣ Н. законъ о страхованіи рабочихъ дѣйствительно разъясняется шагъ за шагомъ и всѣ эти разъясненія очень цѣнны. Они очень обоснованы и авторъ не задается цѣлью защиты всѣхъ нелѣпостей закона. Напротивъ, онъ подвергаетъ серьезной критикѣ рядъ положеній закона. Мы очень рекомендуемъ работу Н. (*М. Х. „Наша Заря“ 1913—1*).

Комментарій Н. касается лишь одного закона

о страхованіи и представляетъ цѣнное юридическое пособіе и полезное практическое руководство. (*И. Іордансній. „Рус. Вѣд.“ 1913—48*).

Юридическій анализъ И. отличается не только ясностью мысли и детальностью разработки, но и, если можно такъ выразиться, живымъ ощущеніемъ того содержанія, по преимуществу экономическаго, которое даннымъ закономъ нормируется. Съ отдѣльными частями толкованія И. можно не соглашаться, но, имѣя дѣло съ закономъ, который И. комментированъ, нельзя пройти мимо его толкованія, потому что оно проникнуто исканіемъ въ институтѣ права того, что принято называть юридической логикой. Изъ отдѣльныхъ частей комментарія особенно выдается удачная разработка вопроса объ условіяхъ, при наличности которыхъ увѣчный рабочій имѣетъ право на вознагражденіе. Есть въ книгѣ и отдѣльныя спорныя положенія, изъ которыхъ особо выдѣляется тезисъ, устанавливающій нераспространеніе закона о страхованіи рабочихъ на предпріятія сельско-хозяйственной промышленности. Въ общемъ и цѣломъ книга И. принадлежитъ къ числу тѣхъ, мимо которыхъ не пройдетъ ни одинъ заинтересованный вопросомъ, которому данная книга посвящена. (*Э. „Рѣчь“. 1913—311*).

* **Коноваловъ, Ив.** 333.5(0:8)

См. пор. № 513.

490. Пажитновъ, К. А. 335(47)

Развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи. Т. I. Харьковъ. 1913. Стр. 273. Ц. 2 р.

Книга не есть исторія революціонныхъ идей въ Россіи вообще; авторъ ставитъ себѣ задачей прослѣдить лишь развитіе соціалистическихъ воззрѣній въ русской литературѣ и въ программахъ русскихъ политическихъ кружковъ и партій. Это не есть также и исторія соціалистическаго движенія въ Россіи; авторъ совершенно не касается фактической стороны этого движенія и ограничивается исключительно изученіемъ эволюціи соціалистическихъ идей, поскольку онѣ выражались въ произведеніяхъ виднѣйшихъ русскихъ публицистовъ и въ заявленіяхъ руководителей соціалистическихъ партій. Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ герценовскаго кружка 1831 года, кратко касается кружка Петрашевцевъ, подробно останавливается на статьяхъ Чернышевскаго, Бакунина и Лаврова, на идеологіи землевольцевъ, народовольцевъ и чернопередѣльцевъ и заканчиваетъ вышедшій пока первый томъ разборомъ идей Михайловскаго, В. В. и Николая—она и возникновеніемъ группы „Освобожденія труда“, явившейся первой соціалъ-демократической организаціей, вступившей въ соревнованіе и полемику съ соціалистическимъ народничествомъ. Авторъ опредѣленно поддерживаетъ свое соціалъ-демократическое направленіе, съ точки зрѣнія котораго исторія русской соціалистической мысли отъ момента ея зарожденія и вплоть до возникновенія русской соціалъ-демократіи представляется ему цѣпью сплошныхъ увлеченій, ошибочными, явно несоотвѣтствовавшими дѣйствительности предпосылками. Въ сущности, весь первый томъ посвященъ критикѣ соціалистическаго народничества во всѣхъ послѣдовательныхъ стадіяхъ его развитія. Пріятно отмѣтить, что эта критика ведется въ самомъ спокойномъ тонѣ, безъ всякихъ такъ-называемыхъ полемическихъ красотъ и сопровождается обширными выписками изъ произведеній разбираемыхъ авторовъ. П. считаетъ основными особенностями народническаго соціализма, красной нитью проходящими чрезъ всю его исторію, слѣдующія положенія: мысль о своеобразіи русскаго историческаго процесса: о возможности для Россіи непосредственнаго перехода отъ первобытныхъ формъ общественности къ царству соціализма, минуя стадію капитализма: отчасти индифферентное, отчасти отрицательное отношеніе къ борьбѣ за политическія права изъ опасенія, что она помѣшаетъ дѣлу соціальной революціи. Памѣтивъ эти основныя положенія народническаго соціализма, авторъ однако отнюдь не мажетъ одной краской всѣхъ представителей этого направленія; напротивъ, онъ старательно отмѣчаетъ оттѣнки и переходные тона. Дѣло не обходится впрочемъ безъ увлеченій съ его стороны. Такъ, напримѣръ, онъ несомнѣнно выше мѣры переоцѣниваетъ значеніе Гакстхаузена, считая его родоначальникомъ идеи о своеобразіи русскаго историческаго процесса. Выходитъ какъ-будто, такъ, что чуть ли не одинъ Гакстхаузенъ въ этомъ отношеніи сбилъ съ толку рядъ поколѣній русской интеллигенціи. Конечно, эта идея на самомъ дѣлѣ болѣе ранняго и гораздо болѣе сложнаго происхожденія. Общая оцѣнка народническаго движенія, даваемая авторомъ, несомнѣнно, односторонняя и любопытнымъ образомъ не соотвѣтствуетъ его же собственному міросозерцанію. Для П. народническія увлеченія объясняются тѣмъ, что эти люди не замѣчали логической неправильности своихъ предпосылокъ. Казалось бы, именно съ точки зрѣнія марксиста, какимъ является П., широкое развитіе народническихъ идей въ русскомъ обществѣ 70-хъ годовъ надлежало бы поставить прежде всего въ связь съ общими экономическими условіями, въ которыхъ тогда жила Россія. При такой постановкѣ вопроса авторъ, навѣрное, долженъ былъ бы иначе отнестись къ народничеству, какъ къ историческому явленію русской жизни; тогда помимо логическихъ ошибокъ и увлеченій онъ открылъ бы въ основѣ этого движенія и другія черты, болѣе правильно характеризующія происхожденіе этого движенія и болѣе точно опредѣляющія его историческій смыслъ. Между тѣмъ авторъ слѣдитъ только за логической филіаціей идей. Его изслѣдованіе ведется съ марксистской точки зрѣнія, но совершенно немарксистскимъ методомъ. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд.“ 1913—60*).

Книжка эта прочтется начинающими знакомиться съ исторіей освободительнаго движенія въ Россіи съ пользою, ибо передъ ними пройдутъ написанныя авторомъ съ удовлетворительнымъ знаніемъ дѣла, страницы, посвященныя наиболѣе интереснымъ моментамъ развитія соціалистическихъ идей въ нашей странѣ. Авторъ, видимо, стремился работать по первоисточникамъ, и это составляетъ въ его книгѣ безспорный плюсъ. Къ минусамъ ея надо отнести нѣкоторыя, слишкомъ скороспѣлыя, обобщенія и заключенія автора. „Въ высшей степени важный переломъ въ настроеніяхъ и взглядахъ нашей радикальной интеллигенціи“, въ концѣ 70-хъ г.г. произошелъ въ идейной обстановкѣ несравненно болѣе сложной, чѣмъ это представляется автору. Такихъ дефектовъ въ книгѣ встрѣчается немало. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, книга прочтется съ пользою, и она своими хорошими сторонами

свое дѣло сдѣлаетъ. (*В. Б — ій.* „*Соврем.*“ *1913—3*).

491. Богословскій, М. 352(47.2)„16“

Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII ст. Т. II. М. 1912. Стр. 311 + 45. Ц. 2 р.

Новый томъ изслѣдованій Б. является очень цѣнной научной новинкой. Мы ясно представляемъ себѣ, благодаря книгѣ Б., общій ходъ исторіи сѣвернаго самоуправленія, а изученіе подробностей этой исторіи будетъ уже дѣломъ другихъ изслѣдователей. Очень понятно, что не для всѣхъ частей своей книги авторъ собралъ одинаковое количество матеріала: не всѣ ея части были одинаково важны для его задачи; но естественно, что менѣе разработанныя части книги вышли и болѣе спорными. Оттого главу „Волость, какъ поземельная община“, можно считать самой неубѣдительной частью второго тома: такъ какъ изученіе земельнаго вопроса была для Б. дѣломъ второстепеннымъ, онъ не собралъ достаточно матеріала для правильнаго отвѣта на него. Онъ хочетъ выяснить, въ какомъ смыслѣ волость, какъ община-міръ, была хозяйственнымъ союзомъ—была ли она только внѣшнимъ механическимъ объединеніемъ мелкихъ хозяйственныхъ группъ, или и сама, какъ цѣлое, была субъектомъ вещнаго права и предпринимала хозяйственныя операціи съ своимъ имуществомъ. Отвѣтъ таковъ: волость не могла быть поземельной общиной на собственной землѣ, такъ какъ черная земля признавалась государевой, но была ею и на государевой землѣ въ точномъ смыслѣ слова, потому что отдѣльные деревенскіе участки принадлежали отдѣльнымъ лицамъ на правѣ владѣнія, которое въ значительной степени возникло изъ заимки пустыхъ земель, укрѣпленной давностью. Тѣмъ не менѣе авторъ находитъ въ волости нѣкоторые элементы общиннаго владѣнія — въ ея распоряженіи выморочными и покинутыми участками и хозяйничаньѣ ея на нихъ. Но это мнѣніе опровергается его же собственнымъ замѣчаніемъ, что это распоряженіе—временное, до прихода новаго тяглеца, а хозяйничанье волости на пустыхъ участкахъ падаетъ на нее, какъ на обязанность по распоряженію правительства. Отмѣтивъ, что общинное владѣніе волости еще ярче проявляется въ другихъ случаяхъ, авторъ начинаетъ съ указанія на былую территоріальную власть міра, противъ существованія которой можно многое сказать, такъ какъ даже во время, доступное историческому изученію, мы видимъ живучесть у крестьянъ воззрѣнія, что не занятая земля Божья и доступна каждому желающему для обработки, а тѣ факты, которые обыкновенно приводятъ въ доказательство этой власти, доказываютъ только областное и тягло-административное значеніе волости въ то время, когда сложились опредѣленныя областныя единицы. Затѣмъ авторъ сводитъ рядъ свѣдѣній объ угодьяхъ и пустошахъ, принадлежащихъ волостямъ, при чемъ отводитъ много мѣста промысловымъ угодьямъ, которыя имѣютъ лишь косвенное значеніе для вопроса о земельной общинѣ. Б. находитъ, что элементы общиннаго владѣнія, которые онъ видитъ въ волости, облегчали путь правительственной политикѣ, истекавшей изъ идеи, что черная земля — государева, и приведшей къ межевымъ инструкціямъ XVIII в. и земельнымъ передѣламъ. Выводя начало общиннаго владѣнія изъ мірской солидарности, а главное — изъ совокупной отвѣтственности міра передъ государствомъ за исправность казеннаго тягла, авторъ говоритъ, что взгляды правительства и необозначенной массы на земельный вопросъ совпадали. Такимъ образомъ правительственная поддержка оказала свое дѣйствіе на исходъ борьбы двухъ началъ: начала владѣнія общиннаго и начала владѣнія личнаго, за которое стояли состоятельные крестьяне. По вопросу о сѣверной церковно-приходской жизни мы знали довольно много и до работы Б., но онъ первый ярко представилъ всю систему строенія мірской церковной жизни и взаимоотношенія ея съ жизнью земской. Изучая земскія челобитья, авторъ подчеркиваетъ, что мірское ходатайство было однимъ изъ важныхъ проявленій земской жизни, мірской организаціи, которая возбуждала и воспитывала работу мысли объ общемъ благѣ и общемъ интересѣ. Что касается результатовъ мірскихъ ходатайствъ, то авторъ указываетъ, что въ первую половину XVII в. большинство дѣлъ рѣшалось самимъ государемъ, и притомъ замѣтно внимательное и благосклонное отношеніе правительства къ земству. Причина указаннаго явленія заключается въ необходимости для новой династіи искать себѣ опору въ населеніи. Это наблюденіе Б., конечно, является очень цѣннымъ для характеристики интересной эпохи царя Михаила. При наблюденіяхъ надъ финансовою дѣятельностью міра онъ изображаетъ роль кредита въ мірской жизни и посвящаетъ много мѣста финансовой отчетности мірскихъ выборныхъ властей, интересной тѣмъ, что она совершается одновременно въ частно-правовомъ и въ публично-правовомъ порядкахъ; при отчетности второго рода самыми важными членами счетной комиссіи являются лица, назначенныя правительствомъ, притомъ иногда даже не изъ мірскихъ людей, а изъ воеводской съѣзжей избы. Переходя къ міру, какъ судебной организаціи, авторъ говоритъ, что реформы времени Ивана Грознаго, внеся публично-правовой оттѣнокъ въ бывшую до нихъ частно-правовую судебную практику, не уничтожили вполнѣ старыхъ порядковъ и судебная практика XVII в. можетъ освѣтить намъ и дореформенные судебные порядки. Послѣ тщательнаго изученія дѣятельности органовъ самоуправленія и сношеній между земскими мірами и властью, Б. переходитъ къ изученію причинъ упадка земства на сѣверѣ. Основную причину этого онъ видитъ въ тяглѣ, которое душило мѣстные интересы и убивало энергію земства, сталкивало между собою цѣлые отдѣльные міры, а внутри міра разлагало его составные общественные элементы, обостряя соціальную борьбу. Притомъ тягло истощало и пустошило край, стѣсняло свободу и подтачивало богатство его населенія. Подъ вліяніемъ тягла самая дѣятельность земскихъ выборныхъ получила значеніе казенной службы, и въ населеніи являлось раздраженіе противъ чуждыхъ ему агентовъ государства. Такимъ образомъ обстоятельства сдѣлали то, что само земство помогало выросшей бюрократіи рыть могилу самоуправленію. Однако слѣдуетъ замѣтить, что населеніе не отнеслось къ этому упадку вполнѣ равнодушно, какъ можно было бы подумать на основаніи изложенія Б.; олонецкое причитаніе съ горестью говоритъ объ исчезновеніи земскихъ избъ. Содержаніе книги богато и ин-

тересно; вслѣдствіе же живого, талантливаго изложенія, многія ея страницы прочтутся съ интересомъ и неспеціалистами. (*М. Островская. „Гол. Микус."* 1913—2).

Второй и послѣдній томъ изслѣдованія Б. о земскомъ самоуправленіи на русскомъ Сѣверѣ отличается такими же солидными научными и литературными достоинствами, какъ и первый томъ, доставившій автору степень доктора русской исторіи. Спеціальная критика укажетъ автору на нѣкоторыя его увлеченія, какъ, напримѣръ, на несомнѣнную, на нашъ взглядъ, переоцѣнку значенія мірскихъ земскихъ челобитныхъ, какъ орудія единенія земли съ царемъ. Но подобныя частныя возраженія не поколебляютъ общаго крупнаго научнаго значенія этой яркой книги. Авторъ обнаружилъ въ ней въ полной мѣрѣ всѣ сильныя стороны своего дарованія: тонкость и точность анализа, широту эрудиціи и литературную красоту своего мѣткаго и изящнаго въ своей простотѣ языка. Охватывая очень спеціальные вопросы, книга Б. тѣмъ не менѣе прочтется безъ усилій и съ неослабѣвающимъ интересомъ всякимъ образованнымъ читателемъ. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд."* 1912—220).

Авторъ, ученикъ незабвеннаго В. О. Ключевскаго, въ первой части своего труда изучалъ обстановку и формы дѣятельности сѣвернаго земскаго самоуправленія. Теперь онъ изслѣдуетъ два вопроса: о дѣятельности органовъ самоуправленія и объ отношеніяхъ между земскими мірами и правительствомъ. Не скупясь на выдержки изъ документовъ, даровитый историкъ показываетъ, какъ постепенно, подъ вліяніемъ усиленія центральной власти и возрастанія финансоваго гнета, падало значеніе земскаго самоуправленія. (*„Рус. Ст."* 1913—1).

492. [. . . . .] 359(47).

Россійскій Императорскій флотъ. Спб. 1913. Стр. 266. Ц. 1 р.

Книга эта представляетъ изъ себя сборникъ статей о военно-морскомъ дѣлѣ въ Россіи. Въ началѣ помѣщена статья, заключающая въ себѣ элементарныя свѣдѣнія о флотѣ; о значеніи военнаго флота для современныхъ государствъ, о задачахъ флота въ мирное и военное время, о составѣ и дѣленіи флота, о необходимыхъ качествахъ военныхъ судовъ. Въ послѣдующихъ статьяхъ рѣчь идетъ о современномъ состояніи судостроенія, машиннаго дѣла, морской артиллеріи, миннаго дѣла, безпроволочнаго телеграфа, подводнаго плаванія, морской авіаціи. Всѣ статьи написаны спеціалистами, изложеніе общедоступное. Текстъ сопровождается прекрасно исполненными иллюстраціями. Въ двухъ заключительныхъ главахъ приведены главнѣйшія данныя о судахъ русскаго флота (перечень судовъ съ обозначеніемъ ихъ размѣровъ, вооруженія, времени и мѣста постройки и т. п.), также даны объясненія принятыхъ въ военно-морскомъ дѣлѣ мѣръ. Внѣшняя сторона изданія безукоризненная. (*М. „Спб. Жизнь"*. 1913—18).

Цѣль этого изданія, указанная въ предисловіи, представляетъ собою „попытку распространенія въ широкихъ слояхъ общества самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о военно-морской школѣ и военномъ флотѣ". Въ концѣ книжки, въ рядѣ таблицъ, приведены краткія данныя о судахъ нашего флота. Въ этихъ таблицахъ поражаетъ, главнымъ образомъ, графа съ обозначеніемъ мѣста постройки судовъ: то и дѣло встрѣтишь иностранные заводы, — въ особенности относительно судовъ высшихъ ранговъ, и только болѣе мелкія суда, за небольшимъ исключеніемъ, тождены преимущественно въ Россіи. При такихъ условіяхъ трудно было, конечно, развиться отечественному судостроенію. Въ общемъ, книжка эта, какъ справочникъ, вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, въ особенности если принять во вниманіе, что это первый опытъ. Встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ излишнія подробности, нестрѣющія притомъ такими техническими названіями, которыя чужды слуху „широкихъ слоевъ общества". (*Военный. „Рус. Молва"*. 1913—68).

Книга довольно богата по содержанію и даетъ живую картину нынѣшняго состоянія нашего флота. Небольшія статейки книги написаны компетентными людьми. Обиліе рисунковъ и чертежей даетъ изданію также цѣнность наглядного пособія. (*„Одесскій Л."*. 1913—21).

493/4. [. . . . .] 371.

Методы первоначальнаго обученія. Ч. I. Русскій языкъ, начальная математика, новые языки, исторія. Ч. II. Естествознаніе, географія и рисованіе. — „Педагог. Акад. въ очеркахъ и монограф." кн-во „Польза". М. 1912. Ц. по 1 р. 60. к.

Изданіе цикла педагогическихъ монографій подъ общей редакціей проф. Нечаева является очень цѣннымъ вкладомъ въ русскую педагогическую литературу. Цѣль его — познакомить широкую публику съ современнымъ уровнемъ педагогической мысли какъ у насъ, такъ и за границей. Два тома „Методовъ первоначальнаго обученія" имѣютъ кромѣ того и большое практическое значеніе, какъ руководство для начинающихъ педагоговъ-практиковъ. Основная мысль, проходящая красной нитью сквозь всѣ статьи, мысль о томъ, что истинный педагогъ является не только учителемъ, но и воспитателемъ. Онъ долженъ любить и понимать дѣтскую психику, долженъ „умѣть быть педагогомъ", — сама по себѣ не нова. Мы ее встрѣчаемъ еще у Фребеля и Каменскаго. Ею же руководились и такіе русскіе педагоги, какъ Пироговъ и Лестафтъ. Но русская школьная система, запутавшись въ схоластическихъ построеніяхъ классическаго обученія, отодвинула на задворки личность ученика и его психологію. И теперь, среди развала русской школы, среди царящаго антагонизма учащихъ и учащихся призывъ отъ системы къ ученику, отъ схоластики къ жизни—является свѣтлой струей педагогической мысли, которой предстоитъ будущее, несмотря ни на какіе внѣшніе тиски. Кромѣ общаго идейнаго руководительства, „Методы первоначальнаго обученія" даютъ много практическихъ указаній начинающему педагогу. (*О. В. „Кіев. М."* 1913—47).

Изъ отдѣльныхъ монографій, вошедшихъ въ первую часть, наиболѣе содержательной, цѣлостной и исчерпывающей свою задачу является статья С. Н. Шохоръ-Троцкаго, въ которой говорится о преподаваніи начальной математики. Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ изъ которыхъ мы отмѣчаемъ тѣ, которые кажутся намъ важнѣйшими: задачи въ обширномъ смыслѣ этого слова являются матеріаломъ не только для примѣненія познаній, усвоенныхъ учащимися ранѣе,

но также для пріобрѣтенія новыхъ математическихъ понятій; учебникъ (не задачникъ) можетъ служить лишь регуляторомъ занятій. Уроки, задаваемые на домъ, репетиціи и экзаменъ, а также письменныя работы могутъ быть лишь средствомъ обученія, а не средствомъ испытанія учащихся въ пройденномъ. Наглядныя пособія, такъ наз. „лабораторный методъ“ и цѣлесообразный ручной трудъ являются средствами обученія начальной математикѣ, ничѣмъ незамѣнимыми. Иной характеръ имѣетъ статья Н. К. Кульмана о преподаваніи русскаго языка. Авторъ ставитъ себѣ задачу изложить въ популярной формѣ историческія основы преподаванія русскаго языка. Центромъ тяжести его статьи является разсказъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ въ теченіи времени подвергались принятые способы обученія какъ первоначальной грамотѣ, такъ и грамматикѣ и правописанію, начиная съ XV в. и до нашего времени. Гораздо меньшую роль играютъ въ статьѣ собственныя указанія автора о томъ, „что дѣлать?“ На этотъ вопросъ онъ коротко отвѣчаетъ: „Старую школьную грамматику съ ея теоретическимъ характеромъ и логико-грамматической основой нужно уничтожить“. К. говоритъ, что грамматическимъ матеріаломъ слѣдуетъ пользоваться исключительно въ цѣляхъ практическихъ. Основываясь на такомъ положеніи, авторъ даетъ программу преподаванія грамматики и орографіи, при чемъ, согласно съ педагогическими воззрѣніями послѣдняго времени, утверждаетъ, что для низшей школы увлеченіе правописаніемъ равносильно уничтоженію всякаго ея просвѣтительнаго значенія. Въ заключеніе авторъ говоритъ о такъ наз. объяснительномъ чтеніи, сопровождаемомъ разборомъ читаемыхъ произведеній, въ особенности нѣкоторыхъ извѣстныхъ стихотвореній, справедливо указывая на нерациональность слишкомъ подробнаго объясненія значенія отдѣльныхъ входящихъ въ нихъ словъ, черезъ что, наконецъ, совершенно теряется общій смыслъ и въ особенности эстетическое значеніе стихотворенія. Сравнительно небольшая статья В. К. Истровой, трактующая о преподаваніи новыхъ иностранныхъ языковъ, представляетъ довольно безсистемное собраніе болѣе или менѣе практическихъ и полезныхъ совѣтовъ по этому предмету. Здѣсь рѣчь идетъ не о школьномъ преподаваніи, а о семейномъ; поэтому и всѣ даваемыя авторомъ наставленія имѣютъ въ виду преимущественно гувернантокъ. Статья П., если и не заключаетъ въ себѣ цѣнной и систематической дисциплины, то, во всякомъ случаѣ, не лишена полезныхъ указаній, основанныхъ, повидимому, на наблюденіяхъ и выводахъ опытной преподавательницы. Что касается статьи С. Ф. Знаменскаго о преподаваніи исторіи, то она, прежде всего, отличается той капитальной особенностью, что авторъ ея съ самаго начала обращаетъ вниманіе читателя, что въ данномъ случаѣ приходится начать съ постановки предварительнаго вопроса о томъ, нужно ли и возможно ли преподаваніе исторіи при начальномъ обученіи, а если нужно и возможно, то въ какой періодъ первоначальнаго обученія. Вопросъ этотъ разрѣшается авторомъ такимъ образомъ: „Вопросъ о сообщеніи дѣтямъ систематическихъ свѣдѣній по исторіи въ ранній періодъ обученія, долженъ получить отрицательное рѣшеніе; но онъ остается въ силѣ по отношенію ко второму, болѣе позднему, періоду начальнаго обученія. Переходя къ выясненію общаго характера и содержанія систематическаго курса исторіи во второмъ періодѣ начальнаго обученія, необходимо признать, что онъ долженъ быть элементарнымъ, но въ тоже время научнымъ и на первый планъ должна быть выдвинута идея исторической эволюціи. Преподаваніе исторіи при начальномъ обученіи должно быть поставлено какъ можно болѣе наглядно, конкретно“. Каждая изъ статей сопровождается библіографическими указаніями на литературу по данному предмету, что, конечно, составляетъ тоже немаловажное достоинство сборника. (*В. Ликдъ. „Для Нар. Уч.“ 1912—11*).

Изданіе доступно не только для высокоинтеллигентныхъ педагоговъ и общественныхъ дѣятелей, но и хорошо грамотныхъ родителей, воспитателей и вообще лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу воспитанія.

2-й томъ открывается статьей С. И. Сазонова—„Къ вопросу объ образовательной роли естествознанія въ школѣ“. Авторъ статьи разсматриваетъ вопросъ съ такой стороны, которая рѣже, чѣмъ другія, подвергается обсужденію. „Какъ бы мы не опредѣлили—говоритъ авторъ—задачу общеобразовательной школы, мы непремѣнно на первомъ мѣстѣ предъявимъ къ ней требованіе—способствовать развитію правильныхъ представленій объ окружающей дѣйствительности“. Какъ выполняетъ школа эту работу, какими пріемами въ преподаваніи естествознанія достигаетъ она этой цѣли, все это читатель узнаетъ изъ интересной статьи С. Слѣдующая статья сборника, составленная Я. И. Ковальскимъ, даетъ описаніе „первоначальныхъ опытовъ и наблюденій въ области физическихъ явленій“, допустимыхъ при первоначальномъ преподаваніи. Вопросъ о начальномъ преподаваніи географіи разсматривается въ слѣдующей, очень интересной и довольно большой статьѣ А. П. Нечаева: дана методика преподаванія, указаны пособія и программа. Авторъ возводитъ фундаментъ, на которомъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ, четырехъ послѣдующихъ лѣтъ, должно построиться стройное зданіе начальнаго страноведѣнія. Списокъ книгъ по начальному курсу географіи, приложенный къ статьѣ, занимаетъ почти печатный листъ. Слѣдующая большая и также весьма интересная, статья извѣстнаго педагога-писателя В. В. Половцева даетъ объясненіе образовательнаго значенія и правильной постановки практическихъ занятій и школьныхъ экскурсій. Очень интересенъ приложенный къ статьѣ экскурсіонный планъ с.-петербургскаго 8-класснаго коммерч. училища въ Лѣсномъ. Въ приложеніяхъ же данъ списокъ литературныхъ пособій по вопросу о практич. занятіяхъ и экскурсіяхъ и „тарифъ на проѣздъ учащихся, отправляющихся въ образовательныя экскурсіи“. Изъ другихъ статей особенно много цѣнныхъ свѣдѣній и фактовъ читатель находитъ въ статьѣ Е. А. Еланича: „О научно-популярныхъ книгахъ по естествознанію“. Статья сопровождается большими списками книгъ по біологическимъ наукамъ, зоологической беллетристикѣ, геологіи и минералогіи, физикѣ и химіи, астрономіи и — книги общаго содержанія. Преподаванію рисованія въ школѣ посвящена статья Е. Н. Кашкадамовой: „Рисованіе и его положеніе въ школѣ“. Въ статьѣ дается краткая исторія исто-

дики предмета, начиная съ самыхъ отдаленныхъ эпохъ, а затѣмъ описывается натуральный методъ преподаванія рисованія, нынѣ господствующій и состоящій въ томъ, чтобы преподаватель, понимая ребенка, знакомилъ его съ предметомъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, особенно же художественной. Съ внѣшней стороны „Пед. Академія„ производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. (*И. И. „Вят. Рѣчь“. 1913—18*).

495. [. . . . .] 371(082)

Дефективныя дѣти и школа. Сборникъ статей И. И. Воскобойникова, В. П. Кащенко, С. Н. Крюкова и А. М. Шубертъ, подъ ред. д-ра В. П. Кащенко. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1912. Стр. 278+III. Съ 44 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Книжка представляетъ собою сборникъ восьми статей, изъ которыхъ двѣ принадлежатъ самому редактору, а остальныя нѣсколькимъ лицамъ, которыхъ редакторъ въ предисловіи называетъ сотрудниками по работѣ въ школѣ-санаторіи для дефективныхъ дѣтей, которой онъ состоитъ завѣдующимъ. Самый матеріалъ большинства статей взятъ изъ продолжительныхъ, правильно поставленныхъ наблюденій надъ дѣтьми, находящимися въ санаторіи, и это придаетъ ему особую цѣнность. Несмотря на небольшое число статей, онѣ для удобства обозрѣнія могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ: первая содержитъ въ себѣ нѣсколько индивидуальныхъ характеристикъ дефективныхъ дѣтей, вторая — описаніе существующихъ методовъ опредѣленія умственной недостаточности, третья посвящена важному вопросу о нравственномъ воспитаніи дефективныхъ дѣтей, четвертая даетъ краткія свѣдѣнія о состояніи дѣла спеціальнаго воспитанія въ Россіи и отчасти за границей. Въ первой группѣ читатель находитъ подробныя характеристики 3-хъ дѣтей, составленныя неизвѣстнымъ авторомъ. Дополненіемъ къ характеристикамъ служитъ статья Воскобойникова „Спеціальныя дарованія и творчество дефективныхъ дѣтей“. Характеристики составлены хорошо, подробныя психологическія данныя резюмированы въ краткихъ формулахъ, между результатами различныхъ видовъ изслѣдованій сдѣланы необходимыя сопоставленія, текстъ иллюстрированъ копіями съ почерка, рисунковъ и предметовъ (ручного труда), сдѣланныхъ описываемымъ лицомъ, и потому въ умѣ читателя создается ясное представленіе о психической личности характеризуемаго субъекта. Вслѣдствіе этого характеристики читаются съ живымъ интересомъ и несомнѣнно дадутъ много полезнаго матеріала тѣмъ, кому придется имѣть дѣло съ дефективными дѣтьми. Также живо и интересно написана статья Воскобойникова, въ которой наглядными примѣрами (оригинальныя литературныя произведенія, копіи съ предметовъ лѣпки) доказывается наличность ясно выраженной даровитости у очень дефективныхъ дѣтей и отмѣчается необходимость использовать эту частичную одаренность въ дѣлѣ воспитанія ихъ.

Ко второй группѣ относятся статьи А. М. Шубертъ: „Опредѣленіе умственной отсталости дѣтей по системамъ Бинэ и Симона, Вейгандта, Норсворса-Годдарда, Пинцоли, Россолимо, Санктиса и Цигена“ и „Опытъ экспериментально-психологическаго опредѣленія степени умственнаго развитія воспитанниковъ санаторія-школы д-ра Кащенко“. Въ статьяхъ авторъ даетъ подробное описаніе и общую оцѣнку методовъ. Статья Шубертъ не можетъ, конечно, служить руководствомъ для того, кто пожелалъ бы самъ пользоваться описываемыми методами, но все же она даетъ ясное представленіе о томъ, что можно получить отъ этихъ методовъ въ дѣлѣ индивидуальнаго изученія дѣтей и при рѣшеніи практически важнаго вопроса о степени дефектности. Это представленіе получаетъ еще большую ясность при знакомствѣ со второй статьей, гдѣ приведены результаты сравнительнаго изслѣдованія 17-ти субъектовъ, сопоставленные между собою и съ результатами непосредственнаго медико-педагогическаго наблюденія. Статья С. Н. Крюкова: „Нравственное воспитаніе дефективныхъ дѣтей“ представляетъ не меньшій интересъ, чѣмъ и всѣ предыдущія статьи. Правда, въ ней повторяются болѣе или менѣе извѣстныя вещи о пріемахъ нравственнаго воспитанія, но изложены очень кратко и ясно и освѣщаются со спеціальной точки зрѣнія въ примѣненіи къ дефективнымъ дѣтямъ. Эта статья, между прочимъ, даетъ общій ключъ къ пониманію отдѣльныхъ мѣръ, которыя описываются въ характеристикахъ, и такимъ образомъ служитъ установленію связи между главными частями сборника и даетъ имъ нѣкоторое единство. Заслуживаетъ вниманія статья „Историческій обзоръ и современное состояніе воспитанія и обученія дефективныхъ дѣтей въ Россіи“ д-ра Кащенко, гдѣ очень сжато, но достаточно полно дается справка о томъ, что сдѣлано въ Россіи и на основаніи нѣсколькихъ цифръ указывается, что предстоитъ сдѣлать. Мы думаемъ, что и родители, и врачи, и педагоги найдутъ въ сборникѣ достаточно матеріала не только для полезнаго чтенія, но и для внимательнаго и подробнаго изученія. Мы не сомнѣваемся, что сборникъ, по мѣрѣ ознакомленія съ нимъ читателей, получитъ широкое и вполнѣ заслуженное распространеніе. (*„Вѣст. Восп.“ 1913—2*).

Воспитанію анормальныхъ и отстающихъ дѣтей теперь много удѣляется вниманія какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Увеличивается также и движеніе въ пользу организаціи особыхъ школъ для дефективныхъ дѣтей, хотя далеко еще не сговорились о тѣхъ пріемахъ, методахъ съ помощью которыхъ можно было бы вскрыть различныя степени умственной отсталости. Такихъ пріемовъ существуетъ очень много. Цѣлый рядъ этихъ методовъ, „тэстовъ“, демонстрировался во время съѣзда психологовъ-экспериментаторовъ въ Берлинѣ. Очень обстоятельный обзоръ этихъ тэстовъ даетъ статья А. М. Шубертъ. Особенно цѣннымъ авторъ считаетъ тэсты Бинэ и Симона, выработанные чисто опытнымъ путемъ. Для каждаго возраста имѣется рядъ задачъ, заимствованныхъ изъ окружающей ребенка дѣйствительности. Шубертъ провѣряла эту „скалу умственныхъ способностей“ Бинэ-Симона по отношенію къ русскимъ дѣтямъ, при чемъ оказалось, что „примѣнительно къ русскимъ дѣтямъ городского населенія большинство задачъ должно быть передвинуто на 1—2 возраста выше“. (*Н. Рыбниковъ. „Для Нар. Уч.“ 1913—3*).

Подробная, критически освѣщенная сводка всѣхъ важнѣйшихъ экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія интеллекта, составленная Шубертъ — лицомъ, одинаково хорошо знакомымъ

какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороной дѣла, является, насколько намъ извѣстно, на русскомъ языкѣ впервые. Въ виду этого чрезвычайно содержательная статья эта будетъ съ большимъ интересомъ прочитана всякимъ, кому сколько-нибудь приходится соприкасаться съ данными вопросами. Не меньшій интересъ возбуждаютъ статьи, представляющая также оригинальную въ своемъ родѣ попытку дать чрезвычайно обстоятельныя медико-психологическія характеристики трехъ дефективныхъ школьниковъ изъ санаторія-школы д-ра Кашенко. Для характеристикъ выбраны три мальчика, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга по всему своему психическому складу. Основу каждаго отдѣльнаго портрета составляетъ чрезвычайно подробная и притомъ фактически обоснованная психологическая характеристика, составленная на основаніи продолжительнаго внѣшняго наблюденія и записей. Сюда же входятъ снимки съ работъ даннаго ребенка, его рисунки, образчики его писемъ и т. п. Къ этому присоединяются затѣмъ обстоятельное медицинское изслѣдованіе, экспериментально-психологическія данныя (по методамъ „профилей“ Бинэ и Симова), измѣненія въ состояніи даннаго воспитанника за время пребыванія его въ школѣ, состояніе его школьныхъ знаній и, наконецъ, общее заключеніе. Каждая изъ характеристикъ прочитывается отъ начала до конца съ одинаковымъ интересомъ, давая полную картину того или иного патологическаго типа во всѣхъ деталяхъ его сложной и разнообразно измѣненной психики.

Статья Крюкова представляетъ собой просто рядъ отдѣльныхъ наблюденій и выводовъ, сдѣланныхъ внимательнымъ и вдумчивымъ педагогомъ на основаніи своего личнаго опыта. И хотя, быть можетъ, не со всѣми заключеніями автора можно одинаково согласиться, все же съ ними приходится считаться, какъ съ матеріаломъ, который намъ даетъ сама жизнь.

По своему изложенію сборникъ представляется вполнѣ доступнымъ не только для спеціалистовъ, но и для всѣхъ вообще лицъ, интересующихся дѣломъ воспитанія и обученія дефективныхъ дѣтей. Думается, что книга найдетъ себѣ достаточно широкое распространеніе, вполнѣ ею заслуженное. (*А. Лазурскій. „Рус. Шк.“ 1912—12*).

* **Шульце, Р.** 371 : 15

См. пор. № 481.

496. [. . . . .] 372(47.31)

Умственное развитіе дѣтей, поступающихъ въ московскія городскія школы. Докладъ, прочит. въ Моск. Пед. Кружкѣ, въ отдѣлѣ начальной школы. Съ прилож. программы вопросовъ для изслѣдованія конкретныхъ представленій и понятій у дѣтей, поступ. въ город. шк.—„Библіот. Новаго Восп. и Образ. и защиты Дѣтей“, подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. LXXXV. М. 1912. Стр. 16. Ц. 10 к.

Анкета, предпринятая Моск. Пед. Кр. была произведена по методу опроса, сравнительно мало совершенному, но все же полученные результаты даютъ много цѣнныхъ вещей учителю объ умственномъ инвентарѣ поступающихъ въ школу дѣтей. Всего было опрошено 354 дѣтей изъ 23 первыхъ классовъ моск. гор. школъ (260 дѣвочекъ и 94 мальчика). Чтобы устранить выборъ опрашивались первые по алфавиту 15 чел., при чемъ исключались дѣти старше 8 л. и дѣти интеллигентныхъ родителей. Анкета содержала 84 вопроса, подобранныхъ такимъ образомъ, что отвѣты на нихъ давали представленіе о знакомствѣ ребенка: 1) съ семьей и домашней обстановкой; 2) съ городомъ; 3) съ природой; 4) о его наблюденіяхъ надъ небомъ и 5) знакомство съ цвѣтомъ. Результаты анкеты очень неутѣшительны: запасъ представленій дѣтей-горожанъ, поступающихъ въ школу, очень не великъ, особенно это замѣтно по тѣмъ отвѣтамъ, которые должны были выяснить знакомство съ окружающей природой. Анкета показала, что дѣти совсѣмъ не умѣютъ ни наблюдать, ни выражать своихъ мыслей и т. д. (*И. Рыбниковъ. „Педаг. Обозр.“ 1912—8*).

Собранный матеріалъ представилъ крайне печальную картину жизни дѣтей въ низшихъ слояхъ городского населенія. Это — маленькіе дикари, лишенные радостей дѣтства, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ погружающіеся въ тягостную атмосферу окружающей ихъ жизни. Большинство этихъ дѣтей занято цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ домашнихъ работъ: они нянчатъ дѣтей, стираютъ бѣлье, моютъ полы, помогаютъ въ ремеслѣ и т. д. Доля дѣвочекъ еще тяжелѣе, чѣмъ мальчиковъ. Наваливая, по нуждѣ, непосильную работу на дѣтскія плечи, семья ничего не можетъ дать дѣтямъ въ смыслѣ ихъ духовнаго развитія. Почти $^1/_4$ поступающихъ въ школу дѣтей не знаетъ ни сказки, ни стихотворенія; 70% дѣтей не могли ничего разсказать изъ своей жизни; „нечего разсказывать, ничего не случалось, не припомню ничего“. 20,1% мальчиковъ не могли назвать имени отца, 27,6% — имени матери; изъ дѣвочекъ не знали имени отца и матери только 13,1%. Значительный процентъ дѣтей не можетъ назвать занятія родителей, въ особенности отца, не знаютъ названія улицы, на которой живутъ, числа этажей въ домѣ и т. д. И среди дѣвочекъ, и среди мальчиковъ немало думающихъ, что у курицы три лапы; нѣкоторые вовсе не видали курицы, не видали и коровы, не знаютъ, откуда берется молоко, не видали лѣса, поля, огорода, не знаютъ откуда берется хлѣбъ! Небомъ эти дѣти столичныхъ угловъ и подваловъ вовсе не интересуются: не знаютъ цвѣта неба, имѣютъ мало впечатлѣній отъ мѣсяца, звѣздъ, грома... Недостаткомъ анкеты, какъ признаютъ собиравшіе свѣдѣнія, является малое число опрошенныхъ дѣтей. Но и малыя цифры съ очевидностью показываютъ, что на помощь школѣ долженъ притти дѣтскій садъ. (*В. Б—з. „Вѣст. Восп.“ 1913 — 2*).

497. Кульманъ, Н. К. 491.7(07)

Методика русскаго языка. Съ рис. и табл. 1912 г. Стр. 304. Ц. 1 р. 25 к.

Къ числу новыхъ работъ по методикѣ русскаго языка, заслуживающихъ вниманія, надо отнести методику К. Особенностью этой работы является историческое освѣщеніе разбираемыхъ вопросовъ. Такъ, здѣсь мы имѣемъ исторію обученія грамотѣ, орѳографіи, положенія, цѣли и содержанія школьной грамматики, объяснительнаго чтенія и пр. Особенно цѣннымъ является исторія грамматики въ школѣ, которая ясно показываетъ, сколько недоразумѣній связано съ этимъ

вопросомъ, сколько лишняго, научно-невѣрнаго и безполезнаго долженъ усвоивать себѣ школьникъ, что особенно тяжело для начальной школы. Историческое освѣщеніе важно и потому, что многія открытія въ области методики, появившіяся въ послѣднее время, могутъ быть оцѣнены лишь при знакомствѣ съ исторіей вопроса, а многія окажутся „преданьями старины глубокой", основательно забытыми. Второю особенностью книги является строгая объективность, насколько это возможно въ методикѣ. Авторъ старается обосновать свои положенія или исторически, или данными науки, или выясненіемъ психологическаго процесса работы. Изложивъ исторію обученія чтенію и письму, К. останавливается на современныхъ пріемахъ обученія, выясняетъ ихъ достоинства и принципы, на которыхъ они построены. Попутно даются указанія на литературу, типичныя азбуки и пр. Въ отдѣлѣ, посвященномъ грамматикѣ, дается разборъ содержанія школьной грамматики въ историческомъ освѣщеніи, устанавливается ея объемъ для первыхъ трехъ лѣтъ обученія, распредѣленія матеріала по годамъ; основанія, по которымъ строится грамматическій урокъ, и нѣсколько типичныхъ уроковъ по грамматикѣ. Въ отдѣлѣ обученія орѳографіи дается исторія вопроса, оцѣнка существующихъ методовъ, разборъ значенія и пригодности ихъ, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ отмѣчается и то, что въ нихъ есть цѣннаго. Объяснительное чтеніе, занимая по объему меньшее мѣсто, содержитъ много цѣнныхъ указаній. Вслѣдъ за выясненіемъ исторіи вопроса и цѣли чтенія, освѣщаются принципы, лежащіе въ основѣ работы, общій характеръ ея и, какъ иллюстраціи даются примѣры уроковъ по объяснительному чтенію съ выясненіемъ хода всей работы: подготовка учителя, лексическій разборъ, смысловой, выясненіе идеи и пр. Въ этомъ же отдѣлѣ имѣются указанія относительно значенія и характера выразительнаго чтенія, и освѣщается вопросъ о хрестоматіяхъ и, т. наз., „воспитательномъ чтеніи". Послѣдній отдѣлъ книги посвященъ стилистическимъ работамъ, устнымъ и письменнымъ. И здѣсь авторъ заботится о выясненіи цѣли работы и основаній, на которыхъ она строится, избѣгая догматическаго характера рецептовъ. Выгодно отличаясь объективностью и принципіальностью, методика К. можетъ служить хорошимъ пособіемъ для учителей начальной и средней школы и руководствомъ для учительскихъ институтовъ и семинарій. (*Н. К. „Педагог. Л." 1913 — 1*).

Цѣнность методическаго пособія К., какъ перваго строго-научнаго труда по вопросамъ методики русскаго языка въ русской педагогической литературѣ, и самое имя автора вполнѣ обезпечиваютъ успѣхъ книги. Несомнѣнно, она подниметъ стихнувшіе было споры по многимъ разбираемымъ въ ней вопросамъ, и о самой книгѣ и ея принципахъ еще придется услышать не одно сужденіе. Издана книга тщательно. (*Соколовъ. „Рус. Шк." 1912 — 12*).

Книга К. отличается двумя крупными достоинствами: методическіе вопросы рѣшаются въ ней въ историческомъ освѣщеніи, что читателю даетъ возможность понять данный учебный предметъ во всемъ его объемѣ и опредѣлить дѣйствительную его учебно-воспитательную цѣнность; во-вторыхъ, ей чуждъ догматическій характеръ, она свободна отъ схоластики, методической надуманности, что дѣлаетъ книгу педагогически пріемлемой, полезной для практическаго примѣненія. Вооруженный многолѣтнимъ педагогическимъ опытомъ, большой эрудиціей въ теоретическихъ вопросахъ преподаванія русскаго языка, пользуясь указаніями экспериментальной психологіи, авторъ касается всѣхъ существенныхъ темъ методики предмета,— обученія грамотѣ, грамматикѣ, обученія орѳографіи, объяснительнаго и выразительнаго чтенія, стилистическихъ упражненій,— и рѣшаетъ ихъ очень свободно, практично. Но кое-что все-таки вызываетъ на замѣчанія: К. почти совершенно обошелъ вопросъ о внѣклассномъ чтеніи учащихся, а между тѣмъ это одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ преподаванія русскаго языка, заставляющій преподавателя чаще всего задумываться въ поискахъ болѣе удобнаго способа организаціи этого чтенія. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторое противорѣчіе между словами К., пользующагося грамматическимъ матеріаломъ „исключительно въ цѣляхъ практическихъ, поскольку это необходимо для усвоенія орѳографіи, пунктуаціи и отчасти стиля" (стр. 111), и его примѣрными уроками, доказывающими, что К. довольно основательно оперируетъ строго-грамматическимъ методомъ, считаемъ необходимымъ указать уважаемому методисту на крайнюю нежелательность допускаемаго имъ смѣшенія въ синтаксисѣ логики и грамматики (стр. 115, 147), что, не говоря уже о ненаучности разбора второстепенныхъ частей предложенія при помощи вопросовъ, вноситъ излишнюю путаницу въ сознаніе учащихся, опираясь на формально-грамматическіе признаки. Ученикъ быстрѣе усвоитъ анализъ формъ языка и не будетъ путаться въ опредѣленіяхъ. Въ урокахъ объяснительнаго чтенія К. нѣсколько преувеличиваетъ значеніе смысловаго разбора: рекомендуемое имъ (значительное) количество вопросовъ способствуетъ, по нашему убѣжденію, нежелательному превращенію поэтическаго произведенія въ прозаическое. Не возражаемъ противъ его взгляда о необходимости для педагоговъ специальной школы: во „введеніи" самъ К. далъ рядъ указаній противоположнаго характера. (*И. Бродскій. „Рус. Вѣд." 1913 — 42*).

„Предлагаемая книга,— пишетъ въ предисловіи авторъ,— плодъ 15-лѣтнихъ теоретическихъ и практическихъ занятій автора въ русской школѣ". Изъ перечня учебныхъ заведеній, гдѣ занимался авторъ, явствуетъ, что собственно начальная народная школа (съ учащимися дѣтьми) автору не знакома. Это маленькое обстоятельство—имѣющее тѣмъ не менѣе громадное значеніе — наложило свою несомнѣнную печать на всю работу К. Теорія, точнѣе исторія, въ ней преобладаетъ. Авторъ, конечно, правъ, говоря, что „въ дѣлѣ обученія пониманіе настоящаго возможно только на почвѣ историческаго изученія методовъ", но вѣдь историческое не болѣе, какъ посылка къ настоящему, практическому. Къ новымъ теченіямъ авторъ относится съ большимъ, не всегда основательнымъ предубѣжденіемъ. Это лишаетъ книгу объективности. Любовно разработанъ вопросъ о грядущей реформѣ русскаго правописанія, а о существующихъ попыткахъ упрощенія письменнаго шрифта—ни звука. Глава объ объяснительномъ чтеніи вообще не блестяща. Выразительному чтенію посвящено съ избыткомъ много мѣста. Отдѣлъ о стилистическихъ упражненіяхъ тоже, на нашъ взглядъ, слабоватъ. Вообще

книга могла бы дать, на нашъ взглядъ, больше содержанія, чѣмъ вложилъ въ нее авторъ. (*В. Мурзаевъ. „Нар. Уч.“ 1913 — 1*).

498. Оствальдъ, В., пр.-доц. 541

Основы коллоидной химіи. Авториз. издан. подъ ред. проф. Н. Н. ф.-Веймарна. Ч. 1-я. Стр. 148. Ц. 2 р.

Коллоидная химія возбуждаетъ громадный интересъ не только среди спеціалистовъ, но и среди біологовъ и врачей, которые широко пользуются ея данными для своихъ изслѣдованій. Все современное ученіе о межклѣточномъ обмѣнѣ веществъ и внутриклѣточномъ пищевареніи построено на основахъ коллоидной химіи, и знакомство съ этой наукой является крайне важнымъ. Между тѣмъ до сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было доступнаго и обстоятельнаго руководства по коллоидной химіи. И крайне важно, что русской публикѣ дана по новому предмету написанная столь легкимъ, понятнымъ и доступнымъ языкомъ книга, исчерпывающая предметъ въ его настоящемъ освѣщеніи и встрѣченная въ самой Германіи съ большимъ интересомъ. Для пониманія книги О. вполнѣ достаточно обычное знакомство съ терминологіей физики и химіи въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ даетъ ихъ среднее образованіе, и это даетъ основаніе думать, что ею заинтересуются не только лица, знающія высшую математику. Особенно горячо можно рекомендовать ее молодымъ врачамъ и студентамъ, изучающимъ біологическія и медицинскія науки: въ настоящее время безъ знаній по химіи, въ частности по физической химіи, каковою по существу является коллоидная химія (какъ опредѣляетъ ее О. — ученіе объ особомъ состояніи веществъ, а не о самихъ веществахъ)—ни одинъ естествоиспытатель, біологъ и врачъ обойтись не можетъ. Въ общей части своей книги О. даетъ практическое введеніе въ видѣ опредѣленія коллоидныхъ системъ, указывая наиболѣе употребительные пріемы этого опредѣленія. Прекрасно описанъ авторомъ чрезвычайно важный для біологическихъ изслѣдованій, широко использованной недавно физіологомъ Абдерхальденомъ, „методъ діализа“. Далѣе, въ книгѣ дано представленіе объ элементарномъ коллоидномъ анализѣ. Русскій переводъ книги сдѣланъ очень удачно: въ немъ нѣтъ неясностей, тяжелыхъ и скучныхъ періодовъ и сохранена та живость изложенія, та бодрость мысли, которой проникнута эта книга. Издана она очень тщательно. Русское изданіе снабжено спеціальнымъ предисловіемъ автора, санкціонировавшаго ея переводъ (переводъ сдѣланъ по корректурнымъ листамъ). (*Вл. Цед—мъ. „Рѣчь“. 1913—6*).

Первая часть „Основъ“ включаетъ въ себѣ введеніе (о началахъ качественнаго коллоидно-химическаго анализа) и 4 главы по теоріи коллоиднаго состоянія. Первая глава общей коллоидальной химіи трактуетъ объ общей топографіи коллоидныхъ системъ; 2-я глава излагаетъ отношеніе между родомъ формы и общими свойствами коллоидныхъ системъ; въ 3-й главѣ говорится объ общей энергетикѣ коллоидныхъ системъ и 4-я глава разсматриваетъ распространенность коллоиднаго состоянія и понятіе „коллоидная химія“. Книга даетъ систематическое освѣщеніе изслѣдованіямъ въ области коллоидной химіи и носитъ характеръ учебника. Чтеніе книги требуетъ серьезнаго вниманія и для пониманія ея нужно знакомство съ основными положеніями физической химіи. (*Проф. В. Мостынскій. „Бюлл. Харьк. О-ва Л. Пр.“ 1913—1*).

499. Содди, Фр. 546

Химія радіо-элементовъ. Пер. съ англ. Я. Р. Шмидта. Съ примѣч. и подъ ред. В. А. Бородовскаго.—„Пособія при изученіи химіи. Вып. 2.“ Изд. „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 135. Ц. 80 к.

Первыя три главы посвящены общей теоріи радіоактивности, которую теперь можно считать уже установленной; выясненъ характеръ всѣхъ типовъ изученія, въ результатѣ которыхъ совершается послѣдовательно превращеніе атома материнскаго вещества въ атомы элементовъ, изъ него образующихся; выяснено значеніе тѣхъ постоянныхъ, которыми опредѣляется индивидуальность каждаго радіоактивнаго элемента; установлена принятая классификація ихъ по двумъ рядамъ, ведущимъ свое происхожденіе отъ урана и торія (существуетъ еще третій разрядъ актинія, но есть основаніе считать его за боковую вѣтвь семейства того же урана); указаны, наконецъ, нѣкоторыя аналогіи въ свойствахъ соотвѣтственныхъ членовъ каждаго изъ двухъ (трехъ) рядовъ, по которымъ можно, пока смутно, догадываться о связи между крайними группами періодической системы и о соотношеніи между элементами, въ нее входящими, и радіоэлементами, большинство которыхъ своего мѣста въ ней не имѣетъ. Вся остальная часть книги посвящена систематическому разсмотрѣнію отдѣльныхъ членовъ каждаго изъ рядовъ. Въ ряду урана послѣднимъ является радій F. или полоній, дальнѣйшимъ продуктомъ котораго является, быть можетъ, свинецъ. Наименѣе изученными оказываются члены ряда актинія, который самъ, быть можетъ, является однимъ изъ продуктовъ двоякаго рода распада атомовъ радія С.

Наконецъ, нѣсколько словъ посвящено маловыясненной В-активности, столь хорошо знакомыхъ элементовъ, какъ калій и рубидій. Въ концѣ книги приложена очень наглядная генеалогическая таблица всѣхъ извѣстныхъ донынѣ 32-хъ радіоактивныхъ элементовъ и подробный указатель литературы. (*К. Фр. „День“. 1913—47*).

Изслѣдованія надъ явленіями радіоактивности показали, что въ основѣ этихъ явленій лежитъ разрушеніе атомовъ радіоактивныхъ элементовъ и послѣдовательное превращеніе въ цѣлый рядъ новыхъ элементовъ. Такихъ элементовъ уже теперь извѣстно около 40. Лишь въ немногихъ случаяхъ для нихъ предполагается тождество съ обычными долговѣчными элементами, укладывающимися на опредѣленное мѣсто періодической системы Менделѣева; въ большинствѣ же случаевъ это—эфемерныя образованія, существованіе которыхъ на землѣ ограничено временемъ, продолжающимися,—для разныхъ элементовъ,—отъ ничтожныхъ долей секунды до сотни лѣтъ. Поэтому на землѣ они могутъ существовать лишь въ поразительно ничтожныхъ количествахъ, и только геніальная точность методовъ изслѣдованія радіоактивности, доходящая до возможности видѣть отдѣльныя молекулы, позволила не только открыть эти элементы, но и прослѣдить во многихъ случаяхъ физическія и химическія свойства этихъ химическихъ „призраковъ“, изученіе ко-

торыхъ проливаетъ новый свѣтъ и на происхожденіе и природу обычныхъ химическихъ элементовъ. Содди, одинъ изъ наиболѣе выдающихся изслѣдователей химіи радіоактивныхъ веществъ, взялъ своей задачей собрать разбросанныя въ спеціальныхъ статьяхъ свѣдѣнія о физическихъ и химическихъ свойствахъ радіоэлементовъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, результатомъ чего и явилась настоящая небольшая книга. Важная роль въ наукѣ изученія радіоактивныхъ явленій требуетъ уже въ настоящее время того, чтобы подобнаго рода книга являлась обязательнымъ дополненіемъ при изученіи химіи для всякаго лица, претендующаго на сколько-нибудь основательное знаніе основъ химіи. При строго-научномъ, но элементарномъ и простомъ изложеніи она можетъ быть съ пользой и удовольствіемъ прочтена лицами, уже имѣющими элементарное химическое образованіе. Книга переведена хорошо и снабжена примѣчаніями В. А. Бородовскаго, — одного изъ немногихъ русскихъ химиковъ, самостоятельно работавшихъ надъ изученіемъ радіоактивности, — внесшаго нѣсколько дополненій и поправокъ на основаніи работъ, появившихся въ 1912 году. (*А. Чичибабинъ. „Рус. Вѣд." 1913—60*).

500. Пахомовъ, Д. А. 571

Первый художникъ. Повѣсть изъ временъ каменнаго вѣка. Съ 59 рис. худ. С. М. Дудина. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1912 года. Стр. 216. Ц. 1 р. 75 к.

Трудную задачу взялъ на себя П. Онъ попытался разсказать, „какъ переживалъ первобытный человѣкъ въ своемъ инстинктивномъ стремленіи передавать окружавшія его явленія и формы, какъ развивалось его художественное творчество и какъ его современники должны были отнестись къ такимъ произведеніямъ искусства". Авторъ не претендуетъ на научность, онъ просто предлагаетъ только пережить съ героемъ разсказа, Кремнемъ, его попытки и стремленія, чтобы понять, какъ постепенно росла душа, „одаренная искрой Божіей". Авторъ умѣетъ быть убѣдительнымъ: онъ сразу отрываетъ читателя отъ современности, уноситъ его въ глубь вѣковъ. Передъ читателемъ дикое племя, которое борется съ пещерными медвѣдями и не умѣетъ еще добывать огня. На фонѣ жизни этого племени и рисуется судьба „перваго человѣка". Въ повѣсти много подробностей, очень цѣнныхъ и занимательныхъ. Издана книга великолѣпно. Прекрасные рисунки исполнены по коллекціямъ музея этнографіи имени Петра В. Мы желаемъ книгѣ самаго широкаго распространенія. (*„Нов. Дѣт. Лит." 1912—4*).

На костяной пластинкѣ, найденной при раскопкахъ въ Пансѣ, выцарапано изображеніе мамонта. Это натолкнуло П. на мысль написать повѣсть изъ временъ каменнаго вѣка, въ формѣ занимательнаго разсказа изобразить процессъ удовлетворенія эстетическихъ потребностей, свойственныхъ человѣческой природѣ. Герой разсказа Кремень—человѣкъ съ искрой Божьей. Онъ начинаетъ съ простѣйшихъ орнаментовъ и, наконецъ, доходитъ до осуществленія волновавшей его мысли—дать образъ Великаго Духа. Изображается въ разсказѣ та обстановка, въ которой живетъ герой разсказа, указывается то культурное значеніе, какое имѣетъ дѣятельность перваго художника. Книга иллюстрирована прекрасными рисунками художника С. М. Дудина. (*М. „Сиб. Жизнь". 1913—41*).

Здѣсь передъ читателемъ — эпоха каменнаго періода. Авторъ не пренебрегъ свѣдѣніями, какія имѣются на этотъ счетъ въ наукѣ, но главною цѣлью его была не популяризація этихъ знаній, а попытка изобразить развитіе художественнаго творчества въ первобытномъ человѣкѣ. Дикарь Кремень, талантъ-самоучка, научитъ своихъ сородичей не только понимать красоту, но и проникнуться религіознымъ и національнымъ чувствомъ. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл." 1912—177*).

501. Вериго, В. Ф., проф. 576.3

Біологія клѣтки, какъ основаніе ученій о зародышевомъ развитіи и размноженіи. Изд. „Матезисъ". Одесса. 1913. Стр. 336 Ц. 2 р. 50 к.

Книга является второй частью предпринятаго авторомъ труда подъ общимъ заглавіемъ „Основы общей біологіи". Вторая часть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже интереснѣе первой и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Послѣ краткаго вступленія авторъ говоритъ о строеніи и химическомъ составѣ клѣтокъ, о процессахъ клѣточнаго дѣленія и переходитъ къ разсмотрѣнію важнаго вопроса объ отличіяхъ мертвой матеріи отъ живой и выясненію понятій объ идіоплазмѣ и явленіяхъ клѣточной дифференцировки. Особенный интересъ представляетъ глава, посвященная изложенію теоріи итальянскаго ученаго Джиліо-Тоза, взгляды котораго еще весьма мало знакомы широкимъ кругамъ русскихъ натуралистовъ. Теорія эта касается главнымъ образомъ основныхъ вопросовъ явленія ассимиляціи, этого наиболѣе характернаго для живой клѣтки процесса. Не могу не сказать, что теорія во всякомъ случаѣ очень интересна, хотя бы уже потому, что является попыткою довести анализъ элементарныхъ явленій жизнедѣятельности такъ далеко въ глубь процессовъ матеріи, гдѣ уже совершенно сглаживаются всѣ различія между живою и неживою матеріею. Къ взглядамъ Джиліо-Тоза авторъ возвращается и въ слѣдующемъ отдѣлѣ, посвященномъ явленіямъ онтогенеза, т.-е. изученія о зародышевомъ размноженіи организмовъ, и излагаетъ тоже своеобразную теорію (гипотезу) онтогенеза итальянскаго ученаго. Въ этой части говорится вкратцѣ о различныхъ способахъ размноженія живыхъ существъ и о такъ наз. преформаціонной и эпигенетической теоріи онтогенеза. Третій отдѣлъ посвященъ разсмотрѣнію явленій оплодотворенія. Здѣсь выясняется значеніе этого процесса и его высокій біологическій смыслъ. Эта часть представляетъ собой большой интересъ и сама по себѣ и въ особенности благодаря изложенію въ ней новѣйшихъ ученій о причинахъ образованія пола у зародыша. Книга представляетъ собою большой общій интересъ и будетъ съ большою пользою прочитана не только естествоиспытателями, но и каждымъ, кто хочетъ основательно познакомиться съ основами современныхъ взглядовъ науки на главнѣйшіе процессы и явленія жизнедѣятельности живого существа. Книга много выигрываетъ въ своемъ значеніи, благодаря тому истинно-научному, скромному тону, которымъ она написана. Всюду подчеркивается недостаточность со-

временныхъ познаній, необходимость новыхъ и новыхъ изслѣдованій, необходимость большой осторожности при обобщеніяхъ наблюденныхъ явленій и при построеніи гипотезъ и теорій. Мнѣ хочется особенно привѣтствовать эту характерную черту и безъ того въ высшей степени интереснаго и цѣннаго труда проф. В. (*Ев. Елачичъ. „Соврем." 1913—3*).

Впечатлѣніе отъ этой книги получается очень неопредѣленное. Положительно затрудняешься сказать, какія цѣли преслѣдовалъ авторъ и на какой кругъ читателей онъ разсчитывалъ. Книга черезчуръ объемиста и слишкомъ тяжело написана для популярнаго руководства, разсчитаннаго на случайнаго читателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ она изложена слишкомъ поверхностно, чтобы разсчитывать на читателя, серьезно интересующагося вопросами біологіи, тѣмъ болѣе, что проф. В. не даетъ въ своей книгѣ представленія о современномъ состояніи въ наукѣ затронутыхъ имъ вопросовъ. Наконецъ, мы вообще затрудняемся признать книгу проф. В. за руководство по общей біологіи, такъ какъ она не представляетъ объективной сводки нашихъ свѣдѣній въ этой области. О многихъ основныхъ фактахъ и руководящихъ теоріяхъ совершенно не упоминается въ ней. Научная критика, которой подверглись теоріи, изложенныя въ ней, отсутствуетъ. Вмѣсто этого мы находимъ неравномѣрное изложеніе случайно выхваченныхъ теорій и ихъ личную оцѣнку проф. В. Какъ примѣръ, мы можемъ указать, что классическія теоріи Вейсмана и де-Фриза изложены лишь очень поверхностно, теоріи пѣнистой структуры плазмы отводится лишь нѣсколько бѣглыхъ фразъ, и на ряду съ этимъ посвящены отдѣльныя главы двумъ теоріямъ Д.-Тоза, не занимающимъ сколько-нибудь виднаго мѣста въ настоящее время въ біологіи. Фактическія данныя по біологіи клѣтки, приводимыя проф. В., изложены тоже очень поверхностно и неравномѣрно. Цѣлый рядъ явленій, играющихъ, по современнымъ даннымъ, крупную роль въ жизни клѣтки, игнорируется проф. В. Онъ совершенно не касается, напримѣръ, ученій о хромидіяхъ, о митохондріяхъ и т. д. Нѣкоторые факты, какъ, напримѣръ, образованіе послѣда, или явленіе зернистости въ строеніи клѣтки, изложены прямо неточно. Непріятное впечатлѣніе остается также отъ того, что проф. В. въ большинствѣ случаевъ, излагая теорію, опускаетъ совершенно имя лица, предложившаго ее, между тѣмъ многія теоріи,— напримѣръ, теорія борьбы за существованіе между клѣтками проф. Ру, —прочно связаны въ наукѣ съ именами ихъ творцовъ и часто упоминаются просто какъ теорія такого-то, въ данномъ случаѣ — какъ теорія Ру. (*Ю. Вѣлоголовый. „Рус. Вѣд." 1913—42*).

Цитологическій трудъ В., какъ намъ кажется, не вполнѣ отвѣчаетъ своимъ задачамъ. Судя по всему, книга носитъ болѣе популярный характеръ, чѣмъ строго научный. Но если она служитъ цѣлямъ популяризаціи, она является не достаточно легко и конспективно изложеной, если же авторъ преслѣдуетъ чисто научныя цѣли, то послѣ такихъ трудовъ, какъ „Allgemein-Biologie" Hertwig'a, его книга является слишкомъ краткой. Появленіе же вообще въ русской научной литературѣ такого труда слѣдуетъ привѣтствовать, во-первыхъ, потому, что такихъ книгъ очень мало, а во-вторыхъ, и потому, что авторъ вводитъ довольно много новаго матеріала, не вошедшаго въ другіе учебники. (*В. Гаряевъ. „Бюлл. Харьк. О. Л. Пр." 1912—4*).

* **Waldstein.** 61:15

См. пор. № 482.

502. Игнатьевъ, В. Е., д-ръ. 613.71

Физическое воспитаніе. Гимнастика, спортъ и подвижныя игры. Съ рис. и табл. Кн-во „Польза". М. (Безъ г. печ.) Стр. 207. Ц. 1 р. 60 к.

Книга эта является результатомъ долгаго и кропотливаго изученія всѣхъ сторонъ физическаго воспитанія и развитія и вліянія его на человѣческій организмъ. Авторъ знакомитъ съ постановкой физическаго воспитанія у самыхъ древнихъ народовъ, греческія школы приведены даже съ рисунками. Всѣ роды состязанія на олимпійскихъ играхъ разобраны имъ детально. Послѣ долгаго перерыва въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. возникаютъ всякаго рода гимнастическія учрежденія — частныя и государственныя — у всѣхъ народовъ. Авторъ приводитъ всѣ историческія справки по этому поводу. Между прочимъ онъ знакомитъ съ идеей возникновенія сокольства, которое у насъ пріобрѣло уже право гражданства и большое распространеніе, но, къ сожалѣнію, пошло совсѣмъ по другому направленію. Всѣ виды гимнастическихъ упражненій разсмотрѣны авторомъ по вліянію ихъ на работу и утомляемость мышцъ, сердца, кровообращенія, дыханія и пр. Разобраны всѣ виды спорта — мужского и женскаго. Авторъ является убѣжденнымъ сторонникомъ физическаго воспитанія женщинъ и горячимъ сторонникомъ шведской гимнастики, какъ имѣющей въ своей основѣ опредѣленную разумную научную систему. Разсматривая различныя статистическія данныя о состояніи здоровья въ различныхъ странахъ, авторъ дѣлаетъ выводъ, что красивый, здоровый и долго живущій шведъ передъ всѣмъ свѣтомъ съ достаточной убѣдительностью доказываетъ преимущество своего физическаго воспитанія. Въ настоящее время, когда вопросъ о физическомъ воспитаніи чрезвычайно интересуетъ педагоговъ и общество, книжка И. можетъ во многомъ помочь и вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ взглядамъ на воспитательное значеніе всякаго рода гимнастическихъ упражненій. Издана она прекрасно, рисунки очень хороши и показательны. (*Л. Френкель-Полтавцева. „Рус. М." 1913—1*).

Теперь чрезвычайно важно показать, какъ сложна и трудна правильная постановка дѣла физическаго воспитанія. И. показываетъ, при какихъ условіяхъ питанія, воздуха, свѣта физическія упражненія могутъ достигать своего назначенія, сколько знанія и опыта необходимо для цѣлесообразнаго ихъ устройства. Очень интересны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о японской гимнастикѣ. Японцы, по его словамъ, смотрятъ на физическую слабость, какъ на непормальное явленіе или какъ на преждевременную старость, почему и стараются предупредить ихъ настойчивыми физическими упражненіями, съ малыхъ лѣтъ пріучая дѣтей къ выносливости и умѣнью пользоваться различными гигіеническими пріемами. (*„Вѣст. Евр." 1913—2*).

Авторъ книги — докторъ медицины и прежде всего оперируетъ данными анатоміи и физіоло-

гіи. Но гармоническое развитіе тѣла и духа у него на первомъ планѣ, и, помимо данныхъ своей спеціальности, онъ использовалъ огромную литературу историческаго, статистическаго и педагогическаго характера — и вопросъ освѣщенъ имъ всесторонне. Надлежитъ отмѣтить, что авторъ высказывается одобрительно о вегетаріанскомъ режимѣ питанія, приводя объективные факты, подтверждающіе его полезность. Книга полезна для всякаго воспитателя въ семьѣ и въ школѣ. (*Ив. Надеждинъ. „Нов. Журн. д. Вс."* *1913—1*).

503. Cohn—Wiener. 701.

Исторія стилей изящныхъ искусствъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ добавл. М. С. Сергѣева. Изд. „Космосъ". М. 1913. Стр. 292. Съ 84 иллюстр. Ц. 2 р. 25 к.

Долгое время было распространено въ философіи искусства матеріалистическое пониманіе стиля (отчасти примыкающее къ сочиненію Земпера „Stil"), считающее первобытное искусство продуктомъ трехъ *внѣшнихъ* факторовъ,—цѣли, для которой предназначается предметъ искусства, матеріала его и техники. Алоизъ Риль въ цѣломъ ряду работъ (напр., „Stilfragen", 1893) впервые выставилъ тотъ принципъ, что особенности стиля прошлыхъ эпохъ обусловливаются не внѣшними факторами (напримѣръ, недостаточной техникой), но *внутреннимъ*,—инымъ направленіемъ *воли*. Къ Рилю примкнули многіе выдающіеся эстетики, напримѣръ, W. Worringer („Abstraktion und Einfühlung"). Cohn и Wiener исходятъ всецѣло изъ точки зрѣнія Риля: нужно уловить не признаки стиля, къ суммѣ которыхъ такъ часто сводятъ стиль, но его творческую *волю*, его художественныя задачи. Отъ созданнаго образца нужно заключать къ природѣ творца, къ внутреннему стремленію, къ духу стиля, неоднократно проявляющемуся въ различныхъ искусствахъ, къ „стилю въ себѣ". Стиль мѣняется вмѣстѣ съ „волей" эпохи, поэтому нельзя останавливаться на отысканіи характерныхъ особенностей въ сложившихся стиляхъ: необходимо также прослѣдить переходы между эпохами, такъ какъ именно въ этихъ неуловимыхъ переходахъ собственно и выражается исторія искусствъ. Поэтому нельзя даже говорить о подъемѣ и вырожденіи стиля, и развитіе пластическихъ искусствъ подобно скорѣе движенію волны. Исходя изъ такихъ предпосылокъ, C.—W. даютъ рядъ законченныхъ характеристикъ стилей различныхъ эпохъ, многія изъ которыхъ изумительны по несравненной тонкости (напр., египетское искусство). Въ духѣ пониманія авторамъ исторіи искусства, какъ закономѣрной смѣны тектоническихъ и декоративныхъ стилей, выдержана и дополнительная статья редактора перевода о русскомъ искусствѣ, въ виду отсутствія матеріала неизбѣжно получившая схематическій характеръ, лишь „разставляющая вѣхи"... Переводъ выполненъ хорошимъ языкомъ и читается легко. Встрѣчаются недостатки и описки. Книга, несомнѣнно, весьма удачно выбрана для перевода и принесетъ значительную пользу. (*Н. Самсоновъ. „Рус. Вѣд." 1913—54*).

Для введенія въ изученіе смысла пластическихъ искусствъ важна не столько теоретическая эстетика, сколько конкретныя историческія изученія. Къ таковымъ мы отнесемъ „Исторію стилей". Она, конечно, не годится для начинающаго; но тотъ, кто захочетъ не легкаго чтенія съ эмоціальными характеристиками, а будетъ имѣть возможность съ художественнымъ атласомъ подъ рукой проштудировать небольшую, но въ высшей степени содержательную работу нѣмецкаго ученаго, тотъ обогатится въ области исторіи искусствъ не разрозненными знаніями, но общими взглядами, которые—такова заражающая сила самостоятельной мысли—смогутъ быть лишь продуманными и серьезными. (*„Рус. Бог." 1913—3*).

504. Лебединскій, П. А. 792.

Гримъ. Изд. 2-е, журн. „Театръ и Искус." Спб. 1912. Стр. 367. Съ 376 рис. Ц. 2 р.

Популярно и очень толково составленная книга артиста Л. о гримѣ принесетъ громадную пользу провинціальному театру и молодымъ актерамъ. Въ отчетливо ясной, вполнѣ понятной формѣ авторъ излагаетъ техническую основу искусства грима, давая практически точные и легко выполнимые совѣты. Изложивъ основныя правила грима, Л. подробно разбираетъ существующія въ продажѣ краски, даетъ рецепты составленія новыхъ красокъ и дѣлаетъ цѣнныя указанія относительно характерныхъ гримовъ, старческихъ гримовъ для молодого лица, искусственныхъ наклеекъ, поддѣлыванія париковъ и т. д. Въ его совѣтахъ чувствуется не теоретическія измышленія рисовальщика, а долголѣтній опытъ отличнаго гримера, много разъ осуществлявшаго на сценѣ свои указанія. Быть можетъ, поэтому отдѣлъ женскихъ гримовъ разработанъ значительно меньше, чѣмъ отдѣлъ мужской. Авторъ усиленно совѣтуетъ остерегаться чрезмѣрной гримировки, которая мѣшаетъ свободной мимикѣ лица. Эта основная мысль его труда можетъ быть очень полезна въ теперешнемъ театрѣ, гдѣ полное неумѣніе и пренебреженіе къ гриму часто встрѣчается съ противоположной крайностью — съ излишнимъ увлеченіемъ „лѣпкой" лица. Подробно составленный С. В. Стрѣнковскимъ очеркъ исторіи прическъ, снабженный множествомъ рисунковъ, сильно облегчитъ работу провинціальныхъ актеровъ, не имѣющихъ времени самостоятельно разыскивать то, что подходитъ къ данной эпохѣ и къ данной роли. Книга снабжена послѣсловіемъ наиболѣе крупнаго современнаго авторитета въ вопросахъ грима, артиста Имп. театровъ А. П. Петровскаго. (*„День". 1913—40*).

Книга Л. является дѣльной попыткой собрать и отвѣтить на большинство вопросовъ теоріи и практики грима. Въ этомъ отношеніи она является прекраснымъ руководствомъ не только для начинающихъ, неопытныхъ актеровъ, но и для опытныхъ дѣятелей сцены. Обширный трудъ Л. касается цѣлаго ряда гримированныхъ новшествъ, даетъ исторію грима, удѣляетъ много мѣста прическѣ, измѣненію фигуры и, поскольку живому искусству грима можно выучиться по книгѣ, даетъ въ этомъ отношеніи безусловно цѣнный матеріалъ. (*Л. „Ил. Обозр. Гол. М." 1911—144*).

505. Лукрецій. 87—1.

О природѣ вещей. Пер. И. Рачинскаго.— „Памятники мировой литературы". Изд. М. и

С. Сабашниковыхъ. М. 1913. Стр. XXIV + 560. Ц. 2 р. 25 к.

„Свободный мыслитель" вѣка Цезаря, страстный послѣдователь Эпикура, задумавшій въ стихахъ изложить атомистическую теорію и доказать, что въ мірѣ все вершается по физическимъ законамъ, а не по произволу боговъ,— Лукрецій, безспорно, заслуживалъ перевода на русскій языкъ, тѣмъ болѣе, что его поэма не только представляетъ научно-историческій интересъ, но и содержитъ немало мѣстъ, исполненныхъ истинно-поэтическаго одушевленія. Переводъ Р. добросовѣстенъ и въ общемъ передастъ латинскій текстъ вѣрно, такъ что читатель можетъ этому переводу довѣриться. Надо однако замѣтить, что переводчикъ не задавался цѣлью воспроизвести языкъ Л.; весьма своеобразный, переполненный „солецизмами", словами и оборотами, которыхъ не употреблялъ никто другой изъ римскихъ писателей. Кромѣ того, стихъ Р. часто тяжелъ (въ чемъ переводчикъ и самъ сознается въ предисловіи), но это не такъ существенно въ поэмѣ, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ содержаніе, а не форма. Важнѣе то обстоятельство, что не всѣ термины Л. переданы въ переводѣ безукоризненно. Добавимъ, что переводъ Р. выходитъ вторымъ изданіемъ. Мы не замѣтили никакихъ перемѣнъ въ новомъ изданіи ни въ текстѣ, ни въ предисловіи переводчика. (*Брюсовъ. „Рус. Вѣд.", 1913—60*).

Л. принадлежитъ къ числу авторовъ, представляющихъ для переводчика значительныя затрудненія. Въ стихахъ его много архаизмовъ, много тяжелыхъ и даже неуклюжихъ оборотовъ, а между тѣмъ философская система Эпикура, изложить которую взялся латинскій поэтъ, требуетъ богатаго и утонченнаго языка. Поэтому, передать, хотя бы съ приблизительной адэкватностью, впечатлѣніе, производимое подлинникомъ, представляетъ собою довольно сложную задачу. Переводъ Р., вышедшій первымъ изданіемъ 9 лѣтъ назадъ и теперь распроданный, въ общемъ вполнѣ удовлетворителенъ, хотя кое-какія шероховатости встрѣчаются довольно часто. (*„Рус. Молва". 1913—71*).

506. Шагинянъ, Маріэтта. 891.7—1
Orientalia. Кн-во „Альціона". М. 1913. Ц. 75 к.

„Оріентализмъ собранныхъ здѣсь стиховъ—не предумышленъ; онъ объясняется и оправдывается рассовою осознанностью автора. Нахичевань. 24 августа 1912 г."—такимъ обращеніемъ къ читателю начинается сборникъ стиховъ Ш. Это наивное предупрежденіе дважды неумѣстно: во-первыхъ, потому, что снабженіе читателя указаніями біографически-психологическаго характера авторъ долженъ предоставить біографу и критику; во-вторыхъ, потому, что всякій экзотизмъ въ искусствѣ законенъ постольку, поскольку художественны тѣ пріемы, которыми онъ создается, и что все въ искусствѣ, *оправдываясь* самимъ же искусствомъ и лишь имъ однимъ, въ иныхъ объясненіяхъ и оправданіяхъ не нуждается. Сборникъ Ш., будучи составленъ со вкусомъ, не проигрываетъ отъ безвкуснаго авторскаго предисловія, и если мы и останавливаемся на этомъ предисловіи, то лишь потому, что насъ интересуетъ эта, типичная для современности, „осознанность" своихъ поэтическихъ чувствованій. Жажда самоопредѣленія, стремленіе вполнѣ достойное, многихъ, однако, вовлекало въ опасныя ошибки. Мы знаемъ поэтовъ, которые, „разъяснивъ" свой образъ и тѣмъ самымъ опредѣливъ свое мѣсто „въ кругу расчитанномъ свѣтилъ",— сознательно или полусознательно начинаютъ приноравливаться къ воображенному образу, и творчество ихъ обращается какъ бы въ геометрическое доказательство той формулы, которою они опредѣлили свое „я".

Я знаю, мудрый звѣрь лѣсной
Ползетъ домой, когда онъ раненъ.
Ту боль, что даль мнѣ сѣверянинъ,—
О, залечи мнѣ, край родной.

Эти, кстати сказать, превосходныя строки Ш. могли бы служить эпиграфомъ къ ея сборнику. Въ ея творчествѣ „боль", причиненная „сѣверянином", не прошла безслѣдно, душа, пріобщенная къ иной, сложной и суровой, красотѣ, научилась созерцанію, и восхищеніе поэтессы простодушно-мудрой и яркой простотой „дальней отчизны"— сродни тому чувству, какое испытываютъ взрослые, слушая прекрасную „сказку для дѣтей". Съ удовольствіемъ замѣчаемъ мы, что Ш., вѣрная традиціямъ классической русской поэзіи, умѣетъ подчинить свое пристрастіе къ яркой краскѣ и пышному образу— разумной волѣ художницы, что съ природой Ш. знакомится не по литературнымъ изображеніямъ, а путемъ пристальнаго наблюденія, и потому эпитетъ ея остеръ и индивидуаленъ, образы отчетливы и изобразительны. Стихи Ш. хотя и грѣшатъ несовершенствомъ ритмъ, сдѣланы подчасъ искусно и не достигаютъ желанной простоты; и критикъ, если бы онъ не былъ такъ мало избалованъ осуществленіемъ надеждъ, направляемыхъ къ молодымъ талантамъ, могъ бы пророчить Ш. „будущее", потому что, какъ выражаются авторитетные критики,— она „на вѣрномъ пути". (*А. Полянинъ. „Рус. Молва". 1913—97*).

Небольшая книжечка, скорѣе—циклъ стиховъ, объединенныхъ подъ заглавіемъ „Orientalia",— производитъ прекрасное впечатлѣніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ш. издала первую свою книгу: „Первыя встрѣчи". Молодые, порою не совсѣмъ удачные, порою слегка наивные стихи эти уже тогда свидѣтельствовали о подлинномъ поэтическомъ горѣніи автора и заставляли ждать отъ него будущихъ успѣховъ. Теперь эти ожиданія оправдываются. Поэзія Ш. стала строже и глубже. Она обращается къ большимъ и серьезнымъ темамъ, къ которымъ подходитъ умно и своеобразно. Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ также то, что восточный характеръ стихотвореній не является здѣсь безцѣльной и давно надоѣвшей „стилизаціей": онъ неразрывно связанъ съ темами, и авторъ правъ, называя его непредумышленнымъ. Лучшія стихотворенія въ книгѣ: „Полнолуніе", „Невѣста", „Къ Арменіи". Стихи Ш. не чужды нѣкоторыхъ вліяній. Но мы съ радостью видимъ, что здѣсь дѣло идетъ не о модныхъ увлеченіяхъ современной поэтической молодежи: пушкинскія „Подражанія Корану"— вотъ гдѣ Ш. училась писать стихи. (*В. Х—чъ. „Гол. Москвы". 1913—55*).

Стихи очень хороши, очень изящны, очень литературны. Въ стихотвореніи „Къ Арменіи" Ш. говоритъ грустно:

Съ какой отрадой неустанной,
Молясь, припоминаю я
Твоихъ церквей напѣвъ гортанный,
Отчизна дальняя моя!
Припоминаю въ боли жгучей,
Какъ очеркъ милаго лица,—
Твои поля, ручьи и кручи,
И сладкій запахъ чебреца...
Велѣнью тайному послушный,
Мой слухъ донынѣ не отвыкъ
Любить твой грустно-простодушный,
Всегда торжественный языкъ.
И въ часъ тоски невыразимой,
Пріютъ послѣдній обрѣтя
Твое несчастное дитя
Идетъ прилечь къ тебѣ, къ родимой...
Я знаю, мудрый звѣрь лѣсной
Ползетъ домой, когда онъ раненъ.
Ту боль, что далъ мнѣ сѣверянинъ,—
О, залечи мнѣ, край родной!

Какъ свободно и хорошо легли эти строки; а въ самомъ строеніи сердца автора мы ясно видимъ, что оно полно художественныхъ образовъ, сравненій, живыхъ и вмѣстѣ вѣрныхъ.

Большинство стихотвореній, однако — чисто восточныя. Вотъ примѣръ этихъ „Orientalia“:

Кто бъ ты ни былъ,—заходи прохожій.
Смуглянъ вечеръ, сладокъ запахъ нарда...
Для тебя давно покрыто ложе
Золотистой шкурой леопарда.
Для тебя давно таитъ кувшины
Драгоцѣнный сокъ, желтѣй топаза,
Что добытъ изъ солнечной долины,
Изъ садовъ горячаго Шираза.
Розовѣютъ тусклые гранаты,
Ломти дыни ароматно-вялы;
Нѣжный персикъ, смуглый и усатый,
Притаился въ вазѣ, запоздалый;
Я ремни спустила у сандалій,
Я лѣниво растегнула поясъ...
Ахъ, давно глаза читать устали,
Лжетъ Коранъ, лукавитъ Аверроэсъ!
Поспѣши... круглится ликъ Селены;
Кто бъ ты ни былъ,—будешь господиномъ.
Жарокъ ротъ мой, грудь бѣлѣе пѣны,
Пахнутъ руки чебрецомъ и тминомъ.
Днемъ чебрецъ на солнцѣ я сушила,
Тминъ сбирала, въ часъ поднявшись ранній...
Въ эту ночь—отъ Каспія до Нила—
Дѣвы нѣтъ меня благоуханнѣй!..

(*В. Розановъ. „Нов. Вр“. 1913—13302*).

Здѣсь, какъ и вообще у этого поэта, плѣнительно именно это сочетаніе голубиной кротости и змѣиной мудрости.

— Да кто же поэтъ?

— Дѣвушка. И армянка. Странно, что человѣкъ не русскій по крови владѣетъ такъ русскими стихами. А она владѣетъ какъ настоящій мастеръ. И крупный, философски обработанный умъ. Впитала утонченность западной культуры и соединила ее съ темными зовами, которые несутся къ ней изъ глубокой дали вѣковъ, отъ далекихъ равнинъ и горъ ея полудикой родины. Иногда беретъ верхъ культура, жизнь, вся прожитая въ русскихъ столицахъ, среди современныхъ искусства и науки,—тогда появляются пѣсни, собранныя въ ея первой, молодой книгѣ „Первыя встрѣчи“; иногда побѣждаетъ этотъ родной голосъ крови,—и является тоненькая, но такая искренняя, свѣжая, изящная и глубоко прочувствованная книжка, какъ „Orientalia“, изъ которой я цитирую.

——

Онъ только спросилъ, далеко ль до чужого аула.
Сказалъ, что спѣшитъ и что жажда его велика.
Онъ только просилъ, чтобы я для него зачерпнула
Въ дорожную чашу холодной воды родника.

——

Надъ чашей съ водою тряхнула я розою пышной,—
И розовой пѣной до края покрылась она.
И чашу подавши, я такъ прошептала неслышно:
— Пей, путникъ, да будетъ вода тебѣ слаще вина!

——

Изъ чаши напился онъ, сдунувши къ самому краю
Съ воды, словно бабочекъ, сдунувъ мои лепестки...
Вотъ только и было, и какъ онъ коснулся,—не знаю,
Ахъ, право, не знаю,—моей загорѣлой руки...

Какъ это хорошо и просто. Только взята восточная авторша, хоть и не погрѣшаетъ ни единой нотой противъ стиля,—охъ, какая она современная! Да. Она подчасъ и въ этой небольшой по объему книжкѣ уходитъ отъ своего Востока. Въ ея стихахъ „Мать“, уже не Востокъ, а общее всѣмъ. И посмотрите, какой вѣрный рисунокъ:

Она блѣдна; по нѣжной кожѣ,
Блестя, бѣжитъ жемчужный потъ.
Губа прикушена... И тотъ,
Кто далъ ей боль, склоненъ у ложа.
О, какъ онъ глухо стонетъ самъ,
Когда сквозь боль, звѣренышъ бѣдный,
Она его по волосамъ
Тихонько гладитъ ручкой блѣдной
И улыбается ему
Прохладой глазъ полузакрытыхъ...

— Вы теперь такъ рѣдко цитируете стихи. Что это, по-вашему, одни изъ самыхъ лучшихъ? Въ теперешнихъ стихахъ такъ много искусства, похожаго на искусственность. Филигранно до послѣдней степени. Вѣнки сонетовъ, газеллы, сестины и проч., все это требуетъ виртуозности, о которой старикамъ и не снилось. Какимъ наивнымъ кажется передъ этой высшей школой самъ Пушкинъ, робко приступающій къ борьбѣ съ тройнымъ созвучіемъ октавы. Но все это мотовство слова только внѣшнее; передъ сердцемъ поэтъ нашихъ дней такъ часто остается несостоятельнымъ должникомъ. А здѣсь— идетъ отъ сердца, восторгавшагося и болѣвшаго, къ сердцу. Въ формѣ въ значительной степени изысканной, но не продавшей души своей за внѣшнія украшенія. Это цѣнно... (*С. Яблоновскій. „Рус. Сл“. 1913—19*).

507. Гусевъ-Оренбургскій, С. 891.7—3

Разсказы. Т. IV. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб. 1913. Стр. 297. Ц. 1 р. 25 к.

Г.-О. давно и хорошо пишетъ о духовенствѣ. Ему нѣсколько повредилъ 1905 годъ, когда онъ чуть не въ каждомъ батюшкѣ сталъ видѣть революціонера, и „модернизмъ“, едва было не убившій въ немъ художника. Но затѣмъ все

наладилось, писатель вернулся въ родную стихію, къ своимъ попамъ, такъ хорошо ему знакомымъ и весьма характернымъ для всей русской жизни. Кое-что въ этой новой книжкѣ Г. слабѣе прежняго: есть разсказы совсѣмъ сбивающіеся на анекдотъ, и особенно нехорошо, когда этотъ анекдотъ безмѣрно растянутъ, какъ, напримѣръ, повѣсть о дьяконѣ, перехитрившемъ смерть. Не радуетъ и мѣстами приподнятый, высокопарный тонъ, очевидно, оставшійся у автора отъ той полосы, когда онъ жизнь и человѣкъ писалъ непремѣнно съ большой буквы... Первые его разсказы были милы своей простотой. Но все же о нашемъ коренномъ сословіи Г. подмѣтилъ много вѣрнаго, и это подмѣченное запеклось у него въ душѣ. Какъ и въ прежнихъ разсказахъ, гусевскіе священнослужители раздѣляются на двѣ группы: на тѣхъ, что заботятся исключительно о „пріумноженіи доходовъ“, и на тѣхъ, которые имѣли несчастіе „возлюбить сатанинскую влагу“. Погибшіе и погибающіе... Мертвецы и умирающіе... Вотъ каковы у Г. народные пастыри духовные. Какъ ни критически относится авторъ къ наблюдаемой имъ средѣ, я боюсь, что онъ все же ее идеализируетъ. Слишкомъ живые его „мертвецы“ и черезчуръ они краснорѣчивы.

Конечно, мятущіеся и сомнѣвающіеся лучше тупыхъ и равнодушныхъ. Но такъ ли много этихъ первыхъ? И одно ли сочувствіе вызываетъ та ихъ драма, на которую часто намекаетъ Г.-О. въ своихъ разсказахъ? Это—драма людей, садящихся не въ свои сани, берущихъ на себя непосильный подвигъ. „Лучшіе“ священники Г.— не религіозны въ тѣсномъ смыслѣ слова—атеистичны, а между тѣмъ, играютъ въ религію. Всѣ они раціоналисты, въ родѣ Иліодора, и склонны при первомъ удобномъ случаѣ перемѣнить вѣру въ Бога на „вѣру въ человѣчество“, которая гораздо больше имъ соотвѣтствуетъ. Насиліе надъ собой и ведетъ ихъ къ гибели, къ превращенію души въ „пустой колодезь“. У краснорѣчиваго о. Никодима впрочемъ только отдаленный намекъ на такую религіозную драму, мы ея процесса не видимъ. А зато другое—его русское естество, которое придаетъ этой драмѣ особенный характеръ, выражено очень полно и ярко Оно и побуждаетъ его искать простѣйшаго утѣшенія во „влагѣ сатанинской“, неизбѣжно толкаетъ его къ наклонной плоскости и велитъ ему катиться по ней до конца.

Въ этомъ роковомъ характерно-русскомъ направленіи воли у героевъ Г. религіозная драма иногда бываетъ не причемъ. Умерла ли у священника жена, онъ утѣшается „влагой“, перевели ли его въ глухой приходъ—то же самое; случается это и безъ всякихъ реальныхъ поводовъ, просто потому, что подошло время... Еще на школьной скамьѣ, въ бурсѣ и семинаріи, воспитывается склонность къ утѣшительницѣ— „влагѣ сатанинской“, и непреодолимая потребность къ ней. Не въ этой роковой склонности, конечно, дѣло, а въ томъ, что глубже ея: въ полной невозможности для русскаго человѣка бороться съ ней, что-нибудь ей противопоставить. Каждый изъ героевъ Г.-О. хотѣлъ бы устоять, сохранить въ себѣ „образъ и подобіе Божіе“ или вернуть его себѣ, но не можетъ.— Но-ги-ба-ю!!..—Этотъ вопль спившихся, перепившихся, допившихся до бѣлой горячки батюшекъ „будто доносится со всѣхъ концовъ родной земли“... (*Е. Колтоновская. „Рѣчь“. 1913—27*).

Въ книгѣ рядъ бытовыхъ очерковъ изъ жизни духовенства. Проходятъ цѣлой вереницей „батюшки“, „матушки“, „владыки“... Мѣстами ярко, колоритно зарисованы типичныя фигуры, встрѣчаются живыя, интересныя сценки, но въ общемъ всѣ эти разсказы развлекаютъ, какъ хорошо, умѣло переданные анекдоты—не больше. Чрезмѣрное злоупотребленіе церковными цитатами, нарочито-поповскій языкъ, обильно пересыпанный специфическими текстами и семинарскими остротами,—утомляетъ и заставляетъ жалѣть о томъ, что авторъ, хорошо изучившій духовную среду, скользитъ по ней лишь поверхностнымъ взглядомъ, не пытаясь заглянуть въ самую глубь жизни. (*Гаррисъ. „У. Рос.“. 1913—16*).

503. Ивашкевичъ, А. 891.7—3

Русскія дѣти въ Маньчжуріи. Разсказы изъ пережитаго на Дальн. Востокѣ въ 1897—1900 гг. Рис. Н. Ткаченко. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1912. Стр. 316. Ц. 2 р.

Казачій офицеръ Ивашинцевъ посланъ въ Маньчжурію для охраны строившейся Сибирской ж. д. Съ нимъ ѣдетъ его семья—жена и двое дѣтей. Путь отъ Одессы до Владивостока, жизнь во Владивостокѣ, путешествіе въ глубь Маньчжуріи, жизнь въ теченіе почти трехъ лѣтъ тамъ, въ глуши, начало боксерскаго возстанія и тяжелое возвращеніе въ Россію—вотъ тема повѣсти; центральными фигурами авторъ все время выдвигаетъ дѣтей Ивашинцева и ихъ товарищей въ Маньчжуріи, дѣтей другихъ русскихъ, служившихъ тамъ. Возможно, что многое о чемъ говорится въ повѣсти, могло быть именно такъ, какъ въ ней разсказывается. Однако, правды въ ней не чувствуется, а вездѣ, во всемъ видна надуманность, сочиненность. Отъ этого типы дѣтей и взрослыхъ вышли какими-то нежизненными, все какъ-то тягуче, скучно. Очень много въ книжкѣ сентиментальности—всѣ такіе „хорошіе“: и дѣти, и офицеры, и казаки, и даже враги-китайцы; если же послѣдніе и убиваютъ русскихъ, то это гдѣ-то далеко, больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; и всѣ опасности какія-то нестрашныя, потому что и въ нихъ чувствуется придуманность. Такъ какъ тема не чисто бе.летристическая, то книжка даетъ и „научныя“ свѣдѣнія по географіи тѣхъ странъ, которыя видѣли дѣти, по исторіи, этнографіи, миѳологіи китайцевъ, о политическомъ положеніи Китая и Россіи; все же сообщается въ формѣ всегда такъ фальшиво звучащихъ разговоровъ матери съ дѣтьми или разсказа старшаго изъ мальчиковъ. Въ общемъ книга представляетъ типичнѣйшій примѣръ повѣсти для дѣтей, сфабрикованной на заданную тему. Ничего дурного въ ней нѣтъ, но нѣтъ въ ней жизни, нѣтъ художественности, и право же, мало что вынесетъ изъ нея тотъ, кто одолѣетъ эти скучныя 300 страницъ. Издана книга хорошо, много рисунковъ. (*„Что и какъ чит. дѣт.“. 1912—13—6*).

Книга написана недурно, особенно въ ея описательной части. Разговоры, особенно взрослыхъ съ дѣтьми, значительно слабѣе, въ нихъ нѣтъ простоты и умѣнья автора устами изображаемыхъ имъ лицъ просто и ясно объяснить дѣтямъ причину войны вообще и войны съ Китаемъ въ частности. Можно съ увѣренностью сказать, что, дѣти не представятъ себѣ ясно, въ чемъ дѣло, а эти вопросы, несомнѣнно, ихъ заинтересуютъ,

такъ какъ авторъ заставляетъ своихъ маленькихъ героевъ останавливаться на этихъ вопросахъ. Въ книгѣ мы не найдемъ ни описанія жизни, ни обычаевъ, ни религіозныхъ обрядовъ—ничего, что бы ознакомляло дѣтей съ страной. Подробное описаніе природы и поѣздки туда и обратно, эпизоды изъ дѣтской жизни—вотъ все, что найдетъ читатель въ этой, въ общемъ интересной книгѣ. Авторъ совершенно не воспользовался случаемъ познакомить своихъ читателей съ описываемыми странами по иллюстраціямъ. Что мы видимъ на нихъ: то ничего не стоющія, очень небольшого формата изображенія дѣтей на осликахъ, то плывущей собаки, то еще какіе-нибудь малозначительные эпизоды изъ дѣтской жизни. Ни одного хорошаго изображенія жилища, храма, типовъ жителей, городовъ. Если къ книгѣ не предъявлять требованій научныхъ, а смотрѣть на нее, какъ на интересно написанную повѣсть, то этому требованію книга вполнѣ удовлетворитъ. Въ ней нѣтъ ложнаго патріотизма, оправдыванія русскихъ во всемъ. Пригодна для дѣтей средняго возраста. (*„Нов. Дѣт. Лит.“. 1912—4*).

Если бы книга эта не была роскошно издана, не стоила бы такъ дорого и была бы доступна дѣтямъ бѣдняковъ, мы все же не могли бы ее рекомендовать послѣднимъ, какъ поучительное и полезное чтеніе. Но такъ какъ книга повидимому предназначена исключительно для дѣтей достаточныхъ родителей, для которыхъ мысли и чувства, одушевляющія книгу, являются вполнѣ привычными, то для дѣтей этого разряда читателей можно книгу смѣло рекомендовать, какъ пріятное чтеніе. (*Ив. Сергѣевъ. „Нов. Журн. д. Вс.“. 1913—1*).

Книга читается не безъ интереса. Мимоходомъ авторъ описываетъ бытъ китайцевъ, природу Маньчжуріи, жизнь въ русскихъ поселкахъ этой страны. (*А. А. Локтинъ. „Нар. Уч.“. 1913—2*).

509. Келлеръ, Елена. 891.7—3

Изъ жизни слѣпой и глухонѣмой. Пересказъ по автобіографич. запискамъ А. Толивѣровой. Изд. Девріенъ. Спб. 1912. Стр. 113. Ц. 70 к.

Не сказка, а настоящая правда жизни одной замѣчательной дѣвушки передается въ книжкѣ. Жизнь дѣйствительно замѣчательная: слѣпая и глухонѣмая дѣвочка, нынѣ уже взрослая, посредствомъ осязанія достигла того, чего достигаетъ далеко не всякій человѣкъ, родившійся вполнѣ нормальнымъ. К., несмотря на слѣпоту, глухоту и нѣмоту, окончила университетъ, хорошій математикъ, знаетъ основательно языки французскій и нѣмецкій и читаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ по-гречески и по-латыни. Въ раннемъ еще дѣтствѣ она на родномъ языкѣ писала сочиненія и своей необыкновенной даровитостью дошла до того, что стала прекрасно говорить, отчетливо произнося каждое слово. Очень понятно поэтому, что М. Твэнъ сказалъ, что для него „самыми интересными людьми въ XIX в. были Наполеонъ и Е. Келлеръ, и что онъ даже отдаетъ преимущество К.“. Пересказъ сдѣланъ очень удачно и книжка заслуживаетъ самаго широкаго вниманія. Она ясно разскажетъ каждому прочитавшему ее, что если у человѣка существуетъ желаніе чего-нибудь достигнуть, то всѣ препятствія на этомъ пути могутъ быть устранимы. Издана книжка изящно. (*„Учит. Вѣст.“. 1912—9*).

Появленіи этой книги оправдывается тѣмъ, что она должна расширить кругъ читателей, знакомыхъ съ жизнью К., этой замѣчательной личности. Пересказъ Толивѣровой приноровленъ для дѣтей средняго возраста и будетъ ими читаться съ большимъ интересомъ, оставляющимъ глубокое впечатлѣніе. (*К. М. „Дошк. Восп.“. 1913—3*).

Несомнѣнно, что эта повѣсть о жизни К. прочтется дѣтьми съ большимъ интересомъ и пользою. Записки К. пересказаны и переведены вполнѣ литературно. Изящно изданная книжечка украшена 12-ю портретами К., снятыми въ различные годы жизни, ея факсимиле и нѣсколькими рисунками. (*„Одес. Л.“. 1912—288*).

510. Крашенинниковъ, Н. 891.7—3.

Сочиненія. Т. III. Сказка любви. Изд. „Моск. к-ва“. М. 1913. Стр. 172. Ц. 1 р. 25 к.

К. озаглавилъ свое произведеніе „Сказкой любви“. Безъ сомнѣнія онъ имѣлъ здѣсь въ виду эмоціальную сторону сказки, считая самый сюжетъ реалистическимъ. Но это произведеніе больше сказка, чѣмъ думаетъ авторъ. Прежде всего, мало вѣрится въ правдоподобіе значительной части „маленькаго романа“. Не вѣрится ни въ эту сохранность дѣтскихъ душъ, въ райское невѣдѣніе, едва ли возможное на нашей грѣшной землѣ послѣ извѣстнаго возраста, не вѣрится въ роковое появленіе „студента“, въ „опернымъ“ размышленія и смерть въ чарующимъ снѣ. Все это, по нашему мнѣнію, приспособленіе искусственное, даже искусное, но не художественное. Въ „Сказкѣ любви“ очень тонко намѣченъ переходъ одной любви въ другую. Рискованная тема—любовь брата къ сестрѣ, а сестры къ брату, незамѣтно переходящая въ иную любовь, и вытекающія отсюда чувства тяжелаго, мучительнаго недоумѣнія, ревности, страха, обработана цѣломудренно и изящно. Но вѣдь и герои то, братъ и сестра, какіе-то неземные люди. Это какое-то „созвѣздіе близнецовъ“ на нестромъ прозаическомъ лонѣ земли, и оттого-то оно кажется такимъ серебристымъ и призрачнымъ, болѣе сказочнымъ, чѣмъ нужно для реалистической повѣсти. Вообще, особенность таланта К.—мягкость и задушевность, выражена здѣсь особенно полно. Въ авторѣ чувствуется человѣкъ съ свѣтлыми и нѣжными воспоминаніями, и въ его созерцаніяхъ настоящаго замѣтенъ легкій отголосокъ прошлаго. Лирически настроенный, авторъ, тѣмъ не менѣе, не придумываетъ ни новыхъ словъ, ни новыхъ сравненій и пишетъ языкомъ классиковъ, и понятно почему: въ языкѣ-воспоминаніи каждое, даже самое банальное, слово—символъ чего-то для автора неувядаемаго и неизжитаго. К.—пѣвецъ красоты и теплоты жизни, но наиболѣе полно онъ почувствовалъ ихъ раньше, когда, можетъ быть, и не думалъ о нихъ писать. Это придаетъ писательскому облику автора особую оригинальность, даетъ ему право на свое, не занятое другими, мѣсто въ литературѣ. (*А. Г. „Соврем.“ 1913—2*).

„Сказка Любви“—красивое своей одухотворенностью, мѣстами почти музыкальное произведеніе: это именно „звѣздная сказка“, какъ называетъ ее авторъ. Въ ней нѣтъ ничего фантастическаго, сверхъестественнаго въ обычномъ смыслѣ этого слова, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся она отъ начала до

конца выражаетъ тѣ настроенія и переживанія, которыя сказочны уже по одному тому, что будничная, реальная жизнь не даетъ возможности имъ развиваться. Эти настроенія лишь изрѣдка просыпаются въ нашей душѣ, но „жизни мышья бѣготня" заглушаетъ ихъ, разбиваетъ въ самомъ началѣ. Въ книгѣ К. нѣтъ и слѣда того вычурнаго символизма, который обычно встрѣчается въ такихъ произведеніяхъ. Реальная жизнь, сѣрая и скучная, плетется своимъ чередомъ, и въ уголкѣ этой жизни, точно притаившись отъ всѣхъ, въ молодыхъ душахъ сплетается своя прозрачная чистая и въ мѣстѣ съ тѣмъ неисполнимая мечта о жизни — звѣздная сказка. Книга проникнута глубокой поэтической грустью и вызываетъ грустное настроеніе. (*Гариссъ. „У. Рос." 1913—16*).

511. Кумовъ, Романъ. 891.7—3

Въ Татьянину ночь. Разсказы и очерки. Изд. „Жизнь д. Вс." Спб. 1913. Стр. 175. Ц. 1 р.

Да простятъ мнѣ читатели, что я пишу о разсказахъ и очеркахъ К., вышедшихъ въ изданіи „Ж. д. В." Я не буду разбирать разсказовъ и очерковъ К. Я хочу лишь сказать, что появленіе въ свѣтъ этой книги было большой для меня радостью. Радостно полюбить человѣка, но иногда радостно полюбить и книгу. Но полюбить можно только живую книгу. Всѣ разсказы и очерки К. живые. Въ нихъ бьется нѣжная и любящая душа автора. Описывая обывательское, К. соприкасается съ вѣчнымъ, съ безсмертнымъ. Онъ улавливаетъ огоньки безсмертнаго, зажигающіеся въ обывательской жизни. Болѣзненно сжимается его сердце, когда гаснутъ эти огоньки отъ недостатка чистаго воздуха, но и въ эти болѣзненныя минуты онъ вѣритъ, что огонь любви, знанія, свободы затушить нельзя. И гдѣ-то, когда-то онъ разгорится. Не знаю, вѣритъ-ли К. въ безсмертіе, но знаю, что онъ вѣритъ въ безсмертное. И передаетъ намъ эту вѣру. Книга К. не тоскливая, она грустная, а въ грусти такъ много любви! Особенно хороши разсказы „На кладбищѣ", „Мужики" и „Лиза". Баратынскій въ одной изъ эпиграммъ говоритъ, что иныя книги выходятъ въ свѣтъ, а другія лишь въ печать. Книга К., несомнѣнно, выходитъ въ свѣтъ. И въ свѣтѣ найдутся чуткіе люди, которые ее полюбятъ. (*В. Поссе. „Жизнь д. Вс." 1913—1*).

К. — писатель начинающій, но съ задатками. Талантъ его сказывается въ умѣньи сгущать мысль, давать большое содержаніе въ сжатой формѣ разсказа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у К., какъ начинающаго, обнаруживается невѣрность письма и отсутствіе той яркой образности, которая выявляетъ поэтовъ „Божіей милостью". Чувствуется въ стилѣ его и замѣтная подражательность А. П. Чехову и даже Н. В. Гоголю. А фабула разсказовъ К. иной разъ сбивается на анекдотъ. Впрочемъ, быть можетъ, въ этомъ повинна и русская жизнь, и прежде всего жизнь трудовой и служилой интеллигенціи, сѣрая, монотонная, часто несуразная. За отсутствіемъ настоящихъ радостей, она вынуждена пользоваться ихъ суррогатами. Однако съ порывами къ счастью или, по крайней мѣрѣ, съ воспоминаніями о былыхъ порывахъ эта интеллигенція, какъ видно изъ разсказовъ К., не разстается, идеализма своего не изживаетъ; а если и переживаетъ его, то лишь послѣ долгой, упорной борьбы за идеалы жизни, какъ это случилось, напр., съ Лизой, героиней разсказа того же имени, или съ героемъ очерка „Въ Татьянину ночь", послѣдняго въ сборникѣ.

Самою симпатичною особенностью нашего писателя является тонъ повѣствованія, проникнутый горячимъ и въ то же время мягкимъ и трогательнымъ сочувствіемъ къ изображаемымъ лицамъ: авторъ переживаетъ съ своими героями ихъ судьбу, вмѣстѣ съ ними несетъ крестъ жизни. Съ особенной симпатіей относится авторъ къ учительскому міру, міру народныхъ учителей, какъ показываютъ разсказы: „Туристъ" и „Учительница". Разсказы читаются легко и съ удовольствіемъ. (*Н. П. „Вятск. Р." 1913—53*).

Книжечка разсказовъ К. пока еще только намекаетъ на художественное дарованіе начинающаго автора, но мало говоритъ о немъ. За немногими исключеніями, разсказы блѣдны и сѣры. Авторъ весь во власти чеховскихъ сумеречныхъ настроеній. Онъ и пишетъ „подъ Чехова"; однако, лишенный прозрачнаго стиля послѣдняго, создаетъ копіи, слегка напоминающія оригиналъ, но мало похожія на него. Обращаютъ вниманіе два-три маленькихъ разсказа („Туристъ", „Юбилей"); остальное просто скучно и часто сбивается на мало занятный анекдотъ. (*Вл. Кр. „Совр. М." 1913—2*).

Разсказы и очерки К. производятъ не слишкомъ хорошее впечатлѣніе. Нигдѣ авторъ не даетъ цѣльной законченной картины. Есть разсказы очень слабые („Рахиль"). Часто попадаются такія выраженія: „блеютъ коровы" (стр. 30), „сестренки потускли" (стр. 59), „она слазитъ съ колѣнъ" (стр. 157). (*„Рус. Молва". 1913—71*).

Въ книгѣ 20 съ лишкомъ вещицъ. Большинство ихъ производитъ впечатлѣніе страничекъ изъ записной книжки, страничекъ, написанныхъ гладко, что лишаетъ ихъ прелести сырого литературнаго матеріала — съ одной стороны и сообщаетъ имъ характеръ набросковъ о жизни по наслышкѣ — съ другой... Въ сторонѣ стоятъ „Мужики" и „Лиза". Здѣсь есть настроенія, чувствуется острота подлинной жизни, которую авторъ рисуетъ мягкими, грустными красками, среди которыхъ есть и свойственныя только ему... Книга въ цѣломъ производитъ блѣдное впечатлѣніе, но читается не безъ интереса, заставляетъ думать. Издана сносно, но дорого. (*Н. Л—о. „Путь". 1913—3*).

512. Савватій. 891.7—3

Тетрадь въ сафьянѣ. Изд. кн. маг. б. М. В. Попова. Спб. 1913. Стр. 200. Ц. 1 р.

Не можетъ пройти не замѣченной небольшая, пзящная, полная пессимизма повѣсть „Тетрадь въ сафьянѣ", подписанная, несомнѣнно, псевдонимомъ Савватій. Кто такой этотъ Савватій? Говорятъ, дочь одного извѣстнаго писателя. Это, въ сущности, не важно. Дѣло не въ этомъ, кто авторъ, а какъ онъ себя проявилъ. И въ этомъ отношеніи нужно сказать, что проявилъ онъ себя любопытно. Сюжетъ, взятый имъ, простъ, не сложенъ, но разработанъ тонко, оригинально и съ большимъ вкусомъ.

Герой этой повѣсти — репетиторъ, попадающій въ старинное барское гнѣздо, въ село Арсеньевское, Лягавое тожъ. Репетиторъ, человѣкъ чуждый этой средѣ, вростаетъ, однако, въ нее, сливается съ ней и вдумчиво наблюдаетъ. Свои наблюденія онъ заноситъ въ дневникъ, написан-

ный просто, безъ вычуръ и, главное, съ большимъ чувствомъ правды. Картины получились ужасныя. Порой, кажется, даже не повѣрилъ бы имъ, если бы такихъ же фактовъ не разсказывалъ уже раньше другой молодой писатель графъ Ал. Толстой. Хроника Лигаваго полна ужасовъ. Тринадцатилѣтняя дѣвочка Нина оказывается уже знающей „все“... Не даромъ подглядывала она у дверей спальни за отцомъ съ матерью! Кончаетъ она самоубійствомъ, такъ какъ оказывается не способной вынести то, что творится вокругъ нея. Репетиторъ тоже въ ужасѣ... Единственной отрадой для него является чтеніе старинной, найденной на чердакѣ, тетради въ сафьянѣ. Это — дневникъ, который вела около ста лѣтъ назадъ одна изъ обитательницъ родового гнѣзда Лигавыхъ — Лиза. Отъ старыхъ листовъ старой тетради вѣетъ ароматомъ не нашей чистоты. Савватій сумѣлъ написать этотъ дневникъ въ строго выдержанномъ стилѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Порой даже слишкомъ ужъ стилизованъ. Главное въ очаровательномъ образѣ Лизы, изящно написанномъ Савватіемъ, и точно переведенномъ съ холста Брюллова.

На чистомъ образѣ Лизы, дѣйствительно, можно отдыхать. Ея первая любовь къ мужу, ея беременность, которой она даже не понимаетъ и которую ей разъясняетъ свекровь, наконецъ, даже ея первое паденіе... Она, въ своемъ дневникѣ подробно описала, какъ у нея вдругъ „это“ случилось съ Петей... Многія сцены очень реальны, но кто скажетъ, что это—порнографія? Чистый образъ Лизы такъ идеаленъ, свѣтитъ такимъ яснымъ, хорошимъ свѣтомъ. Жизнь, въ которой могла быть такая жизнь, заслуживаетъ прощенія и примиренія. И, вдругъ, въ самомъ концѣ повѣсти, репетиторъ дѣлаетъ открытіе. Репетиторъ нашелъ въ старомъ хламѣ портретъ, на которомъ была изображена красавица, взбалмошная и чувственная: орлиный носъ, полныя яркія губы...

Кто была эта женщина? Случайно разговорился онъ о портретѣ съ старушкой, пріѣхавшей въ усадьбу Лигавыхъ. Оказалось, что это была... Лиза! Та самая Лиза, которая писала свой дневникъ въ сафьяновой тетрадкѣ!

— Про нее,—повѣствовала старушка,—много разсказовъ. Супругъ ея рано умеръ... Она тогда изъ деревни уѣхала, сына забросила,—это дѣда моего,—такихъ, говоритъ, задавала! За француза замужъ вторично вышла, герцогъ что ли, того въ гробъ свела, три состоянія прокутила. Парижъ по ней съ ума сходилъ.

— Отчего умерла?—спросилъ репетиторъ.

— Кажется, любовникъ убилъ, проходимецъ какой-то: не то испанецъ, не то революціонеръ.

Вотъ она Лиза! — Репетиторъ швырнулъ ея портретъ.

А Савватій кончаетъ повѣсть злобнопессимистическимъ аккордомъ:

„Богъ съ вами со всѣми—живыми и мертвыми“...

Это—крикъ современной молодой души! Насколько Савватій правъ въ своемъ пессимизмѣ, насколько этотъ пессимизмъ оправдывается,—вопросъ другой. Но мотивированъ онъ очень хорошо. Савватій — безспорно талантливый авторъ. (*Анчаръ. „Бирж. Вѣд.“ 1913—13459*).

Я прочелъ эту небольшую книжечку подъ рядъ, не поднимаясь съ дивана. Конечно, такая спѣшная занимательность еще не является достаточнымъ доказательствомъ художественной значительности. Заинтересовать можетъ и Пинкертонъ, и отъ Дюма трудно оторваться, но самымъ больнымъ мѣстомъ всѣхъ начинающихъ и не начинающихъ, (впрочемъ) современныхъ авторовъ является полное неумѣніе и нежеланіе быть интересными. Интересностью фабулы намѣренно пренебрегаютъ, да, впрочемъ, это и не такъ легко—умѣть интересно разсказывать. Поэтому этой дебютной, повидимому, книгѣ многое можно простить за то, что она интересна. Въ ней есть страницы, достаточно безвкусныя, есть еще нѣкоторая безпомощность, но эту книгу можно прочесть безъ всякой скуки. Самый замыселъ (правда, не новый, еще Гофманъ воспользовался имъ для своего „Кота Мура“) дать два параллельныхъ дневника, изъ которыхъ одинъ постоянно прерывается другимъ, удаченъ и остроуменъ. (*С. Ауслендеръ. „Рѣчь“. 1913—75*).

Въ параллельныхъ дневникахъ стремится отразить авторъ два помѣщичьихъ уклада, отдѣленныхъ цѣлымъ вѣкомъ. Въ общемъ получается впечатлѣніе блѣдное. Стиль дневника слабо выдержанъ. Искусственность рѣчи характерна для всей книги. Въ ней наивность и непосредственность слишкомъ „сдѣланы“ и замѣнены приторнымъ наивничаніемъ. Изображеніе разложенія современной помѣщичьей семьи еще менѣе удалось автору. Быть, повидимому, не его сфера. Отдѣльныя мѣста заставляютъ предполагать, что авторъ болѣе талантливъ, чѣмъ его книга. Его лиризмъ мѣстами подкупаетъ. (*„Рус. Молва“. 1913—102*).

513. Коноваловъ, Ив. 891.7—3:333.5

Очерки современной деревни. Дневникъ агитатора. Посмертн. изд., съ предисл. Вл. Кранихфельда. „Изд. т-во писателей“. Спб. 1913. Стр. 397. Ц. 1 р. 50 к.

Книгу покойнаго К. можно разсматривать съ двоякой точки зрѣнія: какъ произведеніе художественной литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поскольку рѣчь идетъ о „дневникѣ агитатора“, какъ цѣнный „человѣческій документъ“,—и какъ матеріалъ для изученія жизни русской деревни въ революціонную и особенно пореволюціонную эпоху. Я не компетентенъ судить о книгѣ съ первой точки зрѣнія; не знаю, въ частности, въ какой мѣрѣ правъ авторъ предисловія къ книгѣ, г. Кранихфельдъ, когда проводитъ параллель между покойнымъ Коноваловымъ и Гл. Успенскимъ, хотя въ качествѣ заурядного читателя могу удостовѣрить, что книга написана талантливо: передъ нами проходятъ не шаблоны, а яркіе живые образы, иногда развертывающіеся въ широкую картину; читается книга легко и завлекаетъ читателя. Меня, однако, интересуетъ не какъ написана книга, а что въ ней написано; не форма, а содержаніе. И именно богатое и жизненное содержаніе заставляетъ меня рекомендовать книгу К. вниманію всякаго, кто интересуется жизнью русской деревни. Уже одни заглавія нѣкоторыхъ главъ—„Землеустроители“, „Новый помѣщикъ“, „На хуторахъ“, „Пролетаризація деревни“—показываютъ, какъ много вниманія К. удѣляетъ, въ частности, современному землеустройству, — впрочемъ, не столько землеустройству въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сколько воплощенію въ жизнь указа 9 ноября 1906 г., и хуторамъ крестьянскаго

поземельнаго банка. То, что онъ изображаетъ въ своихъ „очеркахъ",—это частью конкретные факты, пріуроченные къ опредѣленному мѣсту и времени, частью—художественно-синтезированныя, но всегда взятыя изъ непосредственной дѣйствительности наблюденія. Тѣ и другія одинаково жизненны и содержательны. Окраска ихъ крайне отрицательна. Мнѣ лично думается, что краски въ „очеркахъ" К. слишкомъ сгущены; что и здѣсь намъ дается „правда" и, вѣроятно, „только правда", но *не вся правда*; что талантливо схваченныя К. съ натуры картины характерны, все-таки, *не для всего* землеустройства. Отчасти это объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что наблюденія К. относятся исключительно къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ почва для землеустройства была наименѣе подготовлена естественною эволюціею бытовыхъ и хозяйственныхъ условій. Въ той или другой степени, однако, здѣсь несомнѣнно сказывается нѣкоторая субъективность; хотя надо сказать, что, рисуя въ очень непригляднымъ свѣтѣ дѣятельность правительственныхъ агентовъ, онъ далеко не въ розовыхъ краскахъ изображаетъ и ту роль, которую сыграли въ современной земельной разрухѣ „партія" и партійные агитаторы.

Субъективность К. проявляется и въ другомъ направленіи: онъ, правда, не идеализируетъ современной деревни,—но онъ слишкомъ склоненъ отнести царящія въ ней „безобразія" насчетъ внѣшнихъ условій—поведенія помѣщиковъ въ контръ-революціонную эпоху и порожденныхъ современною земельною политикою конфликтовъ въ средѣ самого населенія деревни. Отрицать значенія этихъ моментовъ, конечно, не приходится—но *все* сводить къ нихъ вліянію едва ли правильно: „безобразія" коренятся, думается мнѣ и глубже. Какъ ни какъ, „Очерки" К. остаются очень интересными и содержательными, и ихъ можно рекомендовать вниманію всякаго интересующагося современною деревней. (*А. Кауфманъ. „Рѣчь". 1913—82*).

Полупубликистическіе, полубеллетрическіе очерки, хорошо знакомаго съ бытомъ деревни, навѣрное, прочтутся съ интересомъ всѣми, кто хочетъ знать правду о современной крестьянской жизни. К. не отрицаетъ и не затушевываетъ тѣхъ отрицательныхъ сторонъ деревенской жизни, о которыхъ такъ много говорятъ въ наше время (хулиганство, напримѣръ), но онъ вскрываетъ причины „безобразныхъ явленій". И въ ряду этихъ причинъ на первомъ мѣстѣ стоитъ современное землеустройство, породившее небывалую вражду между разными группами крестьянъ. Современное землеустройство расшатываетъ въ деревенскомъ населеніи всякую вѣру въ законъ, представляется ему часто попирающимъ нарушеніемъ всякой справедливости. „Малоопытные, незнакомые съ условіями деревенской жизни люди кроятъ и рѣжутъ землю по какимъ-то причудливымъ, непонятнымъ на взглядъ планамъ,—а жадная толпа охотниковъ, въ большинствѣ своемъ ничего общаго съ крестьянствомъ не имѣющихъ, нетерпѣливо ждетъ конца операціи, протягивая руки за лучшими кусками. И въ концѣ-концовъ оказывается, что люди, кроящіе землю, всегда почему-то рѣжутъ такъ, чтобы обязательно получились жирные куски, которые обязательно и попадаютъ въ предназначенныя руки.—Въ карманъ-то, въ карманъ-то поболѣ норови!—вотъ что слышится въ каждомъ шагѣ землеустройства... (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд." 1913—71*).

Очерки покойнаго К.—это почти все, что оставилъ послѣ себя молодой авторъ, такъ рано, 28-ми лѣтъ, порвавшій счеты съ жизнью. Интимный міръ внутреннихъ переживаній К. былъ недоступенъ для постороннихъ. Въ глазахъ даже близкихъ людей, видѣвшихъ, съ какой расточительной щедростью этотъ веселый, жизнерадостный человѣкъ разбрасываетъ свои силы въ общей партійной работѣ, самоубійство его явилось загадочной и ничѣмъ необъяснимой катастрофой. Только „Дневникъ агитатора", написанный К. задолго до катастрофы, вскрываетъ логическую необходимость послѣдней. „Дневникъ агитатора" — опоэтизированная исповѣдь автора, отъ начала и до конца обвѣянная настроеніемъ революціонера-романтика. „Очерки современной деревни" обнаруживаютъ, вмѣстѣ съ правдивостью, большую наблюдательность молодого писателя. Въ нихъ чувствуется тотъ же романтикъ, съ его постоянной тревогой и тоской о чемъ-то иномъ, лучшемъ, чего нѣтъ, но что хотѣлось видѣть и о чемъ авторъ не можетъ не сказать. (*„Гол. М.". 1913—65*).

514. [. . . . .] 895.6—1

Японская лирика. Пер. А. Брандтъ. Спб. 1912. Стр. 89. Ц. 40 к.

„Ни съ чѣмъ ни лучше, ни вѣрнѣй я не сравню души Японіи моей, какъ съ нѣжнымъ запахомъ вишневаго цвѣтка при первомъ поцѣлуѣ утреннихъ лучей". Эти слова японскаго поэта XVII столѣтія поставлены эпиграфомъ къ небольшой антологіи „Японская лирика". Можно ли сказать, что въ стихотвореніяхъ, переведенныхъ Б., отразилась эта „душа Японіи, что имъ всѣмъ свойственно нѣчто своеобразное, экзотическое, не похожее на европескую поэзію"? Относительно нѣкоторыхъ стихотвореній это можно утверждать довольно рѣшительно; во многихъ мы, наоборотъ, тщетно стали бы искахъ букета оригинальности,— мысли, въ нихъ высказанныя, не блещутъ новизною, что же касается формы, то судить о ней довольно трудно, такъ какъ стихотворенія переведены не съ подлинника, а съ нѣмецкихъ и французскихъ переложеній, и самъ переводчикъ предупреждаетъ въ своемъ предисловіи, что онъ старался сохранить „духъ и примитивность" японскихъ стихотвореній, „не стремясь сохранить ихъ форму". Несомнѣнно, переводъ, сдѣланный съ подлинника, представилъ бы гораздо большій интересъ... Что безусловно оригинально въ большинствѣ стихотвореній, переведенныхъ Б., такъ это — ихъ *объемъ*, играющій въ данномъ случаѣ немаловажную роль: многія вещи состоятъ всего изъ *трехъ строкъ*, другія—изъ четырехъ или пяти; длинныхъ стихотвореній нѣтъ совсѣмъ. Имъ поэтамъ удавалось въ такихъ поразительно тѣсныхъ рамкахъ выразить цѣлую мысль, передать извѣстное настроеніе, что требовало безспорнаго искусства. Есть вещи безсодержательныя или шаблонныя, которыя не заслуживали перевода. Среди мотивовъ творчества японскихъ поэтовъ, IV вѣка по Р. Х. видное мѣсто занимаетъ прославленіе любви и ея благъ, иногда не лишенное оригинальности и красочности, но уступающее, напримѣръ, любовнымъ стихотвореніямъ персидскихъ поэтовъ. Затрогиваются и другія темы: любовь

къ родинѣ, грустныя думы старика, сознающаго, что жизнь его кончена, преклоненіе передъ „вѣчною красою равнодушной природы". (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд." 1912—292*).

Приходится пожалѣть, что переводы сдѣланы не съ подлинника. Выполнить задачу переводчика—возможно полнѣе схватить духъ подлинника—при такомъ условіи, конечно, очень трудно. Но должно признаться, что кое-что въ этомъ отношеніи переводчику все же удалось достигнуть. Смутное вѣяніе чуждой культуры, чуждаго строя мыслей и ощущеній,—вѣяніе, подобное тому, какимъ дышитъ японская живопись, хотя слабо, но ощущается при чтеніи этихъ коротенькихъ стиховъ. Затрогиваемыя японскими поэтами темы не выходятъ изъ круга обычныхъ поэтическихъ темъ. И, конечно, главный интересъ представляютъ чуждая намъ сжатость, интенсивность стиха, умѣніе выразить въ нѣсколькихъ строчкахъ то, для чего европейскому поэту понадобились бы, можетъ быть, страницы. Замѣчательно, что съ вѣками японская поэзія все болѣе и болѣе стремится къ этой сжатости, и отъ приводимыхъ довольно длинныхъ сравнительно стихотвореній древняго времени мы переходимъ къ тремъ-пяти строчкамъ. Какъ извѣстно, именно послѣднія формы—„хай-кай" и особенно „танка" и господствуютъ теперь въ японской поэзіи. Приходится пожалѣть, что въ задачу переводчика не входило схватить форму, такъ какъ многія особенности японской поэзіи обусловлены именно ею. Во всякомъ случаѣ, при нашемъ маломъ знакомствѣ съ японской литературой, при полномъ почти отсутствіи переводовъ, антологія Брандта имѣетъ свое значеніе. Предисловіе же переводчика кажется намъ очень цѣннымъ. (*И. Львова. „Рус. М." 1913—3*).

515. Петрушевскій, Д. М., проф. 9(38)

Общество и государство у Гомера. Опытъ исторической характеристики. Изд. 2-е „Задруга". М. 1913. Стр. 60. Ц. 20 к.

Написанная чрезвычайно просто, доступно и интересно, она вводитъ читателя in medias res общественно-государственной организаціи гомеровской Греціи, т.-е. Греціи за 3,00 лѣтъ тому назадъ. Тутъ очень удачно очерчены основныя черты сословнаго и классоваго дѣленія античнаго общества, указаны предѣлы власти политическаго главы этого общества, царя („базилевса"), и выяснена роль „думы" и народнаго собранія. Книжка П. имѣетъ не одинъ историческій интересъ, она дастъ на примѣрѣ общественно-государственной организаціи античной Греціи яркую иллюстрацію къ соціальному строю современнаго общества. „Изученіе общества на ранней ступени его развитія,—справедливо замѣчаетъ П.,—является лучшимъ изъ средствъ розобраться въ чрезвычайно сложномъ механизмѣ современнаго общества, понять крайне пеструю ткань его матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ и такимъ образомъ составить болѣе или менѣе отчетливое представленіе о томъ, что такое современное общество, какъ и чѣмъ оно живетъ, откуда и куда оно ведетъ". Уже давно книжка П. рекомендуемая всѣми программами для историческаго чтенія, вышла изъ продажи; появленіе ея во второмъ изданіи встрѣтитъ, надо надѣяться, такой же пріемъ у читающей публики, какъ и ея первое изданіе. (*Н. Борецкій-Бергфельдъ. „Рѣчь". 1913—75*).

Многіе слыхали о Гомерѣ, немало лицъ изучали его „Иліаду" и „Одиссею" на греческомъ даже языкѣ, но далеко нельзя сказать, чтобы у многихъ было отчетливое представленіе о томъ періодѣ, который характеризуетъ великій греческій поэтъ. А между тѣмъ произведенія Гомера, не поблекшія за три почти тысячи лѣтъ своего существованія, характеризуютъ не только греческую культуру, а тогдашній европейскій бытъ вообще. Вотъ почему эта брошюра заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Она принадлежитъ перу проф. П., имя котораго говоритъ само за себя. (*П—чъ. „Утро". 1913—1903*).

516. Михайловъ, В. А. 9(47)„1612"

Великая разруха государства Московскаго и начало дома Романовыхъ. Изд. Нижегор. губ. земства. Н.-Новг. 1913. Стр. 72. Ц. 6 к.

Для читателей изъ народа и учениковъ средняго возраста мы могли бы въ первую голову рекомендовать для ознакомленія съ эпохой Смутнаго времени, написанную превосходнымъ языкомъ и съ большимъ знаніемъ дѣла брошюру М. Хотя свой разсказъ авторъ ведетъ по царствованіямъ, начиная съ Оедора Іоанновича, но это не помѣшало ему съ достаточной полнотой освѣтить главнѣйшія событія Смутнаго времени и выяснить ихъ соціально-политическую почву. Въ концѣ брошюрки М. удачно подчеркнулъ, что „во время Смуты всѣ классы общества, начиная съ бояръ и кончая крестьянами, стали сознательнѣе относиться къ своимъ интересамъ и научились ихъ отстаивать. Послѣ Смуты русскій народъ понялъ, что и въ мирное время его участіе во внутреннемъ устроеніи страны необходимо". Жаль только, что, вѣроятно, изъ соображеній цензурныхъ, авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ будто недоговариваетъ. (*С. Вознесенскій. „Рус. Шк." 1913—2*).

Авторъ въ своемъ изложеніи очень близко держится того плана, который проведенъ въ курсѣ В. О. Ключевскаго, нерѣдко приводитъ изъ этого курса дословныя цитаты. Ему удается переложить изложеніе этого курса въ разсказъ, удобопонятный для самаго простого читателя. Кое-гдѣ проскочили однако иностранныя или книжныя выраженія. Не совсѣмъ удачно передано значеніе указа 1597 г. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд." 1913—71*).

Изъ огромнаго числа брошюръ, посвященныхъ Смутѣ, заслуживаетъ вниманія брошюра М., излагающая въ простой формѣ исторію Смуты вплоть до избранія на царство М. Ѳ. Романова. Брошюра М. передаетъ, главнымъ образомъ, внѣшнюю исторію Смуты. (*„Педаг. Л." 1913—3*).

517. Лаговъ, Н. М. 91(45)

Римъ, Венеція, Неаполь и проч. Ихъ обычаи и порядки, достопримѣчательности и ближайшія окрестности. Съ 56 иллюстр., 14 автотип., планами и итальяно-русс. переводчикомъ. Изд. „Обществ. Польза". Спб. 1912. Стр. 350. Ц. 2 р.

Книжка съ многообѣщающимъ названіемъ. И книжка, мимо которой не пройдешь, къ сожалѣнію, съ презрительнымъ „grande e passa", но которую приходится разбирать, не только потому, что она представляетъ собой по своей бездарности, пошлости и наглости изъ ряду вонъ

выходящее явленіе, по главнымъ образомъ потому, что прямой вредъ отъ нея можетъ быть очень великъ. Нашъ долгъ во время предостеречь отъ нея! Знаетъ ли Л. Италію и итальянскій языкъ,—представляется весьма сомнительнымъ. Вѣрнѣе всего, что онъ списывалъ съ Бедекера и притомъ съ французскаго, иначе онъ не окрестилъ бы Паоло Веронезе въ Поли Веронезъ, императора Карла V въ Карла Квинта и т. п. Транскрипціи его русскими буквами итальянскихъ словъ тоже замѣчательны—вродѣ „Дорія“, Пополё (Poroio), Литэранъ (Латеранъ) и т. д. Разговоръ по-итальянски въ началѣ книги онъ откуда-то переписалъ съ опечатками, и эти опечатки такъ и перевелъ, напр., „canibeare“ (Вмѣсто „cambiare“) передано—„канибіяре“. Выговоръ и тутъ удивителенъ. Но списывая съ Бедекера, съ этой довольно сѣрой, но все же солидной и серьезной книги, Л. даже списать не сумѣлъ толково. „Бронзовыя двери (въ соборѣ св. Петра) исполнены въ 1439—1445 г. художникомъ Гиберти, который при исполненіи ихъ подражалъ знаменитымъ дверямъ флорентійской крестильни, но далеко не достигъ ихъ совершенства“. Л. очевидно неизвѣстно, что авторъ знаменитыхъ флорентійскихъ дверей и есть Гиберти не умѣющій, такимъ образомъ подражать самъ себѣ). Объясняется это списываніемъ со стр. 334 Бедекера, гдѣ говорится и о подражаніи Гиберти, но гдѣ Л. не примѣтилъ того, что двери св. Петра — сдѣланы Antonio Filareti. Въ Латеранскомъ соборѣ, церквахъ св. Павла и др. представляющихъ собою капитальной важности памятники для исторіи перваго тысячилѣтія христіанскаго искусства и спеціальнаго мозаичнаго, Л. не замѣтилъ именно... мозаикъ. И т. д. Объ исторіи исскуствъ, объ ея развитіи, о художественныхъ школахъ, о хронологіи картинъ или статуй Л. не помышляетъ и тогда, когда безъ всякаго смысла и системы перечисляетъ, какъ попало, сокровища музевъ, давая только ихъ ходячія названія: „Вакхъ“, „Венера“ и т. д. Кому это можетъ что-нибудь дать, и не приноситъ ли это безконечный вредъ, пріучая неопытный глазъ смотрѣть только на сюжетъ, да и то не объясняя этого сюжета? А Л. ничего не объясняетъ, онъ просто унотребляетъ никому кромѣ спеціалиста, непонятныя слова, „пилонъ“, „архаика“, „Эфебъ“ и т. д. А если онъ выражетъ „мнѣнія“, то одно нелѣпѣе другого. „Венера Эсквилинская, судя по детальностямъ отдѣлки, не богиня, а просто дѣвушка“. Что это должно значить? Почему тѣло богини должно отдѣлываться болѣе небрежно, чѣмъ тѣло простой смертной? Описаніе Форума и Палатина изобилуетъ грубыми ошибками. Съ исторіей легендарныхъ царей, представляющей собою для науки одно темное, Л. знакомъ такъ же близко, какъ почтенный Иловайскій: Roma quadrata основана Ромуломъ, одинъ изъ уцѣлѣвшихъ храмиковъ императорской эпохи у Тибра—Сервіемъ Туліемъ. Вкусы у Л. очень своеобразные. Изъ римскихъ галлерей онъ пропускаетъ Корсини, одну изъ важнѣйшихъ, съ шедеврами Гольбейна, Греко и др., говоря, что въ ней замѣчательныхъ картинъ очень немного“. Въ флорентійской Академіи „нѣтъ ничего дѣйствительно выдающагося“, зато на 6 страницахъ описаны мощи и чудеса „истеченія св. Манны“ въ Бари. Издана книжка очень плохо, съ огромнымъ количествомъ опечатокъ и безобразными картинками. (*Н. Брюллова-Шаскольская. „Совр.“ 1913—2*).

Путеводитель по Риму (точнѣе по Сѣверной Италіи, Риму и Неаполю) обладаетъ тѣми же достоинствами, что и другіе путеводители Л. Онъ составленъ со знаніемъ дѣла, приноровленъ къ потребностямъ небогатыхъ людей, даетъ много точныхъ, практически необходимыхъ свѣдѣній, дѣйствительно облегчающихъ русскому человѣку путешествіе по незнакомой странѣ. Въ сборникѣ, посвященномъ Риму, намъ представляется излишнимъ черезчуръ подробное, составленное съ нѣкоторыми претензіями, описаніе художественныхъ сокровищъ Италіи. Было бы цѣлесообразнѣе, указавъ способы доступа и осмотра тѣхъ или иныхъ музеевъ, храмовъ, дворцовъ, развалинъ и т. д., перечислить затѣмъ для желающихъ наиболѣе цѣнную литературу. Путеводитель снабженъ нѣсколькими планами и многими снимками съ картинъ и иллюстраціями. Кромѣ Рима описаны Венеція, Миланъ, Туринъ, Флоренція, Бари и Неаполь. Изданъ изящно. (*„Рус. Молва“. 1913—68*).

Гиды—путеводители Л. сработаны по заграничному: компакты, безъ болтовни, въ высшей степени удобны для пользованія, и вообще на каждой страницѣ читатель и „справляющійся“ чувствуетъ, что составитель въ каждыхъ 5—10 строкахъ имѣетъ въ виду опредѣленную нужду запутавшагося въ улицахъ и зданіяхъ наивнаго русачка. Онъ его вездѣ ведетъ и все показываетъ. Мы, однако, рекомендуемъ автору отѣнить качества указываемыхъ, напримѣръ, зданій и музеевъ, давая и коротенькія историческія справки, (*В. Р. „Нов. Вр.“ 1912—12890*).

* [. . . . .] 92(Т)(05)

См. пор. № 477.

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ

Общія сочиненія [0]

1616. Ульяновъ, Н. А., Ульянова, В. Н. 014.3:05

Указатель журнальной литературы (алфавитный, предметный, систематическій). Вып. II. Кн-во „Наука“. М. 1913. Стр. 215. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Указатель статей за время съ 1896 по 1905 г. изъ журналовъ: „Вѣстникъ Европы“. „Жизнь“. „Міръ Божій“. „Начало“. „Новое слово“. „Образованіе“. „Правда“. „Русская Мысль“. „Русское Богатство“.

1617. Дрентельнъ, Н. 016:53

Что читать по физикѣ. Серія библіограф. указателей. № 2. Изд. Комит. по постр. учит. дома въ Спб. Спб. 1913. 23 стр. Ц. 15 к.

1618. Соломинъ, Е. 016:68

Что читать по ручному труду. Серія библіографическ. указателей. № 1. Изд. комит. по постройкѣ учительск. дома въ Спб. Спб. 1913. 15 стр. Ц. 15 к.

1619. Русаковъ, В. 028:087

За что дѣти любятъ Чарскую? Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913. Стр. 40. Ц. 30 к.

1620. Ефимовичъ, Н. И. 059:62

Справочная книга для инженеровъ и техниковъ путей сообщенія и инженеровъ-строителей на 1913 годъ. Части I, II и Приложеніе—Календарь. Спб. 1913. XXIV+794+1048+238 стр. Ц. 6 р.

1621. [. . . . .] 059:63

Справочный календарь земледѣльца на 1913 г. Составленъ при участіи научныхъ силъ кіев. политехнич. институт. и спеціалистовъ. Подъ ред. С. Н. Богоявленскаго и Е. В. Пеленкина. Кіевъ. 1913. Стр. XV+244+309. Ц. 60 к.

1622. Чаадаевъ, П. Я. 081

Сочиненія и письма. Подъ ред. М. Гершензона. Т. I. Изд. „Путь“. М. 1913. Стр. VII+440. Ц. 5 р. за два тома.

Изъ предисловія: Въ настоящее изданіе вошли всѣ писанія Ч., какія до нынѣ появились въ печати и всѣ какія мнѣ сверхъ того удалось разыскать. Въ настоящее изданіе внесены и собственноручныя письменныя „показанія“ Ч., данныя имъ на допросахъ 1826 и 1836 гг. и его завѣщаніе. Главнымъ обогащеніемъ изданія являются, безъ сомнѣнія, мистическій дневникъ Ч. и „отрывки“.

1623. [. . . .] 087

Дневникъ Мурзилки. Повѣсть-сказка о путешествіяхъ, странствованіяхъ, шалостяхъ и проказахъ маленькихъ лѣсныхъ человѣчковъ—„Золотая библіотека“. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. (Безъ г. печ.). Стр. 190+178. Ц. не обозн.

Содержаніе: Дневникъ Мурзилки. Новый дневникъ Мурзилки. Заключеніе.

1624. [Ершовъ]. 087

Сказка о Иванушкѣ-Дурачкѣ и Конькѣ-Горбункѣ по Ершову. „Новая школьная библ. кружка учащихъ“. Изд. „Сотрудникъ школъ“, А. К. Залѣсской. М. 1913. Стр. 43. Съ рис. Ц. 10 к.

1625. Пановъ, А. Ф. 087

Царство шалостей. Степки-растрепки родные братья. Веселые разсказы для дѣтей. Съ рис. худ. Бенжамена Рабье. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1912. Стр. 112. Ц. не обозн.

Содержаніе: Вступленіе. Никъ-озорникъ. Филя-простифиля. Мишка-вертушка. Гога, до всего дотрога. Тося-нѣздникъ. Макаръ—горе-маляръ. Данилка-мазилка. Вавила-трунила. Ѳедотъ-пѣшеходъ. Сема-недрема.

1626. Пименовъ, Э. 087

Канада, страна великихъ озеръ. Съ рис. Изд. 2-е „Библ. Юн. Чит.“. Спб. 1913. Стр. 103. Ц. 35 к.

1627. Слѣпцова, М. 087

Голосистые вѣстники весны. „Кн. за книж.“. Кн. 200. Изд. М. Н. Слѣпцовой. Спб. (Безъ г. печ.). Стр. 53. Ц. 15 к.

Содержаніе: Скворецъ. Жаворонки. Лѣсной жаворонокъ. Юла. Чижикъ. Забликъ. Зеленушка и др.

1628. Тэрнеръ, Этель. 087

Юные австралійцы. Въ перераб. Н. Шишкова. Изд. 2-е, „Юн. Чит.“ Спб. 1912. Стр. 186. Ц. 60 к.

1629. Чарская, А. А. 087

Щелчокъ. Повѣсть для дѣтей. Съ 10 рис. И. Гурьева. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. (Безъ г. печ.). Стр. 182. Ц. (не обозн).

Философія [1]

1630. Трубецкой, Евг., кн. 1:92(С)

Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева. Т. I. Изд. автора. М. (Безъ г. печ.). Стр. XI+631. Ц. за 2 т. 4 р.

Содержаніе: Предисловіе. Ч. 1. Личность Вл. С. Соловьева. Жизненная задача С. и всемірный кризисъ жизнепониманія. Ч. 2. Періодъ подготовительной. Всеединое и отвлеченныя начала. Субъективная этика. Объективная этика. Теоретическая философія. Теорія познанія С. Метафизика. Ученіе объ абсолютномъ. Ученіе о Богочеловѣчествѣ. Богъ и міръ. Богъ и человѣкъ. Ч. 3. Періодъ утопическій: Славянофильство первоначальныхъ церковныхъ воззрѣній С. Переломъ въ церковныхъ воззрѣніяхъ С. и разрывъ со старымъ славянофильствомъ. Вселенское и русское въ теократической идеѣ С. Теократическая идея. Смыслъ любви.

1631. Лэвенфельдъ, Л. д-ръ 134

Гипнотизмъ. Руководство къ изученію гипноза и внушенія и значенія ихъ въ медицинѣ и юриспруденціи. Пер. съ нѣм. М. Кадишъ. Подъ ред. и съ предисл. д-ра Н. А. Вырубова. Съ прилож.

очерка: Къ соврем. положенію психотерапіи. Вып. I. Кн-во „Соврем. проблемы". М. 1913. Стр. 209. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе. Историч. обзоръ. Внушеніе. Внушаемость. Гипнозъ и сонъ. Воспріимчивость къ гипнозу. Техника гипнотизаціи. Явленія нормальнаго гипноза. Патологич. гипнозъ. Другія особенныя формы гипноза. Постгипнотическія явленія.

1632. Большаковъ, А. 149.6

Этюдъ въ защиту пессимизма. Рефератъ, прочит. на Высш. Жен. Курс. и Жен. Мед. Инст., 26 янв.—7 февр. 1913 г. Спб. 1913. Стр. 32. Ц. 30 к.

1633. Вундтъ, В. проф. 151

Основы физіологической психологіи. Перев. подъ ред. А. А. Корпуса, А. Ф. Лазурскаго и А. П. Нечаева. Вып. XIII. Объ элементахъ душевной жизни. Спб. 1913. Стр. 150. Ц. 1 р. 50 к.

1634. Мейманъ, Э. 154

Экономія и техника памяти. Экспериментальныя изслѣдованія о запечатлѣніи и запоминаніи. Пер. съ 3-го нѣм. изд. Н. Самсонова. Изд. к-ва „Космосъ". М. 1913. Стр. VIII + 246. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

1635. Холлъ, С. 158

Инстинкты и чувства въ юношескомъ возрастѣ. Пер. съ изд. 1911 г. Подъ ред. Л. Г. Оршанскаго. Изд. газ. „Школа и жизнь". Спб. 1913. Стр. 90. Ц. 50 к.

Содержаніе: Эволюція и характеристика чувствъ и инстинктовъ нормальнаго юношескаго возраста. Юношеская любовь.

1636. Введенскій, А. И. проф. 16(075)

Логика для гимназій. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. 164. Ц. 80 к.

Религія [2]

1637. Горскій, М. 271

Монастырскіе нравы. „Историческая Библіотека". № 52. Изд. „Дѣло". М. 1913. Стр. 92. Ц. 10 к.

*** Мякотинъ, В. А.** 281.93:92(A)

См. пор. № 1750.

Соціальныя науки [3]

1638. [. . . .] 331.823(43)

Сводъ Германскихъ законовъ о страхованіи рабочихъ въ изданіи 19-го іюля 1911 года. Изд. Мин. Торг. и Пром. Спб. 1913. Стр. 458. Ц. не обозн.

1639. В. П. 331.823(47)

Новый законъ 23 іюня 1912 г. Страхованіе рабочихъ отъ болѣзней. Изд. В. Потоцкаго. Саратовъ. 1912. Стр. 18. Ц. 5 к.

1640. Соловьевъ, Б. 331.825

Больничныя кассы. Спб. 1913. Стр. 15. Ц. 3 к.

1641. Тарле, Е. В. 338(44)„1812"

Континентальная блокада. I. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Съ прил. неизд. документовъ. Изд. „Задруга". М. 1913. Стр. 739. Ц. 4 р.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе: Литература предмета и источники рукописные и печатные. Ч. I.— Ч. II. Экономическія отношенія между имперіею Наполеона и др. странами въ эпоху блокады. Ч. III. Французская промышленность въ эпоху континент. блокады. Заключеніе.

*** Терешкезичъ, А. А.** 339:511

См. пор. № 1665.

1642. Трубецкой, Е., кн. 340:11

Лекціи по энциклопедіи права. М. 1912. Стр. 226. Ц. 1 р.

1643. Москалевъ, Н. А., д-ръ. 343:61

Симуляція и ложное сознаніе предъ судомъ присяжныхъ. (Врачебно-юрид. анализъ дѣла „о покушеніи на убійство жены жандарм. ротмистра О. N". съ прилож. обвин. акта и извлеченій изъ отчета судебн. засѣд. Новочеркасскаго Окр. Суда). Съ рис. М. Безъ г. печ. Стр. 161. Ц. 1 р.

1644. Старый Земецъ. 352(04)

Мысли о земствѣ. Матеріалы для земской реформы. М. 1913. Стр. 63. Ц. не обозн.

1645. Готье, Ю. 353(47)„17"

Исторія областного управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II. Т. I. Изд. Имп. О-ва Ист. и Древн. Росс. при Моск. Ун. М. 1913. Стр. 472. Ц. 3 р.

Содержаніе: Введеніе. Происхожденіе и законодательное проведеніе областной реформы 1727 г. Законоположенія, служившія руководствомъ для дѣятельности новыхъ учрежденій. Первые шаги новыхъ учрежденій. Областное дѣленіе 1726—75 гг. Служба у губернаторовъ и воеводъ. Личный составъ областныхъ правителей. Губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи. Административная дѣятельность областныхъ властей. Областныя учрежденія, какъ органъ суда и какъ органъ финансоваго управленія. Приложеніе: Административная карта Европ. Россіи 1720—27 г. 1727 и 1775 гг.

1646. Гаринъ, Н. 355

Полное собраніе сочиненій. Т. X. Война. (Дневникъ очевидца). Кн-во „Освобожденіе". Спб. (Безъ г. печ.) Стр. 235. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ предисловія: Отправляясь въ центръ интереснѣйшихъ событій нашей эпохи, я буду переживать ихъ тамъ, воспринимать, чувствовать. Передать это читателю, дать и ему почувствовать то, что переживаешь—цѣль этого дневника. Я беру на себя большую отвѣтственность передъ читателемъ: быть правдивымъ.

1647. Скобелевъ, М. Д. 355

Приказы генерала Скобелева (1876—1882 г.). Изд. т-ва А. С. Суворина, 2-е. Спб. 1913. Стр. 172. Ц. 60 к.

1648. Мамонтовъ, Н. П. 355(497.2)

Съ болгарскими войсками отъ Балканъ до Чаталджи. Записки военнаго корреспондента. М. 1913. Стр. 175. Съ картой и планами. Ц. 1 р.

1649. Фромметъ, Б. 362:37

Помощь школьнику—долгъ страны. Съ предисловіемъ комиссіи „Помощь школьникамъ". Изд. Об-ва Грамотности. Спб. 1913. Стр. 104.+8 таблицъ. Ц. 60 к.

1650. Метальниковъ, С. 378

Задачи высшихъ курсовъ Лесгафта. Спб. 1913. Стр. 12. Ц. 10 к.

1651. Тэйлоръ, Ф. 338.002

Административно-техническая организація промышленныхъ предпріятій. Пер. подъ ред. А. В. Панкина и Л. А. Левенстерна. Изд. Л. А. Левенстерна. Спб. 1912. Стр. 186. Ц. 2 р.

1652. Кенигсонъ, А. В. 343:351

Проступки и преступленія по службѣ государственной и общественной. Изд. 2-е, доп. и пересмотр. Ташкентъ. 1913. Стр. 317. Ц. 2 р. 25 к.

Содержаніе: Общія обязанности служащихъ. Опредѣленіе понятій служебнаго преступленія и должностного лица. Нѣкоторыя категоріи лицъ, являющихся виновниками служебныхъ преступленій. Общія положенія о преступленіи и наказаніи. Проступки и преступленія по службѣ государственной и общественной (уложеніе о наказаніяхъ). Дѣйствующія статьи уголовнаго уложенія о служебныхъ преступленіяхъ. О взысканіяхъ за нарушеніе постановленій о надзорѣ по питейному и табачному сборамъ. О взысканіяхъ съ должностныхъ лицъ за нарушенія Гербоваго Устава. О взысканіяхъ за нарушенія должностными лицами Уставовъ Счетныхъ. Добавленіе.

1653. Данскій, Б. Г. 368

Страховая кампанія. Рабочіе, хозяева, чиновники и введеніе страхованія. Изд. „Прибой". Спб. 1913. Стр. 79. Ц. 20 к.

1654. Дистервегъ, А. 371

Руководство для нѣмецкихъ учителей. Обработка и предисловіе К. Ваккера. Пер. съ нѣм. А. О. Гретманъ. Съ предисл. Д. Н. Корольков а. „Педагог. библ. подъ ред. Д. Н. Корольков а". Кн-во К. Н. Тихомирова. М. 1913. Стр. 316. Ц. 1 р. 50 к.

1655. Ельницкій, К. 371

Краткосрочные педагогическіе курсы для учащихъ въ начальныхъ школахъ. (Организація и веденіе учебныхъ занятій). Изд. М. М. Гутзаца, 2-е. Спб. 1912. Стр. 16. Ц. 20 к.

1656. Соколовъ, Л. 371

Общая дидактика. Изд. 2-е. Кіевъ. 1913. Стр. 185. Ц. 1 р.

1657. Ульяновъ, Г. и Фортунатовъ, Е. 374.7(44)

Какія цѣли ставили и ставятъ французскіе народные университеты. Спб. 1913. Стр. 22. Ц. 10 к.

Филологія [4]

1658. Гусевъ, Ал. 491.7

Планы и сочиненія. Отвлеченныя темы. Вып. I. Изд. „Порядокъ", С. К. Цессарскаго. Одесса. 1913. Стр. 160. Ц. 1 р. 25 к.

1659. Тюленевъ, П. 491.7

Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для письменнаго и устнаго изложенія. Пособіе при обученіи русскому яз. въ младш. кл. ср.-уч. зав. и др. Изд. 2-е, перераб. и доп., Спб. 1913. Стр. 281. Ц. 75 к.

Содержаніе: Повѣствованія. — Матеріалъ для письм. и устнаго изложенія. Описанія.—Матеріалы для провѣрочнаго диктанта и синтаксич. разбора. Эпическія стихотворенія.— Матеріалъ для заучиванія наизусть и домашн. письмен. переложенія.

Чистыя науки [5]

1660. [. . . . .] 5(07)

Естествознаніе въ школѣ. Неперіодич. изд., выход. подъ общей ред. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Сборникъ № 3 Обзоръ новѣйшей учебной и учебновспомогательной литературы по естествознанію. Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Стр. 143. Ц. 80 к.

Содержаніе: Л. С. Севрукъ. Объ учебникахъ по начальному курсу неживой природы. Г. Н. Бочъ. Учебная и учебновспомогательная литература по ботаникѣ. Б. Е. Райковъ. Учебная литература по зоологіи. Проф. Ѳ. Е. Туръ. Обзоръ учебной литературы по физіологіи и анатоміи. К. К. Баумгартъ. О новѣйшей русской учебной и учебновспомогательной литературѣ по физикѣ. С. П. Сазоновъ. Обзоръ литературы по химіи.

1661. Ульянинскій, В., Бочъ, Г. и Райковъ, Б. 5(075)

Учебникъ природовѣденія для среднихъ учебн. заведеній. Ч. 2-я. Г. Бочъ. Растенія. Изд. Книгоизд. „Сотрудникъ". Кіевъ. 1913. Стр. IV+133. Съ рис.+1 табл. Ц. 60 к.

1662. Лянченковъ, М. С. 51(08)

Математическая Хрестоматія для Школы и Семьи. Вып. II. Изд. автора. Спб. 1913. Стр. 111+XXX. Съ рис. Ц. 60 к.

1663. [. . . . .] 51(082)

Новыя идеи въ математикѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. А. В. Васильева. Сборникъ № 2. Пространство и время I. Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Стр. IV+146. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловіе. В. Вундтъ. Пространство и время. Э. Махъ. Время и пространство. А. Пуанкарэ. Пространство и время. П. Лапжевенъ. Эволюція пространства и времени. Л. Геффтеръ. О четырехмѣрномъ мірѣ.

1664. Шмулевичъ, П. К. 511

Курсъ теоретической ариѳметики въ объемѣ программъ вступительныхъ экзаменовъ въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1913. Изд. 7-е. Стр IV+101. Ц. 75 к.

1665. Терешкевичъ, А. А. 511:339

Для усвоенія метрической или десятичной системы мѣръ и вѣсовъ. Таблицы мѣръ, таблицы перевода русскихъ мѣръ въ десятичныя и обратно, примѣры и задачи. Дополненіе къ алфавиту систематизаціи употребительнѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ по типамъ. Въ объемѣ курса ариѳметики начальныхъ училищъ. Изд. К-ва К. Н. Тихомирова. М. 1913. Стр. 44. Ц. 15 к.

1666. Каганъ, В., пр.-доц. 513(063)

О преобразованіи многогранниковъ. Докладъ, прочит. въ общемъ Собр. 1 Всеросс. Съѣзда препод. матем. Изд. „Матезисъ". Одесса. 1913. Стр. 27. Ц. 35 к.

Содержаніе: Постановка задачи. Нѣсколько словъ объ однородныхъ уравненіяхъ. О скелетѣ разложенія. Объ отрѣзкахъ разложенія. О двухъ разложеніяхъ. Основная теорема. Теорема Дена. Преобразованіе тетраэдровъ методомъ разложенія. Методъ дополненія.

1667. Эринквесъ, Ф. 513(082)

Вопросы элементарной геометріи. Сборникъ статей, подъ ред. Ф. Эринквеса. Пер. І. В.

Ягунскаго.—„Библіот. для учителей. Вып. II". Изд. „Физика". Спб. 1913. Стр. 377. Съ 149 черт. въ тек. Ц. 3 р.

Содержаніе: О философскомъ значеніи вопросовъ, относящихся къ основаніямъ геометріи. Замѣчанія о преподаваніи элементарной геометріи. Ф. Эннквесса. О понятіяхъ прямой и плоскости. У. Амальди. Конгруэнтность и движеніе. А. Гвардуччи. Постулатъ непрерывности и его примѣненіе въ элементарной геометріи. Дж. Витали. Ученіе объ эквивалентности (равенствѣ). У. Амальди. Ученіе о пропорціяхъ. Дж. Вайлати. Теорія параллельности и неевклидовы геометріи. Р. Бонолы. Примѣчанія.

1668. Покровскій, К. Д., проф. 523.8

Инструкція къ наблюденіямъ падающихъ звѣздъ.—„Рус. О-во Міровѣдѣнія". Спб. 1913. Стр. 12. Ц. 20 к.

*** Дерентальъ, Н.** 53:016

См. пор. № 1617.

1669. Делоне, Н. Б., проф. 531(02)

Курсъ теоретической механики для техниковъ и инженеровъ. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1913. Стр. XVI + 416. Ц. 3 р. 50 к.

1670. Бызовъ, Б. В. и др. 541

Успѣхи коллоидной химіи за L лѣтъ. Спб. 1913. Стр. 114. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Бызовъ, Б. В. Развитіе и современное состояніе ученія о коллоидахъ. Кучеровъ, М. М. Электрическіе методы распыленія. Веймарнъ, П. П. Кристаллизаціонный методъ полученія дисперсныхъ системъ и факторы ихъ устойчивости въ связи съ теоріей растворовъ твердыхъ веществъ въ жидкостяхъ.

1671. Веймарнъ, П. П., фонъ, проф. 541

Основы дисперсоидологической теоріи истинныхъ растворовъ. Кн-во „Естествоиспытатель". Спб. 1913. Стр. 35. Ц. 40 к.

Изъ предисловія: Дисперсоидологія, per definitionem, принадлежитъ область истинныхъ растворовъ и посему отъ дисперсоидологическаго трактованія и проблемы растворенія слѣдуетъ ждать выясненія многихъ сторонъ этой старой, но еще далеко не разрѣшенной, задачи физической химіи.

1672. Верховскій, В. Н. 542

Техника постановки химическихъ опытовъ. Пособіе для преподавателей, лаборантовъ. Вып. 2-й. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Спб. 1913. Стр. 497—659. Ц. 3 р. 50 к. за 2 вып.

1673. Преображенскій, И. А. 548

Введеніе въ Кристаллооптику. Изд. К. А. Риккера. Спб. 1913. Стр. 50. Съ рис. Ц. 80 к.

1674. Нечаевъ, А. П. 549(023)

Что говорятъ камни? Жизнь минераловъ и ихъ круговоротъ въ природѣ и въ техникѣ для самообразованія и юношества. Съ приложеніемъ краткаго руководства для составленія коллекцій, списка русскихъ музеевъ и библіографическаго указателя по книгѣ Г. Петерса. Bilder aus der Mineralogie und Geologie". Съ предисл. А. А. Иностранцева. Изд. А. Ф. Девріена, 3-е, испр. и доп. Спб. 1913. Стр. XV + 514. Съ рис. Ц. 2 р.

1675. Дастръ, А., проф. 57

Жизнь и смерть. Пор. съ 12-го франц. изд. В. С. Бычковскаго. Кн-во „Прометей", Н. Н. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 187. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Кн. 1. Въ преддверіи науки. Общія доктрины о жизни и смерти. Постепенное преобразованіе этихъ доктринъ. Кн. 2. Доктрина объ энергіи и о живомъ мірѣ, общія идеи о жизни. Элемент. жизнь. Кн. 3. Общія свойства живыхъ существъ.

1676. Третьяковъ, Д. К., проф. 571

Доисторическій человѣкъ Древній каменный вѣкъ. „Библ. натуралиста". Изд. Панафидиной. Спб. 1913. Стр. 53. Съ рис. Ц. 30 к.

1677. Коррексъ, К. 575.1

Новые законы наслѣдственности. Пор. со 2-го нѣм. изд. А. Ф. Вержбицкаго. Изд. „Bios", подъ ред. пр.-доц. В. С. Елпатьевскаго. М. 1913. Стр. 115. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловія. Введеніе. Моногибриды. Дигибриды и полигибриды. Дальнѣйшее развитіе менделизма. Нерасщепляющіеся гибриды. Заключеніе.

1678. Веймарнъ, П. П., фонъ, проф. 577

Новая систематика аггрегатныхъ состояній матеріи и основной законъ дисперсоидологіи. Спб. 1913. Стр. 52. Ц. 75 к.

Прикладныя науки [6]

*** Москалевъ, Н. А., д-ръ.** 61:343

См. пор. № 1643.

1679. Кабановъ, Н., д-ръ. 612

О здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Съ 38 рис. въ текстѣ. Изд. Нижегор. Губ. Земства. Нижн.-Новг. 1913. Стр. 120. Ц. 35 к.

Содержаніе: Предисловіе. Клѣтка и ткани. Воспаленіе. Кровь. Органы дыханія, пищеваренія. Сердце и сосуды. Печень. Кожа. Мышцы. Почки. Усвоеніе и обмѣнъ веществъ. Нервная система. Инфекція. Внѣшнія условія заболѣваній. Наслѣдственность и мѣры борьбы съ болѣзненной наслѣдственностью.

1680. Мурашевъ, И. В. 615

Кровоостанавливающія средства въ современной терапіи. Клиническія лекціи журнала „Терапевт. Обозр." Изд. журн. „Терапевт. Обозр." Одесса. 1913. Стр. 46 Ц. 25 к.

1681. Никольскій, Вл., проф. 616

Къ вопросу объ индивидуализированномъ лѣченіи и предупрежденіи заболѣваній. Къ познанію индивидуумовъ человѣка въ физіологич., патологич. и фармако-терапевт. отношеніяхъ. Варшава. 1913. Стр. 95. Ц. не обозн.

Содержаніе: Предварит. замѣчанія. Сущность лѣченія. Индивидуальныя состоянія. Индивидуализированное лѣченіе. Заключеніе и выводъ.

1682. Соловьевъ, К. Г., д-ръ. 616

Руководство по механотерапіи. Ч. II. Десмургія. Руковод. для врачей, студ.-медиковъ, фельдшеровъ и учащихся въ фельдш. шк. Изд. Правл. Союза О-въ помощ. врачей въ Москвѣ. М. 1913. Стр. 134. Ц. 80 к.

Содержаніе: Простыя, спеціальныя бинтовыя, шинныя повязки и пр.

1683. Вечтомовъ, Е. 616 + 618.9

Лѣченіе функціональныхъ разстройствъ органовъ пищеваренія взрослыхъ и дѣтей. Справоч-

ная книжка терапевта и педіатра. Изд. автора. Казань. 1913. Стр. 355 + XXXVI Ц. 2 р. 50 к.

1684. Фуксъ, А. 616.89

Нервныя болѣзни. Для врачей и студентовъ. Авториз. перев. съ нѣм. д-ра С. Корсакова. Изд. книгопрод. „Сотрудникъ". Кіевъ. 1913. Стр. IX+347. Съ 69 рис. и 9 табл. въ текстѣ. Ц. 3 р.

1685. Дуговская, врачъ. 618.9

Куда везти больныхъ дѣтей. Санаторіи, больницы, колоніи и другія учрежденія для больныхъ и отсталыхъ дѣтей. Русскія и заграничныя. Спб. 1913. Стр. 74+IV Ц. 80 к.

*** Ефимовичъ, Н. И.** 62:059

См. пор. № 1620.

1686. Балдинъ, С., инж. 621

Двигатели внутренняго горѣнія. Изд. 4-е, просм. и доп. Спб. 1913. Стр. XII+283 Ц. 2 р. 75 к.

1687. Орловскій, П. 629.11

Автомобильные двигатели. Изд. автора. Спб. 1913. Стр. XV + 592 Съ портрет., рисун. и чертежами. Ц. 5 р.

1688. Лебедевъ, А. А. 629.13

Двигатель „Гномъ" въ 70 л. с. Инструкція для сборки и разборки. Изд. жур. „Техника воздухоплаванія". Спб. 1913. Стр. 47. Съ рис. Ц. 2 р.

1689. Козловскій, Г. Н. 63

Краткое руководство по частному земледѣлію. (Изложенное примѣнительно къ условіямъ Юго-Запада Россіи). Для среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и для самообразованія. Ф. Девріена. Спб. 1913. Изд. А. Стр. IV+194. Съ рис. Ц. 1 р.

*** [. . . . .]** 63:059

См. пор. № 1621.

1690. Кравковъ, С. П., проф. 631

Почвы земного шара въ связи съ естественно-историческими условіями. „Библ. натуралиста". Изд. Панафидиной. Спб. 1913. Стр. 47. Съ рис. Ц. 25 к.

1691. Линдеманъ, К. Э. 632

О насѣкомыхъ, повреждающихъ колосья хлѣбовъ и о мѣрахъ истребленія ихъ. (Сельско-хозяйственная библіотека. Отдѣлъ полеводства и луговодства). Изд. кн-ва К. И. Тихомирова, 3-е. М. 1913. Стр. 62 Ц. 10 к.

1692. Ковальковскій, А. 633

Значеніе сортировки и очистки посѣяннаго матеріала и борьба съ сорными растеніями. Для крестьянъ. Изд. И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 38. Съ рис. Ц. 8 к.

1693. Крылова, В. В. 636

Куры. Практическое руководство. Подъ ред. Е. М. Гедда. Изд. О-ва содѣйств. женск. сельскохоз. образов. Спб. 1913. Стр. 60. Съ рис. Ц. 30 к.

1694. Денисовъ, В. И. 636.5

Русская птицепромышленность. Къ вопросу о подъемѣ экономическихъ силъ Россіи. Спб. 1913. Стр. 123. Съ 4 рис., 1 черт. и 5 діагр. Ц. не обозн.

1695. Дерновъ, М. А. 638

Пчелы и ихъ жизнь. Общедоступное руководство къ изученію естественной исторіи и жизни пчелъ. Изд. журн. „Пчеловодная Жизнь", 2-е, испр. Вятка. 1913. Стр. X+84. Съ рис. и 2 табл. Ц. 35 к.

1696. Рашевскій, Н. Н. 664.1

Сахаро-рафинадное производство. Краткое практич. руководство. Изд. 3-е, И. И. Самоненко и К. К. Чекеруль-Куша. Кіевъ. 1913. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ предисловія: Задача книги—облегчить изученіе процесса рафинированія сахарныхъ песковъ начинающему практику, давъ ему возможность приступить къ дѣлу не совсѣмъ впотьмахъ, а съ нѣкоторой подготовкой и знаніемъ какъ способа исполненія различн. частей производства, такъ и взаимной ихъ связи и относительной важности.

*** Соломинъ, Е.** 68:016

См. пор. № 1618.

Изящныя искусства [7]

1697. Мироновъ, Ал. М., проф. 7(3)

Исторія античнаго искусства. Конспектъ лекцій, читанныхъ въ Казанскомъ университетѣ и на Казанскихъ Высшихъ женскихъ курсахъ въ 1912/13 уч. г. Изд. Кн. маг. Голубева. Казань. 1913 Стр. 299. Ц. 2 р. 20 к.

1698. Глаголь, Сергѣй. 7(47)

Очеркъ исторіи искусства въ Россіи. Кн-во „Проблемы Эстетики". М. 1913. Стр. 38. Съ иллюстр. Ц. 40 к.

Примѣчаніе: Настоящій очеркъ представляетъ собою отдѣльный оттискъ заключительной главы, написанной Г. и приложенной къ русскому переводу книги С. Рейнака „Аполлонъ", содержащей исторію искусства вообще.

1699. Гаманъ, Р. 701

Эстетика. Пер. съ нѣм. пр.-доц. Н. В. Самсонова. Изд. „Проблемы Эстетики". М. 1913. Стр. XV+160. Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Предисловіе. Сущность эстетическаго переживанія. Модификаціи эстетич. переживанія. Эстетическія элементарныя отношенія. Внѣэстетическія содержанія въ эстетич. переживаніи. Эстетическія категоріи. Сущность стиля.

1700. Мильфордъ, Прентисъ. 701

Къ жизни... Книга о красотѣ и радости. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Н. Д. Бѣляева. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. 173. Ц. 90 к.

1701. [. . . . .] 741.5

Иностранныя карикатуры послѣднихъ дней. Изд. М. Г. Корнфельда. Спб. 1913. Стр. 48. Ц. 1 р. 50 к.

1702. Сапожникова, Е. В. 746(07)

Наглядное рукодѣліе. Классный способъ преподаванія. 57 примѣрныхъ уроковъ. 1 годъ обученія. Руководство для учительницъ рукодѣлія и самообразованія. Изд. И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 136. Съ рис. Ц. 50 к.

1703. Любомірскій, Г. Л. 781.2

Руководство къ практич. изученію элементарной теоріи музыки, приспособл. къ самообученію и изложенное въ 32 урокахъ. (Со статьей о разрѣшеніи диссонансовъ). Изд. Л. Издиковскаго, 2-е, испр. и доп. Кіевъ. 1913. Стр. 115+VI Ц. 1 р.

Литература [8]

1704. Мультатули и Бретъ-Гартъ. 8—8
Сандья съ о. Явы. Счастье „Ревущаго стана". „Кн. за книж." Кн. 201. Изд. М. Н. Слѣпцовой. Спб. (Безъ г. печ.) Стр. 30. Ц. 8 к.

1705. [. . . . .] 8—8
Петербургскіе вечера. Изд. М. Н. Семенова. (Безъ м. и г. печ.) Стр. 172. Ц. 1 р.
Содержаніе: Аркадій Рьевскій. Сердце женщины.—Е. Нагродская. Романтическое приключеніе.— П. Ширяевъ. Лѣсная тайна.— М. Шишкевичъ. Въ поляхъ снѣжныхъ.— В. Сысоевъ. Смерть половинки.

1706. Леманъ, Р., проф. 801
Комическое въ поэзіи, сатира и юморъ. Въ переработкѣ для русской школы К. Бархина. Чтенія по теоріи словесности. Пособіе для учащихъ и учащихся. Вып. II. Изд. „Порядокъ", С. К. Цессарскаго. Одесса. 1913. Стр. 24. Ц. 25 к.

1707. Вольфъ, Евг., проф. 801—1
Поэзія. Ея происхожденіе, развитіе, виды и сущность. Въ переработкѣ для русской школы К. Бархина. Чтенія по теоріи словесности. Пособіе для учащихъ и учащихся. Вып. I. Изд. „Порядокъ", С. К. Цессарскаго. Одесса. 1913. Стр. 31. Ц. 25 к.

1708. Хиченсъ, Р. 82—3
Садъ Аллаха. (The garden of Allach). Романъ. Пер. съ англ. кн. А. А. Оболенской. Т. II. Спб. 1913. Стр. 328. Ц. 3 р. 25 к. за два т.
Содержаніе: Отъ переводчика. Прелюдія. Голосъ молитвы. Садъ. Путешествіе. Откровеніе. Обратное путешествіе.

1709. Твэнъ, Маркъ и др. 82(73)—3
Кружокъ смерти и др. разсказы. „Кн. за книж." Кн. 202. Изд. М. Н. Слѣпцовой. Спб. (Безъ г. печ.) Стр. 34. Ц. 10 к.
Содержаніе: Твэнъ, М. Кружокъ смерти. Амичисъ, Э. Сидѣлка. Стэдъ, В. Дрянной мальчишка.

1710. Твэнъ, Маркъ. 82(73)—3
Собр. сочиненій. Томъ X. Принцъ и нищій. Перев. В. А. Клементъ. Библіотека „Сатирикона". Изд. М. Г. Корнфельда. Спб. 1913. Стр. 222. Ц. 1 р. 25 к.

*** Бретъ-Гартъ.** 82(73)—3
См. пор. № 1704.

1711. Толстой, Л. Н. 82.09
О Шекспирѣ и о драмѣ. Критич. очеркъ. Изд. 2. „Посредника", № 665. М. 1912. Стр. 77. Ц. 15 к.

1712. Вассерманъ, Я. 83—3
Собраніе сочиненій. Т. IV. Вторая молодость. Романъ. Пер. съ нѣм. И. Васина. Кн-во „Соврем. Проблемы". М. 1913. Стр. 205. Ц. 1 р.

1713. Гессе, Г. 83—3
Окольные пути. Разсказы. Авториз. пер. съ нѣм. А. Ф. Даманской. М. 1913. Стр. 240. Ц. 1 р.
Содержаніе: Отецъ Матвѣй. Ладидель. Эмиль Кольбъ. Непріемлющій мира. На родинѣ.

*** Мультатули.** 839.31—3
См. пор. № 1704.

1714. Флоберъ, Г. 84—3
Полное собраніе сочиненій. Т. II. Саламбо. Романъ. Пер. И. М. Минскаго. Изд. „Шиповникъ". Спб. (Безъ г. печ.) Стр. 347. Ц. 1 р. 50 к.

1715. Ганьшинъ, С. 891.7—1
Предразсвѣтныя пѣсни.— Библ. „Трудовая Россія". № 1. М. 1913. Стр. 16. Ц. 3 к.

1716. Гнѣдовъ, Василискъ. 891.7—1
Гостинецъ сентиментамъ. Ритмы. Изд. „Петерб. Глашатай". И. В. Игнатьева. Спб. 1913. Стр. 4. Ц. 25 к.
Содержаніе: Летана. Козій слащъ. Скачекъ тоски — Побѣда Огне-Лавы. Придорогая думь. Муравая.

1717. [. . . . .] 891.7—1
Засахаре Кры. Эго-футуристы. V. Изд. „Петерб. Глашатай". Спб. 1913. Стр. 16. Ц. 50 к.
Содержаніе: Эго-футуризмъ. Критика. И. В. Игнатьева. На возлѣ балъ. Кукъ. Маршегробая пѣнька моя на мнѣ. Свирѣльга.— Василиска Гнѣдова. Сказка Миража. Первая поэза о грезэліи.— П. Широкова. Коломбина сомнѣвается. Я тоже Пьеро.— Вадима Шершеневича.

1718. Соловьева, П. (Allegro). 891.7—1
Перекрестокъ. Повѣсть въ стихахъ. Кн-во „Тропинка". Спб. 1913. Стр. 90. Ц. 50 к.

1719. Широкова, П. 891.7—1
Въ и Внѣ. Поэзы. II. Ареопагитъ Ассоціаціи. Эго-футуризмъ. Изд. „Петерб. Глашатай", И. В. Игнатьева. Спб. 1913. Стр. 8. Ц. 50 к.
Содержаніе: Сонетъ. Въ садахъ души. Лѣсной сонъ. Фантазія осенняго заката. Лѣсолилія. Коломбинѣ. Озеро. Итогъ.

1720. Горбуновъ-Посадовъ, И. 891.7—1—8
Пѣснь о матери. Сборникъ стихотв. Изд. 2-е. „Посредника", № 538. М. (Безъ г. печ.) Стр. 78. Ц. 5 к.
Содержаніе: Стихотворенія: О. Туманьянъ, И. Горбунова-Посадова, И. А. Бунина, С. Надсона, А. Федорова, Н. Некрасова, Л. Оболенскаго, В. Башкина, М. Гартмана, А. Барыковой, С. Прюдомъ, А. Подолинскаго, А. Плещеева, П. Сурикова, И. Цыганова, Шевченко, Ады Негри, Ф. Коппе, И. Я., А. Апухтина, Губера, К. Случевскаго, Гейне.

1721. Будищевъ, Ал. 891.7—3
Дали туманныя. Разсказы. Изд. „Моск. Кн-ва". М. 1913. Стр. 312. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Дали туманныя. Оптимистъ и пессимистъ. Болото. Хуторокъ. Уродъ. Кольцо. Собачья жизнь. Бурной ночью. Молодой другъ. Нордъ-Остъ. Разбойникъ Измерай. Дикарь. Агашка. Доброе дѣло. Письмо Фидель. Женихи. Епифоркино счастье. Бритва. Среди дымныхъ бугровъ.

1722. Гурьевъ, А. 891.7—3
Отъ скуки. Кн. III. Спб. (Безъ г. печ.) Стр. 159. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Правописаніе. Свободная наличность. Шоссейныя дороги. Табакъ. Адвокатская этика. Благотворительность. Городъ. Парфюмерія. Казенные ломбарды. Бальный сезонъ. Хулиганы. Игрушки. Думскіе финансисты. Омнибусы. Незаконныя дѣти. Пенсіи. Женскіе институты. Государственная энциклопедія. Канцелярская тайна. Англійскіе туристы. Петербургское солнце. Антрепренеры. Автомобилисты. Рай.

1723. Драгеймъ-Срѣтенская, І. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. II. Поздно. Повѣсти и разсказы. Спб. 1912. Стр. 340. Ц. 1 р.
Содержаніе: Поздно. Какъ быть? Въ дѣтской. Черная крышка.

1724. Драгеймъ-Срѣтенская, І. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. III. Пѣсни жизни. Разсказы. Спб. 1912. Стр. 308. Ц. 1 р.
Содержаніе: Вотъ она, жизнь! Ванька. Полевой цвѣтокъ. Тоска. Пойми! Брызги. Подъ шепотъ цвѣтовъ. Мысль моя. Довольно!

1725. Драгеймъ-Срѣтенская, І. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. IV. Подъ ракитой. Романъ. Спб. 1913. Стр. 381. Ц. 1 р. 25 к.

1726. Ждановъ, Левъ. 891.7—3
Наслѣдіе Грознаго. Истор. повѣсть изъ эпохи Самозванщины.—„Библіот. Колосья". Изд. М. И. Семенова. Спб. 1913. Стр. 163. Ц. 75 к.

1727. Козельскій, О. 891.7—3
Призраки. Романъ. Спб. 1913. Стр. 283. Ц. 1 р. 50 к.

1728. Ленскій, Вл. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. V. Тайна жизни. Повѣсти и разсказы. Изд. „Заря" М. 1913. Стр. 213 Ц. 1 р.

1729. Никитинъ. 891.7—3
Разсказы. М. 1913. Стр. 78. Ц. 70 к.
Содержаніе: Разсказы: Случай. Осеннимъ вечеромъ. Конецъ Иванова Петра. Принципъ. Въ глуши. Стихотворенія: Весна. Уличная. Бездомный. Изъ дневника. Дѣвушка. О жалости. Прощаніе. Жизнь. Сельская ночь. Умершей.

1730. Одоевскій, В. Ѳ., кн. 891.7—3
Русскія ночи. Подъ ред. С. А. Цвѣткова, М. 1913. Стр. 423. Ц. 2 р.
Содержаніе: Предисловія редактора, автора и къ изд. 1844 г. Русскія ночи: ночи 1, 2, 3 (Рукопись), 4: Бригадиръ. Балъ. Мститель. Насмѣтка мертвеца. Послѣднее самоубійство. Ценилія. 5: Городъ безъ имени, 6: Послѣдній квартетъ Бетховена, 7: (Импровизаторъ), 8: (продолж. рукописи) Себастьянъ Бахъ, 9: Эпилогъ. Примѣчанія редактора.

1731. Оксъ, В. 891.7—3
Обитель въ осадѣ. Историч. повѣсть. Съ 6 иллюстр. М. Малышева. Изд. 2-е, т-ва М. О. Вольфъ Спб. (Безъ г. печ.) Стр. 227. Ц. не обозн.

1732. Рунова, О. 891.7—3.
Павлюкъ. Разсказъ. Для взрослыхъ. Изд. 2-е „Посредника", № 536. М. 1912. Стр. 32. Ц. 2 к.

1733. Чулковъ, Георгій 891.7—3
Сочиненія. Т. VI. Разсказы и повѣсти. Изд. „Шиповникъ". Спб. (Безъ г. печ.). Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Мертвецы. Докторъ Черышевъ. Морская царевна. Печаль. О. Григорій. Подсолнухи. Глушь. Монахъ.

1734. Ѳедоровъ, А. 891.7—3
Бадера. Разсказы. Изд. „Моск. Кн-ва". М. 1913. Стр. 196. Ц. 1. 25 к.
Содержаніе: Бадера. Книги. Замокъ слезъ. Гастроль. Счастливчикъ. Призваніе. Компенсація. Рыбаки.

1735. Мендельсонъ, Н. М. 891.7.09
Очеркъ по исторіи русской литературы. „Народный унив. „Серія наукъ обществ.-гуманитарныхъ". Изд. „Польза", В. Антикъ и К°, 2. М. 1913. Стр. 252. Съ рис. и портр. Ц. 1 р. 25 к.

1736. Сиповскій, В. В. 891.7.09
Отзывъ о книгѣ г. Трубицина, представленной на соисканіе степени магистра русс. яз. и слов.: „О народной поэзіи въ обществ. и литерат. обиходѣ первой трети XIX в." Спб. 1913. Стр. 32. Ц. не обозн.

1737. Чернышовъ, К. 891.7.09
Лишніе люди и женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ И. С. Тургенева. Опытъ разбора литерат. типа русс. лишнихъ людей, какъ матеріалъ для характер. развитія общества. Изд. 2-е, просмотр. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913. Стр. 259. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Задача чтеній. Наша литература до Тургенева, со стороны ея обществ.-истор. значенія. „Записки охотника" и „Рудинъ". „Дворянское гнѣздо" и „Наканунѣ". „Отцы и дѣти" и „Дымъ". „Вешнія воды" и „Новь". Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ И. С. Тургенева. Наташа изъ „Рудина". Лиза изъ „Дворянскаго гнѣзда". Елена изъ „Наканунѣ". Маріанна изъ „Нови". Ася.

1738. Прусъ, Б. 891.85—3
Антекъ. „Кн. за кн.", кн. 163-я. Изд. М. И. Слѣпцовой. Спб. 1913. Стр. 32 Ц. 9 к.

Исторія и географія [9]

1739. Щеголевъ, П. Е. 9(04)
Историческіе этюды. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1913. Стр. 441. Ц. 3 р.
Содержаніе: Изъ исторіи журнальной дѣятельности А. Н. Радищева. (1789). Дѣтство Н. В. Гоголя. Семенъ Олейничукъ (1798—1852). Влад. Раевскій (первый декабристъ). Катехизисъ Сергѣя Муравьева-Апостола. (Изъ исторіи агитаціон. литературы декабристовъ). Декабристъ кн. Ѳ. П. Шаховской. Біографич. замѣтка. Жены декабристовъ и вопросъ объ ихъ юридическихъ правахъ.

1740. Гобино, гр. 9„13 : 14"
Вѣкъ Возрожденія. Историч. сцены. Пер. съ франц. И. Горбова. М. 1913. Стр. XII + 365. Ц. 2 р. 25 к.
Содержаніе: Отъ переводчика. Вѣкъ возрожденія: Савонарола. Цезарь Борджіа. Юлій II. Левъ X. Микель Анджелло.

1741. Гербертсонъ, А. и Ф. 901
Человѣкъ и его трудъ. Пер. съ посмѣдн. англ. изд. Съ многочисл. иллюстр.—„Библіот. Колосья" М. И. Семенова. Спб. 1913. Стр. 148. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Введеніе. Жизнь въ тундрѣ и мерзлой пустынѣ, въ лѣсахъ, умѣреннаго пояса, въ степяхъ, въ жаркихъ пустыняхъ, въ экваторіальн. лѣсахъ. Горы. Равнины. Морскіе берега. Вліяніе занятій на образъ жизни. Земледѣліе. Развитіе искусствъ, промышленности. Торговля и транспортъ. Торговые пути и города. Распредѣленіе и движеніе населенія. Формы правленія. Человѣческія расы.

1742. Карѣевъ, Н. И. 901
Собраніе сочиненій. Т. III. Критика экономическаго матеріализма. (Старые и новые этюды.) Кн-во „Прометей", Н. И. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 224. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе къ III т. Вступленіе. Происхожденіе историч. направленія въ современной исторіографіи. Происхожденіе и содержаніе экономич. матеріализма, какъ историч. теоріи. Историологическія воззрѣнія Маркса и Энгельса. Разборъ аргументаціи нѣмецкихъ сторонниковъ экономич. матеріализма. Измѣненія, вносимыя въ экономич. матеріализмъ нѣкоторыми его изслѣдователями. Попытка обоснованія экономич. матеріализма въ книгѣ Лоріа. Экономич. матеріализмъ въ „Критическихъ замѣткахъ" П. Б. Струве, въ „монистическомъ взглядѣ на исторію" г. Бельтова. Отношеніе въ экономич. матеріализму критиковъ гг. Струве и Бельтова. Взглядъ М. И. Туганъ-Барановскаго на значеніе экономическаго фактора въ исторіи. Что такое экономическій матеріализмъ?

1743. Карѣевъ, Н. 901

Теорія историческаго знанія. Изъ лекцій по общей теоріи исторіи. Спб. 1913. Стр. 320 Ц. 1 р. 50 к.

1744. Семеновъ-Тянь-Шаньскій, П. П. 9 (47)„1861"

Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 гг.). Въ воспоминаніяхъ. Томъ II. Спб. 1913. стр. XII + 618 Ц. не обозн.

1745. Кулаковскій, Ю. 9(495)„04"

Исторія Византіи. Т. I. (395—518). Съ 2 картами, планомъ Константинополя и разрѣзомъ его стѣнъ. Изд. 2-е, пересм. Кіевъ. 1913. Стр. XVI + 552. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловія. Источники и литература. Введеніе. Исторія Византіи. (Аркадій. Ѳеодосій. Маркіанъ. Левъ. Зинонъ. Анастасій.)

1746. Герштекеръ, Ф. 91(024.7)

Вселенная. Разсказы для дѣтей изъ физич., математ. и политич. географіи. Пер. подъ ред. Ф. Резенера, передѣл. и доп. М. Л. Песковскимъ. 5-е русс. изд., подъ ред. А. А. Ешевскаго. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913. Стр. V + 658. Ц. не обозн.

Содержаніе: Предварительныя свѣдѣнія. Европа. Сѣверная Америка. Южная Америка. Австралія и Полинезія. Азія. Африка.

1737. Ганъ, К. Ф. 91(47.9)

Краткій путеводитель по Кавказу. Изд. Канц. Намѣстн. Е. И. В. на Кавказѣ. Тифлисъ. 1913. Стр. 62. Съ двумя картами. Ц. не обозн.

1748. Николаевъ, В. 91(57.3)

Якутскій край и его изслѣдователи. Вып. I. Краткій историческій очеркъ экспедицій въ Якутскую область 1632—1913 г.г. (Якутскій отдѣлъ общества изученія Сибири и улучшенія ея быта). Якутскъ. 1913. стр. 88 Ц. 75 к.

1749. Соколовъ, Д. В. 91(57.3)

Русскій Сахалинъ. Съ картою и 51 рис. Прилож. къ журн. „Землевѣдѣніе", 1912 г. М. 1912. Стр. 149. Ц. 1 р.

1750. Норденшельдъ, О. 91(98/9)

Полярный міръ и сосѣднія ему страны. Пер. съ нѣм. А. А. Григорьева, подъ ред. и съ примѣч. проф. Д. Н. Анучина. М. 1913. Стр. 184. Съ рис. Ц. 1 р.

Содержаніе: Гренландія. Исландія и Янъ Майенъ. Шпицбергенъ и окружающіе его острова. Южнополярныя страны. Субантарктическія страны. Сѣверн. Америка. Сибирь. Сѣверо-Западная Европа.

1751. Мякотинъ, В. А. 92(А):281.93

Протопопъ Аввакумъ. Его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова). Изд. Ф. Павленкова, 3-е Спб. 1913. Стр. 123 Ц. 25 к.

1752. Оксъ, В. 92(Д'А)

Жанна Д'Аркъ—„Дѣва Орлеанская". Кн. за кн. Кн. 119-я. Изд. М. И. Слѣпцовой. Спб. 1913. Стр. 80 Съ рис. 20 к.

1753. Скалонъ, Д. А. 92(С)

Мои воспоминанія 1877—1878 гг. Т. I. Спб. 1913. Стр. 400 Съ 13 рис. Ц. 2 р. 50 к.

* **Трубецкой, Ев., кн.** 92(С):1

См. пор. № 1630.

Содержаніе журналовъ.

„Библіотекарь" (1913—III—IV). Отъ редакціи.— А. Покровская. Памяти Л. П. Вахтеровой.— М. Костинъ. Десятичная библіографическая классификація.— Вл. Восинскій. О формѣ систематическаго каталога.— Helen Schoenberg. Американскій библіотекарь.— Н. Сафронѣевъ. Латинская транскрипція и русскій алфавитъ.— В. К. Новыя правила о народныхъ библіотекахъ.— Библіографія русской спеціальной литературы: 1. Рецензіи и рефераты. 2. Списокъ новыхъ русск. книгъ и журнальныхъ статей по библіотечному дѣлу. 3. Списокъ новыхъ русск. книгъ по библіографіи и книжному дѣлу.— Изъ иностранной литературы и жизни.— Курсы по библ. дѣлу.— Изъ жизни О-ва Библіотековѣдѣнія.— Хроника.— Сводъ рецензій.

„Вѣра и Разумъ". (1913 — 5). Н. Платоновъ. Идеалъ каѳолической церкви по мнѣнію Вл. С. Соловьева.— Свящ. І. Дмитріевскій. Гдѣ рай? (Продолж.).— N. Вліяніе богословскихъ и педагогическихъ взглядовъ Ѳеофана Прокоповича на церковно-школьное образованіе и воспитаніе на Руси въ первой половинѣ XVIII в.— И. К. Гладкій. Этическое созерцаніе природы.— И. С. Продавъ. Познаніе сверхчувственнаго міра. (Продолж.).— Прот. П. Ѳоминъ. Церковныя древности Харьк. края. (Продолж.).— Прот. І. Пичета. Факты и воспомин. Изъ жизни герцоговинца на службѣ по дух.-учебному вѣдомству. (Продолж.).

„Вѣстникъ Воспитанія". (1913 — 3). А. Шкляревскій. Т. Н. Грановскій. (По поводу столѣтія со дня его рожденія).— И. Соловьевъ. Памяти Гаршина. (Къ 25-лѣтію со дня смерти).—Е. Звягинцевъ. Наша инспекція народныхъ училищъ. (Оконч.).— Л. Нейманъ. Мангеймская система и ея примѣненія въ мѣстныхъ народныхъ школахъ.— К. Сивковъ. Анкета о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. I. Общая характеристика анкеты. Б. Сыроѣчковскій. II. Курсъ исторіи въ средней школѣ.—Е. Выставкина. Трудовой принципъ въ школѣ Эртели.— Дрентельнъ. О музеѣ изящныхъ искусствъ имени Александра III въ Москвѣ.— В. Величкина-Малютина. Первые шаги дѣтей въ начальной школѣ.— М. Каменевъ. Школа и бугорчатка.— А. Дьячковъ-Тарасовъ. О лѣпкѣ, какъ элементѣ развитія, и объ органи-

заціи ея въ средней школѣ.— Критика и библіографія.— Хроника.

„Вѣстникъ Психологіи, криминальной Антропологіи и Педологіи“. (1913 — вып. 1). А. Л. Щегловъ. Преступникъ, какъ предметъ изученія врачебной науки.— Д-ръ В. И. Вражасъ. Развитіе эмоцій въ раннемъ дѣтствѣ и ихъ проявленіе въ выразительныхъ движеніяхъ.—Студ. А. Г. Токаровъ. Воспитательно-исправительныя заведенія и ихъ значеніе въ борьбѣ съ дѣтской преступностью.— М. Я. Басовъ. Отчетъ засѣданія С.-Петерб. Философскаго О-ва.— Рефераты. — Хроника психологической лабораторіи И. — И. И.— Проф. А. В. Герверъ. Отчетъ о дѣятельности Психо-Неврологическаго института за 1911 г.

„Для Народнаго Учителя“. (1913—6). И. Рыбниковъ. Идеалы деревенскихъ школьниковъ.— И. Гутеръ. Первый съѣздъ по семейному воспитанію.—Сазоновъ. Лѣтнія экскурсіи за границу.— Д. М. Б-скій. О мнемоникѣ.—И. Ровичъ. Общество въ память М. В. Ломоносова.— Письма съ мѣсть.— И. Обзоръ журнальной и книжной литературъ.— И. О. М. „Ключи счастья“.—Библіографія.— В. Доброгурская. Обзоръ дѣтскихъ произведеній Д. Н. Мамина-Сибиряка.— И. Чеховъ. Учительскія общества, ихъ задачи и организація.— М. Тихомировъ. Сельскія просвѣтительныя общества.— В. Бабаковъ. Школьный музей.— Законы и распоряж. правительства.— Допущеніе книгъ.— Разныя извѣстія.

„Для Народнаго Учителя“. (1913 — 7). В. Бочкаревъ. Учитель правды и гуманности, Т. Н. Грановскій.— И. Рыбниковъ. Идеалы деревенскихъ школьниковъ.— И. Ровичъ. Организація внѣшкольнаго образованія въ Сербіи.— Д. М. Б-скій. Анкета о преподаваніи исторіи въ средней школѣ.— К. Л-а. 10-е педагогическое совѣщаніе въ г. Орлѣ.— Е. Барановъ. Изъ жизни народныхъ учителей.— И. С. Изъ жизни учительскихъ организацій.— Библіографія.— В. Доброгурская. Обзоръ дѣтскихъ произведеній Д. Н. Мамина-Сибиряка.— И. Обзоръ журнальной и книжной литературы.— И. Чеховъ. Учительскія общества, ихъ задачи и организація.— М. Тихомировъ. Сельскія просвѣтительныя общества.— В. Бабаковъ. Школьный музей.—Письмо въ ред.— Разныя извѣстія.— Первый Всерос. Съѣздъ преподавателей физики, химіи и космографіи.— Курсы по библіотечному дѣлу.— Понемногу обо всемъ.

„Извѣстія по Народному Образованію“. (1913—3). Правительственныя распоряженія.—С. М. Лукьяновъ. Къ ученію о государственности и церковности. (Окончч.).—В. А. Волковичъ и З. К. Столица. Второй международный конгрессъ по нравственному воспитанію. (Оконч.).—И. Г. Мижуевъ. Оксфордскій и Кэмбриджскій университеты.—Отзывы о книгахъ.

„Маски“. (1913—5). М. Волошинъ. Театръ и сновидѣніе.—О. Коммиссаржевскій. По поводу замысла, исполненія и постановки.—М. Бончъ-Томашевскій. Театръ пародіи и гримасы.—Е. Гунстъ. Римскій-Корсаковъ о Р. Вагнерѣ.— С. Глаголь. Искусство ли театръ?—М. Попелло-Давыдовъ. Современное искусство танца.—А. Чумаковъ. Замѣтки о зрителѣ.—М. Бончъ-Томашевскій. На праздникѣ искусства театра.—І. Кордесъ. Памяти Отто Брама.—За рубежомъ.— Театральная и музыкальная лѣтопись.

„Наша Заря“. (1913—2). А. Коллонтай. Женское рабочее движеніе.—И. Гар—ви. Начало локаутной эпидеміи.—В. Абросимовъ. Къ итогамъ рабочаго движенія 1912 г.—Л. С. Среди журналовъ.—Мих. Павловичъ (Волонтеръ). Балканскій полуостровъ и соціальныя перспективы балканской войны.—Ж. Тоналовичъ и Ловчевичъ. Историческое развитіе соціалдемократіи въ Сербіи.— Петръ II. Письма изъ Англіи: Политическія теченія современной Англіи.—Библіографія.

„Популярный Литературно-Медицинскій Журналъ“. (1913—2). Д-ръ мед. К. Тэннигесъ. Преждевременная старость. Перев. съ нѣм. В. М. Познеръ.—Д-ръ мед. Л. Левенфельдъ. Бракъ и счастье. Сокращ. пер. съ 3-го нѣм. изд. Б. А. Винницкой.—Стерсотерапія и вакцинація. Авториз. пер. съ франц. ж.-вр. Безбокой.—**„Домашній Докторъ“.** (1913—2). Д-ръ Б. Оксъ. Мѣры противъ распространенія фальшивыхъ лекарствъ.—Проф. П. Силексъ. Шарлатанство и леченіе глазныхъ болѣзней.—Л. Бертенсонъ. Письмо въ редакцію.—Редактора медицинскихъ изданій въ Спб. Лечебное шарлатанство.—Шарлатанство въ торговлѣ медицинскими препаратами.—Ред. „Фармацевт. Журн.“. Лучше поздно, чѣмъ никогда.—Л. Бертенсонъ. Письмо въ ред. „Фарм. Журн.“.—К. Портновъ. Письмо въ ред. журн. „Дом. Докторъ“.—Общественная медицина. —Медицинскія замѣтки.

„Природа“. (1913—3). Проф. Л. В. Писаржевскій. Главнѣйшіе этапы въ развитіи нашихъ представленій о матеріи.— Т. П. Кравецъ. П. Н. Лебедевъ и созданная имъ физическая школа.—Г. А. Тиховъ. Зеленый лучъ.—А. Е. Ферсманъ. Существуютъ ли границы нашему познанію природы?—Проф. Б. Ф. Веригo. Значеніе половыхъ отличій и источникъ ихъ происхожденія.—М. М. Новиковъ. Неоламаркизмъ.—П. А. Бѣльскій. Столѣтіе рожденія Д. Левингстона.— Изъ лабораторной практики.—Научныя новости. —Смѣсь.—Астрономическія извѣстія.—Географическія извѣстія.—Библіографія.

„Русская Школа“. (1913—2). Законодательныя постановленія и правит. распоряженія.—Н. Бахтинъ. Ритмическая гимнастика по системѣ Э. Ж.-Далькроза.—Е. Накашидзе. Половое воспитаніе при современномъ научномъ, нравственномъ и религіозномъ освѣщеніи.—Ф. Вележева. Начальное образованіе въ Болгаріи. (Продолж.). —С. Константиновъ. Два года въ земской школѣ.—О. Чернавцевъ. Недостатки нынѣшнихъ кадетскихъ корпусовъ, какъ закрытыхъ учебныхъ заведеній.—М. Хижнякова-Черносвитова. Пѣніе, какъ необходимый предметъ въ воспитаніи и обученіи.—Ф. П. Павловъ. Итоги съѣзда по женскому образованію.—М. Соловьевъ. Матеріалы по методикѣ естествознанія. (Оконч.).— П. В. Магдалинскій. Экспериментальныя данныя къ вопросу о продолжительности храненія впечатлѣнія.—Библіографія (по эксперимент. отдѣлу).—Критика и библіографія.—Педагогическая хроника.

„Русское Богатство“. (1913 — 3). К. Гамсунъ. Послѣдняя отрада, очерки. — Вл. Розенбергъ. Конецъ „Отечественныхъ записокъ“.—Вл. Ладыженскій. Стихотв.—В. Платоновъ. Мать.— Н. А. Холодковскій. Вопросъ о „мыслящихъ лошадяхъ“ въ Германіи.—В. Ѳедорова. Стихотв.— С. Подъячевъ „Цитаты“.—Н. Бромлей. Стихотв.—И. Лучицкій. Аграрныя отношенія во Франціи наканунѣ революціи.— В. Письменная. Ляпинъ. — А. Пѣшехоновъ. На дѣйствительной службѣ.—

А. Прибылева. О „Вольномъ Словѣ“ и о роли въ немъ Мальшинскаго.—Діонео. Изъ Англіи.— В. Майскій. Борьба за юношество въ Германіи.— Н. С. Русановъ. Обозрѣніе иностранной жизни. — А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.— В. Хижняковъ. Изъ исторіи одного земства. — К. Оберучевъ. Французская армія и французская революція. — Новыя книги. — Къ статьѣ: „Закрытіе „Отеч. Записокъ“.

„Современный міръ“. (1913—3). И. Бунинъ. Илья пророкъ, разск. — К. Бальмонтъ. Тамъ, стих. — В. Муйжель На развалинахъ, повѣсть. (Оконч.)—Амари. Осенью, стих.—Н. Добронравовъ. Диспутъ, разск. — М. Моравская. Чужія горы, стих.—Л. Андреевъ. Онъ, разск. (Оконч.)— Амари. Стихотв.—Б. Верхоустинскій. Стихотв.— Х. Понтоппиданъ. Торбевъ и Ютта, ром. (Оконч.) Перев. съ датск. М. Благовѣщенской.—К. Бальмонтъ. Сталь, сонетъ.—А. Стриндбергъ. А развѣ этого мало?—разск. Перев. со шводск. В. Болотова.— С. Воскресшіе. — П. Звѣздинъ. Большой поэтъ маленькаго поколѣнія. (Оконч.)— В. Фаусекъ. Изъ воспоминаній о В. М. Гаршинѣ—Ортодоксъ. Въ защиту идеологіи.— І. Ларскій. Чинъ и безчинство. — Н. Рязановъ. „Исповѣдь“ К. Маркса.— В. Крапихфельдъ. Литературные отклики. Метаморфозы.—М. Ветошкинъ. Сибирское областничество.—С. Сватиковъ. Студенты-медики. Историческая справка. — Н. Борецкій-Бергфельдъ. Къ славянскому вопросу.— Критика и библіографія.

„Труды и Дни“. (1913—6). Вяч. Ивановъ. О сущности трагедіи.—А. Бѣлый. Отвѣтъ О. А. Степпуну.—Э. Метнеръ. Wagneriana.—Эллисъ. Мюнхенскія письма.—Н. П. Кисслевъ. Эфемерида.— А. Сидоровъ. Музей.

„Путь“. (1913—3). П. Сухотинъ. Далекій день, поэма.— М. Криницкій. Сыръ, разск. — З. Тулубъ. Старая скрипка, стих.—В. Лидинъ. Плѣнъ, разск.—П. Бѣлоусовъ. Вечеромъ, стих.—П. Рахмановъ. Воспоминанія объ Эллядѣ.— П. Петровскій. Стихотв. — К. Баранцевичъ. В. М. Гаршинъ.—П. Тулубъ. Литер. архивъ: Гаршинъ и Надсонъ.—А. Кипенъ. Изъ дневника. Писатели и читатели.—Ю. Соболевъ. Замѣтки объ „Екатеринѣ Ивановнѣ“ Л. Андреева. — Е. Мальцевъ-Волковъ. Послѣдніе.— В. Гарской, Провинціальные очерки.— И. Поповъ. За мѣсяцъ. — И. Ивановичъ. Заграничная хроника.—Библіографія.

„Художественно - Педагогическій Журналъ“. (1913 — 3.) М. В—пъ. Международный Съѣздъ по худож. воспитанію, рисованію и прикладному искусству въ Дрезденѣ въ 1912 г.— В. Бейеръ. Сущность художественнаго воспитанія.— Собираніе дѣтскихъ рисунковъ.— Курсы ручного труда Рос. О-ва Педагог. ручного труда.— Искусство и жизнь.— Хроника.

„Художественно - Педагогическій Журналъ“. (1913—4). Б. Шуйскій. Искусство въ эпоху Романовыхъ.—М. В. Легкія работы по дереву въ связи съ линейнымъ черченіемъ.—Л. Л. Мищенко. Эстетическое воспитаніе семьи и общества.— Искусство и жизнь.—Хроника.—Библіографія.

„Что и какъ читать дѣтямъ“. (1912—13—6). В. Мурзаевъ. О типахъ картинокъ въ дѣтской книгѣ.— Обзоръ „Дешевой библіотеки для семьи и школы“ изд. А. Сухова.— Обзоръ разсказовъ И. Шмелева въ изд. „Юная Россія“.— Разборъ журнала „Газетка для дѣтей и юношества“.— Отзывы о книгахъ.—Справки о нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгахъ.

Издатели: { В. Крандіевскій. / В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

Письмо въ редакцію.

Приступивъ ко 2-му, переработанному изданію „Критико-Біографическаго Словаря русскихъ писателей и ученыхъ“, я разослалъ писателямъ и ученымъ, адреса которыхъ мнѣ были извѣстны, циркуляры съ просьбою о присылкѣ біо-библіографическихъ свѣдѣній. Вопросы и пункты этого циркуляра сводятся къ слѣдующему:

Біографія: 1) Имя и отечество. 2) Годъ, мѣсяцъ и число рожденія. 3) Мѣсто рожденія. 4) Кто были родители? 5) Вѣроисповѣданіе. 6) Краткая исторія рода. Главнымъ образомъ: были ли въ родѣ выдающіеся въ какомъ-либо отношеніи люди? 7) Ходъ воспитанія и образованія. Подъ какими умственными и общественными вліяніями оно происходило. 8) Начало и ходъ дѣятельности. 9) Замѣчательныя событія жизни.

Библіографія: 1) Перечень написаннаго или переведеннаго, съ точнымъ обозначеніемъ: а) если рѣчь идетъ о книгѣ: года, мѣста, формата и количества страницъ, в) если о журнальной статьѣ—года, № и названія періодическаго изданія, гдѣ она появилась, с) если о газетныхъ статьяхъ (главнѣйшихъ, конечно), то въ какихъ именно газетахъ и въ какомъ году онѣ появились. 3) Не были ли (гдѣ, когда и кѣмъ) переведены произведенія на иностранные языки? 4) Не появились ли гдѣ-нибудь біографическія свѣдѣнія (если появились, то въ какой книгѣ или въ какомъ № періодическаго изданія)? 5) Не были ли помѣщены гдѣ-нибудь портреты? 6) Псевдонимы.

Сверхъ того, я прошу не отказать мнѣ въ присылкѣ фотографической карточки.

Къ сожалѣнію, адреса очень многихъ писателей и ученыхъ остались мнѣ неизвѣстны. Поэтому я посредствомъ печати обращаюсь ко всѣмъ лицамъ, причастнымъ къ литературѣ, журналистикѣ и наукѣ, съ просьбой не отказать мнѣ въ доставленіи свѣдѣній о себѣ, примѣнительно къ вышеизложенной программѣ.

Очень важно для изданія, чтобы указанныя свѣдѣнія были посланы не позже 1 іюля с. г.

Отвѣты прошу направлять по адресу: С.-Петербургъ, Загородный, 21, профессору Семену Афанасьевичу Венгерову.

Съ истиннымъ уваженіемъ *С. Венгеровъ.*

„Сотрудникъ школъ А. К. Залѣсская".

Москва, Воздвиженка, 13. Телеф. 34-23.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО,

фабрика глобусовъ и учебн. пособій, образов. дѣтск. игръ, физическ. приборовъ и пр.

Магазины: книгъ, учебн. пособ., канц. и письмен. прин. и пр.

Все къ предстоящему лѣтнему сезону для составленія энтомологич. и ботанич. коллекцій.

Доп. Учеб. Ком. Мин. Нар. Просв.

Шлехтенталь и Вюншъ. Опредѣлитель насѣкомыхъ. Введеніе въ ихъ изученіе. 2 р. 50 к.

Шмейль-Фитченъ. Школьный опредѣлитель культурныхъ и декорат. растеній. 55 к.

П. И. Мамаевъ. На экскурсію (2 изд.). 1 р.

П. И. Мамаевъ. Знакомство съ жизнью растеній путемъ наблюденій и опытовъ. 50 к.

С. Н. Боголюбскій. Первый шагъ къ природѣ. 75 к.

Серія новѣйшихъ конспектовъ, составленныхъ кружкомъ преподавателей по предметамъ средн. школы: Законъ Божій, исторія, исторія литературы, математика и пр. отъ 25—30 к.

Архангельская. „Негръ Тиффъ и его друзья". Составлено по роману Бичеръ-Стоу „Жизнь южныхъ штатовъ". 50 к.

Архангельская *). „Первая ферма". 40 к.

„ „Походъ въ святую землю". 60 к.

Арнольдъ К. Задачникъ для начинающихъ обучаться дома и въ школѣ. 25 к.

Боголѣповъ П. Сборникъ устныхъ и письмен. ариѳ. задачъ. 40 к.

Бокъ Е. *) Краткій курсъ ботан. (Допущ. У. К. М. Н. Просв.). 40 к.

Боппъ. Метрическ. сист.—стѣн. табл. съ объясн. текстомъ. 75 к.

Виноградовъ. Ариѳм. упр. и задачн. 35 к.

Галанинъ Д. Метод. ариѳ. 1 годъ обуч. 50 к.

„ 2 годъ обуч. 50 к.

Гѣбинъ *). Родн. языкъ. Практич. грам. 15 к.

„ Синт. и этим. ч. II. 30 к.

„ „ „ ч. III. 65 к.

Голосъ совѣсти. Разск. (перси. съ нѣм.). 10 к.

Грековъ Ф. Обученіе письму прям. почер. Русск. и церковно-сл. письмо. 8 к.

Диккенсъ *). „Давидъ Копперфильдъ". 65 к.

„ *) „Домби и сынъ" съ иллюстрац. 50 к.

„ *) „Николай Никельби". 50 к.

„ *) „Оливеръ-Твистъ" съ иллюстрац. 30 к.

„ *) Тоже, болѣе дорогое. 60 к.

Залѣсскій. „Хлопокъ и что изъ него дѣлаютъ". 10 к.

Дворниковъ П. Элемент. курсъ исторіи русск. литер. 80 к.

Дворниковъ П. Элемент. курсъ русск. исторіи. 90 к.

Дворниковъ и Соколовъ*). Сокращен. курсъ геогр. Росс. имперіи (съ иллюст.). 90 к.

Дерначевъ И. Школьн. ступ. Годъ I. 35 к.

„ „ „ II. 40 к.

*) Картины по естественной исторіи въ краскахъ 10 × 8 верш. (92 картины) 20 карт. 2 р. 50 к.

Каптеревъ. *) Уроки по Закону Божію В. З. 30 к.

„ „ „ II. З. 35 к.

Катановъ. Стѣн. табл. для ознаком. съ дробями, въ краскахъ. 20 к.

*) Картины стѣнныя по русской исторіи. Оба выпуска вмѣстѣ. 3 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно 2 р.

Классная стѣнная таблица буквы „ѣ". 10 к.

Коваленская А. *) Назарычъ. 15 к.

„ *) Валетка (ссыльный) 15 к.

„ *) Большіе люди. 8 к.

„ Непита. 6 к.

Кутузовъ, Н. Наглядная геометрія. 70 к.

Ленченко. Простѣйшій способъ рѣшенія задачъ на правила: тройное, процентовъ и пр. 15 к.

Миловидовъ *). Опытъ объясн. чтен. 1 р. 20 к.

Новый букварь. Составл. учительницами. 6 к.

Островская Н. *) Разсказы для дѣтей. 1 р. 40 к.

„ Мальчикъ въ плѣну. 25 к.

*) Прописи для народныхъ школъ. 4 к.

Уоллесъ. Во дни оны. 50 к.

Шапошниковъ. Дѣдушка Ермилъ. 20 к.

Римскій-Корсаковъ. Смѣлый и безразсудный. 40 к.

Руководство къ употребленію ариѳметическаго ящика (печатается).

Спижарная *). Первые уроки чтенія (до Нов. Азбуки Л. Н. Толстого). 5 к.

Сваричевскій. Метод. сбор. ариѳм. задачъ. 20 к.

Соколовъ *). Краткое богослуж. (82 иллюст.). 15 к.

„ Программа по Закону Божію. 10 к.

Сахаровъ Ив. и Соколовъ. Новая русская хрестоматія. 85 к.

Новая школьная библіотека, составленная кружкомъ учащихъ подъ ред. Сахарова и Булгакова. 37 №№ со многими иллюстраціями.

*) Допущ. уч. Ком. Правит. Учрежд.

Э. Л. РАДЛОВЪ. **ФИЛОСОФСКІЙ СЛОВАРЬ.**

ЛОГИКА, ПСИХОЛОГІЯ, ЭТИКА, ЭСТЕТИКА
И ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

Изданіе Г. А. ЛЕМАНА.
Москва. — 1913.

Книжный складъ „НАУКА". Москва, Б. Никитская, 10.

XXIV г. изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ 1913 Г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ".

Журналъ ставитъ своею **ЗАДАЧЕЮ** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этой цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и дастъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ книгахъ и др. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знаній и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч. Въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, Ю. А. Весловскій, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, А. Г. Дауге, Е. А. Звягинцевъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коганъ, проф. И. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, А. И. Лотоцкій, прив.-доц. П. И. Люблинскій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, И. М. Михайловъ, проф. А. П. Нечаевъ, И. М. Никольскій, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, Г. Роковъ, С. Ф. Русова, П. П. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Уляновъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. О. Фортунатовъ, Л. В. Хавкина-Гамбургеръ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолускій, И. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, Е. Н. Янжулъ, акад. Н. Н. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки — 5 р., съ доставкой и пересылкой — 6 р., въ полгода — 3 р., съ пересылкой за границу — 7 р. 50 к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки — 5 р.

Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣтительнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ на 5 экземпляровъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5% подписной цѣны, и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экземпляровъ въ размѣрѣ 10%. Уступки эти дѣлаются при непремѣнномъ условіи высылки денегъ *непосредственно въ редакцію*.

Плата за объявленія въ журналѣ: 30 руб. за страницу и 15 р. за полстраницы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ ***Н. Ф. Михайловъ.***

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Иностранная литерарура.

442. Шекспиръ. Гамлетъ.
446. Шекспиръ. Макбетъ.
450. Шекспиръ. Двѣнадцатая ночь.
728. Мопассанъ. Иветта.
729—731. Дюма-сынъ. Дама съ камеліями.
732. Михаэлисъ. Опасный возрастъ.
733—734. Шиллеръ. Разбойники.
735. Мольеръ. Скупой.
736—737. Лоти. Исландскій рыбакъ.
738. Мелль. Разсказъ о рабѣ-еврѣ.
739—742. Диккенсъ. Давидъ Копперфильдъ. Томъ III.
743. Мопассанъ. Домъ Телье.
744—747. Бласко-Ибаньесъ. Мертвые повелѣваютъ.
748. Верлэнъ. Избранныя стихотворенія.
749—750. Ожешко, Э. Меиръ Эзофовичъ. Ч. I
751—752. Ожешко, Э. Меиръ Эзофовичъ. Ч. II.
753. Диккенсъ, Ч. Рождественская пѣснь въ прозѣ.
754—757. Реймонтъ. Мужики. РоманъЧ. IV. (Лѣто).
758. Диккенсъ. Колокола.
759—761. Лагерлефъ, С. Домъ Лиліескроны.
762. Михаэлисъ, К. Эльзи Линдтнеръ.
763. Мопассанъ. Лунный свѣтъ.
764—766. Пшибышевскій, С. Сумерки.
767. Кастельнуово, Э. Рыцари непорочной.
768—769. Андрэ, П. Мужскія письма.
770. Байронъ. Сарданапалъ.
771—773. С. Михаэлисъ. «1812. Вѣчный сонъ».
774. Мопассанъ. Напрасная красота.
775—780. Г. Манъ. Охота за любовью.
781. Мопассанъ. Оливковый садъ.
782—783. Гейерстамъ. Власть женщины.
784—785. Ренье. Необычайные любовники.
787—789. Бальзакъ. Тридцатилѣтняя женщина.
791—793. Тетмайеръ. Японикъ Нендза Литмановскій.
794. Бальзакъ. Любовь подъ маской.
795—798. Стриндбергъ. Исповѣдь безумца.
799. Гартлебенъ. Гостепріимный пасторъ.
802—805. Флоберъ. Саламбо.
807—809. Майнъ-Ридъ. Ползуны по скаламъ.
810—811. Мопассанъ. Сказки дня и ночи.
813—815. Бакгъ. Михаэль.
820—821. А. Фраксъ. Подъ придорожнымъ вязомъ.
826—828. Мопассанъ. Наше сердце.
829. Уэллсъ. Страна слѣпыхъ.
830. Янъ Порукъ. Бѣлая одежда.
834. Мольеръ. Мнимый больной.

Разсказы Джека Лондона.

431. Любимцы Мидаса.
786. Лунный ликъ.
790. Богъ его отцовъ.
806. Любовь къ жизни.
812. Мужская вѣрность.
816. Когда боги смѣются.
822. Сила женщины.
825. Послѣдняя борьба.

Русская литература.

572. Слово о полку Игоревѣ.
573. Маркъ Криницкій. Пошлость.
574. Пѣсни каторги. Собр. В. Гартевельдъ.
575—577. Нарѣжный. Бурсакъ.
578. Богдановичъ, И. Ѳ. Душенька.
579. Ленскій, Д. Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. Мей, Л. А. Царская невѣста.
581. Мей, Л. А. Псковитянка.
584. Гусевъ-Оренбургскій. Капитанъ Кукъ и др.
585. Ковалевскій, К. Жизнь-мгновеніе.
586. Ѳ. Сологубъ. Опечаленная невѣста.
587. Толстой. Отецъ Сергій.
588—589. Комическая опера XVIII в.
590. Л. Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ.

Серія карманныхъ словарей.

601—604. Французско-русскій.
605—608. Русско-французскій карманный.
Цѣна каждаго словаря 50 коп. въ переплетѣ.

Научно-популярная литература.

651. Э. Пименова. Наполеонъ I.
652. Т. Богдановичъ. Александръ I.
653—657. Сегюръ Походъ въ Россію.
658. В. Пичета. Причины Отечественной войны.
659. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. I.
660. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. II.
661. Т. Сократора (Алабина). Наполеонъ въ Россіи.
662. Г. Швабъ. Походъ аргонавтовъ.
663. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. III.
664. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. VI.
665—666. Л. Гартманъ. Паденіе античнаго міра.
667. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. V.
669. Дж. Уотсонъ. Наслѣдственность
670—671. В. Пичета. Смутное время въ Московскомъ государствѣ.
672. В. Филатовъ. Родъ бояръ Романовыхъ.
673. Е. Богрова. Дмитрій I.
674. М. Н. Коваленскій. Московская смута XVII в.
675. Маржеретъ. Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 г.

Подробные каталоги высылаются безплатно.

ЦѢНА КАЖДАГО НОМЕРА 10 коп. (Двойные выпуски—20 к. Тройные выпуски—30 к. Четверные выпуски—40 к.)

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ и у газетчиковъ.

Заказы не менѣе, чѣмъ на 1 р. 50 к. исполняются главной конторой наложеннымъ платежемъ.

Главная контора Кн-ва „ПОЛЬЗА" В. Антикъ и К°.

Москва, Козицкій пер., д. № 42.

Книгоиздательство и книжный складъ „НАУКА".

Москва, Бол. Никитская, д. № 10. Телефонъ 2-54-99.

В. Алехинъ. На весенней экскурсіи въ Кунцевѣ подъ Москвой. Ц. 30 к.

Андреевъ. Скелеты и чучела. Пособіе къ изготовленію естественно историческихъ препаратовъ и охотничьихъ вещей. Ц. 1 р. 50 к.

Астровъ. Набивка чучелъ. Общедоступное руководство. Ц. 30 к.

Э. Бадэ и др. Терраріумъ, его устройство и содержаніе. Ц. 1 р.

Бѣлгородскій. Ученическія экскурсіи. Кратк. историч. очеркъ. Значеніе и организація ихъ. Ц. 75 к.

Бессарабскій. О развитіи въ учащихся любви и гуманности къ живой природѣ. Ц. 10 к.

Его же. Организація и образовательно-воспитательное значеніе школьн. экскурсій Ц. 15 к.

Н. В. Вороньковъ. Планктонъ прѣсныхъ водъ. Ц. 1 р. 50 к.

Гейзеръ. Препараты животныхъ въ жидкостяхъ.

Де-Шагренъ. Приготовленіе біологическихъ коллекцій дешевымъ способомъ. Ц. 60 к.

Жадовскій. Опредѣлитель растеній. Практ. руковод. для ботаническ. экскурсій. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Ѳ. Золотницкій. Новыя акваріумныя рыбы и растенія. Ц. 2 р. 50 к.

А. П. Ивановъ. Опредѣлитель ископаемыхъ верхне и средне-каменноуг. отложеній Московск. губ. Ц. 60 к.

Кавтарадзе. Спутникъ молодого натуралиста. Практич. руководство для наблюденія природы и составл. естеств.-историч. коллекцій. Ц. 30 к.

Гарри Н. Калинисъ. Протозоологія. (Простѣйшія животныя). Ц. 2 р. 50 к.

Кирпотенко. Руковод. къ наблюденію природы и приготовл. естеств.-историч. коллекцій. Ц. 30 к.

С. Лебедевъ. Руководство къ ботаническимъ экскурсіямъ съ иллюстрир. опредѣлителемъ. Ц. 60 къ.

В. Н. Линдъ. Практическое руководство къ опредѣл. звѣрей, водящихся въ Европейской Россіи. Ц. 35 к.

П. Маевскій. Флора Средней Россіи. Ц. 3 р. 50 к.

Его же. Весенняя флора Средней Россіи. Ц. 30 к.

Его же. Осенняя флора. Ц. 40 к.

Мамаевъ. Знакомство съ жизнью растеній путемъ наблюденій и опыты. Ц. 65 к.

Миллеръ. Акваріумъ. Ц. 1 р. 35 к., въ папкѣ 1 р. 60 к.

Мольденгауеръ. Въ хвойномъ лѣсу. Записки экскурсанта. Со многими рис. съ натуры художника О. Клевера. Ц. 70 к.

Мюль. Жуки и ихъ личинки. Практич. руковод. для собиранія, вывода и изготовленія энтомологическо-біологич. коллекціи. Ц. 55 к.

Раевскій. Ботаническія экскурсіи. Книжка для образовательныхъ экскурсій съ дѣтьми. Ц. 2 р.

Ростовцевъ. Опредѣлитель растеній для школъ и самообразованія г. I. Ц. 1 р. 25 к., г. II. Ц. 60 к.

Его же. Для начинающихъ—пособіе къ опредѣленію цвѣтковыхъ растеній. Ц. 5 к.

Его же. Какъ составлять гербарій. Краткое руководство къ собиранію тайнобрачныхъ и явнобрачныхъ растеній. Ц. 30 к.

М. Садовникова. „Жизнь муравьевъ". Альбомъ стереоскопич. фотографій. Ц. 2 р. 50 к.

Синегубъ. Бабочки Россіи—таблицы для опредѣленія видовъ бабочекъ, встрѣчающихся въ Европ. Россіи, отчасти Сибири и на Кавказѣ, вып. I. Ц. 40 к.

Его же. Бабочки Россіи.— Таблицы для опредѣленія видовъ бабочекъ, встрѣчающихся въ Европ. и отчасти и Азіятск. Россіи. Вып. I. Ц. 40 к., II. Ц. 30 к., III. Ц. 35 к.

Скалозубовъ. Пособіе для ботаническихъ экскурсій.—Жизнь растеній въ примѣрахъ изъ русской флоры. Ц. 1 р. 25 к.

Сорокинъ. Книга для экскурсій. Руководство къ набивкѣ чучелъ, собиранію насѣкомыхъ, растеній и вообще къ постановкѣ коллекцій трехъ царствъ природы. Ц. 50 к.

Таліевъ В. И. Опредѣлитель высшихъ растеній Европейской Россіи (кромѣ Кавказа и полярной Россіи). Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.

Федченко - Флеровъ. Руководство къ собиранію растеній для гербарія. Ц. 15 к.

Его же. Водяныя растенія средней Россіи. Иллюстрир. опредѣлитель водяныхъ растеній, дикорастущихъ въ Средней Россіи. Ц. 25 к.

Федоровъ. Набивка чучелъ и собираніе насѣкомыхъ. Практическое руководство для набивки чучелъ разныхъ животныхъ и птицъ и собиранія насѣкомыхъ. Ц. 30 к.

Д. Шлиттендаль и Д. Вюкше. Опредѣлитель насѣкомыхъ, введеніе въ ихъ изученіе Ц. 2 р. 50 к.

Шмейль - Фитченъ. Школьный опредѣлитель наиболѣе распространенныхъ дикорастущихъ и культурныхъ растеній. Ц. 50 к.

Ширяевъ (по Рейли). Руководство къ собиранію и составленію естественно-историч. коллекцій. Ц. 1 р.

Щетинскій. Практич. руковод. къ собиранію и составленію естественно - историч. коллекцій. Ц. 1 р. 50 к.

К. П. Ягодовскій. Дѣтскія работы по естествознанію. Ц. 1 р. 40 к.

Торговый знакъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ МАГАЗИНЪ

спеціально **РЫБОЛОВНЫХЪ** принадлежностей.

ТОРГОВАГО ДОМА

С. А. Малиновскій.

МОСКВА, РОЖДЕСТВЕНКА, 8.

Роскошно иллюстрированный, ясно и толково составленный ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ съ объясненіемъ всѣхъ способовъ уженья и примѣненія снастей высылается БЕЗПЛАТНО.

НОВЫЯ КНИГИ собственнаго изданія:

1) **„УЖЕНЬЕ РЫБЫ“.** И. Конарова. Цѣна безъ пересылки 1 рубль.
2) **„ЛОВЛЯ СОМОВЪ И КВОКЪ“.** М. Ушакова. Цѣна безъ пересылки 35 коп.
3) Брошюра бр. Гарди „Катушки Silex и англійск. методы уженья спиннингъ“ (переводъ съ англійск.). Цѣна безъ пересылки 35 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“.

Москва, Никитская, 10.

ИППОЛИТЪ ТЭНЪ:

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИТАЛІИ.

Переводъ П. П. Перцова. Т. I.

НЕАПОЛЬ И РИМЪ.

М. 1913. Стр. 300. Съ многр. рис. П. 2 р. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журналъ

„ЖИВОЕ СЛОВО“

52 №№ иллюстр. журнала. **6** кн. ДЖЕКА ЛОНДОНА.

20 кн. худ. произв. Л. Н. ТОЛСТОГО. **1** худож. портр. Л. Н. ТОЛСТОГО.

1 ст календ. въ 8 красокъ.

На годъ **5** р., на ½ г. **3** р.

Москва, Леонтьевскій, 26. Пробный № высылается за 7 коп. марку.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 88-60 и 1-31-34.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 17. Май. 1913.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Чрезъ творческое „дерзновеніе“ къ „безусловной свободѣ“..... 737
2. Альтруизмъ, какъ факторъ гармоничности и полноты индивидуальной жизни 742
3. Искусство и повседневность въ ихъ противорѣчіи 747
4. Изъ новѣйшей беллетристики о духовенствѣ. (Какъ бунтуютъ будущіе пастыри.—Нерадивые пастыри.—Пастыри, „брегущіе стадо“) 750
5. Мучители-мученики. („Шпитаты“ С. Подъячева). 759
6. Дары средневѣковой мудрости. (Изъ итальянскихъ новеллъ). I. Три перстня.—II. Цѣна дыма. — III. De bonis moribus. — IV. Сенека 767
7. Л. Андреевъ на порогѣ своей славы. 769
8. Одна изъ наиболѣе удачныхъ утопій. (25-лѣтіе интеллигентской общины „Криница“) 770
9. Неорганическая природа при свѣтѣ современной науки..... 776
10. Идеи, образы, факты. (Вмѣсто хроники). Проектъ заграничныхъ командировокъ писателей. — Литературная безпозиціозность. — Акмеизмъ - адамизмъ.—Молодая поэзія въ Англіи.—Англійскіе „интеллигенты“. — Погоня за новизной въ литературѣ и жизни.—Новый романъ А. Франса. — Къ упадку драматическаго творчества. — Въ поискахъ театра будущаго. — Послѣдній „крикъ“ модернистской живописи. — Общій недостатокъ искусства нашего времени..... 777

Отзывы о книгахъ. — Новыя книги. — Содержаніе журналовъ. — Книги, поступившія въ редакцію. — Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Москва, Б. Никитская, д. 10, кн. маг. „Наука“. Тел. 254-99. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

Торговый Домъ „Модный міръ“.

Журналы модъ и выкройки.

МОСКВА, Голофтѣевскій пассажъ. №№ 21 и 22. Телеф. 276-37.

Каталогъ № 79 высылается безплатно.

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ

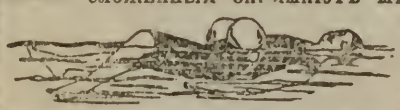
АЙВАДА (Aywad's Water Wings)

ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ.

СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ и ЛЕЖАТЬ на ВОДѢ.

СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛѢЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.

ПОДДЕРЖИВАЮТЪ НА ПОВЕРХНОСТИ ДО 9 ПУДОВЪ.



Цѣна 1 р. 70 к., пересылка 35 к., въ Сибирь 65 к.

СКЛАДЪ У

И. ГЛАЗУНОВА, Москва, Столешниковъ. № 8.

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА

ПРЕССЫ и ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА РОССІИ ВО ДВОРЦѢ МЕЖДУНАРОДНАГО ОТДѢЛА ГЕНТСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ

(май — ноябрь 1913 г.).

Программа выставки: газеты и журналы, издательства, книжные магазины, библіотеки, публикаціонное дѣло и вообще всѣ учрежденія и предпріятія, обслуживающія прессу и книгоиздательство. Участники русскаго отдѣла пользуются всѣми правами экспонентовъ всемірной выставки, т.-е. имѣютъ право на полученіе дипломовъ и медалей. Детальныя свѣдѣнія по первому требованію. Писать: Musée de la presse russe, rue de la Madeleine, 46. Bruxelles. Экспертиза экспонатовъ состоится въ сентябрѣ т. г.; экспонаты принимаются до конца августа.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
строка петита . . 50 к.

№ 17 — Май 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 9 м.—2 р. 25 к.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к. Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Черезъ творческое „дерзновеніе“ къ „безусловной свободѣ“.

Ростъ человѣческаго духа—фактъ несомнѣнный. Огромны высоты уже достигнутаго, но нѣтъ твердой, абсолютно надежной почвы у этихъ высотъ: головокружительныя бездны *вверхъ* и *внизъ*, къ идеалу чаемаго и въ мрачную пучину недостигнутаго, а, можетъ быть, и недостижимаго,—настойчиво подчеркиваютъ глубокій трагизмъ тѣхъ, кто вознесенъ жизнью на эти высоты. И если для однихъ изъ нихъ это трагическое окрашено въ мрачный цвѣтъ недостижимаго, если бездна ввысь повелительно внушаетъ имъ одно лишь: *ignorabimus!*,—то для другихъ—это трагизмъ безпредѣльнаго дерзновенія, трагизмъ, полный жуткаго наслажденія и гордыхъ чаяній. Вѣра въ безграничную мощь растущаго человѣческаго духа—вотъ чѣмъ они полны, вотъ что они противопоставляютъ своимъ отчаявающимся собратьямъ.

Намъ уже приходилось отмѣчать въ „Бюллетеняхъ“ [1]) явленія этихъ гордыхъ чаяній. Предлагаемъ вниманію читателей еще одинъ опытъ построенія міровоззрѣнія съ попыткой преодолѣть трагическое „ignorabimus“. Интересующій насъ авторъ (К. Эрбергъ.—„Цѣль творчества“) стоитъ на почвѣ трансцедентальнаго идеализма, опредѣляя изначальное бытіе человѣческаго духа какъ абсолютно *свободное* и *автономное*, а бытіе сущее—какъ *рабское* и *зависимое*, хотя и находящееся въ процессѣ освобожденія.

„Самое острое изъ всѣхъ моихъ отрицательныхъ переживаній—говоритъ К. Эрбергъ,—можетъ быть выражено словами: „я въ зависимости“. Наиболѣе сильное изъ переживаній положительныхъ приближается въ формулѣ: „я свободенъ“. Формулу эту въ чистомъ ея видѣ мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть осуществленной. Зависимость же есть состояніе моего повседневнаго существованія. И духъ мой, плѣненный необходимостью и неизбѣжностью, хочетъ вырваться изъ цѣпкихъ оковъ. Хочетъ невиданной и неслыханной здѣсь свободы.

У кого же нахожусь я въ зависимости?—У чужой силы. Но не у всякой чужой силы. Я не чувствую, напримѣръ, зависимости въ томъ случаѣ, когда дѣйствіе этой чужой силы является для меня „благомъ“. Такъ, я ничего не имѣю противъ двигательной силы, переносящей меня туда, куда я хочу прибыть. Съ другой стороны, вполнѣ допустимъ и такой случай, когда я не чувствую зависимости и при наличности „зла“, причиняемаго мнѣ чужой силой, хотя бы, напримѣръ, въ видѣ пытки, добровольно мною принятой. Такимъ образомъ, фактъ моей зависимости отъ чужой силы ничуть не связанъ съ сущностью, съ содержаніемъ этой силы. И не содержаніе, но та принудительная, насильственная форма, въ которую выливается какое бы то ни было содержаніе чужой силы, стѣсняетъ меня, угнетаетъ и ставитъ часто въ рабскую зависимость. Итакъ, я завишу отъ принужденія, отъ насилія, какъ результата столкновенія моей силы съ чужой.

Чужая сила, какъ активное или потенціальное принужденіе, создаетъ положеніе, при которомъ я долженъ или, смирившись, подчиниться ей, или же бороться и искать освобожденія. Въ результатѣ—или рабство, или свобода. Часто никнетъ мой духъ, побѣжденный насиліемъ и, увы, смиряется. Но когда рабство не въ моготу,—стремится онъ къ освобожденію. Въ основаніи такого стремленія моего

[1]) См. № 7 — „Идея всеобщаго спасенія отъ смерти“, и № 14 — „Человѣчество въ роли руководителя вселенной“.

духа лежитъ начало автономности моей личности, которая отрицаетъ всякій чуждый авторитетъ и признаетъ одну лишь внутреннюю санкцію.

Все, что—не я, весь внѣшній міръ можетъ явиться, и дѣйствительно является, нарушителемъ моей воли.

Въ какія же непосредственныя отношенія становится мой ищущій освобожденія духъ къ нарушителямъ его воли? Что можетъ онъ противопоставить ихъ власти?

Гордость—какъ принципъ отношенія къ врагу-человѣку и *борьба*—какъ проявленіе своей воли къ свободѣ,—отвѣчаетъ авторъ.

Ибо „есть какая-то таинственная сила, что-то загадочное, притягивающее“ не только въ утонченномъ духовномъ единоборствѣ, но даже и въ грубой физической борьбѣ съ противникомъ, и въ преодолѣніи его. Разъ нельзя быть свободнымъ, то счастье—въ завоеваніи свободы, въ процессѣ освобожденія. Проявленіе своей силы и мощи является для духа столь положительнымъ переживаніемъ, что передъ нимъ отступаютъ всѣ остальныя переживанія. Самый процессъ свободнаго сопротивленія чужой волѣ и сопряженное съ нимъ ощущеніе силы, мощи и хотя бы временнаго преобладанія надъ противникомъ, несетъ въ себѣ дыханіе освобожденія отъ чужой власти, и вмѣстѣ съ освобожденіемъ—подтвержденіе далекой свободы моей личности. И въ данномъ случаѣ бороться стоитъ хотя бы только ради этого психологическаго переживанія.

Такимъ образомъ, при нынѣшнихъ условіяхъ общественности, только въ процессѣ сопротивленія могу я найти освобожденіе отъ порабощенія моей личности волей отдѣльнаго индивидуума. И все же, въ сферѣ отношеній моихъ къ послѣднему, идеалъ мой осуществимъ гораздо легче, чѣмъ въ сферѣ моихъ отношеній къ власти организованной совокупности человѣческихъ воль.

Психическое принужденіе нормъ современной общественности слѣпо и безсознательно. Съ моей проповѣдью свободы я принужденъ обращаться здѣсь къ чему то тупому и безликому, покоющемуся на томъ самомъ принужденіи, противъ котораго я иду. Чтобы сдвинуть современную общественность съ ея устоевъ принудительности, мнѣ надо побороть сразу всѣ воли, подѣйствовать сразу на всѣхъ тѣхъ людей, разрозненное волеопредѣленіе которыхъ, въ своей совокупности, лежитъ въ основаніи общепринятыхъ нормъ. Чтобы измѣнить условія современной общественности, надо убѣдить въ ихъ безполезности все человѣчество, надо убѣдить человѣчество въ томъ, что болѣе достойное человѣка общественное состояніе мыслимо лишь при условіи гордости каждаго члена свободнаго общества.

И здѣсь въ процессѣ борьбы переживаетъ духъ такое же положительное ощущеніе освобожденія, какое испытываетъ онъ въ борьбѣ съ отдѣльнымъ индивидуумомъ, но съ той лишь разницей, что эти переживанія интенсивнѣе, глубже, полнѣе и совершеннѣе, такъ какъ противникъ сильнѣе и безпощаднѣе. Духъ борется здѣсь со злобнымъ глухонѣмымъ великаномъ.

Во много склеповъ замурованъ мой духъ, и одна стѣна крѣпче другой. Освободившись отъ власти отдѣльнаго индивидуума, мой духъ попадаетъ въ темный склепъ современной общественности. Разрушивъ его гранитныя, рабами сложенныя стѣны, оказывается ли духъ мой свободнымъ, открывается ли передъ нимъ просторъ?—Нѣтъ, онъ попадаетъ въ склепъ законовъ природы. И все вокругъ меня и во мнѣ продолжаетъ итти по непреложнымъ законамъ необходимости.

Природа крѣпко держитъ меня въ своихъ колодкахъ, и власть ея могуча и непреложна. Я борюсь съ нею при помощи данныхъ утилитарной культуры, и часто преодолѣваю силу ея. Но каковы результаты этого преодолѣнія? Стоитъ или оно тѣхъ усилій, которыя потрачены на борьбу?—Конечно, нѣтъ. Орудія мои здѣсь ничтожны по сравненію съ гигантской силой природы. И послѣ всѣхъ открытій девятнадцатаго вѣка я такой же рабъ законовъ тяготѣнія, какимъ былъ въ природѣ всегда. Но въ моихъ средствахъ не одна только утилитарная культура. Область чистой науки и философіи представляетъ болѣе могущественное орудіе для борьбы съ природой. Здѣсь открываются у меня глаза на міръ и на мое отношеніе къ нему, здѣсь безпристрастно слышу я внутренній голосъ моего свободолюбиваго духа: испытай, испытай...

Повседневное мое состояніе въ природѣ—это зависимость отъ ея законовъ. Но я знаю, что иногда, мгновеніями, зависимость эта прерывается. Облегченіе, освобожденіе отъ узъ природы бываетъ тогда, когда духъ мой вступаетъ въ полосу интуитивныхъ переживаній. Непосредственная интуиція, въ существенныхъ своихъ чертахъ, сводится къ двумъ моментамъ: *творческому* и *трагическому*.

Творческій моментъ интуиціи опредѣляется духовной дѣятельностью человѣка въ сферѣ научно-философской и художественной. Такъ какъ къ художественному творчеству сводятся, въ существенныхъ и самыхъ цѣнныхъ своихъ моментахъ, прочіе виды творчества, то твор-

чествомъ, духовнымъ по преимуществу, является художественное творчество. Я говорю здѣсь о наивысшемъ, наиболѣе интенсивномъ моментѣ интуитивнаго прозрѣнія въ глубину созерцаемаго, изслѣдуемаго и переживаемаго во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности человѣка. Я говорю о произающемъ взорѣ геніальнаго,—въ моментъ творчества,—индивидуума.

Все художественное творчество сводится къ борьбѣ человѣческаго духа съ природой для преодолѣнія ея власти, для освобожденія отъ ея колодокъ. Моментами, обусловливающими творчество, являются: озареніе духа и вдохновеніе. Послѣднее считаютъ обыкновенно главнымъ моментомъ въ процессѣ художественнаго творчества. Это не вѣрно. Вдохновеніе есть лишь толчекъ къ творчеству, но не главный его моментъ. Вдохновеніе само обусловлено совпаденіемъ даннаго настроенія человѣческаго духа въ условіяхъ природы съ воспоминаніемъ о переживаніяхъ его въ тотъ моментъ, который именуется озареніемъ духа. Существеннымъ, основнымъ и самымъ цѣннымъ моментомъ въ переживаніяхъ творческаго духа является именно духовное озареніе. Это есть то мгновеніе, когда вдругъ нежданно разсыпаются пылью гранитныя стѣны тюрьмы-природы, расплавляются желѣзные кандалы законовъ необходимости и ядъ свободы отравляетъ духъ навсегда.

Но какъ допустимо столь неестественное среди „законовъ естества?“ Или законодатель здѣсь безсиленъ?—Космическая власть держитъ въ своей десницѣ лишь рабское бытіе. Свободное бытіе внѣ этой власти. И я—лишь пылинка этого свободнаго бытія, занесенная въ рабскую природу, въ чуждое мнѣ царство необходимости.—Каково же свободное бытіе?—Лишь въ рѣдкіе моменты освобожденія отъ узъ природы вспоминается, чуется что-то. Мелькаютъ, вьются искры, звуки, запахи, какія-то старыя родныя ощущенія, и, какъ будто, что-то вспоминаешься, такое реальное, простое, давно, давно знакомое и вмѣстѣ съ тѣмъ небывалое. И снова цѣлые вихри переплетающихся ощущеній, свободныхъ формъ, милыхъ запаховъ, счастливыхъ воздушныхъ искръ, желтыхъ, алыхъ, розовыхъ... и тихая музыка могучаго огня и вихри пламени...

Въ моментъ озаренія совершается протестъ моей далекой свободы противъ природнаго насилія. Таинственныя вѣсти даетъ знать она о себѣ, даетъ знать моему духу, распятому на крестѣ природы. И вотъ, что-то случается, и вотъ, зіяющія раны мои—улыбки счастья, и уже не мучатъ иглы терній, и не вбиты въ ладони гвозди, и нѣтъ креста за спиною, и о далекой казни распятья говорятъ лишь широко распростертыя руки,—распростертыя для объятія тайны-свободы. Здѣсь совершается преступленіе противъ законовъ природы: здѣсь совершается *чудо*. Ибо чудо—всегда преступленіе. Это внезапное, мгновенное чудо есть центральный положительный моментъ въ переживаніяхъ человѣческаго духа. И къ повторенію этихъ переживаній стремится онъ во время творчества.

Въ самомъ процессѣ художественнаго творчества слѣдуетъ различать два момента: внутреннее творчество и внѣшнее. Первое заключается въ интенсивномъ припоминаніи человѣческимъ духомъ его далекихъ переживаній, свободныхъ отъ законовъ необходимости. Оно обусловлено высочайшимъ напряженіемъ всѣхъ духовныхъ силъ человѣка, индивидуализирующаго, въ зависимости отъ личныхъ, природныхъ особенностей, свои воспоминанія о безусловномъ.

Внѣшнее творчество заключается въ воплощеніи этихъ воспоминаній въ художественномъ произведеніи. Мгновенье озаренія, отравившее человѣческій духъ возможностями безусловнаго, безпрепраднаго, встаетъ вдругъ въ его воспоминаніяхъ. И вновь готовъ летѣть онъ. Но крѣпко держатъ кандалы природы. И тѣмъ сильнѣе томитъ тоска по свободѣ. И родитъ ненависть къ цѣпямъ, къ каждому звену, и родитъ бунтъ свободолюбиваго духа противъ законовъ необходимости.

Тогда въ безумную, безнадежную борьбу безсознательно вступаетъ творческій духъ человѣка. И здѣсь неожиданно находитъ мгновеніями подтвержденіе и повтореніе своихъ свободныхъ переживаній. Случается это тогда, когда жаждущій свободы духъ, почерпнувъ силы въ родной ему стихіи, съ небывалой дотолѣ мощью разбиваетъ природныя преграды. И наиболѣе цѣнное и положительное, что переживаетъ человѣческій духъ въ моменты творчества,—это ощущеніе мощи и силы, преодолѣвающей на своемъ пути необычайныя трудности. Принципъ освобождающагося бытія торжествуетъ здѣсь побѣду надъ принципомъ бытія рабскаго.

Это чувство духовной мощи и независимости отъ условій природы, проявляющееся въ легкомъ и непринужденномъ преодолѣніи ея преградъ, заставляетъ художника вспоминать о свободныхъ, не обусловленныхъ никакими преградами переживаніяхъ его въ моментъ озаренія. Это чувство безсознательно влечетъ его къ творчеству вновь и вновь. Чтобы испытать свою мощь и независимость въ наивысшей степени, художникъ, не останавливаясь передъ

тѣми преградами, которыя ставитъ ему косная природа, еще и самъ полубезсознательно усложняетъ и увеличиваетъ ихъ. Руководимый здѣсь чутьемъ свободы и художественнымъ чувствомъ мѣры, онъ преодолѣваетъ всѣ преграды съ такой легкостью и мощью и такъ непринужденно, что силы природы отступаютъ въ эти мгновенія передъ силою его творческаго освобождающагося духа. Здѣсь, какъ паутина, рвутся цѣпи причинности однимъ мѣтко схваченнымъ эпитетомъ; „здравый смыслъ“ таетъ здѣсь при одномъ лишь взглядѣ, брошенномъ на него прозорливымъ окомъ, познавшимъ таинство красокъ; здѣсь плавится раскаленное до-красна желѣзо: послушное замыслу художника, извивается оно тонкими стебельками и смѣшивается нѣжной головкой цвѣтка; здѣсь летятъ подъ ударами молотка ненужные осколки мрамора, изъ-подъ которыхъ духъ художника освобождаетъ родственный ему духъ—свое твореніе: здѣсь, наперекоръ законамъ притяженія къ землѣ, взлетаютъ къ небесамъ гранитные готическіе соборы: здѣсь шумъ природы властно сковывается въ ритмъ, въ мелодію, въ гармонію; здѣсь дикій вой природы преображается въ побѣждающую міръ музыку.

Однако слѣдуетъ помнить, что художественное творчество берется въ данномъ случаѣ лишь какъ наиболѣе цѣнный видъ духовной дѣятельности человѣка. Потому все сказанное выше относится и къ прочимъ видамъ творчества.

Мечемъ творческаго преодолѣнія и творческой ненависти разрубаются кандалы природы. Художникъ даетъ этому мечу имя—Красота; ученый называетъ свой мечъ—Истина. Творческіе моменты должны убѣдить человѣческій духъ въ томъ, что и красота, и истина коренятся въ самомъ духѣ человѣческомъ, почуявшемъ свою далекую свободу, и что вся сила ихъ заключается въ проявленіи того безсознательнаго чувства мѣры, которымъ руководится творческій духъ при выборѣ наиболѣе пригодныхъ средствъ для легкаго и непринужденнаго преодолѣнія преградъ природы съ цѣлью освобожденія отъ ея власти.

Говоря съ толпою о красотѣ, объ истинѣ, художникъ и ученый безсознательно говорятъ съ ней о свободѣ. Говорятъ о мощи великаго творческаго духа человѣческаго, который разрываетъ завѣсы природы, разрушаетъ ея стѣны, проникаетъ за предѣлы законовъ необходимости и приноситъ въ природу нѣжный аромалъ небывалаго цвѣтка—тайны. Въ завоеваніи этой тайны—вся цѣнность духовнаго творчества человѣка. Художникъ и ученый творятъ ради процесса творчества, такъ какъ именно въ процессѣ творческаго преодолѣнія природы и освобожденія отъ ига ея находятъ они подтвержденіе своей далекой свободы. И величайшія произведенія искусства, науки и философіи—лишь тлѣющіе костры послѣ бѣшеныхъ алыхъ вихрей творческой ненависти,—костры, оставшіеся въ вѣчности. Въ нихъ спитъ освобождающій огонь.

Творя, человѣческій духъ сбрасываетъ временно иго природныхъ законовъ необходимости. Сотворивъ, давъ свое произведеніе, духъ заражаетъ имъ толпу. Тупая и глухая, прозябаетъ она въ природѣ. И я, частица толпы, съ нею вмѣстѣ никну къ земной пыли. Но иногда, во время неожиданнаго интуитивнаго воспріятія, подъ вліяніемъ совпаденія моего даннаго настроенія съ настроеніемъ творца въ моментъ творчества, вдругъ познаю я что-то значительное. Непонятнымъ обаяніемъ притягиваетъ къ себѣ произведеніе творческаго духа и заражаетъ мой духъ небывалыми ощущеніями. Становится понятнымъ и безсознательный протестъ творца, и дерзкое, свободное преодолѣніе имъ косныхъ законовъ природы; рождается увѣренность въ величіи творческаго духа человѣческаго, дерзнувшаго вступить въ бой съ гигантомъ.

И вотъ, я вижу, что мой пробудившійся духъ не одинокъ. Въ душѣ толпы также вдругъ мелькаетъ что-то. Подъ вліяніемъ произведенія творчества, одно, другое сознаніе просыпается, стряхиваетъ съ себя коноть будней. У толпы открываются глаза, отверзаются уши; у толпы бьется великое человѣческое сердце. Это капля яда упала. Капля свободы. И смутный протестъ тлѣетъ въ нѣдрахъ толпы.

Во всѣхъ областяхъ творческій духъ человѣка проповѣдуетъ освобожденіе. Онъ обращается къ сознанію толпы съ геніальными свободными философами и содержаніемъ ихъ заражаетъ сознаніе,—и мечтаетъ толпа о свободѣ. Но здѣсь лишь залогъ этой свободы, лишь обѣщаніе. Возможность освобожденія лишь указывается. Въ осязательномъ видѣ эта возможность дается тогда, когда творческій духъ воздѣйствуетъ на толпу въ сферѣ ея интуитивныхъ переживаній. Въ моментъ интуитивнаго воспріятія произведенія творческаго духа, толпа, подъ его вліяніемъ, сама переживаетъ актъ внутренняго творчества, который, какъ сказано выше, заключается въ интенсивномъ припоминаніи человѣческимъ духомъ его далекихъ, свободныхъ переживаній, и который сопряженъ съ внутреннимъ преодолѣніемъ всѣхъ природныхъ преградъ, стоящихъ на пути припоминанія. А тамъ, гдѣ чуется вольное дыханіе творческаго духа человѣческаго, освобождающагося отъ ига

и рабства, тамъ теряетъ природа свою силу, тамъ ослабѣваютъ кандалы законовъ необходимости.

Творческій духъ человѣка — это Прометей, несущій изъ таинственнаго потустороннаго міра, черезъ хаосъ природы, среди враждебныхъ ему вихрей,—огонь, который даетъ познаніе человѣческой силы, могущей побѣждать законы природной неизбѣжности. Здѣсь—безсознательная гордость не только за себя, но и за все человѣчество, въ потенціи столь же сильное. И творецъ безсознательно указываетъ на это своимъ произведеніемъ. Самъ того не вѣдая, онъ обращается къ свободолюбивому духу человѣчества, напоминая о возможности побѣды надъ законами необходимости, о возможности освобожденія. Произведенія творческаго духа человѣческаго—это бунтовскія рѣчи, направленныя противъ ига природы, приглашающія свергнуть ея тиранію и уничтожить рабство,—рѣчи, рисующія широкіе горизонты свободныхъ переживаній. Произведенія духа человѣческаго это — гранаты, дѣлающія бреши въ стѣнахъ природы и разрушающія ея устои.—Величавыя трагедіи Эсхила и аккорды античныхъ колоннадъ, угрюмая скульптура Буонарроти и взлетающіе готическіе соборы, мощная живопись Рембрандта и стихійная музыка Вагнера, стройная космическая концепція Ньютона и побѣдоносныя открытія Роберта Майера, гордыя мечты Ницше, экстатическія видѣнія Врубеля и мятежныя творенія Ибсена,—все это взрывы могучихъ протестовъ противъ косной власти природы.

Тупая и косная природа создаетъ только „здоровое“, только такое, что совмѣстимо съ ея законами необходимости. Свободное исходитъ лишь отъ творческаго человѣческаго духа. Свободное несовмѣстимо съ природой. Истинно-свободное въ природѣ неестественно. Лишь неестественное, неприродное въ природѣ свободно. Принципъ естественнаго—это неизбѣжные законы природы. Принципъ свободнаго—чудо, какъ нарушеніе этихъ законовъ,—чудо, какъ протестъ противъ насилія природы. Пусть покажутъ мнѣ въ природѣ созданный ею безсмертный торсъ Милосской Венеры или чарующее сочетаніе тоновъ Тиціановскихъ картинъ, пусть укажутъ созданный природою Партенонъ, пусть дадутъ услышать въ шумѣ водопада или лѣса Баховскую фугу. Если я все это увижу и услышу,—я скажу: въ природѣ случилось неестественное, случилось чудо.

Произведеніе творческаго духа человѣческаго—это жемчужина на раковинѣ природѣ, болѣзненный, уродливый, съ точки зрѣнія природы, наростъ. Но изъ-за него-то и цѣнна вся раковина. Пусть растутъ жемчужины, пусть зальютъ всю раковину природы сплошной, несокрушимой, мерцающей жемчужной лавой! Въ мерцаніи этомъ—освобожденіе.

Если можно говорить объ идеалѣ свободы въ сферѣ общественности, то тѣмъ болѣе хочу я мечтать о достиженіи этого идеала въ планѣ природы. И мнѣ чудится такой путь освобожденія [1]).

Съ расцвѣтомъ культуры число творческихъ единицъ становится все больше и больше. Творческое напряженіе во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности человѣчества принимаетъ все болѣе и болѣе мощныя формы. Художники, ученые, философы заполняютъ природу новыми, все болѣе и болѣе дерзкими, все болѣе и болѣе вызывающими геніальными произведеніями, которыя заражаютъ толпу мятежомъ и подвигаютъ ее на путь творчества. Съ теченіемъ временъ, толпа сама становится творцомъ, все человѣчество становится творцомъ-художникомъ. Искусство въ самомъ широкомъ смыслѣ становится центральной точкой сознанія, той призмой, сквозь которую иногда блеснетъ что-то не поддающееся никакому положительному опредѣленію на языкѣ природы, что-то не имѣющее съ ней ничего общаго. Человѣчество-творецъ становится все зорче, творческіе моменты становятся все чаще, становятся безпрерывными. Этому способствуетъ весь творческій укладъ жизни человѣчества, всѣ его вкусы, сотнями тысячъ лѣтъ воспринятая культура, все дѣйствіе которой въ теченіе цѣлыхъ эръ было направляемо именно въ эту сторону. Всѣ человѣческія сознанія, солидарныя въ своей творческой ненависти, творятъ одновременно и безпрерывно. Небывалыя по своей силѣ созданія творческаго духа человѣческаго появляются одно за другимъ. Взрывъ раздается за взрывомъ, одинъ губительнѣе другого. Горизонты природы горятъ злыми зарницами, горятъ пожаромъ этихъ взрывовъ. Человѣкъ-творецъ, человѣкъ-геній подрываетъ милліонолѣтніе устои природы. Она колеблется, готова рухнуть. Стальные мускулы природы ослабѣваютъ, природа обезсиливаетъ, природа въ агоніи,—при-

---

[1]) „Старая природа,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ (ст. „Цѣль творчества“) авторъ,—созидается мановеніемъ божественнаго „Да будетъ!“ Она—Natura naturata,—созданная природа. Мановеніемъ этимъ предрѣшается ея медленное и рабское саморазвитіе, саморазмноженіе. Потому она также и Natura naturans,—природа созидающая. Природѣ созданной велѣно быть природою созидающей. Имя той новой природы, о которой мечтаетъ духъ человѣческій—Natura naturanda: это та природа, *которую еще должно создать.*

И грядущее человѣчество создасть ее.“

рода издохла. Да будетъ такъ. Да будетъ свобода отъ этой косной природы. Да будетъ освобожденное отъ насилія природы бытіе!

Искусство — языкъ будущихъ побѣдителей природы.

Я знаю, что все это—мечты, что это—чаянія, лишь по временамъ кажущіяся исполнимыми. Чудо есть невозможное. Потому-то я и хочу такъ чуда, что оно невозможно. Но сейчасъ, что, кромѣ свободнаго творческаго преодолѣнія, безусловно цѣнно и возможно здѣсь, въ природѣ, для духа, носящаго въ себѣ тоску по свободѣ?—Свободная борьба, какъ нарушеніе ига природныхъ нормъ, какъ преступленіе положенныхъ природою границъ, — борьба для борьбы, какъ процессъ психологическаго освобожденія.

И здѣсь выступаетъ второй моментъ интуитивныхъ переживаній человѣческаго духа.

Трагическій моментъ интуиціи характеризуется актомъ рѣшимости плѣннаго духа къ непосредственному, повидимому безнадежному и безнадежному сопротивленію. Дерзко кидая въ лицо природы свое отчаяніе и свой протестъ, мятежный духъ, самъ того не вѣдая, стремится къ переживанію ощущенія своей собственной мощи, не останавливающейся передъ непреложными велѣніями нормъ; стремится къ освобожденію! Онъ знаетъ, что здѣсь, въ природѣ,— frei sein ist nichts, онъ чуетъ, что въ природѣ—frei werden ist der Himmel. И вотъ, ради мгновенья освобожденія, рѣшается онъ на безразсудное и безумное.

Надо, чтобы всѣ испытали все. Надо, чтобы всѣ прошли сквозь безуміе, экстазъ, сквозь чудо, ради очищенія и освобожденія отъ природы. Надо, чтобы всѣ пробивались къ вершинамъ, чтобы всѣ попирали ихъ ногами и чтобы такъ стали выше ихъ вершинъ.

Пусть половина человѣчества сорвется въ пропасть, пусть сгніетъ въ трясинѣ: истинно отчаявшіеся—я знаю—спасутся отъ природы. Ихъ тяжкіе кандалы станутъ орлиными крыльями!"

Альтруизмъ, какъ факторъ гармоничности и полноты индивидуальной жизни.

„Могутъ ли быть согласованы интересы отдѣльнаго человѣка и общества, можетъ ли быть раціоналистически обоснована цѣлесообразность повиновенія нравственному импульсу?"—таковъ центральный вопросъ, которому въ 117 (II) кн. журн. „Вопросы филос. и псих." посвященъ очеркъ г. Яроцкаго, автора извѣстнаго труда—„Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ".

По мнѣнію этого ученаго, ни одна изъ существующихъ попытокъ раціоналистическаго обоснованія нравственности не объясняетъ, *почему слѣдуетъ повиноваться* внушеніямъ нравственнаго импульса. Вопросъ о *происхожденіи* нравственности достаточно удовлетворительно разрѣшаетъ эволюціонная теорія: это — *инстинктъ*, унаслѣдованный отъ нашихъ отдаленныхъ предковъ, вытекающій изъ внутренняго чувства необходимости (въ общежитіи — „голосъ совѣсти", соотвѣтствующій „категорическому императиву" Канта) и направленный на благо другихъ лицъ. Однако прочность этого инстинкта и его внутреннюю обязательность неспособны обосновать не только узкоутилитарная и гедонистическая точка зрѣнія — съ ихъ игнорированіемъ импульсивной природы нравственности, но и обычно распространенная точка зрѣнія „общаго блага" и — противоположная ей — точка зрѣнія „внѣшняго принужденія". Не можетъ удовлетворить этому и взглядъ Гюйо, ставящаго нравственное чувство въ зависимость отъ *способности* индивидуума къ богатой и красочной жизни и не признающаго *постоянства* внутренней силы за нравственнымъ импульсомъ, вполнѣ достаточнымъ эквивалентомъ котораго онъ считаетъ рядъ другихъ преходящихъ факторовъ: ощущеніе внутренней, высшей мощи, вліяніе идей, постоянное сопротивленіе чувствительностей и возрастающая соціализація нашихъ удовольствій и страданій и, наконецъ, любовь къ риску. Теорія Фулье объ идеяхъ-силахъ также не избѣжала общаго недостатка, такъ какъ она есть ничто иное, какъ констатированіе того психологическаго факта, что идея несомнѣнно стремится претвориться въ насъ въ дѣйствіе; но это не всегда обусловливаетъ наличность цѣлесообразности.

А между тѣмъ, говоритъ авторъ, до тѣхъ поръ, пока не обосновано, почему обязательно или, по крайней мѣрѣ, раціонально для личности повиноваться велѣніямъ внутренняго долга, до тѣхъ поръ не можетъ существовать послѣдовательное позитивное, матеріалистическое или вообще раціоналистическое міросозерцаніе. Нельзя отрицать существованія нравственнаго чувства и его значенія въ жизни человѣчества—это значило бы отрицать факты. И въ такомъ случаѣ люди будутъ раздѣляться или на такихъ, которые вѣрятъ, что внутреннее чувство долга дано имъ свыше Верховной силой, которой они должны повиноваться, или на такихъ, которые сознаютъ въ себѣ наличность общественныхъ инстинктовъ, но для которыхъ не ясно, почему они должны имъ слѣдовать.

Представимъ, — продолжаетъ авторъ, приступая къ разрѣшенію поставленнаго вопроса,— себѣ человѣка, который задался бы вопросомъ, каково должно быть направленіе душевной дѣятельности для того, чтобы душевныя силы развернулись съ наибольшей интенсивностью, глубиной, яркостью и прочностью. Эта точка зрѣнія, съ которой обычно работаетъ клиницистъ. Вѣдь онъ, имѣя предъ собою опредѣленный организмъ, долженъ рѣшить вопросъ, какой обстановкой окружить этотъ организмъ, какъ направить его, чтобъ его жизнь шла, насколько возможно, полно и удовлетворительно по своей интенсивности и прочности.

Современный педагогъ, врачъ, общественный дѣятель, имѣя предъ собою человѣческій матеріалъ, надъ которымъ они работаютъ, должны были бы опредѣлять желательное для нихъ содержаніе и направленіе душевной жизни отданныхъ подъ ихъ воздѣйствіе лицъ не на основаніи абстрактныхъ, унаслѣдованныхъ отъ предыдущихъ поколѣній, часто предвзятыхъ теорій, а на основаніи стремленія возможно болѣе полно развить и сдѣлать устойчивыми личности тѣхъ, надъ кѣмъ они работаютъ.

Несомнѣнно, если мы хотимъ добиться расцвѣта душевной жизни, въ основѣ всего должно лежать стремленіе воздѣйствовать на окружающее. Въ активности заключается принципъ роста человѣческой личности. Въ зависимости отъ своего воздѣйствія на окружающее она обогащается духовнымъ содержаніемъ, въ ней укрѣпляются стремленія, которыя затѣмъ подъ вліяніямъ окружающаго координируются. По мѣрѣ того, какъ личность дѣйствуетъ, борется за что-либо, старается внести свое въ окружающее, изъ отдѣльныхъ хотѣній сплачиваются и организуются стойкія и планомѣрныя стремленія. Вѣроятно, и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ частный случай общаго закона, по которому упражненія органа являются условіемъ его благосостоянія и роста: такъ, мышца дѣлается большихъ размѣровъ и сильнѣе подъ вліяніемъ упражненія.

Такимъ образомъ, первымъ условіемъ роста личности является ея стремленіе воздѣйствовать на окружающее, достигнуть чего-нибудь, завоевать и т. п. Но достигнуть чего-нибудь большаго и въ свою очередь развить свои душевныя силы и способности можно только въ рамкахъ общественности. Какой бы родъ дѣятельности мы ни взяли: накопленіе богатства, жажда вліянія на окружающихъ и власти, научная дѣятельность, эстетическія наслажденія — все это, начинаясь съ удовлетворенія личныхъ потребностей и вкусовъ, поскольку здѣсь не будетъ довольства первыми получившимися результатами, а будетъ стремленіе къ болѣе сильному и яркому, все это непремѣнно выльется въ широкую общественную дѣятельность.

И при этомъ даже узкое и эгоистическое дѣло всегда по мѣрѣ того, какъ оно растетъ, начинаетъ въ сознаніи дѣлающихъ это дѣло принимаетъ все болѣе общественный и идеалистическій характеръ. Если личность стремится расти, то она не можетъ расти иначе, какъ въ сторону широкихъ соціальныхъ отношеній, такъ какъ только въ этомъ направленіи и имѣется для нея безграничный просторъ.

Какимъ бы дѣломъ ни былъ занятъ человѣкъ, если только ему удастся придать альтруистическій характеръ своей дѣятельности, перенеся центръ интересовъ внѣ своей личности, то въ этомъ случаѣ интенсивность работы, ея продуктивность увеличиваются и сама работа дѣлается для дѣйствующаго лица болѣе легкой. Способность встать на точку зрѣнія интересовъ, лежащихъ внѣ интересовъ твоей личности, есть условіе, облегчающее душевную дѣятельность и дѣлающее болѣе яркими ея проявленія.

Можно выставить, какъ несомнѣнное, утвержденіе, что общественная жизнь является той почвой, на которой развилось психическое богатство и сложность современной человѣческой личности. Только на почвѣ общественной жизни могли развиться: языкъ, сложный аппаратъ мышленія, наука и искусство.

И этому не противорѣчитъ тотъ извѣстный фактъ, что мы можемъ встрѣтить выдающіеся примѣры великой души — и у отшельниковъ, отрѣшившихся отъ міра, у людей, отстранившихся отъ суеты и сутолки жизни. Здѣсь мы имѣемъ только кажущееся противорѣчіе общей истинѣ. Человѣку съ большимъ душевнымъ богатствомъ, которое частью обусловлено его нервной организаціей, выработанной его предками на почвѣ общественныхъ отношеній, съ другой же стороны, накоплено имъ самимъ, его жизнью въ обществѣ, можетъ быть, полезно изолировать себя для того, чтобы его внутреннія богатства развернулись возможно пышно въ формѣ религіознаго или философскаго ученія; но этотъ примѣръ не составляетъ противорѣчія общей истинѣ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право формулировать отдѣльные факты въ видѣ слѣдующаго общаго закона: такъ какъ все душевное содержаніе человѣка — языкъ, способность логически мыслить, воображеніе, эмоціональная жизнь — выработались на почвѣ соціальныхъ отношеній, то *такое направленіе душевной дѣятельности, которое наиболѣе благопріятствуетъ соціальнымъ отношеніямъ*,

будетъ наиболѣе благопріятствовать и развитію душевной жизни индивидуума.

Альтруистическія стремленія, несомнѣнно благопріятствующія соціальнымъ отношеніямъ, являются однимъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ, обусловливающихъ богатство и яркость душевнаго содержанія. Въ той же мѣрѣ они способствуютъ и устойчивости душевной жизни, такъ какъ личность, обладающая болѣе сложной душевной организаціей, въ состояніи болѣе точно констатировать измѣненія въ окружающей средѣ — она будетъ уловлять такія измѣненія, которыя недоступны для существа съ болѣе грубой организаціей. А болѣе точное познаніе окружающей среды сдѣлаетъ возможнымъ и болѣе цѣлесообразную реакцію въ отвѣтъ на эти измѣненія окружающей среды. Обладая большимъ богатствомъ душевной жизни, такое существо при прочихъ равныхъ условіяхъ будетъ болѣе устойчивымъ, такъ какъ, въ случаѣ неудачи въ одномъ направленіи, оно найдетъ опору въ другихъ сторонахъ своей душевной дѣятельности. Такъ какъ альтруистическое направленіе душевной жизни влечетъ человѣка изъ болѣе тѣсной среды въ болѣе широкую и сложную, то мы при этомъ можемъ предполагать образованіе болѣе стойкой личности еще потому, что существо, сложившееся при болѣе открытой внѣшнимъ вліяніямъ обстановкѣ, будетъ устойчивѣе существа сложившагося въ болѣе тѣсной (тепличной). Это частный случай общаго біологическаго закона.

Представимъ себѣ, что альтруистическія стремленія, которыя были важнымъ благопріятствующимъ факторомъ въ процессѣ развитія душевной жизни, исчезли. Несомнѣнно, ихъ исчезновеніемъ наносится крупный ущербъ душевной жизни человѣка, съ которымъ это произошло. Этотъ ущербъ обусловливается не только тѣмъ, что извѣстный, благопріятствующій жизни факторъ пересталъ дѣйствовать; мы представляемъ себѣ этотъ ущербъ значительно болѣе глубокимъ и существеннымъ. Въ противоположность Спенсеровской точкѣ зрѣнія, согласно которой альтруистическія чувства сравнительно поздно возникли изъ чувствъ эгоальтруистическихъ, мы должны предполагать, что альтруистическій факторъ участвовалъ въ созданіи нашего психическаго аппарата съ самаго возникновенія въ живыхъ существахъ душевной жизни, что его благопріятствующему вліянію элементы психической жизни въ значительной степени обязаны своимъ возникновеніемъ. Вслѣдствіе этого всѣ они носятъ въ своей конструкціи отпечатокъ зависимости отъ альтруистическихъ чувствъ. Такимъ образомъ, когда субъектъ рѣшается круто измѣнить свой душевный строй и отрѣшиться отъ альтруизма, онъ не только лишается фактора, крайне благотворно вліявшаго на его душевную жизнь, но и вноситъ глубокій разладъ въ свой душевный міръ: новое направленіе душевной жизни, построенное на одномъ эгоизмѣ, все время имѣетъ дѣло съ элементами душевной жизни, построенными при совершенно иной обстановкѣ, подъ совершенно другимъ угломъ зрѣнія — изъ этого вытекаетъ постоянный разладъ во внутренней жизни этого человѣка.

Для точки зрѣнія, развиваемый нами, въ высшей степени важна психологическая теорія Л. І. Петражицкаго. Согласно ему, значительная часть явленій душевной жизни не укладывается въ рамки обычнаго раздѣленія на познаваніе, чувство и волю. По его мнѣнію, есть цѣлый своеобразный разрядъ душевныхъ явленій, носящихъ смѣшанный характеръ, представляющій въ одно и то же время черты пассивнаго переживанія и активныхъ волевыхъ стремленій и сопровождаемыхъ обычно различными сужденіями. Эти психическіе процессы онъ называетъ эмоціями или импульсіями. Вмѣсто традиціонной классификаціи элементовъ психической жизни на познаніе, чувство и волю получается слѣдующая классификаціонная схема: элементы душевной жизни дѣлятся на 1) двухсторонніе пассивно-активные эмоціи (импульсіи) и на 2) односторонніе, распадающіеся въ свою очередь на А) односторонне-пассивные, познавательные и чувственные переживанія и Б) односторонне-активные, волевые переживанія.

Эти эмоціи представляютъ собою проявленія дѣятельности сложныхъ нервныхъ механизмовъ, заложенныхъ въ живыхъ существахъ. Примѣры ихъ мы можемъ наблюдать у животныхъ. Такъ, зоологъ П. Ю. Шмидтъ описываетъ слѣдующее. Онъ подобралъ ястребенка, вывалившагося изъ гнѣзда и притомъ только что вылупившагося изъ яйца,— птенецъ даже еще не обсохъ отъ содержимаго яйца. Послѣ нѣкотораго времени наблюдателю пришло на мысль показать ястребенку маленькаго утенка. „Надо было видѣть,— говоритъ П. Ю. Шмидтъ,— что произошло съ ястребенкомъ при первомъ же взглядѣ, брошенномъ на будущую жертву. Его глаза засверкали, онъ сталъ дико и пронзительно кричать, щелкалъ клювомъ, рвалъ когтями сѣтку своей клѣтки и хлопалъ крыльями, чтобы вырваться и добраться до утенка. Тотъ же обнаружилъ всѣ признаки сильнѣйшаго страха... Онъ метался, тыкался въ полъ, старался съежиться въ комочекъ и жалобно пищалъ. Между тѣмъ вѣдь ни тотъ, ни другой не видали другъ друга — они встрѣтились впервые на

жизненномъ пути, имъ не могли привить страха и ненависти ихъ родители, по крайней мѣрѣ это можно съ полной увѣренностью сказать относительно ястребенка, выросшаго на моемъ попеченіи. Жажда крови, съ одной стороны, и панический ужасъ передъ природными врагомъ — съ другой, были, очевидно, вложены въ ихъ организацію совершенно такъ же, какъ цвѣтъ ихъ перьевъ, какъ форма крыльевъ, какъ звукъ ихъ голоса. И удивительнѣе всего,— продолжаетъ зоологъ,— что проявленіе этихъ чувствъ, связанныхъ съ цѣлымъ рядомъ сложныхъ дѣйствій, обнаружилось при воспріятіи формъ и очертаній, никогда не виданныхъ ранѣе. Слѣдовательно, совершенно опредѣленное изображеніе, отброшенное на сѣтчатку глаза, должно было автоматически вызвать въ мозгу рядъ процессовъ, повлекшихъ за собою проявленіе страха и кровожадности".

Совершенно такіе же нервные механизмы можно констатировать и у человѣка. Одинъ изъ этихъ приборовъ (эмоцій), наиболѣе знакомыхъ каждому, это голодъ - аппетитъ.

Другой характерный примѣръ эмоціи, по проф. Л. І. Петражицкому,— это охота.

Этихъ пассивно - активныхъ состояній, эмоцій, имѣется въ организмѣ длинный рядъ; мы унаслѣдовали ихъ отъ отдаленныхъ предковъ, выработавшихъ ихъ какъ полезныя приспособленія въ борьбѣ за жизнь. Къ числу ихъ принадлежатъ и различныя эмоціи альтруистическаго характера. Однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ ихъ является тотъ комплексъ движеній и ощущеній, который наступаетъ, когда человѣкъ видитъ другого въ опасности.

Роль эмоцій въ жизни человѣка двояка: съ одной стороны, онѣ выполняютъ опредѣленныя функціи, направленныя къ сохраненію индивида или къ поддержанію общественныхъ отношеній. Но, кромѣ того, онѣ имѣютъ громадное значеніе въ качествѣ факторовъ, благодаря которымъ большое количество запасенной энергіи сразу переходитъ изъ скрытаго состоянія въ явное; проявленіе сильной эмоціи интенсивно потрясаетъ весь организмъ. По этому поводу мы должны сказать нѣсколько словъ о роли раздражителей для живого существа. Недостаточно живое существо снабдить пищей, помѣстить его въ болѣе или менѣе подходящую обстановку для того, чтобы жизнь его протекала нормально. Кромѣ всего этого, для него необходимы соотвѣтствующіе раздражители. Представимъ себѣ вялый и хилый организмъ; мы ему можемъ въ обиліи доставлять пищу, воздухъ, возможность двигаться, но онъ не будетъ принимать эту пищу или же, хотя пищевыя вещества и будутъ доставляться къ его клѣткамъ, они не будутъ ими утилизироваться. Въ этомъ случаѣ необходимо, чтобъ измѣнился характеръ обмѣна веществъ, темпъ жизненнаго процесса. Отчасти можно достичь этого, подвергая организмъ дѣйствію солнечнаго свѣта, морского воздуха, купанья и т. п.; это, такъ называемые альтерирующіе факторы, но выборъ ихъ довольно ограниченъ и вліяніе ихъ не всегда достаточно интенсивно. Вліяніе такихъ агентовъ, какъ свѣтъ, купаніе и т. д., сводится ни къ чему другому, какъ раздраженію нервныхъ периферическихъ окончаній въ кожѣ и къ передачѣ этого раздраженія центральной нервной системѣ, черезъ посредство нервовъ. Эту же роль возбудителей могутъ играть и эмоціи; въ этомъ можетъ заключаться благодѣтельная роль, вліяніе, напримѣръ, охоты или общественныхъ игръ. Эмоція, какъ мы указывали выше, какъ бы схватываетъ все нервное существо человѣка, потрясаетъ его, ведетъ къ бурному проявленію энергіи, но даетъ по завершеніи этой траты толчокъ къ новому накопленію энергіи. Въ этомъ случаѣ играетъ роль характерное свойство жизненныхъ процессовъ: при нормальныхъ условіяхъ болѣе интенсивная трата запасенной энергіи влечетъ за собою и болѣе интесивное усвоеніе энергіи извнѣ. Вотъ процессъ, благодаря которому, вяло теплившаяся жизнь можетъ перейти въ яркую, интесивную.

Мы не должны пренебрегать ни однимъ изъ этихъ, заложенныхъ въ насъ, нервныхъ механизмовъ, но среди нихъ мы найдемъ и цѣлый рядъ могущественныхъ эмоцій альтруистическаго характера. Наша задача заключается въ томъ, чтобы добиться жизни яркой, могучей и прочной, и въ этомъ отношеніи заложенные въ насъ соціальные инстинкты должны имѣть очень большое значеніе. У первобытнаго человѣка опасность, грозящая племени, вела къ подъему и бурному проявленію имѣвшейся въ его распоряженіи нервной энергіи, въ результатѣ чего онъ выходилъ болѣе сильнымъ и физически, и нравственно. Точно также и современный человѣкъ въ альтруистическомъ подъемѣ духа найдетъ путь къ физическому и душевному преуспѣянію. Наоборотъ, изъ этого несомнѣнно вытекаетъ, что борьба съ такимъ могучимъ механизмомъ, какъ соціальныя и альтруистическія эмоціи, должна крайне вредно отражаться на интенсивности и качествѣ душевной жизни.

Такимъ образомъ, соціальныя и альтруистическія эмоціи являются драгоцѣннымъ средствомъ для того, чтобы поднять богатство и интенсивность душевной жизни.

По отношенію къ внутреннему міру чело-

вѣка, нравственность есть для насъ не что иное, какъ совокупность правилъ душевной гигіены; нравственно то, что ведетъ къ наибольшему процвѣтанію душевной жизни; нравственность есть отдѣлъ гигіены — гигіена духа.

Этику съ гигіеной можно сближать съ двухъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны, этика указываетъ такой характеръ человѣческихъ отношеній, при которомъ жизнь общества будетъ протекать наиболѣе совершеннымъ образомъ; съ другой же стороны, этика можетъ указывать такое направленіе душевной жизни индивидуума, которое наиболѣе способствуетъ процвѣтанію послѣдней. Вотъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мы и сближаемъ этику съ гигіеной.

Въ началѣ нашей работы мы поставили себѣ цѣлью разрѣшить вопросъ, можно ли, не прибѣгая къ сверхрацiональнымъ факторамъ, обосновать чувство нравственнаго долга. На этотъ вопросъ мы теперь можемъ отвѣтить утвердительно: слѣдовать велѣніямъ чувства нравственнаго долга разумно, такъ какъ повиновеніе ему влечетъ за собою наибольшую полноту и развитіе душевной жизни, что является наиболѣе цѣннымъ благомъ для человѣка. Правда, характеръ повиновенія въ этомъ случаѣ будетъ уже нѣсколько иной. Это уже не будетъ повиновеніе таинственной, божественной силѣ, указывающей намъ извѣстный путь, которому мы должны слѣдовать; это будетъ слѣдованіе нашему внутреннему голосу, который представляетъ собой лучшее, что есть въ природѣ человѣка и повиновеніе чему соотвѣтствуетъ благу его носителя. Человѣкъ не совершитъ какого-нибудь безнравственнаго поступка въ силу отвращенія передъ нимъ, такъ же, какъ онъ съ отвращеніемъ отвернется отъ гнилого мяса, и то, и другое онъ сдѣлаетъ, повинуясь вложенному въ него чувству, которое онъ признаетъ цѣлесообразнымъ, такъ какъ оно защищаетъ его отъ того, что для него вредно.

Потеряютъ ли предписанія нравственнаго чувства силу вслѣдствіе того, что они не будутъ обосновываться сверхрацiональными мотивами? Ни въ какомъ случаѣ. Будетъ ли поведеніе нравственно или нѣтъ, зависитъ отъ того, имѣются ли въ насъ соотвѣтствующія стремленія (инстинктъ), а изъ различныхъ объясненій цѣлесообразности нашего поведенія, вытекающаго изъ этого инстинкта, необходимо принять то, которое совпадаетъ съ остальнымъ нашимъ міросозерцаніемъ, а не такое, которое является въ нашей душевной жизни чѣмъ-то инороднымъ. Послѣднее бываетъ въ томъ случаѣ, когда послѣдовательный детерминистъ, по отношенію къ проявленіямъ внѣшняго міра, принимаетъ сверхрацiональные факторы, когда дѣло касается его душевнаго міра.

Съ точки зрѣнія, которую мы излагали здѣсь, не относится къ области нравственности то, что дѣлается по предписанію извнѣ. Гетерономная мораль не можетъ существовать. Мораль всегда автономна—это слѣдованіе такимъ мотивамъ, которые вытекаютъ изъ внутренняго душевнаго міра.

Въ нашей душѣ можетъ существовать множество привычекъ, навыковъ и т. п., наложенныхъ на насъ обстоятельствами жизни, внѣшней средой. Всѣ эти навыки и наклонности только въ томъ случаѣ будутъ, съ нашей точки зрѣнія, относиться къ области нравственности, если они будутъ обладать однимъ общимъ свойствомъ, а именно, способностью повышать интенсивность душевной жизни: нравственъ тотъ душевный импульсъ, который благопріятствуетъ развитію душевныхъ силъ; по отношенію къ внѣшнему міру онъ характеризуется тѣмъ, что онъ направленъ къ общему благу.

Когда человѣкъ рискуетъ серьезными благами или даже жизнью ради какого-либо дѣла, то этотъ поступокъ даетъ болѣе высокій тонъ его жизни: душевные процессы его происходятъ съ бо́льшей силой и яркостью. Значеніе самопожертвованія для характера и содержанія душевныхъ процессовъ проявляется даже черезъ много времени послѣ самаго акта жертвы. Такъ, мы можемъ встрѣтить людей, живущихъ въ обыденной обстановкѣ такъ же, какъ живутъ и окружающіе ихъ, но то обстоятельство, что они участвовали въ общественной, политической, національной борьбѣ за идеалы бросаетъ свѣтъ на всю ихъ послѣдующую жизнь, на ихъ душевный строй. Благородный, героическій поступокъ повышаетъ интенсивность, яркость душевныхъ переживаній, обогащаетъ душевный міръ не только у того, кто былъ дѣйствующимъ лицомъ, но поступокъ героя отбрасываетъ свѣтъ и на его окружающихъ, и часто семья, племя, нація, государство пользуется тѣмъ душевнымъ теплomъ и свѣтомъ, которые внесъ подвигъ одного человѣка.

Даже пожертвованіе жизнью за другихъ является съ этой точки зрѣнія понятнымъ и оправдываемымъ. Во-первыхъ, это самопожертвованіе является выраженіемъ наивысшаго проявленія воли, когда человѣкъ чувствуетъ, что онъ полный себѣ хозяинъ и держитъ въ рукахъ свою судьбу; во-вторыхъ, самопожертвованіе ведетъ къ наиболѣе яркому интенсивному проявленію душевныхъ процессовъ и можетъ представлять собою самое яркое душевное переживаніе всей жизни, красота котораго зат-

меваетъ все остальное. Наконецъ, человѣкъ можетъ очутиться передъ полной невозможностью отказаться отъ пожертвованія своей жизнью за другихъ, такъ какъ сохраненіе жизни при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть соединено въ его глазахъ съ такимъ обезцѣненіемъ личности, которое дѣлаетъ дальнѣйшую жизнь для него невозможной.

Наиболѣе близка къ изложеннымъ нами взглядамъ точка зрѣнія Гюйо, который говоритъ, что альтруизмъ есть проявленіе жизни, богатой силами, взглядъ же, защищаемый здѣсь, представляетъ дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи и утверждаетъ, что альтруизмъ есть не только проявленіе богатства жизни, но и *условіе* сильной и здоровой жизни. По Гюйо, когда человѣкъ здоровъ и полонъ жизненныхъ силъ, онъ не можетъ не быть альтруистомъ, а когда въ немъ жизненныя силы падаютъ, то тогда исчезаетъ и альтруизмъ. Мы же старались доказать, что альтруизмъ является не только проявленіемъ богатой жизни, но и тѣмъ средствомъ, съ помощью котораго мы можемъ поднять интенсивность жизни до ея высшихъ ступеней; это тотъ путь, по которому изъ слабой жизни можно сдѣлать сильную и глубокую.

Какъ извѣстно, отношеніе къ окружающему можетъ складываться двояко: или можно изучать то, что есть, или же предъявлять къ нему требованія, которымъ оно, съ нашей точки зрѣнія, должно удовлетворять. Этика относится къ второму отдѣлу наукъ; она имѣетъ нормативный характеръ. Очевидно, что и при той точкѣ зрѣнія, которую мы здѣсь излагали, нормативный характеръ нравственныхъ истинъ сохранится. Нравственно то, что удовлетворяетъ нашему идеалу, то, что ведетъ къ наиболѣе полному и яркому проявленію личности; съ нашей точки зрѣнія, какъ мы старались показать, это возможно въ наиболѣе полной мѣрѣ только при соціальномъ направленіи поведенія. Очевидно, и при этомъ міросозерцаніи дѣйствительность будетъ сталкиваться со стремленіемъ воплотить идеалъ, и нравственная жизнь будетъ заключаться въ борьбѣ за этотъ идеалъ.

Вліяніе душевныхъ процессовъ на жизнь тѣла представляетъ собою старую установленную истину. Новѣйшія данныя физіологіи указываютъ еще въ большей степени на эту зависимость физіологическихъ процессовъ отъ психическихъ. Несомнѣнно, яркая, полная, богатая душевная жизнь должна въ высшей степени благотворно вліять на устойчивость организма противъ болѣзнетворныхъ факторовъ. А такъ какъ этическое направленіе душевной жизни, какъ мы старались показать, дѣйствуетъ въ направленіи усиленія яркости и богатства душевной жизни, то оно вліяетъ благотворно и на физіологическіе процессы организма.

Держась излагаемой точки зрѣнія, мы можемъ логически доказать человѣку, лишенному нравственнаго чувства, что онъ существо низшаго порядка, такъ какъ даже съ индивидуалистической точки зрѣнія, отсутствіе альтруистическихъ чувствъ наноситъ крупнѣйшій ущербъ развитію душевной жизни человѣка, какъ въ смыслѣ меньшего богатства и яркости интеллектуальной жизни, такъ и въ смыслѣ ограниченія для него возможности воздѣйствія на окружающее.

Такъ какъ основное свойство душевныхъ движеній, относящихся къ области нравственности, заключается въ томъ, что они благопріятствуютъ наиболѣе полному развитію душевныхъ силъ, то съ этой точки зрѣнія они являются величайшимъ благомъ для носителя ихъ и составляютъ одно изъ главныхъ орудій человѣка въ борьбѣ за существованіе. Такимъ образомъ, стремленіе осуществить свои идеалы и борьба за нихъ есть частный случай борьбы живыхъ существъ за наиболѣе полное проявленіе жизни.

Искусство и повседневность въ ихъ противорѣчіи.

Еще въ концѣ минувшаго года начался этотъ газетный диспутъ о „Прекрасномъ“, объ отношеніи *величаваго* искусства къ *суетливой* жизни—о той пропасти, которая вѣчно раздѣляетъ ихъ. Застрѣльщикомъ явился Ал. Блокъ. Въ споръ съ нимъ вступилъ Д. Философовъ. А потомъ, давъ еще разъ высказаться поэту „Прекрасной дамы“, свое слово сказалъ Д. Мережковскій. Намъ достаточно остановиться на статьѣ послѣдняго—„О черныхъ колодцахъ“ (въ № 59 „Рус. Сл.“), такъ какъ здѣсь охваченъ весь вопросъ и сдѣлано резюме предшествующаго обмѣна мыслей.

Д. Мережковскій пишетъ:

„Если бы меня спросили, какое главное свойство русскихъ людей въ наши дни, я отвѣтилъ бы: одиночество. Никогда и нигдѣ не было столько одинокихъ, какъ сейчасъ въ Россіи. Даже тѣ, кто еще недавно были общественными, сдѣлались вдругъ одинокими. Люди разсыпаются, какъ спѣпленныя магнитомъ желѣзныя опилки, когда магнитъ потерялъ силу; выпадаютъ изъ общественности, какъ рыба изъ дыряваго невода.

Все, что соединяло людей, рвется, какъ гнилыя нитки, а все, что разъединяетъ, разобщаетъ ихъ, уплотнилось, окрѣпло, встало между людьми, какъ глухая стѣна.

Человѣкъ человѣку волкъ? Нѣтъ, „человѣкъ человѣку бревно“. (А. Ремизовъ).

Каждый, сидя въ своей норѣ, въ своей дырѣ, въ своей щели, не видитъ, не слышитъ сидящаго рядомъ. Иногда перестукиваются сквозь глухую стѣну, какъ арестанты въ одиночныхъ камерахъ. А большею частью молчатъ.

И сторожитъ Молчанья демонъ
Колодцы черные свои.

Такъ отощали, ослабѣли, что если опустить въ колодецъ веревку, чтобы помочь сидящему въ немъ вылѣзти, то онъ не имѣетъ силы ухватиться за нее и тихо стонетъ: „Оставьте меня въ покоѣ, не мучайте!“

Такъ называемое декадентство есть отраженіе въ искусствѣ того, что происходитъ въ жизни,—самоутвержденія одинокой личности. Въ декадентскомъ искусствѣ всякъ молодецъ на свой образецъ: „я одинъ единственный, я не хочу быть, какъ всѣ; я хочу, чтобы всѣ были, какъ я“.

Критика, глумясь надъ декадентствомъ, проглядѣла его огромное значеніе. Не считаться съ декадентствомъ — не считаться съ жизнью. Не ему принадлежитъ будущее: судя по многимъ признакамъ, конецъ декадентства близится, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему принадлежитъ настоящее.

Одинокій изъ одинокихъ, декадентъ изъ декадентовъ—Александръ Блокъ... первый понялъ или если еще не понялъ ясно, то уже смутно почувствовалъ, что „не добро быть человѣку одному“, что самоутвержденіе личности, доведенное до крайности, переходитъ въ свою противоположность — въ самоотрицаніе, самопстребленіе: первый опомнился и ужаснулся. Знаетъ, что ему одному изъ колодца не вылѣзти, — стѣны гладкія, скользкія, ухватиться не за что, — а все-таки хватается, карабкается, лѣзетъ на стѣну, зоветъ на помощь.

Такой зовъ — статья „Искусство и газета“ (въ „Русской Молвѣ“, № 1).

Заглавіе слишкомъ узко. Можно бы расширить: „Искусство и политика. Искусство и общественность. Искусство и жизнь“.

Главная мысль статьи: не внѣшняя, эмпирическая противоположность, а внутренняя, метафизическая противорѣчивость, антиномичность искусства и жизни. Это—не двѣ враждующія стихіи, а два порядка бытія, двѣ категоріи, навѣки другъ другу чуждыя, несоизмѣримыя. Между искусствомъ и жизнью не можетъ быть соединеній, примиреній, мостовъ.

„Мосты между ними,—говоритъ Блокъ,—были до сихъ поръ только легкими, воздушными, радужными мостами, которые исчезали, едва проходили тѣ великолѣпныя грезы, которыя создавали ихъ, едва умирали тѣ міровые геніи, которые лишь силою своей геніальности создавали эти мосты, соединяя въ самихъ себѣ и жизнь, и искусство“.

И тутъ—гладкая стѣна колодца: геніи соединяютъ искусство и жизнь только *въ самихъ себѣ*,—въ своей одинокой личности.

Искусство самобытно, самовластно: „имъ нельзя поступиться для чего бы то ни было“,—слѣдовательно, и для жизни, для общественности, для политики.

Служенье музъ не терпитъ суеты;
Прекрасное должно быть величаво.

А политика — суета. „Искусство не имѣетъ ничего общаго съ политикой и даже не враждуетъ съ ней, потому что міръ искусства относится къ политикѣ приблизительно такъ же, какъ море относится къ кораблю“. Это значитъ: искусство относится къ политикѣ, къ общественности, къ жизни, какъ безконечное относится къ малому; искусство надъ жизнью, какъ небо надъ землею. Жизнь говоритъ о временномъ, здѣшнемъ, человѣческомъ, искусство—о вѣчномъ, божественномъ, нездѣшнемъ. „Геніи суть инструменты Божества“. Жизнь—явленіе; искусство—„вещь въ себѣ“. Искусство—религія, художникъ—жрецъ.

Старая-старая пѣсня...

„Не во имя *одного* изъ этихъ міровъ говорилъ я, а во имя обоихъ,—какъ-будто поясняетъ, а на самомъ дѣлѣ измѣняетъ Блокъ смыслъ первой статьи *). — Чѣмъ глубже любишь искусство, тѣмъ оно становится несоизмѣримѣе съ жизнью; чѣмъ сильнѣе любишь жизнь, тѣмъ бездоннѣе становится пропасть между нею и искусствомъ. Когда любишь то и другое вмѣстѣ съ одинаковой силою,—такая любовь трагична. Любовь къ двумъ братьямъ, одинаково не знающимъ другъ о другѣ, одинаково пребывающимъ въ смертельной враждѣ, готовымъ къ смертному бою до послѣдняго часа, когда придетъ третій, подниметъ ихъ забрала, и они взглянутъ другъ другу въ лицо. Но когда придетъ третій? Мы не знаемъ“.

Третій—не искусство и не жизнь. Кто же?

*) Въ своемъ контръ-возраженіи Д. Философову, упрекнувшему Блока въ уничиженіи жизни насчетъ искусства и въ „ложномъ аристократизмѣ“. („Рѣчь“ № 437, ст. „Уединенный эстетизмъ“).

Опять „не знаемъ“? А, можетъ быть, и нѣтъ вовсе третьяго?

Между красотой и жизнью нѣтъ соединенія: надо выбирать между безобразной жизнью и красотой безжизненной. И какой выборъ ни сдѣлаешь,—все равно погибнешь. Нѣтъ выбора, нѣтъ выхода. Стѣна спереди, стѣна сзади, и по обѣимъ сторонамъ стѣны: четыре стѣны гладкія, скользкія,—ухватиться не за что,—изъ колодца не вылѣзти.

„Въ такой остротѣ я ставлю вопросъ“,—заключаетъ Блокъ. Въ такой остротѣ, въ такой глубинѣ и узости. Глубина и узость тѣхъ черныхъ колодцевъ, въ которыхъ сидятъ одинокіе.

Страшно, и всего страшнѣе то, что Блокъ говоритъ не общія слова, что онъ говоритъ по опыту.

„Я слушаю музыку, положимъ, Вагнера... Въ тѣ рѣдкія для человѣка минуты, когда ему удается услышать музыку дѣйствительно,—онъ для жизни непригоденъ... глухъ и нѣмъ для этого міра... Мнѣ извѣстно доподлинно, что въ высшій моментъ художественнаго воспріятія—жизни не надо, жизнь постыла. Точно такъ же доподлинно извѣстно мнѣ, что когда я живу, дышу, люблю, ревную, плачу,—мнѣ не нужно искусства... Итакъ, въ послѣднемъ счетѣ искусства съ жизнью не помирить, *до сихъ поръ*— не помирить. Трагедія останется трагедіей *до какого-то срока*“.

До какого же именно? Въ этомъ весь вопросъ. Философовъ отвѣчаетъ: „пока искусство не сдѣлается всенароднымъ“. И Блокъ во второй статьѣ, по существу, согласенъ съ нимъ. На это есть и въ первой намекъ, правда, очень слабый и смутный, главнаго смысла статьи не мѣняющій: „разрѣшеніе противорѣчія между искусствомъ и жизнью—дѣло будущаго и дѣло соборное“.

Но ни Блокъ, ни Философовъ не договариваютъ главнаго, не произносятъ слова *религія*, а этимъ все рѣшается. Высшее искусство „всенародно“, „соборно“, но соборнымъ и всенароднымъ можетъ быть и дѣйствительно уже было когда-то искусство *религіозное*.

Ошибка Блока заключается въ томъ, что онъ считаетъ свой собственный опытъ въ искусствѣ единственнымъ,—опять ошибка одиночества. Ему „доподлинно извѣстно“, что когда онъ слушаетъ музыку Вагнера, то „жизни не надо, жизнь постыла“. Но вотъ старушка немудреная, ничего не смыслящая въ музыкѣ Вагнера, положимъ, няня Пушкина, Арина Родіоновна, слушаетъ въ церкви во время обѣдни херувимскую,—и жизнь не „постыла“ ей, жизнь ей нужна,—можетъ быть, до херувимской постыла, а послѣ опять нужна, полна уже иного святого смысла; между красотой божественной и жизнью человѣческой есть для нея примиреніе, соединеніе послѣднее.

И мнѣ, такъ же, какъ Блоку, „доподлинно извѣстно“, что ея художественное воспріятіе—высшее, *по типу* высшее, чѣмъ все, что можетъ дать музыка Вагнера.

И когда древній грекъ слушалъ Эсхиловыхъ „Персовъ“, ему жизнь тоже не постыла, ему жизнь нужна была, чтобы отдать ее за то, что выше, чѣмъ жизнь.

Въ „Крейцеровой сонатѣ“ Позднышевъ ужасается и негодуетъ на музыку за то, что она возбуждаетъ волю безцѣльно, безсмысленно, зоветъ куда-то, велитъ дѣлать что-то, но неизвѣстно куда, неизвѣстно что. А вотъ древній грекъ, слушая „Персовъ“, и Арина Родіоновна, слушая херувимскую, знаютъ, куда зоветъ музыка, и что надо дѣлать. Для нихъ обоихъ искусство— *не религія, а служитъ религіи*. Это было,—было, есть и будетъ; но чтобы это увидѣть, надо изъ колодца вылѣзти.

„Когда я живу, дышу, люблю, ревную, плачу,—мнѣ не нужно искусства“, потому что оно говоритъ о нездѣшнемъ, а жизнь—только о здѣшнемъ. Вотъ вторая ошибка Блока. Неужели поэтъ „Прекрасной дамы“, когда любилъ земную женщину, не чувствовалъ въ этой земной ту, другую, Нездѣшнюю. И неужели ему не „извѣстно доподлинно“, что Она ходитъ по всѣмъ путямъ земнымъ не только въ „прекрасно-величавыхъ“, но и въ смиренныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ человѣческихъ образахъ?

Служенье музъ не терпитъ суеты;
Прекрасное должно быть величаво.

Но вотъ муза Некрасова—

...эта блѣдная, въ крови,
Кнутомъ изсѣченная муза.

Поэту „заниматься политикой“ *въ этомъ смыслѣ*— не значитъ ли цѣловать израненныя, окровавленныя ноги Ея же, Вѣчной, Нездѣшней, Божественной?

Въ глубинѣ искусства—религія, и въ глубинѣ жизни—тоже религія. Религія соединяетъ искусство съ жизнью, и никакого другого соединенія быть не можетъ. Религія— religio—и значитъ *соединеніе, связь*. Это—первая и послѣдняя связь всѣхъ вещей, соединеніе всего разъединеннаго. Если вынуть ее, то все распадется. Распадъ искусства и жизни—только частный случай распада общаго.

Религія соединяетъ искусство съ жизнью не мимолетною радугой мимолетныхъ грезъ,

а вѣчною твердью всенароднаго творчества, подъ которой проходятъ всѣ грозы, сіяютъ всѣ радуги личнаго генія.

Противорѣчіе искусства и жизни трагично. А трагедіи безъ жертвы не бываетъ. Трагедія заключается въ борьбѣ двухъ вѣчныхъ правдъ и въ необходимости пожертвовать одной изъ нихъ. Только зритель можетъ утверждать обѣ правды, ни одной не жертвуя. Но дѣйствующее лицо должно сдѣлать выборъ.

Надо отвѣтить прямо на прямой вопросъ: чѣмъ жертвовать? Блокъ отвѣчаетъ не прямо: жизнью. Я отвѣчаю прямо: искусствомъ.

Жизнь первѣе искусства. Сначала растеніе, потомъ цвѣтокъ: погибнетъ растеніе, и цвѣтка не будетъ. Говорить объ искусствѣ, когда нѣтъ жизни, по меньшей мѣрѣ, безполезно, а то и жестоко. На такія рѣчи хочется отвѣтить полезною грубостью: не до жиру, быть бы живу.

Красота—царица міра, но и она служитъ тому, что выше міра, а если хочетъ не служить, только царствовать, то становится самозванкой, бунтующей рабыней. И тогда:

Мы, вольные, свергаемъ власть рабыни,
Свергаемъ Красоту.

Что это? Новая писаревщина? „Разрушеніе эстетики“? Пусть такъ. Бываютъ времена, когда художникъ долженъ приносить въ жертву красоту чему-то высшему, какъ Агамемнонъ приноситъ дочь свою Ифигенію въ жертву богамъ, а милосердные боги спасаютъ ее и уносятъ на далекій берегъ, гдѣ будетъ она жрицей боговъ.

И неужели не видитъ Блокъ, что сейчасъ въ Россіи, утверждая искусство, уходящее отъ жизни, онъ ломится въ открытую дверь? Насъ хлѣбомъ не корми,—только бы уйти намъ отъ жизни. „Искусствомъ нельзя поступиться ни для чего“, искусство—абсолютная цѣнность, искусство — религія,—да, вѣдь, это общее мѣсто всѣхъ „лакееобразныхъ эстетовъ“ (выраженіе Блока), всѣхъ отступниковъ. Плоскость изъ плоскостей, пошлость изъ пошлостей. Самодовлѣющая эстетика—балалайка Смердякова, духи Грядущаго Хама.

Вонъ полотно Рѣпина порѣзали,— и вся Россія,— о, конечно, въ суворинскомъ смыслѣ „вся Россія“,—содрогнулась, закричала отъ боли, какъ-будто ея собственное тѣло порѣзали. Не потому ли именно, что искусство для насъ живѣе, чѣмъ жизнь, нарисованная кровь живѣе живой? Полотно рѣжутъ,—больно, кричимъ; а живыхъ людей,—ничего, привыкли, молчимъ.

Молчимъ „до какого-то срока“,— утѣшаетъ Блокъ. До какого же? И не отъ того ли молчимъ, что веревка на шеѣ? Не пропустить бы срока, не задохнуться бы. И ужъ, во всякомъ случаѣ, съ веревкой на шеѣ нельзя пѣть гимнъ красотѣ божественной: сначала надо снять веревку“.

Изъ новѣйшей беллетристики о духовенствѣ.

Если не считать крестьянства, только одно сословіе у насъ весьма туго, въ общемъ, почти совсѣмъ не поддается вѣяніямъ времени. Это—духовенство. Еще крѣпко держатся устои его быта, „краски“ здѣсь не линяютъ, „запахи“ не выѣтриваются... Бытописатель этого обособленнаго міра, достаточно наблюдательный и достаточно освѣдомленный, поставленъ въ исключительно благопріятныя условія. Даже посредственному художнику, даже не искушенному въ тайнахъ творчества, можетъ удаться колоритная и сочная картина: матеріалъ будетъ говорить за себя.

Какъ бунтуютъ будущіе пастыри.

Знаменитые „бурсацкіе“ бунты, отъ времени до времени то здѣсь, то тамъ встряхивающіе до основанія сонную жизнь духовныхъ учебныхъ заведеній, въ послѣдніе годы, — когда и въ эти цитадели закралась „политика“,— настолько участились, стали обычными, что ихъ тоже можно теперь отнести къ разряду „бытовыхъ явленій“. Но почему-то до сихъ поръ такого рода волненія не находили себѣ отраженія въ нашей беллетристикѣ. Недавно выпущенная въ печать отдѣльной книгой большая повѣсть Ил. Шадрина „Бурса“ какъ бы восполняетъ этотъ пробѣлъ: мы наталкиваемся тутъ на описаніе семинарскаго бунта въ его типичной обстановкѣ.

Событія разразились на пятой недѣлѣ Великаго поста. Ближайшимъ поводомъ послужили „гнилые грибы“ за обѣдомъ, а также... штаны повара, которые какимъ-то образомъ попали въ котелъ со щами и были обнаружены въ присутствіи дежурнаго по кухнѣ воспитанника. Бурса заволновалась, по адресу отца эконома раздались угрозы. Къ ректору отправлена была депутація, однако ничего путнаго не добились.

„Вѣроятно, вся исторія этимъ бы и кончилась, если бы на утро за молитвой не пришлось читать евангеліе о. эконому. Вчерашніе грибы вспомнились, и только онъ началъ читать евангеліе, какъ со всѣхъ сторонъ раз-

дался оглушительный кашель, сморканье... Голосъ его совсѣмъ потерялся. Инспекторъ, стоявшій, по обыкновенію, у двери, быстро взошелъ на амвонъ и, только-что кончилъ экономъ, обратился къ воспитанникамъ съ увѣщаніемъ.

— Это что же? Это кощунство!.. Это Богъ знаетъ что такое!.. И вы — будущіе пастыри церкви—дозволяете себѣ это!.. Накажетъ васъ Господь!..

Новый взрывъ кашля, еще болѣе сильный, покрылъ и его голосъ. Инспекторъ поблѣднѣлъ, силился что-то говорить, махалъ рукой, но видя, что ничего не помогаетъ, быстро ушелъ въ алтарь... Молитва прервалась... Произошла неловкая пауза. Наконецъ, вступился „Папаша“ (ректоръ).

— Читайте!—приказалъ онъ дежурному. — Что молчите?

Тотъ началъ читать далѣе. Но на слѣдующемъ возгласѣ священника, рѣчь экономa опять была заглушена кашлемъ и сморканьемъ... Даже кто-то топалъ ногами. Съ молитвы пошли съ гиканьемъ и свистомъ... Получилось нѣчто довольно внушительное и для начальства, особенно, инспектора—обидное.

На большой перемѣнѣ всѣхъ собрали въ церковь, явился ректоръ, инспекторъ и его помощники. Ученики въ недоумѣніи смотрятъ другъ на друга, не зная для чего ихъ собрали. Кто говоритъ, что молебенъ будетъ, кто—панихида. Но вотъ на амвонъ вышелъ инспекторъ и началъ говорить. Всѣ притихли и выжидательно смотрѣли на него.

— Я вышелъ сказать вамъ, что за утренней молитвой вы вели себя въ высшей степени непристойно, даже возмутительно, кощунственно... — Голосъ о. инспектора повышался и звенѣлъ обидой. — Вы осквернили храмъ,—это святое мѣсто,—оскорбили своего духовнаго отца и меня. Я требую, чтобы вы извинились и дали обѣщаніе никогда больше такихъ непристойностей не допускать...

Кругомъ гробовое молчаніе.

— Я хотѣлъ васъ наказать,—и заслуживали вы того... какъ только Господь терпитъ такое неблагочиніе! Пѣли вы, какъ упившіеся виномъ. Вы должны пѣть тихо, стройно съ благоговѣніемъ.

Ректоръ стоялъ за старостинскимъ ящикомъ и въ тактъ моталъ головой. Хорошо, молъ... Я со всѣмъ съ этимъ согласенъ и одобряю.

— Спойте же „Достойно“!.. Спойте, съ благоговѣніемъ, какъ подобаетъ будущимъ пастырямъ... А если вы не извинитесь и не дадите обѣщанія такъ не поступать, я накажу васъ... Пойте!.. Василій Васильевичъ, задайте тонъ! — обратился инспекторъ къ учителю пѣнія.

Тотъ быстро выступилъ и задалъ тонъ. Запѣлъ: „Достойно есть“, но никто не поддержалъ: всѣ хранили гробовое молчаніе. Учитель пѣнія недоумѣвающе посмотрѣлъ кругомъ, потомъ на инспектора и замолчалъ.

— Попрежнему упорствуете, не хотите пѣть,— шипящимъ, сдавленнымъ голосомъ, обнаруживающимъ сильное волненіе, началъ инспекторъ:—ну такъ заставимъ васъ пѣть по одиночкѣ. Вызывайте, Василій Васильевичъ!

Вызвали одного—молчаніе... вызвали другого—тоже, и такъ человѣкъ десять... Инспекторъ злился, но еще сдерживалъ себя... Еще вызвали съ десятокъ, въ отвѣтъ — молчаніе.

— Десятаго уволить!.. Пятаго!—закричалъ, внѣ себя, инспекторъ... Это Богъ знаетъ что такое! Это бунтъ!.. Отецъ ректоръ, я настаиваю на строгихъ мѣрахъ. Я требую увольненія одного изъ каждаго десятка!..

Но вдругъ свершилось чудо... Великіе молчальники заговорили... Поднялся шумъ, какъ порывъ бури... Шш!.. пронеслось въ заднихъ рядахъ... Кха!.. Кха!.. отвѣтило съ другого конца... и самые разнообразные звуки вихремъ закрутились подъ сводами церкви... Ряды заволновались, задвигались къ выходу... Инспекторъ предусмотрительно оставилъ амвонъ... Толпа хлынула и надавила на старостинскій ящикъ... Живая масса тисками сдавила ректора, прижимая къ стѣнѣ его толстую фигуру... Онъ только кряхтѣлъ и отдувался...

— Бей Плакиду (т.-е. инспектора), братцы!—крикнулъ кто-то, и толпа, какъ одинъ человѣкъ, повернула къ амвону... Но тамъ было пусто... только учитель пѣнія стоялъ блѣдный и возволнованный“.

Въ этотъ день, никто, конечно, не сталъ учить уроковъ. Вмѣсто обычныхъ занятій вечеромъ происходило слѣдующее.

„Въ классахъ зажгли массу свѣчей, точно для иллюминаціи. Бѣгали, кричали, пѣли, спорили. Въ одномъ углу уже сочиняли какую-то коллективную жалобу на инспектора. Вася Поповъ лихо заливался на скрипкѣ. Въ пятомъ классѣ составили хоръ, пѣли пѣсни, сопровождая ихъ аплодисментами и „ура“... Добыли водки и открыто распивали, уже не ставя сторожей и не боясь никого. Шли оживленныя разсужденія на тему о событіяхъ дня... Слышались угрозы по адресу инспекціи.

Ванька Боголѣповъ, чудило мученикъ, громко затянулъ сказаніе о попѣ.

Подвыпившіе товарищи запротестовали.

— Не такъ!—крикнулъ Богородскій: — за-

былъ ты, что это поется по уставу, съ капонархомъ.

— Снова!—завопилъ Георгіевскій:

Боголѣповъ всталъ изъ-за стола, отошелъ немного въ сторону и высокимъ тенóромъ по монастырски затянулъ: „Тропарь—гласъ первый.

„Близко праздника Введенія,
Средь Филиппова говѣнія"...

Сидящіе за столомъ тотчасъ же совершенно серьезно, со всѣми пѣвческими пріемами, повторили это хоромъ на первой гласъ, а Боголѣповъ продолжалъ:

„Только стали дообѣдовать,
Пригласили исповѣдывать
Отца, батюшку духовнаго,
Для раскаянья грѣховнаго".

Хоръ повторилъ и это, закапчивая мотивъ перваго гласа. Толпа увеличивалась, увеличился и хоръ.

— Тропарь гласъ вторый...ый,—не мѣняя тона, тянулъ Боголѣповъ:

„Что васъ взяло, окаянные?
Вѣчно лѣзутъ точно пьяные,
Безпокоятъ, точно ссыльнаго,
А всего изъ-за пятіалтынаго".

Публика не выдержала и засмѣялась. Боголѣповъ удивленно и сердито посмотрѣлъ кругомъ.

— Что васъ взяло, окаянные?—крикнулъ онъ и залился неудержимымъ хохотомъ.

— Ванька! Чудило ты анаѳемскій! — кричали ему товарищи, приходя въ восторгъ.—Валяй дальше! Жарь еще!

— Выпить надо!—остановилъ Богородскій.

Выпили.

— Теперь дальше...

И пѣніе продолжалось при шумномъ одобреніи публики.

Особенно нравились мѣста, гдѣ говорилось, какъ попъ, „справивъ требу, къ дому новому, къ прихожанину торговому", заѣхалъ, „чтобъ при случаѣ, разузнать объ его благополучіи", и какъ

„Межъ иными разговорами,
По избѣ блуждая взорами,
Вдругъ узрѣлъ: стоитъ ведерная,
И подумалъ: „Дай-ка дерну я!"

Эту часть уже не пѣли, а прямо гоготали. Очень ужъ забавно было всѣмъ.

— Тропарь гласъ шестый...,— затянулъ далѣе Боголѣповъ:

„Какъ, молъ, это называется,
Что въ бутыли обрѣтается?"

Хоръ громогласно повторилъ это на шестый гласъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось интереснѣе. Надъ стихами, гдѣ говорилось, какъ попъ вмѣсто рюмки взялъ чашку хлѣбную и какъ—схвативъ „частицу нѣкую", онъ промолвилъ:

„....Горечь экую
Пьютъ, подумаешь, во здравіе!..
И при томъ замѣтить вправѣ я
Пить вино до опьяненія
Есть ужъ злоупотребленіе..."

И потомъ,— какъ:

„Пошла тутъ всяка всячина,
Что акцизомъ не оплачена"...

Смѣялись прямо до упаду, до боли въ животѣ. Забывали пѣвцы, что смѣялись надъ своими отцами и надъ собой въ будущемъ, чувствуя лишь одно, что это чрезвычайно смѣшно и мѣтко.

Стихи о томъ, какъ попъ, опьянѣвъ, поссорился съ хозяиномъ и хотѣлъ даже драться,

„Но, плѣнившись круглолицыми,
Полногрудыми дѣвицами", сказалъ,
Съ покушеніемъ на объятія:
„Къ вамъ-де лѣзу на палати я",—

допѣвали ужъ въ столовой, гдѣ сегодня было шумно и весело, какъ никогда. Заключительные стихи: „Самоваръ я трижды ставила и постель давно оправила. Дождалася преподобнаго ни на что ужъ неспособнаго", гдѣ жалуется бѣдная попадья на своего загулявшаго супруга, повторяли сотни разъ... Словно всѣми овладѣлъ какой-то демонъ издѣвательства.

Благодаря этому и выпитой водкѣ, ужинъ прошелъ шумно. Неистово стучали ножами о тарелки, двигали скамьями... надзиратель показался лишь на мигъ и ушелъ. Ему свистали вслѣдъ. На молитву кто пошелъ, а многіе остались въ классахъ и коридорѣ, по временамъ оглашая опустѣвшія комнаты кошачьимъ мяуканьемъ и свистомъ. Послѣ молитвы снова начался шумъ. Явившійся на молитву инспекторъ пробовалъ убѣждать, но такъ какъ въ каждомъ его словѣ звучала одна угроза, то тотчасъ же закашляли и засвистали.

— Долой инспекцію! — кто-то крикнулъ пьянымъ голосомъ на всю залу, и инспекторъ поспѣшилъ убраться.

Въ спальнѣ собрались возбужденные въ высшей степени, кричали, смѣялись, выкрикивали ругательства.

— Будетъ имъ издѣваться надъ нами! Будетъ своевольствовать! Они думаютъ — мы бараны, пѣшки. Покажемъ имъ барановъ! Ребята, инспекторъ грозитъ позвать полицейскихъ!

— Сельдей-то! — загудѣло въ спальняхъ. Пусть они покажутся, мы съѣдимъ ихъ! — и непечатная брань повисла въ воздухѣ...

— Загородимъ двери! — предложилъ кто-то.

— Идетъ! Эй вы, крайніе! ступайте на

другія койки, ложитесь по-двое, по-трое, теплѣе будетъ!

Крайними койками загородили входъ, наваливъ въ промежутки тюфяковъ и подушекъ.

— Э... да чорта ли жалѣть этого хламу!.. Ломай, братцы! Бей!.. Пусть поминаютъ, что были люди въ ваше время! — закричалъ чей-то пьяный голосъ, и вслѣдъ за воззваніемъ тяжелая табуретка съ грохотомъ врѣзалась въ раму. Раздался оглушительный звонъ... Посыпались стекла...

— Ломай! бей! — заревѣла вся спальня.

— Тако да сокрушатся вы грѣшничи! — вопилъ кто-то, покрывая своимъ ревомъ звонъ разбиваемыхъ стеколъ.

— И тако да сгибнутъ инспекторъ съ ректоромъ-коровой! — неистово орали у другого окна, выталкивая въ него койки, тюфяки и табуреты прямо на мостовую.

Уснувшая было улица пробудилась и заговорила. Далеко разнеслось эхо отъ удара сброшенной изъ третьяго этажа желѣзной койки о каменную мостовую. Въ спальняхъ творился настоящій адъ. Мирные семинаристы озвѣрѣли и сокрушали все, что попадало подъ руку. Однако, холодъ, проникшій сквозь открытыя окна и разбитыя стекла, далъ себя почувствовать, и буяны опомнились... Закрыли дыры одѣялами и подушками и принялись обсуждать положеніе вещей.

Совѣщаться пришлось недолго. Ректоръ уже давно вызвалъ по телефону полицеймейстера, и тотъ во весъ духъ съ эскортомъ полицейскихъ мчался въ общежитіе.

Онъ попробовалъ вызвать буяновъ въ классъ, но изъ спаленъ никто не двинулся. А когда и онъ, по примѣру инспектора, принялся грубо браниться и грозить, въ него изъ темноты спаленъ полетѣли ножки отъ табуретовъ и кроватей и онъ со стыдомъ ретировался.

Въ четыре часа ночи явилась вся семинарская корпорація во главѣ съ ректоромъ, сопровождаемая сторожами и полиціей, и открылось шествіе. Впереди по-парно шло шесть сторожей со свѣчами, за ними два помощника инспектора тоже со свѣчами, потомъ ректоръ и инспекторъ тоже со свѣчами, — словно на католическихъ похоронахъ, а за ними опять помощники инспектора, а сзади всѣхъ уже полицейскіе. Семинаристы, какъ только замѣтили шествіе, тотчасъ же попрятались кто на койки, кто куда. Всѣ, повидимому, спали самымъ безмятежнымъ сномъ. Это сильно озадачило полицію. Что станешь дѣлать со спящими?

Между тѣмъ, откуда-то стали появляться таинственныя фигуры въ длинныхъ мантіяхъ, съ ногъ до головы укутанныя одѣялами и простынями. Словно мертвецы повылѣзли изъ могилъ и начали свой сатанинскій танецъ. Таинственныя тѣни то мирно шествовали за процессіей, то появлялись въ сторонѣ и быстро исчезали. Одна не въ мѣру дерзкая тѣнь настолько близко осмѣлилась подойти къ процессіи, что попала въ руки сторожа... но быстро пропала во мракѣ, оставивъ доказательство своего земного происхожденія въ видѣ краснаго рукава рубахи... Другой дерзкой тѣни и совсѣмъ безъ рубашки пришлось уйти. Тотчасъ же начались розыски по рукаву, но такой рубашки ни у кого не оказалось, точно и на самомъ дѣлѣ замѣшалась нечистая сила.

Такъ въ этотъ разъ ничего и не добились. Процессія скрылась. Соглядатаи донесли, что всѣ, кромѣ инспектора, уѣхали. Мятежники успокоились и предались сну, восхищаясь своею удалью и не узнавая въ сегодняшнихъ бунтовщикахъ вчерашнихъ смиренныхъ воспитанниковъ, не смѣвшихъ прямо взглянуть въ глаза инспектору, сказать смѣлое слово.

На утро рѣшили въ классъ не ходить. Распорядились спечь пироговъ и сварить рыбы... Начальство не показывалось.

Въ двѣнадцать часовъ прибыли въ семинарію губернаторъ и архіерей. Они приказали вызвать воспитанниковъ въ церковь.

Однако, семинаристы рѣшительно отказались итти туда, заявивъ, что въ церкви не слѣдъ разбирать житейскія дѣла. Имъ уступили и пригласили во дворъ. Началось разбирательство.

— Ну, чѣмъ же вы, господа, недовольны?— началъ ректоръ, порядочно струхнувшій.—Чѣмъ я васъ обидѣлъ? Я, кажется, я...

— Многимъ, о. ректоръ, — перебили его рѣчь подсудимые. Вотъ его превосходительство,— указывая на губернатора, продолжали они,— больше намъ сдѣлали пользы, чѣмъ вы... Они хоть катокъ устроили, а вы что? Вы своимъ коровамъ лучше приправу отпускаете, чѣмъ намъ во щи... Вы для себя садъ устроили, тысячи израсходовали, а нашъ вырубили, за который тоже тысячи рублей были заплачены... А вѣдь эти тысячи собраны по грошамъ съ нашихъ же отцовъ. Для чего вамъ понадобился нашъ садъ, чѣмъ онъ вамъ помѣшалъ? Только для того, что врачъ предписалъ вамъ физическія упражненія. Вотъ вы что сдѣлали. У васъ въ саду цвѣтники, клумбы, тѣнь, роскошныя бесѣдки, а у насъ — пни.

Губернаторъ внимательно слушалъ эту горячую рѣчь изъ толпы и не прерывалъ, молчалъ и архіерей... Ректоръ краснѣлъ и блѣднѣлъ, переминаясь съ ноги на ногу и сердито покрякивая...

— А намъ вы выдавали рваные сапоги и гнилые грибы,— продолжалъ тотъ же голосъ.— Вы никогда ласковаго слова не сказали никому изъ насъ, даже наши просьбы вы принимали черезъ прислугу, не желая лично выйти къ просителю... вы отдали насъ въ руки инспектора и сторожей... Каждый шагъ нашъ былъ выслѣженъ, какъ у арестантовъ... Вотъ чѣмъ недовольны, о. ректоръ!

Обвиненіямъ не было бы конца, но выступилъ архіерей и началъ говорить. Онъ прежде всего укорилъ воспитанниковъ за буйство и за недостатокъ довѣрія къ своему начальству.

— „Просите и дастся вамъ, толцыте и отверзется“,— сказано въ евангеліи, говорилъ онъ, а вы разъ сказали начальству — и бунтовать. Это строптивость, гордость... Строптива нынче молодежь, ваше превосходительство,— обернулся владыка къ губернатору,— умѣючи надо обращаться съ нею... Времена иныя пошли... трудныя...

— Да... да,— согласился губернаторъ, и послѣ краткой рѣчи, въ которой не преминулъ намекнуть на то, что здѣсь есть, пожалуй, политическая подкладка, потому что, молъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ такія исторіи, что тутъ замѣшана пропаганда и проч., обѣщалъ воспитанникамъ свое ходатайство и заступленіе.

Ученики понуро пошли въ классы, обѣщая не повторять больше безпорядковъ, власти поѣхали по домамъ, соображая случившееся и слагая въ умѣ тѣ головоломныя бумажки, на которыхъ самое обычное явленіе принимаетъ чудовищную окраску и превращается во что-то необычайное и страшно преступное. Каждый думалъ только о томъ, какъ бы выгородить себя изъ этой исторіи и не только сухимъ выйти изъ воды, а если можно, то и въ петличку что-нибудь получить „за усердіе“ и „распорядительность“. А бѣдные бунтовщики теперь почесывали головы и даже сами недоумѣвали, какъ это они такъ разошлись и, будучи всегда такими благонравными, натворили такихъ бѣдъ. Строились предположенія о репрессіяхъ. Пророчили исключенія и закрытіе семинаріи... Предлагались планы, какъ избыть бѣду, и всѣ согласились на одномъ, что надо писать прошеніе въ синодъ... Приняялись... Цѣлый вечеръ писали, какъ на прекрасной картинѣ Рѣпина запорожцы писали отвѣтъ турецкому султану... Однако, смѣха и шутокъ здѣсь не было, а объ угрозахъ никто и не помышлялъ.

Прошеніе вышло громадное — на цѣлыхъ тридцати листахъ, за подписомъ всей семинаріи, не исключая и шестиклассниковъ и малышей первоклассниковъ. Много тутъ было написано правдиваго и скорбнаго. И если бы сохранить это повѣствованіе для потомства, думается, остался бы прекрасный памятникъ жизни семинаріи, а если бы оно дошло по назначенію, быть можетъ, что-нибудь и усмотрѣли бы въ немъ заслуживающее вниманія, быть можетъ, начальство и по иному взглянуло бы на всѣ эти печальныя исторіи, именуемыя бунтами, и предупредило бы дальнѣйшее, еще болѣе печальное. Но прошеніе, конечно, не дошло по назначенію.

На третій день, послѣ молитвы, когда всѣ уже хотѣли расходиться по классамъ, на амвонъ поднялся секретарь семинарскаго правленія и торжественно прочелъ: „По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій синодъ, разсмотрѣвъ то-то и то-то, нашелъ необходимымъ на нѣкоторое время прекратить занятія въ N-ской духовной семинаріи и впредь до особаго распоряженія уволить воспитанниковъ по домамъ“...

Нерадивые пастыри.

Беремъ изъ книги разсказовъ Х. Толшемскаго „Въ мірѣ рясы“ набросокъ „У Троеручицы“.

„Въ каѳедральномъ соборѣ губернскаго города N былъ образъ Божіей Матери, именуемый „Троеручицей“, на которомъ Богоматерь изображена съ тремя руками. Образъ почитался во всей обширной округѣ и слылъ за чудотворный, а потому весной и въ началѣ лѣта паломники, ѣхавшіе къ соловецкимъ чудотворцамъ и возвращавшіеся отъ нихъ, непремѣнно служили молебны или просто хоть забѣгали поставить свѣчку „Троеручицѣ“.

Случилось разъ, когда уже время богомольцевъ прошло,—а причтъ соборный послѣ службъ церковныхъ не задерживался, — пришла въ будній день, къ вечернѣ, деревенская старушка, сняла съ плечъ большую, Богъ вѣсть чѣмъ набитую котомку, положила на полъ передъ иконой и начала отбивать поклоны...

Глубокіе вздохи, со слезами, неясный шопотъ, судорожное прижиманіе къ груди рукъ... И не видала старушка, какъ кончилась вечерня, и о. ключарь, правящій „череду“, на этой недѣлѣ, отправился домой.

— Батюшка, мнѣ бы молебенъ Троеручицѣ, отслужи, кормилецъ, будь родной,—слезливо завопила старушка.

О. ключарь остановился, лукаво улыбнулся, посматривая на дьякона и псаломщика, кромѣ которыхъ въ церкви уже никого не было, взялъ старушку за руку, вывелъ на крыльцо

и, указывая на архіерейскій домъ, находившійся противъ собора, на другой сторонѣ дороги, сказалъ:

— Вонъ, иди въ этотъ домъ, тамъ есть старичекъ, онъ тебѣ и отслужитъ молебенъ...

Проговоривъ это, ключарь ехидно улыбнулся въ усъ и въ игривомъ настроеніи пошелъ домой, представляя какъ удивится и растеряется глупая старуха, когда ее выпроводитъ съ архіерейскаго двора келейникъ.

Старушка, какъ-то странно растопыривъ руки, потопталась минуты двѣ-три на мѣстѣ, а потомъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, засѣменила кривыми ногами черезъ дорогу и смѣло юркнула въ открытую калитку архіерейскаго дома.

— Слава тебѣ, Господи! Многомилостивъ и щедръ,—прошамкала она, снова осѣняя себя знаменіемъ креста;—вѣдь, вонъ, старичекъ-то! Не этотъ ли и есть?

И она направилась вглубь двора, гдѣ, около палисадника, дѣйствительно, копошился небольшого роста, въ сѣромъ казинетовомъ подрясникѣ и черной скуфьѣ, старичекъ.

Сѣденькій, съ разсыпавшимися на вискахъ курчавыми короткими волосами, съ орлинымъ носомъ, съ черными, какъ спѣлая смородина, глазами, старичекъ, держа небольшую лопатку въ рукахъ, быстро разогнулся и съ удивленіемъ смотрѣлъ на старушку.

— Что, бабушка? Что скажешь, старица Божья?— обратился онъ звонкимъ голосомъ къ приближающейся старушкѣ.

— Батюшка! Не ты ли служишь молебны Троеручицѣ?— просительно заговорила она.— Въ кои вѣки собралась... Привелъ Господь... Семьдесятъ верстъ отшагала... Была въ соборѣ-то, у вечерни, да тамъ батюшка меня сюда послалъ, говоритъ, вотъ, здѣсь старичекъ такой есть, онъ тебѣ, говоритъ, пусть и отслужитъ молебенъ, а мнѣ, говоритъ, некогда... Такъ я, добрымъ дѣломъ и сюда... котомочку-то у Троеручицы оставила... Не откажи, родной, ужь больно охота отмолебствовать-то!.. Можетъ, ты и есть тотъ добрый старичекъ?..

— Я, я и есть бабушка! Иди скорѣе въ соборъ,— сказалъ старичекъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, и весело похлопывая старушку по плечу.— Отслужу, родная! Какъ не отслужить? Я, вотъ, мигомъ за тобой, одна нога здѣсь, другая нога тамъ!.. Только клобучекъ надѣну,—монахъ я, бабушка...

— Ну, не знаю я мудреныхъ словъ, прости Христа ради, — съ поклономъ промолвила старушка и пошла въ соборъ.

Сторожъ запиралъ церковныя двери, когда возвратилась старушка, и котомка ея валялась уже на крыльцѣ.

— Не запирай, родимый,— взмолилась она сторожу.—Бога ради, отвори! Сейчасъ старичекъ-отъ придетъ служить молебенъ. Говоритъ—я живой ногой! Снеси и котомку-то мою подъ Троеручицу, пусть полежитъ за молебномъ-отъ!

— Что ты, бабка, городишь? Какой старичекъ придетъ?— спросилъ удивленный сторожъ.— Гдѣ ты была?..

— Да, вонъ, онъ уже идетъ, слава Богу,— указала она пальцемъ въ сторону архіерейскаго дома и, захвативъ котомку за лямки, поволокла по полу въ церковь, гдѣ и водворила на прежнее мѣсто подъ образомъ Троеручицы.

Между тѣмъ архіерей — это былъ онъ — съ келейникомъ вошелъ въ соборъ, приказалъ растерявшемуся сторожу зажечь у царскихъ вратъ лампады, а затѣмъ обратился къ старушкѣ:

— Есть ли у тебя, бабушка, деньги-то?

— Есть, есть, родной,— засуетилась та и вытащила откуда-то, изъ глубины пазухи, затасканную тряпку, которую бережно начала развертывать... Тамъ оказалась старинная мѣдная гривна, копейка временъ императора Павла I-го и егорьевскій грошъ (съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца).

Дрожащими руками схватила старушка гривну и, подавая владыкѣ, горячо, со слезами, прильнула губами къ его сухой рукѣ... — Это тебѣ, батюшка, за молебенъ-отъ! Сколько годовъ берегу...

— Давай, давай, бабушка,— принимая деньги, сказалъ владыка. — Мы, вотъ, на эти деньги свѣчку и поставимъ Пречистой отъ тебя и отъ меня;— вотъ, Ей, Милостивой, и любо будетъ, что двое стариковъ такой дорогой подарочекъ Ей не пожалѣли!..

— А тебѣ-то, батюшка, за молебенъ-отъ? Возьми хоть ужъ Егорья-то,— взмолилась старушка.

Положивъ руку на плечо старушки и наклонившись къ ея уху, владыка сказалъ:

— Мнѣ, бабушка, не даютъ,— меня только ругаютъ: сердитый я старикъ!..

Надѣвъ мантію и епитрахиль, принесенныя изъ алтаря келейникомъ, преосвященный, указавъ старушкѣ мѣсто, гдѣ стоять, началъ служить молебенъ Богородицѣ, при чемъ самъ и пѣлъ вмѣстѣ съ келейникомъ...

Извѣщенные сторожами о необыкновенномъ молебнѣ, соборяне, во главѣ съ каѳедральнымъ протоіереемъ, собрались въ алтарѣ и блѣдные, трясущіеся, ждали — чѣмъ дѣло кончится?..

Владыка, отслуживъ молебенъ, благословилъ

старушку, погладилъ ее по головѣ и, снявъ мантію и епитрахиль, ушелъ домой.

Соборяне, въ ужасѣ, не знали, что дѣлать Владыка ко всякимъ служебнымъ недочетамъ относился строго... Рѣшили, было, съ общаго голоса, послать каоедральнаго протоіерея какъ-нибудь объяснить преосвященному, что старушку просили обождать съ молебномъ, что ключарю нужно было сходить домой... но каоедральный не пошелъ, справедливо заявивъ, что о. ключарь пусть самъ и выпутывается...

Понуро побрели соборяне домой, а о. ключарь рѣшился на отчаянный шагъ — пти сейчасъ же съ извиненіемъ къ владыкѣ. Владыка, когда былъ чѣмъ-либо разсерженъ, былъ неумолимъ; это всѣ знали и потому о. ключарь считалъ свою карьеру окончательно испорченною. Сначала подъ запрещеніемъ неопредѣленное время проморитъ въ монастырѣ, а потомъ сошлетъ куда-нибудь на приходъ, въ самое глухое захолустье.

„Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его"...— вспомнилъ о. ключарь и позвонился... Сердце замерло...

Вышелъ келейникъ и, улыбаясь, сказалъ:

— Владыка велѣлъ сказать, что ушелъ молебны служить и дома до ночи не будетъ...

Владыка любилъ тайно за всѣмъ подсмотрѣть, а потому и въ настоящемъ случаѣ видѣлъ изъ окна, скрывшись за занавѣской, какъ соборяне боязливо плелись домой, и какъ ключарь направился къ калиткѣ ахіерейскаго дома. Поэтому онъ и далъ келейнику вышеуказанное распоряженіе.

— Плохи мои дѣла, Лоюшка,— вздохнулъ о. ключарь...— Очень сердитъ? Не говорилъ-ли чего? Можетъ, какое прещеніе высказалъ?

— Нѣтъ, молчитъ,— отвѣтилъ келейникъ.— Ну, простите, о. ключарь, бѣжать надо, не ровенъ часъ, кликнетъ!..

Проходитъ день... Другой... Недѣля... Ничего!?! Истомились соборяне!.. Аппетитъ пропалъ,— сна совсѣмъ не стало!.. А архіерей молчитъ!... Боже! Хоть бы скорѣе что-нибудь!..

И, вотъ, наконецъ, чуть не черезъ мѣсяцъ, въ одинъ прекрасный день, владыка призываетъ къ себѣ каоедральнаго протоіерея.

Протоіерей явился... Во рту все пересохло... Языкъ коснѣетъ, колѣни подгибаются... Холодный потъ крупными каплями выступилъ на лбу... О. протоіерей машинально сталъ искать опоры и грузно опустился на стулъ, около входа...

Владыка же наслаждается смущеніемъ протоіерея, тайно смотря на него въ никому невѣдомое отверстіе.

Но, вотъ, отворилась дверь изъ сосѣдней комнаты... Владыка — живой, бойкій, радостный, смѣющійся идетъ къ протоіерею, какъ резиновый мячъ спрыгнувшему со стула и, въ мгновеніе ока, принявшему согбенную „нижайшую" позу, съ вытянутыми руками для принятія архипастырскаго благословенія.

— Здравствуйте, о. протоіерей, здравствуйте,— заговорилъ улыбающійся владыка и, пожимая обѣими своими руками руки окончательно ничего непонимающаго протоіерея, продолжалъ:

— У меня завтра особенный день... Распорядитесь, пожалуйста, я буду служить молебенъ въ соборѣ, въ одиннадцать часовъ... И вы всѣ со мною не откажитесь послужить... Ну, а потомъ, всѣ прямо изъ церкви ко мнѣ на закусочку... Чѣмъ Богъ послалъ... Лосось, знаете ли, живую, во-о-о какую прислали!.. Да и стерлядка есть... уха будетъ важная!.. Ну, и прочее по чину... Такъ, ужъ будьте добры, о. протоіерей,— закончилъ владыка и, благословивъ протоіерея, ушелъ въ кабинетъ.

Протоіерей ногъ подъ собой не слышалъ и, чуть не бѣгомъ, спустился съ лѣстницы...

Дивуются соборяне. Что за притча такая, что, вмѣсто страшнаго прещенія, владыка еще на закуску приглашаетъ?.. Нѣкоторые даже не вѣрятъ, предполагая, что у о. каоедральнаго, со страха, все перемѣшалось въ головѣ. Предположеніе казалось даже вѣроятнымъ, потому что у о. каоедральнаго у самого была небольшая „закусочка" наканунѣ того дня, когда случился инцидентъ со старушкой въ соборѣ. Скептики и говорили, что владыка, можетъ быть, дѣлалъ намеки на эту „закуску".

Но распоряженіе о томъ, что завтра всѣ должны служить молебенъ съ владыкой, который и ризницу для этого самъ назначилъ, окончательно сбивало всѣхъ съ толка; вѣдь, не приснилось же, въ самомъ дѣлѣ, каоедральному?

— Охъ, ужъ и выкинетъ же онъ колѣно,— ядовито, съ какимъ-то полувизгомъ, произнесъ протодіаконъ.— Не такой онъ человѣкъ, чтобы за такія дѣла да стерляжьей ухой угощать! Нѣ-ѣтъ! Въ потъ вгонитъ, да не стерляжьей ухой съ мадерой!..

— Ну, каркай,— огрызнулся о. каоедральный;— и такъ все нутро ходуномъ ходитъ... А онъ — въ потъ вгонитъ!..

— Что же, о. протоіерей, вѣрно, отъ предвкушенія лососины и всего *прочаго* съ владычнаго стола нутро-то заходило?— съязвилъ протодіаконъ.

Протоіерей только рукой махнулъ и съ безграничной тоской посмотрѣлъ на протодіакона.

У остальной соборной братіи тоже не нашлось веселаго слова...

На другой день все чинно и гладко прошло во время служенія владыкою молебна, и онъ, окруженный подобострастными соборянами, весело и радушно приглашалъ.

— Милости прошу! Пожалуйте! Уже вся готова суть!.. Аоонька! Бѣги скорѣе домой и тамъ, чтобы какъ слѣдуетъ! — приказалъ онъ келейнику...

Вошли въ архіерейскіе покои... Столъ дѣйствительно накрытъ и уставленъ соблазнительными явствами и питіями...

— Будьте, какъ дома, братіе, а я, вотъ, только переодѣнусь,— сказалъ владыка и вышелъ во внутреннія комнаты.

— А теперь нутро ходуномъ не ходитъ?— шепнулъ протодіаконъ о. каоедральному.

— Молчи, ворона,— почти со злобой прошипѣлъ тотъ.

— Владыка проситъ въ палисадникъ, онъ у цвѣтовъ,—заявилъ показавшійся въ дверяхъ келейникъ и сейчасъ же скрылся.

— Начинается, занавѣсъ подымается,—легкой октавой пробасилъ протодіаконъ. — Вотъ оно когда...

Владыка ужъ на дворѣ встрѣчаетъ соборянъ. Веселый, смѣющійся.

— А я, братіе, передъ обѣдомъ-то всегда немного въ саду похожу, а тутъ еще какъ на грѣхъ у Митрошки-повара и уха не готова. Ой, отправлю жидомора на мельницу!.. Знаете ли: и по хозяйству въ это время посмотрю... Вѣдь, все у меня лежебоки... Гдѣ водовозъ, гдѣ кучеръ, гдѣ Аоонька? У! Убѣгутъ и не сыщешь...

— Вотъ, мнѣ эта полѣница дровъ не нравится, — продолжалъ владыка, — совсѣмъ по-моему не на мѣстѣ. Вонъ бы ей гдѣ быть,— указалъ онъ въ дальній уголъ двора.— Какъ по-вашему, о. протоіерей?

— И по-моему, ваше преосвященство, гораздо приличнѣе дровамъ тамъ быть,— подобострастно, съ лисьей ужимкой, отвѣтилъ о. каоедральный.

— Вотъ, спасибо! Какъ я радъ, что вы со мной согласны,— весело сказалъ владыка, а затѣмъ, моментально снявъ рясу и перекинувъ ее черезъ рѣшотку палисадника, взялъ изъ полѣницы четыре полѣна и понесъ въ уголъ двора, приговаривая:

— Сейчасъ же покажу примѣръ, а то мои лежебоки никогда не приступятъ къ дѣлу...

Соборяне, потоптавшись немного, тоже взялись за полѣнья и, нехотя, потянулись за владыкой...

— Ахъ, дорогіе мои! Дѣтушки мои милые,— закричалъ преосвященный:— помочь захотѣли! вотъ, утѣшили!..

А самъ взялъ новыхъ четыре полѣна и опять понесъ. Но, это уже въ послѣдній разъ...

— Да вы бы, братіе, рясы-то сняли, удобнѣе будетъ,— сказалъ онъ, а я пока побѣгу, Митрошку изверга палкой по спинѣ промѣряю... Лѣнивецъ! Ишь ты, уха не готова. Я тебѣ покажу!.. И, взявъ рясу, владыка ушелъ домой.

Въ полѣницѣ было саженей двадцать. Трудились, трудились соборяне,— ихъ было одиннадцать человѣкъ, — и часа черезъ полтора кончили... Подрясники — хоть выжми!

— А какъ же съ закуской? — спросилъ протодіаконъ. — Хорошо бы стомаха ради... Митричъ,— обратился онъ къ одному изъ иподіаконовъ сѣденькому, точно съ оборванными сзади волосами,— ткнись-ка къ Аонькѣ черезъ заднее крыльцо, можетъ, владыка-то ждетъ.

Митричъ мигомъ слеталъ и полушопотомъ доложилъ:

— Владыка почивать изволятъ...

Ушли соборяне, бѣлье перемѣнили, да дома пообѣдали, подъ хохотъ своихъ женъ...

На другой день владыла прислалъ келейника сказать, чтобы опять всѣ соборяне пожаловали. А на архіерейскомъ дворѣ имъ было объявлено, что дрова на прежнее мѣсто нужно переложить...

На третій та же исторія; да и на четвертый то же...

Тѣмъ дѣло и кончилось. И ни однимъ словомъ не вспомналъ владыка эту исторію".

Пастыри, „брегущіе стадо".

Въ одномъ изъ послѣднихъ сборниковъ „Знанія" была напечатана повѣсть С. Гусева-Оренбургскаго „Въ глухомъ уѣздѣ". Вотъ какъ въ этомъ „глухомъ уѣздѣ" служатъ такъ называемые скотскіе молебны.

„Надъ селомъ сквозь мглу, какъ багровое око, всходило солнце, тусклое отъ густой пыли. Озаренная имъ церковь словно пылала; ея окна отливали пламенемъ, а деревья, хаты и кипѣвшая оживленіемъ площадь были пропитаны какъ бы отсвѣтомъ пожара. Толпа казаковъ, ребятъ и бабъ въ цвѣтныхъ платкахъ окружала столъ посреди площади, гдѣ батюшка освящалъ воду. А улицы и переулки, запруженныя стадами голодныхъ коровъ, овецъ, быковъ и лошадей, рождали тысячеголосый гомонъ, ревъ и ржанье, нетерпѣливый вопль животныхъ, странно сливавшійся съ пѣніемъ хора.

— ...Фроле и Ла-а-вре, молите Бога о на-а-съ!

Слышался густой голосъ дьякона:

— Сначала рогатыхъ!

У табуновъ суетились пастухи и ихъ помощники, верховые и пѣшіе. Они свистѣли, хлопали кнутами, хрипло кричали:

— Держи овецъ-то... Требуютъ рогатыхъ!

— Да не стоятъ онѣ...

— Поговори еще...

— Сто-о-й! Куда вы, че-е... Господи!

Колокола весело трезвонили надъ всѣмъ этимъ гомономъ.

О. Онуфрій въ малиновой ризѣ и скуфьѣ на густыхъ волнистыхъ волосахъ имѣлъ видъ торжественный. Рядомъ съ нимъ, въ малиновомъ стихарѣ, гордо возвышался дьяконъ, человѣкъ очень важный, съ выпуклой грудью, круглой черной бородой и строгими агатовыми глазами. Онъ густо и солидно откашливался.

Противъ стола казаки образовали пѣшую улицу, гдѣ долженъ былъ двигаться скотъ. О. Онуфрій вооружился кропильницей. Передъ нимъ на столѣ стояла большая водосвятная чаша со святой водой, а по бокамъ стола двѣ зеленыхъ запасныхъ кадушки.

— Пропускай съ Богомъ!—сказалъ дьяконъ.

А самъ взялъ большое мѣдное блюдо и всталъ сбоку.

— Го! Гонъ! — звучало по площади. — Тпру-у-у... Сто-й! Но-о...

Пыль поднималась густыми облаками.

У стола показались быки.

Они торопились, наступая другъ на друга, испуганно мычали, вертѣли головой и дико озирались выпуклыми глазами. Болѣе строптивыхъ вели работники, крѣпко обнимая за шею и держа за рога.

— Чьи?—солидно спрашивалъ дьяконъ.

— Купріяновыхъ.

— Разъ, два... три,— считалъ дьяконъ.

А батюшка кропилъ.

Купріяновъ, въ синемъ кафтанѣ, стоялъ возлѣ дьякона и посмѣивался.

— Не считай, о. дьяконъ... двадцать двѣ головы.

— Анъ двадцать три! Пятачокъ зажилить хочешь?

— Отъ земли вѣдь не видать бычка-то: какая же это голова!

— Благодати-то, братъ, на него не меньше требуется. Плати, плати!

На блюдо со звономъ падали монеты.

Нѣкоторыхъ дьяконъ останавливалъ и съ упрекомъ говорилъ:

— Ты что-же это, Парфенъ... только одну гривну положилъ, а?

— Такъ точно, о. дьяконъ.

— Много ли на гривну придется, разсуди-ка!

— Бѣдность, о. дьяконъ...

— Добавь, добавь... Господь сторицею воздастъ!

Парфенъ добавлялъ, а дьяконъ говорилъ батюшкѣ:

— Спрысните еще разокъ: человѣкъ-отъ славный!

Батюшка кропилъ.

Солнце всходило все выше, но сквозь пыль казалось еще багровымъ. Становилось жарко, душно... О. Геннадій (племянникъ о. Онуфрія, зафхавшій по дѣлу) развлекся видомъ этого потока животныхъ... и удивлялся системѣ дяди: кропить каждую голову отдѣльно. Онъ рѣшилъ принять это къ свѣдѣнію.

„И благочестиво... и доходно!“ — невольно подумалъ онъ.

Но не удержался отъ шутки.

— Сколько, однако, дядя, у тебя прихожанъ-то, — прошепталъ онъ, наклонившись къ нему.

О. Онуфрій лукаво взглянулъ и улыбнулся.

— Если съ курами считать,— еще больше будетъ. У меня дьяконъ одну молитву для куръ приспособилъ... отъ лисъ и татей! Вродѣ страхованія...

Трезвонъ не умолкалъ.

За быками долго прогоняли коровъ, потомъ овецъ, потомъ козъ. Тутъ было вышла исторія съ козломъ. Козелъ былъ великолѣпный, красивый, его съ трудомъ вели два казаченка за рога, а онъ трясъ бородою и упирался. Внезапно дьяконъ воспылалъ гнѣвомъ и, высоко поднявъ надъ головой еле видную монету, закричалъ:

— Прихожане! Будьте свидѣтелями. Я получилъ копейку за селивановскаго козла!

— За козла! — отозвалось въ толпѣ.— Копейку...

И пошло кругами по площади:

— Копейку... за козла!

— Оставьте,— смутился о. Онуфрій,—стóитъ ли шумъ поднимать... извѣстный скупецъ и сутяга!

— Нѣтъ! Не оставлю! Вѣдь это не въ первый разъ...

Дьяконъ грозно повернулся къ толпѣ.

— Селивановъ Бога обмануть хочетъ!

И обернулся къ о. Онуфрію.

— Батюшка! Каплю... больше не кропите!

И дьяконъ долго не могъ успокоиться, гнѣвно пожималъ плечами, откашливался. Онъ сгребалъ горстями съ блюда монеты и высыпалъ ихъ въ карманы, отчего постепенно полнѣлъ и ширился. На колокольнѣ сторожа

смѣнили любители и звонили не умолкая. „Динлинь-динлинь-динлинь“, — мелодично пѣли подголоски, а большой колоколъ медлительно выводилъ свое: „дло-о-нъ“... Пѣвчіе охрипшими голосами пѣли тропари разнообразнымъ святымъ и припѣвъ:

— ...Вла-а-сіе, моли Бога о насъ!

Уже батюшка отмоталъ правую руку и, переложивъ въ нее крестъ, кропилъ лѣвою, а вода стала изсякать и во второй кадушкѣ, когда, наконецъ, погнали лошадей. О. Онуфрій былъ любитель красивыхъ лошадей. Онъ, устало щурясь, ласково провожалъ ихъ глазами, иногда заводилъ и разговоръ.

— Атамановъ, кажется, жеребецъ-то?

— Атамановъ, батюшка.

— Какъ зовутъ-то?

— Ухарь.

— Хоро-о-шъ. Ишь, грива-то какая... Авессаломъ, Авессаломъ! Ну, благослови его Господь.

И онъ кропилъ.

Жеребецъ пугливо поджималъ ноги, безпокоился и фыркалъ, и дьяконъ басовито покрикивалъ:

— Проводи, проводи, Иванъ Кирилычъ, не задерживай... получилъ на свою долю. и ступай!“

Мучители-мученики.

(„Шпитаты“ С. Подъячева.)

С. Подъячевъ въ своей „картинкѣ съ натуры“ („Рус. Бог.“, мартъ) задался скромной цѣлью обрисовать безпросвѣтно-горькую, возмутительно-жестокую долю тѣхъ несчастныхъ грудныхъ младенцевъ, которыхъ берутъ изъ воспитательныхъ домовъ на выкормку промышляющія этимъ деревенскія бабы. Но,—быть можетъ, неожиданно, незамѣтно для самого автора,—перспектива „картинки“ углубилась, рамки разсказа раздвинулись, центръ тяжести перемѣстился, и передъ нами уже не просто набросокъ-эскизикъ, мимоходомъ записанная сценка, а большое, захватывающее полотно. Мы вдругъ увидѣли, что люди-звѣри, палачи этихъ безжалостно брошенныхъ на произволъ судьбы „шпитатовъ“—сами такіе же жалкіе, безпризорные и беззащитные *шпитаты*. И съ ужасомъ думаешь о томъ, что ихъ, мірскихъ подкидышей, поразбросано по широкому лицу земли русской уже не сотни, не тысячи, а милліоны, милліоны... и что ими вѣдь тоже „питаются“, какъ и настоящими шпитатами,—тѣ, „верхнія десять тысячъ“...

Запоздалому путнику, отъ имени котораго ведетъ разсказъ С. Подъячевъ, въ глухую ноябрьскую ночь пришлось искать ночлега въ встрѣчной деревенькѣ. Изба, куда онъ попалъ, представляла зрѣлище самой отчаянной нищеты, грязи, запущенности. Разговорились съ хозяевами. Вышло такъ, что хозяинъ упросилъ своего случайнаго гостя послать за водкой къ „Бурихѣ“—„за половинкой“. Пока мужикъ добывалъ водку, хозяйкѣ поручили поставить самоваръ, такъ какъ у захожаго человѣка оказался съ собой чай.

„...Мы остались вдвоемъ. Баба подошла къ люлькѣ, откинула тряпку, посмотрѣла и про себя сказала: — Спятъ, угомонились...—и, повернувшись ко мнѣ, добавила: —наказанье мнѣ съ ними, голова кругомъ идетъ... боюсь, какъ бы помраченіе мозговъ не сдѣлалось...

— А что?..

— Да орутъ все и день и ночь, и день и ночь. Грыжа что-ли, несъ ихъ знаетъ!.. и не подыхаетъ, замѣть, ни одинъ... Наказанье Господне!..

— Больны, стало быть?..

— Притка ихъ знаетъ... надоѣли... николи у меня такихъ не было...

— Сколько же ихъ у тебя тамъ?—заинтересовавшись и все еще не понимая путемъ, въ чемъ дѣло, спросилъ я.

— Да двое... оба парнишки... одному-то году нѣтъ, а другому-то поболѣ... плохіе-то расплохіе... помрутъ безпремѣнно...

— Жалко?

— Чего ихъ жалѣть-то... не свои, чай... шпитаты...

— А-а-а! — протянулъ я, понявъ въ чемъ дѣло.—Ну, это дѣло другое... а свои-то гдѣ?..

— На печкѣ... тоже смерти молю и напимъ... подохли бы — свѣчку поставила бы... Такъ разводить самоваръ-то? — спросила она, перебивая свою рѣчь.

— Разводи.

— А у тебя много ль добра-то этого? — спросила она отъ печки.

Я не отвѣтилъ ей и въ свою очередь спросилъ, думая о „шпитатахъ“ въ люлькѣ.

— Что-жъ, у васъ корова есть?

— Какая у насъ, батюшка, корова!—какъ-то даже радостно крикнула баба, точно я спросилъ у ней что-то смѣшное.—Что ты это, Господь съ тобой!.. нѣтъ у насъ ничего... ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни собаки... одна кошка да пѣтухъ съ курицей... Ничего нѣту, все разбойникъ рѣшилъ!..

— Какъ же вы живете-то?.. чѣмъ?.. по міру, что ли, ходите?..

— Нѣтъ, пока Богъ миловалъ... по міру

не ходимъ... Шпитатами вотъ питаемся... ими живемъ...

— Та-а-къ! — протянулъ я опять, понявъ, въ чемъ дѣло.

— По четыре бумажки за каждаго получаю въ мѣсяцъ,—продолжала она,—восемь за двоихъ-то... Кой-какъ дышимъ.

— А какъ помрутъ?

— А другихъ дадутъ... мало этого добрато, что ли?

— Да какъ же тебѣ дадутъ-то? Небось, тоже не зря даютъ... не щенки вѣдь?

— Знамо, не щенки... На молоко даютъ.

— На какое молоко?

— На материнско.

— Да какое же у тебя молоко?

— А я за выносъ плачу... мнѣ не самой даютъ... мнѣ выносятъ.

— Это что же за штука такая „выносятъ“, не пойму я... какъ такъ?

Баба засмѣялась, отошла отъ печки и, усѣвшись къ столу, насупротивъ меня, воскликнула:

— Да неужли-жь ты не знаешь... не слыхалъ, какое это дѣло?

— Да не къ чему мнѣ было знать-то, сказалъ я.

— А это, вишь ты, какъ дѣлается... разскажу я тебѣ, родной ты мой, какъ звать тебя не знаю, очинно все просто... Помретъ нотъ, скажемъ, у меня щенокъ, сейчасъ я бабу начну искать по слухамъ, которая недавно родила... найдется такая бабенка подходящая... я къ ней... такъ и такъ, молъ, много ль возьмешь за выносъ? Ну, за рублевку, за полтора, глядя какъ по человѣку, стакаемся... Пойдетъ она въ Москву въ гошпиталь... оттеда мнѣ и вынесетъ младенца, а ужъ я тутатко сама съ нимъ какъ хочу... Про-о-стое, родной, дѣло!..

— Чудно!—воскликнулъ я.—Ну, а какъ же потомъ-то ты съ нимъ?

— Рощу, кормлю, покедова не помретъ.

— Чѣмъ?.. коровы-то вѣдь нѣтъ.

— На соску сажаю.

— Живутъ?..

— Нѣтъ, у меня, Богъ миловалъ, не живутъ...

— Сколько же ты ихъ эдакимъ манеромъ— я хотѣлъ сказать: уморила, да языкъ не повернулся и я спросилъ:—выростила?

Она поняла и, глядя на меня мутными, точно въ нихъ кто-то свинцу налилъ, глазами, сказала:

— Двоихъ схоронила...

— Ну, а какъ не помрутъ,—спросилъ я,— выживутъ... тогда какъ?..

— Спаси, Царица Небесная! — съ нескрываемымъ страхомъ воскликнула баба.—Ну ихъ къ шуту!.. Вѣдь за нихъ за махонькихъ по четыре-то бумажки даютъ, а начни подростать, цѣна другая, все меньше, а тамъ годамъ къ шестнадцати и вовсе ничего не даютъ... ну ихъ къ ляду!

— Этимъ *промысломъ*, значитъ, живешь?.. А мужъ-то?

— Мужъ по рощамъ ходитъ... въ рощахъ работаетъ... Что жъ это онъ не идетъ какъ долго?—спросила она, глядя на меня.—Самоваръ сейчасъ поспѣетъ, а его все нѣту...

— Не знаю... А не загуляетъ онъ съ рублемъ-то?

— Притка его знаетъ... отъ него всего жди; стыда нѣту, потерянъ въ немъ стыдъ-то... Землю хочетъ продавать и съ мѣстомъ и съ усадьбой, двѣсти ишь ему даютъ за нее...

— А самъ то куда же... какъ?..

— Шутъ его знаетъ, объ чемъ онъ думаетъ!.. Пропьетъ все и концы въ воду. Хочу къ земскому сходить... остановитъ, можетъ... не дастъ вольничать-то. У меня дѣти, куда я съ ними дѣнусь?.. А, какъ думаешь, можно? не дастъ?.. остановитъ?...

— Не знаю,—сказалъ я, начиная чувствовать, что на меня находитъ какое-то особенное тоскливо-гнетущее настроеніе.—Не знаю... сходи...

— И то сходить надо, — сказала она и, поднявшись, направилась къ печкѣ. —Чу, бѣжитъ,—пріостановившись, сказала она. — Пылитъ! Нашъ атласъ не уйдетъ отъ насъ...

Дѣйствительно, на мосту послышались торопливые шаги, дверь распахнулась и въ избу, запыхавшись, вошелъ мужикъ.

— Заждались?—сказалъ онъ, сбрасывая съ себя на казенку одежду.— Какая штука-то — продолжалъ онъ, подойдя къ столу и ставя на него бутылку съ водкой. — Нѣту вѣдь половинокъ-то... всѣ расхватали! Я ужъ вотъ эту одну цѣльную взялъ... думаю себѣ: не пустому надоть бѣчь... все одно, думаю, коли не велитъ, назадъ снесу... деньги получитъ... На, сдачу-то получи... значитъ, пятьдесятъ двѣ за эту... Сколько сдачи-то?..

— Сорокъ восемь небось,—сказалъ я, глядя на его веселое, возбужденное лицо и читая на немъ, какъ по книгѣ.—Сорокъ восемь.

— Такъ-ли? Сосчитай, мотри, вѣрно-ли? Гляди, двугривенный-то не фальшивый-ли?.. Всучитъ — ищи потомъ ее... тоже бабочка-то огурчикъ... Ну, что жъ самоваръ-то? — обернулся онъ къ бабѣ, — Аксинь, самоваръ-то у тебя поспѣлъ? Закусить-то ты приготовь... грибковъ-то...

— Да ужъ сядь, сиди,—сказала баба, снимая съ „поспѣвшаго“ самовара трубу,— успокойся... завертѣлся, веретено... радъ! обрадовался на шельмовщинку-то... дорвался волкъ до падали. Ишь глазищами-то вертитъ... такъ бы, думается, все со стекломъ вмѣстѣ и слопалъ...

— Гдѣ грибы-то у тебя?.. Чо-о-ртъ! чума! ляпа!—заоралъ на нее мужикъ.—Я самъ возьму... ей, дьяволу, дѣло говорятъ по хорошему, русскимъ языкомъ, а она сейчасъ рыло на сторону... Посажу вотъ на цѣпь и тявкай... брехло!.. Гдѣ грибы-то? повторилъ онъ,— въ чуланѣ что-ли?..

— Погоди, успѣешь...

— Нечего годить, коли попъ пошелъ кадить... давай! человѣкъ усталъ... може, не жрамши... эдакая-то дорога... а она свое... И какъ тебя только Господь Батюшка, Царь небесный, донесъ — обратился онъ ко мнѣ.— Дивное, сейчасъ умереть, дѣло, какъ ты дошелъ только?.. Съ устатку-то тебѣ теперича и Боже мой какъ горе... Открыть что-ли пока?.. Спустить собаку съ цѣпи?..

— Какъ хочешь... открой, пожалуй...

Баба принесла откуда-то въ чашкѣ соленыхъ, осклизлыхъ соленыхъ грибовъ „волнушекъ“, поставила ихъ на столъ, отрѣзала два ломтя хлѣба, положила три заржавленныхъ съ самодѣльными ручками вилки и подала самоваръ.

— Садись,— сказалъ хозяинъ,— подвигайся... залѣзай за столъ-то... вонъ въ уголъ-то...

Я поднялся, перекрестился въ уголъ и, чувствуя себя хозяиномъ положенія, „залѣзъ“ въ передній уголъ.

— Чѣмъ пить-то будешь?—спросилъ хозяинъ волнуясь и горя нетерпѣніемъ поскорѣе „глотнуть“. — Рюмочку подать, али какъ? — И, не дожидаясь, что я скажу на это, продолжалъ:—Да чего, правда, рюмочкой-то... Не привышны мы къ этому... по нашему, разъ, выпилъ чашку и кончено, дальше ѣхать некуда!..

— Вѣрно,—согласился я и, наливъ чайную чашку водки, подалъ ему. — Пей... поправляйся...

— А ты самъ-то... ты хозяинъ!

— Пей...

Онъ взялъ и жадно выпилъ. Я налилъ еще и подалъ бабѣ.

— Пей.

— О-о-о!.. много...— сказала она — запьянѣю...

— А ты, дура, бери, пей, коли даютъ,— поддержалъ ее хозяинъ—не много будетъ... въ самый разъ!.. И не Господь ли тебя нанесъ сюды, ей-Богу, — обратился онъ ко мнѣ. — Думано-ли... анъ вотъ, видишь ты, Господьто!...

Баба приняла изъ моихъ рукъ чашку и стала не пить, а „тянуть“ изъ нея водку какъ-то особенно долго и мучительно гадко.

Она выпила всю, обтерлась рукавомъ и, облизнувъ губы сказала:

— Спасибо, родной, за угощенье!

— Не за что,— сказалъ я. — Давайте теперь чай пить... тамъ вонъ у меня въ узелкѣ... дай-ко его сюда...

Она передала мнѣ узелокъ. Я досталъ купленный въ городѣ чай, распечаталъ четвертку и засыпалъ сколько надо въ грязный съ отбитымъ носкомъ чайникъ. Баба заварила его кипяткомъ и поставила сверху самовара на канфорку настаиваться.

— А ребятишки-то,— спросилъ я, — тоже, небось, чаю хотятъ?.. Кликнула бы ихъ съ печки-то... чего они забились туда, боятся...

— А ну ихъ къ чорту! — отвѣтилъ хозяинъ,—ну ихъ... надоѣли... Челедня окаянная! Часокъ безъ нихъ посидѣть, воздохнуть... Не издохнутъ! Недавно ужинали, щи жрали.

Я посмотрѣлъ на него и сердце у меня сжалось.

„Да,—подумалъ я,—отъ этого жалости къ дѣтямъ, да и вообще къ кому бы то ни было ждать наврядъ ли можно“.

Онъ сидѣлъ напротивъ меня и вертѣлъ длинными, тонкими, дрожащими пальцами папироску. Худое его лицо было желтовато блѣдно... мосталыжки скулъ на обѣихъ щекахъ рѣзко выдѣлились впередъ... подъ глазами были синяки, точно у беременной бабы, а тонкіе, бѣлые, съ пѣной по угламъ губы, по истинѣ, были страшны... такъ вотъ и думалось, что онъ сейчасъ откроетъ ротъ и начнетъ кусаться...

— Погоди, всяѣ ночь спокою не дадутъ,— продолжалъ онъ. — Дай-ко вотъ эти, — онъ кивнулъ на люльку—сволочи-то подкустовскіе, глаза продерутъ... завязывай глаза да бѣги!

— Нескоро продеруть,—сказала повеселѣвшая, съ выступившими по щекамъ пятнами, баба,— не скоро!.. Я имъ маку дала... спятъ, аки мертвые...

— Маку?—переспросилъ я.

— Да... спасибо, научили добрые люди. Разотру его мелко на мелко, да съ чаемъ съ крѣпкимъ, либо такъ съ водицей тепленькой дамъ, они и спятъ, не блажатъ, аки убитые.

— Вредъ это имъ,—сказалъ я:—выростутъ, дураками будутъ.

— Наплевать, а намъ что! — равнодушно сказалъ хозяинъ и добавилъ, жадно затяги-

ваясь: — Небось, не выростутъ... отправимъ куда надо! этого добра много... другихъ дадутъ... тамотко ихъ дѣвать некуда... бери только, сдѣлай милость... Намъ деньги нужны, живемъ этимъ, существуемъ...

— Чѣмъ же ты ихъ кормишь-то?—спросилъ я, немного помолчавъ, у бабы.

— Да чѣмъ? Соску даю... нажую хлѣба... супу...

— Чернаго?

— А то какого же? рожна имъ... Когда, бываетъ, баранку нажую.

— А поишь чѣмъ?.. Молока, говоришь, нѣту.

— Пою-то?.. Чаю вотъ даю... водицы теплой... А то чѣмъ же болѣ?.. Не велики господа-то!.. Мнѣ ихъ выхаживать-то какой разсчетъ... Чѣмъ скорѣй помрутъ, тѣмъ для меня складнѣе...

— Такъ ты дала бы имъ прямо ужъ яду какого-нибудь,— сказалъ я—и конецъ... чѣмъ мучить-то.

Заньянѣвшая баба разсмѣялась.

— И то взаправду — сказала она, — дать нешто?.. Неловко только, боязно... обълѣздили узнаетъ. Да они и такъ не жильцы, они и такъ сдохнутъ и безъ яду. Тѣ вонъ у меня, двое тоже, обѣ дѣвочки, скорехонько убрались... Одна трое сутокъ только всего и пожила-то, а я подъ ея билетъ въ лавкѣ опосля этого два мѣсяца забирала будто подъ живую... Мнѣ разсчетъ... Въ тѣ поры у меня и дѣло-то это вновѣ было, дура я была, порядковъ не знала, всего боялась, теперя-то вотъ я привыкла, наглядѣлась, увидала, какъ добрые-то люди дѣлаютъ... Вонъ Наталья Баранниха шестерыхъ вынесла...

— Что жъ, всѣ и того... померли?..

— Всѣ, знамо, а то какъ же?

Я замолчалъ и глядѣлъ на нее. Она тоже съ улыбкой на тонкихъ губахъ глядѣла на меня и въ ея свинцовыхъ, еще больше помутившихся отъ выпитой водки, глазахъ, ничего не было и это *ничего* было, послѣ только что слышаннаго, невыразимо страшно.

— Перебилъ ты меня, не далъ досказать,— начала она снова — какъ я съ первыми-то... Принесла это я, помню, дѣвочку домой, думаю: чѣмъ поить?.. Дала чаю... сдѣлала крѣпкаго, раскрѣпкаго: думаю, посытнѣе. молъ... Кричитъ моя дѣвка, дерьмя деретъ... А онъ—она кивнула на мужа—говоритъ, какъ сейчасъ помню: „возьму, говоритъ, я ее за ноги да шпокну объ уголъ... только и всего, и не надоть мнѣ твоихъ четырехъ цѣлковыхъ“. Ну, ладно,— продолжала она, облизнувъ губы, — оретъ и оретъ. Я ей соску нажевала, сунула... стала сосать, затихла... уснула... Побѣжала я къ Баранихѣ... какъ, молъ, мнѣ... научи?..

— Благая, говорю, притка ее задави, навязалась... спокою нѣтъ... самъ сердится... „А ты, говоритъ, поди возьми въ лавкѣ на нее подъ билетъ крупъ грешневыхъ... свари кашку... давай ей... у ней животенько-то разопретъ съ каши-то... начнетъ пучить, она и замолчитъ. Помретъ, говоритъ, а ты подъ билетъ-то бери, не сказывай, что померла-то она... вотъ и все... А то, говоритъ, часмъ ее крѣпкимъ пои... тоже хорошо помогаетъ“... Такъ я и сдѣлала... сварила каши, дала ей... И что жъ ты думаешь, родной ты мой, въ эту жъ ночь раздуло у ней весь животъ... вотъ этакой сталъ... аки барабанъ, да синій весь... и сама вся поспнѣла... Кричала, кричала—померла!..

— Грѣхъ,—сказалъ я опять, не утерпѣвъ,— Нехорошо... Богу отвѣтъ дашь...

— Знамо дѣло, грѣхъ,—сейчасъ же согласилась она:— я и попу на духу про это же про самое сказывала.

— И-ну?—удивился я:—что жъ онъ тебѣ?..

— Да что жъ онъ?.. ничего, простилъ: ему то что?.. да опять нешто онъ не зваетъ нужду-то нашу... Да вѣдь и то сказать: куды ихъ дѣвать-то?.. много ихъ ужъ оченно, страсть!.. бери только, не жалко, еще наплащутъ!..

— Матерей бы паскудъ давить надоть,— сказалъ молчавшій хозяинъ. — Потаскушки, анафемы!.. Была тутъ у меня одна недавно, — продолжалъ онъ.— Пріѣзжала изъ Москвы на свое... глядѣть... Тамотко вѣдь извѣстно, куды отданъ-то... Узнала... пріѣхала... повернула хвостомъ да и лататы...

— И-и-и, батюшка, что было-то только!— вступилась и перебила его баба. — Что было-то! Слезъ-то сколько—конца краю нѣтъ! Пріѣхала это она съ машины по утру... гляжу я, Господи твоя воля, кто такое?.. Одѣта исправно по-господски, сама тонкая, молодая.

„Здѣсь, спрашиваетъ, младенецъ такой-то?“ — Здѣсь, говорю. — „Я, говоритъ, мать ему, посмотрѣть, говоритъ, хочу“... Посмотри, говорю. Вонъ они въ люлькѣ... Двое ихъ у меня, говорю. Твой вотъ этотъ. Посмотрѣла она, всплеснула руками, залилась... накатило на нее: сѣлъ объ полъ... очнулась, ужъ она надъ нимъ сидѣла, сидѣла, плакала, плакала, бормотала, бормотала что-то такое, не поймешь, про себя, видо мнѣ со стороны глядѣть жалко стало. — „Господи, говоритъ, грязный какой онъ... умретъ онъ здѣсь у тебя“... Ничего, говорю, сударыня, авось, Богъ дастъ, цѣлъ будетъ, выживетъ... Воля Божья!.. Улещиваю

это ее... думаю себѣ: не дастъ ли, молъ чего... умасливаю всячески...

— Умаслила, — перекосивъ ротъ злобной усмѣшкой, перебилъ мужъ. — Много дала: дала, сволочь, цѣлковый да и уѣхала... и то ужъ приставалъ я къ ней безъ короткаго, а то бы и цѣлковаго не дала: „Нѣту", говоритъ... Шлюхи! Нагуляютъ, набѣгаютъ, такъ и падоть... Ну ихъ къ чорту... Пей вино-то... глядѣть на него принесъ я, что-ли?.. Посуда чистоту любитъ.

Я молча, думая свои думы, налилъ ему еще чашку. Онъ еще съ большей жадностью, чѣмъ первую, выпилъ ее, запьянѣлъ и тогда я увидалъ, что сдѣлалъ на свою шею нехорошее дѣло.

Въ бутылкѣ осталась еще водка. Мужикъ сталъ приставать, чтобы я ему налилъ „остатки"... Баба, вѣроятно, зная по опыту, что будетъ изъ этого, не давала. Они стали ссориться. На печкѣ заплакали дѣти, и опять точно такъ же, какъ и давеча, раздался оттуда громкій шепотъ.

— Ма-а-мка... не давай!.. матушка, родима, не давай!..

— Молчи, чертенокъ, — повернувшись къ печкѣ, заоралъ мужикъ, — убью, сволочь, объ уголъ расшибу.

— Полно тебѣ, — сказалъ я, не зная, что дѣлать, — ну, на, выпей, не кричи только; давай, поговоримъ по хорошему...

— Чего она меня учитъ-то?.. чай я не махонькой... Я—хозяинъ. Водки ты мнѣ поднесъ, угостилъ, спасибо, а учить меня нечего... я ученъ переученъ... знаю... насквозь все вижу, въ комъ что есть... Рѣшаю все! — съ пьянымъ воодушевленіемъ вдругъ закричалъ онъ и ударилъ рукой по столу. — Все къ чортовой матери!.. не желаю!.. продамъ все!.. землю продямъ... срубъ, избу вотъ эту... яблони у меня есть... все!.. Купи.

— А самъ-то?..

— А ужъ это дѣло не ваше, сказала мамаша... Нѣтъ ли у тебя охотника?.. Скажи: продаетъ молъ, Ларивонъ Орловъ все... У меня живо! Орелъ, вѣдь, я, а? Какъ по твоему, а? Орелъ?

— Орелъ, — согласился я, глядя на его страшное чахоточное лицо и ругая себя за то, что напоилъ его: — Орелъ... Ложись теперь спать, да и я лягу: усталъ... ноги болятъ...

— Что ты меня укладываешь-то?.. спи, а я не хочу... не желаю я спать... Орелъ я, а?.. говори: орелъ, а?..

— Да отстань! чего ты пристадъ-то къ человѣку? — вступилась баба, — налилъ бѣльмы-то... дорвался...

— Мо-о-лчи...

— Ну, ну, а ты не очень-то шебаршито! — повысивъ голосъ, сказала баба, — не очень-то тебя, гнилого пса, боятся... По намедниншему ошарашу полѣномъ, тронь только... Пришибу, истинный Господь, какъ собаку, и отвѣчать не стану... Сиди ужъ, гдѣ сидишь... лопай, чортъ паршивый!..

Мужикъ, къ крайнему моему удивленію, ничего не отвѣтилъ на это, замолчалъ и глядѣлъ на нее, моргая глазами да облизывая языкомъ углы губъ, гдѣ выступила бѣлая слюна — пѣна...

— Вонъ... Аннка, — продолжала она. — Воюй вонъ съ ребятами!.. не больно-то тебя боятся... страсть какая... дармоѣдъ дохлый... куда ты годенъ-то?.. на фабрикѣ жилъ, — обратилась она ко мнѣ — прогнали... руки длинны... протягивать сталъ, гдѣ плохо лежитъ... Въ городъ поступилъ въ сторожа, выхлопотала я ему черезъ знакомую одну, къ Василь Василичу Россолову, знаешь, небось? — прогвали... не нуженъ... теперича вотъ по рощамъ ходитъ... въ рощахъ работаетъ... А какой онъ работникъ? Какая отъ него прибыль? Грѣхъ одинъ. Кабы не я... кабы не шпитаты эти, истинный Господь, надѣвай суму да и иди по міру... Только шпитатами и дышимъ... кормимся ими... Ты давеча вонъ сказалъ: „грѣхъ"... Знамо дѣло, грѣхъ, а какъ быть-то, научи... Сладко мнѣ тоже? Нешто я такъ бы жила-то, кабы не этотъ чортъ? Подохни онъ, у меня совсѣмъ другое дѣло пойдетъ... и землю бы не бросила... держала бы... и коровка была бы, все бы было!

— Оно и видно, — ухмыляясь, пропзнесъ мужикъ — хвалится!.. Куда ты безъ меня... хы... дура! Пропадешь какъ капустный червь!.. ду-ура, болѣ никакихъ!.. Знамо дѣло, я тебѣ теперича не нуженъ, по хворости по своей не ублаготворяю тебя, паскуду... тебѣ другой нуженъ... Гришка, вонъ, рязанецъ съ барскаго двора теперича тебѣ нуженъ... онъ, знамо, скуспѣе...

— А тебя завидки берутъ, а? Хи, хи, хи!.. Не съ тобой сравнять, извѣстно... испугалась я тебя... Я не таюсь, передъ добрыми людьми скажу, не испугаюсь... все, глядишь, какой цѣлковый добуду... все въ домъ... тебя же, чорта, содержу, кормлю... щенятъ вонъ твоихъ... нарожалъ, а кормить не можешь... мо-о-лчи ужъ! Для тебѣ безъ меня не прожить, часу... издыхалъ бы ужъ что ли, скорѣе... къ одному бы концу... развязалъ бы мои руки... разбойникъ, воръ!.. ничего положить нельзя... изъ дома тащитъ... Какъ чуть что не доглядѣла, не убрали — не зови своимъ: пропадетъ... Такъ

и глядитъ, какъ бы что стащить. Намедни что... положила восьмушку чаю на полку вонъ... отвернулась куда-то... по воду что ли пошла— прихожу — ни его, ни чаю. А, да все равно, что объ стѣну горохъ слова мои ему... Вотъ только и мастеръ, и уменъ на два дѣла: вино пить, да на гармошкѣ играть: гармонью себѣ завелъ... все лѣто, должно быть, за нее работалъ; бережетъ пуще Богъ знаетъ чего... ты погляди-кась какая... ума ряхнешься... Жрать нечего, за то жить весело. Вотъ и зудитъ на ней и будни, и праздникъ, тѣшитъ самъ себя, словно некрутъ... дураку забаву Богъ послалъ... говорить стыдно... дуракъ да и все!.. А какъ вотъ глотнетъ этого-то,— она кивнула на бутылку—чортъ чортомъ сдѣлается... такъ и гляди, чего бы не спалилъ... звѣрь звѣремъ!.. Что глядишь?.. что глядишь-то, — оборотилась она къ нему — бѣльмами-то хлопаетъ!.. неправду говорю?.. Чѣмъ такъ-то сидѣть, — продолжала она помолчавъ, — ты взялъ бы гармонь да сыгралъ бы, гостя потѣшилъ... Все лучше, нечѣмъ лаяться-то...

— Да не надо, пожалуй, — сказалъ я — спать бы лечь...

— Рано... успѣешь... ночь-то годъ... Да опять все одно спать не придется... проснутся, гляди, щенки-то... дадутъ тебѣ спокой, дожидайся... Сыграй, Андрюхъ.

— Такъ я тебѣ и сталъ задаромъ-то, — сказалъ сильно захмѣлѣвшій мужикъ—ишь ты... на кой ты мнѣ!

— Да тебѣ и не сыграть сейчасъ,—подзадорила, очевидно, хорошо знавшая его слабую сторону баба и подмигнула мнѣ глазомъ,— гдѣ тебѣ: распустилъ слюни-то... гдѣ ужъ тебѣ сыграть!.. не можешь... не умѣешь.

Она прямо попала въ цѣль. Мужикъ сразу обозлился и крикнувъ:—кто, я не умѣю?— сорвался съ мѣста, нагнулся, подлѣзъ подъ казенку и досталъ оттуда футляръ съ гармоніей.—Я не умѣю,—повторилъ онъ, ставя его на полъ около стола, — я... ахъ ты, трепло чортово!

— Отъ такого слышу...

— Я не умѣю?—повторилъ опять онъ, открывая футляръ и доставая оттуда прекрасную, изящно сдѣланную, большую, такъ называемую „вѣнскую“, вѣроятно, стоившую хорошихъ денегъ гармонію.

Онъ взялъ ее, перекинулъ широкій ремень черезъ плечо, сѣлъ и, посмотрѣвъ на меня, пробѣжалъ тонкими и длинными пальцами по клавишамъ.

— Чего тебѣ сыграть?—спросилъ онъ.

— Все равно, играй что хочешь,— заинтересовавшись, отвѣтилъ я.

Онъ опять пробѣжалъ по клавишамъ и вдругъ, приподнявъ немного голову и не глядя на насъ, запѣлъ чистымъ, высокимъ, легкимъ альтомъ:

„Въ далекихъ краяхъ Забайкалья,
Гдѣ золото роютъ въ горахъ,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился съ сумой на плечахъ“...

Пропѣвъ, онъ сейчасъ же это самое заигралъ на гармоніи и, удивительное дѣло, услышавъ эти прекрасные, неожиданно ворвавшіеся, точно прилетѣвшіе, Богъ знаетъ откуда, сюда въ эту убогую избушку, жалобные, плачущіе и тоскующіе звуки, я почувствовалъ, что у меня точно что-то сразу оборвалось въ груди и что мнѣ трудно дышать и хочется плакать...

„Идетъ онъ густою тайгою,
Гдѣ иглашки одни лишь поютъ,
Котелъ его сбоку тревожитъ,
Сухарики съ ложкою бьютъ“...

Запѣлъ онъ опять и это же самое, только гораздо лучше пропѣла гармонія...

„Бродяга къ Байкалу подходитъ,
Рыбачью тамъ лодку беретъ,
Унылую пѣсню заводитъ
Про родину что-то поетъ“.

продолжалъ онъ дальше, и мнѣ подъ это пѣніе и игру дѣлалось все грустнѣе и грустнѣе. Мнѣ почему-то стало жалко и его, и „шпитатъ“ въ люлькѣ, и другихъ, а пуще всего самого себя. Я закрылъ глаза, слушалъ, и быстро и необыкновенно отчетливо проносились передо мной картины изъ моей жизни... Дѣтство, юность, любовь, пьянство, нужда, грязь, мерзость всякая, ложь... все развертывалось, какъ клубокъ съ нитками, и иное трогало и хотѣлось возвратить его, а иное, чего было больше, возмущало, жгло стыдомъ, и хотѣлось забыть, отогнать, уничтожить его...

Онъ кончилъ, посмотрѣлъ на меня и, очевидно, увидавъ и догадавшись, что произвелъ на меня впечатлѣніе, засмѣялся и сказалъ:

— Что, орелъ я, а?.. Какъ по твоему, орелъ?..

— Орелъ — повторилъ я. — Играешь хорошо... Гдѣ учился?

— Нигдѣ не учился. Я къ этому съ издѣтства приверженъ. Другіе вонъ ребята, бывало, въ карты норовятъ, къ дѣвкамъ спать, а я все съ гармоніей... охота моя... люблю!.. Меня на балы играть зовутъ... Попъ, вонъ, когда именинникъ, прикащикъ, учитель въ городъ зовутъ на свадьбу, на имянины, до-пьяна поятъ, а ужъ ѣшь, что твоей душенькѣ угодно... Деньгами даютъ.

— Не дешево небось стоитъ?— спросилъ я, кивнувъ на гармонію.

— Семнадцать цѣлковыхъ далъ, какъ единую копейку!.. Въ Москвѣ бралъ, на Тверской въ магазинѣ.

— При нашихъ-то достаткахъ все такія гармоньи покупать,— вступилась баба—замѣсто ея-то три мѣшка муки бы... безъ малаго на полгода ѣды... Все лѣто на эту гармошку и работалъ... Скажи, какой грошъ расколотый подалъ въ домъ?... ничего не подалъ?.. одна все и бьюсь... гдѣ на поденку, гдѣ какъ. Да кабы не шпитаты вонъ — издохнуть бы надо...

Мужикъ промолчалъ и бережно обтеръ подоломъ рубашки крышку у гармоніи и такъ же осторожно уложилъ ее, точно мать ребенка, въ футляръ и спряталъ подъ казенку.

— А, ну тебя къ чорту и съ работой-то съ твоей и со шпитатами-то! Надоѣла... всѣ глаза проколола... ѣстъ, какъ ржа желѣзо... Скажу вотъ объѣздному слово одно... узнаешь, каки шпитаты.

— Чего ты скажешь-то?

— Я знаю чего...

— Говори... такъ тебѣ и повѣрили, пьяницѣ, дармоѣду... Сиди ужъ. Развезло...

Они опять сцѣпились и, повидимому, дѣло у нихъ дошло бы до серьезнаго, если бы вдругъ какъ-то неожиданно громко и жалобно раздавшійся изъ люльки крикъ ребенка не прекратилъ эту ссору.

— Теперича пойдетъ!—махнувъ рукой, сказалъ мужикъ.— На всю ночь!..

Онъ посмотрѣлъ, наклонивъ на бокъ голову и прищуривъ глазъ, на бутылку.

— Допить бы ужъ, осталось маленько, а? Самъ ты мало пьешь... Чего на нее глядѣть-то?..

— На, пей, — сказалъ я, отдавая ему бутылку,—да и спать пора... Я тутъ вотъ на скамейкѣ и лягу... можно, что-ли?..

— Ложись, гдѣ хошь... тѣсно только... неловко тебѣ...

— Ничего, какъ-нибудь пролежу ночь-то...

— Знамо... въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... такъ вѣдь, а?.. Какъ тебя?.. Михалычъ, а? Что, орелъ я?.. хы, хы, хы! Не умѣю играть, а?.. Орелъ я? Какъ тебя, а?..

Онъ допилъ водку и сидѣлъ, посоловѣвшій, тараща на меня глаза. Въ люлькѣ завопилъ и другой ребенокъ. Баба отдернула тряпку и сказавъ: „о, чтобъ вамъ издохнуть“, вынула оттуда одного изъ нихъ, и я увидалъ у ней на рукахъ что-то такое страшное и ужасное, отъ чего у меня невольно пробѣжалъ по спинѣ морозъ.

— Эва каки гусары! — сказала баба, подымая ребенка къ свѣту и показывая мнѣ,— вотъ и походи за ними...

Въ развернутой, грязной, мокрой, сильно пахнувшей тряпкѣ барахталось у нея на рукахъ, дрыгая ноженками, похожими на лучинки, пузатое, со сморщеннымъ, точно сморчокъ, личикомъ, живое существо и не плакало, а невѣроятно громко, жалобно, отчаянно вопило, заглушая все, такъ что звенѣло въ ушахъ...

Изъ люльки несся и вторилъ ему такой же вопль.

— Вотъ они, возьми ихъ за рупь двадцать,— сказала баба и начала „тюлюлюкать“ ребенка на рукахъ, кидая его, какъ чурбашку.

— Ишшки, ишшки!—говорила она,—ишшки! О, чтобъ вамъ издохнуть, дай Господи!

— Стукни его вотъ объ печку объ уголъ-то,— посовѣтовалъ пьяный мужикъ, — заткни ему пасть-то!.. набрала щенятовъ... спокою нѣтъ... Удавить ихъ, вотъ, взять у тебя на крестѣ...

— Молчи, дьяволъ! — огрызнулась баба,— сиди ужъ, жри... Да ну, чего ты орешь то, зепло! — набросилась она на ребенка и начала еще шибче швырять его, такъ что онъ весь посинѣлъ. — Чего тебѣ недостаетъ-то? жрать хочешь?.. на, на, на! да на вотъ, чертенокъ!— Она взяла со стола хлѣбнаго мякиша, разжевала его и стала совать ребенку въ ротъ.— На, жри!.. па, подавись! засадъ тебѣ въ глотку-то! На, на, на! О, чтобъ васъ чортъ-то задралъ, окаянная сила!..

— Да будетъ тебѣ, — сказалъ я, не утерпѣвъ,—чего ты его, дура, мучаешь-то!..

— Дура!— злобно передразнила она меня,— ты уменъ больно... пришелъ нивѣсть откуль... на, уйми, коли уменъ! Всякой чортъ придетъ, лается тоже... Дура!—повторила она.—Не дурѣй тебя.

И, обозлившись отъ моихъ словъ и сдѣлавшись похожей на какую-то вѣдьму, грязная, длинная, полупьяная, она съ какимъ-то остервенѣніемъ начала швырять ребенка.

— Что-жъ мнѣ дѣлать?—подумалъ я, глядя на это истязаніе и чувствуя, что у меня все поднимается и дрожитъ отъ злости. — Уходить надо, пока не поздно, по добру по здорову въ другую избу... нельзя здѣсь быть... или какъ?..

— Брось!— сказалъ я опять.—Положи его въ люльку, да дай хоть воды въ сосокъ теплой изъ самовара, съ сахаромъ...

— Да ты что за учитель такой пришелъ, а? — опять набросилась она на меня.—Тебѣ-то что за забота?.. чего онъ тебѣ приболѣлъ очень?.. жалостливъ некстати... своихъ щенятъ иди нянчай...

— Ну, какъ знаешь, — сказалъ я, — а я уйду.

— Иди, шуть съ тобой!.. не заплачу...

И, окончательно обозлившись и желая сдѣлать мнѣ на зло, она схватила ребенка одной рукой, какъ-то по особенному, за бочокъ, и буквально швырнула его въ люльку.

— Проклятые!—со слезами въ голосѣ крикнула она и вдругъ заплакала и сѣла къ столу.

— За что я такую муку терплю? За что меня Господь, Царь Небесный, наказалъ только?!—начала, вой, причитывать она, и ея вой, соединившись съ воемъ дѣтей въ люлькѣ, сталъ похожъ на вой волковъ, когда они осенью, темной ночью, гдѣ-нибудь въ лѣсу, одурѣвшіе отъ голода, на разные голоса, задравъ кверху морды, необыкновенно дико и вмѣстѣ жутко-жалобно воютъ, жалуясь на свою проклятую долю.

— Я говорилъ давеча тебѣ, спокою у меня нѣту, — сказалъ мужикъ, покуривая и поплевывая на полъ.—Вотъ вишь, адъ кромѣшный, болѣ никакихъ!.. Пойдемъ къ Бурихѣ, я тебя сведу... тамъ у ней почуешь... половиночку еще купишь, раздавимъ и, Боже мой, какъ гоже!..

— Я тѣ дамъ половиночку, своихъ не узнаешь!—крикнула баба.

— А что ты мнѣ за указка?.. Боюсь я тебя, какъ лѣтошняго снѣгу... Надо же человѣка-то проводить... дура, ляпа!

— Самъ найдетъ, не маленькой провожать-то его... сумѣлъ приттить, сумѣетъ и уйтить... нишь ему загорѣлось... не сидится... учитель тоже... дивн барынь какой, господинъ, крику слышать не можетъ... много васъ учить-то, а ты поживи на моемъ мѣстѣ...

— Чего ее слушать, — опять сказалъ мужикъ — ее вѣдь не переслушаешь. Пойдемъ, да и все... чего тутъ-то сидѣть, вой-то слушать... тамъ, по крайности, въ тишинѣ и все такое... пойдемъ!

— Нѣтъ, не пойдешь! — задорно крикнула баба и встала, держа въ рукѣ какую-то тряпку.

— О-о-о!—такъ же задорно пропѣлъ мужикъ.— Нишь ты... и-да... испугался... тише, военный, портки разорвешь!.. Пойдемъ,—снова обратился онъ ко мнѣ.—Гармошку захватимъ, раздѣлаемъ подъ орѣхъ, дальше ѣхать некуда!

— Нѣтъ, не пойдешь!— повторила опять съ удареніемъ баба. — Не пущу! Ты гулять будешь, а я одна вертись за всѣхъ за васъ, какъ сучка какая... нишь, ты!

— Что мнѣ съ тобой тутъ, обнявшись, сидѣть?.. нянька я тебѣ?

— Нянька не нянька, а сиди, слушай. Не одной мнѣ за щенятами-то ходить... за своими-то ходи, да за этими вотъ за проклятыми...

— А кто тебѣ велѣлъ брать?.. завистлива больно!.. а надоѣло—взяла да придушила, аль дала чего... всего и дѣла... объ чемъ толковать-то... пойдемъ! ну, ее къ чорту! пущай сидитъ тутъ... не привыкать ей... небось, не издохнетъ... а мы выпьемъ... рвись ея сердце!..

Отъ этихъ его словъ произошло гадкое дѣло. Не успѣлъ еще онъ путемъ досказать ихъ, какъ она, обезумѣвъ отъ злобы, перегнувшись какъ-то и сдѣлавшись похожей на кошку, когда она, фыркая, съ поднятой шерстью, блестя глазами, стоитъ передъ носомъ боящейся схватить ее собаки, прыгнула къ мужу и ударила его не рукой, а ногой въ животъ. Мужикъ ухнулъ и упалъ навзничь... Вскочивъ, онъ бросился къ ней. Она взмахнула бывшей у ней въ рукѣ тряпкой, желая ударить его по лицу, но не попала, а задѣла за лампу и погасила ее. Въ избѣ моментально настала кромѣшная тьма и началось по-истинѣ что-то невѣроятно дикое и страшное. Въ непроглядной тьмѣ они сцѣпились, сквернословя во всю глотку. „Шпитаты“ въ люлькѣ и ребята на печкѣ визжали и вопили такъ отчаянно-жалобно, что невозможно было безъ содроганія слушать. Растерявшись и не зная, что дѣлать, какъ быть, я чиркнулъ спичкой и освѣтилъ избу. Пока она горѣла, я увидалъ, какъ мужъ и жена, забившись въ темнотѣ подъ койку-казенку, дрались и, какъ мнѣ показалось, кусали другъ дружку зубами, точно собаки. Я зажегъ другую спичку и тоже закричалъ, стараясь заглушить своимъ голосомъ и ихній крикъ, и вой дѣтей.

— Бросьте, дьяволы! Что вы дѣлаете?..

Не это не помогло. Тогда я опять зажегъ новую спичку и кое-какъ, торопясь, дрожащими руками засвѣтивъ лампу, полѣзъ разнимать ихъ.

Но и это не легко было сдѣлать. Мы всѣ трое свалялись въ одну кашу и отъ моего разниманья толка было мало. Они совсѣмъ одурѣли, перестали понимать, что дѣлаютъ, и я отлично видѣлъ, что, если бы у котораго-нибудь изъ нихъ было въ рукахъ какое-нибудь оружіе, напримѣръ, ножикъ, то непремѣнно произошло бы кровопусканіе.

— Бросьте! Бросьте! — кричалъ я, отпихивая то одного, то другого. Но они опять схватывались, и вотъ вдругъ, ужъ и не знаю какъ, въ пылу этого дикаго побоища, кто-то изъ нихъ задѣлъ или ударилъ нечаянно по люлькѣ и она отъ этого удара, описавъ дугу, ударилась объ столбъ казенки и изъ нея вылетѣло на полъ скорчившееся, пронзительно вопіющее, несчастное тѣльце.

— Батюшки, свѣты,—закричала баба, увидя это.—Убилъ!.. убилъ, мошенникъ, убилъ!

И вдругъ, подскочивъ къ окну, наклонившись къ стекламъ и приложивъ ладони по обѣимъ сторонамъ рта, закричала:

— Караулъ! карауль! карауль!.. убилъ... карауль! убилъ... а-а-а! а-а-а! карауль!..

Я бросился къ ребенку и взялъ его на руки. Сердце мое сжалось и ужасъ наполнилъ душу.

— Господи,—закричалъ я, что вы дѣлаете?! что вы дѣлаете, несчастные люди?!

— Наплевать! — совершенно равнодушно, точно ничего особеннаго и не случилось, сказалъ мужикъ, отряхиваясь и приглаживая на головѣ рукой волоса, — не издохнетъ... а и издохнетъ, туда ему и дорога... другихъ, шкура, натащитъ... не привыкать стать морить-то... Погоди,—обратился онъ къ бабѣ, грозя кулакомъ.—Я съ тобой сдѣлаюсь...

Ребенокъ, весь посинѣвшій, страшный, легкій, какъ перышко, кричалъ и бился у меня на рукахъ и я не зналъ, какъ быть, что дѣлать.

Въ люлькѣ кричалъ другой, съ печки тоже неслась вой; переставшая кричать баба стояла лицомъ къ окну, всхлипывала и бормотала про себя что-то.

— Возьми ребенка,— обратился я къ ней,— убился...

Она обернулась ко мнѣ, посмотрѣла, хотѣла что-то сказать, но не сказала, а, зарыдавъ вдругъ необыкновенно громко и жалобно, выхватила его у меня изъ рукъ и бросила въ люльку.

— Провалиться бы мнѣ скрозь землю, нечѣмъ такъ жить!— произнесла она съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, что мнѣ стало ее жалко и совѣстно, что осуждалъ.— Въ удавку влѣзть легче...

Она завывала и начала качать люльку. Я, оглушенный этимъ общимъ воемъ и одурѣвшій отъ всего видѣннаго и слышаннаго, съ болью въ сердцѣ, съ мыслями о своихъ дѣтяхъ, схватилъ свой мѣшокъ, картузъ и, не прощаясь, выскочилъ за дверь на мостъ. Здѣсь, чиркнувъ спичкой, я увидалъ дверь на улицу и, отворивъ ее, сразу попалъ, точно окунулся, въ черную непроглядную тьму.

Изъ избы слышно было, какъ плакали дѣти и какъ опять, немного погодя, пока я стоялъ и приглядывался къ темнотѣ, начала ругаться баба, проклиная ихъ".

Дары средневѣковой мудрости.

(Изъ итальянскихъ новеллъ).

П. Муратовъ знакомитъ русскихъ читателей съ избранными и переведенными имъ итальянскими новеллами. Уже вышли два тома этого изданія („Новеллы итальянскаго Возрожденія"). Здѣсь, кромѣ общепризнаннаго главы новеллистовъ, Боккаччіо, представлены лучшими своими произведеніями десятка два писателей XIV—XVI вв. Среди этой пестрой массы разсказовъ, — то игривыхъ или насмѣшливыхъ, то спокойно-разсудительныхъ, то наивныхъ и трогательныхъ, то бурныхъ, полныхъ драматизма, — найдется нѣсколько миніатюръ, замѣчательныхъ по своей простотѣ и силѣ, и по глубинѣ или свѣжести мысли.

Три перстня. (Новелла автора XIV в.)

Когда султану понадобились деньги, ему посовѣтовали обвинить въ чемъ-нибудь одного богатаго еврея, жившаго въ его землѣ, и потомъ отнять у него имущество, которое было безсчетно. Султанъ послалъ за этимъ евреемъ и спросилъ его, какая вѣра самая лучшая, рѣшивъ въ своемъ умѣ такъ: „Если онъ скажетъ — іудейская или христіанская, я отвѣчу, что онъ оскорбляетъ мою вѣру. Если же скажетъ—сарацинская, я его спрошу: почему же ты самъ держишься іудейской вѣры?" Еврей, выслушавъ вопросъ своего повелителя, отвѣтилъ: „Государь, у одного отца было три сына. И у этого человѣка былъ перстень съ самымъ лучшимъ на свѣтѣ драгоцѣннымъ камнемъ. Каждый изъ сыновей просилъ отца завѣщать этотъ перстень именно ему. Отецъ, видя, что всѣ они желали того же, послалъ за искуснымъ ювелиромъ и сказалъ ему. „Мастеръ, сдѣлай мнѣ два перстня точь-въ-точь какъ этотъ и въ каждый изъ нихъ вставь по камню, похожему на этотъ". Ювелиръ сдѣлалъ перстни такими похожими между собой, что никто, кромѣ отца, не могъ узнать, какой изъ нихъ настоящій. Потомъ отецъ послалъ за сыновьями и каждому далъ перстень втайнѣ отъ другихъ, и каждый рѣшилъ, что его и есть настоящій, и никто не зналъ истины, кромѣ отца. Такъ же скажу тебѣ о трехъ вѣрахъ. Отецъ на небесахъ знаетъ, какая изъ нихъ лучшая, мы же, его дѣти, считаемъ лучшей каждый изъ насъ свою". Тогда султанъ, видя, какъ тотъ вышелъ изъ затрудненія и не находя, въ чемъ его обвинить, отпустилъ его съ миромъ.

Цѣна дыма (его же).

Въ Александріи, находящейся въ римскихъ владѣніяхъ (есть двѣнадцать Александрій, всѣ основанныя великимъ Александромъ передъ его смертью), въ этой Александріи есть улицы, гдѣ живутъ сарацины, которые готовятъ тамъ кушанья на продажу, и люди выбираютъ на тѣхъ улицахъ кушанье, какое имъ больше нравится, какъ у насъ въ лавкахъ выбираютъ сукно. Какъ-то въ понедѣльникъ одинъ сарацинскій поваръ, по имени Фабракъ, сидя у своей кухни, увидѣлъ, что къ ней подошелъ бѣдный сарацинъ съ кускомъ хлѣба въ рукѣ. У этого бѣдняка не было денегъ, чтобы купить себѣ какой-нибудь ѣды, но онъ сталъ держать свой хлѣбъ надъ миской, изъ которой шелъ дымъ, и пропиталъ этотъ хлѣбъ паромъ, поднимавшимся отъ кушанья, которое тутъ варилось, и потомъ сталъ его ѣсть. Фабракъ торговалъ плохо въ то утро; онъ пришелъ въ раздраженіе и гнѣвъ, схватилъ этого бѣднаго сарацина и сказалъ ему: „Заплати мнѣ за то, что ты у меня взялъ“. Бѣднякъ отвѣчалъ: „Я ничѣмъ другимъ отъ тебя не попользовался, какъ только дымомъ“.— „Разъ взялъ у меня что-то, значитъ долженъ заплатить“, — говорилъ Фабракъ. И такой у нихъ поднялся споръ, такой долгій и никогда не бывалый, что слухъ о немъ дошелъ до самого султана. Султану показалось очень труднымъ рѣшить этотъ споръ, и онъ созвалъ своихъ мудрецовъ и разсказалъ имъ, въ чемъ дѣло. Сарацинскіе мудрецы стали разсуждать. Однимъ казалось, что дымъ не принадлежитъ повару: его нельзя удержать, онъ уходитъ въ воздухъ, и нѣтъ отъ него никакой пользы, за которую надо было бы заплатить. Другіе говорили, что дымъ есть часть кушанья и образуется изъ него, что онъ продается вмѣстѣ съ кушаньемъ, значитъ, кто беретъ его, тотъ долженъ платить. Много спорили они объ этомъ. Въ концѣ-концовъ, рѣшили такъ: „Одинъ человѣкъ продаетъ, другой покупаетъ; пусть же тотъ, кто продаетъ, получитъ цѣнность проданной имъ вещи. Когда онъ продастъ вещи, приносящія осязательную пользу, онъ получаетъ за нихъ монеты, также приносящія пользу. Но дымъ — это вещь неосязательная и безполезная. Вели же, государь, прозвенѣть монетой и объяви, что цѣну дыма достаточно уплатить звономъ монеты“. Такъ присудилъ султанъ, и такъ было исполнено.

De bonis moribus *). (Дж. Серкамби, XIV в.)

Въ то время, когда былъ еще живъ король неаполитанскій Роберто, жилъ и знаменитый поэтъ Данте изъ Флоренціи. Этотъ Данте не могъ проживать ни во Флоренціи, ни въ земляхъ папы и когда жилъ у Делла Скала въ Веронѣ, а когда у государя Мантуи, а больше всего у герцога Луккскаго, то-есть у мессера Каструччіо Кастракани. И такъ какъ уже повсюду распространилась слава о немъ, то король Роберто захотѣлъ позвать его къ себѣ, чтобы узнать его умъ и ученость, и, написавъ о томъ письмо герцогу Луккскому и другое такое же самому Данте, просилъ этого послѣдняго пріѣхать въ Неаполь. Данте рѣшилъ отправиться ко двору короля Роберто и, выѣхавъ изъ Лукки, ѣхалъ столько, что добрался, наконецъ, до Неаполя. Онъ явился ко двору одѣтый довольно небрежно, какъ обыкновенно одѣваются поэты, и когда королю Роберто доложили, что Данте пришелъ, тотъ велѣлъ его ввести въ залъ, гдѣ собирался обѣдать. Подали воду, чтобы вымыть руки, и вслѣдъ за тѣмъ король съ баронами стали садиться за столъ, а Данте посадили безъ вниманія послѣ всѣхъ. Будучи самъ мудрымъ, Данте понялъ, что король мудростью не отличался; тѣмъ не менѣе, такъ какъ ему хотѣлось ѣсть, то онъ поѣлъ, а когда кончилъ ѣсть, сейчасъ же всталъ изъ-за стола и ушелъ, направившись прямо въ Анкону, чтобы вернуться въ Тоскану.

Король Роберто, пообѣдавъ, спросилъ, куда же дѣвался Данте. Ему отвѣтили, что онъ ушелъ по направленію къ Анконѣ. Король сообразилъ, что онъ не оказалъ Данте надлежащаго почтенія, и что тотъ на это обидѣлся. „Я поступилъ дурно, — сказалъ онъ про себя, — самъ же я послалъ за нимъ и потому мнѣ надо было принять его съ почетомъ, и тогда я узналъ бы отъ него то, что мнѣ нужно“. И сейчасъ же онъ послалъ за Данте своихъ собственныхъ слугъ, которые догнали его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ дойти до Анконы. Получивъ письмо отъ короля, Данте вернулся въ Неаполь, надѣлъ прекраснѣйшее платье и опять явился къ королю Роберто. Король посадилъ его за обѣдомъ во главѣ перваго стола, рядомъ съ своимъ столомъ. А Данте рѣшилъ теперь объяснить королю, что тотъ сдѣлалъ. Когда стали подавать блюда и вина, Данте бралъ мясо и прикладывалъ его къ груди и вино выливалъ тоже себѣ на платье. Король Роберто и другіе бароны, которые тутъ были, стали тогда говорить: „Это, вѣрно, какая-то деревенщина: онъ проливаетъ супъ и вино себѣ на платье“. Данте хотя слышалъ, какъ его бранили, сидѣлъ молча. Король, наконецъ, обратился къ

*) О добронравіи.

нему и сказалъ: „Что же это вы такое дѣлаете? Я считалъ васъ ученымъ, а вы ведете себя такъ нечистоплотно?“ Данте, который дождался теперь, чего хотѣлъ, отвѣтилъ: „Я вижу, что почетъ, который вы оказываете, относится къ моей одеждѣ, поэтому пусть она и угощается приготовленными здѣсь кушаньями. Я былъ тѣмъ же, когда сидѣлъ въ хвостѣ всѣхъ, но только былъ тогда плохо одѣтъ. Я и теперь все тотъ же, но только лучше одѣлся, и вотъ вы сажаете меня на почетное мѣсто“. Король Роберто, понявъ, что Данте вѣжливымъ образомъ его выбранилъ и что сказалъ при этомъ правду, сейчасъ же приказалъ дать ему чистое платье переодѣться. И, переодѣвшись, Данте сталъ обѣдать, довольный тѣмъ, что король призналъ свою глупость. А когда обѣдъ кончился, король пригласилъ его къ себѣ и много говорилъ съ нимъ, убѣдившись въ его мудрости даже больше того, чѣмъ сколько о ней слышалъ, и тогда оказалъ ему почести и оставилъ при дворѣ, чтобы лучше узнать его умъ и науку.

Сенека. (Ан. Донн, XVI в.)

Луцій Сенека былъ великимъ и удивительнымъ мудрецомъ, котораго знали всѣ. Однажды его привелъ къ себѣ въ Римѣ нѣкій Эмилій, его другъ, и сталъ показывать ему свой только что выстроенный новый домъ. И когда они еще были внизу, Эмилій началъ говорить: „Вотъ эти комнаты хороши на случай неожиданнаго пріѣзда важныхъ гостей; на этой лоджіи хорошо заниматься тѣлесными упражненіями; въ этомъ саду будутъ проводить время женщины“. Потомъ они поднялись по лѣстницѣ, и Эмилій продолжалъ, вводя гостя въ большой залъ: „Здѣсь можно принять всю родню, и женщины могутъ здѣсь прогуливаться; вотъ эти комнаты для сыновей, а эти для дочерей; здѣсь наша столовая, здѣсь кухня, тамъ будутъ спать служанки, тамъ рабыни, а внизу слуги“. Еще выше поднялись они, и Эмилій показалъ Сенекѣ кладовыя и безчисленныя комнаты, приспособленныя для всѣхъ семейныхъ надобностей. И когда Сенека все посмотрѣлъ, Эмилій сталъ ждать его одобренія, но тотъ подумалъ немного и сказалъ: „Ты привелъ меня, чтобы показать мнѣ твой домъ, гдѣ же онъ?“ — „Какъ такъ! — воскликнулъ Эмилій, — развѣ не показалъ я тебѣ все рѣшительно? — „Я все-таки не вижу, гдѣ же тутъ твой домъ. Еще внизу ты началъ говорить: это комната того, это другого,—и такъ до самаго верха показывалъ мнѣ все, кромѣ твоего собственнаго жилища. Ты ничего не сказалъ мнѣ, есть ли въ этомъ домѣ комната для тебя самого. Помни же три совѣта, которые я дамъ тебѣ при этомъ первомъ моемъ посѣщеніи твоего новаго дома. Во-первыхъ, помни, что никогда не надо довѣрять свои тайны никому, будь то жена или лучшій другъ. Все важное для тебя держи скрытымъ въ своей душѣ, ибо Платонъ сказалъ: кто ввѣряетъ другому свою тайну, тотъ отдаетъ въ чужія руки свою свободу!.. Второй совѣтъ,— какими бы ты личными или общими дѣлами ни занимался, всегда оставляй для себя, по крайней мѣрѣ, три часа между днемъ и ночью, чтобы подумать о самомъ себѣ и о своей жизни“. И третій совѣтъ Сенеки былъ тотъ, что каждый долженъ имѣть такую комнату, въ которую никто не смѣлъ бы входить, кромѣ него самого и въ которой должны были бы находиться его книги, его писанія и другія вещи по его вкусу. Такая комната будетъ совѣтчикомъ его и убѣжищемъ его тайныхъ мыслей, и особенно хорошо сдѣлаетъ онъ все то, что разъ десять обдумаетъ въ этой комнатѣ, прежде чѣмъ вынести изъ нея свое рѣшеніе.

Л. Андреевъ на порогѣ своей славы.

Въ „Утрѣ Россіи“, въ № 79, нѣкто Лоренцо по случаю исполнившагося 15-лѣтія литературной дѣятельности Леонида Андреева перелистываетъ его писательскій формуляръ и попутно перебираетъ разные, болѣе или менѣе извѣстные, эпизоды изъ этого періода жизни „юбиляра“. Два-три факта могутъ быть отмѣчены и зафиксированы.

Первый же напечатанный разсказъ Андреева „Баргамотъ и Гараська“ положилъ начало знакомству автора съ Горькимъ, уже бывшимъ въ то время и въ силѣ и въ славѣ. Счастливое стеченіе обстоятельствъ: былъ закрытъ на время „Нижегор. Лист.“, и подписчикамъ его, и Горькому, между прочимъ, высылался дружественный „Ниж. Листку“ „Курьеръ“. Номеръ газеты съ разсказомъ „Баргамотъ и Гараська“ попалъ на глаза писателю, и немного времени спустя редакторъ „Курьера“ уже получаетъ отъ Горькаго письмо съ вопросомъ: кто у нихъ скрывается подъ псевдонимомъ Леонида Андреева?

— Направьте его ко мнѣ,—пишетъ Горькій,—я могу быть для него полезнымъ.

Года три спустя—въ началѣ 1901 г.— Андреевъ, уже успѣвшій написать цѣлую серію разсказовъ, долженъ былъ лечь въ клинику по внутреннимъ болѣзнямъ. Ложился онъ въ кли-

нику при самыхъ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Это побудило его искать издателя и, по совѣту редактора „Курьера“ Я. А. Фейгина, писатель обратился къ И. Д. Сытину, который и согласился издать 3—4 тысячи экземпляровъ, опредѣливъ авторскій гонораръ въ 250 руб. Уже находясь въ лѣчебницѣ, Андреевъ многократно обращался къ Фейгину, торопя его съ заключеніемъ договора: такъ необходима была и такъ велика казалась назначенная издателемъ сумма. О продажѣ этой Андреевъ упомянулъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Горькому,—и случайная нетерпѣливая обмолвка молодого автора привела къ результатамъ, превзошедшимъ всякія ожиданія.

„Не заключайте договора, вашу книгу беретъ „Знаніе“, высылаю авансомъ 500 рублей“—такъ гласила телеграмма Горькаго.

Въ страхѣ и смущеніи взялся Андреевъ за телефонную трубку, но извиняющійся тонъ Фейгина, его первое слово оправданія объяснили все...

— Не надо, не подписывайте! не надо!— не слушая оправданій, кричалъ въ телефонную трубку Андреевъ.

До выхода книги лишь двѣ или три незначительныя замѣтки отмѣчали новое дарованіе, и изъ написанныхъ двухъ десятковъ лишь три разсказа были взяты журналами: „Сергѣй Петровичъ“ и „Жили-были“ журналомъ „Жизнь“ и „Молчаніе“ — „Журналомъ для всѣхъ“. Остальные разсказы находили пріютъ въ газетахъ, оплачивались скудно и, собранные въ томъ, не могли, казалось, возбудить большого интереса въ публикѣ и освободить писателя отъ тяжелой ежедневной работы въ газетахъ. Даже многіе изъ пайщиковъ „Знанія“ были противъ изданія, и нѣкоторое время книга издавалась за счетъ самого Горькаго.

Но вотъ въ сентябрѣ 1901 года книга выходитъ въ свѣтъ: въ два мѣсяца расходится первое ея изданіе въ 4 тыс. экз., второе же въ 8 тыс. экз. распродается *уже въ двѣ недѣли*! Изданія раскупались одно за другимъ.

Съ „Краснымъ смѣхомъ“, еще до напечатанія его, вышелъ такой казусъ, когда Андреевъ по приглашенію общества люб. рос. слов. собирался прочесть этотъ разсказъ на публичномъ засѣданіи общества.

Въ назначенный день, раннимъ утромъ, пріѣзжаетъ къ писателю В. А. Гольцевъ, бывшій тогда предсѣдателемъ общества; Андреева онъ застаетъ еще въ постели. Объясняя свой разстроенный видъ безсонной ночью, Гольцевъ заявляетъ Андрееву, что разсказа его читать нельзя: наканунѣ вечеромъ разсказъ былъ оглашенъ въ распорядительномъ засѣданіи, и впечатлѣніе, производимое имъ, заставляетъ отказаться отъ публичнаго чтенія, и самъ онъ не можетъ себѣ представить, что будетъ дѣлаться въ залѣ. На просьбу Андреева все же точнѣе мотивировать причину отказа, Гольцевъ даетъ единственную въ своемъ родѣ мотивировку: „разсказъ слишкомъ сильно написанъ“...

А вотъ курьезъ съ „Черными масками“, курьезъ точно придуманный „Сатирикономъ“.

Въ Кіевѣ полицейскій приставъ, командированный для обычнаго дежурства въ театръ на представленіе „Черныхъ масокъ“, въ своемъ рапортѣ по начальству доносилъ между прочимъ: „Эта пьеса, помимо того, что лишена всякаго смысла, еще опасна и въ пожарномъ отношеніи“.

Одна изъ наиболѣе удачныхъ... утопій.

(25 лѣтъ интеллигентской общины „Криница“.)

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“—написано на знамени одной изъ соціалистическихъ партій...

Да, обрѣтешь, но какъ?—До реальнаго осуществленія „своего права“, до воплощенія своего идеала людямъ далеко, но въ процессѣ борьбы они уже осуществляютъ „свое право“ въ душѣ своей. Въ борьбѣ за идею, будь это борьба съ существующимъ строемъ, съ обществомъ или съ самимъ собою, человѣкъ становится собственникомъ и носителемъ своего идеала въ полной мѣрѣ, такъ какъ компромиссы, на которые онъ идетъ, допускаются имъ не ради себя, а ради самого идеала, и не въ своемъ „истинномъ я“, а въ томъ слабомъ „внѣшнемъ я“, которое источено ненормальными условіями существующей дѣйствительности, которому задачи его духовнаго двойника не всегда по плечу и по силамъ.

И независимо отъ видимыхъ практическихъ результатовъ, иногда даже чѣмъ „непосильнѣй“ борьба, тѣмъ съ большимъ участіемъ и вниманіемъ слѣдитъ за ней человѣчество—видитъ ошибки, наблюдаетъ компромиссы, но „мыслитъ“ того, кто борется, уже добившимся своей цѣли, завидуетъ ему и втайнѣ лелѣетъ мысль также выступить за осуществленіе своихъ многообразныхъ, далекихъ правъ и идеаловъ.

Однимъ изъ подобныхъ идеаловъ—далекихъ и непосильныхъ въ ихъ чистомъ видѣ—является коммуна, а одной изъ подобныхъ попытокъ борьбы за идеалъ является „Интеллигентская земле-

дѣльческая община Криница", правдивая исторія которой изложена самими членами общины въ недавно вышедшей книжкѣ „Четверть вѣка „Криницы".

1-го октября 1886 года въ предѣлахъ небольшого, примыкающаго къ морю, участка земли въ Черноморской губерніи показалось нѣсколько арбъ, запряженныхъ волами.

„Среди домашняго скарба, сундуковъ, корзинъ и кульковъ виднѣлись женскія и дѣтскія лица, а рядомъ съ возами и около воловъ шагали мужчины въ странныхъ костюмахъ, шляпахъ и пиджакахъ.

То были:

Михаилъ Семеновичъ Зоринъ съ женой своей, Марьей Алексѣевной и дѣтьми: Степой и Ваней (4 и 5 лѣтъ), Ольга Николаевна Хромова съ однимъ изъ своихъ сыновей, Мишей 13 лѣтъ; Владиміръ Владиславовичъ Ратневъ; братъ Марьи Алексѣевны, Василій Колесниковъ, 18 лѣтъ; Анатолій Андреевичъ Негодинъ съ женой Еленой Арефьевной, Степанъ Павловичъ Чернокозовъ и нѣсколько дѣтей мелкаго возраста.

Помѣстились они въ центрѣ участка, на среднемъ плато, возвышающемся надъ уровнемъ моря на 30 саженей, въ небольшой турлучной мазанкѣ, гдѣ раньше жили греки, обрабатывавшіе разбросанныя среди лѣса полянки.

Помѣстились, осмотрѣлись и сказали:

„Здѣсь мы будемъ работать, жить, учиться и воспитывать молодое поколѣніе.

Назовемъ нашъ уголокъ „Криница", что, по-малороссійски, означаетъ источникъ.

И постараемся, чтобы этотъ источникъ никогда не загрязнялся, чтобы несъ онъ вѣчно чистую, кристальную воду и чтобы всѣ желающіе могли здѣсь утолять свою жажду".

Какова же та правда въ жизни интеллигентской общины, которую разсказываютъ о себѣ криничане?

„Они ввели у себя общее владѣніе землей и орудіями труда,— пишетъ И. Книжникъ въ „Рѣчи".— Пользованіе продуктами труда и воспитаніе дѣтей у нихъ тоже общее.

Они „оправдали" свое физическое существованіе личнымъ физическимъ трудомъ каждаго члена общины, независимо отъ всяческихъ привилегій рожденія, образованія и богатства нѣкоторыхъ членовъ.

Они ограничили свои матеріальныя потребности до минимума и все свое вниманіе обратили на развитіе духовныхъ потребностей.

Такъ обстояло дѣло въ принципѣ. Но на практикѣ получалось нѣчто иное. Нѣкоторыя работы оказались не по силамъ интеллигентамъ, и они вынуждены были пользоваться наемнымъ трудомъ. Когда у нихъ истощились оборотныя средства, одинъ изъ основателей общины поѣхалъ на сторонній заработокъ, чтобы удовлетворить потребности общины.

„Сколько томительной муки доставляли намъ эти компромиссы,—пишутъ криничане,—сколько разъ разсчитывали рабочихъ и оставались одни; но жизнь снова требовала возвращенія къ прежней системѣ. Пробовали еще себя успокаивать. Мы говорили: „Мы рабочихъ учимъ, ѣдятъ они за нашимъ столомъ, живутъ съ нами", — но все это было не то. Наша идея въ чистотѣ не сохранялась".

Такимъ образомъ, поскольку интеллигенты-общинники не могли отказаться отъ культурныхъ условій жизни, они не могли не быть причастными къ наемному труду и капиталу, на которыхъ зиждется вся наша культура. Отличіе ихъ отъ обыкновенныхъ обывателей заключалась въ томъ, что у нихъ было „чувство отвѣтственности, грѣха за принятіе компромисса" и все-таки личный физическій трудъ осуществлялся каждымъ, и онъ былъ введенъ въ воспитаніе дѣтей. Но зато какая оторванность отъ всего человѣчества, сколько мелкихъ дрязгъ и бурь въ стаканѣ воды внутри самой общины! И въ результатѣ принципъ свободнаго нравственнаго самоопредѣленія личности сведенъ былъ на-нѣтъ. За „слабыми" былъ установленъ надзоръ черезъ выборную власть. Даже вступленіе въ бракъ для члена общины было обусловлено согласіемъ общины.

Всѣ эти положительныя и отрицательныя стороны общинной жизни ясно видны изъ автобіографій самихъ общинниковъ, и тѣмъ цѣннѣе ихъ признанія, откровенныя и чистосердечныя".

Волна 1905 года—не могла обойти чуткую отзывчивую „Криницу". Правда, она не смыла, не разрушила общины, но въ значительной степени поколебала ея устои и подготовила почву для перехода „Криницы общины" въ „Криницу артель".

„Какъ дань освободительному движенію, пишутъ криничане, мы рѣшили принимать къ себѣ въ теченіе года до 6 человѣкъ гонимыхъ, не взирая на то, къ какой партіи они при надлежатъ.

Такое постановленіе сильно усложнило жизнь, ибо къ разрѣшеннымъ 6 человѣкамъ самовольно прибывали ихъ товарищи, такъ что иногда набивалось этого чужого намъ элемента 8, 12 и 20 человѣкъ.

„Они, не работая, мѣшали намъ, заводили съ нашей молодежью и даже съ дѣтьми безконечные споры и, какъ воспитанные на

с.-р. и с.-д. подпольной литературѣ, отличались верхоглядствомъ, самоувѣренностью, презрѣніемъ къ мыслящимъ иначе и сознаніемъ, что истина давно ужъ найдена ими, ихъ главарями. Туда, куда шли кучки и одиночки авангардной разбитой революціонной арміи, — неизмѣнно шли, прячась въ тѣни, мѣняя цвѣтъ и кожу, шпіоны и провокаторы. И въ Кринницу въ это, когда-то тихое пристанище, ежедневно заходили то какіе-то подозрительныя личности, то стражники переодѣтые, то таинственные сектанты, выпытывающіе окольными путями о собраніяхъ, оружіи, а потомъ вдругъ незамѣтно исчезающіе. Былъ какой-то офицеръ генеральнаго штаба Бѣловъ и учитель гимназіи О—овъ изъ Екатеринодара. Они разспрашивали насъ о піонерской дѣятельности, а рабочихъ допрашивали: нѣтъ ли тутъ какого завода, гдѣ печатаются разныя книжки".

Тѣмъ не менѣе, въ то время смѣлость или сознаніе своихъ гражданскихъ правъ стояли на должной высотѣ.

„Въ концѣ мѣсяца августа,—пишетъ практикантъ своему товарищу,—у насъ засѣдала конференція соединенныхъ партій с.-д. и с.-р. и Крестьянскаго Союза. Ввиду тревожнаго положенія дѣла въ Россіи и необходимости конспираціи, мы, какъ хозяева мѣста, приняли всѣ зависящія мѣры къ охраненію съѣхавшихся".

На этой конференціи Кринница была представлена одной дѣвушкой (воспитанницей, 18 л.), пожелавшей, въ случаѣ надобности, понести лично возможныя послѣдствія.

Въ дневникѣ одного криничанина читаемъ странный, но для того времени характерный эпизодъ.

„Сегодня выбирали отъ Кринницы делегата на конференцію. Большинство кринічанской молодежи, состоявшей изъ практикантовъ нынѣшняго года, отклонило кандидатуру Якова Орлова (члена Кринницы) на томъ основаніи, что онъ „религіозный черносотенникъ".

Одинъ изъ горячихъ сторонниковъ прежней общины, членъ ея, груститъ въ своихъ запискахъ о взаимныхъ отношеніяхъ этого періода, особенно объ отношеніяхъ взрослыхъ воспитанниковъ Кринницы къ своей Alma mater и къ ея старикамъ.

„Тяжелую картину представляютъ, вообще, наши личныя отношенія. Мало того, что они не имѣли прежней чуткости, предупредительности, желанія сойтись, подружиться, были явная холодность, часто злоба, неуваженіе къ чужому труду и личности. Были случаи публичныхъ обвиненій, неуваженія молодняка къ старикамъ, грубости между собою.

Были пересуды и сплетни, которыхъ давно ужъ не знала община. Какой горькой правдой звучали слова одного изъ отсутствующихъ товарищей: „личныя отношенія погубили Кринницу".

„Вообще, настроеніе было неважное—продолжаетъ повѣствовать членъ общины.

Чувствовалась розпь какая-то, каждому хотѣлось даже отъединиться отъ другого.

Не знаю: это ли угнетало насъ, всероссійская ли смута, но недоставало той животворящей силы, которая поднимаетъ душу человѣка.

— „А прежде-то лучше было"—нѣтъ, нѣтъ, да и вздохнетъ кто-нибудь.

— „Нѣтъ ужъ общины"—горько отзовется кто-то въ другомъ углу."

Какъ было уже нами отмѣчено, годъ начался между прочимъ недоразумѣніемъ съ практикантами.

Вотъ что объ этомъ разсказываютъ намъ страницы дневниковъ:

— „Сущность всей исторіи съ принятыми въ Кринницу молодыми людьми заключается въ томъ, что мы не удосужились объяснить имъ предѣлы ихъ правъ участія въ нашей внутренней жизни (а объявленіе для практикантовъ почему-то забыли имъ показать) и они сильно были возмущены тѣмъ, что ихъ на одномъ изъ собраній устранили отъ голосованія по поводу принятія въ число практикантовъ Павла Конотопова, за котораго они просили. Также имъ были неясны мотивы, почему его провалили, и они стали громко заявлять свой протестъ, который скоро перешелъ въ обвиненіе.

— „Это не голосованіе, а здѣсь играетъ роль злая воля одного лица"! — кричали они. „Да и, вообще, у васъ здѣсь во всей жизни Кринницы главенство одного лица—все!" И они послѣ этого демонстративно почему-то вышли изъ Крестьянскаго Союза и объявили бойкотъ кринічанамъ.

Объясненій они намъ никакихъ не давали, мы тоже выжидали—что же дальше будетъ?..

Бойкотъ, однако же, скоро привелъ къ разнымъ комичнымъ эпизодамъ и постепенно долженъ былъ самъ собою пасть.

Приближались праздники, и мы не хотѣли нарушать нашего неизмѣннаго правила—встрѣчать эти дни съ яснымъ взоромъ и чистыми сердцами. Поэтому мы сами пошли навстрѣчу и заявили этой молодежи, что мы сознали свою ошибку въ томъ, что не разъяснили имъ подробно нашихъ взаимныхъ отношеній.

„Кринница—говорили мы имъ—сочла своей обязанностью передъ освободительнымъ движеніемъ дать пріютъ вамъ, изъ которыхъ многіе—политически гонимые, и мы васъ будетъ со-

держать, не требуя уже въ дальнѣйшемъ ни вашего участія въ дѣлахъ общины и не накладывая на васъ никакихъ обязательствъ".

Это ихъ какъ будто ошеломило... Они очень путанно стали возстановлять разные случаи, фразы и въ итогѣ выяснилось, что все это было не болѣе, какъ кѣмъ-то подстроенная каверза.

Насъ во всей этой исторіи порадовало лишь то, что наши знакомые и друзья на сторонѣ, еще не зная въ точности всѣхъ подробностей, спѣшили выразить намъ полное довѣріе, характеризуя налетную молодежь, какъ нахальныхъ, самоувѣренныхъ и неделикатныхъ верхоглядовъ".

Однако и въ концѣ этого года, къ годовому отчету приложена записка одного изъ основателей Криницы, въ которой снова сквозитъ непоколебленная ничѣмъ вѣра въ истинность намѣченныхъ ими идеаловъ, и лишь слышится грустная нотка собственной несостоятельности.

Вотъ что въ ней излагается:

„Меня, какъ и моихъ ближайшихъ друзей, поражаетъ одно обстоятельство, которое нужно объяснить.

Это именно—рознь между нами, учредителями Криничанской общины, и молодежью.

Надѣемся, что эта рознь происходитъ отъ непониманія тѣхъ жизнеосновъ, которыя руководятъ нами. Попытаемся формулировать нѣкоторыя изъ нихъ.

Абсолютная Истина, по нашему пониманію, лежитъ внѣ человѣка и онъ только стремится къ сліянію съ нею путёмъ выбора способовъ и средствъ, наиболѣе приближающихъ его къ этому сліянію. Въ этомъ стремленіи—смыслъ человѣческой жизни, а въ сліяніи съ Истиной—счастье человѣка.

Мы глубоко убѣждены, что единственный путь для сліянія съ истиной—это внутреннее перерожденіе человѣка; что никакая революція, никакая политическая форма, никакая соціально-экономическая реформа,—будетъ ли она отъ монархическаго, или конституціоннаго, или республиканскаго строя, въ результатѣ не даетъ того, что можетъ дать внутреннее перерожденіе лица, достигаемое имъ самимъ во имя объективнаго идеала, путемъ соотвѣтствующихъ задачъ, пріемовъ и способовъ.

Какъ на способѣ достиженія намѣченныхъ заданій, мы остановились на общинѣ, но мы не стоимъ за общину, какъ внѣшнюю форму жизни, а стоимъ за общинность, какъ духовное начало, какъ душевную предрасположенность, какъ сердечное стремленіе человѣка слить свое *я* съ другими, для выполненія смысла жизни человѣка въ томъ видѣ, какъ этотъ смыслъ жизни освѣщается моральными и научными системами, доказывающими связь человѣка съ безконечнымъ и безпредѣльнымъ міромъ.

Исходя изъ принципа, что абсолютная истина внѣ человѣка и что человѣкъ—существо ограниченное, мы вводимъ въ наши понятія понятіе о грѣхѣ, какъ о несоотвѣтствіи идеала и его осуществленія, какъ отклоненіе отъ намѣченнаго пути.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, наше міропониманіе, которымъ мы руководились и руководимся въ нашей жизни съ бо́льшими или меньшими отклоненіями, въ зависимости отъ индивидуальностей, особенностей лица.

Но мы не видимъ, въ чемъ вѣра нашей молодежи? Гдѣ и въ чемъ ея принципы? Какъ она стремится къ достиженію истины? Въ чемъ полагаетъ критерій своего пониманія этой истины? Какъ и чѣмъ оцѣниваетъ она свои дѣйствія? Какую форму жизни избираетъ? Какой смыслъ въ нее вкладываетъ? Какъ относится къ запросамъ современности?

Мы не видимъ этого... Насъ не посвящаютъ въ это. Мы спрашиваемъ и въ отвѣтъ—молчаніе.

Только наша вѣра въ молодежь удерживаетъ насъ отъ обвиненія ея въ безидейности, въ безпринципности, въ эгоизмѣ.

Мало того, мы надѣемся, что съ теченіемъ времени, въ концѣ-концовъ, въ формулировкѣ современной молодежью своихъ взглядовъ, разница въ нашихъ міросозерцаніяхъ будетъ очень незначительна. Отъ души желаемъ ей побольше вдумчивости и объективности!"

Такъ твердо и непоколебимо отстаивали старики свои позиціи, ни на іоту не позволяя себѣ въ теченіе болѣе 35 лѣтъ практически уклониться отъ воплощенія своей идеи—уклониться или свернуть въ сторону.

Цитадель трещала подъ напоромъ вражьихъ силъ; молодежь, болѣе практическая, болѣе сухая, болѣе—сказали бы мы—земная, грудью напирала на послѣдніе устои нашихъ стариковъ, но они, побѣжденные жизнью, побѣжденные новымъ поколѣніемъ—еще выше поднимали свое знамя и говорили: „Придетъ время и вы сами понесете его!"...

Но наивная довѣрчивость Криницы къ людямъ, подвергавшаяся испытанію болѣе 20 лѣтъ, вновь потерпѣла полное пораженіе. Придя къ молодежи съ повинной, видя ихъ смущеніе и неловкость, общинники полагали, что дали имъ хорошій нравственный урокъ деликатности и уваженія къ окружающимъ людямъ. Праздники и Новый Годъ провели подъ этимъ впечатлѣніемъ, но уже со 2-го января поведеніе моло-

дежи стало снова настолько вызывающимъ, что указывало на нѣкоторую демонстративность.

Попытки объясниться съ ними, спросить, узнать — оканчивались или молчаніемъ или грубостью.

Вѣроятно, старики такъ бы и ходили кругомъ да около, вынося брань и издѣвательства, если бы не протесты нѣкоторыхъ горячихъ своихъ же воспитанниковъ, предложившихъ передать имъ право ликвидировать всю эту въ высшей степени тягостную „комедію“.

„Ну, тутъ разговоры сдѣлались короче“! — восклицаетъ въ своемъ письмѣ одинъ изъ молодыхъ. — Протестующую палетную молодежь немедленно пригласили въ общественный залъ, напомнили имъ, гдѣ они находятся, что такое Криница и что такое они и предложили выслушать письменную резолюцію такого содержанія:

„У насъ было постановленіе—дать кровъ и столъ нуждающимся въ нихъ дѣятелямъ освободительнаго движенія. Само собой подразумѣвалось, что такой актъ съ нашей стороны не могъ и не долженъ былъ внести никакой дезорганизаціи въ нашу жизнь. Имѣющіяся данныя убѣждаютъ насъ, что въ настоящее время для насъ, господа, имѣть временный пріютъ не есть что-либо существенное. Вы вмѣсто того, чтобы спокойно пользоваться нашимъ гостепріимствомъ, не только гуртомъ, съ шумомъ и гамомъ ходите по окрестностямъ, будоражите населеніе, но и вмѣшиваетесь во внутреннюю жизнь Криницы. Въ виду этого мы, какъ хозяева, заявляемъ вамъ, чтобы вы немедленно оставили территорію Криницы и предупреждаемъ, что въ случаѣ неисполненія нашего требованія, вами будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры къ вашему удаленію!“

Не успѣли они притти въ себя отъ изумленія, какъ криничане направились къ выходу, и разбрелись по своимъ дѣламъ.

Слышно было, какъ вся эта группа немедленно устроила собраніе въ своей квартирѣ, какъ шли тамъ страшные споры, предлагалось объявить бойкотъ Криницѣ, а потомъ голоса раздѣлились и часть рѣшила итти просить прощенія.

Но ихъ не помиловали, и на другой день отправили за черту имѣнія.

Такимъ-то вотъ образомъ Криница очистила себя отъ чужеземнаго элемента и, оглядѣвшись кругомъ, рѣшила, что нужно торопиться приводить себя въ порядокъ: скорѣе замѣнить хоть чѣмъ-нибудь, хоть какъ-нибудь утерянный авторитетъ духовнаго начала, скорѣе создать рамки взаимныхъ обязательствъ, установить въ письменной формѣ предѣлы правъ, подписать, закрѣпить...

И это тѣмъ болѣе было теперь легко, что оформленіе жизни имѣло своимъ лозунгомъ не спекулятивную цѣль, какъ два года тому назадъ, съ вопросомъ о паевомъ т-вѣ, а соціальную.

Молодое поколѣніе, оказавшись почти у кормила правленія, разрабатывало, искало, нѣсколько лѣтъ уже подходило къ таковой формѣ общежитія, которая, не мѣшая внутренней духовной работѣ членовъ его (основа общины) и поддерживая въ этой работѣ свободное творчество, — съ другой стороны, не создавала бы препятствій для дѣятельности средняго человѣка въ достиженіи разрѣшенія соціальныхъ проблемъ (основа кооперации).

Первая попытка въ этомъ направленіи была вновь неудачною, ибо финансовыя затрудненія толкали криничанъ къ наивозможно быстрой разработкѣ устава, и въ силу этой-то быстроты они должны были обращаться за помощью къ разнымъ теоретикамъ, кабинетнымъ ученымъ, которые и занялись составленіемъ устава.

Одинъ изъ такихъ теоретиковъ, старый человѣкъ, лѣтъ подъ 60, богатый, выразилъ горячее участіе помочь Криницѣ въ выработкѣ устава, съ тѣмъ однако, чтобы въ число членовъ организаціи былъ принятъ и онъ.

Хотя мы и сказали, что этотъ разъ уставъ разрабатывался свободно, въ духѣ соціальныхъ проблемъ, но это не совсѣмъ такъ. Правда, криничане не искали уставомъ привлечь большіе капиталы, какъ раньше. Но согласіе ихъ принять уставъ въ редакціи этого богатого, можетъ быть и искренняго, но все же буржуазно-мыслящаго человѣка, Ипла Петровича Горюнова, который придалъ уставу яркій буржуазный оттѣнокъ — показываетъ, что и въ этотъ періодъ капиталъ игралъ одну изъ важныхъ ролей. Дальнѣйшее изложеніе этого характернаго эпизода вполнѣ подтверждаетъ сказанное. Вотъ что читаемъ мы:

„Само собой разумѣется, что мы не могли смѣло и вполнѣ объективно критиковать уставъ этотъ, такъ какъ приближались сроки, дни и часы, когда на порогѣ нашего дома долженъ былъ показаться судебный приставъ и понятые для описи... Между тѣмъ Ипатъ Петровичъ нѣсколько разъ подчеркивалъ, что деньги у него уже отложены для уплаты срочныхъ платежей!

Капиталъ давилъ на насъ, мы чувствовали его тяжелую руку и могли только воскликнуть: „какъ бы ни написать уставъ — лишь бы спасти Криницу отъ денежнаго разгрома“

Но Илъ Петровичъ не спасъ Криницы: съ нимъ вышелъ конфликтъ, затѣмъ послѣдовали два томительные года существованія—прозябанія Криницы и... вотъ что пишетъ криничанамъ ихъ товарищъ М. Хромовъ, на сторонѣ бившійся какъ рыба объ ледъ, въ попыткахъ достать денегъ и спасти Криницу.

„Объявленіе о продажѣ съ молотка виситъ, какъ вы писали, уже давно и снять его у меня нѣтъ силы. Надо вѣдь не 100, а 2500 р., чтобы дамокловъ мечъ перенести съ нынѣшняго дня на декабрь. Поэтому сообщаю Вамъ, что черезъ 2 дня я беру билетъ прямо въ Новороссійскъ, и, никуда не заѣзжая, ничего больше не предпринимая, возвращаюсь въ Криницу, гдѣ мы всѣ вмѣстѣ, собравшись въ маленькую, но дружную семью—старики, оставшаяся молодежь, дѣти—будемъ покорно ожидать, когда молоточекъ аукціониста стукнетъ третій разъ.

Что будетъ послѣ—посмотримъ. Ждите!“

По свидѣтельству живущихъ и сохранившимся запискамъ видно было, что это письмо никого не разстроило, не привело въ смятеніе. Всѣмъ вдругъ вспомнилось, что 23 года тому назадъ, такая же маленькая группа, гдѣ были тоже „старики“ (правда, не старше 40 л.) тоже двое, трое молодежи, дѣти... ютилась въ маленькой турлучной хаткѣ, окруженные на десятки верстъ дикой растительностью, гдѣ бродили лишь звѣри.

И тогда не знали, что будетъ впереди, и тогда не знали своего врага... эту хмеречь, эти дикія ліаны, эту темную заросль, и все же весело жались другъ къ другу, согрѣваясь взаимною любовью и вѣрой въ силу борьбы.

„И такъ мы“,—карандашемъ набрасываетъ кто-то въ тетрадкѣ, — „оставшіеся вмѣстѣ, наиболѣе близкіе и объединенные, не раздираемые внутренними смутами, свободные, не вынуждаемые оправдывать себя въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ передъ практикантами, заѣзжими гастролерами и крикунами—сосѣдями, ожидали „начала конца“.

Однако, пріѣздъ товарища нашего почему-то былъ отложенъ. Прошло болѣе 2-хъ недѣль—какъ вдругъ является онъ въ Криницу, улыбающійся, и ведетъ съ собой незнакомаго намъ господина А. Ф. Горазеева.

Устроивъ его на отдыхъ, Хромовъ сталъ разсказывать: „Представьте! Этотъ господинъ вдругъ неожиданно для меня, за ужиномъ въ Новороссійскѣ, пожелалъ узнать, почему у меня такое разстроенное лицо?.. И когда я съ горячностью выложилъ всѣ свои невзгоды, всю личную, душевную драму послѣднихъ трехъ лѣтъ, милѣйшій А. Ф. взялъ меня за руки и сказалъ: „я вамъ помогу; поѣду, посмотрю—кстати я у васъ еще и не былъ—ссужу васъ небольшими деньгами“.

Судите же, каково должно быть мое душевное состояніе!..“

Дѣло сдѣлалось! Отсрочка была дана, можно было даже купить кое-что для своего пропитанія, а, главное, дана была передышка Михаилу Владимировичу, чтобы онъ, искусившись въ финансовыхъ комбинаціяхъ, на свободѣ придумалъ бы еще какой-нибудь оборотъ.

Такъ это и случилось. Въ теченіе лѣта такъ повернулось дѣло, что можно было оплатить вторыя закладныя, долгъ Горазееву, текущіе проценты и пени, и получить разрѣшеніе изъ банка продать 170 десятинъ криничанской земли съ переводомъ на нихъ 14 тысячъ долга изъ общихъ 40 тысячъ.

Но Криница выжила уже не какъ „община“, а какъ „артель“.

Центръ тяжести перемѣстился въ сторону формы, въ ту сторону, противъ которой такъ упорно боролись всѣ 20 лѣтъ наши „старики“ и въ защиту которой они и сейчасъ не могутъ сказать ни одного слова, хотя и приняли новую организацію.

Ошибочно думали тѣ, кто давно еще, настивая на легализаціи общины, на выработкѣ писаннаго устава, утверждали, что духъ общины измѣниться не можетъ.

Если и теперь остались такіе „старовѣры“, которые глубоко убѣждены, что Новая Криница измѣнилась лишь по внѣшности, а сущность ея прежняя,—то и они скоро должны были въ этомъ разубѣдиться.

Когда люди создаютъ §§ и уставы, то они инстинктивно начинаютъ вѣрить въ силу этихъ §§ больше, чѣмъ въ величіе человѣческаго духа.

Тѣмъ болѣе это такъ, когда наша молодежь сознательно отстаивала большую устойчивость писанныхъ правилъ передъ вѣчно колеблющимся настроеніемъ и совѣстью лица.

Мы полагаемъ, что духовно, этически мы опустились ниже. Мы лично передъ судомъ Вѣчной Правды стали хуже.

Но за то приблизились къ „міру“. Стали ему понятнѣе. Перекинули тотъ мостикъ, который община давно уже уничтожила, заставляя ищущихъ правды дѣлать къ ней скачекъ не всегда и не для всѣхъ удачный.

Мы полагаемъ, что Криница съ ея новой внутренней организаціей, умаленная въ глазахъ моралиста или религіознаго мыслителя, выиграетъ въ общественномъ значеніи и при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ можетъ стать пріемлемой формой для рядового гражданина, порвавшаго связь съ обывательщиной.

Мы просимъ читателя вдуматься въ ту идеологію новаго криничанскаго поколѣнія, которая вытѣснила идеальное представленіе стариковъ и водворилась на развалинахъ ихъ надеждъ.

Мы не можемъ даже утѣшить стариковъ въ томъ, что наша идеологія находится въ преемственной связи съ ихъ исканіями.

Если бы это было такъ, то мы шли бы дальше, мы были бы лучше, одухотвореннѣе, горѣли бы ярче въ огнѣ самопожертвованія, и еще болѣе вступали бы въ антагонизмъ съ окружающей насъ дѣйствительностью.

Но мы опустились на землю. Мы не горимъ въ огнѣ своихъ переживаній, мы мало, или почти не жалѣемъ заблуждающейся души, насъ не трогаетъ тайное горе нашего сотоварища, мы безъ спросу не идемъ къ нему съ нашей помощью.

Но намѣченныя перспективы нашей дѣятельности показываютъ, что мы, порвавъ преемственную связь съ общиной въ характерѣ ея организаціи — тѣмъ не менѣе являемся плоть отъ плоти ея въ поставленныхъ ею задачахъ и, поэтому, по праву занимаемъ мѣсто у подножія того знамени, которое водрузила здѣсь 25 лѣтъ назадъ маленькая группка пришлыхъ піонеровъ.

Мы бы такъ резюмировали:

Община-Криница работала въ глубь.

Мы, ея продолжатели, хотимъ работать въ ширь".

Неорганическая природа при свѣтѣ современной науки.

Въ сказкѣ разсказывается, какъ скована была нѣкогда вѣковымъ мертвымъ сномъ заколдованная царевна со всѣмъ своимъ царствомъ. Но вотъ пришелъ счастливый принцъ и разбудилъ спящее царство. Нѣчто въ этомъ родѣ случилось и въ дѣйствительности. Здѣсь тоже нашлась своя спящая царевна и тоже явился „принцъ", или, лучше сказать, нѣсколько „принцевъ"—новѣйшіе ученые-біологи.

Природу мы привыкли рѣзко разграничивать на „одушевленную" и „неодушевленную". *Неодушевленная* матерія... Значитъ, мертвая, неживая. Однако, вотъ, мертвое чудесно оживаетъ теперь на нашихъ глазахъ, и, кажется, скоро остается только сдать эти термины—„неодушевленный предметъ", „мертвая матерія"—въ архивъ... Изслѣдованія и опыты, разрушающіе понемногу „китайскую стѣну" между двумя частями вселенной, пріобрѣтаютъ тѣмъ большій интересъ, что здѣсь наблюдается извѣстное сближеніе между современной философіей и общественнымъ настроеніемъ съ одной стороны и научной мыслью съ другой; мы имѣемъ въ виду начавшееся не такъ давно и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ возрожденіе идеализма.

„Въ старое время,—сообщаетъ въ „Рус. Сл." (№ 74) прогремѣвшій недавно на весь міръ своими опытами надъ замораживаніемъ животныхъ болгарскій проф. П. Бахметьевъ,—организмами считали только животныхъ, только ихъ считали живыми, одушевленными. Съ теченіемъ времени къ организмамъ были отнесены и растенія, такъ какъ и у нихъ были найдены тѣ же самыя біологическія явленія, которыя наблюдаются и у животныхъ,—размноженіе, ростъ, ассимиляція и проч. Такимъ образомъ, въ область біологіи вошло царство животныхъ и растеній. Въ послѣднее время все болѣе и болѣе раздаются голоса въ пользу того, чтобы въ область біологіи было включено и царство минераловъ. Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ передовыхъ ученыхъ, во главѣ которыхъ стоитъ профессоръ политехническаго института въ Карлсруэ Отто Леманъ, стараются разрушить китайскую стѣну, которая, якобы, раздѣляетъ міръ одушевленный отъ „неодушевленнаго".

До сихъ поръ удалось доказать у кристалловъ слѣдующія біологическія явленія: 1) размноженіе (при помощи самозарожденія, отъ соприкосновенія данной жидкости съ другимъ готовымъ кристалломъ, при помощи дѣленія и при помощи почкованія); послѣднія два явленія были открыты недавно Отто Леманомъ: 2) ростъ и питаніе; при этомъ Леману удалось доказать, что въ извѣстныхъ случаяхъ кристаллъ принимаетъ пищу и *внутрь* себя (Intussusception); 3) регенерація, или залѣчиваніе ранъ у кристалловъ; 4) движеніе кристалловъ.

Точно такъ же и мнѣ удалось при помощи особаго метода подмѣтить у кристалловъ рядъ новыхъ біологическихъ явленій.

Мой методъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ широкій стеклянный стаканъ наливается горячій растворъ хлористаго кальція; затѣмъ, при помощи особенной пипетки, приготовляются небольшіе шарики изъ пара-нитротолуола (вещество, принадлежащее къ ароматическимъ соединеніямъ и плавящееся при 54°), которые и помѣщаются въ этотъ растворъ. Будучи одного удѣльнаго вѣса съ растворомъ хлористаго кальція, эти шарики плаваютъ въ немъ и съ нимъ вмѣстѣ охлаждаются. Температура

раствора, а слѣдовательно, и шариковъ измѣряется при помощи обыкновеннаго термометра.

Шарики эти, постепенно охлаждаясь, не затвердѣваютъ, однако, при 54°, а показываютъ явленіе *переохлажденія*. Такъ, у десяти одинаковыхъ плавающихъ шариковъ затвердѣніе произошло: у 1-го—при 44°, у 2-го—при 42° и проч., а у 10-го (послѣдняго)—при 34°. Условимся считать, что при температурѣ выше 54° шарики не живутъ, такъ какъ они не рискуютъ еще затвердѣть (умереть), а процессъ ихъ жизни (какъ жидкихъ) начинается съ 54°. Отсюда слѣдуетъ, что 1-й шарикъ достигъ, такъ сказать, 10-градуснаго возраста (54—44=10°), а послѣдній (10-й)—20-градуснаго возраста.

Такимъ образомъ, мною была открыта новая біологическая аналогія: *индивидуальное свойство у кристалловъ одного и того же вида.*

Была также доказана и *наслѣдственность благопріобрѣтенныхъ свойствъ*. Въ самомъ дѣлѣ, если при всякомъ отдѣльномъ опытѣ съ 10-ю шариками отбирать самые долговѣчные шарики (т.-е. десятые) и такихъ шариковъ собрать, напримѣръ, 12, то это отобранное вещество, будучи превращено снова въ жидкіе шарики, покажетъ для 1-го шарика долговѣчность въ 20°, а для послѣдняго—30°. Другими словами, эти опыты показываютъ передачу по наслѣдству опредѣленныхъ свойствъ,—въ данномъ случаѣ способности долго не затвердѣвать. Продолжая подобные опыты дальше, можно получить, такъ сказать, третье поколѣніе шариковъ, которое будетъ еще болѣе долговѣчнымъ.

Дальнѣйшая біологическая аналогія относилась къ явленію такъ называемаго *оптимума*, т.-е. того темпа жизни, при которомъ организмы развиваются самымъ благопріятнымъ для себя образомъ. Для этого шарики охлаждались съ различной скоростью. При очень малыхъ и очень большихъ скоростяхъ шарики не были долговѣчными, но при нѣкоторой средней скорости охлажденія они доживали до „глубокой старости“.

Борьба за существованіе была доказана при помощи растворенія искусственно приготовленныхъ кристаллическихъ формъ квасцовъ въ водѣ. Оказалось, что всѣ формы (шаръ, кубъ, призма и проч.) растворялись быстрѣе, чѣмъ та, которая присуща квасцамъ по природѣ. Отсюда можно заключить, что данная нормальная форма вырабатывалась въ теченіе ряда тысячелѣтій, а, можетъ-быть, и милліоновъ лѣтъ. Вѣдь кристаллы гораздо болѣе древняго происхожденія, чѣмъ организмы. Всѣ же другія формы даннаго кристалла погибли въ борьбѣ за существованіе, и, можетъ-быть, первобытныя формы нѣкоторыхъ кристалловъ будутъ найдены когда-нибудь палеонтологами.

Если это такъ, то представляется возможнымъ открытіе у теперешнихъ кристалловъ біогенетическаго закона Геккеля, т.-е. краткаго и быстраго повторенія главнѣйшихъ формъ развитія у нашего кристалла, которыя предшествовали его теперешней формѣ.

Всѣ здѣсь указанныя біологическія аналогіи заставляютъ меня думать, что никакой рѣзкой границы между организмами и неорганизмами провести нельзя, все въ природѣ живо; разница между одними и другими состоитъ только въ интенсивности проявленія жизненныхъ функцій.

Если это такъ, то въ природѣ нѣтъ неодушевленныхъ предметовъ, или, наоборотъ, и вѣнецъ творенія — человѣкъ — представляетъ собою только сложную машину“.

Идеи, образы, факты.

(Вмѣсто хроники.)

Отъ редакціи. Въ ближайшемъ будущемъ мы намѣрены ввести въ „Бюллетени“ третій постоянный отдѣлъ, который можно было бы назвать „хроникой“, „лѣтописью“. Но это будетъ особая хроника—тоже *новаго типа*. И здѣсь редакція хочетъ слѣдовать принципу, положенному въ основу программы журнала: отражать эпоху, ея характернѣйшіе моменты, отметая все несущественное, случайное, безцвѣтное и все затемняющее ея подлинный ликъ; дать картину *духовной*, *внутренней* жизни современности, въ ея наиболѣе типичныхъ узорахъ и въ ея наиболѣе яркихъ краскахъ.

Нижеслѣдующій и дальнѣйшіе — пока пробные—обзоры, не претендующіе на полноту, округленность, законченность, только первый опытъ въ намѣченной области.

Проектъ заграничныхъ командировокъ писателей.

Такая мысль принадлежитъ молодому беллетристу П. Сургучеву. Вопросъ о писательскихъ „командировкахъ“ поднялъ онъ въ первой кн. журнала „Кругозоръ“.

„Нужно, обязательно нужно, чтобы наши молодые, талантливые, начинающіе писатели ѣздили за границу. Есть же у насъ критики, есть люди, понимающіе искусство. Какъ замѣтили, вотъ появился человѣкъ въ лите-

ратурѣ новый. Пишетъ разсказы: одинъ, другой. Выпустилъ даже книжку. Что-то въ ней есть. Быть можетъ, талантъ, признаки таланта, который опытные люди чувствуютъ, какъ опытные искатели въ пескѣ чувствуютъ золото. Посмотрѣли на этого молодого человѣка, прислушались къ нему и—пожалуйте: какъ пенсіонера академіи, какъ оставленнаго при университетѣ — на годъ, на полтора за границу. И не только въ Парижъ, въ Лондонъ,— нѣтъ, милый человѣкъ, поѣзжай въ Орвіетто, въ Авиньонъ, въ Албанію, въ Низу, смотри чужую жизнь; смотри, какъ разукрашена земля, вспомни свою родину, почувствуй ее на чужбинѣ, и тогда ты въ душѣ своей ясно увидишь то, что она воспринимала тайно отъ тебя, тайно отъ твоей мысли, тайно отъ твоего сердца. Ты тогда изъ сравненія правильнѣй и ясней услышишь ритмъ своей жизни, жизни своего народа; въ своихъ пѣсняхъ ты услышишь новыя, раньше не замѣченныя тобой скорби и радости, на своемъ небѣ ты увидишь новыя краски и въ своихъ звѣздахъ — новое серебро. Ты увидишь въ чужой землѣ то, чего не увидитъ рядовой обыватель; помни, что твои глаза раскрыты рукою самого Бога.

Однимъ словомъ, моя мысль такова: если пенсіонеру академіи нужно ѣхать за границу; если человѣку, оставленному при университетѣ, нужно ѣхать за границу,—то и русскому начинающему писателю тоже нужно ѣхать за границу. Не думаю, чтобы писательство было бы дѣломъ менѣе важнымъ, чѣмъ художество и наука...

Но... русскій писатель, а особливо начинающій—бѣденъ: онъ зимой часто безъ калошъ ходитъ. Гдѣ же тутъ думать о заграницѣ? Въ странахъ культурныхъ въ такихъ случаяхъ приходитъ на помощь государство, — и Кнутъ Гамсунъ, напримѣръ, могъ съѣздить въ Россію только потому, что получилъ казенную помощь.

Можетъ быть, и наше государство послѣдуетъ этому примѣру... Если государство откажетъ намъ, — дѣло общества подумать объ этомъ"...

Литературная безпозиціонность.

„Самое обыкновенное теперь явленіе,—отмѣчалъ Антонъ Крайній въ дек. кн. „Новой Жизни",—чаще всего встрѣчающееся въ современной жизни, — „безпозиціонность". Книги, журналы, люди — „безъ позиціи". Недавно выходилъ (а, можетъ, и теперь выходитъ) захудалый журнальчикъ, объявлявшій себя, главнымъ образомъ, *внѣ*: внѣ кружковъ, внѣ партій, внѣ того, внѣ другого... До десяти мѣстъ указывалось, гдѣ нѣтъ журнальчика; и ни слова о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, собственно, находится. Такая безмѣстность — предѣлъ безпозиціонности. Очень свободно... и не очень человѣчно, то-есть нѣсколько ниже человѣческаго достоинства. Человѣкъ безъ „позиціи" свободенъ, какъ языкъ колокольный безъ колокола. Преграды нѣтъ, болтайся широко, хоть вокругъ себя крутись. Онъ болтается, а я съ правомъ задаю губительный вопросъ: ну, и что же изъ этого?

Весь нашъ беллетристическій модернъ—безпозиціоненъ почти сплошь. Писатель безъ міросозерцанья, какого бы то ни было, хотя бы чисто эстетическаго, не писатель, а описатель. „Позиція" для художника—это его міросозерцанье, также, впрочемъ, какъ и для журнала; вѣдь, я не о „партійности" говорю, употребляя слово „безпозиціонность".

Традиціонное отношеніе къ „искусству въ журналѣ", какъ къ вопросу второму, позволяетъ привлекать безъ разбора художниковъ признанныхъ: публика ихъ читаетъ, а какого цвѣта бантики — глубоко наплевать: все равно бантики.

Напримѣръ, С. Булгакову, что ли, или даже кому-нибудь менѣе замѣтному, но пишущему въ „Рус. Мысли", страницы „Завѣтовъ", недоступны были бы даже для письма въ редакцію; а любой „художникъ" — свободенъ, какъ вѣтеръ, ему въ одно и то же время открыты всѣ двери: и въ „Рѣчь", и въ „Рус. Мысль", и въ „прогрессистскую" газету, и въ „Завѣты"... только не въ „Русское Богатство" пока.

Что это? Ужъ, конечно, не особое уваженіе къ искусству, а скорѣе полупрезрительное, полуравнодушное отношеніе къ нему. Во всякомъ случаѣ—малое вниманіе къ человѣческой личности писателя".

Акмеизмъ-адамизмъ.

Нынѣшній нашъ литературный сезонъ ознаменовался многошумнымъ нарожденіемъ новой поэтической школы. Нѣсколько петербургскихъ молодыхъ поэтовъ (Гумилевъ, Городецкій Ахматова и др.), объединившись въ кружокъ, объявили вдругъ, довольно неожиданно, смерть символизму и присвоили своей, „новой", и что характерно, еще собственно не существующей поэзіи сразу два наименованія — адамизма и акмеизма.

Символическое движеніе,—и пишутъ и проповѣдуютъ съ каѳедръ акмеисты-адамисты,— закончило свой кругъ. На смѣну идетъ новое теченіе: идетъ Адамъ, первозданный человѣкъ, который съ первозданной простотой подходитъ

ко всякому образу. Онъ пріемлетъ міръ такимъ, какой отъ есть. Онъ не ищетъ разгадать его потусторонній смыслъ. Если ему нравится тройка, то она нравится ему своимъ полетомъ, своими бубенцами, тѣмъ, что она есть, а не своимъ символическимъ значеніемъ. Для первозданнаго Адама равно прекрасно все—и красота и безобразіе. Міръ пріемлется во всемъ своемъ цѣломъ, во всей совокупности красотъ и безобразія. Акмеисты видятъ нерасторжимое единство земли и человѣка, они снимаютъ „наслоенія тысячилѣтнихъ культуръ“, они понимаютъ себя, какъ, „звѣря, линяющаго кожи и шерсти“, и радуются. Радуются себѣ, міру, солнцу, звѣрю, ибо всему есть мѣсто въ „раю новой поэзіи“ рядомъ съ первозданнымъ Адамомъ.

Второй своей кличкой („акмеизмъ“, отъ греческаго слова акмэ, что значитъ вершина, высшая точка, цвѣтущая пора) поэты - новаторы хотятъ подчеркнуть, что они, будто бы, берутъ въ искусствѣ только тѣ мгновенія, которыя можно считать непреходящими, вѣчными, берутъ „высшій цвѣтъ“ всего и берутъ просто—„съ мужественнымъ, твердымъ и яснымъ взглядомъ Адама на жизнь“.

Внѣшнимъ успѣхомъ своего выступленія акмеисты должны быть довольны: и литературные круги и періодическая печать удѣлили имъ немало вниманія. Но что касается серьезной оцѣнки и признанія новой школы,—представителямъ ея пришлось выслушивать съ разныхъ сторонъ самыя строгія нотаціи.

Напр., Вал. Брюсовъ въ „Рус. М.“ называетъ акмеизмъ выдумкой, прихотью, салонной причудой, „тепличнымъ растеніемъ, выращеннымъ подъ стекляннымъ колпакомъ литературнаго кружка“, а нападки акмеистовъ на символизмъ—по-дѣтски безпомощными. „Акмеизмъ, поскольку можно понять его замыслы и притязанія, ничѣмъ въ прошломъ не подготовленъ и ни въ какомъ отношеніи къ современности не стоитъ“. И еще онъ пишетъ: „Нельзя отрицать, что непосредственное творчество истиннаго поэта, который сумѣлъ бы освободиться отъ всего, сдѣланнаго въ искусствѣ до него, сумѣлъ бы стать „новымъ Адамомъ“, могло бы быть значительнымъ. Когда-то такую задачу ставили себѣ въ живописи Сезаннъ и Гогэнъ. Но оба они на осуществленіе этой задачи отдали десятки лѣтъ, ушли отъ людей, уединились въ пустынѣ, обрѣли непосредственный взглядъ на міръ цѣной долгихъ усилій, тяжелаго искуса. Наши акмеисты, спѣшащіе оповѣстить міръ о нарожденіи новой школы, кажется, не думаютъ повторить этотъ подвигъ“.

Другой критикъ акмеизма В. Львовъ-Рогачевскій пишетъ въ „Днѣ“ (№ 52):

„Они (акмеисты), позаботившіеся о кличкѣ, не подумали о своихъ задачахъ. Наскоро придумали названіе, наскоро собрали воедино поэтовъ, чуждыхъ другъ другу по пріемамъ, по міроощущенію, по отношенію къ общественности, и назвали случайно сошедшихся талантливыхъ людей школой „акмеистовъ“ или „адамистовъ“.

Новые поэты изъ декадентской башни вышли на улицу, но дальше вещей, дальше горшковъ[1]) не пошли. За горшкомъ проглядѣли человѣка!

И когда на вещь они смотрѣли во всѣ глаза,—ихъ сердце молчало.

М. Невѣдомскій и Ѳ. Батюшковъ въ лицѣ акмеистовъ и адамистовъ привѣтствовали „зеленые молодые побѣги“, а на меня пахнуло отъ доклада Городецкаго старческимъ холодомъ. Нѣтъ у молодыхъ поэтовъ той „желторотости“ русскихъ мальчиковъ, которую такъ любишь у героевъ Достоевскаго. Нѣтъ волнующаго исканія.

Нѣсколько лѣтъ назадъ жестоко высмѣяли мистическихъ анархистовъ. Къ новой группѣ отнеслись гораздо благосклоннѣе, ибо слишкомъ назрѣлъ вопросъ о новой формѣ. Но рѣшать его могутъ не тѣ, которые выступили въ адамовомъ костюмѣ!“

Молодая поэзія въ Англіи.

Діонео въ № 61 „Рус. Вѣд.“ знакомитъ насъ съ новѣйшей школой — или точнѣе, лигой—англійскихъ поэтовъ, объединившихся подъ гостепріимнымъ кровомъ „Дома поэтовъ“ и отрекшихся отъ всѣхъ завѣтовъ старой литературы, старой поэзіи.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ существуетъ на Девонширъ-стритѣ, въ одномъ изъ наиболѣе шумныхъ, грязныхъ и буйныхъ кварталовъ центральнаго Лондона, любопытный „Домъ поэтовъ“, основанный талантливымъ поэтомъ Гарольдомъ Монро, издающимъ также журналъ „Poetry and Drama“.

Французскій историкъ литературы Альфонсъ Сешэ выпустилъ не такъ давно сборникъ, куда вошли избранныя произведенія поэтовъ-неудачниковъ, не признанныхъ при жизни,—поэтовъ, которые знали только страданія, нищету и насмѣшки. Гарольдъ Монро, какъ англичанинъ, рѣшилъ, что гораздо лучше и практичнѣе собрать непризнанныхъ и начинающихъ поэтовъ при жизни, поддержать ихъ, дать имъ возможность высказаться, а не ждать, покуда они умрутъ съ голода на чердакѣ или отъ болѣзней

[1]) Намекъ на стихотворенія Нарбута и Городецкаго „Горшеня“.

въ госпиталѣ. Такимъ образомъ, явился „Домъ поэтовъ“, своеобразный Парижъ въ шумномъ и буйномъ кварталѣ.

Домъ на Девонширъ-стритѣ весь отъ чердака до погреба отданъ поэзіи. Тутъ пишутъ стихи, обсуждаютъ ихъ, декламируютъ и продаютъ. Въ нижнемъ этажѣ—книжная лавка, обстроенная по рисункамъ XVII вѣка. Здѣсь продаютъ только стихи. Въ верхнихъ этажахъ—нѣсколько комнатъ, сдаваемыхъ за минимальную плату юнымъ поэтамъ. Въ книжной лавкѣ, внизу, собираются не только покупатели, но и поэты и вообще всѣ интересующіеся поэзіей. Здѣсь всѣ званы.

Дважды въ недѣлю въ „Домѣ поэтовъ“ устраиваются литературные вечера, на которые могутъ явиться всѣ интересующіеся поэзіей. Домъ поэтовъ, по замыслу Гарольда Монро, долженъ явиться для любителей поэзіи тѣмъ же, что концертная зала для меломановъ или картинная галлерея для поклонниковъ живописи. Конечно, организаторъ „Дома поэтовъ“ не преслѣдуетъ никакихъ финансовыхъ интересовъ. Лига молодыхъ поэтовъ объявила „справедливую войну всему формализму въ литературѣ,—позѣ, аффектаціи, напыщенности и всѣмъ ложнымъ традиціямъ“. Молодежь воюетъ съ „монотоннымъ перезвономъ риѳмъ въ четверостишіяхъ и съ плоскими, тяжелыми бѣлыми стихами“. Она ополчилась противъ „безконечнаго повторенія въ стихотвореніяхъ избитыхъ фразъ, символовъ, образовъ и стереотипныхъ опредѣленій“. Молодыхъ поэтовъ утомилъ старый языкъ и весь реквизитъ риѳмоплетовъ. „Въ наше время поэзія интересна лишь постольку, поскольку она отдалена отъ жизни,—читаемъ мы въ манифестѣ, выпущенномъ населеніемъ „Дома поэтовъ“.—Поэзія должна быть самородна, кипуча и полна значенія“.

Мы видимъ передъ собой,—пишетъ Діонео по поводу двухъ сборниковъ англійской „молодой поэзіи“,—несомнѣнно даровитыхъ людей, изъ которыхъ многіе дали прекрасныя и изящныя вещицы; но напрасно стали бы мы искать новаго, необычайнаго, дѣйствительно „революціоннаго“ въ литературномъ смыслѣ слова. И когда мы читаемъ гордое заявленіе 30-ти поэтовъ, что они не вѣрятъ больше въ поэтическіе идеалы „стараго міра“, намъ вспоминается парадоксъ, высказанный въ февральскомъ нумерѣ журнала „Rhythm“, издаваемаго при участіи тѣхъ же молодыхъ борцовъ: „Вѣрь въ сомнѣнье и сомнѣвайся въ вѣрѣ“... Непзмѣримо легче написать: „Хочу быть революціонеромъ въ литературѣ“, чѣмъ быть имъ въ дѣйствительности. Въ концѣ-концовъ революціонеры, хотя показываютъ видъ, будто идутъ куда-то прямо, черезъ дебри и непроходимыя болота, сами того не замѣчая, сворачиваютъ на тропы, прорубленныя предшественниками, отъ которыхъ молодые поэты гордо отрекаются.

Англійскіе „интеллигенты“.

Тотъ же наблюдатель англійской жизни сообщаетъ въ март. кн. „Рус. Бог.“ о слѣдующей новой формаціи передовыхъ англичанъ.

„Въ настоящій моментъ,—пишетъ онъ,—мы видимъ новыя „прожилки“ на „природномъ кристаллѣ“ англійскаго общества. Въ Англіи представителей „новой прожилки“ называютъ теперь „intellectuals“ и сравниваютъ, хотя безъ достаточнаго основанія, съ французскими „intellectuels“ или даже съ русской интеллигенціей. „У насъ въ Англіи нарождаются умственныя теченія, хорошо извѣстныя во Франціи и въ Россіи,—писали недавно въ передовой статьѣ „Times“.—Наше молодое поколѣніе свободно теперь отъ ненависти, питаемой англичанами къ отвлеченнымъ идеямъ. Точнѣе говоря, часть молодого поколѣнія увлекается теперь общими идеями, какъ отцы увлекались фактами. Англичанинъ всегда отличался необыкновенною смѣлостью, когда дѣло касалось только тѣла; но въ тоже время эта отважность соединялась съ поразительною робостью ума. Англичанинъ, не думая о томъ, что можетъ случиться съ нимъ, смѣло отправлялся въ совершенно неизслѣдованную или въ неизвѣстную страну; но каждый разъ, при встрѣчѣ съ новой идеей, задается вопросомъ, куда она его можетъ привести“... Теперь intellectual измѣнилъ весь этотъ порядокъ. Intellectual смотритъ на новыя идеи, какъ на желанныхъ гостей, и находитъ особую прелесть въ поискахъ *ума* за приключеніями. Intellectual любитъ размышлять, не задаваясь каждый разъ вопросомъ: „каковы будутъ результаты примѣненія этой мысли на практикѣ“? Онъ пытается смотрѣть на наше общество такъ, какъ будто бы явился съ другой планеты и какъ будто бы ему чужды всякія земныя связи и потребности.

Однако, какъ отмѣчаетъ „Times“, intellectual непзмѣримо менѣе интересенъ, чѣмъ его собратъ на континентѣ. „Англійскій intellectual стремится, прежде всего, поразить собесѣдника и скандализировать его, такъ какъ еще очень некультуренъ. Англійскій intellectual не столько увлекается новой идеей, сколько тѣмъ, что онъ думаетъ „не какъ всѣ“. Теоретически онъ „презираетъ“ общественное мнѣніе, но въ дѣйствительности даже очень интересуется имъ. Наши intellectuals слишкомъ страстные полемисты, чтобы дѣйствительно увлечься новою идеей

ради нея только. Все стараніе intellectuals направлено на то, чтобы сразу „устрашить“ собесѣдника необыкновенною „смѣлостью“ мысли. Положеніе нѣсколько мѣняется, когда собесѣдникъ не „устрашается“ и, вмѣсто того, чтобы „негодовать“ и „ужасаться“, начинаетъ спокойно возражать. Англійскіе intellectuals напоминаютъ отчасти китайскихъ воиновъ недавняго прошлаго, которые надѣвали свирѣпыя, страшныя маски, чтобы сразу обратить непріятеля въ бѣгство. Воины эти не знали, что дѣлать, если непріятель не пугался и не обращался въ бѣгство“.

На континентѣ интеллигентъ, конечно, поклонникъ политической свободы. Такъ какъ абсолютную необходимость гражданской свободы признаютъ въ Англіи всѣ „филистимляне“, всѣ „мѣщане“, то англійскій intellectual, чтобы не походить на всѣхъ, поклонникъ деспотизма и врагъ парламентаризма. Намъ, постороннимъ наблюдателямъ, забавно читать, какъ современное свѣтило Хиллари Беллокъ въ „революціонномъ“ журналѣ „Eyewitness“, посвященномъ „новымъ идеямъ“, томится по властному деспоту. Въ то же время intellectual анархистъ и синдикалистъ. „Филистимляне“ стоятъ за науку. Изъ духа противорѣчія англійской intellectual увлекается четвертымъ измѣреніемъ и „christian science“. „Филистимлянинъ“ доказываетъ свои взгляды, а англійскій intellectual предпочитаетъ афоризмы вродѣ слѣдующихъ: „Если вы спросите у потока, почему онъ шумитъ, то услышите въ отвѣтъ: „Злые камни рѣжутъ меня, какъ ножами. Я пою поэтому, чтобы не плакать“. — „Хотя солнце — богъ, но я люблю больше звѣзды. Если вы днемъ упадете въ глубокій колодецъ, онѣ улыбаются вамъ, тогда какъ солнце скрывается тогда“. (Въ значительной степени этотъ афоризмъ предвосхищенъ еще Козьмой Прутковымъ: „Если у тебя спрошено будетъ: что полезнѣе солнце или мѣсяцъ? — отвѣтствуй: мѣсяцъ. Ибо солнце свѣтитъ днемъ, когда и безъ того свѣтло; а мѣсяцъ — ночью“).

„Если бы Господь сказалъ мнѣ: „Ты можешь снова возвратиться на землю. Чѣмъ ты желаешь быть?“

„— Цвѣткомъ, заснувшимъ на зеркальной поверхности озера,—отвѣтилъ бы я.

„Но, если бы Господь сказалъ: „Ты долженъ возвратиться къ дѣятельной жизни“, я отвѣтилъ бы: „Сотвори меня мельничнымъ колесомъ, пѣнящимъ потокъ“.

Настоящій „интеллектуалистъ“ (слово „интеллигентъ“, какъ читатель видѣлъ, совершенно не подходитъ) долженъ, конечно, испытывать „la vieille volupté de rêver à la mort“ (извѣчное сладострастье мечтать о смерти); но въ то же время онъ никогда не забудетъ увѣдомить своего банкира продать или купить во-время пѣнныя бумаги. Чеховскій адвокатъ Лысевичъ („Бабье царство“) — великій эстетъ и тонкій цѣнитель прекраснаго, но онъ не забываетъ напомнить Аннѣ Акимовнѣ, что его „оштрафовали“, т.-е. оставили къ празднику безъ наградныхъ“...

Погоня за новизной въ литературѣ и жизни.

Французскій журналъ „Revue Bleue“ обратился къ выдающимся писателямъ съ анкетой по вопросу: „Что такое, собственно, оригинальность въ искуствѣ вообще и въ литературѣ въ частности?“ Изъ отвѣтовъ болѣе содержательны мнѣнія Поля Бурже и Поля Эрвье.

„Въ искусствѣ и литературѣ, — отвѣтилъ первый изъ нихъ,—въ послѣднее время укрѣпилось мнѣніе, что художникъ прежде всего долженъ быть оригиналенъ, т.-е. давать публикѣ такія вещи, которыя были бы какъ можно меньше похожи на то, что ей раньше нравилось. Всякій лавочникъ знаетъ, что для того, чтобы покупатель былъ доволенъ, надо давать ему хорошій товаръ; современный писатель или художникъ воображаетъ, что его единственная обязанность только въ томъ и состоитъ, чтобы писать картины или книги во всѣхъ отношеніяхъ новыя. А такъ какъ самъ-то онъ, въ огромномъ большинствѣ, ничего новаго не представляетъ, и даже рѣдко обладаетъ собственными, самостоятельными идеями и чувствами, то и не можетъ придумать ничего лучшаго, какъ придавать своимъ произведеніямъ внѣшній видъ новизны. Въ этомъ уменьшеніи внутренней оригинальности и въ развитіи погони за оригинальной внѣшностью заключается характерная особенность нынѣшняго искусства и литературы“.

По мнѣнію Поля Эрвье, въ европейскомъ искусствѣ уже давно замѣчается утрата способности творить дѣйствительно художественныя произведенія и давать имъ вѣрную оцѣнку. „И художники, и писатели потеряли технику, потому что каждый изъ нихъ въ каждомъ новомъ своемъ произведеніи ищетъ новыхъ, небывалыхъ техническихъ пріемовъ; теряютъ вкусъ, любовь къ извѣстному стилю, то чувство мѣры и пропорціональности, которое прежде считалось условіемъ красоты; озабоченные исканіемъ новизны, они забываютъ о красотѣ, не спрашиваютъ себя, будутъ ли ихъ творенія кому-нибудь нравиться послѣ того, какъ пройдетъ вызванное ими въ первую минуту удивленіе.

Публика, съ своей стороны, тоже начинаетъ терять вкусъ къ красотѣ и стилю: видя передъ собой цѣлый рядъ произведеній, другъ на друга вовсе не похожихъ и притомъ иногда даже непонятныхъ, она совсѣмъ сбивается съ толку и оказывается не въ состояніи выработать себѣ какое-нибудь самостоятельное сужденіе, а потому и довольствуется мимолетными увлеченіями—тѣмъ, что въ данную минуту является модными, т.-е. игрой въ мыльные пузыри".

Новый романъ Анатоля Франса.

Онъ напечатанъ въ газетѣ „Gil Blas" и называется „Ангелы". Содержаніе его сводится къ слѣдующему.

„Ангелы скучаютъ въ небесахъ. Неизмѣримыя радости, которыми наслаждались они искони, начинаютъ имъ наскучивать, — ангелы хотятъ чего-нибудь новаго. И вотъ они сходятъ на землю, сбрасываютъ съ себя крылья и вмѣшиваются въ толпу. Но то, что они видятъ, не вызываетъ у нихъ большого интереса, тѣмъ болѣе, что люди кажутся имъ посредственными натурами. Только небольшая группа земныхъ существъ заинтересовываетъ ихъ. Ангелы стараются ближе сойтись съ ними и узнать, почему эти лица обладаютъ большей интеллигентностью.

Отвѣтъ получается самый неожиданный: „Мы черти". Черти эти также совершаютъ путешествіе по земному шару, но не изъ любопытства, а потому, что преслѣдуютъ важный планъ. Убѣдившись, что на землѣ все обстоитъ далеко неблагополучно, черти рѣшили совершенно измѣнить образъ правленія. Люциферъ, находящійся среди этой группы, изображается авторомъ въ иномъ видѣ, чѣмъ обыкновенно представляютъ его себѣ христіане: это—выдающаяся личность, первоклассный умъ, прирожденный повелитель. Черти предполагаютъ посадить его на тронъ міра и тогда, по ихъ мнѣнію, все пойдетъ отлично.

Чертямъ удается привлечь на свою сторону ангеловъ. Обѣ группы соединяются и производятъ міровой переворотъ. На тронъ возводится Люциферъ, и весь свѣтъ: ангелы, люди и черти ожидаютъ великихъ реформъ, наступленія золотого вѣка. И, дѣйствительно, Люциферъ беретъ въ руки перо и отправляетъ посланіе папѣ. Съ замираніемъ сердца въ Римѣ вскрываютъ письмо и читаютъ слѣдующія слова:

„Все остается по старому!"

Само-собою разумѣется, что этотъ новый, „небесный" романъ Анатоля Франса не что иное, какъ сатира на политическіе перевороты, совершающіеся на землѣ".

Къ упадку драматическаго творчества.

Основатель знаменитаго „Théâtre Libre" и нынѣшній директоръ „Одеона" Антуанъ, который недавно вызвалъ въ парижской печати шумъ своей откровенной характеристикой—на публичномъ докладѣ—здравствующихъ французскихъ драматурговъ, высказался также по существу о паденіи драматической литературы во Франціи, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ газеты „Comoedia".

„Я зналъ времена,—говорилъ онъ,— когда работали только для славы. Писали пять актовъ, чтобы хоть разъ увидѣть ихъ на сценѣ, не имѣя другого желанія, кромѣ какъ увидѣть свое имя на афишѣ, и даже не справлялись въ кассѣ о сборѣ. Нравилась сама слава, пылкая, живая, волнующаяся, задрапированная въ пурпуръ. Нынѣшніе драматурги не думаютъ о ней, они требуютъ успѣха, доставляющаго деньги. Они пишутъ и пишутъ, не считая нужнымъ даже думать, чтобы создать шедевръ. Ихъ дарованіе истощается, и они легко падаютъ духомъ. Они слишкомъ хорошо знаютъ равнодушіе публики къ глубокому произведенію. Что изъ этого выйдетъ,— говорятъ они сами себѣ,—разъ это не понравится публикѣ. Таково душевное состояніе современныхъ драматурговъ. Я не скажу, чтобы у нихъ не хватало дарованія, нѣтъ, у нихъ нѣтъ направленія, нѣтъ вѣры въ себя, нѣтъ мужества. Они американизируются, они отступаютъ, они колеблются, они „не смѣютъ"... Нѣтъ уже монахъ старыхъ товарищей, съ ихъ дырявыми плащами и донъ-кихотскимъ видомъ. Многіе изъ нихъ не знали, какого цвѣта бываютъ деньги, но зато у каждаго изъ нихъ былъ взоръ императора... Слава,—вотъ въ чемъ дѣло!"

Въ поискахъ театра будущаго.

Въ Студіи Московскаго Художественнаго театра въ послѣднее время производились очень любопытные опыты, отъ которыхъ сами ихъ иниціаторы и руководители ждутъ большихъ, важныхъ результатовъ, надѣясь, что это можетъ въ будущемъ какъ-то по-иному перестроить взаимоотношенія драматурга и актеровъ. Опыты находятся въ нѣкоторой связи и съ толками о кризисѣ театра, и съ „репертуарныхъ голодомъ", и съ недовольствомъ актера его слишкомъ подчиненной автору ролью въ спектаклѣ, вызвавшимъ у Гордона Крэга смѣлый афоризмъ о томъ, что „театръ долженъ, наконецъ, попробовать обойтись безъ драматурга".

Сущность этихъ опытовъ можетъ быть выражена въ самой общей, схематической формѣ,

такъ: пьеса создается совмѣстно авторомъ и актерами, является результатомъ ихъ общей работы. Авторъ даетъ первый толчокъ, какъ бы бросаетъ зерно въ актерскую почву; актеры, при помощи своихъ житейскихъ наблюденій, чувствъ, дарованій, его выращиваютъ; авторъ собираетъ плоды и затѣмъ возвращаетъ ихъ актерамъ. Это — возрожденіе и какая-то новая варіація давней итальянской комедіи dell'arte *).

Для начала ограничивались самыми простыми заданіями актерамъ, и имѣлось въ виду главнымъ образомъ помочь театральной молодежи добиваться вѣрнаго самочувствія на сценѣ. Тремъ-четыремъ исполнителямъ преподаватель предлагалъ изобразить какой-нибудь моментъ,— напримѣръ, встрѣчу Свѣтлаго праздника въ бѣдной семьѣ мастерового. Участники „задачи“ вмѣстѣ обсуждали, что и какъ изобразить, затѣмъ передавали это на сценѣ Студіи своими словами, внося въ изображенія свои непосредственныя наблюденія, иногда удачно обогащая „текстъ“ несуществующей пьесы подслушанными въ жизни выраженіями, оборотами рѣчи, мѣткими, характерными для намѣченнаго лица словечками.

Это были только остроумно придуманныя школьныя упражненія, такъ непохожія на тѣ, что обычно практикуются въ театральныхъ школахъ. Но тутъ таилось и зерно гораздо болѣе значительнаго. Понемногу рамки заданій стали расширяться, уже получали характеръ небольшихъ пьесъ. Такъ, К. С. Станиславскимъ было предложено разыграть встрѣчу на пароходѣ группы провинціальныхъ актеровъ съ буржуазной, чопорной семьей, въ которой нѣсколько барышенъ. Актерамъ скучно; имъ хочется познакомиться съ барышнями. Они ищутъ, какъ бы это половчѣе сдѣлать; заводятъ, наконецъ, знакомство. Такова канва. Участники спектакля должны были по этой канвѣ расшить свой узоръ, сами импровизируя слова, подробнѣе разрабатывая данную въ общемъ контурѣ ситуацію. Было намѣчено и нѣсколько „ролей“, вѣрнѣе—нѣсколько характеровъ. Каждый изъ участниковъ выбралъ себѣ тотъ, въ которомъ надѣялся дать больше оригинальнаго содержанія. И въ рядѣ опытовъ данная тема понемногу сложилась въ пьесу.

Затѣмъ была дана задача уже много болѣе сложная; дана была тема, которую предстояло, на основаніи указанныхъ главныхъ пунктовъ, разработать въ трехъактную комедію. Тема приблизительно такая. Меблированныя комнаты, въ которыхъ остановилось нѣсколько оперныхъ пѣвцовъ. Раннее утро. Возвращается съ кутежа одинъ изъ пѣвцовъ и слышитъ, что въ швейцарской кто-то поетъ. Поетъ замѣчательно, дивнымъ теноромъ. Начинаютъ на это пѣніе выходить изъ нумеровъ другіе жильцы, какой-то инженеръ съ рулеткой, занятый своими вычисленіями и измѣреніями, пѣвцы и т. п. Идутъ толки и догадки, кто это такъ поетъ; идутъ всякіе разговоры на эту тему. Разыгрывается актерская зависть. Оказывается, поетъ деревенскій парень, наканунѣ пріѣхавшій къ швейцару изъ деревни. Его рѣшаютъ взять въ театръ, учить пѣнію. Во второмъ „актѣ“ онъ—на репетиціи, неловокъ, никакъ не можетъ освоиться съ подмостками, съ жестами, которыхъ отъ него требуютъ и т. д. Наконецъ, въ послѣднемъ актѣ онъ — уже знаменитость, важенъ, пренебрежителенъ къ другимъ, требователенъ по части всякаго комфорта и и т. п.

По мѣрѣ работы авторъ будетъ совершенствовать свой первоначальный замыселъ, расширять заданіе. Понемногу должна сложиться опредѣленная пьеса, текстъ которой будетъ затѣмъ зафиксированъ. И въ такомъ видѣ спектакль будетъ перенесенъ на настоящую сцену, отданъ публикѣ. („Рус. Вѣд.“ № 80.)

Послѣдній „крикъ“ модернистской живописи.

Заграничные художники футуристы и кубисты, эти глашатаи самоновѣйшаго искусства, оказались вдругъ въ смѣшномъ положеніи: они уже успѣли устарѣть—они уже *вчерашніе* глашатаи. Знаменательнѣе всего то, что сами же они, своими формулами искусства, расчистили дорогу для очередныхъ новаторовъ, очередныхъ „молодыхъ“—орфеистовъ, которые уже спѣшатъ похоронить своихъ предшественниковъ.

Футуризмъ, какъ мы знаемъ, задался цѣлью, воспроизвести на полотнѣ движеніе („динамику вещей“ — по ихъ собственному выраженію), кубизмъ—передать форму вещей разложеніемъ на простѣйшіе элементы объема. „Орфеисты“ дѣлаютъ отсюда естественный выводъ: если въ живописи можно передать движеніе предметовъ и ихъ „объективную форму“, то почему нельзя дать почувствовать въ краскахъ шумъ и звуки— „пѣніе кисти“, почему не можетъ быть „му-

*) Первая мысль объ этомъ родилась въ бесѣдахъ о положеніи театра и его будущемъ между К. С. Станиславскимъ и М. Горькимъ. Въ Неаполѣ есть небольшая труппа актеровъ, которые являются сами и коллективными авторами пьесъ своего репертуара. Этотъ своеобразный театрикъ очень увлекъ автора „На днѣ“. Онъ увидалъ тутъ какія-то совершенно новыя, неожиданныя возможности для театра будущаго.

зыкальной живописи"? Потому-то и называютъ себя эти новаторы „орфеистами", т.-е. духовными потомками миѳологическаго пѣвца Орфея, сына Аполлона, оживлявшаго музыкой всю природу.

Орфеисты пошли и дальше. Въ своемъ манифестѣ, выпущенномъ ко дню открытія „Салона независимыхъ" въ Парижѣ, они прямо заявляютъ, что картины самыхъ лучшихъ художниковъ, даже футуристовъ и кубистовъ, страдаютъ тѣмъ, что отъ нихъ вѣетъ могильнымъ молчаніемъ. Природа же вся представляетъ не только игру свѣта и движеніе, но и шумъ жизни. Живопись должна отражать „шумъ матеріи, музыку жизни физической и духовной". Совершенно ошибочны, по ихъ увѣренію, были попытки импрессіонистовъ передавать „поверхностныя впечатлѣнія", футуристовъ—„взрывы чувствъ" кубистовъ—„объективизмъ формы". Настоящая живопись—только та, которая способна передавать „звонъ колокола, пѣніе скрипки, громъ, звукъ выстрѣла". И орфеизмъ берется это дѣлать, потому что онъ умѣетъ „улавливать шумъ матеріи и передавать его согласно законамъ трансцендентальнаго идеала"... Находятся же,—говорятъ адепты новой школы,—любители, которые понимаютъ и одобряютъ Айседору Дунканъ, когда та исполняетъ ногами Бетховена. Отчего бы не найтись цѣнителямъ переложенія Моцарта красками на холстъ?

Увы, въ „переложеніяхъ" орфеистовъ посѣтители салона, какъ увѣряютъ газетные корреспонденты, видятъ только безформенныя разноцвѣтныя пятна...

Общій недостатокъ искусства нашего времени.

Объ этомъ пишетъ П. Муратовъ въ Рус. Вѣд. (№ 85), въ замѣткѣ „Противъ футуризма". Вниманіе автора сосредоточено на футуризмѣ, но разсужденія его о „болѣзни" современной живописи можно распространить и на кубизмъ, и на орфеизмъ, и на многія другія художественныя „постиженія", „достиженія" переживаемой эпохи.

„...Въ футуризмѣ еще разъ выражается та болѣзнь современнаго искусства, которая обусловлена проникновеніемъ въ него аналитической мысли и замѣной въ немъ интуиціи рядомъ логическихъ категорій. Общій недостатокъ живописи конца XIX и начала XX вѣка, это—отмираніе въ ней воображенія, все болѣе и болѣе замѣняемаго наблюденіемъ. Футуризмъ стремится найти источникъ творческаго наоса въ простомъ наблюденіи и какъ бы аналитическомъ регистрированіи внѣшности современной жизни. Онъ намѣренно ограничиваетъ себя внѣшностью явленій и, разумѣется, только благодаря этому не видитъ, что сущность взаимныхъ отношеній между человѣкомъ и окружающимъ его міромъ, которая во всѣ времена была истинной темой искусства, во всѣ времена оставалась и остается нынѣ неизмѣнной.

Механическая и утилитарная культура современности враждебна искусству. Все менѣе и менѣе остается въ ней мѣста для дѣла художника, для досуга созерцателя, для воображенія романтика. Все болѣе и болѣе укрываются они въ гостепріимныя страны прошлаго.

Достойна всяческаго вниманія та быстрота распространенія, которую уже обнаружилъ футуризмъ и съ которой зрѣютъ плоды футуристической проповѣди. Это еще разъ показываетъ, что дѣло не въ наивныхъ открытіяхъ проповѣди, но въ глубокой жизненности выражаемаго ею энтузіазма передъ механическими силами и скоростями. Будущее покажетъ, можетъ быть, что настоящій футуризмъ начался не отъ гасконадъ Маринетти и его товарищей, но отъ цѣлаго ряда другихъ явленій, которыя выражаютъ торжество въ современной жизни механической культуры надъ духовной и которыя явили практику футуризма задолго до созданія его теорій. Маринетти едва ли удастся за всю свою жизнь сокрушить не только музей, но хотя бы одинъ старинный домъ. Въ Римѣ же цѣлые старинные кварталы и дивныя виллы были безжалостно принесены въ жертву утилитарнымъ надобностямъ, совершенно согласно принципамъ футуризма. Между этими необъявленными футуристами и футуристами объявленными разница та, что вторые стремятся видѣть тамъ красоту, гдѣ первые видятъ только одну пользу. Футуризмъ Маринетти стремится дать эстетическую санкцію утилитарной и механической культурѣ".

Отзывы о книгахъ.

517. [. . . . . 015(47)„1912“

Библіографическій Ежегодникъ. Подъ ред. И. В. Владиславлева. Вып. II: Систематическій указатель литературы за 1912 г. Классифицированъ по десятичной системѣ. Изд. „Наука“. М. 1913. Стр. 312. Ц. 90 к.

Справочникъ В.— цѣнное, необходимое пособіе для всякаго, кто такъ или иначе сталкивается съ текущей литературой, кто интересуется новостями книжнаго рынка. „Сист. ук.“ подводитъ итогъ всему, что накопилось за годъ: книгамъ, журналамъ, рецензіямъ, помѣщаетъ свѣдѣнія о періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Россіи на русскомъ языкѣ, и объ изданіяхъ конфискованныхъ за годъ. Всего въ этотъ выпускъ вошло до 6000 книгъ, и болѣе 2500 статей (изъ 45 журналовъ и газетъ), что даетъ возможность легко подобрать нужную литературу по извѣстному вопросу: (*„Гол. М“. 1913—57*).

Прекрасная и крайне полезная работа; необходимый справочникъ для всѣхъ библіотекъ и для всѣхъ, кто пожелалъ бы слѣдить за тѣмъ, что даетъ книжный рынокъ и періодическая печать за годъ. Въ этой книгѣ собрано и систематизировано все разсѣянное и разрозненное въ одно цѣлое; притомъ это не простая регистрація, а отборъ, подгруппированный и сведенный въ систему. Обращаемъ вниманіе читателей на это изданіе. (*А. Мезіеръ. „Нар. Журн.“ 1913—14*).

Мы уже отмѣтили, какъ крайне полезное изданіе для библіотекъ, систематическій указатель литературы за 1911 г. Второй выпускъ составленъ съ тѣмъ же стараніемъ и тою же тщательностью, какъ и первый. Во второмъ выпускѣ введены новые отдѣлы: обзоръ нѣмецкихъ періодич. изданій, удѣляющихъ вниманіе библіографіи и „Отошедшихъ“,— заключающій въ себѣ краткій перечень наиболѣе видныхъ почившихъ за годъ дѣятелей, въ той или иной мѣрѣ связанныхъ съ литературой. Само собой разумѣется, что столь сложная работа, какъ библіографія наиболѣе цѣнныхъ русскихъ книгъ и журнальн. стататей за 1912 г., не можетъ быть выполнена единоличными силами совершенно безукоризненно,— можно поэтому удивляться, что такъ въ общемъ, мало недочетовъ во второмъ выпускѣ. Не всегда, напр., правильно расклассифицированы журнальныя статьи и есть неточность и пропуски въ перечнѣ періодич. изданій. (*С. С—о. „Педаг. Л.“ 1913—4*).

Въ настоящемъ выпускѣ указателя замѣтны нѣкоторыя существенныя улучшенія. Такъ, при составленіи перечня журнальныхъ статей, взяты не только крупные журналы, но и такіе органы, какъ записки университетовъ, земскіе и городскіе журналы, нѣкоторые еженедѣльные органы и пр. Благодаря этому, отдѣлъ значительно выигралъ въ полнотѣ. Въ остальномъ указатель составленъ по прежней программѣ. (*„Совр. Сл.“ 1913—1897*).

Указатель детально систематизированъ и удобенъ для справокъ. Можно пожелать благополучнаго продолженія ежегодника, который имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы занять видное мѣсто среди настольныхъ справочныхъ книгъ. (*Б. „Кіев. Мысль“. 1913—82*).

518. Владиславлевъ, В. И. 016:691.7

Русскіе писатели XIX—XX ст. Опытъ библіограф. пособія по новѣйшей русской литературѣ. Изд. 2-е, перер. и доп., кн-во „Наука“. М. 1913. Стр. 244. Ц. 1 р.

Обращаемъ вниманіе всѣхъ интересующихся изученіемъ русской литературы на это прекрасное пособіе. Оно не только указываетъ матеріалъ для изученія, но и подсказываетъ, какъ можно и должно изучать русскую литературу, чтобы изученіе это „вспахало мозги“ изучающаго, дало не „умственный жиръ“, а то знаніе, которое, по выраженію Спенсера, „перерабатывается въ умственный мускулъ“. (*А. Мезіеръ. „Нар. Журн.“ 1913—14*).

Настоящее изданіе въ значительной степени переработано и дополнено сравнительно съ первымъ изданіемъ, которое при выходѣ было отмѣчено многочисленными лестными отзывами. Въ новомъ изданіи даются библіогр. свѣдѣнія болѣе чѣмъ о 300 писателяхъ, критикахъ и публицистахъ, оно несомнѣнно, будетъ встрѣчено сочувственно, какъ преподавателями средней школы, такъ и тѣми, кто любитъ и изучаетъ русскую литературу. Рекомендуемъ его также библіотекарямъ публичныхъ и общественныхъ библіотекъ, какъ полезное библіографическое пособіе. (*С. С—о. „Педаг. Л. 1913—4*).

Книга В. значительно облегчаетъ широкимъ кругамъ возможность ориентироваться во всемъ обиліи и разнообразіи приводимыхъ библіографическихъ матеріаловъ. Заслуживаетъ вниманія и широкаго распространенія. (*„Гол. М“. 1913—57*).

Библіографическихъ указателей у насъ вообще мало, но и тѣ, которыя имѣются, относятся преимущественно къ XIX и предыдущимъ вѣкамъ, мало удѣляя вниманія современной литературѣ. Въ этомъ отношеніи очень полезна для самыхъ широкихъ круговъ читателей книга В., состоящая изъ двухъ частей: алфавитнаго указателя и систематическаго (по эпохамъ), въ связи съ историческими и историко-литературными матеріалами. Г. В., повидимому, использовалъ матеріалы всѣхъ предшествовавшихъ его книги указателей, много самъ работалъ надъ разысканіемъ новыхъ данныхъ, но все же его указатель весьма не полонъ. Не останавливаясь въ бѣглой замѣткѣ на всѣхъ недочетахъ, сошлемся лишь для примѣра на литературу о Д. С. Мережковскомъ, какъ авторѣ современномъ, о которомъ много пишутъ. Среди указанной литературы отсутствуютъ, напримѣръ, цѣнныя статьи Иванова-Разумника („Мертвое мастерство“—„Творчество и критика“, т. II), и цѣлый рядъ другихъ статей. Такихъ пробѣловъ много. Къ числу непростительныхъ пропусковъ надо отнести отсутствіе въ перечнѣ поэтовъ многихъ именъ, въ томъ числѣ—Зин. Гиппіусъ и Инн. Анненскаго. Наши художественные

журналы тоже недостаточно внимательно просмотрѣны В. („*Рус. Молва*". *1913—102*).

Составитель „библіографическаго пособія", преслѣдуя цѣли чисто справочнаго характера, ставитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, своей задачей „облегчить широкимъ кругамъ читателей возможность ориентироваться по всемъ обиліи и разнообразіи приводимыхъ библіографическихъ матеріаловъ". Такимъ образомъ, „это не указатель для спеціалистовъ-словесниковъ, а рекомендательный справочникъ для широкихъ читательскихъ массъ". Тѣмъ досаднѣе допущенные въ немъ промахи; ихъ приходится отмѣтить почти въ каждомъ изъ 4 отдѣловъ указателя. Рекомендуя читателямъ такихъ поэтовъ, какъ Ю. Жадовская, Ратгаузъ, Фругъ, Галина и Цензоръ, составитель пропускаетъ обоихъ Козловыхъ, Грекова, Каролину Павлову, кн. Цертелева, гр. Бутурлина, Ин. Анненскаго и Кузмина. Въ отдѣлѣ беллетристики вы не найдете Гребенки и Квитка-Основьяненка, а въ отдѣлѣ критики и публицистики—Леонтьева и В. В. Розанова. Пропущены интересныя статьи изъ „Вѣсовъ" и „Критическаго обозрѣнія". Почти совершенно не разсмотрѣны журналы, важные для пониманія цѣлой полосы литературнаго развитія („Міръ искусства", „Новый Путь". „Золотое Руно", „Перевалъ", „Аполлонъ"). Но и съ этими ошибками, при бѣдности нашей библіографической литературы, настоящая работа должна быть признана весьма нужной и полезной. (*Ник. Яковлевъ. „День". 1913—88*).

519. Малиновской, Н. А. 019.22:0/9

Избранныя книги изъ числа допущенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ съ 1899 г. по декабрѣ 1912 г. 2-е дополн. изд. Нижегород. губер. земства. Н.-Новг. 1913. Стр. Ц. 25 к.

Авторъ продѣлалъ полезную и довольно сложную работу. Во-первыхъ, онъ систематизировалъ всѣ книги, допущенныя въ теченіе послѣднихъ 14-ти лѣтъ мин. нар. просв. въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, распредѣливъ ихъ по степени наибольшей пригодности на три очереди. Затѣмъ изъ числа этихъ же книгъ онъ составилъ 27 различныхъ библіотечекъ, распредѣленныхъ концентрическими серіями, на разную сумму (отъ 1 рубля до 30-ти руб.) и различнаго содержанія. Читатель найдетъ здѣсь подборъ книгъ и по иностранной литературѣ. и по природовѣдѣнію, и по исторіи и пр. Но авторъ пошелъ и дальше. Министерскаго штемпеля удостаиваются далеко не всѣ книги, которыя могли бы быть желательными для народной школьной библіотеки. Даже нѣкоторыя произведенія такихъ русскихъ художниковъ слова, какъ Толстой, Тургеневъ. Чеховъ, Гл. Успенскій, завѣдомо устраняются изъ нихъ, а о „преступномъ" имени М. Горькаго и рѣчи быть не можетъ. Подъ запретомъ находится до сихъ поръ и лучшая критическая литература. Но, помимо всего прочаго, министерскіе каталоги совсѣмъ не считаются съ новыми образовательными потребностями земской начальной школы, выросшими съ расширеніемъ ея курса, съ созданіемъ школъ повышенныхъ типовъ. Въ качествѣ отдѣльнаго приложенія къ каталогу одобренныхъ книгъ М. и предлагаетъ особый списокъ книгъ, которыми и было бы желательно пополнить библіотеки низшихъ училищъ. Этотъ списокъ наглядно показываетъ, какихъ цѣнныхъ образовательныхъ пособій до сихъ поръ лишена наша народная школа и какъ необходимо замствамъ настаивать на расширеніи школьныхъ библіотекъ. Въ этомъ отношеніи голосъ нижегородскаго губернскаго земства, изданіемъ своего каталога выступающаго на защиту народной школы въ ея образовательныхъ правахъ, заслуживаетъ серьезнаго общественнаго вниманія. Пусть этотъ каталогъ желательныхъ книгъ составленъ неполно, мало систематически, но все же отъ него вѣетъ обновленіемъ и жизнью. (*И. Соловьевъ. „Рус. Вѣд."* *1913—54*).

Этотъ каталогъ является своевременной, важной и нужной работой. Составивъ его, М. оказалъ большую услугу земскимъ складамъ и народн. учителямъ; для тѣхъ и другихъ онъ необходимъ при пополненіи школьныхъ библіотекъ. Въ виду циркуляра мин. н. пр., подтверждающаго необходимость имѣть въ школьныхъ библіотекахъ только одобренныя книги, въ немъ ощущалась настоятельная необходимость. Составитель тщательно выбралъ лучшее изъ массы устарѣвшихъ и въ большинствѣ случаевъ болѣе чѣмъ посредственныхъ книгъ, заполняющихъ страницы оффиціальнаго каталога, разбилъ ихъ на отдѣлы и снабдилъ указаніями, изъ какого именно министерскаго каталога или дополненія къ нему взята книга и за какимъ номеромъ она въ немъ значится. Второе изданіе дополнено спискомъ тѣхъ произведеній, на которыя желательно было бы испросить одобренія Учен. комитета м. нар. пр., съ цѣлью расширенія каталога допущенныхъ въ школѣ книгъ. (*Е. Чарнолуская, „Учит. Дѣло."* *1913—1*).

520. Нордау, Максъ. 081

Собраніе сочиненій. Т. I-II. Вырожденіе. М. 1913. Стр. 418+364. Ц. по 1 р. томъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ книга Н. была событіемъ. То, что называется модернизмомъ, символизмомъ, декадентствомъ, только входило въ обиходъ въ Зап. Европѣ, ошеломляя, раздражая требуя освѣщенія и оцѣнки. Успѣхъ книги былъ громаденъ прежде всего потому, что она давала факты; это былъ какъ бы инвентарь послѣднихъ словъ культуры; это была попытка обобщить тѣ новыя явленія литературной и художественной жизни, которыя поражали прежде всего своей экстравагантностью и однако—это было ясно для всѣхъ—опирались на какую-то общую почву. Книга Н. читалась всѣми—немногими друзьями и многочисленными противниками новыхъ движеній—съ захватывающимъ интересомъ потому, что она говорила о всѣхъ интересующихъ фактахъ. Другое дѣло—какъ и что она говорила. Старый профессіоналъ пародокса, почти всегда скрывавшій подъ наружной смѣлостью своихъ афоризмовъ довольно избитое содержаніе, пошелъ на этотъ разъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Вмѣсто того, чтобы изучать, онъ принялся обличать; собравъ многообразную массу фактовъ, онъ объединилъ ихъ весьма сомнительнымъ принципомъ. Духовная дегенерація—вотъ что лежитъ въ основѣ европейскаго творчества послѣдней половины прошлаго вѣка; душевное вырожденіе — вотъ что объясняетъ намъ музыку Вагнера и поэзію Бодлэра, драмы Ибсена и философію Ницше, картины прерафаэлитовъ и романы Золя. Никакого чутья, никакого

непосредственнаго отношенія къ чужому творчеству не оказалось у Н.; онъ просто не замѣтилъ громаднаго художественнаго капитала, накопленнаго тѣми, кого онъ обличалъ; и теперь, когда разоблаченные Н. поэты и художники вошли въ нашъ культурный обиходъ, просто комичной кажется его геростратовская попытка. Въ этихъ условіяхъ совершенно непонятно, кому изъ нынѣшнихъ русскихъ читателей могъ бы понадобиться критическій памфлетъ Н.; время его прошло, бойкость его была терпима развѣ лишь на Западѣ, гдѣ онъ шелъ къ инымъ читательскимъ слоямъ. У насъ же и такъ слишкомъ много людей, склонныхъ къ сужденію съ кондачка о томъ, чего они не понимаютъ и что они могли бы понять, если бы пріучены были вдумываться въ явленія жизни. Остается радоваться тому, что Н. зарвался и что книгу его просто броситъ всякій русскій читатель, который дойдетъ до главы о Толстомъ и познакомится съ такими, напримѣръ, разсужденіями: „Что приводитъ въ особое умиленіе поклонниковъ Толстого, это, какъ извѣстно, его безграничная любовь къ ближнему. Я уже указалъ, что она въ своей сущности и проявленіяхъ неразумна; теперь я постараюсь доказать, что она тоже признакъ вырожденія". Переводчикъ и издатель благоразумно не назвали себя; они имѣютъ для этого всѣ основанія; переводъ въ достаточной мѣрѣ плохъ. (*„Рус. Бог." 1913—4*).

При первомъ появленіи эта книга произвела большой шумъ, но очень скоро и публика и критика разобрались, что научность ея только мнимая, и что методъ, по которому авторъ объявилъ „дегенератами" Толстого, Ибсена и цѣлый рядъ другихъ писателей, совершенно неумѣстенъ въ оцѣнкѣ художественнаго творчества. (*„Рус. Молва". 1913—102*).

Здѣсь нѣтъ нужды распространяться объ этомъ произведеніи знаменитаго писателя, такъ какъ оно въ свое время было достаточно оцѣнено русской критикой и публицистикой. Укажемъ только, что въ „Вырожденіи" на ряду со многими, очень многими положеніями, разсчитанными на литературную сенсацію, заключается также рядъ вѣрныхъ и мѣткихъ оцѣнокъ многихъ явленій литературнаго декаданса. Во всякомъ случаѣ, Н. одинъ изъ первыхъ пытался дать этимъ явленіямъ соціально-психологическую оцѣнку. Переводъ сдѣланъ гладко, но о блестящемъ стилѣ Н. по этому переводу и догадаться трудно. Впечатлѣніе портятъ также примѣчанія къ тексту, въ которыхъ анонимный переводчикъ сообщаетъ о своемъ несогласіи съ тѣмъ или инымъ мнѣніемъ. (*М. Л. „Кіев. Мысль". 1913—75*).

Въ своей книгѣ Н. анализируетъ модныя направленія въ искусствѣ и литературѣ, придерживаясь метода Ц. Ломброзо, и пытается доказать, что ихъ происхожденіе коренится въ вырожденіи ихъ авторовъ, а что ихъ почитатели увлекаются проявленіями болѣе или менѣе сильно выраженнаго моральнаго помѣшательства, слабоумія и сумасшествія. „Вырожденіе" написано мастерски, оно блещетъ обычной парадоксальностью Н. и въ свое время имѣло крупный успѣхъ, основанный на діалектическомъ дарѣ автора, на его такъ называемой „естественно-исторической" философіи. Однако діалектика вскорѣ стала утомительною, философія сбивалась на софизмъ, а откровенность въ „Вырожденіи" не признавала никакихъ предѣловъ.

Не понимая своего времени, Н. наиболѣе оригинальныя явленія его безъ разбора подводилъ подъ одинаковый ярлыкъ „вырожденія". Издается Н. опрятно, въ добросовѣстномъ переводѣ. (*О. Леонидовъ. „Гол. М". 1913—65*).

521. Чаадаевъ, П. Я. 081

Сочиненія и письма. Подъ ред. М. О. Гершензона. Т. I. Кн-во „Путь". М. 1913. Стр. 440. Ц. 5 р. за два тома.

Настоящее изданіе сыграетъ важную роль въ изученіи Ч. Здѣсь, во-первыхъ, собрано все то изъ писаній Ч., что ранѣе было напечатано въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ, и, во-вторыхъ, опубликовано немало совершенно новаго матеріала, никогда еще не появлявшагося въ печати. Матеріалъ, ранѣе бывшій извѣстнымъ, теперь воспроизведенъ въ сопровожденіи историко-литературнаго комментарія, составленнаго М. О. Гершензомъ; тщательно установлены хронологическія даты писемъ Ч.; нѣкоторыя письма, ранѣе извѣстныя только въ русскомъ переводѣ, впервые напечатаны по французскимъ подлинникамъ. Среди матеріаловъ, совершенно новыхъ, большая часть относится къ числу тѣхъ частныхъ писемъ Ч., которыя пригодятся скорѣе для внѣшней біографіи философа, чѣмъ для внутренней исторіи его міросозерцанія. Но зато тѣ немногіе новые документы, которые рисуютъ мыслительную работу Ч., въ высшей степени важны. Сюда относится въ особенности — „Mémoire sur Geistkunde"—„мистическій дневникъ Чаадаева", по опредѣленію Гершензона; это—рядъ выписокъ изъ Юнга Штиллинга, сопровожденныхъ отмѣтками о душевныхъ переживаніяхъ Ч., вызывавшихся своего рода гаданіемъ по Евангелію, т.-е. чтеніемъ раскрываемыхъ наудачу страницъ Евангелія; сюда относятся далѣе „Отрывки", изъ которыхъ ранѣе были напечатаны только шесть; теперь къ нимъ прибавлено еще 29. До сихъ поръ на эти отрывки смотрѣли какъ на отдѣльные афоризмы. Теперь М. О. Гершензонъ, на нашъ взглядъ, убѣдительно доказалъ, что это отрывки изъ недошедшей до насъ второй серіи „философическихъ писемъ". Важно впервые напечатанное письмо Шеллинга къ Ч., письма Юрія Самарина, декабриста Якушкина, Николая Тургенева и др. Для исторіи „философическихъ писемъ" очень цѣнно впервые печатаемое письмо неизвѣстнаго къ Ч., въ которомъ представленъ рядъ существенныхъ возраженій на взгляды Ч. Знаменитыя „философическія письма", такъ же какъ и „Апологія сумасшедшаго", даны во французскомъ оригиналѣ. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд." 1913—77*).

Гершензонъ, авторъ превосходной книги о Ч., выпустилъ теперь, какъ результатъ многолѣтнихъ розысковъ рукописей Ч., первый томъ его сочиненій и писемъ. Къ сожалѣнію, судьба этихъ рукописей печальна. „Поэтому,—говоритъ Г. въ предисловіи,—настоящее изданіе отнюдь не можетъ претендовать на полноту. Утрачены, или остаются подъ спудомъ, не только большая часть частныхъ писемъ Ч. и „отрывки" (часть которыхъ была напечатана въ „В. Евр."), но, что важнѣе, и нѣкоторыя изъ его „философическихъ писемъ, можетъ быть даже основныя". Несмотря на все это, Г. удалось значительно увеличить литературное наслѣдіе Ч. Всѣ рукописи воспроизведены въ оригиналѣ (Ч. любилъ писать по-

французски), переводъ ихъ, равно какъ и варіанты и указатели, войдутъ во второй томъ. Обширныя примѣчанія редактора даютъ цѣнныя объясненія и дополненія къ тексту. Конечно, настоящее изданіе не разсчитано на большую публику. Но кто захочетъ поглубже узнать замѣчательную фигуру одного изъ оригинальнѣйшихъ и талантливѣйшихъ русскихъ людей („Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ. А здѣсь онъ—офицеръ гусарской"—писалъ о Ч. Пушкинѣ), тотъ непремѣнно долженъ будетъ обратиться къ его подлиннымъ писаніямъ. Но для этого нужно предварительно ознакомиться съ Ч. по другимъ, болѣе популярнымъ источникамъ. (*Книжникъ. „Кіев. Мысль". 1913—8/9*).

522. Закржевскій, А. 2(04)

Религія. Психологическія параллели. Изд. журн. „Искусство". Кіевъ. 1913. Стр. VII+473. Ц. 2 р.

Книга эта — третія часть трилогіи автора о творчествѣ Достоевскаго. Но не объ одномъ Достоевскомъ говорится въ ней. Всѣ наши сколько-нибудь замѣтные современные писатели, касающіеся въ своихъ книгахъ религіозныхъ проблемъ, подвергаются авторомъ разсмотрѣнію, при чемъ идеи Достоевскаго служатъ автору критеріемъ для ихъ оцѣнки. Попутно авторъ высказываетъ и свои собственные взгляды, сводящіеся къ тому, что для преодолѣнія нигилизма и всяческаго обезцѣненія жизни нужны не внѣшнія перемѣны, а внутреннее и религіозное просвѣтлѣніе. Авторъ всецѣло проникся идеей религіознаго избранничества Россіи и утверждаетъ, что только въ Россіи возможно истинное царство Христово. Въ идеѣ церкви, выраженной у славянофиловъ, у Достоевскаго и сродныхъ имъ современныхъ писателей, авторъ видитъ спасеніе Россіи отъ того разложенія, которое угрожаетъ духовно-буржуазному Западу. Большинство учениковъ современныхъ нашихъ религіозныхъ писателей авторъ разсматриваетъ не какъ религію, а лишь какъ философію вѣры. При этомъ авторъ воскрешаетъ въ нашей памяти и такихъ писателей, о роли которыхъ въ пробужденіи религіознаго сознанія Россіи мы или забыли (Минскій и его книги „При свѣтѣ совѣсти" и „Религія будущаго"), или очень мало знаемъ (А. Добролюбовъ и его книга „Изъ книги невидимой"). Правильно оцѣнивается неплодотворность и безжизненность мэонической религіи Минскаго и подвижническій характеръ религіи А. Добролюбова. Зато врядъ ли стоило посвящать цѣлую главу религіознымъ идеямъ И. Новикова и В. Свѣнцицкаго. Наиболѣе отрицательной оцѣнкѣ подвергнуты авторомъ религіозныя идеи С. Н. Булгакова. Онъ находитъ въ немъ очень мало христіанскаго духа, попрекаетъ его марксизмомъ и считаетъ, что „его философія не есть дѣло Христово, а подлинная мертвечина". Но изъ всей главы о Б. видно, что авторъ судитъ такъ главнымъ образомъ на основаніи болѣе раннихъ писаній Б. и совершенно не принялъ въ расчетъ послѣднихъ его книгъ. Очень высоко оцѣненъ В. В. Розановъ. Указавъ, что интуиція—главное оружіе его критики, авторъ считаетъ Р. геніальнѣе Бергсона. Мало того, Р., который на одну и ту же тему оказался способенъ одновременно писать въ двухъ противоположныхъ смыслахъ, онъ считаетъ „единственнымъ по искренности чувства религіознымъ мыслителемъ". Болѣе правильны и выдержаны оцѣнки религіозныхъ идей Бердяева, Мережковскаго и Гиппіусъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ книга З., несомнѣнно, прочтется съ интересомъ всякимъ, кто слѣдитъ за русской религіозно-философской литературой. (*И. Книжникъ. „Рус. Мысль". 1913—4*).

Можно только поздравить З. съ выходомъ во храмъ изъ долголѣтняго затвора. Но нельзя похвалить его за то, что, входя въ мѣсто свято, онъ не разулъ своихъ сандалій, истопганныхъ имъ во время его блужданій по „подпольямъ". Ужъ если онъ хочетъ „прійти, поклониться и припасть ко Христу", слѣдовало бы ему болѣе энергично, чѣмъ это дѣлаетъ, отвернуться отъ Вяч. Иванова и В. В. Розанова, которые совершаютъ одновременно свои богослуженія и передъ алтаремъ Іеговы и на высотахъ Вааловыхъ.

Мягкое отрицаніе розановскаго язычества не удовлетворитъ настоящихъ христіанъ: они рѣзко и прямо укажутъ, что въ „христіанствѣ" Розанова есть все, что угодно, — между прочимъ, и любовь къ лампадкамъ и вечернему звону, но вѣтъ Христа. И пусть не ссылаются при этомъ на Достоевскаго: между нимъ и Р. та разница, что къ Достоевскому какъ нельзя болѣе примѣнимы слова поэта: „пусть грудь волнуютъ страсти роковыя... Душа готова, какъ Марія, къ стопамъ Христа навѣкъ прильнуть". Тогда какъ къ Р. примѣнимъ противоположный текстъ: „устами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене"... Р., начавшій свою карьеру изслѣдованіемъ легенды о великомъ инквизиторѣ, съ тѣхъ поръ только и дѣлалъ, что пародировалъ этого инквизитора: признавая весь антуражъ христіанства, самого Христа, онъ держитъ въ темницѣ, а иногда и легонько Его бичуетъ. Сказанное въ меньшей степени и съ оговорками относится и къ другимъ неохристіанамъ, да даже отчасти и къ самому З., потому что онъ тоже ищетъ синтеза Христа съ „подпольемъ" и „карамазовщиной", забывая, что „невозможно двумъ господамъ служити". Таковъ долженъ быть приговоръ надъ неохристіанами съ точки зрѣнія той дѣтской, слѣпой и беззавѣтной вѣры, къ которой призываетъ З. Если же онъ въ дѣйствительности этою вѣрою удовлетвориться не можетъ и желаетъ точно широкаго „синтеза", тогда поневолѣ разведешь руками, узнавъ, что З. тщательно устраняетъ изъ этого синтеза два момента: науку, даже вообще все, что носитъ слѣды интеллекта, и общественность. Это, впрочемъ, характерно для мыслителей модерна: они готовы, вмѣстѣ съ Розановымъ, признать, что „все въ человѣкѣ божественно вплоть до слюны и пищеваренія", только разумъ съ наукой удаляютъ куда-то на задворки. „Слюну и пищевареніе" пріемлютъ, но разума выносить не могутъ.

Можно доказать многочисленными цитатами и доводами, что ни Христосъ и апостолы, ни Достоевскій, отъ котораго всюду исходитъ З., не отрицали ни разума, ни общественности. Пусть „царство Его не отъ міра сего", но между обоими царствами изначала установились столь тѣсныя „международныя сношенія", что эта наша неизбѣжная З. „общественность" на добрую половину является результатомъ той культурной роли, которую сыграло въ жизни человѣчества

христіанство. (*Ал. Ачкасовъ. „Кіевъ. Мысль“. 1913—108*).

Во всей трилогіи З. чувствуется острая боль жизни, искренность и тяготѣніе къ „проклятымъ вопросамъ“, „подполью“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какая-то сумбурность, отсутствіе отчетливости какъ въ мышленіи, такъ и въ изложеніи своихъ мыслей. Въ послѣдней книгѣ З. анализируетъ отношеніе современныхъ богоискателей къ религіи, пытается провести параллель между ними и Достоевскимъ и приходитъ къ заключенію, что трагизмъ современнаго религіознаго сознанія заключается въ его зависимости отъ науки, неизбѣжности подчиняться правиламъ и законамъ логическаго мышленія и въ нихъ искать почву и утвержденіе. Свою мысль критикъ иллюстрируетъ путемъ анализа міросозерцанія З. Гиппіусъ, Мережковскаго, и др. З. зоветъ интеллигенцію къ Живому Христу: „Христосъ не нуждается въ догматѣ и постигается лишь въ чувствѣ и безуміи!“ Этотъ призывъ къ Христу какъ-то странно сочетается у З. съ оргіазмомъ и восторженнымъ восхваленіемъ порока. „Можетъ быть, порочность именно признакъ геніальности?“ спрашиваетъ З., подобно тому, какъ въ предыдущей своей книгѣ съ презрѣніемъ говорилъ о такъ называемыхъ противоестественныхъ страстяхъ“. Впрочемъ, и въ „Религіи“ мы находимъ на-ряду съ апологетикой „Карамазовщины“ и отвращеніе къ разврату, тоску по Тургеневскимъ женщинамъ и Прекрасной Дамѣ Блока. Въ общемъ же, именно къ З. нельзя не примѣнить грубой, но мѣткой характеристики покойнаго Михайловскаго по адресу нынѣ здравствующаго виднаго богоискателя: у него мысль скачетъ, какъ блоха. (*„Рус. Молва“. 1913—67*).

523. Шишковъ, Н. А. 3(04)

Начала общественной жизни. Чтеніе для слушателей 14—17 лѣтъ. Изд. „Юнаго Читат.“ Спб. 1913. Стр. 70. Ц. 15 к.

Книгъ, которыя говорили бы въ доступной для юноши 14—17 л. формѣ о вопросахъ общественности, о нравственности и этикѣ, у насъ совсѣмъ нѣтъ или почти нѣтъ. Разсматриваемая книга извѣстнаго покойнаго земскаго дѣятеля представляетъ собою совершенно исключительное явленіе, и хотѣлось бы обратить на нее возможно большее вниманіе. Можетъ быть, эта книга еще далека отъ желаннаго идеала, но во всякомъ случаѣ про нее можно сказать: „вотъ это такая книга, какая дѣйствительно нужна дѣтямъ“. Книга эта представляетъ собою лекцію, которую въ 1909 г. Ш. читалъ юной аудиторіи Самарскаго О-ва Нар. Унив. Книга въ точности сохранила характеръ лекціи. Это въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ минусъ для книги, какъ таковой, но зато сохраняетъ до извѣстной степени непринужденность и гибкость живого слова. Содержаніе лекціи составляетъ именно то, что можетъ и долженъ сказать подросткамъ умный, честный, чистый человѣкъ, горячо любящій дѣтей, желающій подѣлиться съ ними своимъ житейскимъ опытомъ, помочь разобраться въ хаосѣ окружающихъ ихъ противорѣчій и облегчить имъ выработку собственнаго своего отношенія, участія въ общественной жизни. На послѣднее авторъ и обращаетъ главное свое вниманіе. Каждый человѣкъ не можетъ не принимать того или иного участія въ общественной жизни. Въ чемъ же выражается это личное участіе каждаго, даже еще не взрослаго, „каковы должны быть тѣ основные принципы или убѣжденія, при которыхъ развивается лучшій типъ гражданина и общественнаго дѣятеля“? И авторъ прекрасно отвѣчаетъ на эти вопросы, просто, искренно, неизмѣнно серьезно. Послѣдовательно разсматриваетъ авторъ сущность, значеніе и осуществленіе справедливости, альтруизма, уваженія къ чужому мнѣнію, самообладанія, дисциплины, мужества, самодѣятельности, привычки къ труду, чувства долга и нравственной отвѣтственности, гражданскаго мужества, патріотизма, общественнаго служенія, отношенія къ общественному мнѣнію и значенія привычки къ общественной жизни. Какъ трудно говорить о патріотизмѣ въ наши дни, но авторъ говоритъ такъ искренно, просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ вѣрно, какъ можетъ говорить только честный человѣкъ, горячо любящій свою страну. Если читатель не утратилъ еще способности серьезно относиться къ читаемой имъ книгѣ, если читатель имѣетъ привычку вдумываться въ смыслъ читаемаго, то прочтеніе этой маленькой, но очень содержательной книги дастъ ему многое и, быть можетъ, окажетъ не малое вліяніе на весь нравственный обликъ его. Маленькая книга, быть можетъ, даже перегружена матеріаломъ. По поводу каждой страницы слѣдовало бы поговорить съ юнымъ читателемъ, развить сказанное въ ней, добавить къ примѣрамъ автора примѣры, иллюстрирующіе данные вопросы изъ жизни лично читателю знакомой и т. д. Если читатель бѣгло прочтетъ, перелистуетъ книгу Ш., это будетъ даромъ потраченное время. Если же онъ сможетъ и захочетъ отнестись къ ней съ тою серьезностью, которую она заслуживаетъ, и если онъ имѣетъ возможность подумать и поговорить о ней—значеніе ея можетъ быть очень велико. Это одна изъ тѣхъ чистыхъ, честныхъ книгъ, которыя могутъ произвести неизгладимое впечатлѣніе на душу чуткаго ребенка. (*Евг. Елачичъ. „Что и какъ чит. дѣт.“ 1913—7*).

Широта общественныхъ идеаловъ автора и гуманность его воззрѣній позволяютъ рекомендовать брошюру, какъ прекрасное пособіе для перваго ознакомленія юношества съ общественными обязанностями. (*„Рус. Молва“. 1913—78*).

Автору можно сдѣлать упрекъ въ недостаткѣ вниманія къ изложенію: нѣкоторыя подробности въ книгѣ изложены такъ неполно или неудачно, что могутъ привести къ ложному истолкованію добрыхъ, безъ сомнѣнія, намѣреній автора. По меньшей мѣрѣ неполно (на стран. 33—37) представлена сущность „общественнаго служенія:“ въ качествѣ точекъ приложенія своихъ способностей и силъ въ цѣляхъ общественной службы въ книжкѣ указаны и такія, какъ обученіе безграмотнаго чтенію и письму, сообщеніе земскому врачу о появленіи заразной болѣзни въ селѣ, и въ то же время не проронено ни слова о томъ, какъ сознательный гражданинъ долженъ и можетъ уничтожать несправедливость общественной жизни, а также,—какимъ образомъ онъ могъ бы подготовиться къ жизни въ обществѣ. А этотъ вопросъ въ данномъ случаѣ особенно важенъ, такъ какъ книжка назначается для того возраста, который русской средней школою такъ старательно оберегается отъ всякой общественности... (*Н. П., Вятск. Р.“ 1913—77*).

24. [. 323.1

Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. Рѣчи и статьи А. М. Александрова, В. М. Бехтерева, М. М. Ковалевскаго, Я. Лаврина, П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и М. П. Чубинскаго. Изд. „О-ва славян. научн. единенія". Спб. 1913. Стр. 139+XIV. Ц. 60 к.

Кровавыя событія на Балканахъ возбудили въ Россіи особый интересъ къ нашимъ единовѣрцамъ. Въ Петербургѣ образовалось общество славянскаго научнаго единенія, которое способствуетъ знакомству между собою славянскихъ ученыхъ и распространенію у насъ свѣдѣній о научно-культурной и художественной жизни славянства.

Этимъ обществомъ выпущенъ первый сборникъ, трактующій современные вопросы славянства и освѣщающій ихъ статьями выдныхъ профессоровъ.

Авторы мечтаютъ объ общемъ союзѣ всѣхъ славянъ, который и политически, и культурно возвыситъ славянство. Нельзя не пожелать, чтобы осуществились эти мечты и чтобы были проведены въ жизнь идеалы пражскаго съѣзда. („*Гол. М.*" *1913—80*).

Хотя „О. Слав. Науч. Ед." по своимъ задачамъ и своей программѣ не должно преслѣдовать никакихъ политическихъ цѣлей и, какъ говоритъ акад. Бехтеревъ въ своей программной рѣчи, помѣщенной въ началѣ „Сборника," должно „провозгласить только общность научно-культурной работы между славянами", тѣмъ не менѣе все содержаніе этого перваго печатнаго труда О-ва есть сплошная политика и является живымъ откликомъ на балканскую войну. Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться. Проф. Ковалевскій—и пока онъ только одинъ изъ всѣхъ участниковъ „Сборника" — остался въ рамкахъ строго научныхъ задачъ. Его статья: „Какой свѣтъ бросаетъ изученіе славянскаго права на бытовые порядки русскаго крестьянства?" не содержитъ въ себѣ ни единаго намека на современное политическое положеніе Балканъ. Зато всѣ остальные участники сборника не упустили случая, чтобы излить свои славянофильскія чувства по поводу нынѣшней войны и „политиканствовать" на тему о южно-славянской проблемѣ. Даже въ такой, казалось бы, невинной съ виду статьѣ, какъ „Славянскій вопросъ и художественно-литературное сближеніе", Янко Лаврінъ ухитрился сосредоточить все свое вниманіе на политической сторонѣ славянскаго вопроса. Особенно непріятно бросается въ глаза попытка обосновать сербскія политическія притязанія въ ущербъ національнымъ интересамъ Албаніи, которую нѣкоторые изъ участниковъ сборника разсматриваютъ, какъ quantité negligeable не только съ политической точки зрѣнія, но и національной. Если уже доказывать, что нынѣшняя война на Балканахъ оправдывается наличностью въ ней правовыхъ и національныхъ интересовъ угнетаемыхъ подъ оттоманскимъ игомъ христіанскихъ народовъ, какъ это дѣлаетъ „О. С. Н. Е.", если утверждать, что „при извѣстныхъ условіяхъ жизни война, какъ и возстаніе, является неизбѣжнымъ актомъ самообороны"—то надо стараться, чтобы такая война не выродилась въ отталкивающую отъ себя драку хищниковъ изъ-за лакомыхъ территоріальныхъ кусковъ, лежащихъ по ту сторону національныхъ границъ. А на самомъ дѣлѣ мы присутствуемъ уже при томъ, какъ балканскіе славяне отъ самообороны переходятъ къ нападенію. И вотъ этотъ-то актъ, противный идеѣ культуры и прогресса, идеѣ національности, какъ идеѣ демократической, и нашелъ горячую поддержку въ лицѣ русскихъ прогрессивныхъ ученыхъ, въ своихъ программныхъ статьяхъ возвышенно заявляющихъ, что „не зоологическій, а культурно-психологическій принципъ долженъ быть выдвигаемъ въ дѣлѣ научно-культурнаго сближенія славянскихъ народовъ (рѣчь В. Бехтерева). Если проф. Лавровъ считаетъ ошибочнымъ дипломатическимъ шагомъ со стороны Европы признаніе ею въ принципѣ желательности албанской автономіи, то Д. Семизъ въ своей обстоятельной статьѣ „Сербскій народъ наканунѣ войны", пытается еще рѣзче подчеркнуть эту „ошибку". Но при этомъ С. не останавливается передъ искаженіемъ фактовъ и неправильнымъ освѣщеніемъ дѣйствительности) Въ подтвержденіе своихъ словъ Семизъ ссылается на извѣстнаго знатока Балканскаго вопроса, Рене Пинона, высказавшагося будто бы въ такомъ духѣ, т.-е. отрицающаго наличность національнаго сознанія албанцевъ. Но вотъ передъ нами книга Рене Пинона: „L'Europe et la jeune Turquie". Р. Пиноъ рѣшительно заявляетъ слѣдующее: „Отъ равнинъ Вардара до Адріатическаго моря, отъ Оессаліи до Черногоріи албанецъ является хозяиномъ положенія; онъ имъ является здѣсь по праву перваго поселенца, по праву болѣе сильнаго. По расовымъ особенностямъ, по языку, по своимъ вѣрованіямъ, по нравамъ и обычаямъ албанецъ отличается отъ другихъ народовъ полуострова. Онъ выдѣляется своей рѣзко очерченной индивидуальностью. Случается, что албанцы ассимилируютъ другихъ, насильно или по ихъ волѣ, но они сами никогда не поддаются ассимиляціи: напротивъ, они съ презрѣніемъ относятся ко всему чужеземному. Историческая роль албанца находится въ тѣсной зависимости съ его характеромъ, а его характеръ неразрывно связанъ съ его страной." Утверждать, съ одной стороны, что „сейчасъ на Балканахъ идетъ рѣшительная борьба за начало свободы и культуры" (рѣчь проф. Чубинскаго), что „весь такъ называемый націонализмъ славянъ сводится не къ поглощенію другихъ народностей, а къ собственному самоопредѣленію, къ самоутвержденію—во имя гуманности и справедливости" (статья Лаврина), а съ другой — доказывать, что албанская національность—это „албанскій миѳъ", что „самое созданіе Албаніи слѣдуетъ считать политической ошибкой (проф. Лавровъ), — такая политика далека отъ прогрессивнаго образа мыслей, она очень ужъ смахиваетъ на славянофильство стараго реакціоннаго пошиба. Не потому ли Лаврінъ въ своей статьѣ „Славянскій вопросъ и художественно-литературное сближеніе" обрушивается на русскаго интеллигента, который, по его выраженію, является „культурнымъ евнухомъ въ своемъ лакейскомъ ухаживаніи за Европой", что русское прогрессивное общество отмахивается отъ благоухающаго старымъ славянофильствомъ „О. С. Н. Е.", что оно не идетъ на его призывы разгромить Албанію, какъ національную единицу, во имя... великихъ принциповъ свободы, равенства и братства? (*Н. Борсцкій-Бергфельдъ. „Совр. М." 1913—3*).

Книжка является первымъ выпускомъ изданій общества славянскаго научнаго единенія. Интересной темѣ посвящена статья Янко Лаврина. Авторъ касается вопроса о художественно-литературномъ сближеніи славянскихъ народовъ. „Русскіе и славянскіе литераторы и художники не только не имѣли до сихъ поръ никакихъ взаимныхъ сношеній, но очень часто даже не знали существованія другъ друга... Русскіе, имѣя у себя на глазахъ поляковъ съ ихъ чудной самобытной литературой, не считаютъ даже нужнымъ хоть настолько ознакомиться съ польскимъ языкомъ, чтобы читать въ оригиналѣ ихъ литературныхъ геніевъ, непереводимыхъ ни на какой языкъ",— жалуется авторъ. Только ли русское общество „виновато" въ этомъ недостаткѣ сближенія между двумя родственными литературами?.. (*„Совр. Сл." 1913—1830*).

...Интересно: обстоятельное изложеніе вопроса объ отношеніи Сербіи и Балканскаго союза — проф. Лаврина, ст. проф. Ковалевскаго, рѣчь проф. Чубинскаго на тему: „Балканская война и вопросъ культуры". Любопытна также рѣчь деп. А. М. Александрова о настроеніи русскаго общества въ провинціи и о томъ, какое значеніе для русскаго самосознанія имѣли балканскія событія: „они насъ вытащили изъ бездны отчаянія, самоанализа", „они подтвердили не избѣжность свободнаго развитія русскаго государства". Къ книгѣ приложенъ уставъ общества. (*М. С. „Вѣст. Евр." 1913—4*).

525. Козликина, Е. И. 34(04)

За полвѣка 1862 — 1912 г. Записки старѣйшей русской журналистки. 50 лѣтъ въ стѣнахъ суда. М. 1913. Стр. 560. Съ иллюстр. Ц. 3 р.

„Пятьдесятъ лѣтъ въ стѣнахъ суда", пятидесятилѣтіе дѣятельности московскихъ судебныхъ установленій,—какая это богатая и содержательная тема.

Но тема вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма отвѣтственная. Можно описывать, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидѣтель въ жизни былъ, или вложить въ свои описанія „тенденцію". Съ „тенденціей" написаны „Воспоминанія" К. о дѣятельности московскихъ судебныхъ установленій. „Тенденція"—незамысловатая: все стало хуже. Въ то время, когда былъ только что реформированъ судъ, онъ стоялъ на высотѣ. Затѣмъ началось паденіе судебныхъ нравовъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ все больше. Особенное „растлѣніе" добрыхъ нравовъ авторъ усматриваетъ въ адвокатурѣ. Къ магистратурѣ авторъ относится болѣе милостиво. Только одинъ періодъ нашелъ и со стороны автора „Воспоминаній" отрицательное отношеніе. Это — насажденіе „новыхъ людей" за время министра Н. В. Муравьева. Авторъ вообще противникъ новыхъ теченій жизни и сторонникъ старыхъ порядковъ. Вся жизнь идетъ къ упадку: на основаніи судебныхъ процессовъ въ изданныхъ „Воспоминаніяхъ" рисуется постепенное общее „паденіе нравовъ". Съ каждымъ десятилѣтіемъ это „паденіе" все увеличивается и переходитъ въ настоящее „озвѣрѣніе". Когда авторъ подходитъ къ „освободительному движенію", у него уже не хватаетъ словъ для бичеванія. И ничто не примиряетъ автора съ новымъ временемъ. Въ этомъ обнаружились политическія чувства и симпатіи автора. Эти „чувства" заставляютъ автора видѣть въ народникахъ-революціонерахъ 70-хъ годовъ „злодѣевъ", „циниковъ" и „волковъ въ овечьей шкурѣ" и, наоборотъ, въ погромщикахъ-охотнорядцахъ, учинившихъ расправу надъ студентами въ 70-хъ годахъ, — лишь „не въ мѣру расшалившихся людей" и пр. Но почему же такъ виноваты молодые адвокаты? Вѣдь повинны, по словамъ автора, и адвокаты 70-хъ годовъ: на процессѣ игуменьи Митрофаніи они потрясали основы, „бичуя служителей церкви за ихъ лицемѣріе и стремленіе къ наживѣ", въ то время когда „въ московскихъ церквахъ по указу святѣйшаго синода служились молебны о дарованіи игуменьѣ Митрофаніи силы перенести ниспосланное ей испытаніе". Разумѣется, мы вовсе не имѣемъ въ виду доказывать, что въ историческихъ судьбахъ русскаго суда все благополучно, что дѣло русскаго правосудія прогрессируетъ. Но къ разрѣшенію этого вопроса не съ пріемами и аргументами К. слѣдуетъ подходить К. винить въ „паденіи нравовъ" „всесословную школу", выпускавшую цѣлые кадры людей, „совершенно неподготовленныхъ къ воспріятію идеаловъ культурнаго человѣчества". „Всесословная школа" создала интеллигентный пролетаріатъ, который жадно и завистливо смотрѣлъ на чужую собственность. Вотъ въ чемъ бѣда! К. просмотрѣла многое: какая атмосфера съ теченіемъ времени создавалась вокругъ русскаго суда, какъ утрачивалась самостоятельность и независимость суда, какое властное вліяніе пріобрѣтали mots d'ordre изъ кабинета на Екатерининской улицѣ. Хроника московскихъ судебныхъ установленій хранитъ слѣды этихъ пережитыхъ въ разное время властныхъ вліяній. Наконецъ, вѣдь за полвѣка наслоившіяся на Судебныхъ Уставахъ законодательныя новеллы создали для судебныхъ дѣятелей совсѣмъ иныя условія, чѣмъ въ какихъ дѣйствовали піонеры новаго суда. А К. даетъ этому такое объясненіе: „чтобы не профанировать судъ, приходилось лицамъ, стоящимъ у власти, вносить поправки и въ самый Уставъ Императора Александра II". К. долгіе годы вращалась около суда, сначала въ качествѣ переписчицы, потомъ газетнаго репортера. Она многое видѣла и слышала, встрѣчалась со многими людьми. Но изъ этихъ непосредственныхъ впечатлѣній нѣтъ ничего сколько-нибудь цѣннаго въ ея „Воспоминаніяхъ". Оригинальны воспоминанія объ ея участіи въ 60-хъ годахъ въ кружкѣ Ишутина, но эти воспоминанія таковы, что лучше было бы, если бы они совсѣмъ не появлялись... Такъ все въ нихъ субъективно и далеко отъ правды. (*Н. Іорданскій. „Рус. Вѣд." 1913—30*).

К. рѣдкій свидѣтель прошлаго, съ открытія новыхъ судовъ и до нашихъ дней, но, къ сожалѣнію, почти ничего дѣйствительно цѣннаго объ этомъ прошломъ не находимъ въ огромной книгѣ „старѣйшей русской журналистки". У К. нѣтъ наблюдательности къ вещамъ характернымъ и важнымъ, нѣтъ и безпристрастія. Она скользитъ по поверхности событій и людей, характеристики ея однообразныя и сѣрыя и сводятся къ раздачѣ похвальныхъ и порицательныхъ эпитетовъ, разсказы о судебныхъ процессахъ вялы и скучны. (*Кн. „Кіев. Мысль". 1913—82*).

Пусть въ этихъ безхитростныхъ страницахъ нѣтъ оригинальности и глубины, нѣтъ блестя-

щихъ характеристикъ и мѣткихъ обобщеній. Это лишь хроника за полвѣка. Но хроника обстоятельная. Не бѣда, что эта хроника иногда снабжается замѣчаніями отъ автора и разсужденіями о вредѣ Ренана, Дарвина или Бюхнера... Такихъ мѣстъ мало, и не въ нихъ значеніе книги. (*В. С. „Соврем.“. 1913—4*).

526. Ключевскій, В. О. 342.54(47)

Исторія сословій въ Россіи. М. 1913. Стр. Ц.

Курсъ по „Исторіи сословій“ впервые появляется въ печати. Онъ былъ читанъ В. О. только однажды, въ московскомъ университетѣ въ 1887 г. Мнѣ пришлось слышать этотъ курсъ еще со студенческой скамьи. Живо помню, какое захватывающее впечатлѣніе произвела тогда на аудиторію вводная теоретическая часть курса. Заключеніе этого введенія было покрыто такими одушевленными рукоплесканіями биткомъ набитой аудиторіи, что тогдашнее университетское начальство (то были времена Брызгалова) не на шутку встревожилось и въ увлеченіи студентовъ такимъ чисто академическимъ курсомъ, какъ исторія сословій отъ древнѣйшихъ временъ до Екатерины II, склонно было усмотрѣть чуть ли не бунтъ. Упомянутый курсъ представляетъ собой классическій образецъ университетскаго спеціальнаго курса. Аудиторія была въ восхищеніи отъ скульптурной стройности этого сжатаго, строго соразмѣрнаго и насыщеннаго содержаніемъ курса. А знатоки тогда же обратили вниманіе на тѣ его части, которыя явились результатомъ собственныхъ изысканій профессора. Я помню горячія похвалы, которыя высказывалъ тогда теперь уже покойный извѣстный канонистъ Павловъ той лекціи, которая посвящена церковному обществу кіевской Руси. Особенно широко выступили результаты архивныхъ изслѣдованій В. О. въ той части курса, которая относится до сословнаго строенія Московскаго государства. Къ выпущенному теперь печатному изданію курса присоединено драгоцѣнное приложеніе: сопоставленіе первоначальныхъ записей за устной рѣчью профессора съ тѣмъ окончательнымъ текстомъ, который получался послѣ тщательной послѣдующей отдѣлки, производившейся профессоромъ для литографированнаго изданія курса. Это приложеніе въ высшей степени интересно для изученія пріемовъ научнаго изложенія В. О. Ключевскаго. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд.“. 1913—89*).

Курсъ этотъ былъ въ 1886 г. отлитографированъ по записямъ слушателей (Кизеветтера, Сторожева и Юшкова) подъ тщательной редакціей В. О—ча. Особую цѣнность новаго изданія составляютъ примѣчанія издателя—Юшкова, поясняющія характеръ редакціонной работы. Предисловіе г. Ю. даетъ рядъ живыхъ чертъ К.—преподавателя. Самый курсъ цѣненъ, помимо научнаго содержанія и мастерского изложенія, элементами общеисторическихъ воззрѣній К., той соціологической схемы, какую онъ клалъ въ основу своего изложенія хода русской исторіи. (*„Рус. Молва“. 1913—122*).

527. Гернетъ, М. Н. 343.25

Смертная казнь. Съ прилож. 16 діагр. въ краск., 54 фотогр. и рис. и на особ. лист. 4 геогр. картъ. М. 1913. Стр. 149. Ц. 4 р.

Хотя литература по вопросу о смертной казни уже и достаточно богата, появленіе даннаго труда нельзя считать ни лишнимъ, ни ненужнымъ. Книга состоитъ изъ пяти главъ: первая глава посвящена изслѣдованію вопроса: какъ относились и относятся къ смертной казни различные классы общества; вторая — обозрѣнію современнаго законодательства о смертной казни; третья—статистикѣ смертной казни; четвертая—способамъ казни, и пятая — оцѣнкѣ смертной казни. Хотя не лишена научнаго значенія и первая глава, показывающая въ общемъ, что демократическіе слои общества почти всѣдѣ относились отрицательно къ смертной казни, тогда какъ духовенство и аристократія были всегда защитниками этого вида наказанія, однако, нельзя не признать эту главу неполной. Авторъ использовалъ далеко не весь матеріалъ по этому вопросу и далъ скорѣе общіе штрихи, намѣчающіе рѣшеніе проблемы, а не болѣе или менѣе полное историческое и соціологическое изслѣдованіе вопроса. Зато достаточно полно и всесторонне разработана глава о законодательствѣ различныхъ государствъ на счетъ смертной казни и о тѣхъ преступленіяхъ, которыя караются смертью по современнымъ уголовнымъ кодексамъ. Самой цѣнной главой книги является третья глава, въ которой Г. даетъ статистическія данныя различныхъ государствъ о числѣ смертныхъ приговоровъ и казней за періодъ XIX и начало XX столѣтія. Цѣнность этой главы увеличивается еще благодаря множеству прекрасно-исполненныхъ діаграммъ, наглядно показывающихъ движеніе „роковой, кровавой черты“ въ главнѣйшихъ государствахъ. Эти діаграммы поистинѣ заслуживаютъ того, чтобы быть выставленными на публичныхъ мѣстахъ для ознакомленія съ линіей смерти широкихъ слоевъ нашего общества. Помимо громаднаго практическаго интереса, эти діаграммы даютъ основаніе и для чисто теоретическихъ выводовъ. Общій результатъ, который вытекаетъ изъ знакомства съ „смертной статистикой, тотъ, что смертная казнь, хотя медленно, но неуклонно вымираетъ. Не говоря уже о тѣхъ государствахъ, гдѣ она отмѣнена законодательнымъ путемъ (Румынія, Португалія, Голландія, Швейцарія, Италія, Норвегія и рядъ штатовъ Америки), и тамъ, гдѣ она существуетъ de jure, de facto—оказывается уже давно несуществующей (напр., Бельгія, гдѣ послѣдняя казнь была въ 1866 г.). Наряду съ этимъ къ тому же выводу приводитъ разсмотрѣніе и тѣхъ діаграммъ, гдѣ еще царство смерти не разрушено. Такъ, діаграмма Франціи показываетъ, что кровавокрасная линія постепенно понижается. Аналогичную же тенденцію обнаруживаетъ „линія смерти“ въ Германіи, въ Бельгіи, въ Швеціи, въ Даніи, въ Венгріи, въ Австріи, въ Испаніи, въ Греціи, въ Сербіи и въ Финляндіи. Менѣе ясна эта тенденція въ Англіи, Болгаріи и въ Соедин. Штатахъ. Что же касается Россіи, то здѣсь линія смерти принимаетъ поистинѣ зловѣщій видъ... 4-я глава посвящена описанію способовъ смертной казни. Интересъ и въ то же время кошмарность этой главы увеличивается благодаря многочисленнымъ снимкамъ и картинамъ, иллюстрирующимъ способы и орудія исполненія казни. Въ послѣдней главѣ Г. вполнѣ резонно приводитъ цифры, показывающія насколько безпочвенны утвержденія тѣхъ защитниковъ

казни, которые говорятъ, что смертную казнь нельзя отмѣнить потому, что безъ нея не будетъ страха, а потому-де увеличатся и преступленія. Безстрастныя цифры и здѣсь показываютъ, что послѣ отмѣны смертной казни число кровавыхъ преступленій (въ Италіи, Норвегіи, Голландіи, штатахъ Америки) не только не повысилось, но наоборотъ, понизилось. Авторъ вполнѣ правъ, когда въ заключеніе своей интересной и цѣнной книги говоритъ: „слишкомъ сухія цифры и слишкомъ живыя, вопіющія отдѣльныя слагаемыя, изъ которыхъ слагаются цифры приговоренныхъ и казненныхъ, съ одинаковой силою требуютъ, чтобы смертная казнь была отмѣнена немедленно". (*П. А. Сорокинъ. „Вѣст. Псих., К. А. и П." 1913, т. X, вып. II*).

Подобныя правдивыя описанія способовъ и орудій казни, страшныя картины легализованнаго убійства, поистинѣ потрясающіе факты прошлаго и современной намъ мрачной дѣйствительности кровавымъ кошмаромъ остаются въ памяти читателя. Даже отбросивъ всю логическую, разсудочную часть книги, чувствуешь, что пора, дѣйствительно, разсѣять этотъ кровавый туманъ, позорящій нашъ вѣкъ. Много долженъ пережить читатель, перелистывая эту мрачную и въ то же время высоко гуманную книгу, и много, должно быть, выстрадалъ авторъ ея, трудясь надъ обагренными кровью цифрами... Въ смыслѣ ясности изложенія и отчетливости мыслей и выводовъ книга не заставляетъ желать ничего лучшаго; ее можно рекомендовать всякому грамотному человѣку. (*Ал. Винаверъ. „У. Рос.". 1913—74*).

528. Фромметтъ, Б. 362.76

Помощь школьнику — долгъ страны. Изд. Спб. о-ва Грамотн. Спб. 1913. Стр. Ц. 60 к.

Авторъ этой книги извѣстенъ своими статьями въ педагогическихъ журналахъ, посвященными вопросу о питаніи школьниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ статей, а равно и докладъ автора первому всероссійскому съѣзду по семейному воспитанію—„Государство, мѣстныя самоуправленія и общество въ борьбѣ съ голоданіемъ и нищетой учащихся"—вошли въ настоящій сборникъ. Въ приложеніи помѣщены нормальный уставъ общества вспомоществованія учащимся и положеніе о попечительствахъ при начальныхъ училищахъ, а также полезныя свѣдѣнія по организаціи горячихъ завтраковъ въ школѣ. Желаемъ книгѣ возможно широкаго распространенія. (*С. С—о. „Педаг. Л.". 1913—4*).

Полезная книга, углубляющая вопросъ о постановкѣ народнаго, главнымъ образомъ, низшаго образованія. Въ ней доказывается простая истина: для того, чтобы дѣти могли учиться, имъ надо дать нужныя пособія, надо одѣть, а прежде всего, конечно, накормить. Разъ обнищавшая деревня и вообще низшіе классы населенія сами этого сдѣлать не могутъ—общество должно взять на себя заботу и, давая пищу духовную, не забывать о пищѣ тѣлесной. Эта простая, но очень важная мысль иллюстрируется богатымъ бытовымъ и статистическимъ матеріаломъ и данными опыта другихъ странъ. (*В. С. „Соврем.". 1913—4*).

Рѣчь въ брошюрѣ идетъ не о неопредѣленной „помощи школьнику", а о совершенно конкретномъ вопросѣ: о необходимости при нынѣшнихъ соціальныхъ условіяхъ не только учить, но и кормить неимущаго школьника. Теоретически эта мысль не возбуждаетъ споровъ: мало провозгласить принципъ всеобщаго обученія, мало обезпечить страну школами и учителями — необходимо, чтобы учащійся не былъ голоденъ. Практически для осуществленія этой мысли сдѣлано очень мало не только у насъ, но и на Западѣ. Но въ Англіи добровольныя организаціи, а во многихъ французскихъ городахъ соціалистическіе муниципалитеты кормятъ дѣтей; кой-что дѣлается и въ другихъ странахъ. Нельзя сказать, что ничего не сдѣлано у насъ: рядъ земствъ даетъ средства на завтраки для школьниковъ, московское самоуправленіе дастъ на половину учащихся по 6 р. на ребенка на пріварокъ; остальное пополняютъ родители и благотворители. Петербургъ кормитъ всего $^1/_6$ часть школьниковъ. Конечно, возложить на себя бремя кормленія учащейся бѣдноты можетъ только государство; но ясно, при нынѣшнихъ условіяхъ смѣты Мин. Нар. Просвѣщ. объ этомъ мечтать не приходится. Поэтому авторъ взываетъ къ частной иниціативѣ; онъ сообщаетъ объ отдѣльныхъ попыткахъ, объ организаціяхъ при школахъ, объ обществахъ вспомоществованія, о санитарныхъ попечительствахъ. Но главное значеніе онъ придаетъ школьнымъ попечительствамъ: учрежденію, которое имѣло бы будущность, если бы къ нему притекли живыя общественныя силы. Авторъ, конечно, правъ въ своихъ горячихъ призывахъ, но, думается, онъ придаетъ преувеличенное значеніе мелкой частной работѣ. „Сверху идеи,—говоритъ онъ, — дѣло же на мѣстахъ". „Сверху—идеи", конечно, но и внизу идеи не должны вырождаться въ мелкія благотворительныя предпріятія. (*„Рус. Бог.". 1913—4*).

529. Лопухинъ, И. В. 366.1

Масонскіе труды. I. Духовный рыцарь. II. Нѣкоторыя черты о внутренней церкви. Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVII в. Вып. I." Изд. В. Ѳ. Саводника. М. 1913. Стр. VI+62+72. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Вл. Лопухинъ (1756—1816) — видный дѣятель кружка московскихъ мартинистовъ. Здѣсь два его сравнительно большихъ сочиненія. Первое послѣ исповѣданія лойяльности и православія масонства содержитъ описанія ритуала: вступленія въ ордеръ, устроенія капитула. Повидимому здѣсь воспроизводится ритуалъ ложи „Блестящая звѣзда", гдѣ Л. былъ намѣстнымъ мастеромъ. Вторая книга Л.: „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви", мало характерна для масонства. По словамъ издателя, сочиненіе представляетъ „оригинальное сочетаніе христіанскаго вѣроученія съ мистическими идеями Сенъ-Мартена, Якова Бэма и даже Парацельса". Конечно, сочиненіе написано подъ мистическими вліяніями, но вліяніе это едва ли сильнѣе того, какое мистика оказала вообще на богословскую мысль первой половины 19-го вѣка. Специфически-мистическаго мало нашелъ бы здѣсь, пожалуй даже самъ Фотій. Кромѣ этихъ сочиненій, въ книгѣ нѣсколько мелкихъ статеекъ о происхожденіи и свойствахъ „каменщичества древнія системы". (*„Рѣчь". 1913—82*).

В. Ѳ. Саводникъ поставилъ себѣ цѣлью „собрать и подготовить матеріалы, необходимые для изученія дѣятельности той группы московскихъ масоновъ, которая объединялась вокругъ Шварца и Новикова и которая сыграла такую важную

роль въ общемъ развитіи духовной жизни русскаго общества XVIII в. „Излишне говорить о важности такого изданія. На первую очередь издатель поставилъ масонскіе труды Л., и этотъ выборъ нельзя не признать въ высшей степени удачнымъ: Л. одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ представителей русскаго масонства, принадлежитъ къ числу немногихъ, кто оставилъ послѣ себя самостоятельныя сочиненія по масонству. Его работы въ свое время цѣнились не только въ Россіи, но за границей. Нѣмецкіе масоны и мистики высоко ставили произведенія Л. Изданіе Саводника выполнено прекрасно; книжка напечатана стильнымъ шрифтомъ; воспроизведенъ и масонскій рисунокъ, прилож. къ „нѣкот. чертамъ о внутр. церкви“. (*П. Сакулинъ. „Гол. Мин.“ 1913—3*).

Давно извѣстно, что нѣтъ лучшаго способа ознакомиться съ прошлымъ, какъ обратиться къ первоисточникамъ. Но въ отношеніи такого крупнаго явленія нашей исторіи, какъ масонское движеніе конца XVIII и начала XIX вв., до самаго послѣдняго времени почему-то мы ограничивались лишь неважными компиляціями, подлинныя же произведенія самихъ масоновъ, въ свое время издававшіяся часто въ очень ограниченномъ числѣ для избраннаго круга лицъ и теперь ставшія величайшею библіографическою рѣдкостью, оставались намъ совершенно неизвѣстными. Наконецъ-то В. Ѳ. Саводникъ рѣшилъ заполнить этотъ пробѣлъ, приступивъ къ изданію цѣлой серіи матеріаловъ по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка. Выходящій въ свѣтъ первый выпускъ посвященъ Л. московскому масону, замѣчательная личность и сочиненія котораго совершенно несправедливо заслонены фигурой популярнаго Новикова. (*„Рус. Мысль“. 1913—109*).

530. Князевъ, В. 398.8(47)

Жизнь молодой деревни. Частушки - коротушки С.-Петербургской губ. Изд. М. Г. Корифельда. Спб. 1913. Стр. XI+133. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ своего собранія частушекъ составитель выбралъ часть, относящуюся къ Петербургской губ., и дѣлится съ читателями этими образцами современнаго народнаго творчества и своими мыслями о народной жизни, подсказанными этой новой лирикой. К. дѣлитъ частушки на категоріи, примѣняетъ къ коллекціи едва ли умѣстные здѣсь пріемы точнаго статистическаго подсчета, дѣлаетъ выводы, подчасъ спорные, но въ своемъ многообразіи показывающіе богатство матеріала. Всю душевную жизнь молодой деревни,— старикамъ чужда частушка,— можно возстановить по этимъ четверостишіямъ, столь веселымъ по залихватскому ритму и бодрой жизни, въ нихъ бьющей, и все же столь печальнымъ по общему впечатлѣнію, ими оставляемому. Печальна жизнь, въ нихъ отразившаяся, печальна эта новая форма народной поэзіи. Конечно, вопросъ объ эстетикѣ частушки болѣе сложенъ, чѣмъ это обычно представляется ея хулителямъ и ея защитникамъ. Конечно, въ этихъ, „коротушкахъ“, бойкихъ, грубыхъ, часто непристойныхъ и рѣдко поэтичныхъ, есть что-то непріятное; онѣ не вызываютъ ни тѣни того уваженія, которымъ обычно окружена въ нашемъ ощущеніи народно-поэтическая старина; нѣтъ въ нихъ ни той величавости, которую мы находимъ въ былинѣ, ни той задушевности, которою запечатлѣна народная пѣсня. Старое народное пѣснотворчество насквозь по-своему культурно; частушка говоритъ—вѣрнѣе, кричитъ—о культурѣ гармошки, пиджака и кабака. Надъ былиной вѣетъ духъ своихъ идеаловъ, исконныхъ, исторіей созданныхъ и глубоко вросшихъ въ сознаніе; въ частушкѣ желательнымъ, заманчивымъ представляется чужое, наносное, переходное, органически не сливающееся съ народной жизнью; деревенскій снобизмъ, столь же мелкій и пошлый, какъ снобизмъ городской, доетъ стиль частушкѣ, блещущей бойкостью мысли и бойкостью слова, но рѣдко глубокой въ ощущеніи и выраженіи. Но надо быть справедливымъ къ частушкѣ. Прежде всего это поэзія переходнаго момента; она отражаетъ и въ содержаніи, и въ формѣ новыя неустановившіяся формы быта и психики. Она вся еще въ движеніи, въ развитіи, а ее сопоставляютъ съ законченными созданіями многовѣковой работы. Частушка вноситъ въ народную лирику реальные мотивы, и часто грубость этихъ мотивовъ отталкиваетъ насъ раньше, чѣмъ мы способны вдуматься въ ея смыслъ и красоту. Нерѣдко частушка совсѣмъ не поэзія и не изъявляетъ притязаній быть поэзіей, это просто бойкое словечко, комическій афоризмъ, ядовитое наблюденіе; нельзя отъ эпиграммы требовать элегической задушевности. Мы привыкли къ безконечной трогательности, къ миологической одухотворенности, къ поэтичной многозначительности народной лирики. И вотъ на смѣну этой красотѣ приходитъ новая лирика:

У меня милашка есть —
Срамъ по улицѣ провесть:
Уши длинны, ротъ большой,
Слюны тянутся вожжой...

Естественно, что къ частушкѣ трудно быть справедливымъ. А между тѣмъ это необходимо: уже то, что въ „коротушкѣ“ отложилась такая масса народныхъ чувствъ и впечатлѣній, заставляетъ быть къ ней внимательнымъ. Есть множество частушекъ хулиганскихъ, противныхъ, грубыхъ; громадная масса ихъ просто похабна и никогда не станетъ достояніемъ широкихъ читательскихъ круговъ. Но есть среди нихъ и нѣжныя, и остроумныя, и задушевныя.

Встану, встану на могилу,
Разбужу родную мать:
„Ты родима-родна мама,
Вставай-ка горе горевать“.

Надо еще помнить, что невозможно оцѣнивать художественность частушки безъ отношенія къ ея напѣву. Понять частушку до конца можно лишь слушая ее, а не читая. И мы не знаемъ, хорошую ли услугу сослужилъ частушкамъ К., направивъ свое собраніе не къ немногимъ спеціалистамъ, а къ широкой читающей публикѣ. Возьметъ такой читатель книгу частушекъ, прочитаетъ:

Всѣ платочки проносила.
Остается одна шаль:
Всѣхъ ребятъ перелюбила,
Остается одна шваль.

Прочитаетъ и самодовольно скажетъ себѣ: вотъ она, народная поэзія; моя литература выше. А между тѣмъ его литература безконечно ниже уже потому, что она литература по преимуществу, что она тенденціозна и бумажна, а въ бѣдной, неуклюжей лакейской частушкѣ бьетъ клю-

чомъ неподдѣльная жизнь и непосредственное чувство. („*Рус. Бог.*“ *1913—4*).

Свое дѣло К. выполнилъ съ увлеченіемъ, расположилъ собранное по отдѣламъ, попытался сдѣлать и общіе выводы о психологіи современной деревни, о томъ, кто создаетъ частушки (дѣвка, а не парень), какія чувства по преимуществу занимаютъ женщину, какія мужчину и т. д. Но, собственно, это только намеки, только бѣглый итогъ подъ чертой. К., наконецъ, слишкомъ увлеченъ своимъ дѣломъ, чтобы поймать истинную философію деревни. Это сдѣлаетъ нѣкто другой, и отъ этого вывода деревнѣ не поздоровится. К. спасибо за то, что онъ собралъ обильный сырой матеріалъ. Перелистывая эту книгу, вмѣстившую около двухъ тысячъ частушекъ, испытываешь тоску за безнадежный, повидимому, крахъ родного пѣсенотворчества и съ трудомъ преодолѣваешь отвращеніе къ этому современному „поэту“ въ „спиджакѣ“ или поэтессѣ съ дешевыми румянами на щекахъ. Разрывая навозную кучу, съ тоской ищешь прекраснаго образа, дыханія поэзіи и видишь, что ни того ни другого даже въ такихъ патетическихъ отдѣлахъ, какъ „разлука“, „любовь“, не найти съ огнемъ. Поэтъ, который бы хотѣлъ вдохновиться отъ этихъ складныхъ строкъ на лирическое стихотвореніе въ народномъ духѣ, съ отчаяніемъ швырнулъ бы эту книгу въ уголъ. Зато пошлости и безвкусія хоть отбавляй! Какое скудоуміе замысла, хватающаго на четыре строчки, какое опошленіе языка! Старинные „милый“ и „желанный“ смѣнились пошлятиной современныхъ заводскихъ словечекъ: „милка“, „пріятка“, „милашка“, „забавочка“, „ягодиночка“, „миленочекъ“. Воротитъ съ души! Какимъ диссонансомъ врѣзаются въ народную рѣчь подхваченныя господскія слова: „характеръ“, „пофорсить“... Всматриваясь въ этотъ языкъ, съ унынiемъ видишь, какъ онъ подвергается тому растлѣнію и насилію, какое надъ нимъ учинено интеллигентомъ. Тоска и отчаяніе, съ какой стороны не подойдешь! И народная мысль, и народная нравственность, и чувство, и языкъ, и стиль достигли плачевнаго упадка, повергающаго въ отчаяніе. Исполненный К. трудъ не можетъ дать отдаленнѣйшаго эстетическаго наслажденія. Это — сплошное издѣвательство надъ смысломъ, надъ поэзіей, надъ чувствомъ. Но эту горькую истину нужно было сказать въ подтвержденіе тѣхъ горькихъ словъ, какія сказали о распадающейся русской деревнѣ Чеховъ и Буниnъ. (*А. Измайловъ.* „*Рус. Сл.*“ *1913—57*).

Частушка — дальнѣйшій отъ пѣсни, органическій этапъ народнаго творчества; съ этой точки зрѣнія интересно серьезное изученіе частушки. Матеріала въ этомъ направленіи пока немного: частушкой заинтересовались въ самое послѣднее время. Тѣмъ большую цѣнность пріобрѣтаетъ сборникъ К. По отношенію къ этому сборнику необходимо сдѣлать одно очень существенное замѣчаніе: онъ не можетъ служить точнымъ показателемъ всего розмаха частушки, которая особенно развернулась на Волгѣ. Вообще сборникъ не раскрываетъ интимнаго лиризма народной души, даетъ мало для осознанія „всего загадочнаго, всего непонятнаго въ деревнѣ“. („*Рус. Молва*“. *1913 — 118*).

Частушки-коротушки, собранныя К. въ дебряхъ Спб. губ.,— плодъ систематическаго серьезнаго труда. Нѣтъ такого явленія въ жизни современной деревни, на которое она не откликнулась бы частушкой. И не всегда, какъ это доказываетъ сборникъ К., частушка возмущаетъ. Рядомъ съ уличными частушками подлаго пошиба, порожденными атмосферой кабака, деревня создаетъ умилительныя дѣвичьи пѣсенки, поэтичныя пѣсенки о природѣ, незлобивыя юморески, грустныя элегіи и ѣдкія бичующія сатиры. К. не ограничился ролью простого собирателя частушки. Онъ обработалъ собранный имъ съ добросовѣстностью этнографа огромный матеріалъ и снабдилъ его цѣнными примѣчаніями. Нѣкоторые выводы К. новы и рисуютъ читателю современную деревню съ незнакомой, не освѣщенной еще стороны. (*В. А.* „*День*“. *1913—63*).

531. [. 5 (08)

Новости науки. Неперіод. изд. кн-ва „Естествоиспытатель“. Вып. 1. Спб. 1912. Стр. 102. Ц. 50 к.

Въ I выпускѣ—шесть статей, составленныхъ В. С. Садиковымъ: 1) Проблемы наслѣдственности, 2) Атмосферное электричество, 3) Минеральныя воды и ихъ вліяніе на организмъ, 4) Ядъ усталости, 5) Озонъ и его примѣненіе въ гигіенѣ и промышленности, 6) Неврастенія или психическое истощеніе. Недостатокъ статей, предназначенныхъ для читателя не-спеціалиста,— отсутствіе объясненій научныхъ терминовъ. Въ весьма сжатой формѣ авторъ даетъ сводку всѣхъ послѣднихъ гипотезъ и открытій по затронутымъ вопросамъ, изложеніе ясное и литературное. Очень интересна статья о значеніи минеральныхъ водъ, особенно для нуждающихся въ минеральномъ лѣченіи. Въ статьѣ приводится значеніе для организма тѣхъ или иныхъ солей, источниковъ и разница между натуральными минеральными водами и искусственными. Не менѣе интересна статья о примѣненіи озона въ гигіенѣ и промышленности. Въ статьѣ приводится рядъ примѣненій озона при стерилизаціи воздуха комнатъ, стерилизаціи пищевой воды и храненія пищевыхъ продуктовъ. Такъ напримѣръ воздухъ, въ которомъ находится 5 миллигр. озона на 1 метръ, можетъ вполнѣ замѣнить холодильники. Мясо, помѣщенное въ озонированный воздухъ, сохраняется вполнѣ свѣжимъ въ теченіе 5 сутокъ (опытъ Буальо). Молоко хорошо стерилизуется и его можно пить сырымъ безъ риска заразы. Яйца сохраняютъ вкусъ свѣжихъ въ теченіе 40 дней (опытъ Шнейдера). Въ фабричной промышленности озонъ играетъ роль при выдѣлкѣ винъ (старитъ ихъ), искусствен. духовъ, прочнаго дерева и пр.. Приведенные примѣры изъ статей иллюстрируютъ содержаніе книги, стремящейся дать больше прикладныхъ знаній. (*И. Г.* „*День*“. *1913—60*).

Въ настоящемъ сборникѣ въ сжатой, но удобопонятной для каждаго образованнаго читателя, формѣ излагаются дѣйствительно и новыя открытія и новые пути въ области естествознанія. Среднему читателю, въ особенности тому, который слабо владѣетъ иностранными языками, почти невозможно слѣдить за общимъ прогрессомъ естествознанія. Почти вся литература относительно новыхъ теченій и открытій въ наукѣ разсѣяна въ спеціальныхъ изданіяхъ, большей частью иностранныхъ, а языкъ этихъ изданій, обильный спеціальными терминами, недоступенъ пониманію рядового читателя. Такимъ образомъ

отъ души можно привѣтствовать новую попытку издательства дать возможность и любителю науки пріобщиться къ той работѣ, которая невидимо для всѣхъ происходитъ въ тиши кабинетовъ и лабораторій спеціалистовъ ученыхъ, къ работѣ, приводящей къ новымъ взглядамъ на міръ и законы, имъ управляющіе, но зачастую въ основѣ измѣняющей цѣлыя отрасли и науки и техники. *(С. Аленковъ. „Изв. Рус. О. Люб. Мировѣд." 1913—1).*

Содержаніе выпуска достаточно разнообразно. Подборъ фактовъ слѣдуетъ считать удачнымъ, и развитые взгляды, въ общемъ, вѣрны. Многіе прочтутъ его не безъ интереса и не безъ пользы для себя. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторые недостатки. Во-первыхъ, изложеніе ведется слишкомъ отвлеченно. Напр., перечисляя различныя нервныя разстройства, какъ неврастенію, аболію и т. д., авторъ ограничивается перечисленіемъ симптомовъ каждой болѣзни и не приводитъ ни одного конкретнаго случая. Тотъ же упрекъ относится, въ большей или меньшей мѣрѣ, и къ остальнымъ статьямъ. Во-вторыхъ, составитель очень широко пользуется иностранными словами, даже если имѣются соотвѣтственные русскіе термины. Въ-третьихъ, наконецъ, имѣются промахи и фактическаго свойства. *(І. Лукашевичъ. „Совр. М." 1913—1).*

532. Поповъ, Е. И. 513

Новая геометрія. Кн. I. Наглядная геометрія на плоскости. (Библіотека И. Горбунова-Посадова № 285). М. 1913. Стр. XVI+241. Ц. 1 р. 20 к.

Авторъ задался чрезвычайно интересной задачей—изложить курсъ геометріи не по Эвклиду, а согласно съ современными законами познанія. Онъ является рѣшительнымъ сторонникомъ мнѣнія Шопенгауэра: „Нужно отказаться отъ предразсудка, будто доказанная истина имѣетъ какое-либо преимущество передъ созерцательно познанной"; поэтому онъ основываетъ свои выводы частью на очевидности самаго чертежа, частью на перемѣщеніи всего чертежа или нѣкоторыхъ его частей. Кромѣ обычныхъ отдѣловъ планиметріи, въ первой книгѣ отведено много мѣста вопросамъ о симметріи, радіусѣ кривизны, звѣздчатыхъ многоугольникахъ, сопряженіи линій и коническихъ сѣченіяхъ. По мнѣнію автора, его курсъ будетъ доступенъ даже 8-лѣтнимъ дѣтямъ, если съ ними будетъ предварительно пройденъ курсъ наглядной геометріи по Астрябу или Кемпбелю. Достоинства книги нѣсколько умаляются введеніемъ новыхъ математическихъ терминовъ. Кромѣ того, авторъ слишкомъ часто пользуется символическими обозначеніями геометрическихъ фигуръ, сходными по внѣшнему очертанію. *(Н. Зерчениновъ. „Педаг. Обозр." 1913—3).*

Крупной новостью въ учебной литературѣ является, несомнѣнно, книга II., представляющая „интуитивную планиметрію", т. - е. наглядную геометрію на плоскости, построенную на примѣненіи непосредственнаго созерцанія и построенія. Не распространяясь о деталяхъ этого весьма цѣннаго метода, отсылаемъ желающихъ познакомиться съ нимъ къ весьма интересному и прекрасно изложенному объясненію самого автора. Прекрасно написана и вся книга. Книга издана изящно, съ громаднымъ количествомъ рисунковъ и чертежей. *(Н. П. „Вятск. Р." 1913—63).*

Геометрію, положимъ, всегда излагали „согласно съ законами познанія", и иныхъ путей тутъ быть не можетъ. Вопросъ въ томъ, въ какомъ видѣ, какимъ образомъ обычно ее излагали. И тутъ, пожалуй, можно было бы посѣтовать на излишне отвлеченную форму этого изложенія, на удаленія ея отъ природы, отъ житейской, а порою даже технической наглядности. Книга II. относительно свободна отъ такихъ недостатковъ, матеріалъ представленъ въ ней болѣе или менѣе наглядно, но необычная замѣна словъ и выраженій особыми знаками затрудняетъ пользованіе ею и, при всемъ обиліи чертежей, придаетъ ей недопустимую сухость. „Парагонъ" (четыре прямыхъ), „локусъ" (геометрическое мѣсто точекъ), „полигонъ" (многоугольникъ), „коники" (коническія сѣченія), — все это смѣло вводится авторомъ книги, предназначаемой имъ въ качествѣ руководства, для обученія и самообученія! Правда, въ смыслѣ мѣста это экономно, но черезчуръ ужъ это „ново". Вызываютъ сомнѣніе и русскія словообразованія, какъ „полукружный уголъ" (два прямыхъ), „сочетованныя гиперболы". *(Библіотекарь „Нов. Вр." 1913—13310).*

533. Дуговская, врачъ. 613.56

Куда вести больныхъ дѣтей? (Санаторіи, больницы, колоніи и др. учрежденія — русскія и заграничныя — для больныхъ и отсталыхъ дѣтей). Спб. 1913. Стр. Ц. 80 к.

Это, безусловно, полезный справочникъ, тѣмъ болѣе необходимый, что врачебно-гигіеническихъ учрежденій спеціально для дѣтей вообще немного не только въ Россіи, но и на Западѣ. Найти этого рода санаторіи или колоніи, въ виду ихъ крайней разбросанности,—задача довольно трудная, и предполагаемый справочникъ Д. идетъ, такимъ образомъ, навстрѣчу этой задачѣ. Нуждающіеся въ лѣчебномъ учрежденіи для ребенка найдутъ въ данномъ трудѣ необходимый и достаточный матеріалъ. *(N. „День". 1913—88).*

Г-жа Д. задалась цѣлью пойти навстрѣчу родителямъ больныхъ дѣтей: часто родители затрудняются разрѣшеніемъ вопроса, куда везти для излѣченія больного ребенка. Въ книгѣ имѣется громадный списокъ русскихъ и заграничныхъ санаторій, больницъ, колоній и другихъ учрежденій для больныхъ и отсталыхъ дѣтей.

Въ ней находимъ и краткое описаніе мѣстностей, гдѣ находятся эти учрежденія. Авторъ самъ находитъ, что его книга далеко не исчерпываетъ вопроса. Это дѣйствительно такъ, если взглянуть на списокъ санаторій и пр., расположенныхъ на Кавказѣ. *(—кій „Тифл. Л". 1913—73).*

534. Синьякъ, Поль. 74.01

Отъ Э. Делакруа къ неоимпрессіонизму. Пер. И. О. Дудина. Изд. I. Кнебель. М. 1913.

Нео-импрессіонизмъ ушелъ въ прошлое, но основной его принципъ раздѣленія (la division), конечно, остался и останется навсегда. Отлично написанная книжка С. (появившаяся въ Парижѣ еще въ 1900 г.), въ очень хорошемъ переводѣ И. О. Дудина, должна бы быть настольной книгой особенно всѣхъ начинающихъ художниковъ. Такъ основательно установлена въ ней преемственность и связь недавняго живописнаго во-

ваторства съ Делакруа, а черезъ него съ Тернеромъ и Констеблемъ и такъ убѣдительно, въ связи съ очень удачно приложеннымъ очеркомъ Шарля Блана, изложена принципіальная сторона дѣла. Кое-что кажется устарѣвшимъ и слишкомъ общеизвѣстнымъ, но многое свѣжо и ново и для нашихъ дней. Вѣдь, напр., во всѣхъ нашихъ школахъ ученики все еще пишутъ „навозными“ красками. Импрессіонизмъ вернулъ живость къ главному—исканію цвѣта, но всѣмъ ли ясны его огромное значеніе и вліяніе на всю живопись? Нео-импрессіонизмъ „есть слiяніе и развитіе доктринъ Делакруа и импрессіонистовъ“. Поэтому совершенно правильно установлено, что на Делакруа надо смотрѣть не только какъ на великаго романтика въ живописи, но главнымъ образомъ, какъ на великаго колориста-новатора. Очень интересны приводимыя цѣликомъ „замѣчанія“ Делакруа и многія другія цитаты. Научность неоимпрессіонизма и принципа дѣленія, которая ставилась въ вину его послѣдователямъ, какъ нѣчто враждебное интуитивному индивидуализму, принадлежитъ къ области знаній, необходимыхъ всякому художнику, и разумѣется, вошла въ плоть и кровь современной живописи. Книжка С. прекрасно раскрываетъ и ея значеніе, и самые источники. (*А. Ростиславовъ. „Рѣчь“. 1913—89*).

Эта книжка, которую давно бы слѣдовало издать въ назиданіе художникамъ, желающимъ разобраться въ законахъ красокъ. Достаточно элементарно и даже можетъ быть слишкомъ упрощенно здѣсь трактуются принципы импрессіонизма и его генезисъ. Схема живописныхъ достиженій: контрасты (дополнительные цвѣта), употребленіе чистыхъ красокъ и раздѣленіе цвѣтовъ. Цѣль общая — наиболѣе полная передача свѣта, силы красокъ. При всей своей элементарности научныхъ обоснованій книжка страдаетъ нѣкоторыми длиннотами и повтореніями. Являясь сплошной апологіей нео-импрессіонизма, книга между строкъ выдаетъ его недостатки,—односторонность, отсутствіе темперамента и пр. Интересно и значительно довольно бѣглое указаніе на вліяніе англичанъ—Тернера и Констебля, на Делакруа и импрессіонистовъ. Переводъ сдѣланъ хорошо. Умѣстна приложенная къ книгѣ статья Ш. Блана о законахъ цвѣта. (*Б. Ш—ій. „День“. 1913—74*).

335. Клюевъ, Н. 891.7—1

Лѣсныя были. Книга третья. Кн—во К. Ф. Некрасова. М. 1913. Стр. 75. Ц. 60 к.

К. уже дѣлаютъ пророкомъ новаго религіознаго сознанія, раздуваютъ его свѣжій талантъ въ явленіе огромной культурно-исторической важности, сравниваютъ его съ Іоавномъ Дамаскинымъ и пр. Съ другой стороны, подчеркиваютъ въ его творчествѣ, какъ особое достоинство, непосредственность его стиховъ, растущихъ „какъ попало, какъ деревья въ бору“ (Брюсовъ). То и другое, намъ думается, и преувеличенно и несправедливо. Въ К. явственно чувствуется, на нашъ взглядъ, вліяніе интеллигентскихъ исканій религіи и модернизма. Противоположенія міровоззрѣній пахаря и интеллигента отзываются „вѣхами“. Непосредственность стиха, часто, просто неумѣлые стихи. Смѣшенія безвкусной выдумки, нарочитой поддѣлки подъ народность и нагроможденія этнографическихъ деталей въ книгѣ „Лѣсныя были“ гороздо больше, чѣмъ подлинной поэзіи, которою дышетъ другая книга К.—„Сосенъ перезвонъ“. Мы знакомы случайно съ народнымъ говоромъ и пѣсней одной изъ сѣверныхъ губерній, но многія стилизаціи К. поставили насъ трудностью пониманія ихъ въ тупикъ. Что такое, что „ягоды зрѣютъ, половѣютъ на заманку-щипоту?“ и т. п. На каждой страницѣ такихъ выраженій немало. Черезчуръ пестро колоритна эта розсыпь новыхъ словъ. Новыя стихотворенія К. нестрятъ и выраженіями нарочито манерными: какъ, напр., „пѣвникъ розмысломъ“, „баснословъ баянъ“, и др. выдумки, напоминающія условныя этнографическія картинки Мея и гр. А. К. Толстого. Въ погонѣ за непосредственностью народной рѣчи поэтъ теряетъ чувство мѣры и свою собственную непосредственность, впадая въ вычурный языкъ по то А. Бѣлаго, не то Городецкаго или Ремезова. Въ литературѣ К. счастливо занялъ свое особливое мѣсто, аналогичное мѣсту въ русской живописи поэта религіознаго сѣвера, Нестерова; картины его невольно вспоминаются подъ тихій „Сосенъ перезвонъ“. (*Ч. В—скій. „Вѣст. Евр.“ 1913—4*).

„Лѣсныя были“, въ которой К. являетъ себя большимъ искусникомъ стиха, хитро владѣющимъ безхитростнымъ пѣсеннымъ ладомъ, на нашъ взглядъ—продуктъ чрезмѣрной „осознанности“ своего творчества. „Осознавъ“ себя „баяномъ-баснословомъ“, преемникомъ Садка, народнымъ поэтомъ, К. доказываетъ себя,—и вотъ „Дѣвичья“, „Бабья“, „Рекрутская“, „Слободская“, „Острожная“ и др., но все это—„стихи-причуды, заморскія слова“, „росписной стегъ“, разбросанный „по алу левантину“,—затѣи испытаннаго слововѣда и словолюба. „Вы не зарьтесь на жаръ-полымя румянъ, не глядите на парчевый сарафанъ“. Парчевый сарафанъ поэзія К. носитъ потому, что ей къ лицу національный русскій нарядъ, а румяна ея—„дорогія, новокупленныя, на меду-винѣ развоженныя“. На этомъ „меду-винѣ развоженъ“ и пантеизмъ К. Вдумываясь въ „красовитый“ стиль поэта, нельзя не досадовать на то, что талантливый К. уже умѣетъ писать „подъ К.“, „пѣснью-золото расточившаго“. (*А. Полянинъ. „Рус. Молва“. 1913—97*).

К. въ поэзіи стремится занять то же мѣсто, что Плевицкая въ пѣснѣ. Только надо констатировать, что въ своемъ жанрѣ Плевицкая много талатливѣй. При проблескахъ несомнѣннаго дарованія, утопающихъ въ фальшивомъ паоосѣ и механической спутанности народныхъ и чистоинтеллигентскихъ элементовъ, изъ книги К. все время глядитъ поза выпяченнаго самолюбованія. Послѣднее не такъ ужъ плохо, когда есть чѣмъ любоваться, но въ данномъ случаѣ оно не по чину, оно много больше, чѣмъ къ тому имѣется основаній. По содержанію книга К. есть рядъ вещей, сдѣланныхъ подъ народныя пѣсни. Внести въ литературу образный, яркій, густой языкъ земли—задача сама по себѣ весьма похвальная. Только—увы!—языкъ К. и по словамъ, и по оборотамъ, и по самой манерѣ выраженія есть на добрую половину самая форменная фальсификація, въ которой подлинная народная рѣчь подвергается такой же легкомысленной переработкѣ, какъ, скажемъ, языкъ культурныхъ круговъ въ устахъ лихого армейскаго писаря, пускающаго пыль въ глаза въ деревнѣ на побывкѣ. Тотъ куражится столичнымъ лоскомъ передъ деревенскими,—куда имъ, не разберутся. Этотъ бахва-

лится народной отсебятиной передъ городскими,—сойдетъ, повѣрятъ, теперь мода.

„Не уголь жжетъ мнѣ пазуху,
Не воскъ—утроба топится".
„Ахъ, въ утробѣ по зазнобѣ
Зрѣетъ ягода густа".
„Голошу—утробой мру
По тебѣ, удалый".

Это не народное, а какое-то утробное творчество. Правда, теперь на россійское многотворчество мода, но не думаете ли вы, читатель, что, промѣнявъ отровенно-литературный языкъ на такую способразную стилизацію, вамъ придется когда-нибудь послѣ покаяться и воскликнуть словами К.:

„Промѣнилъ парчу на сермяжину,
Кудри-вихори на плѣшь-лысину".

Всего лучше у К. тамъ, гдѣ онъ всего меньше народничаетъ. (*С. Кречетовъ. „У. Рос." 1913—51.*)

536. Лермонтовъ, М. Ю. 891.7 —1/3

Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. проф. Д. И. Абрамовича. Т. V. Изд. Имп. Академіи наукъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Въ этомъ томѣ читатель найдетъ собраннымъ поедино умѣлой рукой редактора все, что такъ или иначе касается поэта. Вмѣсто обычнаго жизнеописанія, даны богатые матеріалы для біографіи съ обзоромъ источниковъ и въ критическомъ сопоставленіи. Отмѣтимъ также сводку данныхъ о литературныхъ вліяніяхъ отразившихся на поэзіи Л.; подчеркивается вліяніе Пушкина (рядъ заимствованій), а изъ иностранныхъ писателей—Шиллера (съ 1829 г. до послѣднихъ дней жизни). По вопросу о байронизмѣ Л., Абрамовичъ полагаетъ, что можетъ быть рѣчь постольку о заимствованіи, сколько о родствѣ этихъ двухъ митежныхъ душъ. Полный обзоръ литературы о Л., начиная съ отзывовъ современниковъ о его поэзіи до нашихъ дней, страдаетъ нѣкоторой отрывочностью.—Впервые данъ исчерпывающій обзоръ лермонтовскихъ рукописей, хранящихся какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ собраніяхъ. Болѣе спеціальный интересъ представляетъ обзоръ изданій. Образцами строго научнаго изслѣдованія являются статьи о языкѣ и стихѣ Л. Редакторъ, анализируя произведенія Л. со стороны лингвистической, отмѣчаетъ вліяніе 3-хъ факторовъ: церковно-книжнаго, народнаго и французскаго языковъ. Относительно формы, о которой такъ заботился поэтъ, мы также узнаемъ нѣчто интересное: сопоставляется цѣлый рядъ повтореній: Л. далеко не все намѣревался печатать и нерѣдко переносилъ удачныя фразы изъ одного произведенія въ другое. Тщательно изученъ и стихъ Л.: замѣчательно преобладаніе ямба надъ всѣми другими размѣрами (около 80% стихотвореній писаны ямбомъ). Вполнѣ соотвѣтствуетъ поставленной цѣли—дать лермонтовскую энциклопедію,—статья б. Врангеля „Лермонтовъ—художникъ". Обзоръ художественныхъ работъ Л. (г. Мосолова) иллюстрированъ 22 воспроизведеніями картинъ и рисунковъ поэта (большая часть публикуется впервые). С. К. Буличъ далъ статью о Л. и русской музыкѣ. („*Рус. Молва*"). *1913—123*).

Большой интересъ представляютъ статьи самого редактора, въ которыхъ авторъ приводитъ нѣкоторыя новыя точки зрѣнія на Л. расходящіеся съ обычными. Рядъ статей П. А. Заболотскаго. Fr. Duckmeyer'a, A. Mazon'a и К. И. Фаминскаго знакомитъ съ отношеніемъ къ Лермонтову славянъ, нѣмцевъ, французовъ и англичанъ. Много портретовъ Л. его рисунковъ и автографовъ дополняютъ изданіе. Наконецъ, въ приложеніи приводятся стихотворенія Л., не вошедшія въ собраніе его сочиненій, а также приписываемыя ему. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ бумагахъ, принадлежащихъ Имп. Публичной библіотекѣ и ранѣе принадлежавшихъ Н. Н. Собко, имѣется слѣдующее стихотвореніе:

Приманкой ласковыхъ рѣчей
Вамъ не лишить меня разсудка;
Конечно, многихъ вы милѣй,
Но васъ любить плохая шутка.
Вамъ не нужна любовь моя,
Не слишкомъ заняты вы мною,
Не нѣжность... прихоть вашу я
Признаньемъ страстнымъ успокою.
Вамъ дорогъ я, твердите вы,
Но лишній плѣнникъ вамъ дороже,
Вамъ очень милъ я,—но увы!
Вамъ и другіе милы тоже.
Съ толпой соперниковъ моихъ
Я состязаться не дерзаю,
И превосходной силѣ ихъ
Безъ битвы поле уступаю.

(*О. В—нъ. „Рѣчь". 1913—96*).

Въ книгѣ помѣщено очень интересное изслѣдованіе молодого, но уже очень зарекомендовавшаго себя серьезными и продуманными работами историка русской живописи бар. Н. Н. Врангеля. Въ области серьезнаго творчества художника-живописца Л., конечно, никакого слѣда не оставилъ, но, какъ характеристика его мыслей и ощущеній, какъ примѣръ разносторонихъ попытокъ его воплотить свою мечту—всѣ многочисленные рисунки и рѣдкія картины Л. должны быть разсматриваемы съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ. Лермонтовскіе рисунки, разсѣянные по разнымъ альбомамъ и хранилищамъ,—характерные образцы культурнаго баловства своего времени. При внимательномъ ихъ изученіи, при пытливомъ ихъ разсматриваніи видишь сквозь эти подчасъ неуклюжія линіи и неловкіе штрихи романтическую душу поэта. Въ письмахъ и стихотвореніяхъ Л. можно найти немало указаній на интересъ, который онъ всегда проявлялъ къ искусству рисованія.

Разбираясь въ томъ, что оставилъ намъ поэтъ изъ области своего живописно-художественнаго творчества, можно ясно представить себѣ Л. какъ художника. Среди его произведеній, конечно, самыми значительными должны быть признаны тѣ, которыя отражаютъ пребываніе поэта на Кавказѣ. (*Ив. Лазаревскій. „У. Рос." 1913—86*).

537. Абельдяевъ, Д. 891.7—3

Тѣнь вѣка сего. Романъ въ пяти частяхъ. М. 1913. Стр. 701. Ц. 3 р.

Появленію романа А. въ отдѣльномъ изданіи предшествовалъ газетный шумъ изъ-за конфликта автора съ редакціей журнала „Русская Мысль", на страницахъ котораго печатался романъ. А. обвинялъ редакцію журнала въ томъ, что она изуродовала романъ безпримѣрными урѣзками и сокращеніями и въ концѣ-концовъ произвольно оборвала его на половинѣ, придѣлавъ словечко *конецъ*. Содержаніе романа А. удивительно одно

образно. Герой А. Абашевъ—неотразимый мужчина и очень ученый, начитанный человѣкъ, поэтому онъ, во-первыхъ, покорилъ много женщинъ, а во-вторыхъ, прочелъ еще больше книгъ. И обо всемъ этомъ онъ очень длинно и обстоятельно повѣствуетъ въ своихъ „запискахъ“. На одной страницѣ раздѣваетъ женщину, на другой—разбираетъ систему, въ одной главѣ стихи, цитаты, цѣлыя тирады изъ какого-нибудь мыслителя, разсужденія о судьбахъ человѣчества, христіанствѣ, цивилизаціи, а въ другой—„мраморныя ножки“, „упругая грудь“, „ослѣпительное тѣло“ и т. д. Итакъ чередуясь идетъ глава за главой, страница за страницей, и читателя охватываетъ чувство безнадежности: когда же конецъ? Вѣдь много еще осталось нераздѣтыхъ женщинъ, много непрочитанныхъ книгъ. Книгъ А. прочелъ гораздо больше, чѣмъ раздѣлъ женщинъ: нѣтъ такого мыслителя, котораго онъ не могъ бы при случаѣ процитировать, нѣтъ поэта, стиховъ котораго онъ не зналъ бы. Но все имѣетъ свой конецъ: потрясенный смертью женщины, которую онъ любилъ больше другихъ, Абашевъ стрѣляется. Много любилъ человѣкъ и еще больше читалъ, да будетъ ему земля легка... Но при чемъ же здѣсь „Тѣнь вѣка сего“? Къ чему этотъ многообѣщающій эпиграфъ: „Избѣгайте тѣни вѣка сего... Ибо вѣкъ потерялъ свою юность и времена приближаются къ старости“? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Postscriptum къ „запискамъ Абашева“: „свѣтомъ далекой, красивой и нами забытой эллинской *правды* Абашевъ пытался прогнать густую *тѣнь вѣка сего*, которая выползла когда-то изъ складокъ плаща іудея, „нашептавшаго намъ страшную религію“... Абашевъ, такимъ образомъ,—представитель эллинскаго культа тѣла и радости жизни, и въ протестѣ противъ іудейской тѣни, легшей на міръ,—философія романа А. Нельзя сказать, чтобы тема была новая. (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд.“ 1913—60*).

Огромный психологическій романъ, написанный въ формѣ дневника, съ эпилогомъ издателя. У автора несомнѣнное дарованіе, но далеко еще не обработанное. Герой романа—„герой безвременья“, мучительно ищущій эллинской правды, но отравленный „тѣнью вѣка сего“, таящейся въ ученіи Христа. Въ результатѣ его исканій—самоубійство послѣ смерти любимой женщины, которая понимала и принимала мятущуюся душу героя. Художественны описанія природы, удачны жанровыя картины, но самая фабула романа растянута, много излишнихъ деталей, часты повторенія даже однаковыхъ фразъ. Образы женщинъ слишкомъ схематичны, мелодраматическая развязка—три смерти подъ рядъ—натянута. Живописи повѣствованія вредятъ безчисленныя цитаты,—иногда по нѣсколько страницъ изъ Герцена, Гейне, Щербины и т. д. Интересно по мысли, но тоже черезчуръ многословно, разсужденіе о Христѣ и Іудѣ, какъ представителяхъ противоположныхъ міровоззрѣній. Всѣ герои постоянно рѣшаютъ „міровые вопросы“, и потому въ романѣ много риторики. Картины голода 1891 г., мало связанныя съ общимъ ходомъ повѣствованія, ненужны и блѣдны. На всемъ романѣ лежитъ яркій налетъ субъективности, которая иногда придаетъ ему захватывающій интересъ искренности, но чаще вредитъ общей художественной цѣнности. (*Вл. Смыльскій. „День“ 1913—88*).

538. Ладыженскій, Вл. 891.7 —3.

Дома. Разсказы. Изд. т-ва писателей. Спб. 1913.

Степь, тихіе, лѣтніе вечера, пропитанные запахомъ травъ, тихія разноцвѣтныя зори и тихія одинокія мысли... И снова степь, осенняя, грустная; короткій, неспѣшный разговоръ на дорогѣ или въ одинокой усадьбѣ, тихая грустная дума, медленно текущее время... А дальше — поле, шепчущія нивы, одинокая тоскующая пѣсня и случайный разговоръ у шалаша или на берегу безымянной рѣченки... Нѣтъ драмы, нѣтъ дѣйствія, почти нѣтъ человѣка, есть процессъ. На необычайно широкомъ фонѣ степи, при глубокой родственной любви автора къ ея запахамъ, тишинѣ, облачнымъ далямъ, къ всякой травкѣ-муравкѣ, человѣкъ, и безъ того маленькій, часто умаляется до движущейся точки на дорогѣ. Приблизился, увеличился, заговорилъ, на минутку повѣяло человѣкомъ, но надо ѣхать или итти дальше, и опять поля, травы одинокія размышленія. „Дома“ Л. это значитъ: въ степи, на дорогѣ, въ гостяхъ... Въ этомъ „домѣ“ растутъ травы, спѣетъ хлѣбъ, летаютъ ястребы, живутъ зайцы, мужики, волки, земскіе начальники. Одни отъ вѣка—помалкиваютъ, другіе—иногда разговариваютъ. Земскіе начальники разговариваютъ при исполненіи обязанностей громко и крупно, при „своихъ“ — грустно и скучно; мужики, скорѣе, наоборотъ. А, въ общемъ, все идетъ помаленьку, процессъ совершается... Авторъ, маленькими кусочками, не останавливаясь внимательно ни на одномъ явленіи, рисуетъ намъ то, что само лѣзетъ въ глаза; для него, въ этомъ „домѣ“ вѣдь все такъ понятно, всякія теоріи давно набили оскомину, и помѣщикъ Пантелѣевъ, и крестьянинъ Федосѣевъ для него высказались больше, чѣмъ нужно. Прогрессивно настроенный, онъ тѣмъ не менѣе не ставитъ себѣ здѣсь никакихъ принципіальныхъ заданій. Онъ просто отмѣчаетъ тѣ настроенія, встрѣчи и мысли, которыя изо дня въ день, изъ года въ годъ порождаются бѣдной, грустной и родной обстановкой „дома“. Тихія думы, тихая печаль... (*А. Г. „Соврем.“ 1913—4*).

У Л. своеобразная манера изложенія. Маленькій сборникъ его поэтическихъ очерковъ написанъ въ формѣ дневника. Онъ отмѣчаетъ встрѣчи, эпизоды, событія; но при этомъ онъ чаще показываетъ читателю не реальную обстановку, а тѣ мысли и чувства, которыя она въ немъ пробуждаетъ. Нельзя, однако, сказать, что реальная обстановка совершенно отсутствуетъ въ разсказахъ Л. Тутъ и мужики, одурманивающіеся водкой и бьющіе смертнымъ боемъ своихъ женъ; и дикій разгулъ; и землеустроители; и безпомощныя солдатки; и лишніе рты, калѣки, бездѣльники; и помѣщики, лѣниво и неопредѣленно живущіе изо дня въ день, въ предчувствіи вкусныхъ щей и обильнаго ужина; и красивыя женщины, забывающія мечты и реверансы, которыя онѣ привезли съ собой въ степь изъ института, и плачущія невидимыми слезами. Лицомъ къ лицу встрѣчается авторъ со скукой, лицемѣріемъ и грязью этой жизни. Но созерцаетъ ее изъ глубины одинокой романтической кельи. Смотритъ на голодъ и пьянство мужика, на безцѣльное прозябаніе помѣщиковъ глазами дилетанта, который пришелъ въ деревню, вооруженный прекрасными и умными

мыслями ранѣе прочитанныхъ книжекъ и отравленный собственной грустью. Оттого онъ не показываетъ намъ деревни во всей ея бытовой наготѣ, а въ мягкихъ полутонахъ сторѣе набрасываетъ отношенія между людьми и степью—въ томъ видѣ, какъ они рисуются его романтически настроенному уму. Эти лирическія нюансы и полутоны всегда лучше удаются Л. чѣмъ живыя фигуры.

У Л. много сюжетовъ, но превращаетъ онъ ихъ не въ разсказы, а въ небольшіе стихотворно-прозаическіе отрывки. Онъ не стремится заинтересовать читателя, онъ самъ заинтересованъ деревенскою дракой, деревенскимъ экзаменомъ, деревенскою почтой, засухой, разговорами о политикѣ, и больше всего загадочной, безграничною степью, ея привольемъ и волшебными голосами. И все это на мгновеніе оживаетъ на страницахъ его поэтическаго дневника. Л. не создаетъ и не бытописуетъ. Онъ только чувствуетъ и мечтаетъ, и облекаетъ и эти мечты и вызвавшія ихъ деревенскія впечатлѣнія въ простыя и красивыя страницы. Общій тонъ этой книжки нѣжный и грустный. (*Л. В. „Кіев. Мысль". 1913—108*).

...Новый крестьянскій типъ, вырастающій на почвѣ современнаго землеустройства, встрѣчается въ чисто беллетристическихъ художественныхъ разсказахъ Л., который, не задавшись цѣлью изученія современной деревни, говоритъ лишь о своихъ впечатлѣніяхъ и встрѣчахъ. (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд." 1913—71*).

Л. считаетъ себя ученикомъ Чехова, но, въ сущности, заимствовалъ у него только внѣшнюю манеру „сгущенія сумерекъ". Во всѣхъ разсказахъ Л. слишкомъ явны нарочитость и искусственность. Неумѣніе синтезировать явленія жизни, найти и осознать типичное, дѣлаетъ всѣ очерки случайными, легко забываемыми. („*Рус. Молва". 1913—104*).

539. Одоевскій, В. Ѳ., кн. 891.7—3

Рускія ночи. Подъ ред. С. А. Цвѣткова. Кн-во „Путь." М. 1913. Стр. IV + 429. Съ портр. Ц. 2 р.

Плодотворное умственное движеніе, начавшееся въ Россіи подъ вліяніемъ нѣмецкой идеалистической философіи, имѣетъ въ числѣ своихъ памятниковъ одну замѣчательную и до сихъ поръ не оцѣненную, какъ слѣдуетъ, книгу —„Рускія ночи" кн. О. Появившись незадолго до образованія двухъ главныхъ теченій русской мысли — западничества и славянофильства, она скоро была забыта въ шумѣ полемическихъ схватокъ, разыгравшихся между лагерями. Затѣмъ, когда потерялъ свою остроту славянофильскій споръ, наступили шестидесятые годы, столь враждебные всякому углубленному философскому умозрѣнію. А еще десятилѣтіе спустя книга перешла въ исторію литературы, не пріобрѣтя громкаго имени.

Прежняя критика приписывала кн. О. желаніе подражать „Серапіоновымъ братьямъ" Гофмана. Въ предисловіи авторъ защищается отъ этого упрека, указывая, что въ эпоху созданія „Русскихъ ночей" онъ почти не былъ знакомъ съ произведеніями знаменитаго романтика. И дѣйствительно, сходство съ Гофманомъ поверхностное и чисто случайное. О. не былъ крупнымъ художникомъ слова, подобнымъ Гофману и не стремился быть имъ. Новеллы, разсѣянныя между діалогами „Русскихъ ночей", несмотря на остроуміе и своеобразное изящество изложенія, не имѣютъ большой беллетристической цѣнности. Онѣ могутъ возбудить нарочитый интересъ лишь въ томъ случаѣ, если мы замѣтимъ, что онѣ представляютъ замысловатый и связный узоръ, вышитый на основной ткани философской системы. Всѣ руководящія идеи вѣка приведены въ столкновеніе въ бесѣдахъ, которымъ посвящены „Рускія ночи". Спорятъ — шеллингіанецъ и „экономистъ", склоняющійся въ области теоретической философіи къ ученію Кондильяка, но главную роль играетъ мистикъ, выведенный подъ именемъ Фауста. Этотъ послѣдній также симпатизируетъ Шеллингу. Но наряду съ мюнхенскимъ натуръ-философомъ онъ цитируетъ Баадера, Кенига и Баланша. По его словамъ, эти лучшіе европейскіе умы, „углублялись въ сокровищницу души человѣческой, неожиданно для самихъ себя выносятъ изъ оной тѣ вѣрованія, которыя издавна сіяютъ на славянскихъ скрижаляхъ, имъ невѣдомыхъ". Струя, родственная славянофильству, была въ высшей степени сильна въ міровоззрѣніи кн. О. Едва ли не онъ первый произнесъ сакраментальныя слова: „Западъ гибнетъ", гибнетъ отъ механической цивилизаціи, отъ утилитарной философіи, отъ себялюбивой ограниченности своего духа. Девятнадцатый вѣкъ принадлежитъ Россіи, которая одна можетъ спасти Европу. Всѣ эти идеи славянскаго мессіанизма намъ хорошо знакомы. Но не слѣдуетъ забывать, что кн. О. принадлежитъ честь почина. Между прочимъ, поражаетъ сходство между отдѣльными страницами „Русскихъ ночей" и книгою Герцена „Съ того берега". Тотъ же стиль, та же манера и, въ сущности, тѣ же идеи, внѣшнимъ образомъ видоизмѣненныя. (*П. А. „Рус. Молва". 1913—120*).

Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы воскресить въ памяти свѣтлую эпоху русскаго идеализма 30-хъ годовъ, когда „кипѣли тысячи вопросовъ, сомнѣній, догадокъ", когда ставились и рѣшались великія проблемы философскаго, этическаго, общественнаго характера, „Рускія ночи" будутъ незамѣнимой книгой, высокохудожественнымъ памятникомъ той эпохи. Кто ищетъ въ литературномъ произведеніи мощныхъ возбужденій чувствъ, настроеній или предмета, наводящаго на размышленія, тотъ отъ такихъ повѣстей, какъ „Бригадиръ", „Балъ", „Насмѣшка мертвеца", „Послѣднее самоубійство", испытаетъ и теперь такое же потрясеніе, „подобное дѣйствію электрическаго удара", какое испыталъ Бѣлинскій и другіе современники автора „Русскимъ ночей", впервые читая эту книгу. (*Н. Бродскій. „Рус. Вѣд". 1913—83*).

Кн. О. не принадлежалъ къ писателямъ нестарѣющимъ. Забытъ онъ совершенно и не безъ уважительныхъ на то причинъ. Нынѣ вновь появившіяся (прекрасно редактированныя и очень прилично изданныя) его „Рускія ночи"— интересны и даже, быть можетъ, чрезвычайно интересны для *изслѣдователя*, но не для *читателя*. Для читателя этотъ пропагандистъ въ беллетристической формѣ идей Шеллинга—тяжеловатъ, а порою и томительно скученъ. Только ночь VIII-ая (біографія Себастьяна Баха) читается съ интересомъ. (*Ач. „Кіев. Мысль". 1913—96*).

Изданіе книги О. можно отъ души привѣтствовать. Въ томъ, что эта книга представляетъ собою чрезвычайно важный и интересный литературный памятникъ, не можетъ быть никакого сом-

нѣнія. Самъ авторъ хорошо сознавалъ значеніе „Русскихъ ночей“ въ этомъ смыслѣ; въ предисловіи (теперь только впервые появляющемся въ печати) къ готовившемуся имъ изданію книги онъ указываетъ, что въ ней читатель найдетъ „довольно вѣрную картину той умственной дѣятельности, которой предавалась московская молодежь 20-хъ и 30-хъ годовъ, о чемъ почти не сохранилось другихъ свѣдѣній“. Но это не только документъ, рисующій опредѣленную эпоху, а и книга, способная будить въ насъ сочувственный откликъ мыслямъ и настроеніямъ, встрѣчающимся въ ней. Со всѣми достиженіями философской мысли той эпохи онъ знакомъ не изъ третьихъ рукъ, а по первоисточникамъ. Беллетристическая часть „Русскихъ ночей“ составляетъ какъ бы „надстройку“ на философскомъ фундаментѣ, что придаетъ книги характеръ подчасъ отвлеченный. Исторія о „Бригадирѣ“—это что-то очень близкое къ „Смерти Ивана Ильича“. Другая обстановка, другіе нравы, самый тонъ повѣсти другой, но точно такъ же она производитъ волнующее впечатлѣніе, такъ же передъ читателемъ авторъ сдергиваетъ тотъ покровъ, который прикрываетъ суетность и пустоту цѣлой человѣческой жизни, посвященной тысячѣ тѣхъ же заботъ и мелочей, которыми наполнено и существованіе всѣхъ окружающихъ человѣка. Точно такъ же потрясающее впечатлѣніе производитъ предсмертное просвѣтленіе „бригадира“, несмотря на то, что художественный талантъ О., разумѣется, не можетъ итти въ сравненіе съ мощью изображенія Толстого. Но такова сила искренности, соединенной со способностью за случайными жизненными явленіями видѣть глубокій ихъ смыслъ, что эта незамысловатая по сюжету и нѣсколько старомоднымъ стилемъ написанная повѣсть за живое затрагиваетъ читателя. (*Ю—нъ. „Нов. Вр.“ 1913—13308*).

540. Пушкинъ, А. С. 891.7—3.

Уединенный домикъ на Васильевскомъ. Разсказъ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова. Съ послѣсловіемъ П. Е. Щеголева и О. Сологуба. Изд. т-ва писателей. Спб. 1913. Стр. Ц. 50 к.

„Когда Пушкинъ, — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Анна Петровна Кернъ,—рѣшался быть любезнымъ, то ничто не могло сравниться съ блескомъ, остротой и увлекательностью его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній онъ, собравши насъ въ кружекъ, разсказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на извозчикѣ на Васильевскій Островъ. Эту сказку съ его же словъ записалъ нѣкто Титовъ и помѣстилъ, кажется, въ „Подснѣжникѣ“... Издававшій воспоминанія А. П. Кернъ Л. Н. Майковъ провѣрилъ это указаніе, но оказалось, что въ „Подснѣжникѣ“ никакой сказки о чортѣ не напечатано, а „нѣкто Титовъ“ не былъ даже найденъ въ числѣ сотрудниковъ „Подснѣжника“. Однако, свидѣтельство А. П. Кернъ оказалось вѣрнымъ, и разсказъ отыскался; опубликованіе въ 1910 году воспоминаній бар. Дельвига разъяснило всѣ недоумѣнія. Дѣйствительно, маленькій безвѣстный литераторъ В. П. Титовъ записалъ разсказъ П.; послѣдній сдѣлалъ въ разсказѣ нѣсколько поправокъ и благословилъ скромнаго „автора“ на печатаніе повѣсти, которая и была помѣщена въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 года за подписью Тита Космократова. Такова вкратцѣ, по изслѣдованію Н. О. Лернера и П. Е. Щеголева, исторія „Уединеннаго домика“.

Разсказъ, поражающій сочетаніемъ фантастическаго и реалистическаго элемента, начинается прелестнымъ описаніемъ скромной мѣщанской жизни, мирно протекающей подъ кровлей уединеннаго домика, затерянаго на дикомъ пустырѣ петербургской окраины. Тутъ во всѣхъ подробностяхъ виденъ авторъ „Домика въ Коломнѣ“, такъ любившій эти „прозаическія бредни, фламандской школы пестрый соръ“. Бѣдная чиновничья вдова, тихо доживающая вѣкъ на „малый достатокъ, накопленный невинными, а можетъ быть отчасти и грѣшными трудами покойнаго“; дочь, „незнаемо“ расцвѣтающая среди однообразныхъ работъ, хожденія въ церковь, вязанія чулокъ, гаданія, чтенія Миней; молодой отдаленный родственникъ, пріѣхавшій въ Петербургъ служить и мало-по-малу покоряемый тихой красотой Вѣры, на радость старухи, уже начинающей тайно плакать объ этой безъ радости цвѣтущей красотѣ,—всѣ элементы нозатѣйливаго, скромнаго мѣщанскаго счастья. И въ эту тихую заводь маленькаго человѣческаго благополучія является злобный „врагъ рода человѣческаго“ и приноситъ сюда соблазнъ и страсти и все подчиняетъ своему чудно-неотразимому вліянію; и вотъ на фонѣ фламандской идилліи начинаютъ развертываться драматическія коллизіи, порожденныя дьявольскимъ навожденіемъ и оканчивающіяся гибелью всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Разсказъ заключенъ неожиданной шуткой, — обычная манера П. разгонять навѣваемое житейскими горестями тяжелое настроеніе...

Это, такимъ образомъ, и пушкинскій, и не вполнѣ пушкинскій разсказъ, пушкинское золото амальгамированное Титовымъ. Разсказъ, взволновавшій Титова, повидимому, отпечатлѣлся въ его памяти со всѣмъ блескомъ, остротой и увлекательностью рѣчи, и многія мѣста его были записаны почти со стенографической точностью; объ этомъ можно догадываться по мастерскому описанію нѣкоторыхъ сценъ, по вѣрности и яркости красочнаго языка, по характерной „пушкинской“ конструкціи отдѣльныхъ предложеній... Новая находка во всякомъ случаѣ порадуетъ не однихъ присяжныхъ „пушкинистовъ“. (*Е. Синегубъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—77*).

Въ изящномъ, въ стилѣ 30-хъ гг., отдѣльномъ изданіи вышелъ разсказъ „Уединенный домикъ“. Разсказъ, несомнѣнно, привлечетъ къ себѣ вниманіе какъ широкой публики, такъ и изслѣдователей—пушкинистовъ. (*С. „День“. 1913—88*).

541. Рывкинъ, М. Д. 891.7—3

Навѣтъ. Романъ изъ эпохи Александра I — Николая I. Спб. 1913. Стр. 279. Ц. 1 р. 25 к.

Это не сказка, а быль. Ибо въ романѣ „Навѣтъ“ не только нѣтъ самостоятельнаго замысла автора, но въ немъ, по выраженію В. Брюсова, не оставлено никакого мѣста для читательскаго домысла. Все дано исторіей, все основано на подлинныхъ документахъ, хранящихся въ архивахъ. Всѣ персонажи, выведенные Р. въ его романѣ, дѣйствительно жили и страдали, при чемъ жили и страдали именно такъ, какъ оно описывается въ романѣ... Романъ посвященъ знаменитому Велижскому дѣлу, кошмарной исторіи съ кровавымъ навѣтомъ, тянувшей почти цѣлыхъ 12 лѣтъ, отъ мая 1829 г. до начала 1835 года.

Весною 1823 года въ Велижѣ, Витебской губерніи, у солдатки Агаѳьи Ивановны пропалъ ея четырехлѣтній сынъ, который былъ въ маѣ найденъ въ лѣсу за городомъ мертвымъ и, понятно, „чѣмъ-то въ нѣсколькихъ мѣстахъ пронзеннымъ“. Сейчасъ же стали циркулировать въ городѣ слухи о томъ, что убійство совершено евреями съ ритуальной цѣлью. Тутъ же нашлись „очевидцы“, „свидѣтели“ и „эксперты“, руководимые и вдохновляемые офиціальными защитниками христіанства и специфической государственности. Пьяная баба Терентьева, блажная дѣвка Еремѣева и солдатка Авдотья Максимова, къ которымъ впослѣдствіи присоединились и многія другія, столь же почтенныя особы, стали плести фантастическія небылицы о многочисленныхъ ритуальныхъ убійствахъ, совершенныхъ евреями при ихъ, этихъ бабъ, ближайшемъ участіи и содѣйствіи, и эти небылицы, которыя въ теченіе цѣлаго десятилѣтія повторяли на каждомъ допросѣ все съ новыми, крайне неожиданными варіаціями, служили единственной основой для созданія грандіознаго дѣла о кровавомъ навѣтѣ. Какъ водится, витебскій главный судъ не нашелъ никакого основанія для привлеченія евреевъ, а приговорилъ Терентьеву къ церковному покаянію. Но генералъ-губернатору Хованскому удалось добиться назначенія новаго разслѣдованія этого „ритуальнаго дѣла“, и въ Велижъ былъ командированъ чиновникъ Страховъ, который при усиленномъ содѣйствіи мѣстнаго уніатскаго ксендза сталъ воздвигать грандіозное ритуальное дѣло. По распоряженію изъ Петербурга, были запечатаны еврейскія синагоги и были арестованы лучшіе представители и представительницы мѣстнаго еврейства въ числѣ болѣе 50. Они томились въ тюрьмѣ въ теченіе 9 лѣтъ, и ихъ часто пытали, чтобы добиться у нихъ сознанія въ ритуалѣ. Появились и особые знатоки еврейскаго ритуала, какъ, напримѣръ, учитель Петрица и сапожникъ Азадковичъ, а также ренегаты изъ евреевъ, которые стали подъ вліяніемъ „заговорившей совѣсти“ раскрывать „тайны еврейскаго кагала“ (Грудинскій). Стали производить обыски и аресты и въ другихъ городахъ черты, гдѣ, конечно, нашлись и свои „очевидцы“ ритуальныхъ убійствъ. Наконецъ, императоръ Николай I на одномъ изъ докладовъ положилъ слѣдующую резолюцію: „Надо непремѣнно узнать, кто были сіи несчастныя дѣти. Это должно быть легко, если все это не гнусная ложь“. Былъ посланъ для „дослѣдованія“ полковникъ Шкуринъ, который, къ несчастью, также подпалъ подъ созданный Хованскимъ и Страховымъ гипнозъ. И лишь въ январѣ 1835 года было Высочайше утверждено рѣшеніе государственнаго совѣта о прекращеніи этого кошмарнаго дѣла и объ освобожденіи всѣхъ евреевъ отъ суда и слѣдствія. За это время многіе изъ заключенныхъ успѣли умереть въ тюрьмѣ, а многіе потеряли всякій интересъ къ жизни. Но всѣ привлеченные евреи и еврейки проявляли въ бѣдѣ много настоящаго героизма и сохраняли мужество даже поръ пытками палачей, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся переписка нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Все это описано въ романѣ „Навѣтъ“. Ни одной почти своей, вымышленной черты. Но авторъ сумѣлъ вдохнуть жизнь въ покрытыя исторической пылью хартіи и сообщить имъ романическій интересъ. Всѣ эти Берлины, Цетлины и Аронсоны, всѣ эти Мирки и Славки дышатъ не только исторической, но и художественной правдой. Авторъ сумѣлъ уловить темъ старой еврейской жизни, столь идеалистической въ своей субботней обособленности, обращенной внутрь, и столь будничной въ своей торгашеской прозаичности, обращенной къ внѣшнему міру. Но больше всего удалось Р. воссоздать то настроеніе ужаса, которое вызываетъ кругомъ этотъ отвратительный призракъ кроваваго навѣта. Это настроеніе еще усугубляется для насъ тѣмъ обстоятельствомъ, что мы — увы! — лишены еще возможности съ удовлетвореніемъ воскликнуть: „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Нельзя не пожелать роману „Навѣтъ“ широкаго распространенія среди читающей публики... (*М. Л. „Кіев. Мысль“. 1913—4*).

Книга изобилуетъ любопытными штрихами бытовой исторіи евреевъ въ Россіи первой четверти XIX в. (С. Г. „*Вѣст. Евр.*“ *1913—4*).

Лишь своего рода злободневностью велижскаго дѣла объясняется то, что слащаво и не художественно написанный романъ Р. читается съ интересомъ. Впрочемъ, это относится къ наиболѣе цѣнному въ книгѣ — выдержкамъ изъ офиціальныхъ актовъ знаменитой слѣдственной комиссіи по этому дѣлу. Ихъ и слѣдовало бы, насколько это возможно, огласить цѣликомъ и этимъ ограничиться. Эпоха же, столь интересная въ исторіи русскаго еврейства (въ 1827 г. евреи, наряду съ велижскимъ дѣломъ, призваны были впервые въ ряды арміи), а также еврейскій бытъ того времени и „романическая“ часть романа воспроизведены блѣдно. Добрыхъ намѣреній у Р. больше, чѣмъ художественнаго дарованія. („*Рус. Молва*“. *1913—92*).

Авторъ недурно воспользовался обширнымъ историческимъ матеріаломъ и изложилъ въ популярной беллетристической формѣ многообразныя перипетіи сложнаго и мрачнаго процесса. Было бы неосновательно предъявлять къ роману повышенныя художественныя требованія; дѣйствующія лица его не выступаютъ предъ читателемъ, какъ жизненные образы, колоритъ эпохи не чувствуется ни въ одномъ словѣ, а пріемы, посредствомъ которыхъ авторъ переноситъ сообщенія историческихъ источниковъ въ беллетристическое повѣствованіе, довольно элементарны. Но самый сюжетъ такъ трагиченъ, что способенъ привлечь вниманіе читателя, болѣе требовательнаго къ искусству историческаго романа и однако совершенно не склоннаго погружаться въ документальную сухость историческихъ монографій. Хотя блѣдноваты фигуры дѣятелей процесса, однако есть въ романѣ какая-то общая убѣдительность и, думается, тѣми, къ кому онъ обращается, онъ будетъ прочтенъ съ пользой. Ибо — какая же это исторія? — вѣдь это есть самая животрепещущая наша современность; такъ же, какъ сто лѣтъ тому назадъ, томится въ тюрьмѣ человѣкъ, который не могъ совершить приписываемаго ему преступленія по той простой причинѣ, что не существуетъ самаго преступленія. Это ясно для всего культурнаго міра, это ясно для тѣхъ, кто пытается нынѣ обновить кровавую трагедію. И если книга Р. о кровавомъ навѣтѣ попадетъ въ руки тѣхъ темныхъ массъ, которымъ она способна разъяснить истину, она внесетъ свою маленькую долю въ дѣло освобожденія людей отъ позорнаго „предубѣжденія“. („*Рус. Бог.*“ *1913—4*).

542. Холщевниковъ, С. 891.7—3

Новая крѣпь. Очерки и разсказы. Изд. т-ва писателей. Спб. 1913. Стр. 280. Ц. 1 р. 25 к.

Въ толстыхъ журналахъ такіе разсказы, какіе пишетъ Х., слѣдовало бы печатать въ отдѣлахъ экономическихъ статей, откликовъ жизни и т. п., а не въ отдѣлѣ беллетристики. У насъ же до сихъ поръ подобнаго рода литература принимается за беллетристику. Добросовѣстно, крупными мазками и на большія полотна авторъ заноситъ свои наблюденія надъ русской жизнью. Въ авторѣ—на рѣдкость для нашего времени — отсутствуетъ желаніе создать художественное произведеніе; лишь бы изображеніе соотвѣтствовало дѣйствительности, какою она представляется глазамъ. Нужно сказать, что Х. смотритъ сквозь очень темныя стекла, и русская жизнь съ ея порядками (вѣрнѣе непорядками) въ его тяжеломъ рисункѣ предстаетъ передъ читателемъ въ самомъ мрачномъ, безотрадномъ и даже безнадежномъ, въ смыслѣ будущаго, видѣ. Невольно вспоминаются М. Пришвинъ и др. беллетристы, которые больше наблюдали и больше знаютъ, и однако умѣютъ видѣть Русь и будущее ея судьбы въ иномъ свѣтѣ. Въ первомъ изъ очерковъ, „Новая крѣпь", разсказывается о мытарствахъ молодого землеустроительнаго чиновника, ликвидатора дворянскихъ имѣній. Во второмъ („Первая смѣна") — фабрика и бунтъ рабочихъ. Въ третьемъ („Бѣловѣжская пуща") — опять либеральный землеустроитель, которому приходится дѣйствовать среди цѣлаго полчища черносотенныхъ людей и „зубровъ", превращающихъ Россію въ Бѣловѣжскую пущу. Все это производитъ гнетущее впечатлѣніе и стоитъ довольно далеко въ сторонѣ отъ художественной литературы. Если Х. до сихъ поръ, какъ беллетристъ, былъ неизвѣстенъ, то своей книгой онъ не создалъ себѣ беллетристическаго имени. (*П. Кожевниковъ. „У. Рос." 1913—86*).

Въ разсказѣ Х. „Новая крѣпь" мы встрѣчаемся съ интеллигентнымъ землеустроителемъ-идеалистомъ, который поступаетъ на службу въ надеждѣ поработать на благо крестьянъ и обновляющейся Россіи, но при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью мечты идеалиста рушатся. Какими-то невидимыми таинственными вліяніями землеустроительная политика ведетъ не къ созданію новыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, а къ охраненію дворянскихъ „культурныхъ оазисовъ", землеустроители оказываются призванными „помочь помѣщикамъ вернуть ихъ бывшія мѣста въ земствѣ по выборамъ, вернуть ихъ на землю, добытую доблестной службой ихъ предковъ". Съ другой стороны идетъ „крѣпкій хуторянинъ", не мужикъ, а именно „типичный хуторянинъ, наливающійся кровью паукъ, для котораго міры, т. е. вся государственная мудрость мужика,— нудный, противный звукъ". Въ разсказѣ Х. встрѣчается типъ этого крѣпкаго хуторянина,— оборотистый парень, скупающій участки съ цѣлями, ничего общаго съ крестьянскимъ хозяйствомъ не имѣющими. (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд." 1913—71*).

Содержаніе книги менѣе интересно, чѣмъ ея заглавіе. Авторъ пытается изобразить новую, послѣреволюціонную жизнь деревни, въ которой хозяйничаютъ землеустроители. Х., повидимому, знакомъ съ этой жизнью и могъ бы дать нѣсколько недурныхъ очерковъ, сообщить рядъ интересныхъ фактовъ относительно торгашеской политики крестьянскаго банка, освѣтить планы петербургскихъ генераловъ отъ землеустройства, полагающихъ, что привить мужику любовь къ личной собственности можно, лишь „раздѣвъ его". Но авторъ предпочелъ почему-то беллетристическую форму; ничего хорошаго изъ этого не вышло, ибо одного народолюбія еще не достаточно, чтобъ стать художникомъ. (*„Рус. Молва". 1913—71*).

543. Милюковъ, П. 901(47)

Главныя теченія русской исторической мысли. Изд. 3-е, М. В. Аверьянова. М. 1913. Стр. 342. Ц. 1 р. 60 к.

Этотъ трудъ былъ предпринятъ авторомъ въ годы расцвѣта его преподавательской дѣятельности въ Моск. унив. Одна изъ тѣхъ зловѣщихъ катастрофъ, которыми такъ богата исторія Москов. унив., оборвала профессорскую дѣятельность М.; помѣшала завершенію и этого труда: онъ остался прерваннымъ, что называется, на самомъ интересномъ мѣстѣ, на времени первоначальнаго зарожденія славянофильской и западнической концепцій русской исторіи. Но и въ такомъ незавершенномъ видѣ этотъ трудъ является выдающимся вкладомъ въ литературу по русской исторіографіи. Черезъ всю книгу проходятъ двѣ параллельныя струи: изслѣдуется ходъ спеціальной разработки историческихъ матеріаловъ историками различныхъ поколѣній и направленій и на-ряду съ этимъ разсматривается послѣдовательная смѣна общихъ представленій о русскомъ историческомъ процессѣ. И въ томъ и въ другомъ отношеніи авторъ даетъ рядъ детальныхъ частныхъ изысканій и яркихъ, мастерскихъ общихъ характеристикъ. Историки XVIII ст., Карамзинъ, скептическая школа, подготовка философскихъ конструкцій русской исторіи въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX в., кончая Чаадаевымъ, изучены М. съ тщательностью и глубиной, какъ не встрѣчаемъ ни у кого изъ другихъ изслѣдователей русской исторіографіи. На многіе изъ относящихся сюда вопросовъ книгой М. былъ пролитъ совершенно новый свѣтъ. Неудивительно поэтому, что книга вышла уже третьимъ изданіемъ. Не сомнѣваемся въ томъ, что ей суждено еще много разъ переиздаваться. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд." 1913—83*).

Это интересная и глубокая книга давно уже была рѣдкостью на книжномъ рынкѣ. Нельзя не порадоваться ея появленію въ новомъ изданіи. Книга переиздана безъ всякихъ измѣненій, нѣтъ указаній и на новѣйшую литературу. Только въ предисловіи къ новому изданію М. отмѣчаетъ тѣ изъ своихъ трудовъ, по которымъ можно прослѣдить дальнѣйшее развитіе взглядовъ, положенныхъ въ основу его „Главныхъ теченій". Говорить объ этой книгѣ много не приходится. Она давно извѣстна глубиной изученія и пониманія русской исторіографіи. Цѣлью книги является „дать общую картину развитія и взаимной смѣны тѣхъ теорій и общихъ взглядовъ, которые осмысливали для предшествовавшихъ поколѣній спеціальную работу надъ русской исторіей". Трудъ М. начинается съ синописса, разсматриваетъ историковъ XVIII столѣтія, подводитъ итоги исторической работѣ въ XVIII вѣкѣ, дѣлаетъ оцѣнку Карамзина и его современниковъ и, наконецъ, заканчивается характеристи-

кой первыхъ попытокъ критической разработки и философскаго построенія русской исторіи въ 1820-хъ и въ 1830-хъ годахъ. Книга важна не для однихъ спеціалистовъ, а для всякаго мыслящаго человѣка, который захотѣлъ бы познакомиться съ ходомъ русской исторической мысли. Книга издана хорошо. (*Ник. Висиленко. „Кіевъ. Мысль“. 1913—75*).

Для спеціалистовъ разбираемая книга должна быть первѣйшимъ и необходимѣйшимъ руководствомъ,— это несомнѣнно. Но знакомство съ очерками М. необходимо и каждому, кто хочетъ знать исторію своей родины, кто хочетъ умѣть разбираться въ ней, т.-е. необходима для всякаго интеллигентнаго человѣка. Кромѣ увлекательности своего содержанія — особенно полна живого интереса вторая часть, посвященная вліянію философіи Шеллинга на русское общество и чрезъ него на русскую историческую мысль,— книга написана очень популярнымъ языкомъ и неспеціалистами читается очень легко. (*А. Родной. „Кубан. Край“. 1913—80*).

544 [. . . . . 91(08)

География въ школѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. Я. И. Руднева. Сборникъ № 1. Вопросы преподаванія и методики географіи въ средней и народной школѣ. Кн-во „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 128. Ц. 80 к.

Передъ нами — первый выпускъ предположенной къ изданію серіи сборниковъ, имѣющихъ цѣлью разрабатывать и освѣщать вопросы о постановкѣ преподаванія географіи въ школахъ различныхъ типовъ, слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ этой области въ Россіи и за границей, служить органомъ для обмѣна мнѣній среди педагоговъ и, наконецъ, изъ области научнаго землевѣдѣнія извлекать и собирать тѣ факты и обобщенія, которыми можно пользоваться въ практикѣ преподаванія. Въ этомъ сборникѣ помѣщены статьи Руднева (Изъ прошлаго и настоящаго учебной географіи въ Россіи), Чижова (На свѣжую голову), Э. Лесгафта (Курсъ географіи Россіи въ средней школѣ), Курдова (О заключительномъ курсѣ географіи въ средней общеобраз. школѣ), Мальцевой (География въ начальной школѣ во Франціи) и нѣсколько мелкихъ статеекъ. Интересна статья Чижова, вскрывающая нѣкоторыя узаконенныя временемъ ошибки въ преподаваніи географіи. Отмѣтимъ также статью Э. Лесгафта и докладъ Г. И. Иванова. (*А. Лайстеръ. „Ест. и Геогр.“ 1913—2*).

„География въ школѣ“ имѣетъ въ виду методы преподаванія географіи въ средней и народной школахъ. Какъ извѣстно, преподаваніе этого предмета до сихъ поръ страдаетъ у насъ самой нереальной постановкой его. До сихъ поръ преподаваніе его возлагается очень часто на словесниковъ и филологовъ. Вообще, большинство нашихъ преподавателей географіи, даже передовыхъ,—самоучки, которые не могутъ дать надлежащій отпоръ ошибкамъ, пустившимъ корни еще въ старыхъ учебникахъ. Все это подчеркиваетъ особенную важность распространенія идей раціональнаго преподаванія этого чрезвычайно серьезнаго съ общеобразовательной точки зрѣнія предмета. Въ этомъ отношеніи настоящій сборникъ заключаетъ въ себѣ очень полезный матеріалъ: статьи, его составляющія, касаются исторіи преподаванія у насъ географіи и реформаторскихъ теченій, обнаруживающихся въ послѣднее время. Къ сборнику приложены доклады и пренія въ географическомъ отдѣлѣ учебно-воспит. ком. пед. музея военно-учебн. заведеній. (*„Совр. Сл.“ 1913—1818*).

Судя по списку сотрудниковъ и статьямъ перваго выпуска, къ издательству привлечены лучшія силы педагогическаго міра.

Первый сборникъ посвященъ постановкѣ преподаванія географіи и особенно родиновѣдѣнія въ средней школѣ. Интересно сопоставленіе программныхъ статей Курдова и Лесгафта, а также докладъ Иванова, читанный въ спб. педагогическомъ музеѣ военно-учебн. заведеній, въ которомъ И. выдѣляетъ родиновѣдѣніе въ особый предметъ, независимый ни отъ географіи, ни отъ исторіи и проходящій черезъ всѣ классы средней школы. (*О. В. „Кіев. Мысль“. 1913—89*).

545. Щеголевъ, П. Е. 92(08)

Историческіе этюды. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1913. Стр. 441. Ц. 3 р.

Этюды, собранные въ книгѣ Щ., не всѣ одинаково интересны для широкой публики. Въ первомъ — „А. Н. Радищевъ въ 1789 г. (Изъ исторіи журнальной дѣятельности А. Н. Радищева)“ — авторъ разбираетъ и неинтересно для широкой публики — вопросъ о томъ, въ какихъ изданіяхъ работалъ Р. Свое утвержденіе авторъ хорошо доказываетъ. При очеркѣ приложена статья Р. изъ „Бесѣдующаго Гражданина“ — „Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества“. Второй очеркъ — „Дѣтство Н. В. Гоголи“ — интересенъ и для неспеціалистовъ. Въ немъ авторъ отстаиваетъ здоровую и разумную точку зрѣнія, что домашняя среда Г. по существу представляется совсѣмъ не въ такихъ безусловныхъ свѣтлыхъ краскахъ, какъ это обыкновенно изображаютъ его біографы. Новыя, болѣе трезвыя вещи сообщаются въ очеркѣ и о положеніи Г. въ нѣжинской гимназіи, объ отношеніи къ нему товарищей и т. д. „Семенъ Олейничукъ“—третій этюдъ — читаешь, не отрываясь, съ душевнымъ волненіемъ. „Человѣкъ, не совершившій никакого преступленія, но державшійся мыслей, распространеніе коихъ могло бы оказаться (не оказалась, а могло бы оказаться!) вреднымъ, безъ всякаго суда, былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость“, гдѣ и умеръ. У О. нашли только черновикъ и даже не окончевнаго сочиненія въ которомъ онъ говорилъ о тяготѣ крѣпостного права и разбиралъ „какъ бы избыть горе крѣпостного права для своего, милаго и дорогого ему, малорусскаго народа“. Только за одно это— еще за О. не было рѣшительно никакихъ винъ наоборотъ, онъ былъ даже убѣжденнымъ монархистомъ и, какъ выражается Щеголевъ, „пылкимъ патріотомъ, относившимся съ большой не пріязнью къ полякамъ и евреямъ“, — и за эт одну вину (?) О. схватили (въ Кіевской губ. въ 1849 году и заключили въ казематъ Шлиссельбургской крѣпости. „Здѣсь его содержали строжайше, и фамилія его была извѣстна лишь коменданту крѣпости“ О. и умеръ въ крѣпости въ 1852 г. Къ очерку прибавлены любопытныя выдержки изъ сочиненія О. Въ четвертомъ этюдѣ — „Владиміръ Раевскій (первый декабристъ)“—авторъ обстоятельно и съ многими своими (или добытыми) данными описываетъ жизнь этого замѣчательнаго человѣка, оставив

шаго слѣдъ въ исторіи русскаго освободительнаго движенія. Здѣсь же Щ. обстоятельно указываетъ благотворное и большое вліяніе Р. на А. С. Пушкина. Впервые приводится въ очеркѣ и многія стихотворенія „перваго декабриста", который является незауряднымъ поэтомъ. Пятый очеркъ носитъ названіе „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы". Здѣсь излагается любопытный процессъ писателя о привлеченіи его по обвиненію въ участіи въ заговорѣ декабристовъ. Въ очеркѣ опять много любопытныхъ историческихъ чертъ, ярко характеризующихъ испугъ правительства передъ „крамолой" и гнетъ реакціи, наступившей послѣ „декабрьскихъ дней".

Шестой этюдъ—„Катехизисъ Сергѣя Муравьева-Апостола (изъ исторіи агитаціонной литературы декабристовъ)"—читается съ такимъ же большимъ интересомъ, какъ и очеркъ объ Олейничукѣ. Щ. подробно разбираетъ исторію появленія „революціоннаго катехизиса" Муравьева-Апостола, отмѣчаетъ вліяніе испанской революціи начала 18-го вѣка и испанской революціонной литературы на агитаціонную литературу декабристовъ. Опредѣляетъ и революціонную психологію М.-А. и обстоятельно разсказываетъ исторію южнаго возстанія декабристовъ въ Васильковѣ, съ описаніемъ даже впечатлѣнія, произведеннаго возстаніемъ на обывателей тихаго, захолустнаго городка. Седьмой этюдъ Щ. посвященъ декабристу князю Ѳ. П. Шаховскому, о которомъ чрезвычайно мало писали въ русской литературѣ. Этюдъ разсказываетъ о незаслуженной карѣ, постигшей этого человѣка почти безъ всякой вины. Личность Шаховского мало интересна. Восьмой и послѣдній—„Жены декабристовъ и вопросъ объ ихъ юридическихъ правахъ"—является первой попыткой болѣе или менѣе подробно остановиться на этихъ страницахъ исторіи русскаго освободительнаго движенія и даетъ читателямъ много новыхъ, нигдѣ въ печати не сообщавшихся свѣдѣній о рядѣ замѣчательныхъ женщинъ, оправдавшихъ въ своей жизни высокій отзывъ Тургенева о духовной силѣ русской женщины. Много новыхъ и весьма интересныхъ и любопытныхъ свѣдѣній дается объ отношеніи Николая I къ декабристамъ, которыхъ онъ считалъ личными врагами и увеличить тяжесть наказанія которыхъ онъ стремился во всемъ. Съ этой цѣлью онъ старался запугать женъ декабристовъ, которыя хотѣли раздѣлить участь съ заключенными и ссыльными мужьями. За это, по настоянію Николая I, онѣ были лишены даже нѣкоторыхъ юридическихъ правъ. Но все же многія изъ нихъ оправдали оцѣнку Тургенева русской женщины. Кары и запугиванія Николая I не имѣли успѣха. Въ общемъ, изданіе указанныхъ этюдовъ отдѣльной книжкой нужно привѣтствовать. Въ русской исторической литературѣ крайняя бѣдность по вопросамъ, затронутымъ въ послѣднихъ шести очеркахъ. Работы же Щ. серьезны и обстоятельны. Издана книга очень хорошо: весьма тщательная корректура, четкій, ясный шрифтъ, изящная обложка и плотная, хорошая бумага. (*А. Р—й. „Кубан. Край". 1913—80*).

Въ составъ сборника вошли статьи, напечаныя въ разное ваемя въ „Быломъ", „Минувш. годахъ", „Вѣст. Евр.", „Истор. Вѣст.", „Литер. Вѣст." и въ сборникѣ „Къ свѣту". Нѣкоторыя мѣста текста статей переработаны, а статья о Раевскомъ исправлена и дополнена по архивнымъ даннымъ. Статьи о декабристахъ разсматриваютъ предметы съ полнотой, доступной при современномъ уровнѣ архивныхъ свѣдѣній. Собраніе статей Щ. нужно привѣтствовать, такъ какъ это спасаетъ ихъ отъ забвенія на страницахъ старыхъ журналовъ. (*Прив.-доц. П. Головачевъ. „У. Рос." 1913—80*).

„Этюды" Щ. читаются съ большимъ интересомъ и представляютъ солидный вкладъ въ историческую литературу. (*П—чъ. „Утро". 1913—32*).

Историческія статьи Щ. имѣютъ главнымъ образомъ ту цѣнность, что въ каждой изъ нихъ былъ пущенъ въ научно-литературный оборотъ какой-либо новый архивный матеріалъ. Большинство этихъ статей посвящено декабристамъ и написано на основаніи документовъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ въ СПБ. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд." 1913—66*).

546. Тассаръ, Ф. 92(М).

Воспоминанія о Гюи де-Мопассанѣ его слуга Франсуа. Спб. 1913. Стр. VIII+416. Ц. 1 р. 50 к.

Какая трогательная книга! Дневникъ слуги, который не только былъ преданъ своему „господину", но и понималъ, что господинъ его—„человѣкъ большого таланта". Онъ тщательно записывалъ всѣ слова Мопассана, его привычки, привязанности, знакомства и проч. Передъ нами встаетъ весь бытъ М. Воспоминанія эти начинаются съ ноября 1883 г. и слѣдуютъ до самой смерти „господина". Это—періодъ „Bel-Ami", „Horla", „Fort comme la mort", „Vie errante". Хорошо описана мать М.; съ которой сынъ дѣлился своими замыслами: она, напр., не одобряла конца въ „Fort comme la mort". Приводятся мнѣнія М. о театрѣ, о Флоберѣ, о Золя. Надо признать, что Тассаръ былъ не только хорошимъ слугой, но и интереснымъ человѣкомъ. Это—не Санхо-Панчо и не Лепорелло, а совсѣмъ исключительный типъ слуги-друга. (*„Рус. Молва". 1913—120*).

Мы восторгаемся громаднымъ талантомъ М., мы знаемъ почти каждый маленькій разсказикъ его и совершенно не знакомы съ его частной жизнью. Что могутъ дать намъ скудныя біографическія свѣдѣнія, къ тому же всегда такія шаблонныя, одинаковыя? Будучи близкимъ къ М. въ качествѣ слуги-друга, дѣлившаго съ нимъ его радость и горе, страсть къ путешествіямъ, врачевавшимъ его душу, ухаживавшимъ за нимъ во время сумасшествія, Т. знаетъ всю интимную жизнь его. Помимо изобилія подробныхъ мелкихъ фактовъ, удачно характеризующихъ личность М., въ книгѣ Т. чувствуется огромная привязанность къ великому писателю, доходящая до преклоненія. Написанная легкимъ литературнымъ языкомъ, безъ всякихъ уклоненій и отступленій въ сторону, книга, несомнѣнно, прольетъ свѣтъ на личность великаго писателя. (*С. Т. „День". 1913—94*).

Франсуа, открывшій по смерти своего господина кафе въ Парижѣ, въ часы досуга написалъ интересную книжку, сообщающую много интимныхъ подробностей о его патронѣ, начиная съ его любовныхъ увлеченій и кончая исторіей его кошки Пироли и собачки Тайи. М. рисуется здѣсь съ очень симпатичной стороны, особенно рельефно выступаетъ его необыкновенная доброта. (*Ач. „Кіев. Мысль". 1913—82*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеня" по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

Общія сочиненія [0]

1754. Брихничевъ, Іона. 04

Огненный сѣятель. Изд. И. И. Дорофѣевой. М. 1913. Стр. 55. Ц. 30 к.

Содержаніе. Предисловіе. Новое вино. О Вѣрности. Что вы стоите и смотрите на небо? Объ активности христіанства. Отойдите отъ прокаженныхъ шатровъ. О рожденіи свыше и объ Амнистіи. Долгъ прежде всего. Милости хочу, а не жертвы. И жилъ съ людьми и проч.

1755. Достоевскій, Ѳ. М. 081

Полное собраніе сочиненій. Съ многочислен. рисунками. Т. 21-й. Дневникъ писателя за 1887, 1880—81 гг. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. (безъ г. печ.). Стр. 523. Ц. за 21 томъ 28 р.

1756. Ключевскій, В. 081

Очерки и рѣчи. Второй сборникъ статей. М. 1913. Стр. 514. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: С. М. Соловьевъ. С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель. Памяти С. М. Соловьева. Рѣчь въ торжествен. собраніи Моск. Унив. 6 іюня 1880 г. въ день открытія памятника Пушкину. Евгеній Онѣгинъ и его предки. Содѣйствіе церкви успѣхамъ русскаго гражд. права и порядка. Грусть.—Памяти М. Ю. Лермонтова. Добрые люди древней Руси. И. Н. Болтинъ. Значеніе преп. Сергія для русскаго народа и государства. Два воспитанія. Воспоминаніи о Н. И. Новиковѣ и его времени. „Недоросль" Фонвизина. Императрица Екатерина II. Западное вліяніе и церковный расколъ въ Россіи XVII в. Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ.

1757. Тургеневъ, Ник. Ив. 081

Дневники за 1811—1816 гг. Т. II, Подъ ред. и съ примѣч. Е. И. Тарасова.—„Архивъ бр. Тургеневыхъ. Вып. 3". Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1913. Стр. XXIV+500. Съ рис. Ц. 3 р.

1758. Алексѣевъ, П. 087.1

Нѣмое царство. Разсказы и очерки для дѣтей. I. Въ рѣчныхъ и озерныхъ водахъ. II. Въ морскихъ водахъ. III. На рыбныхъ промыслахъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1913. Стр. 104. Съ рис. Ц. 60 к.

1759. Бернетъ, Ф. Г. 087.1

Избранные повѣсти и разсказы. Съ 16 рис.—„Библ. нашихъ дѣтей, основ. Е. В. Лавровой и И. А. Поповымъ". Изд. 2-е, т-ва О. Н. Поповой. Спб. 1913. Стр. 115. Ц. 25 к.

Содержаніе: Сара Кру или что случилось съ миссъ Минчинъ, повѣсть. Воръ Эдифи, разсказъ.

1760. Соловьева, П. и Манасеина, Н. 087.1

Красное яичко. Разсказы, сказки, стихи, картинки и загадки для маленькихъ дѣтей. Изд. „Тропинка". Спб. 1913. Стр. 61. Съ рис. Ц. 2 р.

Содержаніе: Воскресеніе въ лѣсу. Асины башмачки. Коты-котики. Медвѣдь и лиса. Уткины подарки. Вовочкино письмо. Цыплята. Кролики. Загадки. Лягушки-музыканты. Разбойникъ-Али. Небесная избушка. Трусишки. Весенье. Отгадки загадокъ.

Философія [1]

1761. [. . . . . 1(082)

Новыя идеи въ философіи. Неперіод. изд., выход. подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 6. Существуетъ ли внѣшній міръ? Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Стр. 136. Ц. 80 к.

Содержаніе: Максъ Фришейзенъ-Кёлеръ. Ученіе о субъективности чувствительныхъ качествъ и его противники.—І. Ремке. О достовѣрности внѣшняго міра для насъ.—В. Шуппе. Солипсизмъ.—Къ литературѣ вопроса.

1762. [. . . . . 1(082)

Новыя идеи въ философіи. Неперіод. изд., выход. подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 7. Теорія познанія III. Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Стр. 157. Ц. 80 к.

Содержаніе: Г. Риккертъ. Два пути теоріи познанія.—Т. Райновъ. Гноссологія Лотце.—С. Франкъ. Прагматизмъ, какъ гносеологическое ученіе.

1763. Дицгенъ, Іосифъ. 1:335

Экскурсіи соціалиста въ область теоріи познанія. Съ прилож. статьи Евг. Дицгена: Максъ Штирнеръ и І. Дицгенъ. Пер. Б. С. Вейнберга, подъ ред. Дауге. Изд. 2-е, П. Г. Дауге. М. 1913. Стр. 179. Ц. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Въ глубины природы не проникнуть ни одному человѣческому уму. Абсолютная истина и естественныя ея проявленія. Матеріализмъ противъ матеріализма. Дарвинъ и Гегель. Свѣтъ познанія. Приложенія: М. Штирнеръ и І. Дицгенъ. Извлеченіе изъ книги Штирнера: „Единственный и его собственность".

1764. Дицгенъ, Іосифъ. 1+15

Аквизитъ философіи и письма о логикѣ. Съ предисл. Евг. Дицгена. Пер. Г. И. Наумова. Подъ ред. П. Дауге. Изд. 3-е, П. Г. Дауге. М. 1913. Стр. IX+252. Ц. 1 р.

Содержаніе: Евг. Дицгенъ. Вступит. статья къ рус. пер. „Аквизита философіи".—Предисловіе.—Аквизитъ философіи: Познаніе, какъ спеціальный объектъ. Родственная связь познават. способности съ универсумомъ. Въ какой степени интеллектъ является ограниченнымъ и неограниченнымъ. Всеобщность природы. Познават. способность, какъ часть человѣч. души. Человѣку прирождена не только способность знать вообще, но и созваніе универсальности всей природы. Родство или идентичность между духомъ и природой. Матеріальный характеръ познанія. Четыре основн. логич. закона. Функціи познанія въ религіозн. сферѣ. Категорія причины и слѣд-

ствіе, какъ вспомогат. средство познанія. Духъ и матерія. Что является первоначальнымъ и что производнымъ. Насколько основательно сомнѣніе въ возможности яснаго и точнаго познанія. Еще разъ о различіи между точнымъ и неточнымъ познаніемъ. Заключеніе. Письма о логикѣ, — спеціально демократически-пролетарская логика.

* **Костинъ, И. Т.** 15:4—1
См. пор. № 1785.

1765. Дицгенъ, Іосифъ. 153
Сущность головной работы человѣка. Новая критика чистаго и практич. разума, съ биограф. очеркомъ автора. Съ предисл. Антона Паннекука. Пер. съ нѣм. Б. С. Вейнберга, подъ ред. П. Дауге. Изд. 2-е, П. Г. Дауге, М. 1913. Стр. XXVII+124. Съ портр. Ц. 60 к.

Содержаніе: I. Дицгенъ. Краткій биограф. очеркъ, напис. Евг. Дицгеномъ. Введеніе. Роль и значеніе философ. трудовъ I. Дицгена.—А. Паннекука. Сущность головной работы человѣка.—I. Дицгена: Предисловіе. Введеніе. Чистый разумъ или мыслительная способность вообще. Сущность вещей. Практика разума въ физической наукѣ. „Практическій разумъ“ или мораль.

* **Погодинъ, А. Л.,** проф. 158.3
См. пор. № 1786.

1766. Селихановичъ, Александръ. 17
Психологія нравственныхъ переживаній. Вступит. лекція, чит. въ Кіев. унив. 12 дек. 1912 г. Кіевъ. 1913. Стр. 32. Ц. 30 к.

1767. [. 179.3
Естественная жизнь и вегетаріанство. I. Альманахъ Московскаго Вегетаріанскаго о-ва. Подъ ред. П. И. Бирюкова и Н. Н. Гусева. М. 1913. Стр. 195. Ц. 75 к.

1768. Ясиновскій, А. А., д-ръ мед. 179.3
Посмертныя статьи. Съ краткой біографіей и портр. автора. Изд. Кіев. Вегетар. о-ва и журн. „Вегет. Обозр.“ Кіевъ. 1913. Стр. 39. Ц. 10 к.

Содержаніе: Крахъ формулы Файта. О малокровіи. Мясной призракъ.

Религія [2]

* **Кирилловъ, И. А.** 281.93.01:31
См. пор. № 1770.

1769. Баллодъ, Ф. В. 299
Введеніе въ исторію бородатыхъ карликообразныхъ божествъ въ Египтѣ. (Prolegomena zur Geschichte der bärtigen zwerghaften Gottheiten in Ägypten). М. 1913. Стр. 115. Съ иллюстр. Ц. 2 р.

Соціальныя науки [3]

1770. Кирилловъ, И. А. 31:281.93.01
Статистика старообрядчества. Изд. журн. „Старообр. Мысль“. М. 1913. Стр. 26. Ц. 15 к.

Содержаніе. Положеніе вопроса. Нѣсколько о прошломъ статистики старообрядчества. Цифровыя данныя.—Списокъ использованныхъ матеріаловъ.

1771. Цаликовъ, Ах. 323(47)
Кавказъ и Поволжье. Очерки инородч. политики и культурно-хозяйств. быта. Изд. Мухтарова. М. 1913. Стр. 184. Ц. 1 р. 50.

Содержаніе. Отъ автора. Страничка прошлаго. Нѣкоторыя черты хозяйственно-бытовой жизни горцевъ. О кустарной промышленности. Бюрократія и горцы. Къ туземно-казачьей распрѣ. Крутыя мѣры. Кавказскіе разбойники. Искорененіе грабежей и разбоевъ на с. Кавказѣ. Религіозно-культурныя нужды горцевъ. О мусульманскихъ учрежденіяхъ. Школьная политика среди мусульманъ Поволжья.

1772. Гадмеръ, Е. 331(47.8)(0:8)
Около желѣза и золота. Очеркъ изъ жизни уральскихъ рабочихъ. Съ 10 рис.—„Библ. нашихъ дѣтей, основ. Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ“. Изд. 2-е, т-ва О. Н. Поповой. Спб. 1913. Стр. 64. Ц. 20 к.

1773. Германъ, И. Е., инж. 333.5(47)
Крестьянское землеустройство. М. 1913. Изд. 2-е. Стр. III+208. Ц. 3 р.

1774. [. . . . . 335(04)
Письма I. Ф. Беккера, I. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. къ Ф. А. Зорге и др. Пер. съ нѣм. Политикуса. Съ письмами и біографіей Ф. А. Зорге Евг. Дицгена. Изд. 2-е, П. Г. Дауге. М. 1913. Стр. 485. Ц. 2 р.

Содержаніе: Евг. Дицгенъ — Біографич. очеркъ Зорге. Введеніе. Ч. I. Съ 1867 до 1883 г. до смерти К. Маркса. Ч. 2. Съ 1884 по 1895 г., до смерти Ф. Энгельса. Переводъ нѣкотор. иностр. словъ, встрѣч. въ перепискѣ. Отдѣльное приложеніе: Переписка Зорге. — Фр. Мэринга.

* **Дицгенъ, Іосифъ.** 335:1
См. пор. № 1763.

1775. Прыжовъ, И. 339.1(47)
Нищіе на святой Руси. Матеріалы для исторіи обществен. и народнаго быта въ Россіи.—„Историч. библіотека. Лекціи, статьи и рефераты по исторіи отдѣльныхъ народовъ, странъ и эпохъ“. Изд. „Молодыя Силы“. Казань. 1913. Стр. 81. Ц. 50 к.

Изъ предисловія: „Перепечатывая настоящую статью П., мы горѣли искреннимъ желаніемъ напомнить русскому обществу объ этомъ невинномъ страдальцѣ, который всѣ свои силы, всю жизнь посвятилъ русскому народу и въ своихъ работахъ защищалъ этотъ народъ отъ взводимыхъ на него разныхъ напраслинъ, въ которыхъ онъ не былъ повиненъ, отъ приписанныхъ ему качествъ, которыхъ онъ не имѣлъ“.

* **Ливинъ, Я. и Ранскій, Г.** 34:335(47)
См. пор. № 1778.

* **[. . . . .** 34:372(47)
См. пор. № 1781.

* **Дегтевъ, В. Г.** 34:38(47)
См. пор. № 1782.

1776. Ключевскій, В., проф. 342.54(47)
Исторія сословій въ Россіи. Курсъ читан. въ Моск. Унив. въ 1886 г. М. 1913. Стр. 251. Ц. 1 р. 25 к.

1777. Редигеръ, А., проф. 335
Комплектованіе и устройство вооруженной силы. Исправилъ и дополнилъ Д. Филатьевъ. Часть I. Комплектованіе арміи. Спб. 1913. Стр. VI+264 Ц. 1 р. 25 к.

1778. Ливинъ, Я и Ранскій. 355:34.
Уставъ о воинской повинности со всѣми измѣн

и дополн., внесенными закономъ 23-го іюня 1912 г. объ измѣненіи Устава о воинской повинности и др. законоположеніями, издан. по 20-марта 1913 г., съ очеркомъ основныхъ положеній новаго закона, разъясненіями, извлечен. изъ опредѣленій Пр. Сената, циркуляровъ Министерствъ, инструкцій и т. д., и съ алфавитн. предметн. указателемъ. Подъ ред. А. Д. Протопопова. Изд. „Право". Спб. 1913. Стр. VI+592. Ц. 2 р. 50 к.

1779. Янковскій, Павелъ. 361.8+631.3/4

О работахъ: общественныхъ и увлажнительныхъ. (Нѣсколько газетныхъ статей). Изд. въ пользу О-ва „Русское зерно". Спб. 1913. Стр. 54. Ц. 20 к.

Содержаніе: Предисловіе. Къ вопросу о мѣрахъ доставленія заработковъ нуждающимся крестьянамъ. Война съ голодомъ. Обществ. работы. Противоголодовочныя обществ. работы. Борьба съ засухами и обществ. работы. Къ вопросу о продовольств. обществ. работахъ. Предисловіе къ книжкѣ Я. „Борьба съ засухою и пр." Къ сезону работъ по задержанію и накопленію снѣга на поляхъ и лугахъ. Изъ статьи „къ вопросу о борьбѣ съ засухами". Распашка снѣга на поляхъ. Орошеніе или увлажненіе. Странная новинка. (Дождеванье). Вмѣсто заключенія.

1780. [. . . . . 371(082)

Новыя идеи въ педагогикѣ. Непериод. изд., выход. подъ ред. Г. Г. Зоргенфрея. Сборникъ № 2. Трудовая школа. Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Стр. 148. Ц. 80 к.

Содержаніе: Г. Кершенштейнеръ. Понятіе о трудовой школѣ.—Проф. Шпрангеръ. Учебная школа, трудовая школа, жизненная школа.—Н. Державинъ. Родной языкъ и трудовая школа.—Л. Гриммъ. Планъ организаціи трудовой школы.

1781. [. 372:34

Законъ о высшихъ начальныхъ училищахъ, одобрен. Гос. Сов., Гос. Думой и Высоч. утвержд. 25 іюня 1912 г. Кн-во „Школа". Одесса. 1913. Стр. 23. Ц. 20 к.

Содержаніе: Законъ. Положеніе. Штаты съ примѣчаніями.

1782. Дегтевъ, В. Г. 38:34

Практика Правит. Сената по торговымъ дѣламъ, съ 1889 г. по 1912 г. включительно съ добавл. многихъ предыдущ. годовъ. М. 1913. Стр. 628. Ц. 6 р.

Изъ предисловія: „Въ настоящее изд. вошли Указы Судебнаго (бывш. 4-го) Департ. Правит. Сената, опредѣленія (рѣшенія) того же Департ-та, Указы 2-го Общаго Правит. Сената, Собранія и рѣшенія Гражд. Кассац. Департ. Правит. Сената."

1783. Марксъ, Н. 398.2(47.722)

Легенды Крыма. Вып. I. Рисунки К. Арцеулова. М. 1913. Стр. 43. Ц. 1 р.

Содержаніе. Окаменѣлый корабль. Чортова баня. Шайтанъ и кизиль. Эчкидагъ—Козья гора. Святая могила. Шайтанъ-сарай. Святая кровь. Письмо Магомету. Кызъ-кулле.—Дѣвичья башня. Разбойничья пещера. Грибы о. Самсонія. Поясненія къ легендамъ.

1784. Барановъ, Евгеній. 398.2(47.9)

Легенды Кавказа. Изд. В. Б. Хосудовскаго. Ростовъ н/Д. 1913. Стр. 197. Ц. 70 к.

Филологія [4]

1785. Костинъ, И. Т. 4—1:15

Правописаніе и экспериментальная психологія. Критич. введеніе въ методику новѣйш. пріемовъ обученія правописанію. Съ 16 чертеж. въ текстѣ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 78. Ц. 30 к.

1786. Погодинъ, А. Л., проф. 401:158.3

Языкъ, какъ творчество. (Психологич. и соціальныя основы творчества рѣчи). Происхожденіе языка.—„Вопросы теоріи и психологіи творчества". Т. IV. Изд.-ред. Б. А. Лезинъ. Харьковъ. 1913. Стр. 560. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Объемъ задачи и методы рѣшенія ея. Особенности духовнаго склада въ мірѣ животныхъ. Внутренняя рѣчь. Афазія и другія разстройства рѣчи. Разстройства рѣчи при истеріи, слабоуміи и душевныхъ болѣзняхъ. Формы внутренней рѣчи у глухонѣмыхъ и ихъ духовная жизнь. Мимика и жестъ. Роль языка въ состояніяхъ экстаза и въ сновидѣніяхъ. Психологія дѣтскаго возраста и рѣчь дѣтей. Языки некультурныхъ рабочихъ. Искусственные языки. Образъ и слово. Развитіе значенія слова. Слова безъ образа. Понятія. Сужденія. Взгляды греческихъ и римскихъ философовъ и грамматиковъ на происхожденіе языка. Взгляды на происхожденіе языка и сущность названій въ средніе вѣка. Лейбницъ и Гаррисъ. Руссо и французская философія XVIII в. Гердеръ и Гаманнъ. Гумбольдтъ. Гриммъ. Гейзе. Дальнѣйшее развитіе ученій о происхожденіи языка (въ 19 и началѣ 20 столѣтія). Происхожденіе языка. Языкъ и ритмъ.

Чистыя науки [5]

1787. Менделѣевъ, Ив. 51(01)

Методъ математики. Логика и гносеологія математич. знаній. Съ предисл. проф. А. В. Васильева. Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Стр. 143. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловія проф. А. В. Васильева и автора. Введеніе. Дедукція въ математикѣ. Недостаточность дедукціи. Индукція въ математикѣ. Заключеніе.

1788. Постниковъ, А. П. 53(075)

Учебникъ физики. Для средн. учебн. завед. Ч. II. съ 114 чертеж. и табл. спекторовъ. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1913. Стр. 229. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ механики. Ученіе о теплотѣ, звукѣ, свѣтѣ.

1889. Ми, Г., проф. 541.2

Молекулы, атомы, міровой эфиръ. Пер. съ нѣм. Э. В. Шпольскаго. подъ ред. Т. П. Кравецъ.—Попул. библ. для самообраз. „Основныя начала естествозн." Изд. „Природа". М. 1913. Стр. 218. Ц. 80 к.

Содержаніе: Отъ редакціи. Зернистое строеніе матеріи. Молекулярная теорія. Можно ли видѣть отдѣльныя молекулы. Атомы. Міровой эфиръ. Связь осязательной матеріи съ эфиромъ.

1790. Кассперъ, К. и Шипчинскій, В. В. 551.56

Погода, ея предсказаніе и значеніе для практической жизни. Пер. съ нѣм. П. И. Ваннари. Съ 20 рис. и отд. табл. „Библіотека Знанія". Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1913. Стр. 187. Ц. 1 р.

Содержаніе: Отъ издателя. Предисловіе русскаго автора. Введеніе. Исторія развитія дѣла предсказанія погоды. Основы современнаго предсказанія погоды. Значеніе погоды для практической жизни. Списокъ важнѣйшихъ пособій.

1791. Дудинскій, А. Н. 551.56:63

Міръ земледѣльца. Вып. III. Подъ ред. Ф. Е. Волошина. Воздухъ, вѣтры и погода. Изд. Т-ва „Агрономъ". М. 1913. Стр. 75. Съ рис. Ц. 50 к.

1792. [. . . . . 57(082)

Новыя идеи въ біологіи. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. В. А. Вагнера и Е. А. Шульца. Сборникъ № 1. Что такое жизнь? Изд. „Обазованіе". Спб. 1913. Стр. 139. Ц. 80 к.

Содержаніе: Отъ редакціи. В. Ру. Мнимое полученіе искусственнымъ путемъ живыхъ существъ. Замѣчанія къ реферату М. Мюндена по поводу его хтонобласта и мнимаго полученія искусств. путемъ живыхъ существъ.—Гэнсъ Пржибрамъ. Обзоръ мнѣній авторовъ о значеніи аналогіи между кристалломъ и организмомъ.—Гансъ Дришъ. Самостоятельность біологіи—Отто Глэзеръ. Размышленія объ автономности біологической науки.—Ж. Лёбъ. Жизнь.—Арманъ Готье. О состояніи жизни.—Евг. Шульцъ. Организмъ, какъ творческій процессъ.

1793. Тезингъ, Куртъ, д-ръ. 575.1

Размноженіе и наслѣдственность. Пер. съ нѣм. И. П. Сазонова, подъ ред. Л. А. Тарасевича. „Естественно-историч. Библ. — Природа". Изд. „Природа". М. 1913. Стр. 109. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловія ред. пер. и автора. Простѣйшія животныя и загадка смерти. Возникновеніе половыхъ клѣтокъ. Оплодотвореніе. Неполовое размноженіе, сѣмена поколѣній и внѣполовое зачатіе. Наслѣдственность.

1794. Львовъ, В. Н. 581.1

Жизнь растеній въ полѣ и въ саду. Составл. по А. Бёклей и др. —„Первое знакомство съ природой. Вып. III." Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1913. Стр. 76. Съ рис.+8 лист. рис. Ц. 40 к.

1795. Говардъ, В. 595.7

Комнатная муха. Съ англ. Сокращ. пер. Л. В. Очаповскаго. Изд. Вятскаго т-ва. Спб. 1913. Стр. 136. Съ 22 рис. Ц. 40 к.

Изъ предисловія: „Говардъ—начальникъ „Энтомолог. Бюро" С.-А. Соед. Шт., учрежденія, задачей котораго является изученіе образа жизни вредныхъ насѣкомыхъ, а такъ же изысканіе и организація мѣръ борьбы съ ними. Г. собралъ солидный обвинительный матеріалъ противъ комнатной мухи, которая съ недавняго времени стала сильно подозрѣваться въ распространеніи разныхъ болѣзней, и представилъ его во всей полнотѣ въ предлагаемой книгѣ."

1796. Львовъ, В. Н. 595.7

Насѣкомыя. Составл. по А. Бёклей и др. — „Первое знакомство съ природой. Вып. V." Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1913. Стр. 70. Съ рис.+8 лист. рис. Ц. 40 к.

Прикладныя науки [6]

1797. Орлова, О. П. 61:92 (И)

Луи Пастеръ. Его жизнь и труды. Подъ ред. и съ предисл. пр.-доц. С. Г. Крапивина. М. 1913. Стр. 179. Съ илюстр. Ц. 75 к.

Изъ предисловія: „Чувствуется при чтеніи этой книги, что авторомъ руководило глубокое уваженіе или, лучше сказать, преклоненіе передъ личностью Луи Пастера, и это отношеніе, невольно передаваясь читателю, придастъ всей книгѣ особый, сильно захватывающій интересъ".

1798. Золотницкій, В. Н., д-ръ. 613.56

Путеводитель по кумысолечебнымъ мѣстамъ. Подробное описаніе кумысолечебн. санаторій, заведеній и др. мѣстъ Самарской, Уфимской, Оренбургской и Пермской губ., а также и нѣкотор. др. мѣстностей. Изд. 2-е, испр. и доп. Нижн.-Новг. 1912. Стр. XXXII+267. Ц. 75 к.

Содержаніе: Отъ автора. Краткій очеркъ современнаго состоянія кумысолечебн. дѣла и о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ его улучшенію. Уфимская губ.; деревни и поселки долины р. Демы. Самарская губ.; страничка изъ прошлаго (о Л. Н. Толстомъ). Оренбургская губ. Тургайская область. Астраханская губ. Пермская губ. Акмолинская область. Семипалатинская обл. Восточн. и Западная Сибирь. Средняя Азія. Саратовская губ. Область войска Донского. Терская обл. Кіевская губ. Приложеніе: Выдержки изъ обязат. санитарн. постан. Уфимскаго губ. Земства.

1799. Быковъ, А. Н. 614.8:6

Промышленный травматизмъ, его размѣры, значеніе и возможность борьбы съ нимъ. Спб. 1913. Стр. 76. Ц. 50 к.

1800. Кузьменко, Г. И. 614.84

На помощь борьбѣ съ деревенскими пожарами. Изд. Имп. Рос. Пожарн. Общ. Спб. 1913. Стр. 62. Ц. 12 к.

1801. Schlayer, dr. prof. 616

Новѣйшіе клиническіе взгляды на нефритъ. Пер. съ нѣм. д-ра І. Я. Ляховскаго. — „Лекціи зап.-евр. клиницистовъ, изд. подъ ред. пр.-доц. М. П. Кончаловскаго и д-ра С. С. Вермеля. Вып. 2.". Унив. кн-во Л. А. Столяръ. М. 1913. Стр. 58. Ц. 40 к.

1802. Минкеръ, М. А. 617.3

Отчего болятъ зубы и какъ предохранить себя отъ ихъ заболѣванія. Изднн. Зубоврачебн. Вѣст. Спб. 1913. Стр. 32. Ц. 15.

1803. Rudaux, P. et Cartier, P. 618.2

Совѣты и рецепты по акушерской терапіи. Пер. съ франц. Вл. Гусева. Съ предисл. проф. Н. Побѣдинскаго. Изд. „Студенч. Медиц. изд. ком. им. Н. И. Пирогова". М. 1913. Стр. 338. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловія. Акушерская практика: Нормальная часть, патологія и ненормальные случаи. Техника и рецепты.

1804. Плотниковъ, С. И. 621:63

Земледѣльческія машины, молотилки и вѣялки. „Сельско-хозяйств. библіот. Отдѣлъ полеводства и луговодства". Изд. К. И. Тихомирова. М. 1913. Стр. 67. Съ рис. Ц. 15 к.

* **Дубинскій, А. Н.** 63:551.56

См. пор. № 1791.

* **Плотниковъ, С. И.** 63:621

См. пор. № 1804.

1805. Кернъ, Э. Э. 631

Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. IV+152. Съ рис. Ц. 1 р.

* **Янковскій, Павелъ.** 631.3/4+361.8
См. пор. № 1779.

1806. Иванцовъ, Д. Н. 631.982(47)
Объ устойчивости русскихъ урожаевъ. (Отт. изъ журн. „Вѣст. Сельск. Хоз." за 1913 г.) М. 1913. Стр. 64. Ц. не обозн.

Изъ вступленія: „Мѣра устойчивости урожаевъ—это одна изъ самыхъ живыхъ и важныхъ величинъ, какими только располагаетъ урожайная статистика. Давая понятіе сразу и объ уровнѣ земледѣльческой техники, и о прочности матеріальнаго благосостоянія народн. массъ, и о степени риска для вкладываемыхъ въ землю капиталовъ, о рѣзкости колебаній, испытываемыхъ, въ связи съ измѣненіями сборовъ, всѣмъ народн. хозяйствомъ, и о рядѣ др. обстоятельствъ,—она, какъ ни одна другая, способна вскрыть общій духъ изучаемаго сельскаго хозяйства."

1807. Ячевскій, А. А. 632
Грибныя болѣзни хлѣбовъ, картофеля, капусты, яблони и крыжовника. — „Сельскій Трудъ. Народн. сельско-хоз. библ.". Изд. 2-е, Спб. собранія сельск. хозяевъ. Спб. 1913. Стр. 50. Съ рис. Ц. 10 к.

1808. Мольденгауеръ, В. 634.9
Въ хвойномъ лѣсу. Разсказы молодого экскурсанта. Съ 37 рисунками художника Оск. Клевера. Спб. 1913. Изд. кн-ва „Жизнь и Знаніе". Стр. 144. Ц. 65 к.

1809. Орловъ, М. М., проф. 634.9
Лѣсная вспомогательная книжка для лѣсничихъ, таксаторовъ и лѣсовладѣльцевъ. Изд. 2-е. Тов. А. Ф. Маркса. Стр. 244. Ц. 1 р. 50 к.

1810. Потѣхинъ, Л. А. 638.1
Бесѣды по пчеловодству. Подъ ред. В. О. Пикеля. Публич. чтенія въ Имп. сельск.-хозяйств. музеѣ. Спб. 1913. Стр. 80. Съ рис. Ц. 30 к.

1811. Поспѣлова-Гатцукъ, М. А. 646.5
Альбомъ вязанія шерстью крючкомъ и на спицахъ. Вязаніе башмачковъ, кофточекъ, пелеринокъ, пальто и всевозможныхъ дѣтскихъ и дамскихъ вещей. Спб. 1913. Стр. 22. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

1812. Смирновъ, М. Т. 692
Справочная книжка по строительной части на 1913 г. (Расцѣнка). Изд. о-ва десятниковъ. Стр. XX+295. Ц. не обозн.

Изящныя искусства [7]

1813. Родэнъ, А. 7(04)
Искусство. Рядъ бесѣдъ, записанныхъ П. Гзелль. Пер. Л. М. Изд. „Огни". Спб. 1913. Стр. 233. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе. Реализмъ въ искусствѣ. Для художника все прекрасно въ природѣ. Лѣпка. Движеніе въ искусствѣ. Рисунокъ и краска. Женская красота. Души былыя, души современныя. Идея въ искусствѣ. Таинственное въ искусствѣ. Фидій и Микель Анджело. О значеніи художниковъ.

* **Баплодъ, Ф. В.** 7+9](32)
См. пор. № 1854.

1814. Саккетти, Л., проф. 701
Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Томъ I. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. XII+358. Ц. 2 р.

1815. Эрбергъ, Конст. 701
Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ. Кн-во „Рус. Мысль". М. 1913 Стр. 253. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Цѣль творчества. Красота и свобода. Цвѣты и кристаллы. Искусство — вожатый. Тишина. О воздушныхъ мостахъ критики. Путь и цѣль въ искусствѣ. Дитя и геній.

1816. Невъдомскій, М. П. Рѣпинъ, И. Е. 74:92(К)
А. И. Куинджи. Изд. Общ. им. А. И. Куинджи. Спб. 1913. Стр. 192+8. Съ рис. Ц. не обозн.

1817. Верещагинъ, В. А. 741:5(47)
Русская карикатура. Ш. О. Орловскій. Спб. 1913. Стр. 104. Съ рис. Ц. 4 р. 50 к.

1818. [. . . . . 791(0:76)
Придворная жизнь 1613 — 1913. Коронаціи, фейерверки, дворцы. Выставка гравюръ и рисунковъ. Изд. Кружка любит. русск. изящн. изданій. Спб. 1913. Стр. 104. Съ рис. Ц. 3 р.

1819. Зноско-Боровскій, Евг. А. 794
Кодексъ шахматной игры. Справочная книга шахматиста. Изд. Шахматн. собр. Спб. 1913. Стр. VI+228. Ц. 1 р.

Литература [8]

1820. [. . . . . 8—8
„Вѣтви". Литературный сборникъ. Изд. журн. „На берегахъ Невы". Спб. 1913. Стр. 167. Ц. 1 р.

Содержаніе: П. Кругловъ. Иванъ-прожора.—А. Котомкинъ, Донатъ-Туркестанцевъ, Б. Сысоевъ, Вадимъ Баянъ, В. Юдцевичъ, Г. Богатовъ, Я. Борисовъ, П. Юркинъ, Б. Богомоловъ. Стихотворенія.—Ив. Мытарь. Сонъ.—Л. Сычевъ. Перекладина.—С. Плавникъ. Наступка.—Мих. Рабиновичъ. Гибель.—А. Кузнецовъ. Черная тѣнь. Б. Сысоевъ. Весенняя сказка.—Игорь Сѣверянинъ. Двѣ дѣвушки.—Ал. Дехтеревъ. Въ морѣ.—Г. Фехнеръ. Городское.—М. Пименовъ. Іуда.—П. А. Рѣшетниковъ. Ейнъ, цвей, дрей.—Н. Летуновъ. Изъ дневника войны.—Г. Богатовъ. Рыцарь бѣдный. Ар. Зенталь. Рэбъ Шлоймэлы.—Василій Третьяковскій. Безъ почвы.

1821. [. . . . . 8—8
Голубая книжка. Сказки. Изд. т-ва О. Н. Поповой. Спб. (Безъ г. печ.) Стр. 64. Ц. 1 р.

Содержаніе: Воробышко. Сказка М. Горькаго. Рисунки П. Бродскаго.—Красный камешекъ. Сказка Саши Чернаго. Вечерній хороводъ. Стихотв. Саши Чернаго.—Какъ рыбы изъ верши ушли. Сказка К. Милля. Рисунки В. Фалилеева.

1822. [. . . . . 8—8
„Жатва". Журналъ литературы. Кн. IV. М. 1913. Стр. 374 Ц. 1 р. 80 к.

Содержаніе: А. Ахматова, П. Зоревъ, А. Альвингъ.—Стихи. Е. Курловъ.—Князь міра. Повѣствованіе. А. И. Купринъ.—Жидкое солнце. Разсказъ. Н. Берверъ, А. Бартеневъ, Б. С—ъ, К. Кова.— Критика. Е. Наумовъ. — Символизмъ на сценѣ Александрин. театра и въ Москов. Худож. А. И. Вышеславцевъ. — В. Э. Борисовъ-Мусатовъ.

1823. [. 8 8

„Земля". Сборникъ 12-й. Изд. „Моск. Кн-ва". М. 1913. Стр. 378. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: М. Арцыбашевъ. Мыслитель. Разсказъ.—Н. Крашенинниковъ. Дѣвственость. Записки страннаго человѣка. Романъ въ 2-хъ частяхъ.

1824. [. . . . . 8 — 8

„Прометей". Литературно-художеств. сборники. Избранныя произведенія современной русской литературы. Кн. 1. Кн-во „Прометей", Н. Н. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 318. Ц. 50 к.

Содержаніе: Яблочковъ, Г. Операція. Гибель. „Звѣзды". Аникинъ. С. Молотьба. Сургучевъ, И. Ванькина молитва. Родители. Садовской, Б. Яблочный царекъ. Никандровъ, И. Береговой вѣтеръ. Вознесенскій, Ал. Старый рыцарь. Стихотв. Верхоустинскій, Б. Во лѣсяхъ. Вознесенскій, Ал. Уличная старушка. Стихотв. Гринъ, А. Островъ Рено. Вознесенскій, Ал. Духи, Дома. Стихотв. Гринъ, А. Проливъ бурь, Премировъ, М. Кабакъ. Карповъ, Н. Смерть. Стихотв. Ауслендеръ, С. Гансъ Вреденъ.

1825. [. . . . . 3 — 8

„Фіорды". Датскіе, норвеж., шведскіе писатели въ переводахъ А. и П. Ганзенъ, Сборникъ 12. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. 1813. Стр. 306. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: М. Гольдшмитъ. Разсказы изъ быта датскихъ евреевъ.—Г. Роде. Желтая смерть. Драма.—Л. Нордстремъ. Господа наслѣдники. Разсказы.—Э. Біёрке. Замокъ розъ.

1826. [. . . . . 8 — 8

„Шиповникъ". Литературно-художеств. альманахи. Кн. 20. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1913. Стр. 231. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Б. Зайцевъ. Дальній край.—П. Милль. Любовное приключеніе Аманды Манженъ.—Х. Бяликъ. Ной и Маринка.

1827. Хауторнъ, Натаніэль. 82 — 3

Собраніе сочиненій. Т. 1. Багровый знакъ, Романъ. Пер. съ англ. І. А. Маевскаго. Изд. І. А. Маевскаго. М. 1912. Стр. 224. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ предисловія: „Б. З."—самое замѣчательное произведеніе американ. прозы, пуританскій „Фаустъ". Это мрачная трагедія грѣха, въ которой преступленіе неуклонно, роковымъ образомъ, ведетъ всѣхъ преступившихъ законъ къ наказанію, не взирая ни на какія смягчающія обстоятельства".

1828. Лондонъ, Джекъ, 82 (73) — 3

Полное собраніе сочиненіе. Т. IX. Приключенія рыбачьяго патруля. Авториз. пер. съ англ. М. А. Андреевой. Авториз. изд. І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 200. Ц. 1 р.

Содержаніе. Бѣлые и желтые. Король грековъ. Набѣгъ на устричныхъ хищниковъ. Осада „Ланкаширской королевы". Продѣлка Чарли. Димитріосъ Контосъ. Желтый платокъ. Гибель „Френсиса Спайта".

1829. Истоминъ, М. П. 82 . 09 : 92 (8)

Байронъ. Критико-біограф. очеркъ и отрывки изъ произведеній Байрона. Пособіе для учен. старш. класс. ср.-уч. зав. Съ 7 рис. въ тек. и портр. Байрона. Кн-во „Сотрудникъ". Кіевъ. 1913. Стр. 102. Ц. 40 к.

Содержаніе: Байронъ, поэтъ міровой скорби. Хрестоматич. часть: О, если тамъ за небесами. Душа моя мрачна. Все суета, сказалъ учитель. На мѣстѣ, гдѣ въ землѣ ты скрыта. Прости. Стансы къ Августѣ. Euthanasia. Стихи, найденные въ Библіи лорда Байрона. Послѣднее стихотв. Байрона. Тьма. Сонъ. Осада Кориноа. Морской разбойникъ. Гяуръ. Чайльдъ-Гарольдъ. Манфредъ. Каинъ. Прометей.

1830. Фриче, В. М. 84 . 09 : 92 (М)

Мольеръ. „Научно-попул. библ. „Природа и Общ." Серія историко-литер.". М. 1913. Стр. 65. Ц. 15 к.

Содержаніе: Вмѣсто предисловія. Біографія Мольера. Отраженіе его біографіи въ его творчествѣ. М., какъ авторъ фарсовъ, пасторалей и балетовъ. М. и абсолютизмъ. М. и аристократія. Его отношеніе къ свѣтскому браку и свѣтской эротикѣ. М. въ борьбѣ съ свѣтскимъ лицемѣріемъ. М., какъ воспитатель буржуазіи. Осмѣяніе скупости. Сатира на мѣщанъ, приверженныхъ къ аристократіи. Аристократ. и буржуаз. бракъ. М. и католич. церковь. Изобличеніе казуиста и святоши. М., какъ предшественникъ философовъ XVIII в.

1831. [. . . . . 85 — 3

Новеллы итальянскаго Возрожденія, избран. и перевед. П. Муратовымъ. Ч. III и послѣдняя: Новеллисты чинквеченто. Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1913. Стр. 349. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Новеллисты чинквеченто. Вступит. статья П. Муратова. Переводы: Мольца. Банделло. Аньоло Фиренцуоло. Граццини. Дони. Фортини. Джиральди. Парабоско. Де Мори. Страпарола. Челіо Малеспини. Баргальи.

1832. Галай, Л. Д. 891 . 7—1

Простые стихи. М. 1913. Стр. 62. Ц. 60 к.

Содержаніе: Осень подходитъ. Я васъ любилъ глубоко... Скала и чайка. Одиночество. Элегія. Ноктюрнъ. Лѣсной голосъ и др. стихотворенія.

1833. Завьяловъ, Иванъ. 891 . 7 — 1

Брату-товарищу. Книга стиховъ. М. 1912. Стр. 186. Ц. 1 р.

1834. К. Р. 891 . 7—1

Стихотворенія. 1879—1912. І. Спб. 1913. Стр. XII+418. Ц. не обозн.

1835. Поздняковъ, Н. С. 891 . 7—1

Облетѣвшія мысли. М. 1913. Стр. 68. Ц. 60 к.

Содержаніе: Облетѣвшія мысли. Поэтъ и мысль. Рыцарь смерти. (Поэма). Грибы поганки. Весна. Подъ елью. Съ пѣсней тихой колыбельной и др. стихотворенія.

1836. Черемновъ, А. 891 . 7—1

Стихотворенія. Т. І. Изд. „Кн—ва писателей въ М." 1913. Стр. 167. Ц. 1 р.

Содержаніе: Въ пустынѣ. Плачъ по убіенномъ. Симонъ Кириней. Молитва вечерняя. Пасхальный звонъ и др.

1837. Лермонтовъ, М. Ю. 891 . 7—1/3

Полное собраніе сочиненій. Томъ V. Подъ ред. и съ примѣч. проф. Д. И. Абрамовича. „Академическая Библіотека Русскихъ Писателей". Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1913. Стр. CXXVIII+ +258. Съ рис. Ц. 1 р.

1838. Лѣсовикъ. 891 . 7—1/3

Стихи и проза. Кн. 1. Спб. 1913. Стр. 115. Ц. 35 к.

Содержаніе: Не брани мою пѣсню случайную. Тсс!.. эти звуки... Лѣсъ. Пѣсня бѣдняка. Если видишь больного душою. У гнѣзда. Ненастье. Не ходи, красавица, замужъ не любя. Не кручинься, дѣвица.— Стихотворенія. Студентъ. Босякъ.—Монологи. Всѣ гуляютъ. Страсть. Недочитанная страничка. Безпаспортная. Лѣнь. Тоска. Карикатура. Смерть. Пугало. Пасынокъ.

1839. Брюсовъ, Валерій. 891.7—2/3

Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ и драматич. сценъ. 1908—1912. Кн—во „Скорпіонъ". М. 1913. Стр. 148. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Послѣднія страницы изъ дневника женщины. Пустоцвѣтъ. За себя или за другую. Ея рѣшеніе. Черезъ пятнадцать лѣтъ. Только утро любви хорошо. Путникъ.

1840. Андреевъ, Леонидъ. 891.7—3

Прекрасныя сабинянки. Иллюстраціи Ре-Ми. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1913. Стр. 60. Ц. 1 р.

1841. Артуровъ, Г. 891.7—3

На жнивѣ смерти. Портъ-артурскіе разсказы. М. 1913. Стр. 224. Ц. 1 р.

Содержаніе: Первый бой Панина. Дядя. Дорога смерти. Прощаніе. Клубъ на пригоркѣ. Въ палатѣ. Часовые. Защитники. Послѣ боя. Онъ и она. Трупы. Раненый. Водовозъ. Предчувствіе. Обманулъ. Князь Юшпазскій. Въ минной галлереѣ. Часовой. Ситау. Передъ боемъ. Отплата.

1842. Арцыбашевъ, М. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. VI. У послѣдней черты. Романъ. Ч. I. Изд. „Моск. кн—ва". М. 1913. Стр. 312. Ц. 1 р. 25 к.

1843. Дымовъ, О. 871.7—3

Солнцеворотъ и Ню. Изд. 3-е, „Шиповникъ". Спб. (Безъ г. печ.). Стр. 239. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Весна. Лѣто. Осень. Зима. Ню.

1844. Златовратскій, Н. Н. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. VIII. Кн—во „Просвѣщеніе. Спб. 1913. Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Очерки крестьянской общины. Красный кустъ.

1845. Курловъ, Е. 891.7—3

Ира. Вторая книга разсказовъ. Изд. 2-е журн. „Жатва". М. 1913. Стр. 134. Ц. 1 р.

Содержаніе: Ира. Жертва. Стефка. Дѣвочка. Дѣвочки. Абдулъ-Наживинскія. Встрѣча. Красивая. Березки. Кукла. Ученый.

1846. Липецкій, Алексѣй. 891.7—3

Надя Данкова. Повѣсть. Изд. кн. маг. б. м. Б. Попова. Спб. (Безъ г. печ.) Стр. 146. Ц. 75 к.

1847. Пушкинъ, А. С. 891.7—3

Уединенный домикъ на Васильевскомъ. Разсказъ. По записи В. П. Титова. Съ послѣсловіемъ П. Е. Щеголева и Ѳедора Сологуба. Изд. „Т-ва писателей". Спб. 1913. Стр. 62. Ц. 50 к.

* **Измайловъ, А.** 891.7:92

См. пор. № 1859.

1848. Замотинъ, И. И. 891.7.09

Ѳ. М. Достоевскій въ русской критикѣ. Ч. I. 1846—1881. Варшава. 1913. Стр. 330. Ц. 2 р.

Изъ предисловія: „Отнюдь не претендуя на составленіе толстаго по объему и случайнаго по характеру сборника критич. статей о Д., въ родѣ существующихъ уже въ обращеніи подобныхъ сборниковъ, авторъ имѣлъ въ виду дать лишь возможно полный системач. обзоръ всего сказаннаго о Д. въ печати за данный періодъ времени (1846—1881) вмѣстѣ съ историко-литературнымъ осмысленіемъ этого сырого матеріала; тѣмъ не менѣе въ книгѣ обильно цитируются для иллюстраціи обзора нѣкоторыя статьи, какъ болѣе цѣнныя по содержанію, такъ и менѣе доступныя для непосредственнаго пересмотра ихъ самимъ читателемъ."

1849. Хирьяковъ, А. М. 891.7.09

Очерки исторіи русской литературы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 223. Съ портр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Вступленіе. Очерки исторіи народной словесности: Вступленіе. Былины. Сказки. Народная мудрость. Историческія пѣсни. Христіанская поэзія. Бытовыя пѣсни. Очерки исторіи русской литературы: Борьба за просвѣщеніе. М. В. Ломоносовъ. А. П. Сумароковъ. Имп. Екатерина II. Д. И. Фонвизинъ. Н. И. Новиковъ. Г. С. Сковорода. А. Н. Радищевъ. Г. Р. Державинъ. Н. М. Карамзинъ. В. А. Жуковскій. Ираноучители. А. С. Грибоѣдовъ. А. С. Пушкинъ.

Исторія и географія [9]

1850. Виппер̀ъ, Р., проф. 9(3)

Древній востокъ и Эгейская культура. Съ историч. картами. Пособіе къ университ. курсу. М. 1913. Стр. 139. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Политико-географич. обзоръ стариннаго Востока. Нача большихъ государствъ въ Египтѣ и Двуречьи. Древнее и Среднее царства въ Египтѣ. Царство Сумеро-Аккадское и царство Вавилонское. Малая Азія и Эгейское побережье во 2-мъ тысячелѣтіи до Р. Х. Эпоха Новаго царства въ Египтѣ. Ассирія, Израиль, Халдейское царство. Библіографическія замѣчанія.

1851. [. . . . . 9(4—15)(082)

Книга для чтенія по исторіи Новаго времени. Т. IV. Ч. I. Исторія Западной Европы. —„Историч. Ком. Учебн. Отд. О. Р. Т. З.". М. 1913. Стр. 774. Ц. 3 р. 25 к.

Содержаніе: Херасковъ, И. М. Соціальноэкономич. политика и административ. реформы консульствъ и имперіи.—Перцевъ, В. Н. Реформы въ Пруссіи.—Котляревскій, С. А. Вѣнскій конгрессъ.—Бутенко, В. А. Священный союзъ и международная политика эпохи реакціи.—Тарле, Е. В. Политич. движенія въ Испаніи и Италіи въ 1820—23 г.—Фельдштейнъ, М. Политич. теорія во Франціи.—Васютинскій, А. М. Основные моменты реставраціи во Франціи.—Карѣевъ, Н. И. Внутренняя политика іюльской монархіи.—Боровой, А. А. Сенъ-Симонъ и Фурье: коммунизмъ и религіозно-соціальныя ученія во Франціи передъ революціей.

* **[. . . . .** 9(438):92(A)

См. пор. № 1860.

1852. Валишевскій, К. 9(47)„1584:1614"

Великая разруха. 1584—1614 г. Пер. съ франц. Н. Васина.—„Происхожденіе соврем. Россіи. Т. VIII". Кн-во „Совр. Проблемы". М. 1913. Стр. 496. Ц. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Угасаніе династіи. Полити-

ческій кризисъ. Соціальный кризисъ. Національная война.

1853. Платоновъ, С. Ѳ., проф. 9(47)„16"

Сочиненія. Т. II. Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Спб. 1913. Стр. XXII + + 474. Ц. 3 р.

1854. Баллодъ, Ф. В. 9 + 7] (32)

Древній Египетъ, его живопись и скульптура. (I—XX династіи). М. 1913. Стр. 85. Ц. 1 р. 25 р.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Древнеегипетская исторія. Древнеегипетскія живопись и скульптура.

1855. Тэнъ, Ипполитъ. 91(45)

Путешествіе по Италіи. Пер. П. П. Перцова Т. I. Неаполь и Римъ. Кн-во „Наука". М. 1913 Стр. 298. Съ рис. Ц. 2 р. 25 к.

Содержаніе: Дорога и пріѣздъ. Неаполь. Отъ Неаполя до Рима. Римъ. Античный міръ. Живопись. Виллы и дворцы. Церкви. Общество. Страстная недѣля.

1856. [. . . . . 91(47.1)

Путеводитель по Финляндіи. Подъ ред. Карелина. Съ прил. карты, плановъ, иллюстрацій и словаря. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. 350. Съ рис. Ц. 80 к.

1857. Скворцовъ, Л. П. 91(47.35)

Иллюстрированный путеводитель по г. Костромѣ. Кострома. 1913 г. Стр. 24+80+40. Съ рис. 5 картъ. Ц. 20 к.

1858. Лиданова, Л. 91(47.9)

Въ горахъ Кавказа. Пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажѣ. „Библіотека И. Горбунова - Посадова № 264". М. 1912. Стр. 155. Съ рис. Ц. 1 р.

1859. Измайловъ, А. 92:891.7

Пестрыя знамена. Литературные портреты безвременья — Мережковскій. Бальмонтъ. Блокъ. Арцыбашевъ. Амфитеатровъ. Буниннъ. Будищевъ. Вяч. Ивановъ. Гиппіусъ. Чириковъ. Ремизовъ. Вересаевъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 230. Съ портр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Банкротство идеаловъ. Звенящій кимвалъ. Цвѣты новой романтики. Въ покинутой кумирнѣ. Старо-русскія кружева. Потемки души. Пророкъ безблагодатныхъ дней. Вывихнутыя души. Бѣгомъ черезъ жизнь. Стоячая вода. Ранняя осень. Раненая совѣсть.

1860. [. . . . . 92(A):9(438)

Донъ-Жуанъ на тронѣ. (Августъ Сильный, король Польскій и курфюрстъ Саксонскій). По историч. матеріаламъ современниковъ Августа Сильнаго, собран. гр. Санъ-Сальваторомъ. Пер. съ нѣм.—„Библ. Наука, Искусство, Литература. № 19". Кн-во „Звѣзда", Н. Орфенова. М. 1913. Стр. 327. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

* **Истоминъ, М. П.** 92(Б):82

См. пор. № 1829.

1861. Волкова (урожд. Вишнякова), А. И. 92(В)

Воспоминанія, дневникъ и статьи. Подъ ред. Ч. Вѣтринскаго (В. Е. Чешихина) Съ прилож. біограф. очерка, двухъ фототип. портр. А. И. Волковой и указателей. Изд. А. С. Вишнякова. Ниж.-Новг. 1913. Стр. 297. Ц. 2 р. (Весь сборъ отъ продажи книги поступаетъ въ пользу Моск. О-ва распр. Ком. Обр.).

Содержаніе: Предисловіе. Ан. И. Волкова. Біографич. очеркъ Ч. Вѣтринскаго. Воспоминанія и дневникъ. В.: Воспоминанія дѣтства. Замѣтки и впечатлѣнія. Извлеченія изъ дневниковъ В. Статьи В.: Идеализмъ. О воспитаніи. По вопросу о воспитаніи. Причуды въ современномъ воспитаніи и др. Приложенія: Содержаніе журнала „Другъ женщинъ" за 1883 и 1884 г. Списокъ печатныхъ трудовъ В—ой. Указатель собств. именъ. Два фототип. портрета В—ой.

* **Невѣдомскій и Рѣпинъ, И.** 92(К):74

См. пор. № 1815.

1862. Тассаръ, Ф. 92(М):84

Воспоминанія о Гюи де Мопассанѣ его слуги Франсуа. Пер. съ франц. Спб. 1913. Стр. 416. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ предисловія: „Да станетъ извѣстно, что господинъ мой, слывшій за человѣка большого таланта, былъ великъ вдвое, будучи человѣкомъ въ наивысшей степени добрымъ, честнымъ и прямымъ!."

* **Фриче, В. М.** 91(М):84

См. пор. № 1830.

* **Орлова, О. П.** 92(П):61

См. пор. № 1796.

1863. Николай Михайловичъ, вел. кн. 91(П)

Письма Высочайшихъ Особъ къ гр. А. С. Протасовой. Съ 16 портр. и факсимиле. Спб. 1913. Стр. XXIV + 312. Ц. 10 р.

1864. Долгорукой, Ѳедоръ, кн. 929(Д)

Родословная книга владѣтельныхъ домовъ. Изд. кн. О. П. Долгорукой. Стр. 182. Ц. не обозн

Содержаніе журналовъ.

„Библіотекарь". (1913—вып. I). Н. Сафроновъ. Кіевская городская публичная библіотека.—Л. Хавкина. Юбилей харьковской общественной библіотеки.—П. Богдановъ. Нормальный планъ на первомъ Всерос. съѣздѣ по библіотечному дѣлу.—Вопросы библіотечнаго дѣла на Московскомъ городскомъ съѣздѣ по народному образованію.—Юбилей И. М. Лисовскаго.—Библіографія русской спеціальной литературы. (Рецензіи, списки книгъ).—Е. Гейнцъ. Изъ иностранной литературы.—Изъ жизни о-ва библіотековѣдѣнія.—Изъ жизни комиссіи библіотековѣдѣнія въ Москвѣ.—Хроника.—Справочный отдѣлъ.—Письмо въ редакцію.—Сводъ рецензій за декабрь 1911 г., янв. и февр. 1912 г.

„Богословскій Вѣстникъ". (1913—3). А. Кирѣевъ - Ртищевъ. Современные манихеи. (Краткій очеркъ исторіи масоновъ).—Н. Д. Протопоповъ. Матеріалы для иконографіи Воскресенія Спасителя.—П. С. Страховъ. Идея воскресенія въ дохристіанскомъ философскомъ сознаніи.—С. С. Глаголевъ. Вопросъ жизни на Марсѣ.—Вл. Эрнъ. Природа мысли.—А. М. Туберовскій. „Сладость бытія". (Противъ самоубійства).—А. А. Спасскій. Эллинизмъ и христіанство.—Н. Д. Кузнецовъ. Къ вопросу о молитвахъ за гр. Л. Н. Толстого.—Свящ. Н. Сахаровъ. Кризисъ въ нѣмецкомъ протестантствѣ.—В. В. Розановъ. Впечатлѣнія мірянина.—П. С. Златоустовъ. Выборы константинопольскаго патріарха Германа V.—Критика.

„Вегетаріанское Обозрѣніе“. (1913—3). І. Перперъ. Къ открытію 1-го всероссійскаго вегетаріанскаго о-ва.—Проектъ расписанія занятій и составъ съѣзда.—И. Булановскій. Письма съ Черноморскаго побережья.—Л. Перно. Хауардъ Ульямсъ.—Е. Сосновская, д-ръ мед. Питаніе ребенка. Съ фр. Ю. П. Нирона.—Л. Н. Толстой. Четыре письма о вегетаріанствѣ.—Д. И. Маковицкій. Л. Н. Толстой о вегетаріанствѣ и естественной жизни.—О. фонъ-Галецкій. Письма изъ Германіи. Съ нѣм. А. Бабинъ.—Интеллигентскія колоніи въ Германіи. Съ нѣм. М. Щелкуновъ.—М. Николаева. О танцахъ.—М. А. Столяръ. Письма изъ Америки.—Иноагорецъ. Минуты радости.—Н. Липинъ. Почему я сдѣлался вегетаріанцемъ.—Въ мірѣ печати.—Старый Вегетаріанецъ и С. О. Перперъ. По міру.—Редакціон. сообщенія.

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи“. (1913—3). Э. В. Эриксонъ. Объ эпилепсіи на Кавказѣ.—Рецензіи.—Рефераты.—Хроника.

„Вѣстникъ Философіи и Психологіи“. (1913—II—мартъ—апр.). В. М. Хвостовъ. Этика Метерлинка.—С. А. Аскольдовъ. Время и его религіозный смыслъ.—В. Нацубидзе.—Больцано и теорія науки.—А. Яроцкій. О возможности индивидуалистическаго обоснованія альтруистической морали.—В. Вальденбергъ. Новыя теоріи естественнаго права.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.—Московское Психологическое о-во.

„Вѣра и Разумъ“. (1913—6). Іером. Серапіонъ. О религіозномъ опытѣ.—Свящ. І. Дмитревскій, Гдѣ рай? (Оконч.).—N. Вліяніе педагогическихъ и богословскихъ взглядовъ Ософана Прокоповича на церковно-школьное образованіе и воспитаніе на Руси въ первой половинѣ XVIII в. (Оконч.).—П. К. Гладкій. Эстетическое созерцаніе природы. (Оконч.).—И. С. Проданъ. Познаніе сверхчувственнаго міра. (Оконч.).—Прот. І. Ничета. Факты и воспом. изъ жизни герцеговинца на службѣ по духовно-учебн. вѣдомству. (Продолж.).

„Вѣра и Разумъ“. (1913—7). Н. Степановъ. Отношеніе логическаго анализа истинъ вѣры къ интуитивности религіознаго чувства.—Іером. Серапіонъ. О религіозномъ опытѣ. (Оконч.)—Пархоменко. Христіанство въ Кіевской Руси при Ярополкѣ, братѣ Владиміра св.—П. Печаевъ. Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры.—А. Н. Ершовъ. Рѣшенія вопроса о страданіяхъ въ русской литературѣ съ христіанской точки зрѣнія.—Прот. І. Ничета. Факты и воспом. изъ жизни герцеговинца на службѣ по дух.-уч. вѣдомству. (Продолж.).

„Вѣстникъ Воспитанія“. (1913—4). П. Ключевъ. О подготовкѣ учительницъ начальныхъ школъ.—Свящ. А. Вылковъ. Религіозное обученіе по В. А. Лаю.—Н. А. Саввинъ. В. М. Гаршинъ, какъ дѣтскій писатель.—В. Вороновъ. О литературномъ творчествѣ дѣтей.—Анкета о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. (Оконч.). М. Коваленскій. III. Учебники и пособія. IV. Методы преподаванія. К. Сивковъ. V. Объ условіяхъ преподаванія исторіи. — А. Мартыновъ. Синдикальное движеніе народныхъ учителей.—Крестьянскія школы въ Даніи. — И. Соловьевъ. Педагогика какъ учебный предметъ въ женскихъ гимназіяхъ.—В. Фриденбергъ. Совмѣстное воспитаніе въ семьѣ.—Критика и библіографія.—Хроника.

„Вѣстникъ Европы“. (1913—4). Ив. Бунинъ. Іоаннъ-рыдалецъ, разск. — Г. Ваткинъ. Рожь, стих. — А. Тыркова. Жизненный путь, ром. (Оконч.).—А. Луговой. Бываютъ минуты, стих.—Н. Олигеръ. На родинѣ, разск. — О. Леонидовъ. Изъ старыхъ писемъ, разск. — Л. Карсавинъ. Религіозность и ереси въ XII — XIII в.—В. В. Коршъ. Народничество 70-хъ годовъ. В. Я. Богучарскій. „Активное народничество 70-хъ гг.“—Е. Колтоновская. Художникъ-печальникъ (В. М. Гаршинъ).—М. Ковалевскій. Н. К. Михайловскій, какъ соціологъ.—Н. Морозовъ. Въ глубинѣ преисподней.—Р. Голлендеръ. Клятва Стефана Гуллера. (Продолж.).—Бѣлорусовъ. Пуанкарэ. Письмо изъ Парижа. — Э. Хусидъ. Художественная выставка въ Москвѣ. — С. Крайскій. Проектъ правилъ о продажѣ переселенческихъ участковъ.—Н. Янжулъ. Замѣчательное изслѣдованіе. Однодневная перепись начальныхъ школъ въ Имперіи.—А. Ф. Копи и Е. Ф. Турау. Письмо въ редакцію. — И. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе. — К. Арсеньевъ. Четвертая Дума и вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ.—Л. Слонимскій. Французскій защитникъ „умирающей Турціи“. — Литературное обозрѣніе. — Вопросъ внутренней жизни. — Юбилей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.—Библіографическій листокъ.

„Вѣстникъ Знанія“. (1913—4). П. Арнольдовъ. Попытка объяснить тяготѣніе и нѣкоторыя другія явленія природы.—Бруно Г. Бюргель. Планета Юпитеръ — будущая земля.—Проф. Ф. Мюллеръ. Любовь среди улитокъ. — Проф. Г. Роже. О работѣ печени. — Проф. И. П. Скворцовъ. Очеркъ природы Финноскандіи и Канады въ связи съ ея исторіей. — С. Ивановъ. „Пасынки жизни“.—Н. А. Рубакинъ. Какъ читать хорошія книги возможно производительнѣе? — Единственная въ своемъ родѣ библіотека. — Л. Персіусъ. Какъ сооружается дредноутъ? — Летательные аппараты во внутренней Африкѣ.—Новости науки и техники. — А. Айновъ. Современная народная лирика. (Оконч.). — В. Г. Голиковъ. Между Саломеей и кокоткой.—Изъ иностр. литературы. Изъ біографіи Педро Луиса де-Гальвеца.—Библіографія.—В. В. Битнеръ. Бесѣды съ молодежью. „Благородная“ страсть.—К. Эвальдъ. Четыре брата.—В. Бастине. Вихрь и смерчь.—О. Кремпель. Борьба за жизнь среди растеній.—Ж. В. Фабръ. Свѣтлячокъ. — Изъ нашей лабораторіи.—Наглядныя картины.—Вопросы науки и практики.—Задачи.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“. (1914—4). I. Общественная хроника: Новый хозяинъ бѣлаго дома. Шукри-паша побѣжденный герой Адріанополя. Современное значеніе крѣпостей. Изъ жизни китайской императрицы Дюнгъ-Ю. Новые слухи о негусѣ Менеликѣ. О серебряныхъ рудникахъ Мексики. — II. Историческія новости: Людовикъ XIV въ тридцать лѣтъ. Изъ жизни Дюбарри. Гр. Бѣлевскій-Жуковскій. — III. Театръ и искусство: Вагнеръ о себѣ. Почему Венера Милосская безъ рукъ. — IV. Изъ области науки: Сколько времени существуетъ жизнь на землѣ. Путешествіе на Марсъ. Кинетофонъ Эдиссона.—І. Бойеръ. Жизнь, съ норв.—К Пюкутоми. Куросиво, съ японск.—Э. Цаанъ. Женщины изъ Танно, съ нѣм.—Э. де-Сеабра. Сокровища Бразиліи, съ португ.—К. и А. Вильямсонъ. Гости Геркулеса, съ англ. — Казакинъ. Неизд. комедія Ж. Б. П. Мольера. — Попытки

хэди Анны. Съ англ.—В. Рапацкій. Златокудрая фея.—Ж. Куртелинъ. Пропорціональное наказаніе.

„Вѣстникъ Психологіи, Криминальной Антропологіи и Педологіи. (1913—вып. II). А. Щегловъ. Психологическая діагностика данныхъ судебнаго дѣла). Е. Цыкуленко. Къ вопросу о цвѣтныхъ ощущеніяхъ.—Т. Райнонъ. О нѣкоторыхъ попыткахъ современной постановки логическаго ученія о сужденіяхъ. — Рефераты: В. Вагнеръ. Біологическія основанія сравнительной психологіи. (П. Сорокинъ). P. Possi. Sociologia et psicologia colletiva. (П. Сорокинъ). М. Н. Гернетъ. Смертная казнь. (П. Сорокинъ). C. Bouglé. Essais sur le régime des castes. (Н. Кондратьевъ). Д-ръ Б. Китерманъ. Опытъ изученія слоговой элизіи въ дѣтскомъ языкѣ (авторъ). Decroly et Degand. Развитіе понятія о количествѣ у дѣтей. (Е. Цыкуленко). Ф. Кейра. Воображеніе и различныя формы его у ребенка. (Н. Березинъ).— 1-й Всероссійскій съѣздъ по образованію женщинъ. Сельско-хоз. секція (М. Басовъ).

„Вѣстникъ опытной Физики и элементарной Математики“. (1913—1577). Э. К. Шпачинскій. (Некрологъ).—Прив.-доц. С. О. Шатуновскій. О связи между ариѳметическимъ и алгебраическимъ дѣленіемъ.—Проф. Б. Ванахъ. Международная конференція времени.—М. Я. Молекулярный воздушный насосъ.—Научная хроника: Радіоактивность натрія.—Библіографія.—Задачи.—Рѣшеніе задачъ.

„Вѣстникъ опытной Физики и элемент. Математики“. (1913—2(578). Проф. Г. Л. Каллендаръ. О природѣ тепла.—Прив.-доц. Д. Крыжановскій. По поводу парадоксовъ г. Аменицкаго и г. Цидемана: I. Нѣсколько соображеній о парадоксахъ вообще и regretium mobile г. Аменицкаго въ частности.—А. Киселевъ. Къ парадоксу, заимствованному г. Видеманомъ изъ учебника г. Аменицкаго.—Прив.-доц. В. Коганъ. О реакціяхъ связей.—Задачи.—Рѣшенія задачъ.

„Вѣстникъ опытной Физики и элемент. Математики“. (1913—3(579). Проф. Г. Л. Каллендаръ. О природѣ тепла. (Оконч.).—Прив.-доц. Шатуновскій. Замѣтка о непрерывныхъ дробяхъ.—Проф. Г. фонъ-Юптнеръ. Безпламенная печь.—Научная хроника: Новый методъ измѣренія размѣровъ молекулъ.—Библіографія: рецензіи и собственныя сообщенія авторовъ, переводчиковъ и редакторовъ о выпущенныхъ книгахъ.—Задачи.—Рѣшенія задачъ.

„Вѣстникъ опытной Физики и элемент. Математики“. (1913—4(580). Прив.-доц. В. Коганъ. О нахожденіи раціональныхъ корней алгебраическаго уравненія.—Проф. Зюрингъ. Значеніе и цѣль изслѣдованія облаковъ.—В. Даватцъ. Замѣтка о непрерывныхъ функціяхъ.—Проф. Н. В. Потурницкій. Письмо въ редакцію.—Задачи на премію № 6.—Г. Леви. Интерференція рентгеновскихъ лучей и видимыя кристаллографическія пространственныя рѣшетки.—Научная хроника: Смитсоновская экспедиція для изученія солнечной теплоты.—Библіографія.—Отъ организаціоннаго съѣзда преподавателей математики.—Задачи.—Рѣшенія задачъ.

„Вѣстникъ опытной Физики и элемент. Математики“. (1913—5(581). Н. Ниносъ. Этюдъ по элементарной алгебрѣ.—А. Н. Уайтегидъ. Основы математики и элементарное образованіе.—Научная хроника: Говорящая лампа накаливанія.—Библіографія.—Задачи.—Рѣшенія задачъ.

„Вѣстникъ Теософіи“. (1913—5). Абдулъ-Бэа. Привѣтствіе.—Е. Писаревъ. Памяти И. Т. Чулицкой.—А. Безантъ. Путь къ посвященію и совершенствованіе человѣка. Перев. В. Пушкиной.—Ч. Ледбитеръ. Ясновидѣніе. Перев. М. Станюковичъ.—Изъ Ригъ Веды. Перев. А. В.—Данъ.—Значеніе вышивокъ.—М. Вудъ. Пѣвники. Перев. Е. П.—С. Гедроицъ. Предразсвѣтная мгла, стих.—А. Ярнефельдъ. Разсказъ глухого слѣпца. Перев. съ финск.—В. Пушкина. Обозрѣніе теософической литературы.—Н. Т. Хроника жизни.—Н. Т. Изъ газетъ и журналовъ. Другъ читатоля. Письма къ читателямъ.—Вопросы и отвѣты.—Отзывы о книгахъ.—Е. П. Блаватская. Эволюція символизма. (Изъ тайной доктрины). (Продолж.).

„Голосъ Минувшаго“. (1913—4). Фриче, В. К. Гольдони. (Обществ. значеніе его комедій).—Игнатовъ, Н. Театръ и зрители II. Послѣ Отечественной войны.—Лернеръ, Н. О. Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова.—Левинъ, К. Н. Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена. (По неизд. матеріаламъ). — Семевскій, В. И. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. Пятницы Петрашевскаго въ 1845—48 гг.—Горяиновъ, С. М. Дневникъ Э. Дюматотца. 1803 г.—Максимовъ, В. М. Автобіографическія записки. Съ предисл. И. Е. Рѣпина.—Бѣлоконскій, И. П. Отрывки изъ воспоминаній.—Семевскій, В. И. Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи.—Щепкинъ, Д. М. Къ біографіи Т. Н. Грановскаго.—Кашинъ, Н. П. Неизвѣстная сатира.—Критика и библіографія.—Обзоръ журналовъ.—Браунъ, Л. Письма Маркизы, ром.

„Дошкольное Воспитаніе“. (1913—4). Е. Янжулъ. Заимствованіе школою методовъ и принциповъ дѣтскаго сада.—И. Безобразова. Изъ докладовъ II Международнаго Конгресса по нравственному воспитанію въ Гаагѣ.—Нервозность. Ребенокъ, страдающій припадками гнѣва. Перев. съ фр. А. Цвѣтковой.—Воспитательная система г-жи Монтессори. Перев. съ фр. З. В.—Н. Контрасты.—К. Маевская. Программа занятій въ дѣтскомъ саду.—Кубики изъ игральныхъ картъ. Перев. съ фр. З. Веселкиной.—Педагогическая хроника.—Критика и библіографія.

„Естествознаніе и Географія“. (1912—2). Л. П. Александровъ, д-ръ. Изъ поѣздки по крайнему сѣверу Россіи лѣтомъ 1912 г.—Фр. Фредде, д-ръ фил. Могутъ ли растенія въ молодомъ возрастѣ приносить цвѣты и плоды? Перев. А. П.—А. Марксъ. О хомякѣ. Перев. Е. С.—Б. Яковлевъ. Ученическая экскурсія по Уралу. (Оконч.)—А. Чепа, д-ръ. Соматологія и медицина. Перев. Е. С.—К. Муфтіевъ. Естественная исторія и положеніе ея преподавателей въ классической гимназіи. — К. Эргардъ. Значеніе біологическихъ наблюденій въ свободное отъ школьныхъ занятій время. Перев. Е. С.—А. Мозіеръ. Географія и дѣтскіе журналы.—Критика и библіографія. — Смѣсь.—Хроника.

„Жизнь для Всѣхъ“. (1913—3—4). Дм. Волковъ. Буянъ.—И. Тополь. „Прокипь-Чайка“.—Л. Бессель.—Невѣста.—Н. Марковъ. Служба.—Л. Григорьевъ. Терпѣнъ.—П. Трубинъ. Вершина. — В. Брусянинъ. Звѣзда скатилась. — Н. Ивановичъ. Забытые.—Н. Степаненко. Памяти Н. Н. Златовратскаго.—М. Слобожанинъ. Изъ современныхъ переживаній.—Б. Диперштейнъ. Мыслящія лошади.—Л. Никифоровъ. Производительныя силы Великобританіи.—Г. Лебедевъ. Поѣзд-

ка въ Ясную Поляну.—П. Трегубовъ. Малеванный и малеванцы.—Н. Рубакинъ. Бесѣды о самообразованіи.—Почтовый ящикъ.—В. Евгеньевъ. Н. А. Некрасовъ и русское общество.—Айновъ. Л. Н. Толстой и писатели-самородки.—Г. Лебедевъ. Въ Государственной Думѣ.—В. Поссе. Общественная жизнь.—А. Зоринъ. Рабочее движеніе.—Библіографія.—Проектъ устава о-ва потребителей подъ назв. „Жизнь для всѣхъ".—О положеніи дѣлъ „Жизни для всѣхъ".—Вниманію подписчиковъ.—Анкета по вопросу объ отношеніи къ Некрасову народныхъ читателей.—Отчетъ по изданію „Ж. д. Вс.".—Стихи: И. Эренбурга, А. Липецкаго, С. Б. Фрида, Ст. Давыдова, Вл. Носъ, А Бородкина и А. Благова.

„Журналъ Министерства Юстиціи". (1913—3). Законодательство. — Извлеченіе изъ Высочайшихъ приказовъ по гражд. вѣдом.—Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи.—Циркулярныя распоряженія.—Алексѣевъ, А. А. Юридическое значеніе бюджетнаго закона. — Фрейтагъ-Лорингговенъ, бар. А. Л. Основныя начала вотчинной системы по проекту вотчиннаго устава.—Гинзбургъ, А. А. Оглашеніе врачебной тайны.—Шендорфъ, Ф. С. Субъектъ авторскаго права.—Бертелеми, Анри. Конституціонныя права Президента Франц. Республ. Перев. съ рукописи.—Хроника.—Нолькенъ, бар. А. М. Гаагская международная конвенція 10/23 іюля 1912 г. объ объединеніи законоположеній о векселяхъ. — Савченко-Маценко, А. Д. Кассаціонная практика.—Эйнеконъ, Ф. Письма изъ Парижа.—Сесиль Мидъ Аллена. Письма изъ Англіи.—Литературное обозрѣніе.—Извѣщеніе.

„Завѣты". (1913—3). Блокъ, А. Стихотвореніе.—Бальмонтъ, К. Шишимора, стих.—Винниченко, В. Къ своимъ, ром.—Форшъ, О. Своимъ умомъ.—Сурожскій, П. Степные люди, разск.—Ремизовъ, А. Свѣтъ немеркнущій, разск.—Сигурьонссонъ, І. Дѣти земли, драма. Перев. съ датск. Ю. Балтрушайтиса.—Скифъ, Т. Н. Грановскій.—Лагардель, Г. Марксъ и Бакунинъ. (Продолж.).—Эйхенбаумъ, Б. „Тайное общество Сунгурова".—Закъ, С. Бюджетъ бюрократическаго государства.—Пришвинъ, М. По градамъ и веснѣ. Въ законѣ отчемъ. — Качоровскій, К. Народничество, какъ соціологическое направленіе.—Черновъ, В. Гдѣ ключъ къ пониманію.—Н. К. Михайловскаго—Мстиславскій, С. Свое и чужое. 11. Амнистія.—Мстиславскій, С. В. М. Гаршинъ.

„Извѣстія Русскаго О-ва Любителей Міровѣдѣнія". (1913—1). И. Егіазаровъ. Электрическія колебанія и волны.—С. Гальперсонъ. Точный хроноскопъ любителя астрономіи.—А. Чикинъ. Водяной микроскопъ.—Астрономическія наблюденія. — Астрономическія новости. — Астрономич. курьезы.—Библіографія.—Журналъ общихъ собраній.—Хроника.

„Извѣстія Русскаго О-ва Любителей Міровѣдѣнія". (1913—2). Л. Филипповъ. Когда возникла Кабалла?„— (Астрономическое изслѣдованіе времени возникновенія Западнаго преданія).—Д. Свитскій. Мнимая древность Кабаллы.—А. Ушаковъ. Кометы и электричество.—С. Муратовъ. Къ вопросу о постройкѣ любительскаго телескопа-рефрактора.—А. Чикинъ. Школа телескопическихъ изображеній въ зависимости отъ атмосферныхъ условій.—И. Егіазаровъ. Электрическія колебанія и волны.—Астрономическія наблюденія.—Разныя замѣтки.—Библіографія.—Журналъ общихъ собраній и физико-химической секціи.—Хроника.

„Историческій Вѣстникъ". (1913—4). Ф. Е. Зарнинъ-Несвицкій. Борьба у престола, историч. ром. (Продолж.).—Марія Ватаци, рожд. Мертваго. Быль минувшаго. (Продолж.).—В. Микуличъ. Тѣни прошлаго. (Оконч.).—Е. К. Андреевскій. Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ. (Продолж.).—А. П. Филатова. Неповинная, очеркъ.—К. Власовъ. Голодъ въ Сибири и кн. Голицынъ, воспом. бывш. волостн. писаря.—К. А. Дворжицкій. Императоръ Александръ II въ Эмсѣ.—П. Н. Оглоблинъ. Развалъ. Изъ провинц. настроеній.—Д. Бразуль. Какъ я былъ военнымъ шпіономъ, восп.—П. Г. Вутечичъ. Воспоминаніе о М. Г. Черняевѣ.—Э. О. Литвина. Воспоминаніе о Д. А. Милютинѣ.—А. Н. Витмеръ. Знакомство мое съ Захарьинымъ, воспом.—А. Ющенко: Кондратій Малеванный, воспом. — М. В. Ключковъ. В. О. Ключевскій о Госуд. Думѣ.—П. П. Соколовъ. Памяти Писемскаго.—Б. Б. Глинскій. Легенды о Портсмутскомъ договорѣ.—П. П. Шубинскій. Гробница имеретинскаго царя Соломона въ Трапезундѣ.—А. Мощанскій. Городъ Ани.—Критика и библіографія.—Заграничныя историческія новости и мелочи —Смѣсь.—Некрологи.—Замѣтки и поправки.

„Наша Заря". (1913—3). К. Реннеръ. Къ 30-лѣтію смерти Маркса.—Е. Маевскій. Безъ выхода. (Памяти Гаршина).—М. Нахимсонъ. Новѣйшія тенденціи въ развитіи капитализма.—В. Майскій. Изъ практики профессіональнаго движенія на Западѣ.—Комаровъ. Изъ жизни рабочихъ.—Л. Сѣдовъ. Среди журналовъ.—В. Левицкій. Изъ иностранной соціалистической печати.—М. Н—на. Борьба за юношество въ Германіи.—Н. Череванинъ. Развалъ въ правительственномъ лагерѣ.—М. Б—въ. Законъ и циркуляръ въ дѣлѣ страхованія.—Горская, К. Марксъ и религія.

„Народное Образованіе". (1913—3). Г. Вдовиченко. Мое выступленіе на поприще учительства.—П. На родинѣ Ивана Сусанина.—Уголки школьной жизни:— А. Красиковъ. Весною. Е. Нильскій. Жаворонки.—Свящ. Е. Куликовъ. Далекое, но милое прошлое. Восп.—М. Бубновскій. Что они дѣлаютъ?—В. А. Павловъ. Терніи современнаго воспитанія деревенскихъ дѣтей.—Г. Поповъ. Новое о предметныхъ урокахъ.—А. Налимовъ. Рѣчь и чтеніе школьника—разгадываніе дѣтскихъ воспріятій.—Изъ школьной практики: Свящ. Н. Высоцкій. Агрономич. чтенія въ нач. школѣ. М. Нѣмечекъ. Божья коровка—сотрудникъ садоводовъ. Ѳ. Зеновъ. Деревенскіе „праздники" и школа. О чтеніи рукописнаго. Н. Бахтинъ. Весенніе цвѣты на урокахъ рисованія. (Оконч.).—Книжное и журнальное обозрѣніе.—Н. Тичеръ. Изъ иностранной педагогической литературы.—Библіографическій отдѣлъ.—Школьное дѣло на мѣстахъ.—Разныя извѣстія и мелкія замѣтки о школьномъ дѣлѣ въ Россіи и за границей.—Школьное пѣніе.

„Педагогическій листокъ". (1913—4). Неймавъ, Л. О „домашней школѣ" Бертольда Отто.—Голубковъ, В. Изложеніе и самостоятельное творчество въ младшихъ классахъ средней школы.—Тихомировъ, Д. И. Къ 75-лѣтію Московскаго Благотворительнаго Общества 1877 года.—Коринфскій, А. На дѣло любви, стих.—С—о, С. 40-лѣтній юбилей литературной дѣятельности С. И. Лаврентьевой.— С—о, С. Цѣльная личность, какъ идеалъ воспитанія. (Изъ тек. лит.)—

Закъ, А. І. Въ пріютѣ. — Хроника. — Резолюціи І-го Всероссійскаго Съѣзда по семейному воспитанію. Библіографія.

„Педагогическій Сборникъ“. (1913—4). Н. Дрентельнъ. Рядъ „комбинированныхъ“ опытовъ на самодѣльныхъ приборахъ для начальнаго преподаванія и практическихъ занятій.—М. Н. Писаревъ. Изъ отчета начинающаго преподавателя исторіи.—А. И. Барановъ. Метеорологическія наблюденія въ кадетскихъ корпусахъ. — В. Волынцевичъ. Новости иностранной педагогической литературы.—Изъ дневника редакціи.—Критика и библіографія.

„Педагогическое Обозрѣніе“. (1913 — 3). А. Ферьеръ. Біогенетическій законъ и образованіе.—Я. Кулжинскій. Географическіе обзоры и карты въ систематическомъ курсѣ исторіи.—В. Мурзаевъ. Какъ обучать рисованію въ начальной школѣ.—С. Долиновъ. Физическое образованіе на съѣздѣ по семейному воспитанію. (Оконч.).—Д. В—скій. Какъ обучать десятичнымъ дробямъ въ начальныхъ школахъ Нѣмецкой Швейцаріи. (Изъ иностр. педаг. литер.).—В. Б-въ. Обзоръ журналовъ. — Хроника школьной жизни.—Заграничная хроника.—Изъ школьной практики.—Критика и библіографія.

„Природа“. (1913—4). Астрон. К. Л. Баевъ. Гипотеза Си о происхожденіи солнечной системы. — Пр.-доц. В. А. Бородовскій. Теорія распада атомовъ.—Г. Шютцъ. Современное положеніе вопроса объ атмосферномъ электричествѣ.—Пр.-доц. А. И. Ющенко. Сущность душевныхъ болѣзней.—М. Ландріе. Искусственная культура яйца млекопитающихъ и сперматозоидовъ птицъ.—Ф. Мевесъ. Птицы и охранительная окраска бабочекъ. — Михаилъ Фарадей 1791—1867.—Д-ръ Лео Вайбель. Біологическая зоогеографія.—Экспедиція капитана Скотта.—Научныя новости. — Смѣсь. — Астрономическія извѣстія.—Географическія извѣстія.—Метеорологическія извѣстія.—Библіографія.

„Просвѣщеніе“. (1913—3). В. Тимофеевъ. Музыкантъ Кандыринъ. — Г. Шапиро. Фіалки, стих.—С. Астровъ. Утро, стих.—Ф. Эвгельсъ. Начало конца Австріи. (Неизд. статья)—Г. Зиновьевъ. Марксъ и Фрейлигратъ. — В. И. Три источника и три составныхъ части марксизма.—Ал. Стояновъ. К. Марксъ. (Къ 30-лѣтію со дня смерти). — В. Оль — скій. Стоимость культа. (Оконч.). — В. Кожевниковъ. Городу, стих. — К. Сталинъ. Національный вопросъ и соціалъ демократія. — Политикусъ. Ближне-Восточный узелъ. (Продолж.). — В. Ильинъ. Возростающее несоотвѣтствіе.—Н. Ск. О томъ, какъ бундисты разоблачили ликвидаторовъ. — Б. Г. Данскій. Хозяйскій страховой съѣздъ.

„Путь“. (1913—4). П. Тулубъ. На Украйнѣ, стих.—Н. Киселевъ. Сонъ, разск.—Н. Новиковъ и А. Бѣлоусовъ. Два стихотворенія. — А. Замираловъ. Скоропостижная смерть театра.—Н. Бѣлоусовъ. Мое первое знакомство съ цензоромъ.—Треплевъ. Плѣнникъ навьихъ чаръ. (О. Сологубъ).—В. Чарскій. Провинціальные очерки.—И. Поповъ. За мѣсяцъ.

„Русская Мысль“. (1913—4). А. Блокъ. Стихотв.—В. С. Сѣрова. Александръ Никол. Сѣровъ, воспом. — А. Беннетъ. Леонора, ром. съ англ. Перер. Э. К. Пименовой. (Продолж.).—Б. Демчинскій. Генадамъ, разск. — Х. Понтоппиданъ. Друзья, разск. Перев. съ датск. М. Н. Благовѣщенской. А. Н. Чапыгинъ. Бѣлый скитъ, повѣсть.—Д. Панини. Послѣдній визитъ больного дворянина, разск. Перев. Калинской.—М. А. Кузминъ. Разсказы. — Н. В. Недоброва. Стихотв. — Б. А. Гривцовъ. Судьба К. Н. Леонтьева. (Оконч.). — Н. Шапиръ. Учительство литературы. — Г. Вильямсъ. Потомки. Греки въ Турціи (Оконч.).—А. А. Корниловъ. Семейство Бакунинныхъ (По неизд. матер.) — Я. М. Букшпанъ. Письма о національностяхъ и областяхъ. Польско-еврейская распря.—Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры: І. Изъ архива А. М. Жемчужникова. ІІ. Изъ архива А. Н. Островскаго. Сообщ. А. А. Островскій. ІІІ. Дѣло о ссудѣ вдовѣ А. С. Грибоѣдова. Сообщ. А. А. Островскій. — А. С. Изгоевъ. На перевалъ. Передъ Вальпургіевой ночью. — Въ Россіи и за границей.—Критическое обозрѣніе.

„Русская Старина“. (1913—4). В. Случевскій. Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ. — Дневникъ статсъ-секретаря Бр. Ив. Вилламова. Сообщ. Н. А. Вилламовъ. — Г. И. Бобриковъ. Въ Царьградѣ въ 1878—79 гг.— А. Ф. Кони, Е. Ф. Турау. Письмо въ редакцію.—Дневникъ академика В. П. Безобразова. Сообщ. М. В. Безобразова. — И. Шляпкинъ. Горе московскихъ жителей въ 1812 г., современн. письма.—В. Шереметевскій. Басурманская неволя.—Л. Н. Любимовъ. Изъ жизни инженера путей сообщенія. — К. Шумскій. Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура.—М. В. Волконская. За 38 лѣтъ, воспом.—Н. Лернеръ. „Маскарадъ“. Забытый разсказъ изъ жизни Пушкина.—П. Ф. Филатовъ. Юные годы, воспом.—Депутатъ отъ Россіи. Сообщ. Е. С. М. — А. Е. К. М. Драгомировъ — генералъ-губернаторъ, изъ воспом.—С. О. Долгова. Сто лѣтъ назадъ. — Изъ воспомин. стараго врача—А. А. Синицына. Сообщ. Н. Д. Романовъ. — Письма Н. П. Ломакина консулу Ф. А. Бакулину. Сообщ. В. А. Алексѣевъ.—Изъ записной книжки „Русской Старины“: а) И. С. Бѣляева. Къ вопросу о смерти царевича Дмитрія, б) М. С. Померанцевъ. Въ поискахъ „палаты“. — Библіографическій листокъ.

„Русская Школа“. (1913—3). Законод. постановленія и правит. распоряженія. — М. Николаева. Основныя задачи воспитанія въ средней школѣ.—Ф. Вележева. Начальное образованіе въ Болгаріи. (Оконч.)—Н. Томашевская. Ланкастерскія школы въ Россіи.—С. Константиновъ. Два года въ земской школѣ. (Продолж.).—С. Кудрявцевъ. Ученица въ народной школѣ и грамотная женщина въ семьѣ.—К. С. Митягинъ. Вопросъ о совмѣстномъ обученіи на 1-мъ Всерос. съѣздѣ по образованію женщинъ.—Н. Б.—Т. Н. Грановскій. (1813—1913). — Я. Кулжинскій. Нѣсколько соображеній о содержаніи систематическаго курса средней исторіи въ средней школѣ.—Н. В. Магдалинскій. Экспериментальныя данныя по вопросу о продолжительности храненія впечатлѣній. (Оконч.). — Г. И. Россолимо. Поправки и добавленія къ „Методикѣ изслѣдованій психологическихъ профилей“. —Библіографія. (По экспериментальному отд.). — Критика и библіографія—Педагогическая хроника.

„Русское Богатство“. (1913 — 4). А. Серафимовичъ. Въ мышиномъ царствѣ.—П. Юшкевичъ. А. Пуанкарэ и его философія точныхъ наукъ.—С. Кондурушкинъ. Монахъ. — Самарецъ. Въ поиски за древними христіанами.—П. Покровскій. Законодательство о стачкахъ въ Австраліи.—

Е. Федорова. Стихотв.—С. Гехштеттеръ. Ребокка Эльканъ, новелла. Перев. съ нѣм. З. Журавской.—Т. Ефимонко. Стихотв. — И. Гордѣевъ. Въ глубинѣ. Очеркъ изъ жизни глухого уголка.—О. Эрнстъ. Коза, разск. Перев. съ нѣм. З. Журавской. — Д. Лондонъ. „Неизбѣжный бѣлый человѣкъ". Разск. Перев. съ англ. В. Керженцева. — Н. Эренбургъ. Вздохи изъ чужбины: I. Плюшиха. II. Дѣвичье поле, стихотв.—Е. Федорова. Стихотв.—Діонео. Изъ Англіи.—Л. Козловскій. Ст. Жеромскій и трагедія польской интеллигенціи.—И. С. Русановъ. Обозрѣніе иностр. жизни.—В. Мякотинъ. Новая фаза еврейскаго вопроса въ Польшѣ—А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.—Новыя книги.

„Свободное Воспитаніе". (1912-13—7). Т. Л. Сухотина. М. Монтессори и свободное воспитаніе.—С. Н. Дурылинъ. В. М. Гаршинъ, какъ дѣтскій писатель. (Къ 25-лѣтію со дня смерти).—Вэдлей. Природовѣдѣніе въ сельскихъ школахъ. Съ англ. Л. Ш.—Е. Домашевская. Опытъ постановки внѣкласснаго чтенія въ связи съ уроками русскаго языка.—Н. Крупская. Вопросъ о трудовой школѣ на Берлинскомъ конгрессѣ нѣмецкихъ учителей.—М. Суринъ. Книга въ деревнѣ прежде и теперь.

„Современникъ". (1913—4). Ив. Бунинъ. Мудрость, стих. — М. Горькій. Хозяинъ, повѣсть. (Продолж.).—Н. Сатинъ. Неизд. стихотв.—И. Бунинъ. Худая трава.—Гр. А. Валуевъ. Отрывки изъ дневника.—Л. Старкъ. Стихотв.—Эсъ де-Керосъ. Преступленіе отца Амаро, ром. (Продолж.). Перев. Т. Герценштейнъ. — Е. Ляцкій. И. Г. Чернышевскій. На порогѣ семейной жизни. По неизд. матеріаламъ. (Оконч.). — Мих. Гаязъ Исхаковъ. Шакирдъ-Аби, разск. Перев. Р. Свердловой.—Бенгтъ-Бергъ. Геннисаретъ, ром. (Оконч.). Перер. К. Жухаревой.—В. І. Дмитріева. Сухари, повѣсть. (Продолж.).—А. Вережниковъ. Всѣ пути скрещиваются. — Л. Пантелѣевъ. Новое о прошломъ.— В. Богучарскій. По поводу одной „исторической справки". — Г. Цыперовичъ. Успѣхи карательнаго движенія въ Россіи.—П. Сурожскій. Край угля и желѣза, очеркъ.—А. Черный. Сатиры: I. Воробьиная элегія. II. Проектъ.—Итоги и факты.—В. Моравскій Монгольскій вопросъ.—Н. Гиммеръ. Къ характеристикѣ россійскаго пролетаріата.—Новыя книги.

„Сѣверныя Записки". (1913—3). К. Бальмонтъ. Стихотв. — В. Садовскій. Побѣги жизни. — А. Римскій-Корсаковъ. Къ эстетикѣ оперы и музыкальной драмы.—А. Кипенъ. Миражъ, разск.— Н. В. Недоброво. Шесть стих.—В. Шефферъ. Исторія одного ожерелья. (Оконч.) Перев. М. Розенфельдъ. — Н. Лернеръ. Судьба героини. („Исторія одного ожерелья").—Ада Негри. Преступленіе, новелла. Перев. съ итальянск. Е. Астори. — Л. Гуревичъ. Новыя письма Чехова.— Проф. Е. Н. Щепкинъ. Памяти Т. Н. Грановскаго.—Н. Огаревъ. „Съ утра до ночи". Отрывокъ изъ статьи о Лермонтовѣ.—К. Форлевдеръ. Кантъ и французская революція.—И. Урмановъ. Новый фазисъ торговли. — П. Брусиловскій. Подъ знакомъ пересмотра. — Б. Черненковъ. О крестьянствѣ и соціализмѣ.—В. Моравскій. Первый годъ китайской республики. — С. Патрашкинъ. Два преступленія.—Замѣтки о книгахъ.

„Учительское Дѣло". (1913—2). С. Сватиковъ. Лѣтніе курсы и знакомство съ искусствомъ.— Н. Сажинъ. „Что читать по борьбѣ съ алкоголизмомъ черезъ школу".—А. Заксъ. Къ вопросу о новомъ экскурсіонномъ тарифѣ.—Въ постоянной комиссіи.—Курсы по библ. дѣлу.—Вечерніе курсы ручного труда для учителей и у-цъ.—Правительств. постановленія и распоряженія.—Библіографія.

„Учительское Дѣло". (1913—3). С. Сватиковъ. Художественные музеи Петербурга и ихъ педагогическое значеніе.—О. Голубевъ. Что читать по пѣнію?—Резолюціи и пожеланія 1-го Всероссійск. съѣзда по семейному воспитанію.—Въ Постоянной комиссіи по устройству курсовъ для учителей.—Правительственныя постановленія и распоряженія.—Библіографія.

„Художественно - Педагогическій Журнала". (1913—5). М. В—нъ. 4-й Международный съѣздъ по художественному воспитанію, рисованію и прикладному искусству въ Дрезденѣ въ 1912 г. Женское профессіональное образованіе.—А. Щепинскій. Къ вопросу о постановкѣ занятій иллюстративнымъ рисованіемъ. — Л. Л. Мищенко. Эстетическое воспитаніе семьи и общества.—Искусство и жизнь.—Хроника.

„Художественно - Педаг. Журналъ". (1913—6). В. Бейеръ. Графическая грамотность и педагогическій рисунокъ.—Отъ редакціи.

„Художественно - Педаг. Журналъ". (1913—7). Б. Ш. 2-я Всероссійская кустарная выставка.— Л. Мищенко. Эстетическое воспитаніе семьи и общества. — Искусство и жизнь. — Хроника. — Иностр. художественная хроника.—Библіографія.

„Что и какъ читать дѣтямъ". (1913—7). Н. Н. Бахтинъ. Указатель дѣтскихъ книгъ. — Обзоръ біографій русскихъ писателей Ч. Вѣтринскаго.— Обзоръ новыхъ книгъ „Библіотечки Ступина".— Отзывы о книгахъ. — Справки о нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгахъ. — Алфавитный указатель.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изд. „Польза", В. Антикъ и К°.

И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ Ч. V. „Унив. Б." № 667. 10 к.

Л. М. Гартманъ. Паденіе античнаго міра. „Унив. Б." № 665-666. 20 к.

В. И. Пичета. Смутное время въ Московскомъ государствѣ. „Унив. Б." № 670-671. 20 к.

В. В. Филатовъ. Родъ бояръ Романовыхъ. „Унив. Б." № 672. 10 к.

Е. Богрова. Дмитрій I. „У. Б." № 673. 10 к.

М. Н. Ковалевскій. Московская смута XVII в., ея смыслъ и значеніе. „У. Б." № 674. 10 к.

Изд. „Просвѣщеніе".

Д. Л. Айзманъ. Собр. соч. Т. V. Разс. 1 р. 25 к.

В. Гюго. Собр. соч. т. IV. и V. Соборъ Парижской Богоматери. Ч. I и II. По 1 р. 25 к.

Л. Н. Толстой. Собр. соч. Серія II. Т. I. Чѣмъ люди живы и др. разск. 1 р.

В. Муйжель. Собр. соч. т. VIII и IX. Годъ. 2 р. 50 к.

Изд. „Посредникъ" и „Библ. Горбунова-Посадова".

Э. Ожешко. Въ зимній вечеръ. Изд. 2-е. 6 к. и 8 к.

О. Рунова. Павликъ. Разск. 2 к.—4 к.

Пѣснь о матери. Сборникъ. Сост. Горб.-Посадовъ. 5 к.—7 к.
Е. Чижовъ. Звѣздные вечера. Изд. 3-е. 50 к.
И. Горбуновъ-Посадовъ. Живая любовь. 12 к.
„Цвѣтникъ". Сборникъ разск. съ предисл. Толстого.
Проф. Крепелинъ. Въ земляномъ саду. Изд. 2-е. 80 к.
П. А. Буланже. Жизнь и ученіе Сиддарты Готамы, прозваннаго Буддой. 25 к.
Е. Ельманова. Наши комнатныя растенія. 11 к.
Л. Н. Толстой. О Шекспирѣ и о драмѣ. 15 к.
Г. де-Мопассанъ. Жизнь женщины. Ром. Со ст. Толстого о Мопассанѣ. Т. I. 85 к.
Его же. На водѣ. Сб. разск. Т. II. Изд. 2-е. 50 к.
Его же. Одиночество и др. Разск. Т. III. Изд. 2-е. 50 к.
Его же. Монтъ-Оріоль. Ром. Т. IV. Изд. 2-е. 85 к.

Изд. „Путь".

Кн. В. Ѳ. Одоевскій. Русскія ночи. 2 р.
Кн. Е. Трубецкой. Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева. Т. I. 4 р. за два т.
П. Я. Чаадаевъ. Сочиненія и письма. Т. I. 5 р. за два т.

Изд. М. О. Вольфъ.

Дневникъ Мурзилки. Повѣсть-сказка. „Золот. библ."
Р. Киплингъ. Джунгли. „Золот. библ."
А. Ф. Пановъ. Царство шалостей и др.
Н. Осиповичъ. Въ забытомъ краю. Полярные разсказы.
Л. А. Чарская. Щелчокъ. Повѣсть для дѣтей.
Ея же. Сестра Марина. Повѣсть.
В. Оксъ. Обитель въ осадѣ. Изд. 2-е.
В. Русаковъ. За что дѣти любятъ Чарскую.
Р. Хиченсъ. Садъ Аллаха. Т. I и II. 3 р. 25 к.
К. Чернышовъ. Лишніе люди и женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Тургенева. 1 р. 25 к.
А. Г. Петискусъ. Олимпъ. Миѳологія грековъ и римлянъ.
Ф. Герштеккеръ. Вселенная. Разск. для дѣтей. Изд. 5-е.
Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія (1877—1878гг.). Т. I. 2 р. 50 к.
Вл. Вагнеръ. Біологическія основанія сравнительной психологіи (біо-психологія). Т. II. Инстинктъ и разумъ. 3 р.
И. Гливенко. Руководство для изученія итальянскаго языка. 1 р. 75 к.
В. Русаковъ. Русскіе самоучки и самородки.
Г. де-Волланъ. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ Россіи въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства. Ч. I. Т. I. 3 р. 50 к.

Изд. К. И. Тихомирова.

П. Малаперъ. Элементы характера и законы ихъ сочетанія. 1 р. 50 к.
Д. А. Коробчевскій. Дѣти каменнаго вѣка. 30 к.
Э. Реклю. Снѣга и ледники. 50 к.
В. П. Пантелѣевъ. Вода, топливо, печи. 1 р. 50 к.

Изд. „Наука".

G. Anton, проф. О разстройствахъ развитія у дѣтей. 50 к.
И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX ст. Изд. 2-е. 1 р.
Его же. Библіографич. Ежегодникъ. Вып. II Систем. указатель литер. за 1912 г. 90 к.
Г. Freud. Психоанализъ дѣтскаго страха. 1 р.
К. Корренсъ. Новые законы наслѣдственности. 80 к.
Н. А. Ульяновъ. Указатель журнальной литературы. Вып. I. 90 к.
Н. А. Ульяновъ и В. Н. Ульянова. Указатель журнальной литературы. Вып. II. 1 р. 50 к.
Ин. Тэнъ. Путешествіе по Италіи. Т. I. 2 р. 25 к.
М. А. Колосовъ. Жизнь человѣка до рожденія. Изд. „Наука". 40 к.

Изд. „Шиповникъ".

Г. Флоберъ. Полное собр. соч. Т. II. Саламбо 1 р. 50 к.
Г. Чулковъ. Сочиненія. Томъ VI. Разсказы и повѣсти. 1 р. 25 к.
П. Е. Щеголевъ. Историческіе этюды. 3 р.
О. Дымовъ. Солнцеворотъ и Ню. Изд. „Шиповникъ". 1 р. 25 к.
Альманахъ. Кн. 20-я. 1 р. 25 к.
Л. Н. Андреевъ. Прекрасныя сабинянки. 1 р.

Изд. Писателей въ Спб.

А. Ладыженскій Дома. Разск. 1 р.
Ив. Коноваловъ. Очерки современной деревни. 1 р. 50 к.

Изд. „Книжка за книжкой".

М. Слѣпцова. Голосистые вѣстники весны. 15 к.
Мультатули и Бретъ Гартъ. Саидья съ о. Явы.—Счастье „ревущаго стана". 8 к.
М. Твэнъ и др. Кружокъ смерти и др. 10 к.

Изд. „Библіотека Юнаго Читателя".

Э. Тэрнеръ. Юные австралійцы. Изд. 2-е 60 к.
Въ борьбѣ за жизнь. По **Бентъ-Бергу.** 40 к.
Э. Пименова. Канада, страна великихъ озеръ. 35 к.
Діанъ, маіоръ. Плѣнники моря. 60 к.
А. Брэмъ. Тундра, ея животный и растительный міръ. Изд. 2-е. 25 к.
В. Оксъ. Ла и Джо. Разсказъ. 12 к.
Н. А. Шкшковъ. Начало общественной жизни. 15 к.
В. Сѣрошевскій. Сыны неба. Изд. 2-е. 25 к.

Изд. „Школа". (Одесса.)

Н. Мартыновъ. Подробный планъ „Слова о полку Игоревѣ". Пособіе для ср. шк. 15 к.
К. Оленинъ. Повторительный курсъ географіи Россіи, сост. по учебникамъ А. Баравова и Н. Горѣлова. 25 к.
П. Алексѣевъ. Повторительная таблица русской исторіи. 8 к.
И. Молотовъ. Ключъ къ 1-й части „Практическаго курса французскаго языка" П. Шанселя и П. Глезера. 40 к.
В. И. Павловъ. Разборъ трагедіи В. Шекспира—„Гамлетъ, принцъ Датскій". 15 к.
П. Готье. Тетрадь для спряженія французскихъ глаголовъ. 8 к.
П. Алексѣевъ. Правила и программа испытаній на первый классный чинъ. 30 к.

Его же. Правила и программа испытаній на учительскія званія. Два вып. по 30 к.
Законъ о высшихъ начальныхъ училищахъ 20 к.

Изд. О. Н. Поповой.

М. Горькій, С. Черный и др. Голубая книжка. Сказки. 1 р. 25 к.
Ф. Г. Бернетъ. I. Сарра Кру.—II. Воръ Эдифи. 25 к.
Е. Гадмеръ. Около желѣза и золота. 20 к.

Изд. „Задруга".

Т. Алабина-Сократова. Картины изъ жизни госуд. Аѳинскаго V-го вѣка до Р. Х. Изд. 2-е. 35 к.
Н. И. Огановскій. Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ. 35 к.
Д. В. Тарле. Континентальная блокада. 4 р.

Изд. „Образованіе".

Э. Л. Радловъ. Вл. С. Соловьевъ. Жизнь и ученіе. 1 р. 50 к.
Ив. Менделѣевъ. Методъ математики. 80 к.
Новыя идеи въ біологіи. Сб. № 1. Что такое жизнь? 80 к.
Новыя идеи въ философіи. Сб. № 5. Теорія познанія. II. 80 к.
Тоже. Сб. № 6. Существуетъ ли внѣшній міръ? 80 к.
Тоже. Сб. № 7. Теорія познанія. III. 80 к.
Новыя идеи въ педагогикѣ. Сб. № 2. Трудовая школа. 80 к.
Новыя идеи въ математикѣ. Сб. № 2. Пространство и время. 80 к.
Естествознаніе въ школѣ. Сб. № 3. Обзоръ литературы по естествознанію. 80 к.

Изд. И. Д. Сытина.

А. М. Хирьяковъ. Очерки исторіи русской литературы. 50 к.
А. Измайловъ. Пестрыя знамена. Литер. портреты. безвременья. 1 р.
И. И. Селезневъ. Начальный курсъ коммерческихъ вычисленій въ связи съ общими свѣдѣніями о торговлѣ. 50 к.

А. Гурьевъ. Отъ скуки. Кн. 2-я. 1 р. 25 к.
К. А. Іеропольскій. Народныя пѣсни Холмскаго у., Псковской губ.
Его же. Памяти Вл. Ал. Боброва.
И. В. Лопухинъ. Масонскіе труды. Изд. В. Ѳ. Саводникъ. 1 р. 50 к.
Н. Богдановъ. проф. Неврастенія и внутреннія болѣзни. 20 к.
А. В. Казариновъ, врачъ. Антропологія темперамента въ связи съ антропологической теоріей единаго невроза. 1 р. 25 к.
Гл. Бабичевъ. Державный оредъ. Изд. автора.
Н. И. Берсеневъ. В. Г. Бѣлинскій. Лекція. 7 к.
Н. Клюевъ. Лѣсныя были. Кн. 3-я. Стихи. Изд. К. Ф. Некрасова. 60 к.
Г. Б. Ханковскій. Американская бухгалтерія многосчетная. 50 к.
Матеріалы по киргизскому землепользованію. Андижанскій у., Ферганской обл. Изд. Гл. Упр. Землеустр. и Землед.
И. Тутышкинъ. Художественная картина въ народной школѣ. 15 к.
Д-ръ К. Абрагамъ. Джіованни Сегантини. Изд. „Жизнь и душа". 50 к.
Д. Абельдяевъ. Тѣнь вѣка сего. Ром. Изд. автора. 3 р.
В. А. Кожевниковъ. Ник. Фед. Федоровъ. Опытъ изложенія его ученія. Ч. I.
Н. Ф. Федоровъ. Философія общаго дѣла. Т. II. Изд. подъ ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. 2 р. 50 к.
Ф. ле-Дантекъ. Хаосъ и міровая гармонія. Изд. „Звѣзда". 50 к.
К. Кузминскій. Болгарскій сборникъ. Изд. „Звѣзда". 1 р.
Савватій. Тетрадь въ сафьянѣ. Изд. кн. маг. М. Яснаго. 1 р.
Я. Вассерманъ. Романъ мужчины сорока лѣтъ. Изд. „Новая Жизнь." 1 р.
С. Сергѣевъ-Ценскій. Собр. соч. Т. VI. Разсказы. Изд. „Книгоизд. писат. въ Москвѣ". 1 р. 50 к.
Георгій Свѣтлый. „Екатерина Ивановна" Л. Андреева, какъ символъ. Изд. А. М. Михайлова.
Ежегодникъ экспериментальной педагогики. 1912. V. 1 р.
П. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Изд. 3-е. М. В. Аверьянова. 1 р. 60 к.
В. Рѣковъ. Безъ средней школы. Изд. Н. Н. Шишкина. 1 р. 50 к.
Д. Вербисели. Нетронутый уголокъ. Разск. изъ грузинск. жизни. 60 к.
Н. Герасимовъ. Пѣвецъ любви. Повѣсть. 50 к.
Е. Лехеръ. проф. Физическія картины міра. Изд. „Природа". 50 к.
К. Гизенгаденъ, проф. Оплодотвореніе и явленія наслѣдственности въ растительномъ царствѣ. Изд. „Природа". 50 к.
И. С. Симоновъ. Грановскій - учитель. Изд. ж. „Педаг. Сборн.", 2-е. 25 к.
А. В. Шестаковъ. Причины смутныхъ дней. 25 к.
Окт. Вржесневскій. Доказательство аксіомы параллельныхъ прямыхъ. Изд. 2-е. 20 к.
С. Н. Кашкаровъ. Стихи. Изд. автора. I. Въ родныхъ поляхъ. 5 к. II. Осенніе цвѣты. 5 к. III. Свѣтлыя пѣсни. 10 к. IV. Первая ласточка. 15 к.
В. Голубковъ. Пособіе для введенія устныхъ и письменныхъ сочиненій. Вып. I и II. По 45 к. вып.
Максъ Волошинъ. О Рѣпинѣ. Изд. „Оле-Лукойе". 50 к.
М. Цвѣтаева. Изъ двухъ книгъ. Стихи. Изд. „Оле-Лукойе". 15 к.
К. Пасхаловъ. Русскій вопросъ. 15 к.
Проектъ реформы средней школы. Изд. ж. „Русск. Шк.". 20 к.
В. В. Сиповскій. О народной поэзіи въ общественномъ и литер. обиходѣ 1-й трети XIX в. Отзывъ о книгѣ.
В. Никольскій, проф. Къ вопросу объ индивидуализированномъ лѣченіи и предупрежденіи заболѣваній.
Н. М. Гальковскій. Стихотворенія. Изд. М. Е. Когана. 2 р.
Его же. Повѣсти и разсказы. Т. I. Изд. тип. Солодовникова. 80 к.
А. Безантъ. Автобіографія. Изд. ж. „Вѣст. Теософ." 2 р.
К. Леонтьевъ. О Вл. Соловьевѣ и эстетикѣ жизни. Изд. „Творч. Мысль." 30 к.
М. Экхартъ. Избранныя проповѣди. Изд. „Дух. Знаніе." 20 к.

Ф. Тассаръ. Воспоминанія о Г. де-Мопассанѣ его слугѣ Франсуа.

А. Гурьевъ. Отъ скуки. Разск. Кн. 3-я. 1 р. 25 к.

П. Тюленевъ. Сборникъ разсказовъ и стиховъ для письменнаго и устнаго изложенія. Изд. 2-е т-ва „С.-Петерб. Учебн. Магаз." 75 к.

Н. Мазуркевичъ. Въ сѣтяхъ невроза. Вып. I. 25 к.

Его же. Прекрасное далеко. Вып. II. 20 к.

С. Ганьшинъ. Предразсвѣтныя пѣсни. Изд. „Трудовая Россія". 10 к.

Н. Клюевъ. Сосенъ перезвонъ. Стихи. Изд. 2-е, К. Ф. Некрасова. 60 к.

П. Широковъ. Въ и внѣ. Поэзы. Вып. II. Изд. „Петерб. Глашатай". 50 к.

В. Гнѣдовъ. Гостинецъ сантиментамъ. Изд. „Петерб. Глашатай". 25 к.

Засахаре кры. Альманахъ эго-футуристовъ. V. Изд „Петерб. Глашатай". 50 к.

Н. Кабановъ, д-ръ. О здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Изд. Нижег. Губ. Земства. 35 к.

О. Козельскій. Призраки. Романъ. 1 р. 50 к.

А. В. Кенигсонъ. Проступки и преступленія по службѣ государственной и общественной. Изд. 2-е. 2 р. 25 к.

І. Драгеймъ. (І. Ф. С.) Эхо жизни. Разск. т. I. 1 р.—Поздно. Повѣсти и разск. т. II. 1 р.—Пѣсни жизни. Разск. т. III. 1 р. Подъ ракитой. Ром. т. IV. 1 р. 25 к.

Гобино, гр. Вѣкъ возрожденія. Историческія сцены. 2 р. 25 к.

Г. Пилипенко. Алексѣй Петровичъ Плещеевъ, какъ писатель и критикъ. Критич. очеркъ. 50 к.

„Вѣтви". Литературный сборникъ. Изд. журн. „На берегахъ Невы". 1 р.

Е. Курловъ. Ира. 2-я кн. разск. Изд. журн. „Жатва". 2-е. 1 р.

Ф. В. Баллодъ. Древній Египетъ, его живопись и скульптура. 1 р. 25 к.

Fr. Ballod. Prolegomena zur Geschichte der wärtgen zwerchaften Gottheiten in Ägypten. 2 р.

А. П. Постниковъ. Учебникъ физики для ср. уч. завед. Изд. В. С. Спиридонова. Ч. II. 1 р. 25 к.

А. Черемновъ. Стихотворенія. Т. I. Изд. „Книгоизд. Писат. въ Москвѣ". 1 р.

К. Тезингъ, д-ръ. Размноженіе и наслѣдственность. Изд. „Природа". 50 к.

А. Селихановичъ. Психологія нравственныхъ переживаній. 30 к.

А. Липецкій. Надя Данкова. Повѣсть. Изд. М. В. Попова 75 к.

Лун Анжеръ. Какъ имѣть во всемъ успѣхъ „Библ. по магнетизму". Изд. З. С. Бисскаго. 1 р. 50 к.

С. Смольяниновъ. Слова истины. Изд. Смольяниновыхъ. 30 к.

„Круговая чаша". Сборникъ 10-ти Московскихъ поэтовъ. 1 р. 25 к.

Н. М. Соколовъ. Г. Г. Тумимъ. Обученіе правописанію. Изд. Н. П. Карбасникова. 30 к.

N. Sycianko. Cours pratique de Grammaire Française, etymologie et syntaxe. Изд. Н. П. Карбасникова. 60 к.

Д. Н. Ушаковъ. Краткое введеніе въ науку въ языкѣ. Изд. В. С. Спиридонова. 65 к.

К. Леонтьевъ. О Вл. Соловьевѣ (по двумъ письмамъ). Изд. „Творч. Мысль". 30 к.

Василискъ Гнѣдовъ. Смерть искусству. Изд. „Петерб. Глашатай". 30 к.

Черманъ. Въ тенетахъ снѣга. Стихи. Изд. В. Ф. Франкетти. 75 к.

М. Березинъ. Латинская азбука. 25 к.

Жатва. Книга IV. 1 р. 80 к.

Новеллы итальянскаго Возрожденія. Ч. II. Изд. К. Ф. Некрасова. 2 р. 50 к.

А. И. Волкова. Воспоминанія, дневникъ и статьи. Изд. А. С. Вишнякова. 2 р.

В. М. Фриче, пр.-доц. Мольеръ. 2 экз. по 15 к.

Лѣсовикъ. Стихи и проза. Кн. I. 35 к.

Д. Н. Иванцовъ. Объ устойчивости русскихъ урожаевъ. Оттискъ изъ журн. „Вѣст. Сельск. Хоз."

А. Бобровъ, прот. Мудрые совѣты ищущимъ спасенія по письмамъ преосвященнаго Ѳеофана изъ Вышинскаго затвора.

К. Н. Березниковъ. Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ. 8 к.

І. Жиловъ, свящ. Что говорятъ знаменитые люди о Библіи. Изд. 2-е 45 к.

Г. Ми, проф. Молекулы, атомы и міровой эфиръ. Изд. „Природа". 80 к.

Я. Л. Погодинъ, проф. Языкъ, какъ творчество. „Вопросы теоріи и психологіи творч." Т. IV. Изд. Б. А. Лезина. 2 р. 50 к.

Гр. Сальваторъ. Донъ-Жуанъ на тровѣ. 1 р. 50 к.

М. С. Позняковъ. Облетѣвшія мысли. Стихи. 60 к.

А. А. Ясиновскій, д-ръ мед. Посмертныя статьи. Изд. ж. „Вегет. Обозр.". 10 к.

И. А. Кирилловъ. Статистика старообрядчества. Изд. „Старообр. Жизнь". 15 к.

И. И. Замотинъ, проф. Ѳ. М. Достоевскій въ русской критикѣ. Ч. I. 2 р.

Н Хауторнъ. Багровый знакъ. Ром. Изд. І. А. Маевскаго. 1 р. 50 к.

И. Прыжовъ. Нищіе на святой Руси. Изд. „Молод. Силы". 50 к.

М. В. Даниловъ. Записки. (1722—1762). Изд. „Молод. Силы". 50 к.

І. Брихничевъ. Огненный сѣятель. Изд. Н. И. Дорофѣевой. 30 к.

Славянски Календарь за 1913 г. Изд. Славянското Благотвор. Дружество въ България.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Вып. II. Изд. „Огни". 2 р.

А. Родэнъ. Искусство. Изд. „Огни". 1 р. 75 к.

О. Н. Орлова. Лун Пастеръ, его жизнь и труды. Изд. „Ступ. Зн.".

В. Н. Золотницкій, д-ръ. Путеводитель по кумысолѣчебнымъ мѣстамъ. 75 к.

Издатели: { В. Крандіевскій. / В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Въ Западной Европѣ объявленія для „Бюллетеней Литературы и Жизни" принимаются, между прочимъ, Коммерческимъ Агентствомъ при Музеѣ русской прессы въ Брюсселѣ (Musée de la Presse Russe, Rue Madeleine, N 6. Bruxelles.). Тамъ же продаются отдѣльные №№ журнала и принимается на него подписка.

„Сотрудникъ школъ А. К. Залѣсская".

Москва, Воздвиженка, 13. Телеф. 34-23.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО,

фабрика глобусовъ и учебн. пособій, образов. дѣтск. игръ, физическ. приборовъ и пр.

Магазины: книгъ, учебн. пособ., канц. и письмех. прин. и пр.

Все къ предстоящему лѣтнему сезону для составленія энтомологич. и ботанич. коллекцій.

Доп. Учеб. Ком. Мин. Нар. Просв.

Шлехтенталь и Вюншъ. Опредѣлитель насѣкомыхъ. Введеніе въ ихъ изученіе. 2 р. 50 к.

Шмейль-Фитченъ. Школьный опредѣлитель культурныхъ и дикораст. растеній. 55 к.

П. И. Мамаевъ. На экскурсію (2 изд.). 1 р.

П. И. Мамаевъ. Знакомство съ жизнью растеній путемъ наблюденій и опытовъ. 50 к.

С. Н. Боголюбскій. Первый шагъ къ природѣ. 75 к.

Серія **новѣйшихъ** конспектовъ, составленныхъ кружкомъ преподавателей по предметамъ средн. школы: Законъ Божій, исторія, исторія литературы, математика и пр. отъ 25—30 к.

Архангельская. „Негръ Тиффъ и его друзья". Составлено по роману Бичеръ-Стоу „Жизнь южныхъ штатовъ". 50 к.

Архангельская *). „Первая ферма". 40 к.

„ „Походъ въ святую землю". 60 к.

Арнольдъ К. Задачникъ для начинающихъ обучаться дома и въ школѣ. 25 к.

Боголѣповъ П. Сборникъ устныхъ и письмен. ариѳ. задачъ. 40 к.

Бокъ Е. *) Краткій курсъ ботан. (Допущ. У. К. М. П. Просв.). 40 к.

Боппъ. Метрическ. систем.—стѣн. табл. съ объясн. текстомъ. 75 к.

Виноградовъ. Ариѳм. упр. и задачи. 35 к.

Галанинъ Д. Метод. ариѳ. 1 годъ обуч. 50 к.

„ 2 годъ обуч. 50 к.

Глѣбинъ *). Родн. языкъ. Практич. грам. 15 к.

„ Синт. и этим. ч. II. 30 к.

„ „ „ ч. III. 65 к.

Голосъ совѣсти. Разск. (перев. съ нѣм.). 10 к.

Грековъ Ф. Обученіе письму прям. почер. Русск. и церковно-сл. письмо. 8 к.

Диккенсъ *). „Давидъ Копперфильдъ". 65 к.

„ *) „Домби и сынъ" съ иллюстрац. 50 к.

„ *) „Николай Никльби". 50 к.

„ *) „Оливеръ-Твистъ" съ иллюстрац. 30 к.

„ *) Тоже, болѣе дорогое. 60 к.

Залѣсскій. „Хлопокъ и что изъ него дѣлаютъ". 10 к.

Дворниковъ П. Элемент. курсъ исторіи русск. литер. 80 к.

Дворниковъ П. Элемент. курсъ русск. исторіи. 90 к.

Дворниковъ и Соколовъ *). Сокращен. курсъ геогр. Росс. имперіи (съ иллюст.). 90 к.

Деркачевъ И. Школьн. стун. Годъ I. 35 к.

„ „ „ II. 40 к.

*) **Картины по естественной исторіи въ краскахъ 10 × 8 верш.** (92 картины) 20 карт. 2 р. 50 к.

Каптерсвъ. *) Уроки по Закону Божію В. З. 30 к.

„ „ „ „ II. З. 35 к.

Катановъ. Стѣн. табл. для ознаком. съ дробями, въ краскахъ. 20 к.

*) **Картины** стѣнныя по русской исторіи. Оба выпуска вмѣстѣ. 3 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно 2 р.

Классная стѣнная таблица буквы „ѣ". 10 к.

Коваленская А. *) Назарычъ. 15 к.

„ *) Валетка (ссыльный) 15 к.

„ *) Большіе люди. 8 к.

„ Пепита. 6 к.

Кутузовъ, Н. Наглядная геометрія. 70 к.

Лекченко. Простѣйшій способъ рѣшенія задачъ на правила: тройное, процентовъ и пр. 15 к.

Миловидовъ *). Опытъ объясн. чтен. 1 р. 20 к.

Новый букварь. Составл. учительницами. 6 к.

Островская Н. *) Разсказы для дѣтей. 1 р. 40 к.

„ Мальчикъ въ плѣну. 25 к.

*) **Прописи** для народныхъ школъ. 4 к.

Уоллесъ. Во дни оны. 50 к.

Шапошниковъ. Дѣдушка Ермилъ. 20 к.

Римскій-Корсаковъ. Смѣлый и безразсудный. 40 к.

Руководство къ употребленію ариѳметическаго ящика (печатается).

Спижарная *). Первые уроки чтенія (до Нов. Азбуки Л. Н. Толстого). 5 к.

Сваричевскій. Метод. сбор. ариѳм. задачъ. 20 к.

Соколовъ *). Краткое богослуж. (82 иллюст.). 15 к.

„ Программа по Закону Божію. 10 к.

Сахаровъ Ив. и Соколовъ. Новая русская хрестоматія. 85 к.

Новая школьная библіотека, составленная кружкомъ учащихъ подъ ред. Сахарова и Булгакова. 37 №№ со многими иллюстраціями. Ц. за №, въ среднемъ,—10 к.

*) Допущ. уч. Ком. Правит. Учрежд.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“. СПБ., Николаевская, 9. Телефонъ 75-51.

Новыя идеи въ математикѣ.

Непериод. изд., выход. подъ редакціей заслуженн. проф. **А. В. Васильева.**

Сборникъ № 1. Математика. Методъ, проблемы и значеніе ея. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Пространство и время I. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 3. Пространство и время II. Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ астрономіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора **А. А. Иванова.**

Сборникъ № 1. Космогоническія гипотезы I. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Земля. Ея внѣшняя форма и внутреннее строеніе. Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ физикѣ.

Непериод. изд., выход. подъ редакціей заслуженн. проф. **И. И. Боргмана.**

Сборникъ № 1. Строеніе вещества. Второе дополненное изд. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. * Эфиръ и матерія. Второе дополненное изд. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 3. Принципъ относительности. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 4. Дѣйствіе свѣта. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 5. Природа свѣта. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 6. Природа теплоты. Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ химіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. **Л. А. Чугаева.**

Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Радіоактивныя вещества I. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 3. Валентность. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 4. Радіоактивныя вещества II. Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ біологіи.

Непериод. изданіе, выход. подъ редакціей проф. **В. А. Вагнера и Е. А. Шульца.**

Сборникъ № 1. Что такое жизнь? Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ медицинѣ.

Непериод. изданіе, выход. подъ редкціей проф. **А. М. Левина,** при ближ. уч. прив.-доц. **Л. В. Блюменау,** проф. **А. А. Кадьяна,** д-ра **Е. С. Лондона** и акад. **И. П. Павлова.**

Сборникъ № 1. Радіотерапія. (Печатается).

Новыя идеи въ философіи.

Непериод. изданіе, выход. подъ редакціей **Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.**

Сборникъ № 1. Философія и ея проблемы. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Борьба за физическое міровоззрѣніе. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 3. Теорія познанія I. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 4. Что такое психологія? Цѣна 80 к.
Сборникъ № 5. Теорія познанія II. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 6. Существуетъ ли внѣшній міръ? Цѣна 80 к.
Сборникъ № 7. Теорія познанія III. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 8. Душа и тѣло. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 9. Методы психологіи I. Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ соціологіи.

Непериод. изд., выход. подъ редакціей проф. **М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти.**

Сборникъ № 1. Соціологія. Ея предметъ и современное состояніе. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Соціологія и психологія. (Печат.)

Новыя идеи въ экономикѣ.

Непериод. изданіе, выход. подъ редакціей проф. **М. И. Туганъ-Барановскаго.**

Сборникъ № 1. Проблема распредѣленія общественнаго дохода. (Печат.)

Новыя идеи въ педагогикѣ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей **Г. Г. Зоргенфрея.**

Сборникъ № 1. Самоуправленіе въ школахъ. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Трудовая школа. Цѣна 80 к.

Естествознаніе въ школѣ.

Непериод. изданіе, выход. подъ редакціей проф. **В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова.**

Сборникъ № 1. Вопросы методики преподаванія естествознанія. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Преподаваніе начальнаго природовѣдѣнія. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 3. Обзоръ новѣйшей учебной и учебно-вспомогательной литературы по естествознанію. Цѣна 80 к

Географія въ школѣ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей **Я. И. Руднева.**

Сборникъ № 1. Вопросы преподаванія и методики географіи въ средней и народной школѣ. Цѣна 80 к.

Э. Л. Радловъ. Владиміръ Соловьевъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Иностранная литература.

442. **Шекспиръ.** Гамлетъ.
446. **Шекспиръ.** Макбетъ.
450. **Шекспиръ.** Двѣнадцатая ночь.
459—461. **Амичисъ.** Дневникъ школьника.
748. **Верлэнъ.** Избранныя стихотворенія.
749—750. **Ожешко, Э. Меиръ Эзофовичъ.** Ч. I
751—752. **Ожешко, Э. Меиръ Эзофовичъ.** Ч. II.
753. **Диккенсъ, Ч.** Рождественская пѣснь въ прозѣ.
754—757. **Реймонтъ.** Мужики. Романъ Ч. IV. (Лѣто).
758. **Диккенсъ.** Колокола.
759—761. **Лагерлефъ, С.** Домъ Лиліекроны.
762. **Михаэлисъ, К. Эльзи Линдтнеръ.**
763. **Мопассанъ.** Лунный свѣтъ.
764—766. **Пшибышевскій, С.** Сумерки.
767. **Кастельнуово, Э** Рыцари непорочной.
768—769. **Андрэ, П.** Мужскія письма.
770. **Байронъ.** Сарданапалъ.
771—773. **С. Михаэлисъ.** «1812. Вѣчный сонъ».
774. **Мопассанъ.** Напрасная красота.
775—780. **Г. Манъ.** Охота за любовью.
781. **Мопассанъ.** Оливковый садъ.
782—783. **Гейерстамъ.** Власть женщины.
784—785. **Ренье.** Необычайные любовники.
787—789. **Бальзакъ.** Тридцатилѣтняя женщина.
791—793. **Тетмайеръ.** Яносикъ Нендза Литмановскій.

794. **Бальзакъ.** Любовь подъ маской.
795—798. **Стриндбергъ.** Исповѣдь безумца.
799. **Гартлебенъ.** Гостепріимный пасторъ.
802—805. **Флоберъ.** Саламбо.
807—809. **Майнъ-Ридъ.** Ползуны по скаламъ.
810—811. **Мопассанъ.** Сказки дня и ночи.
813—815. **Бангъ.** Михаэль.
817—818. **Киплингъ.** Смѣлые моряки.
819. **Уйда.** Степь.
820—821. **А. Франсъ.** Подъ придорожнымъ вязомъ.
822—823. **Шатобріанъ.** Амала.
826—828. **Мопассанъ.** Наше сердце.
829. **Уэллсъ.** Страна слѣпыхъ.
830. **Янъ Порукъ.** Бѣлая одежда.
831—833. **Киплингъ.** Свѣтъ погасъ.
834. **Мольеръ.** Мнимый больной.
835—836. **Франсъ.** Новый манекенъ.
837. **Андерсенъ.** Ледяница.
844. **Уайльдъ.** Преступленіе Лорда Артура Сэвиля.
849. **Бирдаумъ.** Странная исторія.

Разсказы Джека Лондона.

431. Любимцы Мидаса.
786. Лунный ликъ.
790. Богъ его отцовъ.
806. Любовь къ жизни.
812. Мужская вѣрность.
816. Когда боги смѣются.
822. Сила женщины.
825. Послѣдняя борьба.
840—843. Морской волкъ.

Русская литература.

538. **Фонвизинъ.** Недоросль. Бригадиръ.
572. Слово о полку Игоревѣ.
573. **Маркъ Криницкій.** Пошлость.
574. Пѣсни каторги. Собр. В. Гартевельдъ.
575—577. **Нарѣжный.** Бурсакъ.
578. **Богдановичъ, И. Ѳ.** Душенька.
579. **Ленскій, Д.** Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. **Мей, Л. А.** Царская невѣста.
581. **Мей, Л. А.** Псковитянка.
584. **Гусевъ-Оренбургскій.** Капитанъ Кукъ и др.
585. **Ковалевскій, К.** Жизнь-мгновеніе.
586. **Ѳ. Сологубъ.** Опечаленная невѣста.
587. **Толстой.** Отецъ Сергій.
588—589. Комическая опера XVIII в.
590. **Л. Андреевъ.** Разсказъ о семи повѣшенныхъ.

Серія карманныхъ словарей.

601—604. Французско-русскій.
605—608. Русско - французскій карманный.
Цѣна каждаго словаря 50 коп. въ переплетѣ.

Научно-популярная литература.

651. **Э. Пименова.** Наполеонъ I.
652. **Т. Богдановичъ.** Александръ I.
653—657. **Сегюръ** Походъ въ Россію.
658. **В. Пичета.** Причины Отечественной войны.
659. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. I.
660. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. II.
661. **Т. Сократора (Алабина).** Наполеонъ въ Россіи.
662. **Г. Швабъ.** Походъ аргонавтовъ.
663. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. III.
664. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. VI.
665—666. **Л. Гартманъ.** Паденіе античнаго міра.
667. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. V.
669. **Дж. Уотсонъ.** Наслѣдственность.
670—671. **В. Пичета.** Смутное время въ Московскомъ государствѣ.
672. **В. Филатовъ.** Родъ бояръ Романовыхъ.
673. **Е. Богрова.** Дмитрій I.
674. **М. Н. Коваленскій.** Московская смута XVII в.
675. **Маржеретъ.** Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 г.

Подробные каталоги высылаются безплатно.

ЦѢНА КАЖДАГО НОМЕРА 10 коп. (Двойные выпуски—20 к. Тройные выпуски—30 к. Четверные выпуски — 40 к.)

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ и у газетчиковъ.

Заказы не менѣе, чѣмъ на 1 р. 50 к. исполняются главной конторой наложеннымъ платежемъ.

Главная контора Кн-ва „ПОЛЬЗА“ В. Антикъ и К°.

Москва, Козицкій пер., д. № 42.

КНИЖНЫЙ СКЛ
СПБ., Стремянная, 6. Тел

КНИГИ, НЕОБХОД

1) **ТРУДЫ ВСЕРОССИЙ**
2) **ХАВКИНА. Библіоте**
3) **ХАВКИНА. Руководс**
4) **РУБАКИНЪ. Среди**
5) **Указатель книгъ по**
Н. А. ГРЕДЕСКУЛ
6) **А. В. МЕЗІЕРЪ. Рус**
деній русской слове
7) **Н. А. РУБАКИНЪ.**
нающіе читатели должны приступить къ нему и какъ вести его. Ц. 2 р.
8) **А. М. ЛЕБЕДЕВЪ. Въ помощь изучающимъ родную литературу.** Ц. 35 к.
9) **ДЕРУНОВЪ. Примѣрный библіотечный каталогъ.** Избранная литература по всѣмъ отраслямъ знанія. Ц. 2 р.
10) **Систематическій указатель литературы за 1911 г.** Ц. 60 к.
11) **Систематическій каталогъ книгъ, вышедшихъ въ 1910 г.** Ц. 25 к.
12) **Указатель книгъ** по учебной математической литературѣ Ц. 15 к.
13) **Обзоръ русскихъ хрестоматій,** вып. 1-й. Ц. 40 к.
14) **ВИТБЕРГЪ.** Указатель книгъ и статей по вопросамъ преподаванія исторіи русской литературы. Ц. 20 к.
15) **Каталогъ книгъ по психол., педагогикѣ, гигіенѣ, анатоміи и физіол.** Ц. 40 к.
16) **Указатель книгъ по географіи.** Ц. 45 к.
17) **Указатель книгъ по естествознанію.** Ц. 70 к.
18) **Наглядныя учебныя пособія.** Ц. 85 к.
19) **ПЕНКИНЪ.** Указатель учебныхъ руководствъ и пособій. Ц. 40 к.
20) **ЧАРНОЛУССКАЯ.** Указатель книгъ по дѣтскому чтенію, вышедш. въ 1911 г. Ц. 80 к.
21) **Каталогъ книгъ для дѣтскаго чтенія,** изд. дѣтск. библіот. Бередниковой. Ц. 65 к.
22) **Новыя книги для дѣтей** отъ 4 до 16 лѣтъ. Изд. дѣтской библіотеки Бередниковой. Ц. 60 к.
23) **Е. А. САВВИНЪ. Опытъ ежегодника дѣтской литературы.** Дѣтская литература и журналистика за 1908 г. Ц. 30 к.
24) **Е. А. САВВИНЪ. Опытъ ежегодника дѣтской литературы.** Дѣтская литература и журналистика за 1909—1910 г. Ц. 25 к.
25) **МАЛИНОВСКІЙ. Избранныя книги** изъ числа допущенныхъ Министерствомъ Нар. Просв. въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ. Ц. 25 к.
26) **СѢРОПОЛКО, С. Народныя библіотеки.** Ц. 15 к.
27) **ЛЕБЕДЕВЪ, А. И. Дѣтская и народная литература,** вып. 1-й. Ц. 55 к.
28) **ПАНОВЪ. Домашнія библіотеки.** Ц. 40 к.
29) **НЕКРАСОВА, Е. Народныя книги для чтенія,** въ ихъ 25-тилѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями. Ц. 40 к.
30) **Общее дѣло.** Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослаго населенія. Томъ I ц. 1 р. 25 к., т. II ц. 1 р. 60 к., т. III ц. 1 р. 75 к., т. IV ц. 1 р. 75 к.
31) **Библіографическій указатель популярной медицинской литературы,** вып. 1-й 45 к., 2-й 35 к.
32) **Рецензіи общедоступныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ,** вып. 1-й 50 к., вып. 2-й 70 к., вып. 3-й 40 к., вып. 4-й 30 к.
33) **Что и какъ читать дѣтямъ.** Журналъ за 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.
34) **Бюллетени литературы и жизни.** За 1911—1912 г. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.

...УЮТСЯ ПОВСЕМѢСТНО
...-СОТРУДНИКИ
...ка на опредѣленное жалованіе и %%. Подробн.
... Контора газеты „СИБИРСКІЙ ТОРГОВО-ПРО-
...ЙЙ ВѢСТНИКЪ". Почтамтская, № 14.

Открыта подписка на журналъ

ФЕЛЬДШЕРСКАЯ МЫСЛЬ.

Органъ Ростовскаго н-Д. Общества фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ, издаваемый Правленіемъ О-ва. Выходитъ 12 разъ въ годъ по слѣдующей программѣ: I. — Статьи по общественной медицинѣ, гигіенѣ, санитаріи и вопросамъ фельдшерско-акушерскаго образованія, быта и права. II. — Хроника выдающихся событій изъ жизни фельдшерско-акушерскихъ обществъ и Союза ихъ; фельдшерскіе съѣзды. III. — Обозрѣніе фельдшерской и врачебной печати. IV. — Протоколы засѣданій Правленія и Общихъ Собраній Ростовскаго-на-Дону Общества фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ: обзоръ дѣятельности этого общества. V.— Библіографія. VI.— Некрологи. VII.— Разныя извѣстія. VIII. — Объявленія. Членамъ Общества журналъ высылается безплатно, въ продажѣ цѣна отдѣльн. № 15 коп. Лица и учрежденія, желающія получать журналъ по предварительной подпискѣ, уплачиваютъ ОДИНЪ рубль въ годъ. ПОДПИСКА принимается въ Правленіи Общест. Ростовъ н-Д., вокзалъ, пріемн. покой Влад. ж. д. Редакторъ Г. П. Задера.

Библіографическія извѣстія

періодическій органъ. Открыта подписка на 1913 г. Русскаго библіографическаго общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Журналъ ставитъ своей задачей оповѣщеніе членовъ Библіографическаго Общества при Московскомъ Университетѣ о всѣхъ выдающихся фактахъ изъ жизни Общества. Кромѣ того, будутъ помѣщаться какъ спеціальные труды по библіографіи (теоретическія изслѣдованія, систематическіе обзоры и пр.), такъ равно и хроника библіографической жизни (русской и заграничной). Статьи и замѣтки иного содержанія не принимаются. Журналъ выходитъ съ 1913 года по два №№ въ каждомъ полугодіи (приблизительно въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ, декабрѣ) размѣромъ не менѣе 3 печатн. листовъ.

Цѣна — 3 рубля въ годъ, для дѣйствительныхъ членовъ Общества — безплатно. Адресъ: Москва, Моховая, 11, Старое зданіе Университета. Библіографическое Общество. Личные переговоры по понедѣльникамъ отъ 7 до 8 час. вечера.

Секретарь Общества *Б. Боднарскій.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журналъ

„ЖИВОЕ СЛОВО"

52 №№ иллюстр. журнала. **6** кн. **ДЖЕКА ЛОНДОНА.**
20 кн. худ. произв. **Л. Н. ТОЛСТОГО.** **1** худож. портр. **Л. Н. ТОЛСТОГО.**

1 ст. календ. **въ 8 красокъ.**

На годъ **5** р., на ½ г. **3** р.

Москва, Леонтьевскій, 26. Пробный № высылается за 7 коп. марку.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 88-60 и 1-31-34.

GK 7360

AP
50
B54
g.4,no.14-17

Biulleteni literatury i zhizni.
g. 4, no. 14-17

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED